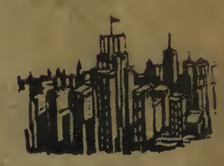
Лицом

к лицу

с Америкой

Миру - мир!

...СЕОБЩЕЕ И ПОЛНОЕ РАЗОРУЖЕНИЕ ВСЕХ ГОСУДАРСТВ!

ПРАВДА

Выступление Н. С. ХРУЩЕВА

ТРУД

Для тебя, для твоего блага

ХОЛОДНУЮ ВОЙНУ ОБЪЯВИТЬ ВНЕ ЗАКОНА!

Выступление Н. С. Хрущева

The Evening Star — Night Final — Sports

...esident Greets Khrushchev; 200,000 Line Parade Route

Huge Crowd Sees First Soviet Chief Ever to Visit U.S.

Congress Passes Foreign Aid Bill, Adjourns at Dawn

Н. С. ХРУЩЕВ: ЛЕД ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ УЖЕ НЕ ТОЛЬКО ДАЛ ТРЕЩИНУ, НО И НАЧАЛ КРОШИТЬСЯ

ИЗВЕСТИЯ

НАДЕЖДА МИЛЛИОНОВ

ПОЕЗДКА ПО США НАЧАЛАСЬ

Речь Н. С. Хрущева

What Nikita Told A...

Sun-Telegraph

2 PAGES OF K PHOTOS

A Beaming K... Sees the City

CHICAGO SUN-TIMES

...rushchev Bombshell: ...bolish Armies, Navies, War Staffs In Four Years

High Level Greetings

Few Applaud As Car Passes

...СССР И США МОГУТ И ДОЛЖНЫ ЖИТЬ В МИРЕ И ДРУЖБЕ

Встречи на американской земле

Пребывание Н. С. Хрущева в США

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА

Ответы Н. С. ХРУЩЕВА

РАДЯНСЬКА УКРАЇНА

ЛЮДСТВО З НАДІЄЮ ЧЕКАЄ ПОВНОГО РОЗЗБРОЄННЯ

Америка приветствует высокого гостя

Казахстанская ПРАВДА

ILWU Cheers Niki... During Surprise V...

...n Diego Union — HOME EDITION

Khrushchev Proposes Full Disarmament Plan

The News

ЗДРАВСТВУЙТЕ ГОСПОДИН ХРУЩЕВ

QUIET 200,000 SEE K. COME TO TOWN

Drops Giants to Third

San Francisco Chronicle FINAL

'K' HERE • CHEERED

10 000 Crowd Nob Hill To Welcome Khrushchev

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

СЧАСТЛИВОГО ПУТИ И УСПЕХА!

ПУСТЬ РАСТАЕТ ЛЕД «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»!

Предложение Советского Союза: ВСЕОБЩЕЕ И ПОЛНОЕ РАЗОРУЖЕНИЕ

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ДРУЖБА МЕЖДУ ВСЕМИ НАРОДАМИ МИРА!

The New York Times.

KHRUSHCHEV ON HIS WAY TO U.S. TO BEGIN TWO-WEEK TOUR TODAY; BRINGING MEMENTO OF MOON SHOT

СЕРДЕЧНАЯ ВСТРЕЧА

Речь Н. С. Хрущева

IOWA STATE DAILY

Обращение к господину Хрущеву

(To Mr. Khrushchev)

S.F. Puts Crush on K

Khrushchev Jovial Tourist

Even on Bay, a Crowd

Pittsburgh Post-Gazette

KHRUSHCHEV PLEASES CROWDS HERE, AGAIN CALLS FOR PEACE

Большое спасибо Вам, Никита Сергеевич!

ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА

Государственное
издательство
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1960

Лицом

Рассказ о поездке
Н. С. ХРУЩЕВА
в США

к лицу

15—27 сентября 1959 года

с Америкой

Эту книгу написали:

А. АДЖУБЕЙ
Н. ГРИБАЧЕВ
Г. ЖУКОВ
Л. ИЛЬИЧЕВ
В. ЛЕБЕДЕВ
Е. ЛИТОШКО
В. МАТВЕЕВ
В. ОРЛОВ
П. САТЮКОВ
О. ТРОЯНОВСКИЙ
А. ШЕВЧЕНКО
Г. ШУЙСКИЙ

Редакторы:
М. ХАРЛАМОВ и *О. ВАДЕЕВ*

Художники:
Н. СИМАГИН и *А. ЖИТОМИРСКИЙ*

В книге помещены фотографии:
А. Гаранина, В. Егорова, Г. Жукова, В. Лебедева,
А. Новикова, А. Устинова, Е. Халипа.
Использованы также фотографии
из американских журналов «Ньюсуик», «Лайф»,
«Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт»
и французского агентства «Дальмас».

ОТ АВТОРОВ

Визит главы Советского правительства Никнты Сергеевича Хрущева в Соединенные Штаты Америки с миссией мира н дружбы — выдающееся историческое событие. О его значении очень много писала вся мировая пресса в днн визита, продолжает писать сейчас н еще больше напишет в будущем.

Возможно, время унесет некоторые детали, память не сохранит отдельные эпизоды. Но ничто не сотрет из памятн миллионов людей главное, основное. Как бы ни развнвались международные отношення в дальнейшем, какой бы характер ни приняли советско-американскне отношення, триумфальная поездка главы Советского правнтельства в Соединенные Штаты оставит глубочайший след, наложит отпечаток на все международные событня.

Трннадцать дней сентября 1959 года войдут в нсторию как памятные днн.

Окидывая взглядом международные отношения прошлого, можно вспомнить немало визитов государственных деятелей одних стран в другие. Некоторые нз них оказывали то или нное влияние на событня международной жнзнн, приводилн либо к улучшению, лнбо к ухудшению отношений между государствами. Но визнт главы правительства самой мощной социалистической державы в Соединенные Штаты Амернкн, самую мощную капнталистическую страну, не имеет прецедента в истории.

Сейчас, когда мы вновь аналнзируем факты, вспомнинаем день за днем обстоятельства, в которых протекала

поездка Н. С. Хрущева по США, изучаем заявления государственных и политических деятелей зарубежных стран, выступления мировой печати, мы с еще большей отчетливостью понимаем, что произошло такое событие, которое окажет громадное благотворное влияние на движение народов за мир на земле, за социальный прогресс.

Нам, группе советских писателей и журналистов, посчастливилось сопровождать главу Советского правительства в его поездке по Соединенным Штатам Америки. Мы были непосредственными очевидцами встреч Н. С. Хрущева с государственными деятелями, сенаторами, профсоюзными лидерами, представителями деловых кругов и простыми американцами. Мы наблюдали картины задушевных бесед с рабочими и острой идейной полемики с бизнесменами. Мы вели записи всех событий, беседовали с рядовыми американцами, изучали материалы о США и так называемый американский образ жизни, собирали факты, делали выводы.

Для нас было непременным правилом — стоять на почве фактов. Мы не сходили с этой почвы.

Когда мы приступили к рассказу о волнующих, незабываемых днях пребывания Н. С. Хрущева в США, нам пришлось столкнуться с таким обилием материалов, что возникла серьезная трудность: какие из них включить в книгу, а какие нет. Таким образом, мы не испытывали недостатка в фактических данных. Мы заботились лишь о том, чтобы не упустить из поля зрения ни одного такого факта и штриха, которые, будь они даже на первый взгляд незначительными, могли бы помочь отразить величие и правду событий.

Мы хорошо понимали: каждый день, проведенный главой Советского правительства в США, неповторим и богат такими событиями, каждое из которых, если его описать более или менее подробно, составит большую главу большой книги.

И вот теперь книга написана. Нужно ли определять ее жанр? Пусть читатель определит сам. Мы стремились придать изложению волнующих событий и замечательных фактов форму живого рассказа. Читатель найдет в книге некоторые отступления, точнее — более подробное объяснение некоторых вопросов. Мы говорим о среднем американце, о печати и телевидении, об американских профсоюзах, о космических ракетах и проблемах между-

народных отношений, о киноискусстве, о рабочем движении в США и т. д. Если это, на наш взгляд, облегчало понимание того или иного явления, мы делали небольшие экскурсы в прошлое.

Книга названа «Лицом к лицу с Америкой». Такое название, как нам представляется, точно отражает то, что произошло. Разбуженная Америка встречала, слушала, узнавала. Мы пишем о том, как это было, пишем с позиций советских писателей и журналистов. Мы, так же как все советские люди, находившиеся в США в дни визита, были очень взволнованы, испытывали большую радость и гордость за величие Советской Родины, нашей коммунистической идеологии, за ее гуманизм. Мы были счастливы наблюдать, видеть, слышать, с каким покоряющим мастерством, силой убеждения и верой в его величество рабочий класс представитель советского народа Никита Сергеевич Хрущев говорил американскому народу и всему миру о великой, неодолимой силе марксизма-ленинизма, коммунистических идеалах, исторических победах советских людей в строительстве нового общества.

Недавно вышла в свет замечательная книга «Жить в мире и дружбе!», в которой собраны выступления Н. С. Хрущева и другие материалы, связанные с его визитом в Соединенные Штаты. Совершенно неповторима и ярка история этой книги. Она написана не в кабинетной тиши, не в ходе отвлеченных размышлений о жизни. Местом ее рождения, если так можно выразиться, явилось «поле битвы». Ее волнующие страницы создавались в напряженной борьбе за победу правды и разума, за торжество принципов мирного сосуществования, великих идей коммунизма.

Читатели найдут в книге «Лицом к лицу с Америкой» многие неизвестные им высказывания Н. С. Хрущева, сделанные во время поездки, но не вошедшие в газетные отчеты. Теперь опубликованы почти все речи, беседы, замечания, многие реплики Н. С. Хрущева в Америке. Своей неутомимой и кипучей деятельностью, всесторонней популяризацией успехов коммунистического строительства в нашей стране Н. С. Хрущев еще более возвысил социалистическую Родину, во всем величии раскрыл и прославил гений нашего героического народа — народа-созидателя, строителя коммунизма.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НАКАНУНЕ ВИЗИТА

ДВА ПУТИ — ДВА РЕЗУЛЬТАТА

Каким же образом «коммунист номер один», как называла Н. С. Хрущева американская пресса, стал почетным гостем Америки?

«Кто бы счел возможным еще несколько лет тому назад, что лидера правительства и Коммунистической партии Советского Союза пригласят и будут принимать с королевскими почестями в государстве, которое является цитаделью мирового капитализма, которое последним признало Советский Союз и которое все эти годы возглавляло антикоммунизм?» — спрашивала французская газета «Либерасьон».

Лидер правительства и Коммунистической партии Советского Союза — Н. С. Хрущев.

Цитадель капитализма и антикоммунизма — США.

Некоторые не особенно проницательные иностранные обозреватели склонны связывать начало событий с приездом в Москву американского вице-президента. Но он не был ни машинистом, ни стрелочником, направлявшим экспресс. Для того чтобы понять подлинную сущность происшедшего, надо оглянуться далеко назад, на всю громаду уже отшумевших событий, определявших движение и динамику международной жизни последних десятилетий. Акт приглашения Н. С. Хрущева в США — это не следствие христианской любви к ближнему, а результат необходимости, перед которой была поставлена

современная Америка. И необходимость эта не свалилась, как снежный ком с горы.

История международной политики уходит в туман седой древности: по всей вероятности, даже первый пограничный камень или столб был не первым ее деянием. Историю можно изложить пространно и со многими подробностями, но в силу ее грандиозности никогда — всю и во всех подробностях. Однако, как всякая форма человеческой деятельности, международная политика имеет свои эпохи и периоды, свои крутые повороты, на которых старое вылетало в кювет, а новое искало кратчайших и ясных путей к лучшему.

Новая эпоха международной жизни начинается с появления на нашей планете первого социалистического государства — Советского Союза. Великий Октябрь явился поворотным пунктом в развитии всемирной истории, началом новой эры. Это был социальный катаклизм, необратимо сместивший межгосударственные отношения. Это была взрывная волна, пробившая гигантскую брешь в мировой системе капитализма, в ее философии, идеологии, практике, политике и дипломатии. Создался новый полюс магнитного притяжения для умов и душ, родилась мощная сила тяготения, под влиянием которой менялись орбиты движения всех без исключения государств. Одним из результатов новой обстановки было то, что, как бы ни складывались отношения между самими капиталистическими государствами — от показного взаимолобызания в Лиге наций и до войны против гитлеровской Германии,— главное острие западной политики теперь направлялось против Советского Союза и его интересов. Он был как бы высокой вершиной — на нее ориентировался путник, но в нее били и молнии всех гроз.

В первооснове капиталистической политики лежит, мягко выражаясь, экономический эгоизм, подкрашенный суесловием о национальном достоинстве и патриотизме.

Захватить любым способом, взять побольше, а отдать поменьше — вот привычная тактика капиталистических государств. Это и есть корень того древа, на котором столь пышно произрастали международные заговоры, крестовые походы, неравноправные договоры, колониализм, кровавая раскройка и перекройка терри-

ториальных владений, поиски «жизненного пространства», макиавелизм и талейранизм, кайзеры и гитлеры. Капиталистическая дипломатия употребляла слова для маскировки мысли и дела, выдавала грабеж за помощь, политический и экономический капкан — за жертвенник свободы.

В. И. Ленин писал, что «старый мир имеет свою старую дипломатию, которая не может поверить, что можно говорить прямо и открыто».

Появление на международной арене Советского Союза, не ликвидировав, а обострив противоречия между капиталистическими государствами, сблизило их в одном — в ненависти к первой на земле социалистической стране. Они могли расходиться в методах, но не в цели, и теперь каждая первая пуля Запада летела в нашу сторону. Так было не только во времена похода четырнадцати держав-интервентов против еще молодой республики Советов, есть факты поближе. Так, например, затягивая открытие второго фронта в Европе во время общей борьбы с гитлеризмом, некоторые ныне здравствующие деятели Запада прямо делали ставку на истощение не только Германии, но и Советского Союза, чтобы затем продиктовать ему свои условия. Между прочим, эту концепцию «третьего радующегося» развивал и Гарри Трумэн, в то время сенатор США. Теперь он ратует за палочные наказания и капральскую дисциплину в школах, и, кажется, это ему больше подходит по знаниям и таланту.

Но многие политики западных держав родились с одним существенным дефектом: они предпочитали реальности — иллюзии и мыслям — домыслы, пытались двигаться вперед с глазами на затылке. Позорный мюнхенский сговор не спас их от гитлеровского прыжка на Париж. Не сумев откупиться от Гитлера согласием на агрессию против СССР, им пришлось искать союза с Москвой. Циничные расчеты на истощение Советского Союза также оказались писанными вилами на воде. Именно Советский Союз стал решающей силой, сломавшей хребет германскому фашизму. В сроки, которые считались фантастическими, советский народ устранил последствия войны и явил человечеству расцвет экономики, культуры, науки, спутники, лунники, семилетку. Мир капитализма сократился, как шагреневая кожа в романе

Онорэ де Бальзака, а мир социализма возмужал и разросся, охватив треть человечества иа огромиых просторах Европы и Азии, и расправил плечи для творчества и созидаиия.

К иастоящему времеии Советский Союз вместе с другими страиами, образующими социалистический лагерь, располагает всем тем, что имеет решающее значение для будущего: высшие в мире темпы экоиомического развития, самую цельиую, самую передовую и действеииую, коммуиистическую философию и идеологию, самую динамичную и миролюбивую международную политику. Общепризиано, что, создав разветвлеииую и общедоступную систему образоваиия, Советский Союз стаиовится самой просвещениой страиой. А тот факт, что мы ежегодио выпускаем в три раза больше иижеиеров, чем Соедииеииые Штаты Америки, гарантирует высшую эиергию техиического развития.

Мы пришли к этому трудиым путем, через револьвериый лай и пушечиый рев, через все формы противодействия, которые мог изобрести и пустить в дело капиталистический мир, иаперекор каркаиью маловеров, вопреки всем пророчествам буржуазиых идеологов и пропагаидистов. Ни одии государствеиный корабль ие выдерживал столько бурь и штормов в открытом океаие, как иаш. Но у нас был и есть иадежиый компас — марксистско-лениниское учеиие, мудрый рулевой — Коммуиистическая партия и бесстрашиый, сплочеииый едиимством веры и цели советский иарод. Теперь мы идем по курсу, проложеииому XXI съездом партии, и в виду коммуиистического берега мы сигиалим с иашего атомиого корабля капиталистическому тихоходу, что мы обгоиим его. Волиы нашего движеиия кипят под его бортами.

И это ие угроза и не самолюбоваиие. Это просто указание иа факт.

Его уже ие могут не заметить и ие оцеиить сами капитаиы и штурвальиые Америки. Геири Кэбот Лодж, сопровождавший Н. С. Хрущева по США в качестве представителя Президеита, сказал, что коммуиисты — это «люди, которые иесут определениые обязательства, которые всестороине организоваиы, работают и учатся деиь и ночь, чтобы обеспечить победу своего дела во всем мире». Спрашивая, иайдется ли в Америке такое же количество самоотверженно работающих людей, Геири

Кэбот Лодж пытается тем самым подкинуть топлива в топки своего корабля, поднять пары капитализма для сохранения исторической дистанции.

Что ж, капитализм еще не изработал всей своей энергии, но социалистическая скорость ему не под силу! Американцы уже не заслоняются, как монах иконой, витринами своих магазинов от критики американского образа жизни, они начинают прозревать. Президент США Дуайт Эйзенхауэр сказал недавно: «Для подлинного историка тенденции важнее, чем записанные действия того или иного периода. Изучение событий последнего полувека показывает, что действуют неодолимые силы, порождающие тенденции, которые будут существовать в течение ряда десятилетий и сила которых будет неуклонно нарастать».

Что верно, то верно.

Представляет интерес статья французского журналиста Жака Гаскюэля в бюллетене «Перспектив экономик». Гаскюэль, судя по всему, любит коммунизм не более, чем полосатый кит виды с вершины Эльбруса. Однако, исследуя значение Лунника-2 и американские результаты в области изучения космоса, Гаскюэль высоко оценивает советские достижения и пишет, что «эти подвиги, равно как и технический прогресс в области металлургии, химии и электроники, неопровержимо доказывают превосходство одной системы над другой с точки зрения эффективности. Люди сто́ят друг друга, материальные богатства и средства, которыми располагают Соединенные Штаты, превышают материальные богатства и средства их конкурентов. Следовательно, все дело именно в системе...» Знаменательно окончание этой статьи: «Соревнование между свободным миром и советским миром будет очень тяжелым. Оно, очевидно, будет становиться все более тяжелым, и можно не сомневаться в том, что если свободный мир не пересмотрит полностью свою экономическую и социальную структуру, не заменит ради всеобщего блага нынешние столкновения согласованием интересов, то нет никаких шансов на то, чтобы победить или даже выжить».

Не станем уточнять, что имеет в виду Гаскюэль, именуя капитализм «свободным миром». Он ясно говорит о мрачных перспективах для мира эксплуатации и социального неравенства. Что значит хотя бы его заявление

о необходимости для капиталистического мира пересмотреть полностью «свою экономическую и социальную структуру»?

Это значит перестать быть капитализмом.

А чем быть?

МИР И СПУТНИКИ

Что, в сущности, общего между Джоном Фостером Даллесом и искусственным спутником Земли? На первый взгляд ровно ничего, кроме того разве, что первый спутник, выполнив программу исследований, сгорел, а Даллес, пытавшийся в «холодной войне» выиграть у Советского Союза ферзя за пешку, умер, загнав свою политику в тупик. Но в истории бывают удивительные совмещения.

Орбиты первого советского спутника и американской политики, которую проводил Даллес, пересеклись триумфально для спутника и весьма плачевно для Даллеса. Маркис Чайлдс, американский журналист, в своей книге об Эйзенхауэре писал: «Все возрастающая негибкость политики Даллеса была очевидной... Иногда обиняками, иногда с изумительной откровенностью государственный секретарь выражал свое убеждение в том, что если мы будем крепко держаться за наше «массированное сдерживающее средство» — стратегическую авиацию с ее водородными бомбами, то коммунистическая империя несомненно рухнет под тяжестью своих собственных внутренних противоречий. Поскольку должно прийти время, когда коммунистические руководители уступят, то никакие, даже малейшие, уступки или хотя бы переговоры, подразумевающие уступки с нашей стороны, не нужны».

Начало такой политики относится к тем годам, когда Америка стала особенно любовно нянчить атомную бомбу, рассчитывая на свою долголетнюю атомную монополию. Именно тогда, в атмосфере головокружения от успехов, родилась политика «с позиции силы», был сконструирован дипломатический рефрижератор, из которого на международную арену полетели снежные бури и поползли ледники «холодной войны». Основным инструментом международной политики США стала «дипломатия

атомиой дубиики». Еще предшествеииики Даллеса довольио откровеиио поговаривали не только о «сдерживании коммуиизма» и «отбрасывании коммуиизма» в пределы Советского Союза, ио и о военном разгроме СССР. В прессе США то и дело публиковались карты с указанием радиусов действия америкаиских бомбардировщиков; эти радиусы упирались в Москву с запада и в Иркутск с востока. Тогда же вышел сеисациоиный иомер ныие покойного журиала «Кольерс», в котором иезадачливые американские мальбруки со смакованием подробностей описывали представлявшийся им в мечтах разгром и оккупацию СССР в 1960 году.

Вокруг СССР стала создаваться сеть воеииых баз.

Родились НАТО и Багдадский пакт.

Капиталистический мир попытался испробовать силу своего оружия в Корее и Вьетнаме.

В Оргаиизации Объедииеииых Наций иа полиый ход была запущена «машина голосования» и сколочен аитисоциалистический, аитисоветский блок.

Наиболее воииствеииые круги США опустили «железный заиавес», за которым распоясывался маккартизм; пресса и аитикоммуиистическая пропагаида сеяли ложь, клевету, дезииформацию в отиошеиии Советского Союза и страи иародиой демократии. Дело дошло до того, что даже слово «мир» бралось под подозреиие и считалось чуть ли ие коммуиистической агитацией.

Дискриминация закупорила артерии международиой торговли.

Некоторые американцы, и отиюдь ие из числа лифтеров и уборщиков Капитолия, привлекали господа бога в свидетели того, что США призваны руководить миром. Это не было шуткой за стакаиом виски со льдом, и бывший президеит США Гарри Трумэи, представляя мир чем-то вроде куплеииого в рассрочку фордовского автомобиля, уже готовился сесть за руль мирового руководства.

А иам в то время приходилось нелегко. Но, упрямо сжав зубы, советские люди разбирали обломки разбитых бомбами и сиарядами зданий, возводили срубы иа пепелище, строили иовые заводы, бессонными ночами штурмовали тайны атома и рассчитывали космические орбиты, мечтали и творили. У США уже была атомная бомба. У нас была великая цель, вера, единство. У иас был

социализм. Родилась мировая социалистическая система.

Что победит?

Победил социализм.

Пришло время — и в Советском Союзе была испытана атомная бомба.

На восемь месяцев раньше, чем в США, у нас была создана водородная бомба.

Вскоре в Советском Союзе была запущена первая в мире межконтинентальная баллистическая ракета.

Вступила в строй первая на земле советская атомная электростанция.

Кое-кто на Западе, привыкнув к стандартам капиталистического мышления, пророчествовал: Советский Союз перехватил у США позицию военной мощи и перейдет к политике диктата. А Советский Союз, руководствуясь идеалами коммунистического гуманизма, возглавил борьбу за мир. Некоторые политические недоросли Запада, понимая в человеколюбии не больше, чем воробей в драгоценностях, приняли это за слабость, самоутешались: значит, у коммунистов не все гладко.

Но нельзя строить небоскреб на фундаменте иллюзий.

4 октября 1957 года взлетел первый советский спутник. Он не только зримо прочертил американский небосвод от Атлантического до Тихого океана, но, хотя и не был для того предназначен, перечеркнул политику «с позиции силы», протер некоторым не в меру воинственным политикам глаза, затуманенные антисоветской пропагандой. «Скоро вечерней или утренней звездой Соединенных Штатов будет красная звезда, сделанная в Москве»,— горько иронизировала тогда газета «Нью-Йорк таймс».

Сенатор Джексон назвал запуск спутника «опустошительным ударом по престижу Соединенных Штатов как лидера в научном и техническом мире».

Руководитель американского института физики Эмнер Хатчисон, отметив высокий авторитет, которым пользуются в Советском Союзе учителя и научные работники, заявил: «...молодежь нашей страны надо учить, чтобы она осознала важность науки, иначе американский образ жизни будет отметен назад».

«Я не знаю ни одного события со времени русской революции 1917 года, которое настолько изменило бы к

худшему безопасность и позиции нашей страны»,— сокрушался бывший министр авиации США Финлеттер.

Маркис Чайлдс писал: «Потрясение, которое испытал американский народ, характеризовалось в то время как второй Пирл-Харбор».

Это была первая стадия — стадия уныния и переполоха.

Затем начался анализ.

Он привел к выводам, которые еще более потрясли Америку.

Спутником занялись американские военные. Его запуск подтверждал наличие у Советского Союза межконтинентальной баллистической ракеты и рушил все стратегические концепции, вырабатывавшиеся годами. Карты с радиусами действия авиации потеряли свой прежний смысл. США в случае войны перестали быть неуязвимыми. Система радиолокационных станций и аэродромов для истребителей-перехватчиков, стоившая миллиарды долларов, утрачивала свое значение — ракету не перехватишь и не остановишь. Военные базы и авианосцы становились лишь удобной мишенью. Война в ближайшей перспективе обретала глобальный характер. При термоядерном оружии это сулило катастрофу.

Экономистам спутник открыл глаза на гигантские успехи промышленности и сельского хозяйства Советского Союза. «Мы ощущаем на своем затылке дыхание русских»,— писали американские газеты. «Мы должны признать растущие способности Советского Союза в экономической области...— заявлял Президент Эйзенхауэр в послании конгрессу.— Вызов в этой области нельзя игнорировать без самого серьезного риска для нашего образа жизни... Вопрос заключается в том, сумеет ли наша система свободной конкуренции, отстаиваемая нами, успешно принять на международной арене вызов, брошенный советскими лидерами».

Ученые западного мира по достоинству оценили масштабы советского просвещения и научных исследований, оценили и позавидовали их темпам и целеустремленности. Общественность Америки поняла, что ее слишком долго ловили на пропагандистской мякине, и потребовала объективных сведений о Советском Союзе.

Американская пропаганда начала подрываться на собственных минах.

Одновременно на Запад стало все больше проникать сведений об огромных успехах стран народной демократии. Жизнь поставила империалистов перед фактом: социалистический лагерь превратился в мощную мировую систему с процветающей экономикой и динамической политикой.

Симпатии народов Африки и Азии, ставших на путь национального освобождения и самостоятельного экономического развития, все более перемещались в сторону Москвы и лагеря социализма, потому что именно здесь они могли найти взаимопонимание и получить настоящую помощь. К каждому куску хлеба, который просили у него голодающие районы мира, капитализм в качестве обязательного довеска навязывал штык, танк, военную базу. Социализм неизменно исходил из солидарности трудящихся и оказывал бескорыстную помощь.

Пытаясь упаковать обширные районы Азии и Африки в контейнеры агрессивных пактов, привязывая интересы борющихся народов к интересам своей агрессивной политики, империалисты хотели сохранить эти районы как свой резерв. Но великий стрелочник — история — направил события вовсе не по тому пути. Огромные районы Азии и Африки стали не резервом империализма, а все более крепнущей силой на стороне подлинной свободы и мира.

Мечта правящих кругов США посидеть за рулем мирового руководства растаяла — руки, протянутые к нему, повисли в воздухе.

Новые идеи и новые тенденции одерживали историческую победу.

Джон Фостер Даллес, который после Дина Ачесона стал в оглобли политики «с позиции силы», все еще тащил свой воз, но это уже теряло практический смысл, так как для такой политики у Запада вообще и у США в частности не хватало самого существенного — реальной силы. Сам Даллес признавал: ««Политика сдерживания», по существу, не сдержала советский коммунизм. Что она сдержала, так это распространение морального влияния американской нации». Накануне своей смерти даже этот самый фанатичный оруженосец современного империализма начинал мало-помалу понимать, что в международной жизни произошли глубинные сдвиги и многие концепции Запада превратились в мертвые догмы.

В целях воспитания американского патриотизма, который слишком часто становился синонимом национальной исключительности и спеси, пропаганда пользовалась формулой «Мы самые умные, самые сильные, самые богатые». Теперь от этой формулы осталась только одна последняя треть, и то временно.

Даже видные американские журналисты жаловались: «Нам говорили, что эти люди — крестьяне, варвары, способные продвигаться вперед только с помощью украденных секретов, а теперь они первыми сделали гигантский шаг за пределы Земли...» Чувство утраты американского превосходства как нельзя лучше отражалось в призывах: «Мы должны догнать Советский Союз в научном, техническом и технологическом отношении, чтобы доказать жизненность системы свободного предпринимательства». Это означало, что капитализм дрогнул, растерялся, ощутил чувство собственной неполноценности и должен был оправдываться перед лицом передовой мысли человечества. Ему захотелось сменить вывеску, называться «народным капитализмом», «экономическим гуманизмом» и даже, как предлагает издатель американского журнала «Мэгэзин оф Уолл-стрит» Уикофф, ни более, ни менее, как... «социализмом».

Но гроб на дубовых ножках не станет летать от того, что его назовут самолетом.

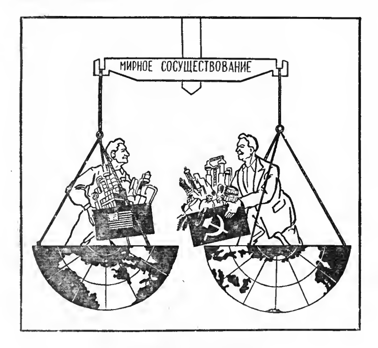
Американцы впоследствии, после многих неудачных экспериментов, также запустили несколько, правда очень небольших, спутников, но это уже ничего не меняло. Два советских лунника подтвердили, что разрыв не сокращался, а увеличивался.

Таким образом, на рубеже шестидесятых годов нашего столетия произошли великие события, которыми начинается новый этап истории.

Советский Союз, все социалистические страны в результате ошеломляющих успехов в экономике, политике, технике и науке выросли в мировую систему, обладающую не меньшим могуществом, чем вся капиталистическая система, и неизмеримо большей энергией развития. Советская страна первой повела человечество на штурм космоса.

Разговоры о «разгроме коммунизма» и «отбрасывании коммунизма» превратились в чистую утопию, в пу-

стое времяпровождение для филистеров. Лишь насмешливую улыбку могли теперь вызвать басни о «внутренних противоречиях», под бременем которых якобы должен был рухнуть Советский Союз. Война становится анахронизмом, так как капитализм может в ней все потерять, но не может ничего приобрести. Социализму не нужна война. В силу своей природы социализм никогда не собирался и не собирается экспортировать свои идеи на штыках.

Торговать, а не воевать!

Рис. Ю. Кершина из газеты «Советская Россия»

Мирное сосуществование государств с различным общественным строем, о котором говорил еще В. И. Ленин, стало единственно возможной формой существования, стало реальным фактом.

КАЖДЫЙ ДЕЛАЕТ ШАГ НАВСТРЕЧУ

Н. С. Хрущев, изумляющий мир своей энергией, кипучей деятельностью и творческим подходом к любой проблеме, не однажды в своих речах обосновывал тезис о возможности и необходимости мирного сосуществования в качестве краеугольного камня современной международной жизни. Глубоко понимая современный мировой процесс, Н. С. Хрущев на посту Председателя Совета Министров СССР и Первого секретаря ЦК КПСС настойчиво проводит ленинский курс на мирное урегулирование спорных и назревших международных вопросов, на мирное сосуществование стран с различным социальным строем, на необходимость и полезность встреч на высшем уровне и совещания в верхах. Миролюбивая советская политика приобрела воистину глобальный масштаб, невиданный международный вес и авторитет, огромную активность и действенность. Она, питаемая миллионами свежих источников, как вешняя вода, ломала слежавшийся лед старых международных отношений.

Предложение об обмене визитами со стороны США подтвердило дальновидность советской внешней политики и было ее крупным успехом. Это было также крупным успехом партийной и государственной деятельности Н. С. Хрущева, в котором Запад увидел политическую прозорливость, энергию и твердость в достижении цели. В этом отношении любопытен опрос общественного мнения в Англии. Там были разосланы анкеты с вопросом: «Кто бы мог возглавить мировое правительство, если бы такое правительство было возможно сформировать?» Большинство опрошенных назвало Н. С. Хрущева.

Разумеется, «мировое правительство» в современных условиях — это утопия, но результаты общественного опроса — политическая реальность, неопровержимое свидетельство популярности главы Советского правительства. Такой же результат был получен и американским институтом Гэллапа, который опросил различных людей по всей стране, каков, по их мнению, Н. С. Хрущев. Как сообщил институт, многие американцы проявили «невольное восхищение» Н. С. Хрущевым, называя его «умным», «проницательным», «уверенным в себе», «общи-

тельным», «веселым» и прежде всего «умеющим рекламировать Россию, коммунизм». Вполне естественно, что американцы употребляют привычную для них терминологию, но весьма знаменательно, что усилия американской прессы, долгие годы сочинявшей небылицы о советских руководителях, дали столь неожиданный эффект в общественном мнении.

Общественность всех стран, многомиллионный лагерь сторонников мира, народы социалистических стран уже давно выдвинули такую формулу отношений между социалистическим миром и капиталистическим миром, которая может быть выражена краткой фразой: «Каждый должен сделать шаг навстречу». Поскольку лидеры Запада начинают понимать, что они не могут теперь рассчитывать на политику «с позиции силы», то переговоры на высшем уровне оказались предрешенными.

Но внезапно разбуженный от сладкого сна не сразу осознает действительное положение, пытается натягивать одеяло на голову.

Американская сторона оказалась в двойственном положении. Падение Маккарти и затухание маккартизма — этой политической инквизиции на базе антикоммунизма, крушение даллесовского «жесткого курса», требования со стороны некоторых влиятельных деловых и политических кругов положительных международных акций, поворот американского общественного мнения к идее сосуществования с Советским Союзом, ориентировка на переговоры в верхах, которой все отчетливее придерживалась Англия после поездки Г. Макмиллана в СССР,— все это развязывало Президенту Д. Эйзенхауэру руки для формирования новой политики, отвечающей современному соотношению сил на мировой арене. С другой стороны, внутриамериканские противоречия, маневры влиятельных дельцов из монополий, занятых производством оружия и потому прямо заинтересованных в продолжении «холодной войны», оппозиция боннских реваншистов устилали путь к переговорам лимонными корками, на которых американская политика боялась поскользнуться.

Поэтому для начала был предпочтен путь зондажа.

В Советский Союз участились визиты многочисленных дельцов под видом туристов. Совершили поездку в СССР и такие влиятельные лица, как Эрик Джонстон,

Эдлай Стивенсон, Сайрус Итон, Аверелл Гарриман и Ричард Никсон. Одни, как Сайрус Итон, находили здесь подтверждение своим взглядам и выводам, сделанным раньше; другие, как Аверелл Гарриман, убеждались, что действительность превосходит их старые представления и предположения; третьи, как Ричард Никсон, с огорчением для себя констатировали, что могущество Советского Союза и новое соотношение мировых сил не сон, а явь и, следовательно, пора вылезать из-под одеяла, пора смотреть в лицо действительности.

Президент Эйзенхауэр создал комиссию для исследования реальности и осуществимости советской семилетки. Комиссия, закончив работу, доложила, что семилетка осуществима и что перспектива обогнать Америку для Советского Союза реальна.

Американские газетные комментаторы в последние годы, как мухи на дерьмо, бросались на особенно излюбленную тему — недостатки в советском сельском хозяйстве. Решительные меры, принятые ЦК КПСС и лично Н. С. Хрущевым, выбили и этот козырь из рук американской пропаганды и лишили оруженосцев «холодной войны» надежд, что советская внутренняя политика завязнет в черноземной борозде.

Первые ласточки культурного обмена — гастроли в США ансамбля под руководством Игоря Моисеева, ансамбля «Березка», балета Большого театра — развеяли в американском народе миф о «принудительном» труде в СССР.

Даже тупейшему из бизнесменов становилось ясно, что такие шедевры мирового искусства могут создаваться только людьми, окрыленными высшей свободой. Выставка в Нью-Йорке показала, что советские люди умеют делать все, что делают американцы, и многое даже совершеннее и лучше.

Совокупность всех этих факторов, от больших до малых, сломала последние рогатки на пути контактов Москва — Вашингтон.

Президент США Дуайт Эйзенхауэр в сложных для него условиях проявил мужество и прозорливость.

Последовало приглашение Н. С. Хрущева в Америку.

Мир встретил это известие вздохом облегчения и надежды. У боссов «холодной войны» защемило под ложечкой: они поняли, что ходят по растрескавшемуся

льду, и, чтобы не пойти на дно перед лицом общественного мнения, оказались вынужденными маневрировать.

Даже буржуазная печать признавала, что человечество вступает в пору обнадеживающего поворота, что тучи, затянувшие планету, светлеют, что в международных отношениях подул теплый ветер, который обещает быть устойчивым.

Это был успех, достойно венчавший титаническую и прозорливую работу Коммунистической партии и Советского правительства, это был личный успех каждого нашего рабочего, колхозника, ученого, служащего, деятеля искусства — каждого советского гражданина, вложившего свой честный труд в общее дело.

Это был успех всего социалистического лагеря, каждого борца за мир, каждого прогрессивно мыслящего человека, ибо это была победа разума над неразумием, мира и взаимопонимания — над озлоблением и страхом. Английская пресса писала, что, как советский спутник открыл эру завоевания космоса, так визит Н. С. Хрущева в США, очевидно, откроет эру длительного мира, что будет по достоинству оценено историками будущего. В лице Н. С. Хрущева в Америку летел Советский Союз, советский народ со всеми его героическими подвигами — его спутниками и космическими ракетами, новыми гидростанциями и атомными станциями, новыми заводами и достижениями сельского хозяйства.

С сообщений о визите Н. С. Хрущева в США начинали передачи все радиостанции мира, и комментариями к визиту они их кончали.

Тема визита вышла на первые полосы всех газет всех пяти континентов, оттеснив другие события.

Нервное напряжение в Америке достигло высшего градуса. Пресса и пропаганда состязались в пророчествах и догадках.

Какова будет встреча лицом к лицу с Америкой?

Мир надеялся, гадал, ждал...

ВАШИНГТОН ЖДЕТ

Вашингтон — столица Соединенных Штатов Америки — был в те дни эпицентром ожидания и меккой журналистского паломничества.

Мы, советские журналисты, прилетевшие сюда за двое суток до прибытия Н. С. Хрущева, во внешне воскресном спокойствии города уловили его убыстренно бьющийся пульс. Пустынны были широкие, по-европейски зеленые улицы, безлюдны парки, чуть тронутые дыханием душной осени. Но, может быть, впервые в истории чиновничьей жизни Вашингтона непреложные законы «уик-энда» — дня отдыха — оказались нарушенными: сновали машины между каменными громадами министерств, во многих правительственных учреждениях трудились чиновники, готовились к параду войска, разрабатывала свою тактику и стратегию полиция.

Жизнь протекала напряженно и пульс ее бился учащенно.

Многие иностранные журналисты, потерпевшие поражения при штурме переполненных вашингтонских гостиниц, но не сломленные духом, сидели на чемоданах в обширном зале Отдела печати. Одни, имевшие удостоверения, надеялись на протекцию в отелях, другие, прибывшие в порядке самодеятельности и текучки, уповали на протекцию в получении удостоверений.

Уже было известно, что имелось несколько ступеней журналистского счастья. О, как трудно в стране «равных возможностей» получить хотя бы одну из них! Не думайте, что дело решала ступень профессионального мастерства. Нет, здесь действовала ступень социальная, куда более могущественная, чем умение и талант.

Вершиной лестницы журналистской удачи была почти иллюзорная перспектива получить белый круглый жетон — знак принадлежности к корреспондентскому «пулу». Члены «пула» — 21 представитель крупнейших ежедневных газет и мировых телеграфных агентств — получали право следовать в самой непосредственной близости от Н. С. Хрущева, видеть все, что видит он, слышать все, что говорит он.

Не на столь недосягаемой, но все же малодоступной ступени находилась возможность удостоиться синего квадратного жетона с надписью «Пресса». Что давал этот жетон? Право сопутствовать высокому гостю в поездке по стране и пользоваться всеми видами транспорта, предоставленного для его сопровождения: автобусами, самолетами, специальными поездами. Подотряд

счастливых обладателей синего жетона насчитывал приблизительно четыреста человек.

Но и для остальных, кто не попал в две предыдущие категории, потеряно было не все — счастье в Вашингтоне многоступенчато, как социальная жизнь. Существовал еще белый квадратный жетон с надписью «Вашингтон только!», открывавший доступ на пункты, предусмотренные программой пребывания Н. С. Хрущева в Вашингтоне. Говорят, что отряд обладателей белого жетона составлял около тысячи человек. Еще примерно двум с половиной тысячам журналистов утешительно обещали, что им будут оказаны такие же виды содействия и помощи на разных этапах визита.

И, наконец, была еще категория журналистов, в арсенале которой оставалось только одно средство — авось да небось.

Сколько журналистов находилось в таком положении, никто не может сказать, их просто не брали на учет. По свидетельству журнала «Лайф», пять тысяч корреспондентов газет, журналов, радио, телевидения, действуя на свой страх и риск, преодолев все трудности, все-таки приняли участие в освещении поездки Н. С. Хрущева.

Рядовые журналистской дивизии волновались, требовали жетоны и пропуска, обменивались слухами и сенсациями и от недостатка более подходящих объектов интервьюировали друг друга.

Интервьюировали нас, интервьюировали и мы.

На странице иллюстрированного журнала, раскрытого нашим американским коллегой, был напечатан алфавит русского языка, в газете — целая статья по-русски.

— Специально для нас? — поинтересовались мы.

— Наоборот... Америка засела за русский язык! — ответили нам.

Это не было очень большим преувеличением.

Наше радио начинает свою работу с передачи уроков гимнастики, американское телевидение — с передачи уроков русского языка. Два года назад только в шестнадцати школах Соединенных Штатов Америки изучался русский язык, да и то по желанию, а в начавшемся учебном году он изучается в четырехстах школах, и притом обязательно.

В витринах магазинов на фоне пестрых обложек журналов, газет с кричащими заголовками, калейдоскопа «бестселлеров» заметны рекламы на русском и английском языках: «Изучайте русский язык лингафонным способом. Купите полный курс уроков русского языка на 12 пластинках». И рядом — комплект самих пластинок. Как известно, продукция, не находящая сбыта, не лежит на американских витринах. Очевидно, пластинки такого рода становятся прибыльным бизнесом.

На витрине на видном месте была выставлена еще одна граммпластинка. Большие портреты Н. С. Хрущева и Д. Эйзенхауэра украшали ее конверт. На одной стороне пластинки были записаны русские и советские песни, на другой — популярные американские мелодии. «Общая почва» — выразительно было выведено на конверте.

Но попытки американцев найти общий язык с русскими выражались не только таким буквальным способом.

В самолете по пути в Вашингтон мы читали советские газеты, где печатались в те дни подборки писем читателей, приветствующих визит Н. С. Хрущева в Америку. Приятно было увидеть аналогичные подборки и в американских газетах.

Вот лишь несколько коротеньких выдержек из писем, помещенных в газете «Ивнинг стар».

Паула Беккер: «Единственный путь к миру на земном шаре лежит через личные и национальные действия в духе мирного сосуществования... Мы должны отдать должное русским за их научные достижения и должны встретить Хрущева с почестями, какие заслуживает лидер могущественной державы».

Филипп Маркус: «Мне кажется, что без контактов между государственными деятелями не может быть достигнут и обеспечен мир на поколения и, наоборот, война будет висеть постоянной угрозой. Я поэтому с большими надеждами смотрю на предстоящий визит Хрущева».

Элмер Кребель: «Господин Президент, встретьтесь, пожалуйста, с Премьером Хрущевым и приложите все усилия, чтобы достигнуть соглашения с Россией, или, если это окажется невозможным сделать за один присест, попрощайтесь со своим гостем дружественным образом, обеспечив возможность дальнейших контактов».

Газета «Вашингтон пост» тоже поместила подборку под общим заголовком «Хор голосов, приветствующих Хрущева».

В одном из писем *Ева Терри,* жительница Вашингтона, высказывалась за то, чтобы украсить столицу США государственными флагами СССР по случаю прибытия Н. С. Хрущева. В другом письме *Герберт Хаджинс* признавался: «Я очень рад приезду Хрущева. Надо позаботиться о том, чтобы его пребывание здесь было приятным и радостным».

Конечно, далеко не все письма попадали на страницы газет. Помощник государственного секретаря Э. Бердинг устроил для советских журналистов прием в своей загородной вилле в Вашингтоне. Пили коктейль в саду, знакомились в предвидении совместного пути. Из бесед во время приема мы узнали, что огромный поток писем американцев поступает и в Белый дом, и в государственный департамент. Как отвечали там на эти письма, неизвестно, но у чиновников сильно прибавилось не только работы, но и непривычных забот.

Тысячи писем от простых людей Америки поступили в Советское посольство. Чтобы направлять их туда, американцам, едва оправившимся от маккартизма, требовалось известное мужество. Газета «Нью-Йорк джорнэл энд Америкэн» настойчиво советовала американцам «не вступать в переписку с главой иностранного государства», ссылаясь на закон... 1793 года, запрещавший американцам вести корреспонденцию с иностранными правительствами.

Тем не менее гора писем росла. Советские журналисты тоже решили ознакомиться с ними. От отеля «Статлер», где мы остановились, до Советского посольства недалеко — два квартала по обсаженной деревьями улице. Американцы назвали ее «русской аллеей», хотя, по правде говоря, американские журналисты тоже хаживали к Советскому посольству ради «охоты за новостями»... Письма американцев, которые очень хорошо приоткрывали занавес над их мыслями и чувствами, составляют самостоятельную главу этой книги. Мы приводим здесь лишь одно, характерное, письмо; Софи Мэри Блив из города Уоррен писала Н. С. Хрущеву 13 сентября:

«Прежде всего я хотела бы приветствовать Вас и Вашу семью по случаю предстоящего прибытия в Аме-

рику. Только через взаимопонимание, и через одно взаимопонимание, можно будет рассчитывать жить в длительном мире. От Вас после Вашего возвращения к себе на Родину ваши люди лучше узнают об Америке. Моя мать недавно вернулась из поездки в вашу великую страну. Она была главным образом в Москве и Ленинграде. Эта поездка обогатила ее, и то, что она мне рассказала, было очень интересно слушать. Вместо того чтобы читать об этих великих городах, она их видела и сделала для себя из виденного правдивые выводы. Многие вещи, о которых мы прежде читали, оказались неверными в нашем образе мышления. Только при помощи этих визитов американцы и русские будут в состоянии судить о народе другой страны, ее обычаях и прогрессе.

Пусть Ваш визит будет приятным, и пусть в итоге его последует глубокое взаимопонимание между нашими странами».

В одних письмах Н. С. Хрущева приглашали в гости на скромный обед в семье, в других — просили посетить тот или иной город, в третьих — передать привет советскому народу, в четвертых — запретить атомную бомбу. Были письма, авторы которых проявляли знание международных дел; были — наивные, были — написанные со стилистическим блеском и были — с грамматическими ошибками. Но все они свидетельствовали об одном: у тысяч и тысяч американцев открывались глаза.

На страницах газет между тем догорала дискуссия, охватившая все без исключения штаты Америки — от самых западных и свежеиспеченных, вроде Гавай, и до восточных, где «делается политика»: правильно или нет поступил Президент, пригласив Н. С. Хрущева? Ломались перья журналистов, глухо сталкивались мнения партийных лидеров, повизгивала рахитичная эмигрантская печать. Летели, что называется, пух и перья, а время и события шли своим чередом.

Суматошная, спешащая Америка в сентябрьские дни 1959 года как будто затаила дыхание, привстала на носки, чтобы быть свидетельницей «большого дня» в ее жизни. Встречались не просто главы правительств — встречались люди, за которыми стояли страны-гиганты!

В ходе стихийно возникшей общенациональной дискуссии споры велись вокруг того, с какой программой мира должен прийти на беседу с главой Советского пра-

вительства Президент США. Было всякое, включая советы, как выманить яблоко за наклейку с бутылки кока-кола. Но преобладала серьезность.

Группа демократов — членов палаты представителей конгресса США в составе 36 человек обратилась к Президенту с призывом разработать идеи о «мире в семидесятом году» и обсудить их с Н. С. Хрущевым. Почему в семидесятом, а не в семьдесят первом? Это осталось неизвестным. Конгрессмены высказались за прекращение ядерных испытаний, сокращение обычных вооружений, помощь слаборазвитым странам и за «экономическую стабильность», подчеркнув важность советско-американского сотрудничества в решении этих проблем. Стабильность больше всего нужна была самой Америке, остальное — всем.

Газета «Кэпитл таймс», выходящая в городе Мэдисон, штат Висконсин, откликнулась редакционным комментарием на опубликованную в сентябрьском номере американского журнала «Форин афферс» статью Н. С. Хрущева «О мирном сосуществовании». В нем подчеркивалась необходимость отказа от политики «отбрасывания коммунизма». «Взаимные визиты Хрущева и Эйзенхауэра кладут начало ломке этого опасного курса прошлого»,— писала газета. Три года назад редактора этой газеты за такие мысли уволили бы без выходного пособия; теперь это было модно, это отвечало настроениям читателей.

Предстоящий визит Н. С. Хрущева поляризовал общественное мнение. С одной стороны, страну подтапливали доброжелательными чувствами, с другой — напускали холод и чад. Тут шли в ход заявления различных миллионеров и миллиардеров, конгрессменов и сенаторов, епископов и архиепископов, которые призывали население протестовать против приезда главы Советского правительства. Спел среди этих солистов свою партию и вице-президент США Р. Никсон. В своей речи на конференции американской ассоциации зубных врачей 14 сентября, накануне приезда Н. С. Хрущева, он призывал американский народ не доверять словам главы Советского правительства, оспаривать его заявления, задавать ему вопросы, вступать с ним в споры.

Однако в последние дни перед приездом Н. С. Хрущева голоса сторонников визита окрепли настолько, что

сольные партии такого рода стали небезопасны. В газетах все труднее и труднее стало помещать статьи, рассчитанные на подготовку срыва визита,— это не нравилось читателям. Тогда недружелюбие нашло приют в разделе частных объявлений. Если имеешь доллары, легко выражать свои мысли «свободно». Реакционеры покупали газетную площадь под объявление и на месте его, в рамке, печатали антисоветские статьи. Ну, а есть ли какие-либо законы морали, чести, порядочности? Законы есть. По законам американской печати в разделе объявлений можно за счет автора печатать любой бред, включая извещение о конце мира или о том, что луна сделана из голландского сыра и хорошо идет на закуску к коньяку. Правда, чтобы купить место в газете для статьи, американскому рабочему и служащему не хватит двухлетней зарплаты.

Свободно бредить может только толстый кошелек.

Одно из таких объявлений с призывом чуть ли не объявить национальный траур в связи с приездом Н. С. Хрущева опубликовали за своими подписями бывший незадачливый посол США в СССР В. Буллитт, несколько наиболее реакционных сенаторов и членов палаты представителей, фанатик атомной войны физик Э. Теллер, кардинал Кашинг и другие. Они откупили изрядный объявленческий пустырь и упражнялись там, как хотели. Однако газеты решили не портить отношений с общественным мнением и тут же делали поворот влево. Газета «Нью-Йорк таймс» в одном и том же номере напечатала и пасквильное объявление одного реакционного «комитета» и письмо читателя Нормана Бордмена, подвергающего позиции «комитета» уничтожающей критике. Бордмен писал: «Нужно снять шляпы перед Президентом Эйзенхауэром и Премьером Хрущевым в знак благодарности за те меры, которые они принимают к тому, чтобы мир двигался в здравом направлении».

Как говорят: и волки сыты, и овцы целы!

Вероятно, наш читатель хотел бы знать механизм таких явлений. Что лежит в их основе? Приведем здесь откровения журнала «Нейшн», который раскрыл подоплеку действий компании «Аллен-Брэдли энд компани» в Милуоки, поместившей в ряде газет на месте объявлений под видом рекламы большие статьи с грубыми и глупыми выпадами.

Возможно, писал журнал, что Н. С. Хрущев будет недоумевать, почему компания расходует столь большие суммы денег, чтобы подвергнуть его нападкам. А дело все в том, что компания «Аллен-Брэдли энд компани» выпускает электроаппаратуру и радиоэлектронные детали.

«По оценке торговой печати,— сообщал журнал,— в настоящее время по меньшей мере третья часть деталей, выпускаемых электронной промышленностью, идет правительству в соответствии с военными контрактами. Поэтому «мир и дружба» не тот лозунг, который может понравиться правлению компании «Аллен-Брэдли энд компани», и вряд ли директора этой компании одобрят какие-либо международные визиты, которые могут привести к ослаблению «холодной войны»».

Журнал добавлял, что, хотя компания «Аллен-Брэдли энд компани» пытается утверждать, что ее реклама не имеет своей целью «продать что-либо», а лишь разъясняет «угрозу, представляемую Советским Союзом», в действительности она «старается продать ненависть и страх, поскольку ненависть и страх стимулируют сбыт радиоэлектронных деталей».

Так перед нами в канун визита, как на ладони, предстала одна из «свобод» американской печати — свобода продаваться. В этом отношении нисколько не стоило винить наших американских коллег — босс торговал с боссом!..

Но реклама не делает плохой товар хорошим, а ссора с Советским Союзом уже была плохим товаром — его не брали не только по демпинговым ценам, но и даром. И когда это стало ясно, в действие были введены новые силы.

В субботу вечером католические церкви обратились по радио и телевидению к своей пастве, созывая ее на моление. Никто не скрывал, что сеанс общения с богом задуман на антисоветской подкладке. Однако молитвы пастырей, в отличие от Лунника-2, цели не достигли: в прохладных сумерках жиденькие струйки прихожан вливались в мерцающие двери церквей, а вскоре и вовсе иссякли. Уж больно бил в нос не «божий дух»! Обескураженные представители бога на земле пробормотали свои проповеди не без изрядного смущения и без особой веры в успех. Дальнейшее показало, что американцы пред-

почли действовать по принципу «бог-то бог, да и сам не будь плох»...

Есть в природе существа, относящиеся к разделу простейших, именуемые анаэробами. Свет для них губителен, свежий воздух страшнее яда. Они служат причиной всякой гнили.

Но опаснее анаэробы политические. Свет политики мира для них губителен, свежий воздух разрядки международной напряженности нетерпим. Они отравляют политическую атмосферу запахом гангренозного распада.

Мы имеем в виду эмигрантское охвостье, организации «перемещенных лиц», тех, кто служил фашизму и убежал от своего народа на необильные заокеанские подачки. Именно они и демонстрировали протест против приезда Н. С. Хрущева. Впервые мы наткнулись на такого политического анаэроба у ограды Белого дома. Он ходил по тротуару в полном одиночестве, гнусавя под нос какие-то псалмы. В руках он нес плакат, укрепленный на тонком прутике. То был очень небольшой плакат: более крупный согнул бы прутик. Палки для плакатов ныне запрещены американской полицией, не желающей при встрече с демонстрантами ощущать их на своей спине. Теперь правила такие: если хочешь демонстрировать, будь ласков, держи картон на вытянутых руках или подцепляй на хилый прутик. На одной из сторон плаката были намалеваны мрачные изречения на ехидной семинарской латыни, на другой — краткая молитва о том, чтобы советская ракета никогда не достигла Луны...

На одной из вашингтонских улиц помещался организационный центр, нечто вроде штаб-квартиры политических анаэробов. У подъезда в знак протеста против визита раздавались прохожим траурные повязки, но прохожие увертывались от повязок, как от гремучей змеи.

Здесь же, у тротуара, стояла легковая автомашина. У нее на крыше, на решетке, где ставят чемоданы, помещалась квадратная призма с плакатами, обращенными на все четыре стороны. На плакатах были начертаны тексты, призывавшие вашингтонцев проявлять «сдержанность» при встрече высокого советского гостя. Тут и формировалась кучка политических проходимцев, которая не раз попадалась нам на глаза в разных городах на протяжении всего маршрута поездки. Как потом нам расска-

зали, они кочевали из города в город с одними и теми же плакатиками.

На зеленом газоне у памятника американскому президенту Джорджу Вашингтону расставлялись удобные стульчики, суетились, нервно потирая руки, ораторы. Здесь готовился «митинг протеста». Предполагалось, что соберется больше тысячи человек. Но стульчики почти сплошь пустовали. К тому же среди самих руководителей возникли разногласия, и митинг кончился суматохой, во время которой ораторы наскоро прокричали свои призывы к трауру. Их, этих ораторов, легко понять: они бежали от своего народа, от коммунизма на край света, а «коммунист номер один» приезжал сюда в качестве почетного гостя Президента! Естественно, что перетрусившим «перемещенным» чудился звон погребального колокола.

Как показали события, провалилась и эта затея. Зато тысячи американцев с глубочайшим интересом слушали и смотрели биографическую телевизионную передачу о Н. С. Хрущеве.

Антисоветская возня понемногу теряла смысл, превращалась в карикатуру, и немудрено, что все чаще приходилось сторонникам «холодной войны» покидать свои заупокойные амвоны и, не дописав ядовитой строки, взбегать на колокольню, чтобы бухнуть благовест в честь очередного советского достижения. Отставать нельзя: высмеют, сочтут невеждой.

Иные, великие, эпохальные, события оттесняли на задний план маневры сторонников «холодной войны».

История знает случаи, когда люди, пускаясь в далекие путешествия, начиная великие дела, дожидались небесного знамения, счастливого сочетания звезд. Теперь советские люди, штурмующие космос, имеют иные звезды и иные их сочетания, неизменно благоприятствующие нам. Разве не счастливым небесным знамением было натриевое облако запущенной 12 сентября второй советской космической ракеты, известившее, что взят верный курс, что ракета достигнет Луны? Разве не великое небесное знамение — советский вымпел на Луне? Да, под счастливым сочетанием звезд начиналось путешествие за океан Никиты Сергеевича Хрущева!

Наша ракета стремительно неслась по заданному курсу, и последние полчаса ее полета были драматиче-

скими получасами всеобщего возбуждения в Америке. Одна из здешних радиостанций передавала сообщения о движении советского лунника через каждые пять минут. Затем через каждые три. И, наконец, диктор стал отсчитывать последние минуты... «До удара советской ракеты о Луну осталось четыре минуты... Три минуты... Две...»

Ракета попала в цель!

Весть о новой великой победе советской науки и техники всколыхнула Соединенные Штаты Америки, о ней кричали на первых страницах заголовки газет, посвятивших этому событию многие полосы: «Русский лунник ударил в Луну», «Красная ракета стреляет по Луне».

Успешный запуск советской ракеты на Луну произвел на американскую общественность колоссальное впечатление.

«Ученые и столицы всего мира,— писала «Нью-Йорк таймс»,— аплодируют успехам русских в области космоса, признавая их изумительными».

«Фантастическое достижение» — так известный американский ученый Кейт Гленнан назвал победу советских ученых, инженеров, техников и рабочих, впервые в истории человечества добравшихся до Луны. «Это высшая степень успеха,— сказал он.— Никто не сомневается, что русские далеко опередили все другие народы в развитии техники для завоевания космоса. Было естественным ожидать, что они сделают это раньше Америки».

«Новая русская космическая ракета попала в заданную цель — Луну, и это событие резко приблизило день, когда человек станет хозяином Луны»,— писала газета «Вашингтон пост энд Таймс геральд».

Представители научной общественности США горячо поздравляли советских ученых с огромным достижением. Однако к этому примешивалось сожаление: Соединенные Штаты вновь оказались позади в соревновании за завоевание космического пространства.

Председатель сенатской комиссии по делам вооруженных сил Ричард Рассел призывал не предаваться отчаянию перед явным превосходством русских в области ракет. Вывезенный в США из Германии специалист по космическим проблемам Вернер фон Браун, создатель небезызвестной «ФАУ-2», заявил журналистам с горечью, что Россия намного обогнала Соединенные Штаты в от-

ношении космических проектов и никакими деньгами нельзя купить упущенного времени.

— Я убежден в том, что если Россия немедленно остановится, то мы сможем догнать ее через один, два или три года,— заявил фон Браун на пресс-конференции.

Но остановится ли Россия?

Одновременно американская печать делала попытки умалить советский успех, набросить на него тень сомнения, сгладить хотя бы немного то ошеломляющее впечатление, которое произвел Лунник-2 на американцев. Профессор Мичиганского университета Хеддок, специалист по астрономии, заявил: он сомневается в том, что советская ракета достигла Луны.

Можно было бы не вспоминать о профессоре Хеддоке, потому что, вероятно, он сам уже сожалеет о данном сгоряча интервью. Его американские коллеги, конечно, посмеиваются над ним, рассматривая сегодня фотографии невидимой стороны Луны.

Но в те дни недоверие к победе советской науки попытался посеять и вице-президент США Р. Никсон. Когда он прилетел из Вашингтона в Нью-Йорк, к нему кинулись с расспросами журналисты:

— Вы были в России, что Вы скажете о Луне?

Вице-президент напомнил прежде всего, что американцы должны сохранять самообладание. Рано поздравлять Советский Союз! — Никто из нас не знает, что ракета действительно попала на Луну.

— Может быть, Вы не знаете — *как?* — тонко спросили журналисты.

— Нет, я не знаю — *что!* — отрезал Никсон.

Так отозвался Никсон о новом чудесном небесном явлении, созданном руками советских людей.

В самом факте подобного отзыва не было, впрочем, ничего оригинального. В истории осмысления и освоения космоса постоянно сталкивались противоположные оценки небесных явлений. Одни, даже стоя в свой смертный час у столба на вязанке хвороста, утверждали, что не Солнце совершает свои кругообороты вокруг Земли, а Земля вращается вокруг Солнца. Другие, бегая вокруг хвороста с факелом, настаивали на том, что Солнце подобным же манером обращается вокруг Земли.

Но, к счастью, история не повторяется во всех своих печальных страницах. Вице-президенту США не удалось

организовать аутодафе по поводу очередного великого астрономического достижения. Не прошло и нескольких часов, как дымовая завеса всевозможных сомнений была развеяна окончательно и навсегда. Это сделали сами американские ученые при помощи своих английских коллег.

Когда стало известно о запуске второй нашей ракеты, советские журналисты решили побеседовать с американскими астрономами и специалистами по космонавтике.

Нас отговаривали: сегодня суббота, «уик-энд», вряд ли вы застанете кого-нибудь. Каково же было наше удивление, когда в Главной военно-морской обсерватории США видные американские ученые (они находились на посту!) выразили готовность встретиться с советскими журналистами.

Командор Робинсон — в годы второй мировой войны он командовал крейсером на Тихом океане — принял нас в огромном куполообразном зале обсерватории.

Когда речь зашла о луннике, командор поджал губы:

— Да, конечно, запуск ракеты на Луну — шаг вперед, но вряд ли, однако, эта ракета попадет на Луну.

— Почему?

— Предчувствие астронома,— он многозначительно замолчал.

— Следите ли Вы за советской ракетой? — спросили мы командора.

— Она слишком быстро движется, чтобы мы могли следить за ней,— ответил он и пригласил нас осмотреть научное оборудование обсерватории.

Время шло. Включили телевизор. Передача рекламы нового средства от головной боли была прервана, и мы услышали, что ракета вот-вот достигнет Луны.

— Что же Вы думаете об этом, командор?

— Кто первый — тот и есть первый,— сдержанно сказал Робинсон.

Из обсерватории мы направились к крупнейшему специалисту в области ракетоплавания, профессору Хью Дрейдену, занимающему пост заместителя директора Национального управления США по аэронавтике и исследованию космического пространства. Нет, нам не надо было в этот «уик-энд» звонить ему домой или на дачу: профессор находился на своем рабочем месте. Он быстрыми шагами вышел навстречу, отстранил полицейского, преградившего было дорогу, пригласил нас в свой кабинет,

украшенный моделями американских ракет. Хью Дрейден был взволнован и, как показалось, немного растерян.

— Только что,— сказал он, ища что-то на своем большом столе, заваленном бумагами,— только что,— он выпрямился и продолжал торжественно,— я получил сообщение, что ваша ракета достигла Луны. Поздравляю вас!

— Следили ли Вы лично, профессор, за полетом советской ракеты?

— Мы не имели возможности визуально проследить за ее прилунением. Но мы на территории США получали радиосигналы Лунника-2. Мы поддерживали постоянный контакт с профессором Лоуэллом из обсерватории Манчестера, который сообщал нам о каждом «шаге» советской лунной ракеты.

— Он держал связь непосредственно с Вами, профессор?

— Нет, с обсерваторией в Калифорнии. Там наши ученые на основании данных профессора Лоуэлла высчитали траекторию полета ракеты. И вот Лоуэлл,— профессор Дрейден подает нам еще одну телеграмму,— также подтверждает сообщение Ассошиэйтед Пресс. Я счастлив, что могу еще раз поздравить советских ученых.

Через несколько часов Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства заявило, что русская лунная ракета точно дошла до своей цели — она достигла Луны.

Вашингтонский корреспондент газеты «Дейли миррор» писал:

«Когда вице-президент Никсон заявил, что запуск русской ракеты на Луну фактически не доказан, он занимался именно тем, за что как-то критиковал в неофициальном порядке других официальных лиц при Эйзенхауэре,— пытался успокоить.

Фактически все, что говорят русские о полете ракеты на Луну, правильно, и он это знает. Наши ученые с самого начала наблюдали за полетом на Луну и знали, когда ракета достигнет Луны».

Полет лунника и полет «ТУ-114», достижение советской ракетой Луны и приезд в США Н. С. Хрущева стали связывать воедино.

Один из иностранных корреспондентов сказал нам фразу, которую он затем опубликовал в своей газете:

«Ваш Хрущев прилетает в Америку так, как никто и никогда не прилетал,— по орбите Лунника-2».

Другая газета писала, что Н. С. Хрущев прибывает в США «захватив с собой в чемодане Луну». А третья, любительница еще более сильных метафор, писала, что Н. С. Хрущев вступает на американскую землю не только как «глава Советского правительства, но и как председатель правительства Луны».

Небезынтересно привести некоторые высказывания прессы; из нее видно, что газеты мира, каждая на свой манер, рассматривали подвиг советских ученых не только в космическом, но также в социальном и политическом измерениях.

Нью-Йорк. Газета «Нью-Йорк геральд трибюн»: «К сожалению, справедливо и то, что этот успешный запуск ракеты на Луну создает осложнения. Ракета, которая может попасть на Луну, доказывает, что другие ракеты могут достичь любой точки земного шара с более смертоносным грузом и с такой же точностью. Космическая кабина с советским вымпелом — это нечто вроде «демонстрации флага», как это делали военно-морские корабли на земных морях».

Лондон. Газета «Дейли телеграф»: «Каково бы ни было, по мнению экспертов, значение второго и более точного запуска ракеты на Луну, этот факт имеет совершенно определенное значение для простых смертных. Хрущев владеет теперь такой ракетной техникой, которая является не только самой могучей, но и надежной».

Газета «Дейли мейл»: «Труднее всего постигнуть умом прилунение русской ракеты. Уму человека, привязанного к земле, трудно понять чудо, которое свершилось. Но путешествие в космос всегда было лишь фантазией. Теперь оно стало уверенностью».

Париж. Газета «Либерасьон»: «Таким образом, СССР заслуживает того, чтобы к нему относились как к серьезному конкуренту, но его нельзя запугать как противника. Разве эти два довода, в равной степени сильные, не должны убедить сторонников «холодной войны» в том, что этот период закончен? Что действительно наступило время для предлагаемых переговоров? Для сосуществования в условиях мирной борьбы, которая покажет, кто лучше обеспечит благосостояние человека».

Милан. Газета «Джорно»: «Американцы вынуждены пересмотреть всю свою политику последних лет. Поездка Хрущева делает этот пересмотр острым, мучительным. Это пересмотр, который, по мнению людей, веривших до сих пор в то, что они идут впереди современного мира, и вдруг внезапно обнаруживших, что их кто-то обогнал в некоторых важных областях, может вызвать серьезный кризис неверия в самих себя... Подлинная цель поездки Хрущева состоит в стремлении к миру. Никто не может не желать мира, и все должны признать, что для того, чтобы его добиться, нужно отказаться от всяких предубеждений, нужно смотреть в лицо действительности».

Таким образом, полет Лунника-2, хотя его совпадение с визитом, как сказал Н. С. Хрущев, было счастливой случайностью, не только вызвал во всем мире восхищение научным подвигом, но и хорошо предшествовал переговорам. Он решительно и бесповоротно сбил спесь с тех политических деятелей и органов прессы, которые, будучи чересчур простуженными «холодной войной», не прочь были поговорить с позиций своего исключительного «величия» хриплым голосом диктата.

Проходя поздно вечером по широкой Пенсильвания-авеню — центральной и самой красивой магистрали американской столицы,— можно было видеть в окнах правительственных учреждений яркие огни. В государственном департаменте далеко за полночь сидели люди, обсуждая и уточняя последние детали программы пребывания Н. С. Хрущева в США. Кое-что просочилось на страницы американской печати.

Большое и малое, великое и смешное сочеталось здесь в самых причудливых переплетениях.

Обсуждалось число залпов правительственного салюта.

Дискутировалась длина и цвет ковровой дорожки, ведущей от самолета к трибуне. По традициям торжественных встреч цвет дорожки должен быть красным. Но было высказано пожелание, чтобы это был все-таки не ярко-алый цвет, а какой-нибудь поглуше, приближающийся к цвету бордо.

Обсуждение того, вывешивать или не вывешивать государственные флаги Советского Союза на зданиях Вашингтона, было особенно щекотливым. Все-таки

решили на зданиях флаги не вывешивать, хотя, как отмечали газеты, это полагалось бы сделать, основываясь на прошлых прецедентах, когда в столице без всяких дискуссий вывешивались флаги той державы, откуда прибыл почетный гость.

Государственный флаг Советского Союза был поднят в Вашингтоне в одном месте: над резиденцией Н. С. Хрущева Блэйр-хаузом — домом для гостей Президента США, расположенном наискосок от Белого дома.

Одна из газет высказала предположение, что на это решение повлияли не только политические соображения, но и трудности технологии. Изготовление красных флагов, да еще с серпом и молотом, оказалось для Вашингтона совершенно непривычным делом.

Непредвиденный церемонией запуск советской ракеты, достигшей Луны, вызвал новые, экстренные обсуждения.

Газета «Нью-Йорк уорлд телеграм энд Сан» на первой полосе поместила сообщение корреспондента агентства Юнайтед Пресс Интернейшнл Фокса из Вашингтона, которое начинается так: «Президент Эйзенхауэр и его главные советники сегодня искали средства противодействия новому престижу, который создало эффективное попадание русских в Луну советскому Премьеру Никите Хрущеву для его начинающихся завтра исторических переговоров в Белом доме».

Так стоило ли, спрашивается, спорить о флагах, если полная Луна сияет сегодня над Вашингтоном и герб великой Советской державы как бы оттиснут на ее золотом круглом, как медаль, диске!

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОТ МОСКВЫ ДО ВАШИНГТОНА

В ЧАСЫ ПЕРЕД ОТЛЕТОМ

Над Америкой была ночь, а в Москве — советской столице — обычное сентябрьское утро, только, пожалуй, более ясное, свежее, чем накануне. По улицам и площадям медленно шли уборочные машины, сметая и смывая желтые листья, обрывки газет, пыль и прочие остатки вчерашнего дня. Гасли уличные фонари. Серые клочья тумана, вспучиваясь над рекой, медленно выползали на мостовые...

И вместе с тем это было какое-то необычное утро. Вереницы машин и автобусов мчались по пробуждающимся улицам, вырываясь на простор Ленинского проспекта. Москвичи, идущие на работу, говорили:

— Сегодня улетает в Америку. Провожать едут...

— Да. Пусть будет все хорошо!

Москва просыпалась с мыслью о том, что сегодня начинается поездка главы Советского правительства в далекую заокеанскую державу — Соединенные Штаты Америки. Могучая стальная птица промчит советских посланцев за считанные часы над многими странами, над океаном и доставит на другую сторону нашей старой планеты лишь немногим позже, чем лучи солнца того же дня обогреют и американскую землю.

Обычный сентябрьский день начинался каким-то торжественным, очень ясным и праздничным утром. Да, так оно и было, товарищи! Советским людям было чему

радоваться, у них были все основания для праздничного настроения. Они засыпали вчера с мыслью, что свершилось еще одно великое событие: наша отечественная, советская ракета достигла Луны, доставила туда земной, советский груз и гордый вымпел с изображением герба Советского Союза. Впервые в истории осуществлен космический полет с Земли на другое небесное тело. И это совершили советские люди.

Москва приходила в движение. У газетных киосков дольше, чем обычно, задерживались нетерпеливые читатели, развернув еще пахнущие типографской краской листы с сообщением об этой новой славной победе советской науки и техники, с добрыми, теплыми словами Центрального Комитета нашей партии и Советского правительства, обращенными к ученым, конструкторам, инженерам, техникам, рабочим — всему коллективу участников создания и запуска второй советской космической ракеты на Луну. Они читали простые, идущие от самого сердца слова ответа Никиты Сергеевича Хрущева на письма и телеграммы, полученные им в связи с предстоящей поездкой в Соединенные Штаты.

Сколько их, этих сердечных, искренних, взволнованных посланий, поступило в последние перед отлетом в США дни в адрес Никиты Сергеевича! Вот короткое письмо токаря Днепропетровского машиностроительного завода Виктора Хохлова:

«Примите, родной Никита Сергеевич, от меня и всей моей семьи самые лучшие пожелания в Вашей поездке в США. Мы, как и все люди на земле, связываем с этой поездкой самые лучшие свои надежды — установить мир на нашей планете, добиться дружбы между двумя могучими государствами — СССР и США,— навсегда покончить с опасностью войны. Мы мысленно будем с Вами и в дни Вашей благородной миссии в США».

Техники-механики совхоза «Калиновский», Могилевской области, М. Н. Головейко и Г. Н. Яковлев писали: «Мы, простые рабочие, надеемся, что Ваша поездка в США откроет новую страницу в борьбе за мир... Война нам не нужна! Она нужна тем, кто нечестным отношением к жизни старается поработить народы».

Ленинградец В. Булычев горячо просил Никиту Сергеевича «растолковать американскому народу, что мы не думаем вмешиваться в их политику, у них свои глаза

есть, пусть сами смотрят и соображают, как им надо жить.

Мы очень беспокоимся, дорогой наш Никита Сергеевич, о Вашем здоровье. Ведь путь далекий, и едете Вы не к друзьям. Мы с большим нетерпением будем следить за газетами и всем сердцем будем сопутствовать Вам в этой исторической поездке».

Сотни писем и телеграмм непрерывным потоком шли в те дни в Кремль, в Центральный Комитет партии; в них выражались сокровенные думы и пожелания людей труда.

«Я прошу Вас, Никита Сергеевич, расскажите простым людям Америки о нашей жизни. Пусть они вникнут в каждое Ваше слово, и пусть оно будет разить недругов своей правдой, великой правдой посланца Советского государства. Мы, простые люди, посылаем Вас в далекий путь, чтобы Вы на весь земной шар сказали всю правду от имени советского народа, что мы хотим мира и дружбы со всеми народами. Мы не хотим войны и хотим, чтобы на всей земле шел мирный созидательный труд, чтобы весь мир покрылся садами.

Мы хотим мира, чтобы идти к счастью, к светлым дням коммунизма!

Доброго пути Вам, родной Никита Сергеевич, и счастливого возвращения на милую родную землю».

Так говорилось в одном из писем, полученных из города Риги.

Плотник из Свердловска Павел Яковлевич Кузнецов писал большими неровными буквами, старательно выведенными на листах ученической тетради:

«Скоро Вы будете на американской земле. Передайте простым людям Америки и их трудовому народу, что пусть они верят твердо, что народы Советской России и всего Советского Союза не хотят войны и ненавидят затейников войны... Мы, советские люди,— люди мира и мирного труда. Нам наше Советское правительство создает все для того, чтобы мы жили в достатке.

У меня пятеро детей: четыре сына и дочь двенадцати лет. Мои сыновья достигли почти все такого возраста, что способны стать под ружье. Но я противник того, чтобы они гибли от проклятых ружей и техники войны. Пусть они живут во славу своей человеческой жизни и наслаждаются природой, в которой живет человек на Земле.

Земля — планета мира, она не должна быть планетой ссор и войн. Пусть на красавице Земле-планете народы живут и радуются. Пусть мои сыновья и у всех людей дети на земле будут такие же счастливые и радостные; они у меня красивые и очень крепкие, да и я сам еще здравствую. У меня прилив сил в эти дни, когда Вы едете в Америку на переговоры.

Желаю от всей семьи Вам, товарищ Никита Сергеевич, доброго здоровья, сил и счастливого пути.

С приветом и большим пожеланием всего хорошего».

Из села Голубече, Крыжопольского района, Винницкой области, от дважды Героя Социалистического Труда Татьяны Марцан пришла такая телеграмма:

«От всей души желаю Вам доброго пути и успешной работы во время поездки в США. Пусть второй успешный пуск советской космической ракеты и завершение строительства первого в мире атомного ледокола «Ленин» послужат укреплению мира и сотрудничества между народами во всем мире».

И вот на страницах «Правды» и «Известий» люди читали ответное письмо Никиты Сергеевича Хрущева, письмо, преисполненное большой гордости за нашу социалистическую Родину, за наш великий народ, проникнутое неиссякаемой верой в торжество мира на земле.

«Человечество живет сейчас в прекрасное время. Это — время расцвета науки и техники, экономики и культуры, когда поистине сказки становятся былью,— писал Никита Сергеевич.— Наша поездка в США совпала с двумя величайшими событиями: впервые в истории успешно осуществлен полет космической ракеты на Луну, посланной с Земли советскими людьми, и вышел в плавание первый в мире атомный ледокол «Ленин».

Сколько было написано фантастических романов, сказок и поэм о полете на Луну! Люди веками мечтали о межпланетных путешествиях, и вот теперь мы на пороге осуществления этой дерзновенной мечты. На протяжении десятилетий ученые стремились создать корабль, который мог бы пойти напролом к Северному полюсу, и вот теперь такой корабль введен в строй.

Как же нам, советским людям, да и не только нам, но и всем людям доброй воли, не радоваться и не восхищаться великим подвигом советских ученых, инжене-

ров, техников и рабочих, которые с точностью до минут и секунд рассчитали и осуществили великолепный полет ракеты по маршруту Земля — Луна. Как нам не приветствовать советских ученых, инженеров, техников и рабочих, создавших первый в мире атомный ледокол, который сможет месяцами находиться в плавании, сокрушая вековые льды».

Сильные и верные слова. Они пробуждали в людях новые смелые порывы, огромное желание своим трудом умножать успехи советского народа, нашей великой страны побеждающего коммунизма.

Взволнованный мир обсуждал вопрос, почему именно Советский Союз первым совершил беспримерный подвиг, точно доставив на Луну совершенную космическую лабораторию, которая еще недавно была земной вещью, а теперь стала первым посланцем Земли на Луне. Ответ на вопрос был дан в письме Н. С. Хрущева: «Эта победа стала возможной в результате того, что те же советские люди своими руками, своим героическим трудом в кратчайший исторический срок сумели решить величайшую социальную проблему — они построили социалистическое общество и уверенно строят коммунизм».

Просто, скромно и, как обычно, исчерпывающе полно Никита Сергеевич отвечал всем приславшим ему добрые пожелания:

«Хочу заверить дорогих соотечественников и всех, кто прислал мне в связи с поездкой в США дружественные письма и телеграммы, что со своей стороны буду прилагать все усилия, чтобы оправдать ваши надежды. Я не сомневаюсь в добрых намерениях Президента США. Приглашая меня с визитом в Соединенные Штаты, он, видимо, тоже стремится к тому, чтобы был найден общий язык для решения спорных международных вопросов и улучшения отношений между нашими странами.

Главное, чего мы должны достигнуть,— это обеспечить мирные условия жизни для всех людей на Земле».

Эти слова читали люди у газетных киосков утренней Москвы. Их, как добрую весть, понесло в мир радио Москвы. Эти слова увозил в своем сердце в Америку большой, человечнейший человек.

...По огромным бетонным квадратам аэродрома прошуршали шины «ЗИЛов»; из машин вышли

Н. С. Хрущев и члены его семьи. Никита Сергеевич обходит длинный ряд послов всех стран, аккредитованных в Москве, приехавших провожать главу Советского правительства. Но вот он, пожав руки дипломатам, повернулся к советским людям, широко и открыто, по-хрущевски заразительно, улыбаясь... И словно какой-то безотчетный, властный порыв сломал ровную линию многотысячных рядов: люди устремились ему навстречу. Н. С. Хрущев шел окруженный приветливо и радостно улыбающимися людьми, воплощая в себе их силу, их разум, их волю и неиссякаемую энергию.

— Счастливого пути, Никита Сергеевич!

— В добрый час!

— Весь народ будет с Вами, товарищ Хрущев!

— Мы верим в Вас! Желаем сил в великом деле борьбы за мир!

— Всем сердцем поддерживаем Вас!

И каждый хотел сказать свое, самое сокровенное, самое главное.

От края и до края этой как бы слившейся воедино массы бесконечно родных людей прошел Н. С. Хрущев с обнаженной головой. Свежий утренний ветерок, казалось, увлажнял его глаза, добрые, внимательные, умные.

— Спасибо вам, дорогие! Благодарю...

Последние рукопожатия — и, высоко подняв шляпу над головой, Никита Сергеевич идет мимо приветливо машущих руками москвичей.

Быстро, очень быстро проходят последние минуты перед отлетом! Еще три минуты назад Н. С. Хрущев стоял невдалеке от огромного трапа, приставленного к самолету, беседуя со своими соратниками, такими же взволнованными, как и все собравшиеся здесь люди. Стайка детишек в красных пионерских галстуках как бы выпорхнула к ним, неся букеты цветов. Маленькая девочка обнимает своими ручонками Никиту Сергеевича и, целуя его, говорит:

— Наш пионерский салют Вам, Никита Сергеевич. Счастливого пути!

Командир корабля многоопытный летчик К. П. Сапелкин докладывает, что самолет готов к полету и экипаж ждет команды к старту.

— В путь, товарищи! До свиданья,— говорит Никита Сергеевич, крепко, по-братски обнимая и троекратно це-

луя каждого из окружающих его товарищей — руководящих деятелей Коммунистической партии и Советского государства. Последние приветственные напутствия. И вот уже взревели двигатели, взметая облачка пыли, и «ТУ-114», дрогнув, медленно двинулся на стартовую дорожку.

Ровно в 7 часов самолет, оторвавшись от летного поля Внуковского аэродрома возле Москвы, взял курс на запад. Начался большой путь исторического визита главы Советского правительства в Соединенные Штаты Америки.

ДВЕНАДЦАТЬ ЧАСОВ НАД СУШЕЙ И ОКЕАНОМ

Точнее говоря, полет протекал несколько больше — 12 часов 21 минуту. Сильные встречные ветры — скорость их достигала временами двухсот километров в час — замедляли полет гигантского лайнера, на борту которого шла своя жизнь.

Никита Сергеевич осмотрел просторные салоны самолета, тепло поздоровался с каждым из своих спутников по поездке в США, с каждым членом экипажа корабля.

— Хорошая, удобная и вместительная машина,— заметил он.— В ней и поработать можно, и посидеть есть где, и, наверное, покушать можно будет неплохо. На многих машинах летал, а вот теперь довелось и на этой лететь...

Улеглось волнение, вызванное незабываемым прощанием с Москвой, на штурманских картах проложены первые линии пройденного пути, все уже привыкли к мерному гудению двигателей, к яркому солнечному свету, неудержимыми потоками врывающемуся в просторные салоны через окна-иллюминаторы.

Никита Сергеевич беседует с А. А. Громыко, М. А. Шолоховым, В. П. Елютиным, интересуется у Н. А. Тихонова, как идет в Днепропетровске выполнение одного из важных заказов, в судьбе которого принимает самое горячее участие.

— А как Ваше здоровье, доктор? — обращается он к профессору А. М. Маркову.

Вспомнив высказывание одного зарубежного ученого о мирном использовании атомной энергии, Никита Сергеевич спрашивает мнение у В. С. Емельянова по этому вопросу. Возникает непринужденная беседа с другими товарищами о предстоящих встречах, о том, что ждет на американской земле.

После завтрака в просторном, пронизанном солнцем салоне-столовой Никита Сергеевич предлагает:

— Теперь пора и за работу, товарищи. Иначе нас не будут обедом кормить: не за что...

Он надолго погружается в чтение свежих газет и журналов, информационных сообщений, деловых бумаг, изредка отрываясь на минутку-другую, чтобы с десятикилометровой высоты полюбоваться землей.

С борта самолета по волнам эфира полетели приветственные телеграммы от Н. С. Хрущева премьер-министру Швеции Таге Эрландеру и премьер-министру Норвегии Эйнару Герхардсену. С огромной высоты в это ясное утро обе скандинавские страны хорошо видны, они кажутся добротно сделанными рельефными картами с коричневатыми или фиолетовыми горами, желтыми от жнивья полосками полей, с причудливыми фиордами и прибрежными островами.

— Под нами океан,— докладывают Никите Сергеевичу.

Внимательно смотрит он на неоглядную ширь водного простора. Видимо, внизу не очень спокойно: даже с такой высоты различимы белые шапки на волнах.

И опять работа, как в обычный день, только без приема посетителей, без совещаний. Стараясь не помешать неосторожным движением, мимо рабочего стола Н. С. Хрущева неслышно проходят люди, выполняющие свое дело. А дело, оказывается, находится для всех. Придирчиво обсуждаются скупые строки сообщения пресс-группы при Председателе Совета Министров СССР, чтобы каждое слово в них было самым нужным и точным. Стучит где-то пишущая машинка. Михаил Александрович Шолохов достает рукопись новых глав своей книги и словно переносится на тихий Дон, к своим героям...

Под крыльями самолета проплывает Исландия, едва заметная в разрывах облаков, похожих на огромные

комья пушистой ваты. С борта самолета передают приветственную телеграмму премьер-министру этой страны Э. Ионссону, а вскоре бортрадист корабля приносит Председателю Совета Министров Советского Союза теплое ответное послание исландского премьера.

Быстро летит самолет, но еще быстрее летит время. Наступает час обеда. И опять в большой уютный салон собираются люди из разных концов воздушного корабля, который величаво плывет над Атлантикой. Самолет идет так спокойно, что даже суп не плещется в тарелках.

Краткий послеобеденный отдых, и Никита Сергеевич опять занимает свое рабочее место за столом, читая многочисленные отклики мировой печати на успешный полет советской космической ракеты на Луну.

— Приближаемся к берегам американского континента,— докладывает штурман.

Сквозь широкие разрывы в облаках вдали вырисовывается берег Америки. Граница Канады. Н. С. Хрущев направляет премьер-министру Джону Дифенбейкеру приветственное послание, затем идет к кабине пилотов и тепло, сердечно приветствует находящегося на борту самолета рослого канадского штурмана Расса-Бегнела как представителя канадского народа. Он крепко пожимает штурману руку, выражая искренние пожелания мира и процветания всему канадскому народу.

— Благодарю Вас, господин Председатель,— взволнованно отвечает Расс-Бегнел.— Я расскажу об этом своим землякам.

Все ближе граница Соединенных Штатов, все ближе конечный пункт полета — Вашингтон. Н. С. Хрущев еще раз отмечает высокие летные качества самолета «ТУ-114», большие удобства для пассажиров.

— Думаю, что нашему уважаемому Андрею Николаевичу и его товарищам по работе будет приятно, если мы поблагодарим их за такую прекрасную машину,— говорит Никита Сергеевич.— Надо послать им телеграмму.

И он тут же начинает диктовать теплую телеграмму академику генеральному конструктору А. Н. Туполеву:

«Лететь на самолете «ТУ-114» очень хорошо. В самолете есть все удобства, необходимые для длительных перелетов. Мы позавтракали в самолете, поработали и даже

поспали, а вскоре после обеда мы уже подлетали к столице Соединенных Штатов, к Вашингтону...»

Однако дальше продиктовать ему не удалось: кто-то из летчиков сообщил Никите Сергеевичу — только что миновали государственную границу Соединенных Штатов Америки...

— Хорошо. О телеграмме товарищу Туполеву прошу мне напомнить несколько позже, а сейчас мне хочется поздравить и поприветствовать американского штурмана: ведь мы вступили в пределы его родной страны.

И он идет в головную часть самолета. Чтобы не возвращаться к теме о телеграмме А. Н. Туполеву, заметим, что Никита Сергеевич додиктовал ее уже в Вашингтоне, и она пошла в Москву не с борта детища туполевского коллектива, а из столицы Соединенных Штатов.

Штурман Гарольд Ренегар откровенно доволен тем, что ему первому из американских граждан посчастливилось пожать руку и приветствовать с прибытием в Соединенные Штаты такого высокого гостя, он доволен тем, что в его лице глава Советского правительства приветствует американский народ.

— Это хорошо, что Вы побеседуете с нашим Президентом. Мирная беседа — очень хорошо! — говорит штурман.

— Да, мир — это действительно хорошо! — отвечает Н. С. Хрущев.— Мы за мир, а как вы?

— Мы тоже за мир. Американский народ за мир...

Беседа коснулась, конечно, и второй космической ракеты, которая точно доставила свой груз на Луну.

— А Вам хочется посмотреть, что это за штука — наши вымпелы, которые сейчас находятся на Луне? — спрашивает Никита Сергеевич Гарольда Ренегара.

— Конечно. Это очень интересно!

По просьбе Никиты Сергеевича приносят футляр с вымпелом.

— И вот эту штуку вы забросили на Луну? — спрашивает штурман.

— Не эту, а другую. Это лишь точная копия того, что находится сейчас на Луне. И я везу эту копию в подарок вашему Президенту. Наши ученые попросили меня преподнести копию одного из трех вымпелов, доставленных на Луну, господину Эйзенхауэру,— объясняет Никита Сергеевич.

— Здорово придумали! — хитро прищурившись, говорит штурман.— Одну такую штуку запустили на Луну, а вторую запускаете теперь к нам, в Америку...

Бережно укладывает он вымпел на бархат футляра, крепко пожимает руку Председателю Совета Министров СССР и идет к своим штурманским картам следить за тем, чтобы самолет точно по курсу пришел на специально подготовленный для его приема аэродром.

Когда до посадки самолета оставались считанные минуты, в Москву было направлено следующее сообщение пресс-группы при Председателе Совета Министров СССР:

«Последние минуты полета. Беспосадочный полет Москва — Вашингтон подходит к концу. Н. С. Хрущев благодарит экипаж за блестящее мастерство. Самолет идет на снижение. Приближается момент исторической встречи глав двух великих держав, к которой приковано внимание народов всего мира. Н. С. Хрущев просит передать сердечный привет советским людям».

И когда радиостанция «ТУ-114» заканчивала передачу в родную Москву этого сообщения, под крылом самолета уже проплывали последние десятки километров до военно-воздушной базы США Эндрюс, расположенной в 24 километрах от Вашингтона.

«ВЫ — ЖЕЛАННЫЙ ГОСТЬ»

15 сентября 1959 года в 12 часов 21 минуту по вашингтонскому времени, совершив беспосадочный бросок через Скандинавию, Исландию, Атлантический океан, Канаду, воздушный корабль, на борту которого находился Председатель Совета Министров СССР, приземлился на американской территории. На гражданский аэропорт Вашингтона самолет не был принят: не нашлось достаточно большой посадочной площадки.

Приятно и радостно было в тот час нам, советским журналистам, на американском военном аэродроме. Вместе с американцами многие из нас встречали здесь главу Советского правительства. Доставил его сюда мощный, стрелокрылый воздушный исполин, не имеющий себе

равных. В этом самолете, как в капле воды, отразилось необъятное море советской индустрии, бурное победное развитие ее, гибкая экономическая структура, гуманистическое направление. Одним махом перенесся крылатый гигант через океан под окрашенным темной синевой небом стратосферы, где сквозь слой разреженного воздуха начинает проглядывать черное лицо космоса.

И казалось, что не только подъемная сила стреловидного крыла, могучая тяга двигателей, превосходящих по мощности турбины иных гидростанций, подняла в воздух самолет Н. С. Хрущева, перенесла его за океан, но и заботливая, бережная сила миллионов советских тружеников, всех прогрессивных людей земли, их неукротимая, страстная тяга к миру.

Если мысленно восстановить астрономически строгую траекторию полета Москва — Вашингтон, то получится как бы гигантский одноарочный мост, соединяющий континенты, две далеко отстоящие великие страны. Да, мир стал тесен, и приходится крепко думать о том, как в нем жить, чтобы быть хоть и в тесноте, да не в обиде.

Вот как описывает самолет «ТУ-114» привыкший к сенсациям, избалованный чудесами американской науки и техники корреспондент крупнейшей газеты «Крисчен сайенс монитор»:

«Огромный серебряно-белый турбовинтовой самолет Хрущева прибыл на американскую посадочную площадку 15 сентября. Появилось облачко белого дыма, когда колеса обожгли взлетную дорожку, и визит, который никто не мог бы представить себе полгода назад, начался.

Даже сам самолет был свидетельством мощи. Это самый крупный воздушный лайнер в мире, настолько широкий, что не может поместиться на обычной рулежной дорожке, настолько высокий, что требует специального алюминиевого трапа, настолько большой, что его нельзя развернуть на главной взлетной дорожке аэродрома Эндрюс, вследствие чего фотографам пришлось ждать, пока г-н Хрущев совершал свое памятное вступление на землю Соединенных Штатов вне их поля зрения, по другую сторону от корреспондентской площадки».

...Не меньше пятисот корреспондентов, представлявших десятки стран, с записными книжками, фотоаппаратами, киноаппаратами и телевизионными камерами, взобравшись на специально выстроенные металлические

подмостки в несколько ярусов, ловят взглядами детали обстановки и штрихи событий, быстро занося впечатления в блокноты. Колышутся на легком ветру полотнища государственных флагов Советского Союза и Соединенных Штатов Америки; сияет над ними голубой небосклон без единого облачка; сверкают на солнце трубы военного оркестра, белоснежны перчатки солдат и моряков почетного караула, и, как цветник, обрамляет поле пестро одетая толпа, собравшаяся за полицейским ограждением. Обо всем этом и многом, многом другом всего через несколько часов экстренные выпуски газет расскажут жадным читателям. Радио и телевидение ведут репортаж прямо с аэродрома.

Представители американского правительства направляются к самолету, с борта которого спускаются Н. С. Хрущев и сопровождающие его лица.

У подножия специально сделанного для «ТУ-114», почти вдвое надстроенного по высоте, трапа Никиту Сергеевича Хрущева встречает Президент США Дуайт Д. Эйзенхауэр. Они здороваются.

— Очень рад Вас приветствовать на американской земле! — произносит Эйзенхауэр.

— И я рад Вас видеть,— отвечает Н. С. Хрущев.

Президент тепло приветствует спускающуюся по трапу супругу Н. С. Хрущева Нину Петровну и других членов семьи, сопровождающих лиц.

— Хрущев и Эйзенхауэр не нуждаются в том, чтобы их представляли друг другу, они виделись в прошлом дважды: в 1945 году, когда Эйзенхауэр был в Советском Союзе, и в 1955 году на совещании в Женеве. Но кто бы мог подумать, что им суждено будет так скоро встретиться в третий раз, на американском континенте,— приподнятым голосом сообщает в микрофон радиокомментатор.

Президент США сопровождает Н. С. Хрущева по разостланному на земле длинному красному ковру-дорожке к специальной площадке для официального церемониала встречи. Начальник протокольного отдела государственного департамента У. Бьюкенен представляет Н. С. Хрущеву и его супруге государственного секретаря США К. Гертера, постоянного представителя США в Организации Объединенных Наций Г. Лоджа, председателя объединенной группы начальников штабов генерала Н. Туай-

нинга, а также других официальных лиц. Г-жа Гертер преподносит супруге Н. С. Хрущева Нине Петровне букет цветов. Букеты ярких цветов вручают Н. С. Хрущеву и сопровождающим его лицам дети сотрудников советского посольства в Вашингтоне, хотя по американскому протоколу делать этого не полагалось: чиновники госдепартамента, как они сами выразились, «пошли на первую уступку русским».

Д. Эйзенхауэр знакомится с членами семьи Н. С. Хрущева, прибывшими вместе с ним: дочерями Радой Никитичной и Юлией Никитичной, сыном Сергеем Никитичем — и с другими советскими гостями.

Журналисты обратили внимание на то, что в числе лиц, встречавших главу Советского правительства, почти не было военных. Не было их и в составе советской делегации, прибывшей вместе с Н. С. Хрущевым в США. На аэродроме в числе высокопоставленных представителей США находился лишь один военный — генерал Туайнинг. Его присутствия требовал этикет, поскольку в честь Н. С. Хрущева в Вашингтоне готовился военный парад.

Д. Эйзенхауэр и Н. С. Хрущев идут к почетному караулу. Командующий караулом генерал-лейтенант Кенуорти и вытянувшиеся в струнку четыреста солдат армии, флота, военно-воздушных сил и морской пехоты США салютуют Председателю Совета Министров СССР традиционным американским приемом «раффлз» (карабины выбрасываются четыре раза вперед и на плечи). Исполняются государственные гимны Советского Союза и Соединенных Штатов. Гремит артиллерийский салют из двадцати одного залпа в честь Н. С. Хрущева. Синие дымки вырываются из стволов гаубиц и, подхваченные ветром, тают в воздухе.

Командующий караулом докладывает Председателю Совета Министров СССР: «Сэр, почетный караул выстроен». Д. Эйзенхауэр и Н. С. Хрущев обходят ряды караула и шеренгу знаменосцев с флагами всех пятидесяти штатов США.

Глава Советского правительства и Президент США поднимаются на трибуну. Войска отдают еще один приветственный салют высокому гостю. К микрофону подходит Президент США. От имени правительства и народа Америки он тепло приветствует Никиту Сергеевича

Хрущева, его семью и сопровождающих лиц, выражая надежду, что их пребывание среди американцев будет интересным и полезным.

На трибуне у микрофона Н. С. Хрущев. Простым, непринужденным движением он вешает шляпу на столбик трибуны, и по лицам заметно, что этот простой жест пришелся по душе американцам.

— Мы приехали к вам с открытой душой и добрыми намерениями,— звучат над аэродромом, разносясь далеко-далеко за его пределами, слова главы Советского правительства.— Советский народ хочет жить в мире и дружбе с американским народом. Нет никаких препятствий к тому, чтобы отношения между нашими странами строились как отношения добрых соседей.

Никита Сергеевич передает сердечный привет и самые наилучшие пожелания американскому народу от народов Советского Союза, от Советского правительства и от себя лично.

Вспыхивают аплодисменты. Аплодирует, мягко улыбаясь, Президент, хлопают в ладоши тысячи встречающих. Президент крепко пожимает руку главе Советского правительства, и они спускаются к поджидающей их головной автомашине торжественной процессии. Это открытый черный лимузин «Кадиллак», используемый Д. Эйзенхауэром для парадных и торжественных поездок. На левом крыле автомобиля развевается большой флаг Советского Союза, а на правом — флаг США, такого же размера. Машина побывала за океаном. В 1955 году Д. Эйзенхауэр брал ее с собой в Женеву, когда там происходило совещание глав правительств четырех держав.

— Возможно, этой машине придется отправиться в новое путешествие, на новый «саммит» (встречу в верхах),— сказал нам шофер Президента, когда мы разговорились с ним на аэродроме, ожидая прилета «ТУ-114».

Д. Эйзенхауэр садится в машину между Н. С. Хрущевым и Н. П. Хрущевой. Оркестр играет бравурный марш «Белый дом».

Церемониал на аэродроме закончился. Советские гости и встречавшие их лица заняли места в автомашинах, которые, растянувшись на добрый километр, выехали на

шоссе и направились к американской столице. Так началась первая поездка Н. С. Хрущева по американской земле.

Широкая автомобильная трасса проходит через штат Мэриленд. Оглушительно воют сирены. Открытую головную машину сопровождает многочисленный эскорт полицейских на мотоциклах.

Невысокие холмы, луга, рощи, молочные фермы — таков идиллический мэрилендский пейзаж. Однако идиллия нарушается многочисленными вооруженными полицейскими, охраняющими трассу. Как объявили газеты, по маршруту следования с базы Эндрюс в Вашингтон расставлено более тысячи полицейских в форме, двести полицейских в штатском, отряд агентов тайной полиции и службы безопасности госдепартамента. Оказывается, только в одном Вашингтоне было сосредоточено 15 тысяч человек «войск, полиции, детективов, национальной гвардии, агентов безопасности».

«Советский Премьер,— писала газета «Вашингтон пост»,— прибыл в президентский дом для гостей под железным занавесом мероприятий по охране безопасности».

В этих условиях просто удивительно было наблюдать, как, прорвавшись через все полицейские кордоны, навстречу Н. С. Хрущеву выходило все больше и больше людей, собираясь на склонах холмов, концентрируясь у дорожных перекрестков. Число их постепенно увеличивалось, и, когда автомашины пересекли границу округа Колумбия, на территории которого расположен Вашингтон, вдоль шоссе уже стояли густые толпы американцев.

Машины въезжали в столицу через ее юго-восточную часть, где расположены негритянские кварталы. Здесь лишь изредка встречаются белые. Негры были первыми жителями американской столицы, которых увидел гость из Советского Союза. Прелестны были радостные, сверкавшие белозубыми улыбками негритянские дети, собравшиеся во дворах своих школ, где в тот день были прекращены занятия. Они прыгали, махали руками, кричали слова привета.

Первой достопримечательностью Вашингтона, которую можно было видеть из машин, был памятник Джорджу Вашингтону — огромный серый обелиск. Через

несколько минут в поле зрения появился купол Капитолия — здания американского конгресса.

Едва вереница автомашин приблизилась к центру города, как их ход резко замедлился. Теперь они двигались со скоростью не сто километров, а не более десяти километров в час. Здесь, начиная с Индепенденс-авеню — проспекта Независимости, скопления людей стали очень большими, в особенности у здания министерства здравоохранения, образования и социального обеспечения, у Смитсоновского института и у здания министерства сельского хозяйства. А когда процессия достигла центрального района американской столицы, людской поток захлестнул все вокруг.

Нередко попадались плакаты, в том числе написанные по-русски. На одном выделялась такая надпись: «Сердечное приветствие Премьеру Н. С. Хрущеву — добро пожаловать в Вашингтон». Его держал Роберт Коннер, служащий продуктового магазина.

— Почему Вы принесли этот плакат? — спросили его местные репортеры.

— А почему бы и нет? Почему бы мне не обратиться к гостю с приятными словами!

«Вы — желанный гость, г-н Хрущев»,— было выведено по-русски и по-английски на другом плакате. Его держали студенты — двадцатилетний Роджер Кнелбер и Альтон Хэлм.

Высоко в небе самолет, оставляя за собой дымный след, провел две перекрещивающиеся черты. Горожане, задрав головы, по-разному толковали значение этой эмблемы.

— Это крест! — говорил пессимистически настроенный вашингтонец.— Знак протеста против визита советского Премьера.

Другой, весело настроенный американец поддразнивал его:

— Это буква «Х», его инициал! Это небо Америки приветствует Хрущева!

На перекрестке двух центральных магистралей — Индепенденс-авеню и 14-й улицы — начинается военный парад в честь советского гостя. Церемониальным маршем, с развернутыми знаменами проходят подразделения пехоты, военно-морского флота, ВВС, моторизованной и

конной полиции. Восемь оркестров военных академий исполняют марши «Звезды и полосы», «Люди из Огайо», «Песня военно-воздушных сил» и другие.

На 14-й улице процессию возглавили воинские части всех родов войск и военный оркестр американских военно-воздушных сил. Начиная с этого момента процессия сомкнулась с военным парадом. Автомашины медленно двигались вдоль Нью-Йорк-авеню по живому людскому коридору. На площади Лафайета люди были везде: в окнах, на заборах, на крышах.

«Эта масса людей была самой большой, которую когда-либо видела столица США, когда в нее прибывал иностранный лидер»,— отмечала на следующий день влиятельная газета «Балтимор сан».

Триста тысяч американцев, позабыв знаменитое изречение Франклина о том, что время — деньги, толпились на улицах.

Водитель нашей машины пожилой, приятно улыбающийся человек сказал нам:

— Я помню, когда сюда приезжала английская королева. Тогда, пожалуй, и половины такого скопления людей не было. А ведь это считалось у нас рекордом. Много видных гостей приезжало. Многих из них довелось возить и мне. Но такого интереса к приезжающим, как к советскому Председателю, я, право же, не припомню.

— А сколько вам лет? — интересуемся мы у него.

— Да уже за шестьдесят, теперь на пенсии. Но в связи с этим событием решил сегодня поработать. Меня приглашает в таких случаях госдепартамент. Вот мне тоже удалось посмотреть вашего Премьера. Он совсем не такой, как о нем писали у нас...

Какими словами можно охарактеризовать настроение тех сотен тысяч американцев, которые заполнили вашингтонские улицы в день приезда главы Советского правительства?

«Интерес» — вот одно из слов. Выступая несколько дней спустя на обеде, устроенном Экономическим клубом Нью-Йорка, Н. С. Хрущев шутил:

— Господин Вудман сказал, что в истории вашего клуба никогда еще не было такого наплыва желающих принять участие во встрече с гостем, как сегодня. Перед

началом нашей встречи я сказал в шутку господину Вудману, что у нас в некоторых районах, жители которых никогда не видели, например, верблюда, возникает большое скопление народа, если верблюд появляется. Всем хочется его посмотреть, а кое-кто желает и за хвост его подергать.

Дружным смехом и аплодисментами были встречены эти слова. А Никита Сергеевич продолжал:

— Вы простите меня за шутку, но я хотел бы провести некоторую аналогию. Здесь собрался цвет капиталистического мира Нью-Йорка, да и не только Нью-Йорка. И вдруг среди столь избранной публики, привычной вам, появляется коммунист. Понятно, что возникает желание посмотреть на него, а если у него окажется хвост, то и подергать за него.

И вновь взрыв смеха раздался в зале.

Увидеть главу Советского правительства Никиту Сергеевича Хрущева, имя которого широко известно в Америке, посмотреть, как выглядит этот убежденнейший коммунист,— этого хотели многие люди. И подобными же чувствами были движимы не только деловые люди Нью-Йорка, но и тысячи жителей Вашингтона.

«Осторожность» — вот другое слово, характеризующее настроение чиновничьей толпы, встречавшей Н. С. Хрущева. Мы уверены, что не обидим вашингтонцев, называя толпу чиновничьей. Ведь в Вашингтоне 252 тысячи чиновников и только 17 тысяч промышленных рабочих. Служащие толпились на центральных улицах Вашингтона. Они временно вышли из дверей своих министерств, и каждый беспокоился о том, чтобы суметь возвратиться через эти двери обратно.

«Выжидание» и «надежда» — нам не хотелось бы отделять друг от друга эти слова. Это было выжидание, окрашенное надеждой, а не враждебностью. Люди ждали и надеялись, надеялись и ждали, что визит поможет развеять кошмар возможной ядерной войны, страх перед которой немыслимо заглушить даже столь распространенной в Америке сельтерской водой с бромом. Многолетняя бешеная пропаганда «холодной войны» не могла не оставить отпечатка в сознании какой-то части американского народа. В первые часы и дни многие еще не были уверены, следует ли приветствовать визит главы Советского правительства.

С чем можно было бы сравнить торжественную колонну автомобилей, двигавшуюся в этот солнечный день по улицам Вашингтона? Пожалуй, ее можно было уподобить атомному ледоколу. Словно атомный ледокол, крошащий арктические льды, она дробила лед «холодной войны», и было видно, как теплели лица людей, как оттаивали в приветственном жесте замороженные стужей маккартизма руки жителей Вашингтона.

Рассказывая о встрече в Вашингтоне, Никита Сергеевич говорил:

— В Соединенных Штатах я в первый день наблюдал такую картину: едем мы с Президентом; огромное количество людей стоит, кое-кто руку поднимает, машет, но я вижу — быстро отдергивает руку, словно прикоснется к электрическому току.

Вначале мне было трудно понять, в чем дело. Тогда я решил внимательнее всмотреться в лица людей, стоящих по обе стороны пути нашего следования. Я стал делать знак привета легким кивком головы, и многие начали отвечать мне тем же. В чем же было дело?

Никита Сергеевич объяснил, в чем было дело. Оказывается, по маршруту советских гостей, что называется перед самым носом колонны, проехала специальная автомашина. Газета «Нью-Йорк геральд трибюн» от 16 сентября свидетельствует, что эта «автомашина проехала вдоль маршрута с плакатом, на котором было написано: «Никаких приветствий, никаких аплодисментов — будьте вежливы и молчаливы»».

Государственный департамент позже опубликовал заявление, признавая, что такой инцидент действительно имел место, но машина, мол, шла не вдоль пути следования Н. С. Хрущева, а поперек. Но какая цена таким заявлениям, если за день до прибытия главы Советского правительства в столицу США та же самая злополучная автомашина исколесила вдоль и поперек город Вашингтон...

В редакцию газеты «Правда» в те дни поступило письмо из США за подписью «Друг». Вот как объясняет некоторые обстоятельства встречи Н. С. Хрущева американец, пожелавший остаться неизвестным.

«...Мотоциклы двигались такой плотной стеной, что нам было невозможно рассмотреть автомашину, в которой находился Хрущев.

«Где он был?», «В какой машине?», «Столько мотоциклов, что ничего не видно!» — слышались реплики вокруг меня.

А на тротуарах стояли люди, среди которых были такие, которые хотели бы приветствовать советского лидера, но ведь надо видеть того, кого хочешь приветствовать! И, во-вторых, кругом было столько полиции в штатском и тайных агентов, что в любом случае в условиях кампании, проводившейся радио и телевидением день за днем под лозунгом оказать Хрущеву холодный и молчаливый прием, поступать иначе — значило бы вести себя по меньшей мере «нездорово»».

...Но вот и конец пути. Миновав Белый дом, головная машина подрулила к светлому зданию в три этажа, с мансардой.

— Блэйр-хауз. Здесь будет жить господин Хрущев,— поясняет наш водитель.

Президент Д. Эйзенхауэр и Н. С. Хрущев поднимаются по ступенькам Блэйр-хауза и несколько минут стоят у входа в дом, пока их снимают фоторепортеры и кинооператоры. Радиокомментаторы с портативными передатчиками УКВ ведут репортаж...

— Перед нами сияющий Хрущев, слева от него улыбающийся Президент, еще левее — супруга Хрущева. Никогда Вашингтон не видел ничего подобного,— слышится поблизости от нас голос одного из комментаторов.

На пороге Блэйр-хауза Президент прощается с Н. С. Хрущевым. Вскоре он возвращается в Белый дом.

Перед Блэйр-хаузом многолюдно. Сотни глаз устремлены на это знаменитое здание. Горожане словно в первый раз видят этот особняк со свежевыкрашенным фасадом, вглядываются в окна, подъезд. Все в этом доме исполнено теперь особого смысла и значения.

Нам припоминается, что сказано о Блэйр-хаузе в справке госдепартамента: «В течение всего периода со времени его постройки Дом Блэйра играл видную роль в официальной и общественной жизни города Вашингтона и Соединенных Штатов. Четыре президента США — Джексон, Ван Бьюрен, Линкольн и Тафт — были близкими друзьями и частыми гостями выдающихся семей, которым принадлежал дом до 1942 года, когда он перешел в постоянное владение правительства США».

Блэйр, видный политический деятель и журналист середины прошлого столетия, принимал здесь Авраама Линкольна. Под крышей Блэйр-хауза в 1862 году Линкольн писал проект прокламации об освобождении негров от рабства.

Стариной веет внутри здания. В подсвечники ввернуты электрические лампы, но обстановка особняка сохранилась в значительной степени такой, какой она была сто лет назад. На стенах висят потемневшие литографии, много портретов. В буфетах и шкафах стекло и серебро ранней американской выделки, старинный английский фарфор из Лоустофта, коллекции предметов, связанных с эпохой Линкольна.

Советским гостям постарались создать в доме максимум удобств и даже пригласили повара, заявившего американским репортерам, что Блэйр-хауз будет обеспечен славянскими блюдами. В меню первого лэнча, поданного в доме советским гостям, действительно был украинский борщ.

Краткий отдых, и в Блэйр-хауз заезжает Генри Кэбот Лодж, чтобы сопровождать Н. С. Хрущева на первую беседу с Президентом Д. Эйзенхауэром.

В американской прессе сообщалось, что Лодж обстоятельно готовился к поездке по Соединенным Штатам с Н. С. Хрущевым. Он изучал все выступления и высказывания Н. С. Хрущева. С какой целью? Мы увидим это позже.

В Белом доме все было подготовлено к первой встрече Президента США с Председателем Совета Министров СССР.

Как нам рассказывали американские репортеры, утром в воскресенье, 13 сентября, Президент присутствовал на проповеди в своей церкви, где шла служба «в пользу мира». На следующий день он до позднего вечера, нарушая предписания врачей, проводил совещания со своими ближайшими советниками, уточняя последние детали «генеральной стратегии» предстоящих бесед с главой Советского правительства. Еще утром 15 сентября недремапное око американских репортеров замечало необычное оживление в Белом доме. Туда подъезжали лимузины с ответственными сотрудниками госдепартамента и других правительственных ведомств, входили и

выходили дипломаты стран — партнеров США, сновали курьеры.

Колеса огромной правительственной машины безостановочно вращались. Их бег за последние недели заметно ускорился...

Облеченный согласно американской конституции всей полнотой исполнительной власти, осуществляя одновременно функции главы государства и правительства, являясь главнокомандующим вооруженными силами и лидером выдвинувшей его на этот пост партии, президент США в своей работе опирается на разветвленный и сложный аппарат своих министров, советников, помощников и т. д.

Общая численность сотрудников канцелярии Белого дома и всего исполнительного аппарата правительственной администрации США составляет 2730 человек. При президенте имеется главный помощник, три его заместителя, два секретаря, три специальных советника, три помощника по административным вопросам, девять специальных личных помощников, четыре специальных помощника в канцелярии Белого дома, несколько специальных консультантов и довольно значительное число людей, носящих звание помощника заместителя помощника президента. Каждый специальный помощник располагает собственным штатом, состоящим нередко из десятка человек.

Невидимо для внешнего мира, но постоянно ближайшее окружение президента взаимодействует с политическими, финансовыми, промышленными кругами США. Механика этого взаимодействия в немалой степени зависит от личности президента. Но мы не будем вдаваться в тонкости американской государственной деятельности, достаточно отметить, что история США знала президентов, являвшихся покорным орудием в руках могущественных тузов биржи, банков, промышленности, и знала президентов, заставлявших внушать к себе уважение, прислушиваться к своему слову и считаться с ним даже тех, кто привык оставлять последнее слово за долларом.

Не может быть сомнения в том, что нынешний Президент США пользуется в стране большой популярностью. Произнося имя Д. Эйзенхауэра, многие американцы в

первую очередь имеют в виду его роль во второй мировой войне как главнокомандующего союзными войсками, сначала на средиземноморском, а затем на западноевропейском театре военных действий.

Помнят об этой роли Эйзенхауэра и советские люди. Беседуя с группой губернаторов американских штатов в Москве 7 июля 1959 года, Н. С. Хрущев сказал:

— Мы очень ценим дружбу, которая сложилась между советскими людьми и американскими в тот период, когда мы воевали против Гитлера. Я с большим уважением отношусь к вашему нынешнему Президенту, памятуя о той роли, которую он сыграл в этой войне. Когда он командовал союзническими вооруженными силами на Западном фронте, у нас не было никаких трений. Мы об этом помним, и мы это очень ценим. С тех пор советско-американские отношения ухудшились. Но мы хотели бы вернуться к тому дружественному сотрудничеству, которое имело место между нами в военное время.

Вскоре после окончания войны Д. Эйзенхауэр посетил Советский Союз и провел несколько дней в Москве и Ленинграде. С трибуны Мавзолея на Красной площади он вместе с руководителями Советского правительства наблюдал физкультурный парад 1945 года. После своей поездки в СССР Д. Эйзенхауэр писал в книге «Крестовый поход в Европу», что «при наличии взаимного доверия между Америкой и Советским Союзом никакие другие разногласия между государствами не могут представлять угрозу всеобщему единению и миру».

Много лет прошло, прежде чем правительство США предприняло первые конкретные шаги, чтобы на практике применить этот важнейший принцип.

Американские наблюдатели отмечали, что за последнее время Д. Эйзенхауэр проявляет большую, чем прежде, активность в международных делах. Как подчеркивалось в американской печати, если раньше Президент передоверял решение почти всех внешнеполитических вопросов Даллесу, то теперь он сам держит в руках руль внешней политики, что нашло свое яркое выражение в решении пригласить в США главу Советского правительства.

Н. С. Хрущев высоко оценил этот шаг американского Президента. Выступая на митинге в Москве 28 сентября 1959 года, он заявил:

— С этой высокой трибуны перед москвичами, перед всем своим народом, правительством и партией я должен сказать, что Президент Соединенных Штатов Америки Дуайт Эйзенхауэр проявил государственную мудрость в оценке современной международной обстановки, проявил мужество и волю. Несмотря на сложность обстановки, которая существует в Соединенных Штатах, он, человек, который пользуется абсолютным доверием своего народа, выступил с предложением об обмене визитами между главами правительств наших стран. Мы воздаем должное этой важной инициативе, направленной на укрепление дела мира. Предпринимая этот шаг, он был уверен, что мы примем протянутую им руку, поскольку мы неоднократно по этому вопросу обращались как к Президенту Эйзенхауэру, так и к другим главам правительств. И Президент США не ошибся в своих расчетах.

Президент тонко чувствовал пульс американской общественности, когда направлял в Москву свое приглашение. Недаром американский журналист Маркис Чайлдс писал, что Д. Эйзенхауэр «обладает, образно выражаясь, высокой антенной, вибрирующей в ответ на раздающиеся вокруг него сигналы. В этом его сила и его слабость».

Решение Президента обменяться визитами с главой Советского правительства вызвало в США противоречивые отклики. Одни политики расценили акцию Президента как «признак силы», другие — «слабости». В кулуарах уолл-стритовской биржи, Капитолия, в салонах Вашингтона зашептали об «опасном Президенте» и его «рискованных прожектах». Нелишне напомнить, что подобная же возня и даже озлобление сопровождали любые шаги покойного президента Ф. Рузвельта, когда он в тридцатых годах показал себя сторонником нормализации советско-американских отношений.

Но Д. Эйзенхауэр знал, что делал. Первые же часы пребывания Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева на американской земле показали даже наиболее скептически настроенным людям в США, что Президента в его смелом начинании единодушно поддерживают миллионы его соотечественников.

Одна из ведущих американских газет — «Вашингтон пост» подметила связь между ростом популярности

Д. Эйзенхауэра в стране и проявленной им инициативой. «По мере того как реализуется первая фаза исторического обмена визитами между Эйзенхауэром и Хрущевым, личная популярность Айка (так сокращенно называют американцы своего Президента.— *Авторы*) в глазах американских избирателей достигает высшей точки»,— писала газета.

Теплая встреча в Вашингтоне 15 сентября была в этом смысле показательной. Газета «Балтимор сан» свидетельствовала, что встреча явилась «пробным испытанием — первым конкретным образцом реакции американской публики на визит Хрущева. Важно указать, что данная проба совершилась в городе, где привыкли к именитым иностранным гостям и парадам в их честь, в городе, где население менее подвержено глубоким эмоциям, чем во многих других городах страны».

...В сквере перед Белым домом появления Н. С. Хрущева ждали тысячи людей. Они громкими аплодисментами приветствовали советского гостя, когда его машина подъезжала к правому, западному крылу Белого дома. У дверей Н. С. Хрущева встретил адъютант Президента, проводивший его через приемную в кабинет Президента. В приемной на стене висела картина «Весна идет» работы С. П. Подлясского, экспонировавшаяся на советской выставке в Нью-Йорке. Д. Эйзенхауэр очень лестно отозвался об этом произведении советского искусства, и после закрытия выставки картина была преподнесена в дар Президенту.

Д. Эйзенхауэр любезно встретил Н. С. Хрущева у дверей своего кабинета, заботливо предложил ему кресло. Это была так называемая Овальная комната — сравнительно небольшое помещение, вот уже пятьдесят лет используемое президентами как их личный кабинет. Письменный стол, кресла вокруг него, картины и литографии на стенах — все это выдержано в строгом стиле. Из широких французских окон видны розарий и лужайки парка.

Библиотека президентского кабинета подобрана по вкусу его хозяина. Д. Эйзенхауэра «окружают» двадцать четыре тома Британской энциклопедии, пятьдесят четыре тома собрания «Великих произведений западного мира», включая книги Дарвина, Гегеля, Канта, Адама Смита, Маркса, Толстого и других авторов. Однако на

рабочем столе Президента можно видеть больше «карманных» изданий, чем полных. Он предпочитает их, ибо они удобнее для чтения в поездках.

Прохожие, которым случается проходить поздно вечером мимо Белого дома, нередко видят свет на верхнем этаже западной стороны здания. Свет горит в комнате, примыкающей к спальне Д. Эйзенхауэра. Здесь Президент занимается живописью. Живопись, говорит он,— лучший отдых.

Снаружи резиденция Президента — это белый двухэтажный особняк, выдержанный в строгом классическом стиле. Здание было построено в 1792—1799 годах. Белый дом получил свое нынешнее название после 1814 года. Английские войска захватили Вашингтон во время войны с Соединенными Штатами и почти полностью сожгли центральную часть города. От резиденции Президента остались тогда одни стены. Впоследствии они были покрашены в белый цвет, чтобы скрыть следы пожара.

Сколько знатных сиятельных гостей принимал Белый дом за свою историю! Короли, президенты, шейхи, премьеры, лорды, маститые дипломаты ступали по коврам Белого дома. Теперь двери резиденции Президента распахнулись перед главой правительства первого в мире социалистического государства.

Многое, очень многое должно было свершиться за пределами Америки и внутри нее, прежде чем был сделан этот исторический шаг на пути развития советско-американских отношений.

С востока и запада, за тысячи километров на американский континент дули бодрящие ветры, и постепенно в Америке рассеивался туман, годами, десятилетиями висевший над страной, над ее образом мышления, психологией, поступками. Многое стало вырисовываться в своем истинном свете, в подлинных пропорциях.

Большие мысли, рождающиеся в народе, нередко отливаются в форме крылатых выражений, и появление крылатого слова всегда отражает народную мысль. Нам хотелось бы упомянуть об одном из наиболее ярких крылатых выражений, родившихся в Америке в дни визита, и пояснить его происхождение. Как известно, американцы часто приговаривают: «О'кей»,— что означает «отлично», «хорошо», «все в порядке». Но сейчас в Вашингтоне говорят: «Кей о'кей». Что это значит?

Напомним, что в английском написании фамилия Н. С. Хрущева начинается с «К». По традиции американских газет фамилии выдающихся, известных всему миру политических деятелей обозначаются в статьях одной начальной буквой. Буква «К» по-английски произносится как «кей». Таким образом, выражение «Кей о'кей», звучавшее в те дни, означало «Хрущев, хорошо!», «Хрущев, все в порядке». Таковы, очевидно, суждения американского народа.

«Вы — желанный гость!» — сказал Н. С. Хрущеву американский народ.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ЛУННЫМ ВЫМПЕЛОМ

Газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала портрет Никиты Сергеевича Хрущева рядом с портретом Петра Первого. В редакционной статье газета писала:

«Приблизительно 262 года назад, в марте 1697 года, Петр Великий стал первым с X века руководителем русского государства, пересекшим границу своей страны с мирной миссией. Он направился в Западную Европу, чтобы, говоря словами великого русского историка Ключевского, посмотреть «западные методы»... Он проявил себя энергичным человеком во время этой поездки, общался как с правителями, так и с простым народом и посещал заводы, больницы, государственные учреждения и тому подобное. Знания, которые он привез из этой поездки, оказали глубокое влияние на Россию, которой он правил, и на соседей России.

Исторические параллели не следует проводить слишком далеко, но, по крайней мере символически, стоит вспомнить поездку Петра, когда мы ожидаем сегодняшнего прибытия Никиты Сергеевича Хрущева».

Да, действительно, исторические параллели не следует проводить слишком далеко! Петр приехал в Голландию в одежде простого плотника, чтобы изучить кораблестроение в Амстердаме. Миссия Н. С. Хрущева прибыла в США на воздушном корабле, не имеющем равных в мире. Прибыла в страну, где любой генерал из артели создателей «юпитеров» и «авангардов» охотно сменил бы парадный мундир на одежду простого плотника, только чтобы хоть краем глаза взглянуть на совет-

скую звездную верфь, на советскую межпланетную пристань, от которой взмывают ввысь советские космические корабли.

Так кому и у кого, спрашивается, изучать сегодня кораблестроение? Кому и у кого набираться новаторских знаний, способных оказать глубокое влияние на свою страну и соседние с ней государства? *Диалектика истории такова, что нередко исторические противоположности оказываются убедительней исторических параллелей.*

15 сентября в Белом доме Н. С. Хрущев вручил Д. Эйзенхауэру памятный дар — копию советского вымпела, доставленного в ракете на Луну, и золотой значок, изготовленный в честь этого выдающегося события.

На пластинке вымпела были выгравированы слова:

«Г-ну Дуайту Эйзенхауэру

Президенту Соединенных Штатов Америки

от Н. С. Хрущева

Председателя Совета Министров Союза Советских Социалистических Республик».

В послании, врученном Президенту вместе с даром, было сказано:

«...Подлинник вымпела находится на Луне.

Прошу рассматривать этот подарок как символ стремления нашего народа к развитию мирных и дружественных отношений с вашим народом, с вашей великой страной — Соединенными Штатами Америки».

Принимая памятный дар, Президент США выразил глубокую благодарность Советскому правительству и сказал, что копию вымпела и значок он передаст в музей своего родного города Абилина, чтобы люди могли видеть его.

Д. Эйзенхауэр выразительным жестом как бы примерил значок к петлице, а затем открыл футляр, где на голубоватом бархате покоился блестящий металлический шар, поверхность которого составлена, словно из чешуек, из пятиугольных элементов, на каждом из которых рельефно выделяется или герб Советского Союза с надписью «СССР», или пятиконечная звездочка и надпись: «СССР, сентябрь 1959». Здесь же, на бархате, прикреплены несколько отдельных элементов-чешуек. Президент задумчиво взвесил на ладони прославленный на тысячах

газетных страниц массивный лунный шарик; солнечный луч празднично блеснул на его отполированных гранях.

Как один из наиболее осведомленных людей Америки, Президент, вероятно, лучше других ощущал всю весомость тугоплавкого, сверкающего на солнце шара, украшенного советскими гербами.

Теперь мы знаем, что за несколько часов до этой торжественной церемонии с ракетной базы на мысе Канаверал пришло известие о событии, которое позже мировая печать называла «черным днем для американских ученых». Ракета «Юпитер», призванная вывести на орбиту очередной американский спутник, не взлетела по одной из трудно устранимых причин, выяснившейся сразу после запуска двигателя первой ступени. Чрезвычайные попытки спасти национальный престиж путем запуска ракеты «Авангард» через три часа вслед за «Юпитером» также не увенчались успехом. В «Авангарде» не сработало зажигание.

«Если бы уныние ценилось на вес золота,— иронизировала по этому поводу одна из американских газет,— то мыс Канаверал превратился бы в место всеобщего обогащения».

Информированные, осведомленные люди понимали, конечно, что печальная неудача на мысе Канаверал не является «несчастьем местного значения». Для того чтобы поправить его, недостаточно, скажем, навести порядок на ракетном полигоне или даже разгадать какой-то отдельный технический секрет. Нет, не такими частностями определяются бессмертные подвиги в освоении космического пространства. Как рекорд в толкании ядра достигается напряжением всех мышц тяжелоатлета, так и космический толчок, направивший вымпел в центр лунного диска, был достигнут напряжением всей индустриальной мощи социалистической державы, всех ее интеллектуальных сил. Восходящие линии многих отраслей науки и техники, словно в фокусе, скрестились в этом маленьком шарике, образуя одну из горделивых вершин человеческого знания.

Глядя на сверкающий шарик с советскими гербами, фотографии которого облетели все газеты мира, мы задумались над той огромной ролью, которую сыграл он в судьбе земного шара, над огромной ролью прогресса науки и техники в международных отношениях.

Лишь марксизм-ленинизм помогает по достоинству оценить социальное значение успехов современной науки и техники. Естествознание, учит марксизм, насквозь революционно. «Пар, электричество и автоматические станки были несравненно более опасными революционерами, чем граждане Барбес, Распайль и Бланки»,— говорил К. Маркс, сопоставляя три великих изобретения с именами трех известных деятелей буржуазных революций во Франции. Но еще более опасными революционерами являются в наши дни энергия атома и космическая ракета. Два великих достижения науки и техники оказали могучее влияние на социальное и политическое развитие народов и государств, на отношения между ними.

Смертоносный гигантский гриб ядерного взрыва, пронизавший слои облаков над пылающим городом Хиросима, возвестил начало атомного века. Неизбежной и трагической закономерностью было то, что буржуазные ученые, изучавшие цепную реакцию в недоступных для бомбежек убежищах за океаном, лишь попутно занимались ее управляемым течением. Конечной и страшной целью их исследований был чудовищный процесс, образующий огненное чрево атомной бомбы. Такова роковая судьба изобретений и открытий в капиталистическом обществе, где по самим законам его развития гениальные завоевания науки и техники из великого блага превращаются в величайшее зло.

Взрывы атомных бомб над Хиросимой и Нагасаки были не только днями рождения атомной войны, но и днями рождения «атомной дипломатии». Можно смело утверждать, что за всю историю дипломатических отношений и за всю их далекую предысторию от каннибализма и до капитализма не существовало в этой области ничего более грубого, примитивного и недальновидного, чем откровенно агрессивная дипломатия атомной бомбы.

Метафизики в философии и склеротики в политике с грамотами дипломатов не уловили качественных перемен, которые пришли в международные отношения в связи с новой силой. В современном ядерном оружии они видели лишь разросшийся вариант палицы, применявшейся еще в каменном веке. Беззастенчивость, с которой они размахивали атомной бомбой, повсеместное

культивирование страха перед ее смертоносной силой, безудержное раздувание атомного психоза порождались иллюзией монопольного владения ядерным оружием — иллюзией монополии, гарантируемой мнимой невозможностью для других стран раскрыть секрет производства атомной энергии. Генералы, дипломаты, бизнесмены, вероятно, полагали, что можно засекретить законы природы.

Говорят, что английский философ Бэкон, наткнувшись на рецепт пороха, зашифровал свое открытие в сложной криптограмме. Но Бэкон не знал, что порох был давно изобретен на другом конце земли, в Китае.

Сообщение ТАСС от 25 сентября 1949 года об атомных испытаниях в СССР было для Запада как гром с ясного неба, опрокинуло «атомную дипломатию». Иллюзии атомной монополии великой заокеанской страны моментально рассеялись, и лишь жуткий туман атомного психоза продолжал клубиться на собственной ее территории.

В ослепительной вспышке советского атомного взрыва с небывалой доселе яркостью высветились горделивая стать нашей науки, достижения нашей индустрии. Еще до этого события Советское правительство предлагало запретить атомное оружие. Не успел затихнуть громовой бас раскрепощенного атома, как Советское правительство снова вошло в Организацию Объединенных Наций с предложением о запрещении атомного оружия.

Все фальшивое, лживое, что измышлялось о советской науке и технике в американской печати, оказалось в непримиримом противоречии с фактами. Однако пропагандистская машина «холодной войны» продолжала свое движение.

Была выдвинута лживая версия о похищении атомных секретов. Эту версию пытались вписать в историю не только ядовитыми чернилами продажных журналистов, но и кровью мучеников. Сейчас вряд ли стоит ворошить минувшее, но могильный призрак бесноватого сенатора Маккарти, говорят, еще и теперь появляется в темных коридорах некоторых министерств Вашингтона, а невинные тени супругов Розенберг еще чудятся в электрическом кресле тюрьмы Синг-Синг. Рано или поздно невинные жертвы атомной истерии будут реаби-

литированы, но никто и никогда не оправдает тех, кто разжигал, раздувал и поддерживал преступную ложь о хищении «тайны атома». Международные конференции по проблемам применения атомной энергии, где впервые были преданы гласности многие секретные материалы, позволяют ныне убедительно проследить все перипетии мировой исследовательской и изобретательской мысли на пути в глубины атомного ядра.

Поразительно принципиальное сходство приборов, построенных на разных концах земли, за семью замками лабораторий, в обстановке глубочайшей секретности. Совершенно немыслимо предположить, что ученым удалось «подсмотреть» секреты друг у друга. Они просто пытались проникнуть в одну общую тайну — великую тайну природы. Они порознь вели единоборство с природой и держались единственно возможной тактики: разгадать законы природы и тем самым подчинить ее себе. Их конечные выводы получились едиными, как едины сами законы природы.

В июле 1954 года пуском первой в мире атомной электростанции Советский Союз сделал первый в мире шаг к мирному промышленному применению атомной энергии. Стоит вспомнить, как четыре десятка лет тому назад английский писатель Герберт Уэллс посетил в Кремле Владимира Ильича Ленина. Знаменитый фантаст Уэллс — человек грандиозного воображения, умевший заглядывать в будущее, рисовавший картины межпланетных перелетов,— не поверил в реальность гениального ленинского плана электрификации России. Голодную, снежную, «лапотную» Россию он не смог вообразить электрифицированной страной. В своей книге «Россия во мгле» Уэллс назвал В. И. Ленина «кремлевским мечтателем».

Жаль, что среди нас нет сегодня Герберта Уэллса и уже нельзя пригласить его в нашу страну. Из отсталой, «лапотной» России страна превратилась в Россию атомную. Что же спрашивать с рядовых буржуазных прорицателей, если даже Уэллс не смог предвидеть этого!

А тем временем дипломаты «холодной войны», не желая расстаться с атомным шантажом, распускали хвастливые слухи о некоей «сверхбомбе», якобы зреющей уже на заокеанском атомном огороде.

Наконец исполинский взрыв водородной бомбы, равносильный одновременному взрыву миллионов тонн обычной взрывчатки, возвестил о том, что реакция ядерного синтеза впервые осуществлена человеком на земле. В результате так называемой термоядерной реакции гигантские запасы энергии, дремлющие в недрах водорода, в изобилии содержащегося в воде, как бы пробудились в исполинском вздохе.

Где же было сделано это величайшее физическое открытие? В Западном полушарии?

Нет, это было достижение советских ученых и инженеров. Так из рук представителей «атомной дипломатии» была выбита еще одна дубинка.

И вновь проявился высокий гуманизм советской науки. Советский Союз немедленно заявил: он готов отказаться от военного применения и этого своего достижения. Вместе со всем прогрессивным человечеством советские ученые повели борьбу за запрещение термоядерного оружия. С трибуны XX съезда партии академик И. В. Курчатов призвал ученых мира, в том числе и ученых США, совместно работать над мирным применением термоядерных реакций, научиться управлять ими для мирных целей. И тогда человечество сможет извлекать горючее из вод океана — неисчерпаемый океан энергии откроется перед людьми. Забота об энергии будет снята с человечества раз и навсегда.

Свой призыв советские ученые подкрепили щедрыми делами. В 1956 году, выступая на аэродроме по возвращении Н. С. Хрущева из поездки в Англию, сопровождавший его академик И. В. Курчатов благодарил партию и правительство за заботу о развитии советской науки. «С разрешения партии и правительства,— сказал он,— я доложил на заседании английских физиков о некоторых работах Академии наук СССР по управляемым термоядерным реакциям.

Я счастлив тем, что правительство моей страны проявило благородную инициативу и первым в мире решило снять секретность с этих работ».

Вместе с тем советские атомники одержали еще одну историческую победу. Выполняя директивы XX съезда, они создали первый в мире атомный ледокол, положив тем самым начало великой технической революции — мирному применению атомной энергии на транспорте.

И пока электросварщики копошились в еще почти пустой скорлупе строящегося американского атомохода «Саванна», советский атомоход «Ленин» вступил в строй, стал на Неве рядом с легендарным крейсером «Аврора».

«Пуск ледокола «Ленин», двигатели которого сейчас приводятся в движение атомной энергией,— писал Никита Сергеевич Хрущев в своем ответе на письма и телеграммы, поступившие в связи с поездкой в США,— также имеет символическое значение. Не случайно именно советские люди, которые первыми в мире запустили электростанцию на атомной энергии, первыми ввели в строй и атомный ледокол. Тем самым мы вновь наглядно показали, что советские люди полны решимости использовать энергию атома в мирных целях.

Наш атомный ледокол «Ленин» будет ломать не только льды океанов, но и льды «холодной войны». Он будет прокладывать путь к умам и сердцам народов, призывая их совершить поворот от соревнования государств в гонке вооружений к соревнованию в использовании атомной энергии на благо человека, на согревание его души и тела, на создание всего необходимого, в чем нуждаются люди. Мы готовы сотрудничать со всеми народами в деле мирного использования атомной энергии, и нам было бы приятно, если бы этот призыв был подхвачен всеми государствами».

В первый же день пребывания в Вашингтоне, пока Н. С. Хрущев беседовал с Д. Эйзенхауэром, советский ученый начальник Главного управления по использованию атомной энергии В. С. Емельянов вел переговоры по вопросам использования атома в мирных целях с председателем американской комиссии по атомной энергии Д. Маккоуном.

Друг перед другом, лицом к лицу стоят две великие державы — Восточный и Западный великаны. Обе они обладают термоядерным оружием беспримерной сокрушительной силы. И Восточный великан не раз на протяжении последних лет говорил своему Западному соседу: давайте запретим атомное оружие, прекратим его опасные испытания и его угрожающее совершенствование, обратим свои совместные силы на труднейшую проблему мирного применения термоядерных реакций.

Но представителям «атомной дипломатии» было трудно перестроиться. Они упорно продолжали цепляться за политику «с позиции силы», хотя позиция эта существовала только в их воображении.

— Да,— говорили они,— у Советского Союза теперь есть и атомное и термоядерное оружие. Но границы Соединенных Штатов далеки от него, а наши военные базы у него под боком...

И они стали силой втискивать в руки своих перепуганных сторонников в других странах батареи баллистических ракет ближнего и среднего действия.

Тогда разыгравшимся стратегам откровенно сказали, что Советский Союз располагает межконтинентальной ракетой. Это заявление было встречено смешком недоверия. Но тем временем произошло научное событие всемирно-исторического значения.

Свершилось неслыханное чудо. Гением советской научной и изобретательской мысли, по воле народа, по велению Коммунистической партии было создано новое небесное тело — искусственный спутник Земли.

Маленькая металлическая луна стала вращаться вокруг нашей планеты по эллиптической орбите, по законам, обязательным для всех небесных светил. Все человечество было восхищено этим величественным актом творения.

Новый спутник Земли, совершающий множество кругосветных путешествий в сутки, не являлся мертвой глыбой металла, он жил своеобразной напряженной жизнью. Его корпус, подобно мифическому ковчегу, был населен разнообразным семейством научных приборов — этих «органов человеческого мозга», как однажды вдохновенно назвал их К. Маркс.

Незримые нити радиоволн связывали советский спутник с Землей. Радист из Антарктиды, принимавший в наушники его характерный писк, английский ученый, прильнувший к экрану радиотелескопа, американский священник, заметивший искорку в небе перед восходом Солнца,— тысячи людей, наблюдавших спутник, как бы совершали путешествие вместе с ним.

Наступила новая эра в науке и технике. Началась смелая разведка боем неприступных космических рубежей. Открыта новая страница в международных отношениях.

Можно сказать, что в искусственном спутнике, как в капле воды, отразилась вся индустриальная мощь Советской державы и ее разносторонний научный гений. Вокруг принципа, выдвинутого еще К. Циолковским, кристаллизовались сложнейшие построения коллективной изобретательской мысли. Идею изобретателя-одиночки, которого затирал царизм, смог реализовать лишь свободный разум многих людей.

Снова опростоволосились любители «холодной войны», потускнели в блеске новоявленного светила фальшивые краски буржуазных журналистов, изображавших светлый мир советской науки и техники затхлым мирком немощи, консерватизма и рутины!

Еще недавно мы завидовали планете Юпитер, у которой, как известно, множество лун. Теперь завидовать нечему. Земля сама имеет несколько лун. Часть из них создана человеческими руками. Начитавшись фантастических книжек, мы старались представить себе, как выглядит жизнь на других планетах. Но, пока мы ломали голову, человеческие руки создали новое небесное тело — с живым существом внутри. Заселение космоса началось. Когда-нибудь собаке «Лайке», которая первой несла службу на рубежах вселенной, была первым живым исследователем космоса, будет воздвигнут памятник.

Так выглядели лишь некоторые из подарков, принесенных советскими людьми к славному сорокалетию Великого Октября.

Как могло случиться, что народ, сорок лет назад бороздивший деревянной сохой истощенную землю, обогнал наиболее развитые страны мира, прочертил первую борозду в космосе? Как могло случиться, что именно в нашей стране осуществилась вековая мечта человечества?

Поэт Валерий Брюсов восклицал:

Мы были узники на шаре
скромном,
И сколько раз в бессчетной
смене лет
Упорный взор Земли в просторе
темном
Следил с тоской движения
планет.

Узник Петропавловской крепости революционер Николай Кибальчич писал в предсмертный час:

«Находясь в заключении, за несколько дней до своей смерти я пишу этот проект... Если же моя идея... будет признана исполнимой, то я буду счастлив тем, что окажу громадную услугу Родине и человечеству».

То была диссертация с петлей на шее. Палачи повесили Кибальчича. А его проект, его принцип ракетного летательного аппарата, единственно возможный принцип полета в безвоздушном пространстве, оказался похороненным в архивах царской охранки. Но теперь человечество благоговейно склоняет голову перед прахом Кибальчича: «Да, идея ваша признана исполнимой. Она исполнена. Человечество и Родина благодарны вам за громадную услугу».

Дерзкий революционер оказался дерзновенным ученым. Если страна вдохновлена революционной идеей, то они, идеи, проявляются во всем: и в общественной жизни, и в науке, и в искусстве. Октябрьская революция, освободившая трудящихся от всяческих уз, от всякого плена, открыла широкий простор идеям свободного полета в мировое пространство. Какое это было увлекательное время!

Тысячи людей читали роман «Аэлита» А. Толстого, сотни вчитывались в странные формулы брошюрок К. Циолковского: в калужской типографии не было математических значков — лебединые шеи интегралов в уравнениях полета ракеты заменялись здесь прозаическими буквами «И».

К. Циолковский предвидел победные дни, которые мы переживаем сегодня.

Таковы были первые ступени, первые звенья многоступенчатой ракеты революционного научного знания, которое проторило дорогу в космос.

Велик был энтузиазм, властно владела умами советских людей астронавтика даже в те далекие годы. Но одного энтузиазма было мало. Опираясь на преимущества социалистического строя, Коммунистическая партия и Советское правительство провели громадную организаторскую работу. Они сплотили людей, увлеченных идеей покорения мирового пространства, в мощные научные коллективы, обеспечили их могучей производственной базой.

На дороге астронавтов стала вторая мировая война. Весь советский народ поднялся на защиту Родины от

немецко-фашистских захватчиков. И советские ученые метнули ракеты в головы варваров, преградивших им пути к звездам. Это были знаменитые советские «катюши» 1941 года.

Есть американцы, которые, объясняя свое отставание в запуске спутника, цинично заявляют, что главная их задача — это создание боевой межконтинентальной ракеты, что спутник — это, по их мнению, всего лишь «отход производства». Пусть так. Но где же их межконтинентальная баллистическая ракета?

События последнего времени показали, по каким направлениям двигалась ракетная техника в Советском Союзе. Создание искусственных спутников Земли было конечной целью наших исследователей, а работа над ракетным оружием — очевидно, подчиненным, продиктованным внешней обстановкой делом.

Взлетели советские спутники: первый, второй, третий!

В дни визита Н. С. Хрущева в Вашингтоне произошло любопытное событие. Третий советский спутник открыл выставку оборудования для рационализации умственного труда. Радиосигнал нашего спутника был пойман из космоса и привел в действие выключатель, зажигающий свет внутри большого глобуса, размещенного в выставочном зале. Советский спутник зажег свет, по-новому осветивший земной шар. Какой замечательный символ!

Пока рвались ракеты на мысе Канаверал, пока в космос взлетали американские спутники размером с апельсин, свершилось новое событие, столь значительное, что поблекла даже бессмертная эпопея спутников, представая перед ним, выражаясь словами К. Циолковского, лишь как попытка «робко проникнуть за пределы атмосферы».

Ракета, запущенная советскими людьми, превзошла вторую космическую скорость — 11,2 километра в секунду, число магическое, как «Сезам, отворись»,— число, перед которым отверзаются врата вселенной. Более правильным, впрочем, было бы говорить не о магии, а о диалектике чисел. Речь идет не о простом изменении цифры до или после запятой. Рост количества превратился в великий качественный рубеж, за которым открывается эра межпланетных полетов, эпоха вторжения в околосолнечное пространство.

Американцы тщетно гнались за этим числом, пытаясь достигнуть нужной скорости. Не раз палили они в мировое пространство системами четырехступенчатых ракет, но снаряды их возвращались обратно, словно стукнувшись о твердый небосвод.

Советская ракета, набрав необходимую скорость, первой превратилась в межпланетный снаряд, свободный от оков земного притяжения и летящий, как равная среди равных, через сонм небесных светил. Фантастика сделалась явью. Названия научно-фантастических романов стали заголовками газетных передовиц.

Советская ракета летит в район Луны! Антенны радиотелескопов мира безотрывно следят за ее движением. Хор радиостанций, установленных на ее борту, сообщает ценные сведения о свойствах мирового пространства. Ракета испытывает волшебные метаморфозы. Вот она превратилась в комету, выпустив призрачный шлейф натриевых паров. Как и в самой настоящей комете, ее хвост развевается капризной игрой сил тяготения и давления световых лучей. Суеверные считали кометы знамением войны, но все видят теперь, что советская комета — это знамение и знамя мира.

Наконец, ракета встретилась лицом к лицу с Луной, глянула в упор лунному диску!

Электронные математические машины, словно вещие прорицательницы, предсказали грядущую судьбу первой советской космической ракеты. ракете суждено было стать младшей сестрой Земли и новорожденной дочерью Солнца. Советские люди дополнили солнечную систему, сотворив еще одну планету.

Коммунисты, атеисты свершили то, что священное писание относило к монопольной компетенции бога. Если есть еще священнослужители, полагающие, что и тут не обошлось без вмешательства божества, пусть толково объяснят своей пастве, почему господь с таким рвением помогает атеистам!

Кое-кто сейчас ломает голову, стараясь разгадать конструкцию двигателей, схему автоматики, формулу горючего новой ракеты, открыть секрет победы советской науки и техники. Но ведь это лишь детали дела. Главный же секрет давно поведан миру, и о нем еще раз ярко рассказал Никита Сергеевич Хрущев в одном из своих выступлений: это одна из тех побед, которых может до-

биться народ, идущий под руководством Коммунистической партии по пути, озаренному великим учением марксизма-ленинизма. Не нужно ломать голову, чтобы понять это.

Капитализму предшествовала эпоха великих географических открытий, и мы знаем, что ко многим из них толкала человека корысть.

Коммунизму предшествует эпоха исследований мирового пространства — величайший пример бескорыстного служения науке, знанию.

На такие бескорыстные подвиги капитализм неспособен. Они могут совершаться лишь в социалистической стране, на преображенной земле, под преображенными небесами.

Великим классическим произведениям прошлого нередко предшествовал Пролог, действие которого происходило на небесах. Там, в небесной выси, заранее предуказывались судьбы будущих героев. В преддверии XXI съезда партии, в преддверии грандиозного семилетнего плана, в звездной бездне, где-то близ созвездия Девы разыгрался новый Пролог на небесах. Советская ракета рванулась в космос, еще раз опередив Соединенные Штаты Америки. Это было как бы символом дальнейших неизбежных событий на мировой сцене.

И вот сегодня советский сверкающий полированный шарик, остроумно названный журналистами «визитной карточкой Н. С. Хрущева», преподнесен в дар Президенту Соединенных Штатов. А близнец и двойник этого шарика находится на Луне.

Если поглядеть на нашу планету с современной точки зрения, с самой высокой вышки, созданной людьми, скажем с борта советской межпланетной ракеты, то Земля представится вот таким же маленьким шариком, островком, затерянным в звездной бездне.

На совсем небольшом диске вырисовываются контуры континентов двух полушарий. Сердцевину евразийского континента образует соцветие социалистических стран, сердцевину американского континента — цитадель капиталистического мира — Соединенные Штаты Америки. Только узкая полоска воды, обозначенная яркой искоркой — отражением солнца в океане,— разделяет континенты.

Узкая? — может усомниться читатель, вспоминая морские странствия Колумба. Но эпоха Колумба прошла. За какие-нибудь двенадцать часов с небольшим перемахнул через океан «ТУ-114». А советские ракеты? Им ведь просто тесно становится на земле, и они то и дело покидают ее пределы, становясь то спутниками нашей планеты, то самостоятельным спутником Солнца, то почти фантастическим лунным кораблем, то волшебником, завивающим кудри у красавицы Луны.

Узок ныне океанский пролив!

И, если поглядеть на мир с благородных космических высот современности, представляется странным анахронизмом, что великие государства континентов, находящихся в столь же тесном соседстве, как лица на круглом медальоне, пребывают в состоянии международной напряженности, состоянии «холодной войны».

С космических высот, до которых не долетают земные звуки, можно не услышать, что по всей территории заокеанской страны неумолчно грохочут кузницы войны, что вдали от ее пределов, подступая к самым бокам ее великого Восточного соседа, рокоча авиационными моторами, множатся военные базы.

Между тем это именно так. Словно мрачный латник, опустивший железное забрало, все стоит, наклонив свое копье, Западный великан, а политические ораторы, газетчики, трубадуры «холодной войны» продолжают возвещать о намерении его вышибить из седла Восточного соседа.

Вопрос о том, какой социально-экономический строй способен принести наибольший прогресс и благо человечеству, этот вопрос, занимавший великих мыслителей всех времен, проблему, практически решаемую ныне на трети земного шара в процессе научного мирного коммунистического творчества,— эту вековую проблему на Западе по-прежнему кое-кто пытается разрешить политикой «с позиции силы». Но прошли средневековые времена, когда спорные вопросы решались грубой силой. Ведь само определение силы предполагает существование слабости. Но нет слабых в содружестве социалистических стран. Никогда не был так силен, как сегодня, авангард человечества — лагерь социализма.

Человек неразличим с космических высот, но его титаническая деятельность заметна и в масштабе космоса.

Люди создали звездные корабли, они вызвали к жизни энергию атома. Они очень сильны сегодня, так сильны, как никогда в истории.

Американцы построили город Нью-Йорк со стоэтажными небоскребами, подпирающими небо, и они же сконструировали ядерную бомбу. В своей книге «Атомное оружие и внешняя политика» американец Г. Киссингер попытался примерить на глаз американскую водородную бомбу к Нью-Йорку. Оказалось, что одна водородная бомба способна смахнуть все нью-йоркские небоскребы, как фигуры с шахматной доски. Автор подробно разбирает страшные последствия этого предполагаемого взрыва. Академик И. В. Курчатов с трибуны XXI съезда в основном подтвердил справедливость выводов Киссингера. И это очень авторитетное подтверждение: мы-то раньше американцев создали водородную бомбу. Если прежние мировые войны причиняли огромные разрушения, то последствия новой, термоядерной войны, вероятно, будут заметны даже с Луны.

В смятении Г. Киссингер готов оправдать бессердечную расправу древних богов, приковавших Прометея к кавказской скале: Прометей похитил с небес простой огонь, но ведь он мог похитить и огонь ядерный! В оковы Прометея! В оковы человеческий разум!

Но свободный человеческий разум и есть та сила, пред которой поникает, смирясь, грибовидное облако атомного взрыва, пред которой замирает в воздухе молниеносный полет термоядерных ракет. Голос разума — вот что нужно в атмосфере политического безумия, именуемого «холодной войной».

Голос разума!

...Никита Сергеевич Хрущев и Дуайт Эйзенхауэр удаляются в кабинет Президента. Началась первая фаза переговоров, о которых мечтал весь мир.

СТОЛИЦА США С ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА

Ожидалось, что первая беседа Дуайта Эйзенхауэра с Н. С. Хрущевым будет длиться не свыше получаса. Но репортерам пришлось прождать два часа. Помощника Президента по делам печати Д. Хэгерти и представителей пресс-группы при Председателе Совета Минист-

ров СССР штурмовали вопросами: — Что обсуждалось? Будет ли коммюнике?

— От меня и от моих советских коллег скажу, что коммюнике будет, но большего сказать не могу,— ответил Хэгерти, привычный к журналистским атакам.

Вскоре было оглашено заявление пресс-группы при Председателе Совета Министров СССР и помощника Президента США по делам печати. Из него явствовало, что атмосфера беседы была дружественной и откровенной. Обсуждались вопросы взаимоотношений между СССР и США, состоялся обмен мнениями в общем виде по международным проблемам. Д. Эйзенхауэр и Н. С. Хрущев договорились относительно общей линии своих дальнейших бесед после возвращения главы Советского правительства из поездки по стране. Такое начало обнадежило всех.

И, хотя репортеры надеялись на дополнительную информацию, сказанного было вполне достаточно. Ясно было одно: Н. С. Хрущев и Д. Эйзенхауэр сразу принялись за дело и, по свидетельству обозревателя «Нью-Йорк геральд трибюн», «не тратили время на дипломатические формальности, сознавая, что на них устремлены глаза всего мира».

Выступая на митинге по возвращении в Москву, Н. С. Хрущев рассказал, что в первой же беседе он спросил Президента, зачем понадобилось накануне визита такое выступление, как речь вице-президента Никсона 14 сентября на съезде ассоциации зубных врачей. Н. С. Хрущев сказал, что г-н Никсон произнес речь далеко не дружественного значения, что к зубной боли он добавил, так сказать, холода. Можно было подумать, что Никсон испугался, как бы действительно не наступило потепление и не кончилась «холодная война».

Президент ответил, что не читал этой речи, но теперь прочтет ее.

— Читать это выступление уже не стоит, дело прошлое,— заметил Н. С. Хрущев.

Д. Эйзенхауэр поинтересовался, имеет ли его гость какие-либо пожелания об изменении программы своего пребывания в США или ее дополнении.

Н. С. Хрущев поблагодарил Президента и в шутку ответил, что еще не представляет себе всю тяжесть того

бремени, которое берет на себя в связи с этой программой. Никита Сергеевич добавил, что, если это бремя будет очень тяжелым, он, может быть, попросит пощады.

— Не пожелает ли г-н Хрущев в таком случае, чтобы Президент заменил его в том или ином выступлении? — пошутил Эйзенхауэр.

— Все дело в том, что как Президент, так и я значим что-то лишь каждый на своем месте, а если мы поменяемся местами, то ничего не получится,— в таком же шутливом тоне ответил Н. С. Хрущев.

Когда беседа закончилась, по предложению Д. Эйзенхауэра в комнату пригласили большую группу фотокорреспондентов и кинооператоров. Президент сфотографировался с копией советского лунного вымпела в руках.

Солнце клонилось к закату, когда Д. Эйзенхауэр и Н. С. Хрущев вышли на лужайку перед Белым домом. Жара спадала, но по-прежнему было еще душно. Еще по дороге с аэродрома в Вашингтон Президент предложил своему гостю совершить экскурсию над столицей США на высоте 200—300 метров в его личном вертолете. Никита Сергеевич не возражал, и Эйзенхауэр был доволен. На одной из пресс-конференций Президент сообщил, что пришел к мысли продемонстрировать советскому Премьеру внушительную панораму «процветающей коммюнити» (округи), показать ему Вашингтон с птичьего полета. Вашингтон представлялся идеальным объектом для такой цели.

Основанный 168 лет тому назад, этот город не терпел никаких бедствий — ни стихийных, ни военных с 1814 года, когда его центральную часть сожгли английские войска. Таким образом, фактически в течение полутора столетий столица США постоянно пользовалась благами мирной жизни, застраивалась новыми зданиями, украшалась памятниками, пополнялись фонды ее картинных галерей и музеев даже в те времена, когда в Европе бушевали разрушительные войны.

В начале прошлого века президент Джефферсон предсказывал, что к двадцатому столетию американская столица вырастет в центр со стотысячным населением. Однако сейчас в Вашингтоне живет более 800 тысяч человек.

...Вертолет, в котором находились Н. С. Хрущев и Президент Эйзенхауэр, с шумом взмыл вверх. Еще в

одном вертолете, поднявшемся вслед за первым,— представители печати.

Сначала летим на юг, к памятнику Вашингтону, потом на восток, к Капитолию. Внизу тысячи служащих пешком, в автомашинах, на трамваях и в автобусах растекаются по домам.

На Западе нет столиц, которые могли бы сравниться с Вашингтоном по своей обособленности от промышленности и рабочего класса. Ни в пригородах, ни тем более в самом Вашингтоне не увидишь фабричных труб.

Кварталы центральной части города являют собой картину чинного спокойствия, зажиточности и довольства. Солидные особняки словно прячутся от постороннего глаза за пышной зеленью бульваров и парков.

Внушительные фронтоны правительственных зданий, 130 гостиниц, 4 универсальных магазина, 40 «сюпермаркетов» — магазинов базарного типа, основанных на самообслуживании, Национальная художественная галерея, галерея изящных искусств, политехнический, исторический, естественный музеи, памятник-обелиск Д. Вашингтону, памятники-мавзолеи Линкольну и Джефферсону, многочисленные памятники генералам, сто кинотеатров, спортивный закрытый зал на девять тысяч мест, ипподромы, плавательные бассейны, спортплощадки, парки — все это создает богатый архитектурный ансамбль города, однако ему не хватает людского оживления — центр Вашингтона пуст, едва стемнеет. Нет здесь ни одного большого или сколько-нибудь известного театра.

В Вашингтоне делают политику, но кто? Во всяком случае рядовое население не поощряется к политической активности. Наоборот, американская столица замкнута в границах специального района — округа Колумбия, не входящего ни в один штат. Проживающие в нем граждане лишены права голоса, они не могут даже избирать городские власти. Вашингтон управляется тремя комиссарами, назначаемыми президентом с согласия сената.

Но предохранить столицу США от бича войны оказалось более легким делом, чем изолировать ее от политических потрясений.

Город стал ареной шумных событий во времена жесточайшего экономического кризиса 1929—1933 годов. По

улицам Вашингтона демонстрировали безработные, устраивая «голодные походы». Между демонстрантами и полицией то и дело происходили стычки. От обычной размеренности Вашингтона не осталось и следа во время похода на американскую столицу тысяч ветеранов первой мировой войны, требовавших выплаты своих пенсий. Только вызов воинских частей под командованием тогдашнего начальника генерального штаба генерала Макартура помог рассеять демонстрантов.

После окончания второй мировой войны с именем американской столицы были связаны самые темные страницы столь же неистовых, сколь и бессмысленных преследований со стороны маккартистов. Характеризуя обстановку, господствовавшую в Соединенных Штатах Америки в то время, видный деятель демократической партии Эдлай Стивенсон писал о «процветающей клевете, страхе, хитрых инсинуациях, отравленных перьях, анонимных телефонных звонках, любителях грубой работы локтями...»

Роскошь и комфорт северо-западного Вашингтона, и особенно кварталов, прилегающих к парку Рок-Крик, легко объясняются: здесь средний годовой доход семей не ниже 10—12 тысяч долларов. Иначе выглядят северо-восточные и юго-восточные окраины Вашингтона. Доходы семей, живущих в этих районах, не поднимаются выше двух-трех тысяч долларов в год, даже если взять строго официальные данные. Тут живут по преимуществу негры — подсобные рабочие и мелкие служащие. Негров в Вашингтоне 52 процента. Именно здесь, по данным официальной переписи 1950 года, насчитывалось 27 727 домов, значащихся под рубрикой «негодные для нормального жилья».

...Плавный вираж вертолета и впереди показалась река Потомак, от нее направляемся к пригороду Вашингтона — Александрии. Проходя над штатом Вирджиния, вертолеты повисли в воздухе над загородным клубом «Бернинг три» («Горящее дерево»). Президент показал своему гостю площадку возле клуба, где он обычно играет в гольф.

Пролетев над медицинским институтом военно-морского флота в Бетезде и корпусами Национального института здравоохранения, делаем разворот опять на юг и берегами Потомака возвращаемся к Белому дому.

Доброе желание Президента Д. Эйзенхауэра показать гостям американскую столицу «с птичьего полета» вызвало довольно странные отклики в американской прессе, появившиеся на следующий день. Прогулку на вертолетах они пытались изобразить в качестве «некой идеологической операции».

«Хрущев увидел некоторые вещи, которых нет в России,— «драйвз ин» (открытые кинотеатры, где демонстрируются фильмы зрителям, заезжающим туда в автомашинах.— *Авторы*), торговые центры в жилых кварталах Вирджинии... На обратном пути в Белый дом вертолеты бреющим полетом прошли над фешенебельным районом особняков Джорджтауна»,— писала «Нью-Йорк геральд трибюн».

Тон высказываний газет свидетельствовал о желании определенных кругов США даже невинную воздушную экскурсию использовать для психологического нажима на главу Советского правительства.

Между тем условия птичьего полета показались нам мало подходящими для объективного социально-экономического анализа. С высоты легко заметить дворец, но можешь не заметить хижины. С поднебесья легко можно спутать особняк одичавшего в одиночестве миллиардера со здравницей. Не дай боже социологу подняться еще выше, потому что Пентагон (военное министерство.— *Авторы*), чего доброго покажется стадионом, а военное арлингтонское кладбище напомнит жизнерадостный лесной пикник. Тут и начинается тот усредненный взгляд на жизнь, который культивируется в американской статистике и в американской политике, американской экономике и в американском кино.

— Не изменил ли в какой-то степени первый день Вашего пребывания здесь Ваше мнение об Америке? — поспешил обратиться к Н. С. Хрущеву лидер демократов в сенате Л. Джонсон.

— Видите ли, я знал немало об Америке и до того, как приехал сюда. Читал Ваши речи. Я знаю, что Соединенные Штаты — богатая страна. Но завтра мы станем такими же богатыми, как вы, а послезавтра — еще богаче,— последовал ответ Н. С. Хрущева.

Это было сказано на обеде в Белом доме, устроенном Д. Эйзенхауэром в честь Председателя Совета Министров СССР.

За столами, как бы образующими большую букву «Е», украшенными желтыми хризантемами и сервированными золотом и хрусталем, сидело около ста гостей. То был самый большой банкет в Белом доме за все время президентства Эйзенхауэра. Сюда были приглашены ведущие деятели правительственного кабинета США, лидеры конгресса, губернаторы ряда штатов и мэры крупнейших городов, президенты уолл-стритовской биржи и торговой палаты США, главы крупнейших корпораций, знаменитые ученые, владельцы и редакторы главных американских газет.

Перед началом обеда Д. Эйзенхауэр пригласил Н. С. Хрущева и членов его семьи на второй этаж Белого дома, где находятся частные апартаменты Президента. Здесь были члены его семьи, вице-президент Никсон с супругой, а также сестра г-жи Эйзенхауэр со своим мужем. Хозяйка провела гостей по апартаментам второго этажа, показав, между прочим, кресло, где Эйзенхауэр по вечерам смотрит телевизор в окружении близких.

Пробыв здесь около четверти часа, гости и хозяева спустились вниз. Под звуки президентского марша они заняли места в вестибюле для фотографирования. Гостям представили четырех кадетов американских военных училищ. Такова старая американская традиция — приглашать лучших учеников военных училищ в Белый дом. Выяснилось, что из четырех кадетов трое изучают русский язык. Они обратились к Н. С. Хрущеву со словами приветствия на русском языке. Никита Сергеевич отметил, что молодые люди, особенно один из них, обладают хорошим произношением. Президент подчеркнул, что теперь среди американцев ощущается большая тяга к овладению русским языком.

Затем главы двух правительств прошли в большой зал Белого дома, а за ними проследовали туда и все гости. Начался обед, во время которого Президент США Д. Эйзенхауэр и Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев обменялись краткими, но весьма содержательными речами.

Сердечно приветствовал Никиту Сергеевича и других советских гостей Д. Эйзенхауэр. Он выразил надежду, что путешествие главы Советского правительства по Америке будет поучительным и интересным. Отметив, что прошло уже 150 лет со времени установления

дипломатических отношений между Соединенными Штатами и Россией, Президент сказал:

— С тех пор история знала много случаев сотрудничества между Вашей и моей страной, и это, безусловно, была история длительной дружбы. В двух мировых войнах мы были союзниками; сейчас мне кажется, что на наших странах лежит особое обязательство перед всем миром. Учитывая нашу мощь, наше значение для всего мира, чрезвычайно важно, чтобы мы лучше понимали друг друга...

Горячими аплодисментами одобрения встречают присутствующие речь Президента.

Проходит некоторое время, и с ответным словом выступает глава Советского правительства. Он благодарит Президента за высказанные им добрые пожелания, за приглашение приехать в США:

— Мы хотим договориться об улучшении наших отношений. Наши страны очень сильны. Они не должны ссориться друг с другом.

Как всегда образно, с тонким юмором Никита Сергеевич замечает, что, если поссорятся малые страны, они могут только поцарапать друг друга, а если поссорятся такие страны, как США и Советский Союз, то неизбежно разразится мировая свалка, от последствий которой никакая косметика не поможет. Выразив уверенность, что Соединенные Штаты и Советский Союз могут жить в дружбе и вместе бороться за упрочение мира, Н. С. Хрущев отметил, что, когда американский посол вручал 150 лет назад свои верительные грамоты русскому императору Александру I, тот не очень доверял ему, ибо посол был представителем республики, а Александр был абсолютным монархом.

— И все-таки, несмотря на это, между нашими странами были установлены дипломатические отношения. Между Соединенными Штатами и Россией существовало взаимопонимание, контакты между ними укреплялись...

Сейчас настало время призадуматься и сделать все, чтобы улучшить отношения между нашими странами,— подчеркивает Никита Сергеевич.

Он говорит о том, что встреча и обмен мнениями с Президентом, которые у него были уже в первый день пребывания в США, порадовали его.

— Я не мог удержаться и не сказать, что сообщу своему правительству, что у меня осталось хорошее впечатление, что, по-моему, сделано хорошее начало. Дай бог, чтобы конец был еще лучше,— заметил в заключение Н. С. Хрущев, рассказывая о том, что ответил он журналистам, которые расспрашивали его о впечатлениях от встреч.

Одобрительными аплодисментами присутствовавшие на обеде в Белом доме встречают речь Н. С. Хрущева.

Обмен теплыми и откровенными речами глав двух правительств создает хорошую обстановку доброжелательности. По всему было заметно, что государственным деятелям США пришлась по душе откровенность Н. С. Хрущева, понравилось, что он не скрывает своих убеждений.

После обеда в гостиной вокруг Н. С. Хрущева сгруппировалось много людей, желавших поговорить с ним. К советскому гостю подошел вице-президент США Р. Никсон с другим американцем. Он явно горел желанием преподать Никите Сергеевичу очередную порцию буржуазной «политграмоты».

— Представляю Вам,— сказал Р. Никсон,— Эрвина Кэнхема — человека, который возглавляет одну из крупных организаций — торговую палату США — и в то же время редактирует одну из величайших газет мира — «Крисчен сайенс монитор». Американское правительство не может контролировать его, оно не может диктовать ему, что должно быть на страницах «Монитора». Это объяснение, очевидно, казалось Никсону блестящим.

— Трудно, трудно поверить, что дело обстоит именно так,— иронически заметил Никита Сергеевич.

А тем временем к нему подходили новые и новые собеседники, разгорались необычные в стенах Белого дома диалоги. Казалось, что все именитые гости хотели испробовать свои силы на поприще идеологических дискуссий. Президент Эйзенхауэр, подошедший в разгар полемики к своему гостю, бросил полушутливо в адрес его американских оппонентов:

— Вам все равно не переспорить Хрущева!

Кажется, вскоре все собеседники Н. С. Хрущева убедились в справедливости замечания Президента.

Прием в Белом доме продолжался до половины двенадцатого ночи. Хозяин явно пренебрег строжайшим

распорядком своего дня, предусматривающим покой и сон к половине одиннадцатого вечера.

В это время в Белом доме лишь начался концерт Пенсильванского хора под управлением Фрэда Уэринга — любимого ансамбля Эйзенхауэра. Программа концерта состояла из американских народных песен и мелодий. Последним номером был исполнен так называемый «Боевой гимн республики». Эта песня, которую хор пропел с большим подъемом, была походной у солдат армии северян во время гражданской войны 1861—1865 годов.

Д. Эйзенхауэр и Н. С. Хрущев поблагодарили руководителя хора за прекрасное исполнение. Ф. Уэринг сказал высокому советскому гостю, что его коллектив очень хотел бы поехать в Советский Союз. Н. С. Хрущев заявил, что он приветствовал бы такие гастроли.

В тот вечер в Белом доме звучали также классические мелодии музыки Чайковского, Римского-Корсакова, Прокофьева, Шостаковича в исполнении оркестра американской морской пехоты.

Так закончился первый день пребывания Н. С. Хрущева на американской земле.

В ЦИТАДЕЛИ САМОЙ МИРНОЙ НАУКИ

Утром 16 сентября Н. С. Хрущев, члены его семьи и сопровождающие лица, а также представитель Президента Г. Лодж совершили загородную поездку — посетили научный центр министерства сельского хозяйства США в Белтсвилле, поблизости от Вашингтона.

Задолго до приезда Никиты Сергеевича у главного корпуса этого научного учреждения собрались сотни журналистов. Из всех окон большого кирпичного здания выглядывают сотрудники в белых халатах. Перед входом столпились местные жители, чтобы приветствовать советского гостя. В агротехнической аудитории, где ученые будут сообщать о результатах своих работ, раздобыть свободное место очень трудно. Все места здесь заняты, вероятно, с самого рассвета.

Прибывших встречает министр земледелия США Э. Бенсон. Н. С. Хрущев тепло поздоровался с группой

журналистов, собравшихся у входа в аудиторию, сказав им по-английски «доброе утро». Советские гости проходят в аудиторию. Здесь министр рассказал о некоторых задачах и достижениях американской сельскохозяйственной науки.

— Господин Председатель! — говорит Э. Бенсон, обращаясь к Н. С. Хрущеву.— Мы находим, что Вы правильно решили включить посещение сельскохозяйственного научно-исследовательского центра в Вашу сильно загруженную программу. В настоящее время 13 тысяч научных работников трудятся в сети федеральных и штатных исследовательских учреждений и приблизительно 8 тысяч других сотрудничают с ними в частной промышленности. Они занимаются проблемами, которые заполняют весь широкий спектр познания,— начиная с таких практических вещей, как борьба с вредными насекомыми, до вопроса о лучшем понимании сути жизненного процесса. Большая часть нашей исследовательской работы ведется не здесь, в Белтсвилле, а там, где работают наши фермеры и скотоводы.

В Белтсвилле,— говорит он в заключение,— Вы видите одну из центральных станций, призванную развивать «новые идеи», полезные для американского сельского хозяйства...

Далеко не со всеми положениями всех речей Э. Бенсона можно согласиться. Уже после поездки Н. С. Хрущева в США министр пытался уверить американцев, что по уровню сельскохозяйственного производства СССР будто бы никогда не догонит Америку, хотя бы потому, что в Советском Союзе «не существует частной собственности». Но в конце той речи, которую Э. Бенсон произнес в Белтсвилле, содержались хорошие, правильные мысли:

— Мы считаем,— заключил министр,— что пища может и должна быть орудием мира... Мы желаем поделиться нашими знаниями во имя мира. Мы считаем, что познания, которыми делятся, не уменьшаются, а, наоборот, умножаются. Во имя этого принципа мы от чистого сердца показываем Вам несколько из наших идей, находящихся в процессе их развития.

Тогда же Бенсон произнес фразу, которую он, очевидно, запамятовал спустя несколько недель: «Мы надеемся,— заявил он Никите Сергеевичу,— что ваш

прогресс будет продолжаться, и по мере вашего движения вперед вы будете достигать и наших рекордов».

Речь Э. Бенсона воспроизвели многие американские газеты.

...В аудиторию вкатывают один за другим демонстрационные столики на колесиках, где находятся опытные образцы растений, научная аппаратура, развешивают диаграммы и схемы.

Директор института доктор Шоу сообщил о достижениях в области создания гербицидов — химических веществ избирательного действия, которые уничтожают сорняки и при том не наносят ущерба культурным растениям. Действие гербицидов двоякое: некоторые из них представляют собой вещества, безвредные для культурных растений и превращающиеся в яд в организме сорняков, другие вещества являются ядами для сорняков, но способны обезвреживаться в организме культурных растений.

Затем доктор Джон У. Митчел сообщил, что американское сельское хозяйство в настоящее время использует регуляторы роста — химические препараты, действующие на растения наподобие гормонов. Имеются также вещества, тормозящие рост. При их помощи можно предохранить картофель от прорастания или уменьшить рост декоративных растений. Ученый показывает две грозди калифорнийского винограда одинакового сорта — одну мелкую, другую в два раза крупнее. Опрыскивание одного гектара виноградной плантации двадцатью граммами гиберелиновой кислоты позволило вырастить более качественный и увесистый виноград.

Далее демонстрировались результаты опытов, показывающие влияние спектрального состава излучений на рост растений. Американским ученым удалось выделить пигмент, от которого в сильной степени зависит различие этих влияний. Доктор Гарри Бортвиг, дававший объяснения, заметил, что последнее открытие позволяет более сознательно подходить к выбору наилучших условий освещения, необходимых для быстрого развития растений.

Никита Сергеевич внимательно выслушал ученых.

Демонстрация в аудитории заканчивается. Все выходят на вольный воздух, к открытым вольерам.

Энергичный, подвижной, в светло-коричневом летнем костюме Никита Сергеевич переходит от объекта к объекту. Остроумные, быстрые, меткие замечания сразу показали американским профессорам, что их собеседник хорошо знает сельское хозяйство, детально разбирается в его сложных проблемах.

— Из Вас вышел бы хороший фермер! — говорит Н. С. Хрущеву Э. Т. Бенсон.

— Я мог бы с Вами посоревноваться! — отвечает Н. С. Хрущев, вызывая оживление среди обступивших его корреспондентов.

Большая толпа корреспондентов постоянно окружает Н. С. Хрущева, но стократно бо́льшая толпа удерживается на расстоянии полицией. Переводчик с микрофоном неотступно следует за ним, и автомашины с громкоговорителями делают его реплики слышными для всех. Замечания моментально подхватываются корреспондентами, передаются из уст в уста.

Производится осмотр опытной животноводческой станции. Директор станции доктор Байерли кратко ознакомил Н. С. Хрущева с основными исследованиями, которые здесь ведутся. Он, в частности, рассказал об опытах по выведению жирномолочного скота. Доктор Байерли показал коров, обладающих высокой продуктивностью. Лучшие из племенных коров опытной станции за год дают по 8—9 тысяч литров молока. Ученый сообщил, что за последние 20 лет эти коровы прибавили удой на 700 литров. Увеличение произошло в результате длительного скрещивания голштино-фризских коров с проверенными по потомству быками.

— Очень хорошие коровы, замечательные результаты,— говорит Н. С. Хрущев.— Однако, не желая умалять ваших успехов, я хочу, чтобы вы знали: за три года в нашей стране средний удой молока на корову увеличился на 600 литров. Верно, мы имели такой большой прирост потому, что он начался с относительно невысокого уровня, а это всегда бывает легче. Но и сейчас удои молока в наших колхозах резко идут в гору. Вопрос породности, конечно, важен, но и вопрос кормов тоже не последнее дело. Мы брали коров без баронских титулов и родословной, ставили их на фермы, кормили хорошо, и они показывали хорошие результаты.

В секции овцеводства доктор Франк Холдсон привлекает внимание гостей к новой породе овец «Тарчи», выведенной на открытых пастбищах западных районов США. Это тонкорунная овца, дающая пять килограммов шерсти в год.

— Хорошая порода,— говорит Н. С. Хрущев, поглаживая овцу.— А между прочим,— заявляет он,— я в начале своей трудовой деятельности пас овец у помещика.

У загона с маленьким свиным стадом стоит электронный прибор, напоминающий довольно громоздкий телевизор. Это доктор Ричард Хайнер демонстрирует Никите Сергеевичу ультразвуковой прибор для определения у живых свиней толщины спинного шпига. Обычно это довольно болезненная для животного процедура. Измерение производится, как известно, прокалыванием жирового покрова при помощи тонкого шила. Электроника по-другому решает этот вопрос. Прибор, подобно звуковому локатору, посылает ультразвуковую волну через толстый слой жира и мяса животного и улавливает ее отражение. В результате на телевизионном экране должны появиться выраженные в дюймах толщины жирового и мясного слоя.

Хорошая, но сложная штука! Это понимает и сам доктор Хайнер, применяющий свой прибор пока еще лишь для научно-исследовательских работ.

При демонстрации происходит небольшой конфуз. Предназначенная для измерений свинья очень беспокойна. Она визжит, вырывается и не хочет стоять на месте. Оператору никак не удается показать на телевизионном экране толщину ее сального покрова.

— Видимо, свинья не хочет открывать секрета...— замечает Н. С. Хрущев.

Все дружно смеются.

— Нет, это слишком толстая свинья! — пытается пояснить Бенсон.

Последняя остановка у клеток с индейками малой белой белтсвиллской породы. Доктор Чарльз Нокс называет их полушутя «капиталистическими индейками». Дело в том, что в институте специально вывели маленьких индюков, живой вес которых к моменту сбыта оказывается по крайней мере на одну треть меньше, чем вес индюков обычных пород. Живой вес нарочно уменьшили

для того, чтобы удовлетворить потребности отдельной американской семьи.

— Ну, это вы с жиру беситесь! — добродушно машет рукой Н. С. Хрущев.— Мы за увеличение живого веса. Мы ведь покупали у вас яйца бронзовых широкогрудых индеек?

Ему отвечают, что до сих пор большинство фермеров Америки разводят бронзовых широкогрудок.

Кто-то из американских журналистов подает голос:

— Скажите, у вас разводятся коммунистические индейки?

Н. С. Хрущев берет в руки индейку и под смех всех присутствующих говорит:

— Чем больше индеек мы будем выращивать, тем лучше для народов, а химический анализ мяса индеек одинаковый: если не дать им паспорта, никто не узнает, какая коммунистическая и какая капиталистическая!

Понятно, что этот обмен репликами носил полушутливый характер и вызван он был «идеологическим» вопросом американского репортера. Тем удивительнее было для нас, советских журналистов, прочесть на следующий день в солидной газете «Крисчен сайенс монитор» корреспонденцию из Белтсвилла ее репортера Ричарда Страута. «Премьер Хрущев,— утверждалось в газете,— использовал свой визит в правительственный сельскохозяйственный центр, чтобы пустить небольшую порцию коммунистической пропаганды». И, нимало не конфузясь, автор ссылался в качестве «доказательства» на вышеприведенные слова Никиты Сергеевича, хотя сам же Страут от души смеялся после остроумного ответа Н. С. Хрущева на реплику журналиста.

В свою очередь американские ученые расспрашивают Н. С. Хрущева о сельском хозяйстве Советского Союза.

— Я не хочу приуменьшать ваших успехов в области сельского хозяйства,— говорит Никита Сергеевич,— однако должен сказать, что за последнее время у нас здесь имеются достижения. Сейчас дела у нас идут резко в гору.

Один из ученых заявляет о своем заветном желании побывать в Советском Союзе и познакомиться с нашим сельским хозяйством. Н. С. Хрущев заверяет, что если американские ученые или работники сельского хозяй-

ства приедут в Советский Союз, то им будет предоставлена возможность подробно ознакомиться с сельским хозяйством Советской страны.

— Приезжайте к нам, мы вам все покажем! — говорит Н. С. Хрущев.

Никита Сергеевич тепло распрощался с учеными, поблагодарил их за внимание, которое ему было оказано, и пожелал успехов в их важном и благородном деле. Его тепло провожали сотни жителей Белтсвилла.

Что же, добро пожаловать, приезжайте к нам, американские ученые! Поездка будет интересной. Вы получите возможность убедиться в том, что многие «новые идеи», о которых вы рассказывали в Белтсвилле, успешно и давно разрабатываются советской наукой. Наверное, случится так, что точки графиков, добытые в упорных экспериментах советской и американской наукой, согласно улягутся на одну и ту же кривую. Это очень хорошо!

Забегая несколько вперед, нам хотелось бы, говоря словами Н. С. Хрущева, сказанными им в тот же вечер в Советском посольстве на обеде в честь Президента США, подытожить результаты его поездки в Белтсвилл. В веселой, полушутливой форме он отметил:

— Мы интересно провели время в сельскохозяйственном институте, в вашем научном центре. Это ваша гордость. Мы смотрели там животных, птиц — они замечательны! И я совершенно не чувствовал никакого протеста с их стороны, что мы представляем социалистическую страну, находясь в капиталистической. Они понимали необходимость сосуществования.

БАРОМЕТР ПОКАЗЫВАЕТ НА «ЯСНО»

После возвращения из Белтсвилла в Вашингтон Никите Сергеевичу предстояла ответственная встреча в Доме печати. Здесь Национальный клуб печати совместно с Женским национальным клубом печати и Ассоциацией американских зарубежных журналистов давали в честь Председателя Совета Министров СССР завтрак, программа которого включала и своеобразную пресс-конференцию перед журналистами, радиомикрофонами и телекамерами.

Читателям, следившим за поездкой Н. С. Хрущева, вероятно, интересно знать, что собой представляют эти журналистские организации.

Национальный клуб печати США является одним из старейших и наиболее представительных отрядов журналистской «шестой державы». За полвека своего существования он к тому же превратился в солидную финансовую организацию с ежегодным бюджетом в 700 тысяч долларов. Ей принадлежит недвижимость, оцениваемая в десять миллионов долларов, включающая не только Дом печати в Вашингтоне, но кинотеатр «Кэпитл» и другие прибыльные предприятия. Таким образом, помимо дел журналистских есть еще дела иного рода. По-видимому, перья журналистов помогают вести прибыльные финансовые операции Национального клуба печати.

Членами клуба являются корреспонденты американских и иностранных газет и журналов, работники печати, радиовещания и телевидения, а также чиновники правительственных учреждений, занимающиеся вопросами пропаганды и информации. Национальный клуб печати поддерживает тесные связи с 22 клубами журналистов и корреспондентов Америки.

В кулуарах клуба корреспонденты из многих городов Америки обмениваются новостями между собой, с сотрудниками правительственных учреждений, с членами дипломатического корпуса. Отсюда растекается информация о мероприятиях американского правительства, здесь создаются «сенсации» и рождаются слухи.

Клуб знаменит своими традиционными завтраками, на которых выступают с речами и ответами на вопросы видные общественные, политические и государственные деятели США и других стран. С его небольшой, сделанной из светлого дерева трибуны выступали Президент США Эйзенхауэр, премьер-министр Великобритании Макмиллан, канцлер Аденауэр и другие деятели. Значительным событием было выступление здесь первого заместителя Председателя Совета Министров СССР А. И. Микояна в январе 1959 года.

Президентом Национального клуба печати является видный американский журналист Уильям Лоуренс. Он слывет человеком информированным, отдающим предпочтение чаще фактам, чем погоне за сенсациями. Говорят,

что он блнзок к помощнику Президеита по делам печати Дж. Хэгерти и поэтому отчасти выражает в своих корреспоидеициях позицию Белого дома.

Одним из печальиых н комических следствий политической дискримниацни жеищин в США является то, что женщииы-журиалистки ие могут быть членами Нациоиальиого клуба печатн. Без специальиого приглашения они ие вправе перешагиуть его порог.

Совершеиио естествеиио поэтому, что америкаиские жеищины-журиалистки были вынуждены оргаиизовать свой собствениый Жеиский национальиый клуб печати. В отместку иа его порог без особого приглашения ие пускают мужчин. Ои является ведущей в США организацией жеищии-журиалисток, работающих в печатн, иа радио и телевидении и сотрудников отделов печати правительствениых учреждеиий.

Создаииый в 1919 году клуб иасчитывает примерио 400 члеиов. В списке его почетиых члеиов — вдова президеита Фраиклииа Рузвельта Элеонора Рузвельт.

Президеит клуба — корреспоидеитка агентства Юнайтед Пресс Элеи Томас. Между мероприятиями светского характера, развлечеииями, приемами, обедами и т. п. члеиы клуба также оргаиизуют встречи с государствеиными и политическими деятелями и в особеиности с их жеиами.

Клуб зарубежиых журиалистов, или, как ои иазывается у американцев, «Оверсис клаб», является профессиоиальиой и довольио замкнутой ассоциацией америкаиских журиалистов — специалистов в области внешней политики и междуиародных отиошеиий. По уставу сюда прииимаются лишь америкаиские журналисты, проработавшие за граиицей ие меиее четырех лет. Круг члеиов этого клуба ограничеи и не превышает 50—60 человек. В их числе — видные американские журиалисты и внешнеполитические обозреватели, такие, как Р. Друммоид, Джозеф Олсоп, Дж. Рестои и другие. Клуб ие имеет своего помещения, и чаще всего заседаиия его происходят в той самой гостииице «Статлер», где остановились прибывшие в Вашингтои советские журналисты.

Замкиутый характер работы клуба, как объясияют сами журналисты, облегчает им получеиие иформацни от крупиых деятелей иностраниых государств, так ска-

зать, в неофициальном порядке. По обычаю их выступления в стенах клуба не цитируются в печати. Лишь в особых случаях отдельные выдержки иногда появляются в свет.

Президент клуба — журналист и редактор Чарльз Фолтц, помощник директора иностранного отдела довольно необъективного и, как признают сами американцы, чрезмерно реакционного журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», главным редактором которого является «правый среди правых буржуа» Дэвид Лоуренс. Даже в частных разговорах с советскими журналистами Фолтц и Д. Лоуренс не скрывают своего неприязненного отношения к Советскому Союзу, к социалистическим странам, ко всему прогрессивному.

Здесь, на завтраке, устроенном журналистскими клубами, и дал согласие выступить Н. С. Хрущев.

Мы, советские журналисты, пришли в Национальный клуб печати за полчаса до начала и лишь чудом протиснулись в дверь сквозь огромную толпу безбилетных американских и зарубежных коллег.

Старейшины Национального клуба печати свидетельствуют, что за все полвека его существования никогда и никого не ожидали с таким интересом, как Никиту Сергеевича Хрущева.

В зале яблоку негде упасть. Но присутствует здесь лишь небольшая часть желающих — всего 450 человек, представляющих 350 американских и иностранных органов печати. Отдавая последние распоряжения, президент клуба сетует, что если раньше у него на каждого недруга было десять друзей, то сейчас, после распределения билетов на встречу с Н. С. Хрущевым, появилось десять недругов на каждого друга. Угрожают даже расправиться, полушутя говорит он. Но зал ведь не резиновый! Для тех, кому не посчастливилось получить приглашения, установлен в соседнем помещении большой телевизионный экран.

В 12 часов 45 минут Н. С. Хрущев и сопровождающие его лица, а также Г. Лодж, Д. Диллон и другие были встречены у входа в Дом печати президентом Национального клуба печати У. Лоуренсом. По существующей традиции президент клуба проводил гостей в приемную комнату, где собралась группа наиболее почетных членов и руководство клуба.

Н. С. Хрущев был в хорошем настроении. Он приветливо встречал тех, кого с ним знакомили, улыбаясь пожимал им руки.

— А, капиталист! — воскликнул Никита Сергеевич, когда к нему подошел газетный магнат Уильям Рандольф Херст.— Вы, пожалуй, не изменились с тех пор, когда мы виделись с Вами в Кремле.

— Я никак не думал, что попаду в Кремль,— ответил Херст,— и не представлял себе, что увижу Вас здесь, в нашем клубе печати!

— Гора с горой не сходится, а человек с человеком сойдутся,— шутливо сказал Н. С. Хрущев.

Подошел заместитель государственного секретаря США Диллон.

— Вы очень воинственно настроены против нашей страны, господин Диллон,— говорит, обращаясь к нему, Никита Сергеевич.

Журналисты обступили Н. С. Хрущева. Завязалась непринужденная беседа. Один из журналистов напомнил слова вице-президента Никсона о том, что Н. С. Хрущев изменит свое мнение о Соединенных Штатах в результате визита.

Н. С. Хрущев заметил по этому поводу:

— Должен сказать, что г-н Никсон имеет очень неправильное представление о народе нашей страны, о ее правительстве и лично обо мне как о главе правительства. Я уже говорил ему, что он создал для себя совершенно неправильную картину и сам поверил в нее.

Никита Сергеевич добавил, что вице-президент Никсон имел неправильное представление о Советском Союзе и его народе до своей поездки в нашу страну и он сохранил такое неправильное представление и по сей день.

— Он проявляет в этом отношении стабильность,— улыбаясь сказал Н. С. Хрущев.

— Те, кто приезжают в Советский Союз с правильным представлением о нашей стране, получают подтверждение своей точки зрения,— продолжал он,— а те, кто приезжают с неправильным представлением и проявляют упрямство, не желая отказаться от своих неправильных идей, только бьются лбом о стенку, отчего пострадает не стена, а скорее всего их лбы.

— А что произвело на Вас в Америке наибольшее впечатление? — спросили у Никиты Сергеевича.

— Несмотря на сильную пропаганду, направленную против Советского Союза, Коммунистической партии Советского Союза и меня как руководителя Коммунистической партии, американский народ оказывает мне хороший, теплый прием. Это показывает, что народ понимает необходимость дружбы с Советским Союзом. Вот это и произвело на меня наиболее сильное впечатление,— ответил Н. С. Хрущев. — Можно не уважать наших политических взглядов, можно не соглашаться с ними, но, раз мы с вами живем на одной планете, надо научиться жить в мире друг с другом.

Как бы завершая беседу, Н. С. Хрущев сказал:

— В конце концов мы не так страшны, как нас малюют. Мы не едим детей. Мы едим то же самое, что и вы — немножко мяса, немножко картошки...

Хозяева проводят гостей в зал, приглашают за длинный стол президиума. Присутствующие дружными аплодисментами приветствуют Н. С. Хрущева.

У противоположной стены на подмостках выстроилась целая колонна фотокорреспондентов, кинооператоров, телеоператоров, радиорепортеров.

Тесня друг друга у столиков, навострили «вечные перья» журналисты. Было бы неправильным утверждать, что все собравшиеся были одинаково настроены. Наряду с объективными, серьезными, вдумчивыми представителями прессы здесь собрались профессионалы по антисоветским выдумкам, источившие перья на борьбе с коммунизмом, чемпионы газетного «джиу-джитсу», мастера болевых приемов, ожидающие удобного случая, чтобы загнать, как говорится, иголку под ноготь рабочему классу. С такими надо всегда быть настороже...

Президент Национального клуба печати представляет присутствующим Н. С. Хрущева и сопровождающих его лиц и произносит краткую приветственную речь.

В зале вспыхивают аплодисменты и все встают, когда Никита Сергеевич подходит к маленькой кафедре и в обычном своем простом, доверительном тоне начинает выступление.

— В одной из своих бесед с журналистами в Москве я назвал их своими спутниками,— говорит Н. С. Хрущев. — Ведь многие из вас действительно будут моими спутниками в поездке по Соединенным Штатам Америки. Я очень хотел бы, чтобы вы были хорошими, деятель-

ными и объективными спутниками. Ведь от вас, журналистов, во многом зависит обеспечение людей правдивой информацией о нашем пребывании в Соединенных Штатах Америки. Вы будете слушать мои беседы, выступления, передавать мои высказывания. Прошу вас, господа, чтобы вы старались правильно понять меня и правильно передать то, что я говорю. Если иной раз я случайно оброню неудачное слово, лучше переспросите меня — я охотно отвечу вам, так как не хочу, чтобы неправильно истолкованное слово шло вразрез тому, что я сказал, к чему стремлюсь.

Эти простые, сердечные слова произвели большое впечатление на журналистов. В зале словно потеплело. Вдруг почувствовалось, как выросли и крепнут нити контакта с аудиторией.

Никита Сергеевич продолжал:

— Прежде всего хочу подчеркнуть, что мы приехали к вам с самыми лучшими намерениями и чистым сердцем. Мы привезли чувства дружбы к американскому народу и искреннее желание добиться улучшения взаимоотношений между нашими странами, укрепления мира во всем мире. Это главная цель нашего визита...

Меня спрашивают: каких результатов можно ожидать от нашего визита? Мы только вчера прибыли в столицу Соединенных Штатов. Было бы преждевременным пытаться предвосхитить результаты нашей поездки. Ведь даже предсказывая погоду на день вперед, метеорологическая служба испытывает немалые затруднения, а прогнозы в политике — дело не менее сложное. Однако, если судить по первому дню наших встреч и бесед в Вашингтоне, я бы сказал, что стрелка барометра показывает на «ясно»,— говорит Н. С. Хрущев, внимательно всматриваясь в лица своих слушателей.

Перья в руках журналистов забегали по листам блокнотов. Какой прекрасный заголовок для обзоров и передовиц: Барометр показывает на «ясно»!

Заявление Н. С. Хрущева было выслушано с большим вниманием, а его заключительные слова были встречены горячими аплодисментами.

ОТКРОВЕННАЯ БЕСЕДА

Затем председательствующий обратился с просьбой перейти к вопросам и ответам.

Традиционные условия проведения этой части встречи считаются довольно сложными. Дело в том, что такие встречи не являются обычными пресс-конференциями, и поэтому вопросы в письменном виде посылаются председателю клуба, и он, а не выступающий, отбирает их. Тасуя и перетасовывая карточки вопросов, председательствующий как бы играет на клавишах, задает тон конференции.

Выступающему неминуемо приходится сталкиваться с тем, что буржуазные журналисты, падкие на сенсацию, нередко стремятся задавать вопросы не ради выяснения истины, а для того, чтобы поставить своего гостя в затруднительное положение.

На сей раз беседа в вашингтонском Доме печати была совершенно необычной. Перед американскими журналистами, многие из которых не скрывали своего враждебного отношения к новым, прогрессивным идеям, новому строю, выступал представитель великой страны социализма, и часть заданных ему вопросов носила инспирированный, тенденциозный характер.

Имеются достаточные свидетельства того, что к встрече с Н. С. Хрущевым специально готовились, надеясь организовать нечто вроде «психической атаки» против главы Советского правительства. В американских газетах печатались списки «каверзных» вопросов, составленных различного рода реакционными организациями. Их и рекомендовалось задавать советскому гостю. Журналистов заранее ориентировали на разжигание «холодной войны».

Мимоходом, в частном разговоре с советскими журналистами, У. Лоуренс намекнул, что воспользуется правом президента клуба и отсеет наиболее неуместные вопросы, содержащие нападки на Советский Союз и его политику, то есть будет играть, так сказать, не на черных, а на белых клавишах. Однако на деле произошло иное. Уже первый вопрос, связанный с культом личности И. В. Сталина, носил явно провокационный характер.

Но неумный враждебный выпад не удался. Любители всякого рода провокаций получили достойный отпор.

— Я хотел бы спросить тех, кто придумал этот вопрос: когда они его сочиняли, когда они выдумывали его, какие цели они преследовали, что они ставили перед собой, чего они хотели? — заявил Никита Сергеевич.

В зале насторожились. Что он скажет дальше? — читалось на лицах многих слушателей.

— Вы, очевидно, хотите поставить меня в стесненное положение и уже заранее смеетесь,— продолжал Никита Сергеевич, сделав небольшую паузу.— Русские говорят: хорошо смеется тот, кто смеется последний. И как бы вы, господа сочинители всяких вздорных вымыслов, смеясь заранее над тем, как, дескать, вы ловко выдумываете, не раскаялись бы после в своих выдумках.

На провокацию я не пойду и не отвечу недружескими выпадами против собравшихся здесь многих достойных представителей печати Соединенных Штатов Америки. Добавлю только, что ложь, на каких бы ногах она ни ходила, никогда не сможет угнаться за правдой.

Показалось, что зал загудел от этого острого и разящего, как меч, ответа Н. С. Хрущева, раскрывшего подлинный замысел сочинителей провокаций. Раздался взрыв дружных аплодисментов. Лица у многих журналистов посветлели — они уже не скрывали своих симпатий к этому прямому и откровенному человеку.

Следующий вопрос был фантастического свойства и казался иронической цитатой из романа Жюля Верна. Тем не менее он имел под собой реальную почву. Дело в том, что, когда советская космическая ракета достигла Луны, среди американских толкователей международного права возникла паника. «Юридическая» дискуссия развивалась темпами, превышающими разгон лунной ракеты. Все гадали: заявит ли Советский Союз территориальные претензии на Луну? Еще не было сделано никаких «предосудительных» действий, а «юристы» уже подали кассационные жалобы.

Так, небезызвестный специалист по международному праву Уильям Бишоп заранее объявил, что когда русские заявят «притязания» на Луну, то претензии эти не должны быть признаны.

Позднее, в Нью-Йорке, прогуливаясь по Бродвею, один из нас, советских журналистов, среди ряда экзоти-

ческих для взора советского человека вывесок наткнулся на контору компании «Розенблат и Розенблат», занимающейся, в частности, продажей земельных участков на Луне. Утрату мирового приоритета на рубежах космической науки и техники организаторы конторы попытались возместить приоритетом на поприще космической коммерции.

Приход советского журналиста был встречен приветливо и даже радостно. Правда, он разочаровал любезных хозяев, отрекомендовавшись представителем той страны, которую даже самый предприимчивый негоциант не решился бы в данной ситуации поставить в положение покупательницы. Газеты аршинными буквами писали о том, что «красная ракета прилунилась почти в центре лунного диска», и у бизнесменов был слегка смущенный вид людей, приступивших к распродаже чужого добра.

Вспоминается и другое. На одном из коротких и узких участков тротуара, наискосок от нью-йоркского отеля «Уолдорф-Астория», топталась под охраной полиции небольшая кучка проходимцев. Они несли плакаты с провокационными лозунгами о «свободе». Один из плакатов гласил: «Свободу Луне». Это был своеобразный рекорд подлости в небогатом фантазией, плоском, иссушенном злобой мозгу политических прохвостов. Величайшую победу раскрепощенного гения мракобесы пытаются выдать за утрату свободы, а одно из благороднейших полей международного сотрудничества — превратить в плацдарм «холодной войны»!

Еще в речи на аэродроме Эндрюс по прибытии в Вашингтон Никита Сергеевич говорил:

— Мы не сомневаемся в том, что замечательные ученые, инженеры и рабочие Соединенных Штатов Америки, которые работают в области завоевания космоса, также доставят свой вымпел на Луну. Советский вымпел, как старожил Луны, будет приветствовать ваш вымпел, и они будут жить в мире и дружбе, как и мы с вами на Земле должны жить в мире и дружбе, как должны жить в мире и дружбе все народы, населяющие нашу общую мать-землю, которая так щедро вознаграждает нас своими дарами.

Но тревога за участь Луны, раздуваемая рыцарями «холодной войны», оказалась столь велика, что американские журналисты решили на всякий случай еще раз

«перепроверить» чистоту советских намерений относительно нашей небесной спутницы.

«Отражает ли посылка вымпела на Луну намерение выдвинуть претензии на владение Луной?» — гласил вопрос.

Никита Сергеевич вежливо ответил под аплодисменты присутствующих:

— Те, которые так ставят вопрос, мыслят понятиями частнокапиталистической психологии, а я человек социалистического строя, нового мировоззрения и новых понятий. У нас понятие «мое» отживает, а внедряется новое понятие «наше». Поэтому посылку в космос ракеты и доставку нашего вымпела на Луну мы рассматриваем как наше завоевание. И в этом слове «наше» мы подразумеваем страны всего мира, то есть мы подразумеваем, что это является и вашим достижением и достижением всех людей, живущих на Земле.

Следующий вопрос касался возможностей торговли с США. Он не раз уже задавался представителям разных стран, приглашаемым на завтрак в этом зале, и служил одним из тех пробных оселков, на которых как бы испытывается дух государственного человека. И не раз здесь главы даже весьма солидных буржуазных стран сдергивали шапку перед денежным мешком дяди Сэма.

Никита Сергеевич с большим достоинством ответил на вопрос, и в эту минуту казалось: за его плечами поднялась во весь свой исполинский рост наша великая Советская держава.

— Мы больше всего нуждаемся в том, чтобы ликвидировать дискриминацию в торговле. Это самое главное. Все, что вы делаете, мы все тоже умеем делать, а некоторые вещи мы сделали раньше, чем вы. *(Смех в зале).* Мы ничего не просим у вас. Некоторых товаров вы производите сегодня больше, чем мы, но это объясняется исторически сложившимися обстоятельствами. Ваша страна гораздо раньше стала на путь капиталистического развития, чем наша, и поэтому вы развили свою экономику выше, чем была развита экономика дореволюционной России. Но вы знаете, что сейчас в развитии нашей экономики произошли большие изменения. Мы еще идем на некотором расстоянии, на каком-то отдалении от вас. Но вот мы так сближаемся (в зале наступает оживление, когда Н. С. Хрущев показывает руками, как сокращается

расстояние, отделяющее экономику США от экономики СССР), и я думаю, что недалек тот день, когда вот так переменятся наши места в этом движении; в развитии нашей экономики мы догоняем вас, и недалеко то время, когда мы выйдем вперед.

Хочу сказать, что я не приехал в США с длинной рукой, чтобы запустить свою руку в ваши банки. Это ваше. Нам нашего хватит. *(Смех)*. Я не буду держать шляпу так, чтобы каждый мне бросал в нее то, что он считает возможным бросить. *(Веселое оживление)*. Мы горды своей системой, своим народом, своим государством и своими достижениями. Мы хотим быть хорошими партнерами в торговле с вами, как и со всеми странами, что же касается развития торговли между нашими странами, то мы смотрим на дело так — надо покупать то, что нам нужно, а вы будете продавать то, что вы считаете возможным продать.

Конкретные переговоры по торговле я сейчас вести не собираюсь. Я сознательно не взял с собой никого из Министерства внешней торговли, чтобы не думали, что я приехал с длинной рукой к богатому дядюшке Сэму.

И опять восхищенный смех и говор в зале. Было бы наивным полагать, что все присутствующие расстанутся со своими убеждениями под влиянием доводов Н. С. Хрущева, но таково обаяние его личности, что ладони даже иных идейных противников наших смыкаются в непроизвольном движении, и вы видите, как люди буквально удерживают на лету рвущееся в зал рукоплескание.

Председательствующий У. Лоуренс заметно смущен нарастающими симпатиями к Н. С. Хрущеву. И он решает пустить «сквознячок» в чересчур потеплевшую атмосферу зала. Из колоды вопросов он выдергивает крапленую «козырную» карту.

Следующий вопрос гласил: «В своем выступлении Вы говорили о том, что не должно быть вмешательства во внутренние дела других стран. Как совместить эти слова с русским вмешательством в дела Венгрии?»

Никита Сергеевич отвечает с уничтожающим сарказмом:

— Видите ли, так называемый венгерский вопрос у некоторых завяз в зубах, как дохлая крыса: им это и неприятно и выплюнуть не могут.

Нужно было видеть лица журналистов. У многих непроизвольно появилась гримаса отвращения, словно им действительно кто-то пытался сунуть в рот дохлую крысу. Взрывы дружного, искреннего смеха долго не смолкали в зале. А Никита Сергеевич тем временем продолжал:

— Если вы хотите нашу беседу направить в этом направлении, то я вам не одну дохлую кошку могу подбросить. Она будет свежее, чем вопрос известных событий в Венгрии.

Н. С. Хрущев рассказывает правду о социалистической Венгрии и ее трудолюбивом народе, об узах братской дружбы, которыми связаны народы Советского Союза и Венгрии.

— Могу сказать еще,— продолжает Н. С. Хрущев,— что встречных вопросов такого рода я вам задавать не буду, так как приехал в США с другими целями, приехал с добрыми намерениями и чистым сердцем. Приехал не для того, чтобы выискивать разные вопросы для обострения отношений между нашими странами, между нашими правительствами, а для того, чтобы улучшить существующие отношения, убрать, если можно так выразиться, камешки с пути, которые мешают сближению наших стран. Поэтому я ничего не хочу делать, что противоречило бы этой главной цели — улучшению отношений между нашими странами, ликвидации состояния «холодной войны», что мешало бы обеспечению дружбы, укреплению мира во всем мире.

По залу проходит волна одобрения — журналисты довольны ответом Н. С. Хрущева.

Вопросы следуют один за другим, и Никита Сергеевич исчерпывающе отвечает на них. Он умело отметает частности, фиксируя внимание на главном. Его речь покоряет слушателей тем естественным сочетанием теоретической глубины с народной простотой, которое на Западе именуется «стилем Хрущева». Он часто прибегает к крылатым народным оборотам, пословицам. Это создает известные трудности в переводе, но по лицам слушателей видно, что до них хорошо доходит и тонкий юмор, и острота ответов Никиты Сергеевича.

Никита Сергеевич держится непринужденно, не обращая внимания на десятки телекамер, объективов, фотоаппаратов, стрекотание многих киноаппаратов. Ка-

жется, что он сейчас и не думает о том, что его видит и слышит вся Америка...

Под конец завтрака председательствующий У. Лоуреис припас «короный» вопрос, отштампованный на кузне «холодной войны».

Это был тот самый продиктованный иенавистью к социализму вопрос, который с такой назойливостью иавязывали впоследствии Никите Сергеевичу и в других пунктах его маршрута. Когда неделей позже его снова задал злополучный г-н Поулсон — мэр Лос-Анжелоса, этот вопрос оказался своего рода пищей, многократно бывшей в употреблении. Тут сказалась одна особенность буржуазной пропаганды, с которой приходилось не раз встречаться во время поездки по американской земле. Каким бы определенным ни был ответ, каким бы исчерпывающим ни было объяснение, но если вопрос относился к обойме «холодной войны», то он повторялся до полного изнеможения.

Однако расскажем все по порядку.

«Часто ссылаются на то,— спросили Н. С. Хрущева,— что на одном дипломатическом приеме Вы якобы сказали, что Вы нас закопаете в землю. Если Вы этого не говорили, то, может быть, опровергнете, а если сказали, то объясните, что Вы имели в виду».

Ответ Н. С. Хрущева на этот вопрос является одним из замечательных примеров того, как глубоко и ярко говорил Никита Сергеевич о великом учении марксизма-ленинизма, о победе коммунизма, как завоевывал он в Соединенных Штатах на свою сторону сердца и умы простых американцев.

— Здесь, в этом зале, находится только маленькая частица американцев. Моей жизни не хватило бы, если бы я вздумал каждого из вас закапывать,— сказал Никита Сергеевич под дружный смех журналистов.— Я действительно говорил об этом, но мое высказывание извратили сознательно. Речь шла не о каком-то физическом закапывании кого-то и когда-то, а об изменении общественного строя в историческом развитии общества. Каждый грамотный человек знает, что в настоящее время в мире существует не один общественный строй. В различных государствах, у разных народов — разные строи. С развитием общества меняется общественный строй. Был феодализм, его заменил капитализм. Капитализм

был более прогрессивным, чем феодализм. В сравнении с феодализмом капитализм создавал лучшие условия для развития производительных сил. Но капитализм породил непримиримые противоречия. Каждый строй, изживая себя, порождает своих наследников. На смену капитализму, как доказали Маркс, Энгельс и Ленин, придет коммунизм. Мы в это верим. Многие из вас в это не верят. Но и у вас есть люди, которые верят в это.

На приеме, о котором идет речь, я сказал, что в историческом развитии и в историческом понимании капитализм будет похоронен, что коммунизм придет на смену капитализму. Вы скажете, что этого не может быть. Но ведь феодалы сжигали людей, которые боролись против феодализма, а все же победил капитализм. Капитализм борется против коммунизма. Я убежден, что победит коммунизм — общественный строй, который создает лучшие условия для развития производительных сил страны, дает возможность проявить себя каждой личности, обеспечивает полную свободу общества, каждого человека общества. Вы можете со мной не соглашаться. Я не согласен с вами. Что же нам делать? Нужно сосуществовать. Живите вы при капитализме, а мы будем строить коммунизм. Победит новое, прогрессивное; старое, отживающее свой век умрет. Вы считаете, что капиталистический строй более производительный, что он создает лучшие условия для развития общества, что он победит. Но короткая история существования нашего Советского государства говорит не в пользу капитализма. Какое место занимала Россия до революции по экономическому развитию? Россия была отсталой, неграмотной страной. А сейчас мы имеем могучую экономику, у нас высоко развита наука, культура.

Я точно не помню, сколько у нас выпускается инженеров в год,— сказал Никита Сергеевич, ища глазами В. П. Елютина, министра высшего и среднего образования СССР.

— Было подготовлено в прошлом году 94 тысячи, а в этом году выпущено 106 тысяч инженеров, то есть в три раза больше, чем в США,— сказал тот.

— У вас некоторые говорят,— спокойно продолжал Никита Сергеевич,— что если в СССР будет больше ученых, то мы погибнем. Мы идем на эту «гибель», создаем условия, чтобы у нас было больше ученых, чтобы

Первые минуты на американской земле. Президент Соединенных Штатов Америки Дуайт Эйзенхауэр произносит приветственную речь в честь главы Советского правительства Н. С. Хрущева.

Гигантский воздушный лайнер «ТУ-114» опустился на бетонную дорожку аэродрома Эндрюс, близ Вашингтона. Дуайт Эйзенхауэр, высокопоставленные американские лица встречают Никиту Сергеевича Хрущева и сопровождающих его товарищей.

Никогда еще читатели американского журнала «Лайф» не видели снимка, снятого с такой точки зрения. Два полотнища на общем флагштоке — флаг СССР и флаг США. Ну что ж, эта точка зрения, конечно, понравится всем, кто хочет, чтобы два великих государства жили в дружбе и мире.

На снимке внизу: машины еще не появились, но десятки тысяч горожан с нетерпением ждут их прибытия в Вашингтон.

Автомашина, в которой находятся Д. Эйзенхауэр и Н. С. Хрущев, в окружении почетного эскорта движется от аэродрома к столице США — Вашингтону.

Беседы между главами двух правительств начались в первый же день.

Первый визит в Вашингтоне глава Советского правительства нанес Президенту Соединенных Штатов Америки. Н. С. Хрущев преподнес Президенту копию вымпела, доставленного на Луну советской ракетой. Д. Эйзенхауэр с любопытством рассматривает этот памятный подарок. Никита Сергеевич улыбается,— приятно, что мы первыми забросили творение человеческих рук на Луну.

На снимке вверху: короткая пресс-конференция Н. С. Хрущева, которую он дал после беседы с американскими сенаторами в Комиссии по иностранным делам.

Справа: в строительных лесах здание американского Капитолия.

Никита Сергеевич Хрущев на встрече с американскими журналистами в Национальном клубе печати.

Нина Петровна Хрущева дает интервью.

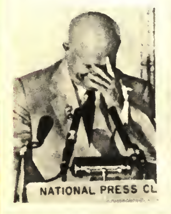

Khrushchev in Action: Smiles, Frowns, Threats, Gestures

A revealing close-up of the Russian Premier emerged a[s he] met the U. S. press for the first time. He responded to so[me] questions with anger, to others with smiles. Always he us[ed] his hands in quick, pointed gestures

have, should also have, close economic and cultural contacts among themselves. This will enable the peoples and their statesmen better to know and understand each other.

This will make for the establishment [illegible] peaceful co-operation. The Soviet [illegible] States [illegible]

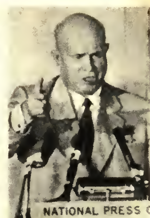
outstripped [illegible] assurance [illegible] Instead, [illegible]

Mr. Khrushchev: [illegible]

Журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» поместил фотографии, запечатлевшие выступление Н. С. Хрущева в Национальном клубе печати. Снимки говорят сами за себя,

Trade is like a barometer. It shows the direction of the development of policy, whether clouds will gather overhead [illegible] well as before [illegible] thunderstorm, or whether it will be clear and fine. We [illegible] want the barometer always to [illegible] fine weather, and to this end, it is necessary [illegible] are [illegible] promote international trade to the [illegible]

When asked [illegible] how trade between the [illegible] might be expanded, [illegible]

nor does it constitute a reliable market or source of supply.]

The following exchanges took place during Mr. Khrushchev's answers to questions of the Press [illegible] luncheon.

Q: In your remarks, Mr. Khrushchev [illegible] spoke about avoiding outside interference in the affairs [illegible] nations. How, then, do you justify [illegible] Hungary?

Mr. Khrushchev: [illegible]

а подпись в журнале гласит: «Хрущев в действии: смеется, хмурится, грозится, жестикулирует».

Нью-Йорк встретил главу Советского правительства еще более грандиозными толпами горожан. Но и полицейских, как видите, в Нью-Йорке было значительно больше, чем в Вашинг-

тоне. За их плотными рядами почти не видно машин советских гостей, подъехавших к гостинице «Уолдорф-Асторня».

Вот он, Нью-Йорк, город причудливых небоскребов, город-гигант.

На верхнем снимке: Н. С. Хрущев выступает с приветственной речью на обеде, который дал в его честь мэр города г-н Вагнер.

Внизу: Н. С. Хрущев беседует с губернатором Нью-Йорка Нельсоном Рокфеллером.

Воздавая должное памяти покойного президента США Франклина Рузвельта, Н. С. Хрущев и сопровождающие его товарищи посетили в Гайд-парке дом и могилу президента. Высоких гостей встретила вдова президента г-жа Э. Рузвельт.

все люди были образованными, потому что без этого нельзя строить коммунизм. Коммунизм — это наука.

Время встречи истекало. Уже давно крупная цифра «5» в руках человека, ведущего счет оставшимся минутам, сменилась на тройку, двойку, единицу... Он высоко поднял над собою щиток с цифрой «30», всем своим видом выражая отчаяние — пройдут, мол, эти считанные секунды и телевизионные станции, за исключением одной, будут отключены, Америка не услышит Ваших слов...

Но и Никита Сергеевич вел счет времени, он видел и этого взволнованного человека.

— Спасибо за внимание! — произнес он, улыбаясь, говоря тем самым, что его выступление окончено.

И по лицам друзей и по лицам противников наших стало ясно — одержана большая победа!

Президент Национального клуба печати У. Лоуренс от имени членов клуба благодарит Н. С. Хрущева, а все присутствующие в зале стоя долго и горячо аплодируют человеку, с таким мастерством умеющему донести свои взгляды до слушателей.

— Это непостижимо! Ведь он любого может сделать коммунистом! — восклицает один из наших соседей по столу — американский журналист.

Резонанс от выступления Н. С. Хрущева по стране был исключительный. Достаточно сказать, что уже в первые часы после выступления в Советское посольство и в Блэйр-хауз были доставлены десятки телеграмм и среди них трогательное послание видного американского промышленника и общественного деятеля Сайруса Итона:

«Вместе со многими миллионами американцев я был глубоко взволнован, когда смотрел и слушал по телевидению Ваше блестящее выступление в Клубе печати. Самые сердечные поздравления».

Никита Сергеевич незамедлительно поблагодарил г-на Итона за это поздравление.

Сообщения о пребывании Н. С. Хрущева в США и особенно о его выступлении в Национальном клубе печати заняли центральное место во всех газетах, совершенно оттеснив другие новости. Во многих статьях выражалось восхищение искусством и энергией, с которыми Н. С. Хрущев излагал и защищал позицию Советского Союза, свои взгляды и убеждения.

Редкие исторические события так подробно освещались в печати, как визит главы Советского правительства. «Нью-Йорк таймс» посвятила сообщениям, комментариям и фотографиям, связанным с визитом, около пяти страниц; «Нью-Йорк геральд трибюн» — более четырех страниц; «Дейли ньюс» — около четырех страниц сообщений и четыре страницы фотографий; «Дейли миррор» — три страницы сообщений и две страницы фотографий.

Все газеты вышли с огромными заголовками на первой полосе, посвященными выступлению Н. С. Хрущева в Национальном клубе печати. В печати особо выделялось заявление Н. С. Хрущева о том, что в своем выступлении на сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 18 сентября он намеревается выдвинуть предложение о разоружении. Заголовок газеты «Нью-Йорк таймс» гласил: «Хрущев имеет план разоружения, призывает к мирным усилиям, чтобы земля не покрылась пеплом и могилами»; заголовок «Нью-Йорк геральд трибюн»: «Хрущев предложит Организации Объединенных Наций новый план разоружения, называет войну «настоящим безумием»».

«Нью-Йорк таймс» и «Нью-Йорк геральд трибюн» опубликовали полный текст выступления главы Советского правительства, а также текст вопросов и ответов.

Даже те корреспонденты, которые обычно допускают антисоветские выпады, положительно отозвались о выступлении Н. С. Хрущева в Национальном клубе печати. Корреспондент «Нью-Йорк геральд трибюн» Доновен писал, что Н. С. Хрущев был «с самого начала до конца живым воплощением уверенности в окончательном торжестве коммунизма. Его выступление было то резким, то вызывающим, то примирительным, то жестким-жестким, но не воинственным в смысле угрозы Соединенным Штатам... Хрущев говорил определенно, как гордый человек».

Далеко не симпатизирующая нам корреспондентка газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» Маргарита Хиггинс признавала, что все выступление Н. С. Хрущева было «мастерским». Но, утверждала она, само искусство Н. С. Хрущева вызвало некоторую озабоченность среди американских «творцов политики», потому что Н. С. Хрущев продемонстрировал «свою потенциальную способность апеллировать к американскому народу через го-

лову американского правительства н добиваться, чтобы народ, в свою очередь, оказывал давление с тем, чтобы Соединеиные Штаты «были разумнымн в духе Россни»».

В редакционной статье газеты «Нью-Йорк уорлд телеграм эид Саи» были как бы подытожены общие впечатления от выступлеиия Ннкнты Сергеевнча в Национальном клубе печати:

«С трибуны Национальиого клуба печати выступало немало способных общественных деятелей. Одиако мало кто мог сравняться по своей умелости с Хрущевым — он сумел показать, какой он нсключительно способный, увереииый в себе и решнтельный человек.

Он провел в иашей стране едва суткн, прнтом ие зиая нашего языка. Он только что начал знакомиться с иашимн обычаями и культурой, н вот ему прншлось столкнуться с крупнейшим н ианболее осведомленым корреспондентским корпусом в мнре. И все же ои вел себя так, как будто это было ему прнвычно всю жнзнь. Казалось, что он чувствует себя как дома и проявляет больше увереиостн в себе, чем проявляли на том же месте многне амернкаиские должностные лнца.

Даже если этот визнт ие даст ннкаких других результатов, то уже сама возможиость для амернкаиского народа увидеть этого человека в действин явнтся, возможио, иемалой выгодой от этого визита.

Мы получнли возможность увндеть, с какого рода вызовом мы имеем дело. Это не только спутннки, луиные ракеты и великая военная мощь, ио н международиая дипломатическая и пропагандистская умелость, проявляемая мастером этого дела.

Для такой столицы, как Вашингтон, прнвыкшей, что нностраиные гостн протягнвают руку за помощью н мнлостями, было своего рода потрясеннем услышать прямое заявление Хрущева, что он прнехал сюда не как проснтель, что ему иичего не нужно от дядн Сэма, что он хочет только, чтобы его счнталн равным, а в некоторых отношеииях и призиавалн его превосходство».

Таково было суждеине амернканской газеты, справедливо счнтающейся одной нз «кузннц холодной войны». Так какнм же должио быть впечатлеиие простого американца! Симпатии амернканского народа к Н. С. Хрущеву возрасталн со скоростью цепной реакцнн.

ЛУЧ НОВОГО МИРА

Только 450 корреспондентов присутствовало на завтраке в Доме печати. Но почти что весь американский народ видел и слышал выступление Никиты Сергеевича. Это чудо совершило телевидение.

Говорят, что в жилище американца может не быть окна, но обязательно есть телевизор. Эта образная фраза имеет известные права на существование. В США — более пятидесяти миллионов телевизоров. Радиорелейные и кабельные линии связывают города, позволяя широко обмениваться телевизионными программами. По силе воздействия на общественное мнение телевидение в США давно обогнало и печать, и радио, и кино.

В Нью-Йорке, например, передачи идут с утра до поздней ночи одновременно по семи каналам. Обеспечить содержательные передачи для семи ежедневных, круглодневных, одновременных телевизионных программ — дело сложное, даже если привлечь для этой цели все сокровища мировой культуры. Тем труднее это сделать в условиях США, никогда не претендовавших на первенство в области производства духовных ценностей.

Если не считать случаев, когда передачи используются для заочного образования, следует признать, что телевизионные компании США не ставят перед собой особенно сложных целей. Телевизионные программы часто заполняются всевозможной чепухой.

Передачи иной раз настолько бессодержательны, что порою кажется — у телевизионных компаний нет иных забот, кроме той, чтобы перед глазами зрителей что-нибудь мелькало. Скучающий глаз телекамеры может целый час блуждать по какой-нибудь танцплощадке, на которой однообразно кружатся пары.

По одной из программ идет целая вереница телевизионных конкурсов. Растерянных, смущенных людей, как бы приглашенных в студию прямо с улицы, заставляют участвовать в сложной викторине. Победителей на глазах у зрителей премируют крупными суммами. Так рождались чемпионы небывало широкой эрудиции, вроде молодого педагога Чарльза ван-Дорена, про которого газеты восхищенно писали: «Вся Америка будто освежается, когда видит умницу Чарльза».

«В краеугольном камне появилась трещина...»
Рис. из газеты «Нью-Йорк геральд трибюн»

Уже после возвращения из поездки в США мы узнали из американских газет, что один из победителей конкурсов забыл в телефонной будке записную книжку с заранее полученными вопросами и ответами к предстоящему соревнованию. Началось скандальное расследование, показавшее, что американских телезрителей беззастенчиво водили за нос.

Финансируют телепередачи торговые фирмы — поставщики телевизионных объявлений. Дать объявление по телевидению — это значит размножить его в условиях

США максимальным тиражом. И объявления стали настоящей язвой американского телевидения. Через каждые пять — десять минут демонстрация кинофильмов прерывается и из глубины телеэкрана пробирается к переднему плану коммивояжер крадущейся походкой опытного хищника. Что это за скляночка у него в руках? Ну, конечно, это хваленое средство для уничтожения пота под мышками или верные пилюли для ремонта пошатнувшейся в лихорадке капиталистического хаоса нервной системы, или истребительный, термоядерной силы клопомор. Что за дело миссионеру Меркурия до того, что интимно необходимая склянка прерывает лирические излияния влюбленных героев, что снотворные пилюли вторгаются в резвое движение веселой комедии, что тотальный клопомор прерывает течение кинематографической мысли?

И невольно приходишь к выводу, что экран телевизора, заменяющий американцам окно, как бы занавешен шторкой с мещанским узором. А когда отодвигается эта занавеска, то какая-то проворная рука начинает шуровать, отбирая виды, бесцеремонно подтасовывая кадры, чтобы облик мира отражался односторонне.

Да, в каких-то отношениях кругосветное телевизионное окно беднее, чем простое окно, выходящее на простую американскую улицу! Американское телевидение много раз в день передает «последние известия». Но какие это искаженные «известия». До простой американской улицы доносится весть о том, что миллионы людей на земном шаре охвачены борьбой за мир. Но ни по одному из каналов американских телепрограмм не увидишь этого. О великих победах в социалистическом лагере по телевидению сообщается сквозь зубы и только тогда, когда эти победы уже невозможно замолчать.

Авианосцы, подводные лодки, танки, летающие снаряды — все морские, наземные, воздушные средства войны образуют на телевизионных экранах чудовищный винегрет, остро сдобренный ядовитыми грибами атомных испытаний. Перепуганным американцам навязчиво внушают мысль, что в азартной гонке вооружений и заключается главная цель современного человеческого существования.

Американское телевидение популяризировало гастроли коллективов советских артистов в США, но с осо-

бым удовольствием оно показывает советскую жизнь как бы из подворотни, советские города, отснятые с черного хода. Пена «холодной войны» постоянно пузырится на американских телевизионных экранах.

На примере американского телевидения в особенно яркой форме проявляется извращенный характер использования технических изобретений при капитализме. В мире, где энергией атома интересуются в первую очередь как средством массового уничтожения, а ракетами — лишь как артиллерийским средством, в этом мире гениальнейшее достижение электроники — телевидение — из великого просветительного фактора пытаются превратить в орудие одурманивания людей.

Но в истории американского телевидения навсегда останутся тринадцать светлых дней, когда пристальные голубые глаза телекамер, усиленные электронной оптикой, неотступно следили за поездкой по США Никиты Сергеевича Хрущева. Именно работе телевидения американцы обязаны тем, что в непосредственной близости от Н. С. Хрущева находилось не несколько десятков наиболее удачливых журналистов из сотен счастливцев, сопровождавших его в поездке по стране, а десятки миллионов американцев, сидевших у экранов телевизоров. Именно специфике телевидения американцы обязаны тем, что великие идеи поездки Н. С. Хрущева дошли до них в истинном виде, а не в кривом зеркале тенденциозной прессы.

По маршруту высокого гостя был направлен блистательный арсенал современной телевизионной техники. Три основные телевизионные компании — «Нейшил бродкастинг компани», «Коламбиа бродкастинг систем» и «Америкэн бродкастинг компани» освещали все этапы поездки.

Помощник государственного секретаря по печати Э. Бердинг сообщил, что в числе тысяч корреспондентов, освещавших поездку Н. С. Хрущева, которых организованно обслуживал государственный департамент, находилось 750 представителей радиотелевизионной сети.

Забираясь на самые высокие точки — небоскребы, мачты, силосные башни, телеоператоры при помощи исполинских объективов, похожих на телескопы, предназначенные для наблюдения звезд, выхватывали самое значительное из самой гущи событий; операторы со все-

возможными портативными камерами шли на самые рискованные вылазки; специальная машина на ходу записывала изображение вместе со звуком на широкую магиитную пленку и при первой возможиости посылала их в эфир.

Было бы наивным заподозрить телевизионных боссов Америки в чрезмерной объективности. Они не могли не учитывать запросов миллионов американских зрителей. Стремление телевизиоиных королей обставить, обогнать своих конкурентов, нажить капитал часто отодвигало на задний план другие соображения. Но, конечно, они не предвидели полностью, на что шли.

Сам Никита Сергеевич рассказывал 6 октября на митиите трудящихся Владивостока:

— Когда я готовился к поездке в Соединенные Штаты по приглашению Президента Дуайта Эйзенхауэра, некоторые деятели в Америке говорили: вот приедет Хрущев к нам в страну, увидит наши богатства, силу, и он измеиит свои взгляды. Может быть, они рассчитывали, что я изменю свои взгляды и откажусь от коммунистических идей? Но так могли думать, конечно, только недалекие люди.

На это, видимо, кто-то и рассчитывал. Кто-то льстил себя надеждой, что Америка увидит на экранах телевизоров, как Н. С. Хрущев начнет отступать, отказываться от коммунистических идей. Но действительность опрокинула такие наивные предположения. Миллионы телезрителей Америки стали соучастниками совершенно иных событий. Они видели историческую встречу с журналистами в Национальном клубе печати в Вашингтоне. Это были не просто ответы на вопросы, это был политический диспут, потому что многие вопросы содержали развернутые утверждения и каждый ответ не оставлял от этих утверждений камня на камие.

Замечательно, что не только американский, но и каиадский народ с огромным интересом следил по телевидению за визитом Н. С. Хрущева в США. Миллионы каиадцев слушали выступление главы Советского правительства в Национальном клубе печати, которое передавалось по всей радиотелевизионной сети Канады. И оно произвело большое впечатление иа канадскую общественность.

Американцы полагали, что следят за тем, как проходит знакомство Н. С. Хрущева с Америкой, но не каждый замечал, что в это самое время протекал процесс гораздо более важный, исторически значительный: в ходе выступлений Никиты Сергеевича, его страстных дискуссий с представителями капиталистического мира расширялось знакомство американцев с миролюбивой политикой Советского Союза, открывались новые исторические перспективы.

Тень могучего атомного ледокола и стремительной лунной ракеты неизменно присутствовала при подобных дискуссиях. Но была тут на нашей стороне еще одна сила, более мощная, чем энергия атомного ядра, чем тяга космической ракеты,— неодолимая сила идей марксизма-ленинизма.

Можно сказать, что выступления Никиты Сергеевича в Америке породили новую, опирающуюся на технику атомного века, небывалую ранее форму публицистической деятельности, отличающуюся в равной мере и от традиций печатной публицистики, и от традиций политических речей. Мы имеем в виду свободные телевизионные дискуссии, где перед лицом многомиллионной аудитории происходят идейные столкновения главных сил коммунистической идеологии с главными силами идеологов капитализма.

Чтобы хоть как-то приостановить это победоносное идеологическое наступление, телевизионные компании предпринимали свои специфические контрмеры. Например, после демонстрации выступления Никиты Сергеевича запускался унылый документальный фильм по такому сценарию: «Красная площадь — постовой милиционер — Третьяковская галерея — постовой милиционер — университет — постовой милиционер — метрополитен — постовой милиционер — зоопарк — постовой милиционер...» и так далее.

Но само соседство подобных передач лишь подчеркивало фальшь антисоветской пропаганды.

Телевидение называют «электронным микроскопом правды». Для этого есть известные основания: от упорных взглядов миллионов глаз не укроется малейшая неискренность. В общей сложности многие десятки часов американские телевизионные объективы следили за лицом Никиты Сергеевича Хрущева. И десятки миллионов

увидевших его людей убеждались, что это сама прямота, искренность, правда! Никита Сергеевич Хрущев со всей прямотой смотрел в упор в миллионы глаз. На его стороне были историческая правда, эпохальные свершения всего советского народа, была идейная убежденность, позволяющая высказать эту правду в глаза.

На пресс-конференции в Вашингтоне одни американский журналист в величайшем смятении спрашивал Эйзенхауэра:

— Господин Президент, сейчас, когда миллионы американцев видят господина Хрущева по телевидению и отмечают явную убедительность и искренность, когда он говорит, а также временами и его дружелюбие, его личную теплоту, не думаете ли Вы, что у некоторых американцев может появиться идея о том, что он, вообще говоря, неплохой парень, и, возможно, незаметно их общее чувство оппозиции против всей идеи коммунизма может ослабеть и они могут стать психологически разоруженными?

Президент, конечно, постарался всячески успокоить американского журналиста.

На последней странице «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса есть гордая строчка: «Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения».

Волшебством телевидения было достигнуто то, что тринадцать дней прогостил почти в каждой американской семье коммунист, не скрывающий перед лицом всей Америки, всего мира своих взглядов и намерений. Его высказывания были проникнуты доказательной уверенностью в преимуществах социалистической системы над капиталистической, в окончательной победе коммунистического строя. Его главным намерением было создание условий мирного существования государств, принадлежащих к различным социальным системам, утверждение мира во всем мире.

Это гость, которого не забудут!

Несомненно, в истории американского телевидения дни визита Н. С. Хрущева станут большой памятной вехой. В эти дни телевизионная сеть США наполнилась содержанием, достойным ее технической мощи. Быть может, впервые в своей истории гигантская телевизионная система, служившая нуждам «холодной войны», была столь широко использована в мирных целях. Для

десятков миллионов американцев телевидение в эти дни было школой общественной мысли, незабываемым университетом.

Через оконце американского телевизора брызнул яркий луч — свет нового мира.

ПЕРЕД ПАМЯТНИКАМИ ИСТОРИИ

Еще не замолк восторженный гул в кулуарах Национального клуба печати, еще дробной россыпью стучали пишущие машинки и телетайпы, а Никита Сергеевич уже ехал по центральным проспектам Вашингтона.

Автомобили плавно огибают обелиск первому американскому президенту Джорджу Вашингтону. Этот монумент виден почти в любой точке города, а с его верхней площадки просматривается окрестность на много километров вокруг. Сложенный из белого камня, он устремлен в небо, выражая величие человека, возглавлявшего борьбу американского народа за независимость.

В роли гида, повествующего об исторических памятниках американской столицы, выступает сопровождающий Н. С. Хрущева Генри К. Лодж. Многое из того, о чем он рассказывает, давно известно советским людям.

Нет нужды выяснять причины того, почему царское правительство, боявшееся Американской республики, действовало в ее пользу. Но это исторический факт. В советских архивах хранятся интересные документы и материалы. Они говорят о важной роли, которую сыграла Россия в создании благоприятной внешнеполитической обстановки для победы американской революции и освобождения Америки из-под чужеземного ига.

Так, задолго до установления дипломатических отношений с США русское правительство не только отказалось удовлетворить просьбу английского короля о посылке русского экспедиционного корпуса в Северную Америку, но и провозгласило отвечавший интересам Соединенных Штатов принцип «вооруженного нейтралитета».

В 1822 году посредничество русского правительства помогло США разрешить спор с Англией, разгоревшийся по вопросу об эвакуации английских войск с территории Соединенных Штатов.

Фактически Россия в то время была единственной из великих держав, дружелюбно относившаяся к молодой Американской республике. Из России в Америку доставлялись железо, лен, пенька, мануфактура и другие товары. В первые годы XIX века объем американского импорта из России превышал полтора миллиона долларов, что по тогдашнему курсу составляло солидную сумму. В русские порты прибывало много американских судов.

В 1809 году президент США Томас Джефферсон писал своему другу А. Дашкову, назначенному русским генеральным консулом в Филадельфии и поверенным в делах в США: «Россия и Соединенные Штаты, будучи по характеру и на практике исключительно миролюбивыми, имеют общие интересы в деле поддержания прав миролюбивых наций».

В наше время мы часто вспоминаем эти слова. Их повторил в 1933 году покойный президент США Франклин Рузвельт, приветствуя установление дипломатических отношений между Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом.

Однако век атомной энергии, электроники, ракетных скоростей требует от государств, и в первую очередь от самых могущественных государств земного шара — США и СССР,— чего-то большего, нежели поддержание только формальных дипломатических отношений.

Настало время объединить усилия и добиваться решительного изменения климата в международных отношениях. Хороший хозяин, строя дом, думает о том, чтобы заделать все щели и дыры, чтобы не были страшны ни град, ни вьюга. Здание мира также должно покоиться на незыблемом фундаменте и иметь над собой крепкую, добротную крышу.

Глубокий смысл был заложен в словах главы Советского правительства, с которыми он обратился к представителям мировой прессы, собравшимся в Национальном клубе печати в Вашингтоне:

— Если в результате этого обмена мнениями СССР и США станут лучше понимать друг друга, станут проявлять большую сговорчивость в решении спорных вопросов, то от этого выиграют и большие и малые страны, расположенные в Европе, Азии и на других континентах, а больше всего выиграет дело мира.

Мы,— продолжал Н. С. Хрущев,— не проводим политики сговора с сильными против более слабых. Мы хотим договориться с сильными и тем самым договориться со всеми странами о ликвидации «холодной войны». От этого будут иметь равный выигрыш и равные выгоды все страны.

В час, когда Никита Сергеевич осматривал достопримечательности американской столицы, его выступление в Национальном клубе печати жарко обсуждалось среди жителей города. Газеты с изложением выступления главы Советского правительства покупали нарасхват.

Многолюдно было в тот час в центре парка на реке Потомак, около памятника-мавзолея Линкольну. Парни в цветастых ковбойках — туристы из Техаса, юноши и девушки со спортивными эмблемами на груди — местные студенты, служащие, дети ожидали прибытия сюда Н. С. Хрущева, надеясь, что он обязательно посетит это место во время экскурсии по Вашингтону. Появление Никиты Сергеевича было встречено громкими возгласами приветствий, щелканьем затворов фотоаппаратов. Забеспокоилась полиция, пытаясь сдержать напор сотен людей, желавших поближе посмотреть на высокого советского гостя.

Генри К. Лодж рассказывает историю этого монументального сооружения. Его возвели 37 лет назад. Сложенное из мрамора обрамление монумента состоит из 36 стройных колонн — по числу штатов, входивших при жизни Линкольна в Соединенные Штаты Америки. Мраморное изваяние Линкольна изображает президента сидящим в кресле.

— Линкольна помнят, как человека, положившего конец рабству в Америке, спасшего страну от раскола,— говорит Г. Лодж.

— Вот почему наши люди уважают Линкольна, вот почему мы чтим его память и склоняем перед ним головы,— произносит Н. С. Хрущев.

— Это приятно слышать,— отмечает Лодж.

На стенах мемориала выгравированы изречения великого американца. Лодж зачитывает строки из президентского обращения А. Линкольна к американцам от 4 марта 1865 года. Линкольн призывает довести до конца борьбу за ликвидацию рабства в стране, достигнуть и

взлелеять справедливый и длительиый мир между американцами и всеми иародами.

— Очень хорошо сказаио, прекрасиые слова,— говорит Н. С. Хрущев.

Журиалистам удалось все же протисиуться сквозь полицейские заграждеиия к советскому гостю, когда он осматривал скульптуру Линкольиа. Репортеры обступили Никиту Сергеевича, все наперебой просят сказать о своих впечатлеииях.

— В иашей страие,— сказал Никита Сергеевич,— высоко чтят память Авраама Лиикольна, самого человечного человека Соединениых Штатов Америки своего времени, отдавшего жизнь за освобождение людей. Мы склоияем перед иим свои головы. Его имя будет жить в веках.

Эти слова немедлеиио переводятся иа аиглийский язык, и толпа америкаицев разражается аплодисментами. Даже враждебио иастроеииые к Советскому Союзу американские обозреватели писали в газетах о «демонстрации дружбы», стихийио возиикшей у памятника Линкольиу, когда там иаходился глава Советского правительства.

Можио предполагать, что среди американцев, аплодировавших Н. С. Хрущеву, когда он отдавал должиое памяти Линкольиа, были люди, зиавшие не только то, о чем говорил Г. Лодж, характеризуя роль Линкольиа для последующего развития США, но и роль русского государства в событиях, развертывавшихся при жизии Линкольна.

Одиой из решающих, но еще мало исследованных глав истории граждаиской войны в США шестидесятых годов прошлого столетия является вопрос о роли России в благоприятиом исходе этой войны для северян, сторонников отмены рабства.

Весьма характерно, однако, что имеиио в последиее время в США вспомнили об этой странице их истории и истории русско-америкаиских отношеиий.

В недавно вышедшей книге америкаиских публицистов Дрю Пирсоиа и Д. Аидерсона «США — второразрядиая держава?» значительное место отведено рассказу о том, как содействие России в ответ иа обращеиие президеита Лиикольна помогло севериым штатам справиться с угрозой иностраниой интервенции, нависшей

над аболиционистами в критический период их борьбы с южными штатами, с рабовладельцами так называемой Конфедерации.

Это было в начале осени 1863 года. Шесть русских военно-морских судов под командованием контр-адмирала Попова бросили тогда якорь у Сан-Франциско, а шесть других русских военных судов под командованием контр-адмирала Лисовского остановились в гавани Нью-Йорка.

«Гертруда Эдерле, когда она переплыла Ла-Манш, Ван Клиберн, когда он вернулся после своего музыкального триумфа в Москве, Чарльз Линдберг, когда он перелетел через Атлантический океан, не встречали такого теплого приема, какой был оказан в Манхэттэне команде и офицерам русского флота»,— пишут Д. Пирсон и Д. Андерсон.

Русский флот оставался в американских водах всю зиму 1863/64 года. Сохранилось свидетельство адмирала Лисовского о том, что у него был запечатанный пакет с приказом, который должен был быть вскрыт только «при непредвиденных обстоятельствах, а именно — если вспыхнет война между Соединенными Штатами и другими странами». В Сан-Франциско адмирал Попов вручил пиратам Конфедерации ноту, в которой говорилось: «Нижеподписавшийся уполномочен информировать всех, кого это может касаться, что корабли вышеуказанной эскадры намерены оказывать помощь властям любого района, где им предлагается дружба, всеми средствами, которые местные власти сочтут необходимыми, чтобы отразить покушение на безопасность этого района».

По словам тех же авторов, «жители Сан-Франциско не скупились на выражение дружеских чувств к русскому флоту, и предупреждение рейдерам Конфедерации возымело свое действие. Так, благодаря союзу с Россией Север выдержал самый решающий год гражданской войны. Без такого союза Соединенные Штаты могли бы сегодня, вероятно, находиться под властью двух отдельных правительств».

Русско-американское сотрудничество было реальностью в прошлом. О нем следует помнить во имя настоящего и будущего. Не только лучшие умы Америки видели тогда в русской нации, в русском народе исполинскую,

хотя и неразбуженную, еще дремавшую силу, но и передовые люди России высказывались за дружбу и сотрудничество Америки и России.

Еще в 1858 году пламенный публицист и мыслитель-революционер Александр Герцен писал, что между Россией и Америкой «целый океан соленой воды, но нет целого мира застарелых предрассудков, остановившихся понятий, завистливого местничества и остановившейся цивилизации... Обе страны преизбыточествуют силами, пластицизмом, духом организации, настойчивостью — не знающей препятствия...»

Встречи Н. С. Хрущева в США происходили в условиях и обстановке, когда в Америке за многие годы образовался огромный резервуар «застарелых предрассудков, остановившихся понятий» о Советской державе и советском народе. Но, поскольку это был сплошь наносный, искусственный слой предрассудков и лжи, жизнь рано или поздно должна была отмести все эти наслоения прочь.

В ходе визита атмосфера недоверия, подозрительности уступала место духу солидарности, симпатиям, приязни, радушию.

Вот почему «демонстрация дружбы» у памятника Линкольну была поистине символичной, многозначительной. Ее как бы осеняло славное прошлое русско-американской истории, и в ней проявились добрые, крепкие ростки будущего.

За недостатком времени пришлось отказаться от осмотра Национальной художественной галереи. Последним пунктом экскурсии был памятник-мавзолей Томасу Джефферсону, но и здесь Никита Сергеевич при всем своем желании не смог остановиться.

— ...Я не буду предъявлять претензий господину Лоджу. Мы мало видели, так как у нас было очень мало времени. Но лучшую часть города мы увидели — прекрасный город.

Так отозвался Н. С. Хрущев о своей поездке по Вашингтону, выступая на обеде в Советском посольстве, устроенном вечером того же дня в честь Президента Эйзенхауэра и его супруги.

ПОД КУПОЛОМ КАПИТОЛИЯ

Купол Капитолия — здания американского конгресса в строительных лесах, окна и двери в фанерных заплатах. Говорят, что перед самым визитом Н. С. Хрущева понадобился срочный ремонт здания. В газете «Вашингтон стар» была помещена следующая шутка: конгресс в свое время потратил немало времени на борьбу с коммунистами действительными и мнимыми, но когда «коммунист номер один» прибыл в США, то конгресс в смятении разбежался.

Мы приводим эту шутку не только для того, чтобы показать фамильярное отношение американской печати к своим правительственным учреждениям, но и как один из примеров недовольства общественности страны тем, что Н. С. Хрущеву не предоставили возможности, как гостю Америки, выступить в конгрессе. Как известно, буквально за несколько часов до прилета Председателя Совета Министров СССР в США после многочасовых споров конгресс прервал свою работу.

И все же встреча с американскими парламентариями состоялась. 16 сентября по приглашению председателя сенатской комиссии по иностранным делам сенатора Уильяма Фулбрайта Н. С. Хрущев посетил конгресс США.

Здание американского парламента ремонтируют и расширяют, потому что нынешний государственный аппарат США уже не в силах вместиться в рамки, установленные XIX веком, когда был возведен этот пышный дворец. Американцы называют здание Капитолия свадебным тортом — в нем действительно есть что-то праздничное, хотя здание и выглядит несколько аляповато, как всякое сооружение, перегруженное ненужными украшениями.

Но это снаружи. Когда входишь внутрь, впечатление праздничности исчезает и бросается в глаза старомодность отделки, какая-то мрачность наполняет вестибюли, как будто здесь до сих пор сохранилось газовое освещение.

По Конституции государственная власть в США делится на три части — законодательную, исполнительную и судебную. Каждая из них, в соответствии с систе-

мой «взаимных ограничений и противовесов», призвана уравновешивать другую. На практике это означает, что каждый из трех элементов, составляющих государственную власть, служит надежным тормозом, ограничивающим прогрессивное развитие общества. Если бы какой-нибудь президент, например, стал проводить мероприятия, которые были бы не по душе правящим кругам США, его действия были бы ограничены законодательными актами конгресса. В то же время прогрессивное законодательство конгресса может быть объявлено «неконституционным» Верховным судом, члены которого назначаются президентом.

Конгресс — верховный законодательный орган США — состоит из двух палат: верхней (сената) и нижней (палаты представителей). Американцы сравнивают свой сенат «с самым избранным клубом в мире». Это законное сравнение. Ведь требования для кандидатов в сенат, который имеет всего сто членов, по два представителя от каждого штата, примерно те же, что и для кандидатов в какой-нибудь фешенебельный деловой клуб. Не будем уточнять, что это за требования. Достаточно сказать, что к ним не относится запрещение тесных связей с финансовыми магнатами США.

Сенат несет особую ответственность за формирование внешней политики, в то время как задача проведения этой политики в жизнь возлагается на исполнительную власть, президента и членов правительства.

Встреча главы Советского правительства с группой сенаторов состоялась в зале заседаний сенатской комиссии по иностранным делам. По середине комнаты стоял большой овальный стол, на нем был сервирован чай, стояли вазы и тарелки с печеньем, бутербродами, сладостями.

Н. С. Хрущев входит в комнату в сопровождении группы советских товарищей. Председатель комиссии по иностранным делам сенатор У. Фулбрайт приветствует советских гостей, знакомит их с присутствующими, приглашает за стол.

У. Фулбрайт предлагает Н. С. Хрущеву выпить чашку чая. Никита Сергеевич отказывается.

— Мы встретились здесь, чтобы поговорить,— с улыбкой говорит он,— а разве может человек одновременно и говорить и пить? Это невозможно.

За столом 25 сенаторов, большинство из них — члены комиссии по иностранным делам. Это влиятельные лица, многие из них знакомы советским людям по газетам. Справедливость требует заметить, что в огромном потоке речей, заявлений, выступлений сенаторов — а некоторые из них видят в этом чуть ли не основное свое занятие — очень немного найдется таких, где есть благожелательные слова о Советском Союзе. Зато выпадов против нашей страны, против ее миролюбивой внешней политики сколько угодно в ораторских тезисах многих из этих джентльменов.

Правда, среди присутствовавших не было самых косных, самых твердолобых, самых враждебных к нам сенаторов, тех, кого сама американская печать называет «пещерными людьми», «динозаврами», «троглодитами». Они предпочли не присутствовать на такой встрече.

Отрадно сознавать, что ряды этих людей каменного века в американском сенате несколько поредели за последние годы — одни, как, например, печальной памяти Д. Маккарти, почили в бозе, другие, как Уильям Ноулэнд, провалились на выборах, третьи, почувствовав, в какую сторону дует ветер, сочли предусмотрительным приспустить черный флаг фашиствующей реакции и сменить его на менее вызывающий флаг ортодоксального консерватизма.

Большинство присутствующих сенаторов, по-видимому, предпочло бы причислить себя к «умеренным», к «центру», а некоторые, может быть, даже назвали бы себя «либералами». Между ними и крайне правыми есть, конечно, какая-то разница. Но в американском конгрессе диапазон от крайне «левых» до крайне правых столь невелик, что для посторонних наблюдателей бывает трудно, а то и невозможно углядеть эти различия.

Выступая перед сенаторами, Н. С. Хрущев говорил:

— Я всегда внимательно слежу за вашими выступлениями и по этим выступлениям знаю многих из вас. Теперь мы с вами познакомились лично. Вы не будете удивлены, если я скажу, что не со всем согласен в ваших речах. Как говорит русская пословица: хлеб-соль ешь, а правду режь. Но давайте сейчас не будем заниматься воспоминаниями о том, когда и какой сенатор сказал что-либо плохое и что-либо хорошее. Это отошло в прошлое, и давайте руководствоваться государственной мудростью

и думать о будущем — как обеспечить мир и безопасность народов.

Да, не стоит вспоминать отзвучавшие речи американских сенаторов. Будем исходить из того, что 16 сентября 1959 года они собрались, чтобы встретиться с главой Советского правительства, приветствовать и послушать его.

У. Фулбрайт встает и, обращаясь к Н. С. Хрущеву, говорит слова приветствия. Сын банкира из южного штата Арканзас — этот 50-летний политический деятель уже много лет занимается вопросами внешней политики. Он был одним из наиболее энергичных критиков внешнеполитической линии бывшего государственного секретаря Даллеса, выступал за то, чтобы Соединенные Штаты Америки проявляли бóльшую гибкость в международных делах. У. Фулбрайт нередко излагал разумные мысли о путях развития советско-американских отношений, хотя в ряде других случаев занимал позиции, лишь немногим отличавшиеся от позиций покойного государственного секретаря.

Сегодня сенатор из Арканзаса на правах хозяина говорит главе Советского правительства, что он и его коллеги рады видеть его здесь, рады, что он будет беседовать с Президентом. Фулбрайт подчеркнуто заявляет, что сокращение вооружений и обеспечение мирного сосуществования содействовали бы упрочению мира и безопасности, повышению благосостояния всех народов.

— Я хочу заверить Вас,— продолжает он,— что наш народ, как и ваш, не хочет войны. Надо найти пути, которые позволили бы предупредить возможность возникновения войны в силу какой-либо случайности и обеспечить пути мирного экономического соревнования.

Н. С. Хрущев выражает свое согласие со сказанным.

— Думаю, что наши народы и грядущие поколения были бы благодарны нам с вами,— говорит глава Советского правительства,— если бы мы переключили усилия с гонки вооружений на соревнование по развитию экономики и культуры и по подъему благосостояния народов. Мы к этому готовы. Думаю, что эту задачу можно решить при одном условии: отказаться от предубеждений и смело встать на новый путь, на путь дружбы и сотрудничества.

Сенаторы внимательно слушают своего гостя. Они хорошо знают, что этот всемирно известный деятель не

только глава Советского правительства, но он вместе с тем и Первый секретарь ЦК Коммунистической партии Советского Союза. И вот он беседует с ними. И не где-то за океаном, а в их доме, куда они сами пригласили его, чтобы откровенно поговорить...

Знает своих собеседников и Никита Сергеевич. Перед ним сидят убежденные сторонники капитализма, которые не даром избраны в сенат США, не даром получают доллары. Они служат своему капиталистическому государству с полным сознанием и убежденностью. Но вместе с тем это государственные деятели, озабоченные судьбами своей страны, судьбами международного мира. Сюда не пришел сенатор-клеветник Додд, который настолько ослеплен ненавистью к новому общественному строю, что просто задыхается в слепой ярости от успехов социалистических стран. Нет здесь и сенатора Бриджеса, также исполненного ненависти к Советскому Союзу, к коммунизму. Такие сегодня не пришли. Они накрепко вмерзли в лед «холодной войны»; им чужды интересы народов, жаждущих прочного мира, ненавистна сама мысль о потеплении отношений между двумя нашими великими странами, принципы мирного сосуществования.

— Я понимаю, что это не всегда бывает легко — изменить направление в отношениях между государствами, отказаться от старого, отживающего и перейти к новому, прогрессивному,— говорит Никита Сергеевич.

И улыбаясь, он продолжает:

— Бывает и так — вы ждете дочь, а жена родит вам сына, или, наоборот, ждете внучку, а на свет появляется внук. Конечно, вы испытываете разочарование, но, что поделаешь, природа не всегда действует по согласованию с человеком...

Когда эти слова переводятся на английский язык, за столом раздается веселый смех.

Никита Сергеевич упоминает о том, как Соединенные Штаты боролись за свою независимость, в какой суровой борьбе против феодализма рождался и укреплялся капитализм.

— Теперь рождается новая общественная система — социалистический строй... Вы не приемлете этот строй, но я уже сказал, что, когда вы хотите внука, а рождается внучка, то это от вас не зависит.

Мы успешно строим сейчас коммунизм,— продолжает Н. С. Хрущев.— Другие народы, вставшие на путь строительства социализма, своим опытом также подтвердили правильность теоретических прогнозов научного коммунизма. Мы считаем, что для нас коммунизм — это наилучший строй. Мы не просим вашего одобрения. Мы хотим одного: чтобы нам не мешали.

Никита Сергеевич приводит пример того, как США пытаются вмешиваться во внутренние дела социалистических стран.

— Если вы позволите мне высказать некоторые критические замечания в ваш адрес,— говорит он,— я воспользуюсь этой возможностью. Я хотел бы сказать откровенно, что принятое вашим конгрессом решение об ассигновании средств на подрывную работу в социалистических государствах не способствует мирному сосуществованию, делу мира. Это неразумное решение. Больше того, выражаясь языком предпринимателя, это и не прибыльное дело — капитал в данном случае процентов не дает.

Прямая и откровенная речь главы Советского правительства производит впечатление на сенаторов. Некоторые из них одобрительно кивают головами, очевидно в знак согласия, когда Н. С. Хрущев говорит о том, что надо признавать и уважать право каждого народа избирать такое государственное устройство, такой строй, какой ему нравится. Возникновение нового строя в какой-либо стране не зависит от воли других государств. Никита Сергеевич делает особый упор на этом вопросе и несколько раз в ходе беседы возвращается к нему.

— Нравится вам ваш капиталистический строй, ну и живите, как вы живете, с богом! Нам же нравится социалистический строй, не мешайте же нам жить так, как мы хотим,— еще раз подчеркивает Никита Сергеевич, обращаясь к сенаторам — членам комиссии по иностранным делам.

Когда-то людей сжигали за то, что они утверждали, что Земля вертится. Но ведь теперь не найдется такого простака, который не поверил бы в это! Почему же вы не хотите допустить, что, быть может, ваши нынешние суждения о коммунизме являются ошибочными? — спрашивает Н. С. Хрущев.

И, не получив ответа на этот вопрос, говорит:

— Но это, повторяю, ваше дело. Давайте признаем статус-кво: в мире существуют социалистические страны и капиталистические страны, давайте же жить в реально существующем мире, на основе мирного сосуществования.

Сенаторы встречают выступление Н. С. Хрущева одобрительными возгласами и аплодисментами. У. Фулбрайт прямо заявляет, что ему понравились замечания главы Советского правительства. Затем он просит разрешения, чтобы некоторые из присутствующих сенаторов задали гостю по вопросу. Никита Сергеевич охотно соглашается.

Первый вопрос задает сам Уильям Фулбрайт. Собственно говоря, это не вопрос, а целая речь с произвольным обвинением некоторых социалистических стран в том, будто они «пытаются навязать силой свой режим другим».

— Когда мы договаривались с вашим Президентом о встрече,— подчеркивает Н. С. Хрущев,— мы условились говорить об отношениях между нашими двумя государствами. Полномочий говорить за третьи страны ни он, ни я не получали. Если у вас есть претензии к какой-либо из социалистических стран, вступите с ней в переговоры, обращайтесь непосредственно к ее правительству. Посредники в таких делах нежелательны. Я представляю здесь Советский Союз, и что касается Советского Союза, то я готов ответить на любой вопрос.

Такая позиция приводит сенаторов в замешательство, так как сразу нарушает всю заранее подготовленную ими программу вопросов и ответов.

Газета «Нью-Йорк таймс» писала 17 сентября: «Несколько сенаторов дали понять после беседы, что господину Хрущеву удалось вывести их из равновесия своим заявлением о «третьих странах». Другие отметили, что он удачно повернул в свою пользу неоднократные заверения Президента Эйзенхауэра о том, что он не будет вести переговоры с советским Премьером по каким-либо вопросам, затрагивающим другие страны».

Но дело, разумеется, не в том, что глава Советского правительства «повернул» в свою пользу то или иное заявление американского Президента. Никита Сергеевич твердо отстаивал незыблемый принцип невмешательства

во внутренние дела других стран, который является одним из краеугольных камней советской внешней политики.

Позднее сенаторы предприняли еще одну попытку вернуть беседу на тот путь, который они, по-видимому, заранее наметили. На этот раз вопрос был задан сенатором Ричардом Расселом из южного штата Джорджия, председателем сенатской комиссии по делам вооруженных сил, одним из столпов консерватизма и расовой дискриминации в американской политической жизни.

Рассел, как и большинство сенаторов из южных штатов,— демократ, но его и его коллег чаще называют «дикскратами». Заметим, что во время гражданской войны 1861—1865 годов южане любили называть свою «Конфедерацию» — южные штаты — «Дикси». Отсюда в современной политической жизни и пошло название «диксикраты», то есть политические деятели с юга США, по извечной традиции придерживающиеся реакционных взглядов по всем вопросам, стоящие за сохранение расовой дискриминации, против предоставления неграм равных гражданских прав.

— Вы выступаете за самоопределение народов, готовы ли вы в этой связи предоставить жителям Восточной Германии право самим решить свою судьбу путем плебисцита? — спрашивает Р. Рассел.

— Я русский,— говорит Н. С. Хрущев,— и представляю здесь Советский Союз. Вы же интересуетесь делами немцев. Если у Вас есть вопросы на этот счет, обратитесь с ними к премьер-министру ГДР, и он даст интересующую Вас информацию. Адрес известен: Берлин, Гротеволю. Дойдет!

Среди сенаторов оживление. Рассел заметно смущен.

— Вы подтверждаете мое замечание о том, что Вы хороший полемист,— говорит он.

Сенаторы начинают задавать другие вопросы, большинство из них носит частный характер, хотя и имеет немаловажное значение.

Сенатор Л. Джонсон, сидящий напротив Н. С. Хрущева, спрашивает, согласится ли СССР на сотрудничество между советскими и американскими учеными в области освоения космоса.

— Бесспорно,— отвечает Н. С. Хрущев.

— Почему же вы отказываетесь участвовать в работе комитета Организации Объединенных Наций по освоению космоса? — снова спрашивает Джонсон.

— Вы это знаете,— отвечает Никита Сергеевич.

И в самом деле, Джонсон отлично знает ответ на свой вопрос. Ведь его называют «сенатором из космоса», потому что он, будучи членом делегации США на прошлогодней сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, непосредственно занимался этой проблемой. Джонсон, сенатор из Техаса, является лидером демократов в сенате. О Джонсоне говорят, что он «запачкан нефтью», то есть что он тесно связан с нефтяными монополиями, для которых штат Техас — это самая настоящая вотчина. О нем поговаривают как об одном из возможных кандидатов на пост президента от демократической партии. Это очень ловкий тактик, мастер различных закулисных комбинаций в кулуарах конгресса, но еще не проявивший себя как политический деятель крупного масштаба.

Никита Сергеевич терпеливо отвечает сенатору Джонсону. Он поясняет, что США, пользуясь своим большинством в Организации Объединенных Наций, хотели поставить Советский Союз в положение бедного родственника в комитете по освоению космоса, хотя прекрасно известно, что пока освоением космоса практически могут заниматься только СССР и США.

— Не ущемляйте нашего самолюбия,— в заключение говорит советский гость,— и мы не будем ущемлять вас. Тогда сотрудничество будет обеспечено.

Беседа продолжается. Вступает в разговор сенатор Теодор Грин из штата Род Айленд, который до прошлого года был председателем комиссии сената по иностранным делам. Он родился всего навсего в... 1867 году. Сидя справа от главы Советского правительства, почтенный сенатор читает свой вопрос по бумажке. Затем слово берет К. Хейден, сенатор от западного штата Аризона. Это влиятельный член сенатской комиссии по ассигнованиям и по сравнению с Теодором Грином почти молодой человек, ему всего 82 года. Задают вопросы и другие сенаторы. Они спрашивают о перспективах развития советско-американской торговли, о расширении культурного и научного обмена между СССР и США, о так называемом контроле за передачей сообщений иностран-

ных корреспондентов в Советском Союзе, о возможности предоставления иностранцам неограниченной свободы передвижения по Советской стране. Всем хочется узнать мнение Советского правительства «из первых рук». Н. С. Хрущев обстоятельно отвечает.

Бывший председатель комиссии по иностранным делам сенатор А. Уайли, обращаясь к Никите Сергеевичу, говорит:

— Конечно, когда Вы ехали сюда, Вы ставили перед собою определенную цель. Каких результатов Вы хотели добиться в итоге поездки в США?

Н. С. Хрущев, немного подумав, отвечает:

— Я имел бы право тот же вопрос поставить и Вам, господин сенатор. Что же касается нас, то мы готовы идти на любые шаги для обеспечения мира, в частности в вопросе о разоружении. Но, для того чтобы прийти к соглашению, требуется взаимное желание достигнуть полезных результатов. Возьмите вопрос о разоружении. Готовы ли вы сейчас ликвидировать военные базы на чужой территории и отвести войска в национальные границы? — в свою очередь спрашивает Н. С. Хрущев. И не получив ответа, восклицает:

— Мы к этому готовы!

Вы утверждаете, что социалистический строй в таких странах, как Польша и Венгрия, где пока еще находятся наши войска, держится только благодаря их присутствию там,— продолжает Никита Сергеевич.— Что же, хотите проверить себя? Имеете возможность посмотреть, как поляки будут устраивать свои дела при отсутствии чужих войск. Вы говорите, что правительство Германской Демократической Республики держится на наших штыках. Давайте договоримся об отводе ваших и наших войск в пределы национальных границ и посмотрим, что из этого выйдет. Вы согласны?

Сенатор Уайли молчит. Безмолвствуют и другие сенаторы. Им нечего ответить главе Советского правительства на это предложение.

— Давайте подпишем соглашение об отводе войск! Пусть солдаты вернутся домой! Как будут рады матери и невесты обнять их! Вы согласны? — вторично предлагает Н. С. Хрущев. И на этот раз гробовое молчание сенаторов красноречиво говорит о том, что их застало врасплох предложение Никиты Сергеевича. Они не могут его

принять, так как это совершенно не входит в их расчеты, но не хотят и открыто отвергнуть, так как тогда слишком очевидны будут далеко не миролюбивые замыслы стратегов, формирующих внешнеполитический курс США.

— Вот видите, вы сами не решаетесь пойти на это,— говорит в заключение Никита Сергеевич Хрущев.— Как же я могу сказать, какие будут достигнуты результаты в итоге моей поездки. Я не знаю, на какие шаги готовы пойти вы, а от сената в Соединенных Штатах зависит многое.

Председатель сенатской комиссии по иностранным делам Уильям Фулбрайт спешит завершить беседу. Он видит, что она вырвалась из того русла, куда хотели ее направить сенаторы, и приобрела невыгодный для них оборот. Он и другие участники беседы тепло благодарят советского гостя. Сенатор Грин обращается к Н. С. Хрущеву с просьбой дать свой автограф. Его примеру следуют другие сенаторы. Никита Сергеевич начинает расписываться на визитных карточках, листах бумаги, которые протягивают ему хозяева. Но поступают все новые и новые просьбы. Наконец, Никита Сергеевич говорит, что остальным сенаторам он для экономии времени лучше напишет свой автограф позднее, в Блэйрхаузе, и перешлет через посольство.

Один за другим подходят сенаторы к главе Советского правительства, прощаются. Вот лидер республиканцев в сенате Эверетт Дирксен из штата Иллинойс, вот Альберт Гор, демократ из штата Теннесси, выступивший в 1958 году против прекращения атомных испытаний, вот демократ М. Мэнсфильд, высказывания которого по берлинскому вопросу в прошлом году были положительно оценены Н. С. Хрущевым. Главе Советского правительства пожимают руку сенаторы Уайли, Джонсон, Спаркмэн, Морзе и другие.

Подходит к советскому гостю и высокий моложавый сенатор Джон Кеннеди из штата Массачусетс, победивший на выборах 1952 года тогдашнего сенатора Генри Кэбота Лоджа. Это сын богатейшего бостонского финансиста, биржевого дельца Джозефа Кеннеди, который в 1940 году был американским послом в Англии и затем активно выступал против вступления Америки в войну против гитлеровской Германии. На нынешнем этапе

борьбы за выдвижение кандидатур на пост президента Джон Кеннеди, который, как утверждают, не разделяет внешнеполитических взглядов своего отца, считается одним из возможных кандидатов от демократической партии. В течение всей беседы между главой Советского правительства и сенаторами Кеннеди не проронил ни слова. Может быть, это говорит в его пользу: ведь многие сенаторы, которые своими вопросами Н. С. Хрущеву надеялись поставить его в неловкое положение, сами оказывались в проигрыше после его ответов.

— Какой молодой! — говорит Никита Сергеевич, пожимая руку Кеннеди.

— Это не всегда мне помогает,— отвечает тот, намекая, что многие возражают против выдвижения его кандидатуры на пост президента, мотивируя это тем, что Кеннеди слишком молод.

Наконец, попрощавшись со всеми, глава Советского правительства выходит в вестибюль. Здесь его уже, как всегда, ждут люди с микрофонами, киноаппаратами, телевизионными камерами, фотоаппаратами. Никита Сергеевич делает краткое заявление, выражая удовлетворение беседой с сенаторами, и направляется к выходу. У автомашины Джонсон и Фулбрайт прощаются с ним еще раз и благодарят его за откровенную беседу.

— Вступайте к нам в сенат, г-н Хрущев,— в шутку говорит Джонсон.— Вы были бы выдающимся сенатором.

— Нет,— отвечает Никита Сергеевич,— пусть лучше каждый из нас останется в своем парламенте и ведет там борьбу за мир.

На следующий день, листая пухлые американские газеты, широко освещавшие второй день пребывания главы Советского правительства в столице США, мы нашли и сообщения о беседе Н. С. Хрущева с американскими сенаторами. Газеты подчеркивали, что он произвел очень сильное впечатление на своих американских собеседников.

Газета «Нью-Йорк таймс» писала:

«Присутствовавшие сенаторы единодушно заявили, что г-н Хрущев — исключительно способный человек, ловкий полемист, весьма умный и хорошо информированный деятель». Суммируя впечатление своих коллег, сенатор Джонсон заявил: «Общее впечатление таково, что беседа прошла в хорошей обстановке. Он (Н. С. Хрущев.—

Авторы) проявил себя как способный и очень сильный человек, который очень умело использует каждую возможность, чтобы убедительно изложить свою точку зрения». Сенатор Фулбрайт отметил, что «глава Советского правительства — талантливый человек и замечательный защитник того образа жизни, который существует в его стране». Примерно в таком же духе сообщали о беседе и другие газеты. Лидер республиканцев в сенате Эверетт Дирксен заявил корреспонденту агентства Ассошиэйтед Пресс, что Хрущев «наносит сильные удары и знает, какие ответы он должен дать, чтобы защитить свою точку зрения».

ПРИЕМ В СОВЕТСКОМ ПОСОЛЬСТВЕ

Второй день пребывания главы Советского правительства в столице Соединенных Штатов близился к концу. Длинные тени от домов и, казалось, уставших от зноя деревьев перешагнули широкие улицы, поползли по площадям. На город опускались вечерние сумерки.

Темнее становилось и в маленьком, очень уютном внутреннем дворике трехэтажного особняка Блэйр-хауз. Уже не искрились красными бусинками крохотные ягодки мелкой, декоративной земляники, которая, как густой, нежный ковер, укрывала этот кусочек земли, отгороженный от мира каменными стенами. Засветились окна — в доме включили освещение.

Во дворике в белом кресле сидел Н. С. Хрущев и внимательно читал доставленные из Москвы бумаги, откладывая наиболее важные, очевидно, чтобы не забыть дать указание, что необходимо сделать по тому или иному вопросу.

Несколько раз тихо открывалась дверь, и кто-то порывался отвлечь Никиту Сергеевича от его занятий. Но, понимая, как нужны ему эти немногие минуты, чтобы рассмотреть хотя бы самые неотложные дела, не решался прервать работу.

Сумерки сгущались. Читать стало почти невозможно. Да и время, отведенное для этого, уже истекло.

— А ведь нам пора ехать на обед. Все готовы? — спросил Никита Сергеевич, входя в помещение, где его ожидали.

И, получив утвердительный ответ, говорит:

— Мне удалось и отдохиуть немного. Хороший дворик. Спокойиый, тихий. Да, кстати, надо будет вот что сейчас сделать...

Очень точио, предельно сжато он отдает необходимые распоряжения по только что прочитанным материалам, прежде чем уехать в Советское посольство, где ои и Нииа Петровна дают сегодня обед в честь Президента Соедиенных Штатов Америки Дуайта Д. Эйзенхауэра.

Этот вечер в Советском посольстве иекоторые журиалисты иазвали «вдвойие историческим»: впервые за всю историю Соединеиных Штатов Америки американский Президент побывал в посольстве иашей страиы, хотя здаиие посольства находится в нескольких сотнях метров от Белого дома. И впервые глава Советского правительства побывал на территории нашего посольства, то есть на той территории, которая в США считается советской, так же как и территория посольства Соедииенных Штатов в Москве считается америкаиской.

Президент Д. Эйзенхауэр и другие высокопоставлеииые государствеииые деятели США, а также брат и сыи Президеита были гостями Председателя Совета Миииистров Советского Союза.

Старинный особняк посольства напомиил в тот вечер своеобразную крепость, которую «осаждало» миожество корреспоидеитов и кииооператоров. Одиа за другой прибывали машииы с гостями.

Вот подъезжает машииа Президента, из которой выходят г-жа Эйзеихауэр, Президеит Дуайт Эйзеихауэр. Ему представляют каждого из собравшихся здесь гостей. Завязывается беседа, которую прерывает приглашеиие к столу.

— Вместе со своими друзьями я провел сегодия хороший день. Эксплуататоры вы, конечно, порядочные — эксплуатировали нас основательно,— говорит Н. С. Хрущев. Гости дружным смехом встречают эти в шутку сказанные слова.

— Господии Лодж уполномочен это делать, и ои все жилы вымотал из нас.

И опять веселый смех прерывает речь Никиты Сергеевича.

— Я не знаю, как эксплуататоры, довольны ли нами, но эксплуатируемые в данном случае довольны эксплуататорами.

В своей краткой речи на обеде Никита Сергеевич говорит о том, что ему удалось увидеть и услышать за второй день пребывания в Соединенных Штатах. Он очень тепло, можно сказать задушевно, говорит о самом Президенте, о его заслугах во время второй мировой войны.

— Когда Вы приедете в нашу страну, Вы почувствуете теплоту, которая будет выражена нашим народом,— говорит Никита Сергеевич, обращаясь к Эйзенхауэру.

Он помедлил несколько секунд, поглядел на сидящего невдалеке вице-президента Ричарда Никсона и продолжал:

— Но я хотел бы Вас просить, когда Вы будете чувствовать эту теплоту, не отделяйте народ от правительства, как некоторые стараются это делать. Это очень нехорошая грань, потому что в нашей стране — что думает и хочет народ, то выражает и делает правительство.

В эти минуты нам припомнилось выступление г-на Никсона по возвращении из Советской страны, в котором он усердно доказывал своим согражданам, что его по-разному встречали у нас народ и правительство, что, будучи в нашей стране, он будто бы ощущал какие-то расхождения между правительством и народом.

Не надо было быть психологом, чтобы по лицу вице-президента понять, что он тоже «вспомнил», что имел в виду Н. С. Хрущев...

После речи главы Советского правительства слово берет Президент. Он отмечает, что сегодняшний обед в Советском посольстве можно рассматривать как «начало новой эры, которая означает больше, чем лишь тот факт, что мы здесь сегодня пообедали. У нас были встречи, которые — я надеюсь, что это так,— могут означать по крайней мере начало того крушения льда, о котором Вы говорили».

Внимательно слушают присутствующие слова Дуайта Эйзенхауэра.

— Я хотел бы сказать следующее,— продолжает Президент, обращаясь к Н. С. Хрущеву: — американский народ хочет узнать от Вас о вашем народе с тем, чтобы

не только то, что Вы или я сказали или кто-либо из наших сотрудников сказал, но все это массовое взаимопонимание могло привести к примирению, к взаимопониманию, с тем, чтобы мы создали лучший мир со справедливостью, с тем, чтобы весь мир процветал.

В теплой, непринужденной обстановке протекал обед, которым завершался этот большой день в Вашингтоне. Несколько часов отдыха, и утром поезд помчит главу Советского правительства в Нью-Йорк. А затем предстоит немалый путь по стране, от берегов Атлантики до Тихого, или Великого, океана, омывающего и западные берега Америки и берега Советского Дальнего Востока.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В ГОРОДЕ НЕБОСКРЕБОВ

ПОЕЗД ИДЕТ В НЬЮ-ЙОРК

Американцы иногда полушутя-полусерьезно говорят:

— Знаете, у нас, в Штатах, только три времени года.

Заметив недоуменный взгляд собеседника, они охотно поясняют:

— Дело, видите ли, в том, что переход от зимы к лету совершается здесь настолько быстро и неприметно, что весну не приходится принимать в расчет.

И впрямь, житель Америки, особенно ее северо-восточного побережья, не успеет порой и оглянуться, как причуды здешнего климата перенесут его сразу из промозглой, слякотной зимы с ее сумасшедшими ветрами в самое пекло нестерпимо жаркого, удушливого лета.

А на вопрос, какое время года он, американец, считает наилучшим, последует неизменный ответ: осень.

Советским гостям посчастливилось приехать в Америку, когда изнурительная жара шла на убыль. Страна вступала в наиболее приятную пору года — «индейское лето».

Существует поверье, что, когда еще первые «отцы-пилигримы» высадились на берегах восточной части Америки, они, усталые и измученные долгим путешествием через океан, вдруг увидели американскую землю в ее поистине первозданной красоте. Под голубым шатром безоблачного небосвода их взорам предстала чуть тронутая осенним багрянцем зелень бескрайних лесов, гор и

долин. Индейцы тепло и дружелюбно встретили их, щедро поделились плодами своего труда и дарами природы. С тех пор, гласит предание, и вошло в привычку американцев называть раннюю осеннюю пору «индейским летом».

Первое дыхание этого чудесного времени года мы ощутили 17 сентября, в день отъезда Н. С. Хрущева в Нью-Йорк.

...Раннее солнечное утро, на небе ни облачка. Приятный освежающий ветерок, дышится легко и привольно. Вашингтонцы по-настоящему радуются и этому солнечному утру, и бодрящей прохладе, по которой они так истосковались за долгие месяцы невыносимой летней жары.

На центральном вокзале Вашингтона советских гостей и сопровождающих их корреспондентов ожидал специальный поезд, длинные вагоны которого блистали алюминием и стеклом. Главе Советского правительства был предоставлен комфортабельный салон-вагон, носящий имя первого президента Соединенных Штатов Джорджа Вашингтона. Впрочем, хозяева Пенсильванской железной дороги в знак особого уважения к знаменитому пассажиру решили на время его поездки именовать этот вагон «К-1».

Н. С. Хрущев и сопровождающие его лица, прибыв на вокзал, бегло ознакомились с его устройством и работой. В 8 часов 15 минут утра Никита Сергеевич поднялся на ступеньки вагона и, показав рукой на солнце, сказал:

— Хорошая примета. Я надеюсь, что солнце всегда будет согревать отношения между нашими правительствами и народами. До свидания, до скорой встречи!

Он тепло простился с представителями городских властей, поблагодарил их за радушный прием в Вашингтоне. В 8 часов 22 минуты по вашингтонскому времени поезд тронулся в путь.

Началась поездка по Америке.

За зеркальным окном вагона проплывала панорама «одноэтажной Америки». Маленькие, удивительно похожие друг на друга городки с деревянными домиками, аккуратно подстриженными газонами, неторопливым, размеренным укладом жизни. Одинокие фермы с силосными башнями, красными крышами надворных строений.

Весть о том, что советский посланец мира и дружбы

едет в Нью-Йорк, донеслась и до этих мест, взбудоражила обитателей провинциальной Америки. Многие из них группами или в одиночку вышли к полотну железной дороги. Они приветливо машут руками, что-то кричат, и лица у них взволнованные, веселые, радостные.

Наш путь проходит через наиболее густо населенную и промышленно развитую часть страны. В округе Колумбия и пяти штатах, по территории которых пройдет поезд советского гостя, живет более 33 миллионов человек. От Вашингтона до Нью-Йорка 362 километра. Но и на этом сравнительно коротком пути можно увидеть многое: большие промышленные города и совсем крохотные населенные пункты, леса и реки, поля и долины среднеатлантических штатов Америки.

Короткая, всего лишь на несколько минут, остановка в Балтиморе. Это первая и единственная остановка на пути в Нью-Йорк. Балтимора — шестой по величине город США в штате Мэриленд с почти миллионным населением, третий порт страны по грузообороту. В нем находится около двух тысяч промышленных предприятий. На одном из здешних металлургических заводов корпорации «Бэтлехем стил компани» занято 34 тысячи рабочих. В Балтиморе имеется большой автосборочный завод корпорации «Дженерал моторс», с конвейера которого ежедневно сходит 950 автомобилей марки «Шевроле». Балтиморцы гордятся своим университетом Джона Гопкинса — одним из старейших высших учебных заведений в стране.

Но, увы, в этом городе есть еще одна достопримечательность, о которой жители говорят без малейшего энтузиазма,— печально знаменитые балтиморские трущобы.

Оставив позади Балтимору, дизель-экспресс с грохотом пересекает мост через широкую полноводную реку Саскуиханну, впадающую в Чезапикский залив, и мчится со скоростью сто километров в час по плодородной равнине, где фермеры выращивают сладкую кукурузу для консервирования. Где-то здесь, на желтых кукурузных полях, невдалеке от города Элктон, стоит каменный обелиск, служащий линией условного раздела страны на Север и Юг. С этой незримой границей, «линией Мэсон — Диксон», связано немало горьких, трагических страниц в жизни американских негров. Ее образно называют демар-

кационной линией между негритянским адом и негритянским чистилищем.

Америка издавна славится своими контрастами. Их нельзя не заметить даже при беглом знакомстве со страной. Вот только что промелькнули перед нашим взором остроконечные шпили балтиморских небоскребов, светлые нарядные особняки местных богачей, и тут же, рядом с ними,— целые мили удручающих своим однообразием, закопченных, обветшалых каменных коробок, под крышами которых прозябает городская беднота.

Заметим, что на следующий день в газете «Нью-Йорк таймс» был помещен краткий репортаж о поездке Н. С. Хрущева из Вашингтона в Нью-Йорк. Его автор — небезызвестный Г. Шварц, человек с бойким пером и необузданной фантазией по части антисоветских выдумок,— старался в самых идиллических красках расписать маршрут поездки главы Советского правительства. «Сама природа способствовала тому,— писал он,— чтобы советский Премьер увидел Соединенные Штаты в наиболее привлекательном виде». А несколькими абзацами ниже даже Г. Шварц все-таки вынужден был глухо заметить: «По пути встречались трущобы, особенно бросавшиеся в глаза, когда поезд проходил через Балтимору. Но лучи солнца, казалось, чуточку скрашивали безобразный вид домов-развалин, во дворах которых сушилось на веревках белье».

Не обольщайтесь, г-н Шварц. Никакой, даже самый яркий, солнечный свет не в силах придать хоть сколько-нибудь привлекательный вид удручающему зрелищу городских трущоб. Никуда вам не уйти от того, что в богатейшей стране капиталистического мира, стране, где на протяжении почти целого века ни одна крыша не пострадала от взрыва вражеской бомбы или снаряда, миллионы людей не имеют приличного крова, вынуждены жить в лачугах.

Едва ли кто-либо решится заподозрить Национальный комитет демократической партии США в желании сгустить краски и бросить тень на американский образ жизни. И все-таки в его недавнем отчете черным по белому написано: 15 миллионов американцев живут в трущобах, 13 миллионов домов (одна четверть общего числа жилых зданий в США) не отвечают установленным сани-

тарным нормам, 7 миллионов городских домов не пригодны для жилья из-за их полной обветшалости. «Один из каждых восьми нью-йоркцев живет в невероятно убогих жилищах: в каждой кишащей крысами комнате обитает до 10 человек»,— мрачно констатирует американский журнал «Ньюсуик».

Американцы любят напевать сентиментальную песенку «Мой любимый дом...» А ведь простые, бесхитростные слова этой песни, наверное, вызывают в сердцах миллионов обитателей трущоб щемящую боль и безысходную тоску, ибо в них заключена сладкая мечта труженика хотя бы о маленьком, но чистом домике...

Да, в Америке есть много удивительных вещей: прекрасные автомобили, великолепные автострады, известный на весь мир американский сервис — вы можете воспользоваться им, если в вашем кармане шелестят зеленые долларовые бумажки.

Да, щедра американская природа! Вероятно, простая палка, воткнутая в эту согретую солнцем, в меру увлажненную землю, прорастет и даст побеги. В благодатном теплом климате заводские и жилые корпуса можно строить очень быстро, легкими, как карточные домики...

Да, талантлив и трудолюбив американский народ. Он умеет бороться с силами природы, перекидывать смелые мосты, прорывать глубокие тоннели, создавать хорошие в своей целесообразной гармонии пересечения шоссейных и железных дорог.

Но, чем пристальней вглядываешься в облик страны, тем сильнее убеждаешься, что американскому народу приходится вступать в борьбу и с другими силами, более коварными, чем самые грозные явления природы. Мы имеем в виду противоречивые силы капиталистической экономики. Вспоминаешь о законах капиталистической конкуренции и уже не видишь гармонии в пересечениях шоссейных и железных дорог: ведь шоссе, завиваясь красивым «листиком клевера», душит железную дорогу и прекрасный узел их пересечения — это лишь точка приложения противоборствующих сил.

Когда поезд подходил к городу Уилмингтону, один из американских журналистов посоветовал нам взглянуть в окно, чтобы увидеть «королевство семейства Дю Понов». Признаться, с первого взгляда трудно было заметить в очертаниях этого небольшого города что-ни-

будь особенно примечательное, выделявшее его из ряда других американских городов. Те же плоские крыши жилых зданий, красные кирпичные корпуса фабрик и заводов, серые складские помещения. И так же как в тысячах других городов, в Уилмингтоне, вероятно, есть своя Мэйн-стрит — главная улица — с непременными атрибутами городской жизни Америки: аптекой, кафетерием, кинотеатром и магазином Вулворта, где торгуют товарами широкого потребления. Вспомнив о книгах Синклера Льюиса, мастерски изобразившего унылую, монотонную жизнь американской провинции, мы подумали, что именно вот в таком обыденном, безликом городе, как Уилмингтон, и живут персонажи из его романа «Бэббит», само название которого стало нарицательным именем среднего американца.

Однако за тусклым, невзрачным фасадом типичного американского города живет и действует одно из самых могущественных семейств подлинных хозяев Америки. Здесь, в Уилмингтоне, главном городе штата Делавэр, находится штаб-квартира промышленной империи семейства Дю Понов. Говорят, что на многочисленных фабриках и заводах этой семейной династии, разбросанных по всей стране, занято гораздо больше людей, чем насчитывает все население штата Делавэр. В представлении американцев Делавэр и Дю Поны давно стали словами-синонимами.

Если взглянуть на рекламные объявления корпорации братьев Дю Понов, можно подумать, что эти дряхлые старики только и озабочены тем, чтобы одеть американских мужчин в изящные и практичные костюмы из дакроновой ткани, а женщин — в нейлоновые чулки и бэнлоновые кофточки. Но не только и не столько великие блага современной химии служат источником дюпоновских барышей. В действительности несметные богатства Дю Понов, исчисляемые в несколько миллиардов долларов, нажиты на страданиях миллионов людей, погибших и искалеченных за годы двух мировых войн. Начав с производства динамита, они стали королями атомно-водородного бизнеса Америки. В их лабораториях и на их заводах изготовляется оружие массового уничтожения — атомные и водородные бомбы.

А сколько бумаги и чернил извели ревнители американского образа жизни, болтая о «классовом мире» в

Соединенных Штатах, о том, что безработный шахтер из Западной Вирджинии и мультимиллионеры из семейства Дю Понов в одинаковой степени благоденствуют в стране доллара. Нет нужды здесь подробно рассказывать о том, как живут миллионы американских браунов и смитов, рядовых тружеников Америки. В их жизни есть свои радости и тревоги, горе и страдания, надежды и заботы.

Ну, а как живут Дю Поны? Ведь кое-кто в США готов выдать их чуть ли не за средних американцев, а их образ жизни — за эталон всеобщего благоденствия и преуспеяния. Начнем хотя бы с краткого упоминания о том, что только в окрестностях Уилмингтона семейство Дю Понов владеет 24 огромными поместьями. В одном из их имений, Лонгвуд, имеется шесть акров застекленных тропических садов, двести роскошно оборудованных комнат, свыше сотни слуг. Для перевозки в загородную резиденцию одного только орга́на с десятью тысячами труб понадобилось четырнадцать товарных вагонов. В той же загородной резиденции есть и другая достопримечательность — подлинная нормандская башня. Она была разобрана по кирпичикам и доставлена в Лонгвуд из Франции на специальных пароходах. Но за всем этим чудится призрак другой башни — исполинской башни атомного взрыва.

Так внешне ничем не приметный город Уилмингтон, проплывший за окнами нашего вагона, еще раз напомнил нам об американских контрастах, о существовании двух Америк с различными интересами, острыми противоречиями, несхожими стремлениями, разными взглядами на жизнь. И всякий раз, когда американские ораторы, пренебрегая здравым смыслом и безбожно греша перед истиной, пускались разглагольствовать о «народном капитализме», мы невольно вспоминали о роскошных поместьях Дю Понов и почерневших от сажи и копоти домишках балтиморской бедноты, встававших перед нами олицетворением двух социальных полюсов этой большой страны.

Но вот на горизонте проступают силуэты небоскребов Филадельфии — города исторических памятников, музеев, картинных галерей. Много славных страниц из истории американского народа связано с этим старинным городом, основанным в 1682 году. Из памятников

старины особенно дорог каждому американцу небольшой особняк на улице Честнат, известный под названием «Зал независимости». В этом доме 10 июня 1775 года Джордж Вашингтон был назначен командующим американскими войсками, боровшимися за независимость страны; в нем же 4 июля 1776 года была провозглашена Декларация независимости и 17 сентября 1787 года принята Конституция Соединенных Штатов. Во время войны за независимость и после нее, вплоть до 1800 года, Филадельфия была временной столицей Соединенных Штатов, и ее нередко называют «матерью американских городов». Здесь великий американский ученый и государственный деятель Бенджамин Франклин основал первый в Америке журнал — «Сатердей ивнинг пост», и здесь же стала выходить первая в стране газета.

В Филадельфии живет свыше двух миллионов человек. Этот большой город, широко раскинувшийся в долине реки Делавэр, является вторым по грузообороту портом США, занимает пятое место в стране по объему промышленного производства и третье место — по объему оптовой торговли.

Проезжая через Филадельфию, каждый из нас, вероятно, добрым словом вспомнил замечательных советских спортсменов. Летом 1959 года в непривычных и весьма тяжелых климатических условиях они одержали здесь славную победу в легкоатлетических соревнованиях между командами СССР и США.

От Филадельфии до Нью-Йорка почти повсюду преобладает индустриальный пейзаж. Все меньше становится ферм, все больше городов, заводов, фабрик. Мы проезжаем через промышленные штаты страны — Пенсильванию, Нью-Джерси, города Трентон, Нью-Брунсвик, Ньюарк... Глядя из окна вагона, можно подумать, что поезд мчится по одному гигантскому городу, разбросавшему свои предприятия, мастерские, склады и красные кирпичные жилые домики на многие десятки миль.

Где-то за Джерси-сити неожиданно показались и также внезапно исчезли вершины нью-йоркских небоскребов. Поезд нырнул в длинный, тянущийся на несколько километров под рекой Гудзон тоннель. Через несколько минут мы оказались в подземном царстве огромного вокзала «Пенсильвания-стейшн» в Нью-

Йорке. Даже в обычные дни он обслуживает до трехсот тысяч пассажиров.

Поездка из официальной в неофициальную столицу Америки заняла 3 часа 32 минуты.

СОВРЕМЕННЫЙ ВАВИЛОН

Нью-Йорк... Едва ли есть какой-нибудь другой город в мире, который вызывал бы так много споров, разноречивых суждений, взглядов, оценок, чем этот железобетонный исполин, воздвигнутый на четырех гранитных островах и куске материка. При виде этого города никто не остается равнодушным. У одних он вызывает чувство неприязни, у других — восторг. Одни называют его поэмой из камня и стали, другие — бездушным чудовищем. Он не похож на другие города мира и слывет среди них «сиротой».

Газета «Нью-Йорк геральд трибюн» в редакционной статье, посвященной прибытию Н. С. Хрущева в Нью-Йорк, писала: «Существует столько же мнений о нашем городе, сколько живет в нем людей и сколько туристов посещает его... Мы не склонны утверждать, что живем в совершенном городе. Многим не нравятся наши шум и грязь, грохочущая подземка и фантастический темп уличного движения. Мы озабочены проблемами трущоб и поведения молодежи». (Газета имеет в виду катастрофический рост детской преступности в Нью-Йорке.)

Итак, что же представляет собой Нью-Йорк — эта парадная витрина Америки, как обычно аттестуют его авторы многочисленных путеводителей по городу?

Рассказывая о его достопримечательностях, они неизменно вспоминают об одном историческом эпизоде, являющемся до сих пор, по их словам, «непревзойденным чудом частнособственнической инициативы и предприимчивости». Да и кто-то из «отцов города» с нескрываемой гордостью сказал главе Советского правительства, что Нью-Йорк заложен на «коммерческой основе». Пожалуй, нелишне и нам в интересах истины сделать маленький экскурс в прошлое величайшего города Америки.

В начале XVII века там, где высятся сейчас громады нью-йоркских небоскребов, стояли лишь жалкие вигвамы индейцев из племени ирокезов. В 1626 году голландский

губернатор Питер Минуит заключил с ними, как утверждают знатоки американского бизнеса, «самую выгодную коммерческую сделку» в истории США. За несколько бутылок джина и горсть стеклянных безделушек, оцениваемых в 24 доллара, он выменял у простодушных, доверчивых индейцев большой остров. Индейцы позднее назвали этот остров Манахатта (нынешний Манхэттэн — центральный район Нью-Йорка), что по-ирокезски означает: «Нас обманули». Видимо, и на заре развития частного предпринимательства подчас трудно было провести грань между «коммерческой сделкой» и обманом, «чудом предпринимательской инициативы» и открытым грабежом.

Город по-настоящему стал расти лишь в конце XVIII столетия. Благодаря выгодному расположению у устья реки Гудзон, доступного круглый год для океанских судов, он быстро превратился в крупнейший порт мира.

Миллионы людей, гонимых нуждой и произволом реакции, устремились в конце прошлого и начале нынешнего века из различных стран Европы в Соединенные Штаты. Их путь в Новый свет проходил через Нью-Йорк — «ворота Америки». Многие сотни тысяч из них нашли в этом городе свое пристанище. Он стал поистине городом-космополитом, или, как его называют, «современным Вавилоном».

Восьмимиллионное население города представляет собой самый пестрый, многонациональный и разноязыкий конгломерат выходцев из 70 различных стран и континентов мира. В Нью-Йорке живет ирландцев больше, чем в Дублине, исландцев больше, чем в Рейкьявике, итальянцев больше, чем в Риме, и евреев больше, чем во всем Израиле.

Нью-Йорк не только самый большой по численности населения город США (вместе с пригородами в так называемом Большом Нью-Йорке живет примерно 14 миллионов человек), но и важный промышленный центр страны. На территории его пяти районов (Манхэттэн, Бруклин, Бронкс, Куинс и Ричмонд) разместились 38 тысяч крупных предприятий и 234 тысячи мелких фабрик и мастерских. В одном только Манхэттэне занято больше рабочих и служащих, чем в Детройте и Кливленде, вместе взятых, в Бруклине — больше, чем в Бо-

стоие и Балтиморе, в Куиисе — больше, чем в Вашииг-тоие и Питтсбурге.

Приблизительио три четверти всех публикуемых в США кииг издается в Нью-Йорке. Каждый второй америкаиец иосит одежду, изготовлеииую в этом городе. Здесь же иаходятся самые большие в мире уииверсаль-иые магазины.

На десятки километров вдоль побережья Гудзоиа и Ист-ривер (Восточиой реки) растяиулись доки Нью-Йорка. По рекам деиио и иощио движутся суда — огром-иые океаиские лайиеры и малеиькие судеиышки кабо-тажиого (прибрежиого) плаваиия. Через иью-йоркский порт проходит более 25 тысяч судов в год, более 38 мил-лиоиов тоии грузооборота и около одиого миллиоиа пассажиров. В райоиах иью-йоркского порта и приле-гающих к иему улиц всегда шумио, тесио, грязио и мрачио.

Нью-Йорк вместе с тем и культуриый цеитр страиы. Без малого полмиллиоиа студеитов заиимается в его тридцати двух колледжах, ииститутах, уииверситетах. Среди иих особеиио известиы такие крупиейшие учебиые заведеиия, как Колумбийский уииверситет (21 тысяча студеитов) и Нью-Йоркский уииверситет (30 тысяч сту-деитов).

Этот город, как гигаитский магиит, притягивает к себе ежегодио десятки миллиоиов туристов — америкаи-цев и иностраицев. И, коиечио же, каждый из иих счи-тает своим долгом взгляиуть иа зиамеиитый Бродвей — самую шумную, горластую, залитую иеоиовыми огиями улицу Нью-Йорка.

Здесь все отдаио во власть всемогущей рекламы. В каком-то безумиом экстазе, кривляясь и паясиичая, в огие и дыме оиа обрушивает иа прохожих лавиину воп-лей и заклииаиий: купите, купите, купите... Быть может, имеиио иа Бродвее, в этом царстве полыхающих огией, впервые у америкаицев родилось меткое определеиие целей рекламы: заставить человека купить то, что ему ие иужио, иа деиьги, которых у него иет.

Но Бродвей ие только реклама; это также и главиый цеитр развлекательиого бизиеса. На «Большом светлом пути», как по стариике все еще величают иью-йоркцы эту главиую артерию города, иаходятся крупиейшие театры, кииотеатры, иочиые кабаре, даисииги и другие

увеселительные заведения, в большинстве своем легкого пошиба. Вся эта не умолкающая ни на один миг какофония шума и гама, пестрых рекламных красок, вульгарных зрелищ придает Бродвею вид ярмарочного балагана, кипящего жаркими грубыми страстями.

Для каждого из нас Нью-Йорк вместе с тем город, где есть узенькая, будто прорубленная в скалах бетонных небоскребов улочка Уолл-стрит. В противоположность своей шумной соседке — Бродвею, она не любит выставлять себя напоказ, страшится света и людской суеты. Даже в самый яркий солнечный день она погружена в полумрак, и в ее железобетонное ущелье едва проникают отзвуки большого города.

Так же как с названием напитка кока-кола весь мир связывает не только жаждоутоляющую влагу, а прежде всего особый, именно американский, новейший принцип монополистического проникновения повсюду, где можно повыкачать барыши, так и Уолл-стрит — улица-клеймо, улица—символ капитализма. На этой улице переплетаются ветви и корни всех банкирских династий, промышленных корпораций, страховых компаний, инвестиционных фирм. Тут же, в двух шагах от могущественного «дома Морганов», разместилась фондовая биржа — один из основных рычагов власти финансово-промышленной олигархии над экономикой страны.

Уолл-стрит связан тысячами проводов с сотнями городов капиталистического мира, здесь установлено множество телетайпов и счетных машин, здесь «делают деньги», здесь их считают, занося в приходные книги главнейших монополий. Через Уолл-стрит ежегодно протекает денег в два раза больше, чем через руки американского правительства и всех его центральных и местных учреждений.

Но здесь, в уолл-стритовском ущелье, за массивными дубовыми дверями, в тиши деловых кабинетов морганов, рокфеллеров, гарриманов, кун-лебов и других властелинов «большого бизнеса», не только считают и «делают деньги» — здесь «делают политику». Ведь не зря же Нью-Йорк, который Максим Горький охарактеризовал как «Город Желтого Дьявола», называют «неофициальной столицей» Америки!

Как ни велики нью-йоркские небоскребы, они не в силах, однако, скрыть другой Нью-Йорк — город самых

обыкновенных, невзрачных двух-трехэтажных домиков. В них живут простые люди с открытой душой, добрым сердцем, натруженными руками. Это они воздвигли махины небоскребов, перекинули через Гудзон и Ист-ривер ажурные мосты, опоясали город прекрасными автострадами, построили величественные тоннели, разбили на гранитных скалах один из лучших парков в мире, создали все, чем богат и славен исполинский город.

Им, докерам Бруклина, швейникам Манхэттэна, печатникам Бронкса, металлистам Куинса, обитателям трущоб Гарлема и Ист-сайда, посвятили свои вдохновенные строки Уолт Уитмен и Теодор Драйзер, о них поет свои пламенные песни Поль Робсон. И никогда, даже в самые тяжкие годины «холодной войны» и разгула маккартизма, не склоняли труженики Нью-Йорка свои головы перед силами черной реакции, вдохновителями агрессии, сеятелями антисоветской клеветы.

Трудовой Нью-Йорк всегда шел в первой шеренге американских борцов за мир, свободу и демократию, смело возвышал свой голос в защиту идей дружбы и мирного сотрудничества с Советским Союзом, народным Китаем, со всем лагерем социализма.

НАРОД ЗА ПОЛИЦЕЙСКИМ БАРЬЕРОМ

Именно к ним, честным, мужественным, миролюбивым людям, были обращены первые слова привета главы Советского правительства по прибытии в Нью-Йорк:

— Хотел бы воспользоваться этой возможностью и передать гражданам Нью-Йорка пожелания наилучших успехов в работе, успехов в их личной жизни, пожелать им счастья и благополучия.

— Известно,— сказал далее Н. С. Хрущев,— что город Нью-Йорк является крупным индустриальным городом, ведущим центром деловой активности Соединенных Штатов. В прошлом я сам был рабочим и поэтому особенно рад возможности приветствовать трудящихся, которые создают материальные ценности для общества.

Ритм Нью-Йорка, как рокк-н-ролл от менуэта, отличен от ритма жизни в Вашингтоне. На первый взгляд

кажется, что у жителей Нью-Йорка, несущихся вперед, оглушенных сиренами полицейских и пожарных машин, перехватывающих пищу на ходу в автоматах-закусочных, нет времени, чтобы поразмыслить, сосредоточиться. Они словно кружатся в водовороте огромного города. В глаза бьют аршинные заголовки газет, и люди пробегают их, не всегда читая сами сообщения.

Но 17 сентября нью-йоркцев будто бы подменили. Оставив свои дела, они вышли на улицы города, чтобы посмотреть и запечатлеть в своей памяти приезд посланца доброй воли из страны Советов.

Не так уж велико расстояние — всего 18 кварталов — от вокзала «Пенсильвания-стейшн» до отеля «Уолдорф-Астория», где должен остановиться высокий советский гость. Но какое множество людей, оказывается, может вместить этот короткий отрезок пути. Они повсюду: на заполненных до отказа, так что яблоку негде упасть, тротуарах улиц и авеню, в подъездах, у распахнутых окон, на балконах конторских и жилых зданий, стропилах новостроек и крышах домов.

Еще накануне газета «Нью-Йорк пост» попыталась воспроизвести на своих страницах картину встречи Н. С. Хрущева.

«Премьер Хрущев прибывает завтра в Нью-Йорк,— писала она,— и город выставит по этому случаю одно из самых мощных полицейских ограждений в своей истории. Для этой цели будут мобилизованы тысячи одетых в форму полисменов, сотни сыщиков, множество агентов ФБР (тайная охранка.— *Авторы*), десятки сотрудников отдела безопасности при государственном департаменте...

И где-то там, за их спинами, будут находиться нью-йоркцы, приподымающиеся на цыпочках, чтобы взглянуть на самого проблематичного гостя нашей страны».

Что ж, газета не ошиблась в своих прогнозах. Так оно почти и было в действительности.

Огромные многотысячные толпы людей терпеливо стояли за длинными серыми деревянными барьерами с черными надписями: «Полицейская линия». Плотные шеренги полисменов выстроились от вокзала до самой гостиницы «Уолдорф-Астория», опоясали ее со всех четырех сторон. В тот же день стало известно, что нью-йоркские власти мобилизовали для «охраны» советского гостя

свыше трех тысяч полицейских, среди которых оказались на всякий непредвиденный случай даже снайперы и специалисты по «джиу-джитсу».

Аляповатая и шумливая демонстрация полицейской мощи дала пищу реакционной прессе посудачить о том, что народ якобы холодно и даже чуть ли не враждебно относится к визиту Н. С. Хрущева в США.

Однако в подобного рода вымыслах, кривотолках и пересудах не было и тени правды. Репортеры местных газет еще за несколько часов до прибытия Н. С. Хрущева в Нью-Йорк усердно расспрашивали пришедших встречать его людей, стараясь выяснить их мысли и чувства в связи с визитом главы Советского правительства.

Корреспондент нью-йоркской газеты «Дейли миррор» заинтересовался, что побудило, например, домашнюю хозяйку Мэри Ньюмен выйти на улицу и присоединиться к многотысячным скоплениям людей, встречавшим Н. С. Хрущева. Корреспондент пишет, что г-жа Ньюмен оставила все свои домашние дела в Бронксе, чтобы аплодировать советскому гостю. Она сказала:

— Я считаю, что его (Н. С. Хрущева.— *Авторы*) визит имеет большое значение. У меня два сына. Если этот визит и визит Президента Эйзенхауэра смогут спасти нас от войны, то я за него.

Корреспондент другой газеты — «Нью-Йорк джорнэл энд Американ» опросил наугад американцев на вокзале «Пенсильвания-стейшн» и вот что услышал от них в ответ:

— Я с самого начала был за это,— сказал железнодорожник Макс Ивенс,— и я по-прежнему считаю, что это может дать результаты. Я провел четырнадцать месяцев на Тихом океане во время второй мировой войны. Поверьте, надо попытаться сделать все, что может предотвратить новую войну.

К мнению Ивенса присоединился железнодорожник Томас Джонс, высказавший мнение, что визит главы Советского правительства «принесет много добра». Та же надежда прозвучала в словах домашней хозяйки Пизано: «Я чувствую, что этот визит приведет к лучшему взаимопониманию... Это хорошая возможность для мирных бесед».

Тогда же мы увидели в одной из американских газет примечательный рисунок, как нельзя лучше выражав-

ший настроения всех честных, миролюбивых граждан США. Художник изобразил встречу «большой двойки». Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев и Президент США Д. Эйзенхауэр стоят за столом с высоко

— Я никогда не чувствовала себя так хорошо, как сейчас.

Рис. Сандерса из газеты «Дейли ньюс», выходящей в Гринсборо, штат Северная Каролина.

поднятыми бокалами, обмениваясь дружескими тостами. Между ними сидит женщина, олицетворяющая собой мир. Она восторженно говорит: «Я никогда не чувствовала себя так хорошо, как сейчас»...

Эти же светлые надежды и чувства отражались и на лицах сотен тысяч нью-йоркцев — швейников и печатни-

ков, плотников н металлистов, мелких торговцев н домашинх хозяек, студентов н клерков — всех тех, кто прншел в тот ясный солнечный деиь встречать посланца велнкого советского народа.

Но когда на улице мира праздник, в лагере поборников «холодной войиы» царнт унынне, граннчащее с трауром...

Газета нью-йоркских биржевнков «Уолл-стрнт джорнэл» с циннчной откровенностью поведала об нстинных настроениях тех, кто хотел бы сохранить навсегда сумрак «холодиой войны». В днпломатнческнх кругах Вашингтона, как пояснила газета, пристально следят за реакцней амерనкаиского народа на поездку Н. С. Хрущева по Соедниенным Штатам. В этнх кругах полагают, что если советскому гостю удастся произвести «хорошее впечатлеине, то это прнведет к общественному нажнму с целью добнться со стороны США уступок по такнм вопросам, как переговоры о статусе Берлниа, расшнренне советско-амернканской торговлн, разоружение, н другим проблемам, разделяющнм сейчас обе страиы».

Вот где, оказывается, собака зарыта!

Протнвннкн потепления в советско-амерканскнх отношеинях ие сндели сложа рукн. Тактнка иепроннцаемых полнцейскнх заграждений н кое-что другое были как раз н предназначены для того, чтобы помешать Н. С. Хрущеву произвестн «хорошее впечатленне».

Как это ин странно, за час до прнезда Н. С. Хрущева в Нью-Йорк ошеломленные жнтели услышали пронзнтельный вой сирен противовоздушиой обороиы. Кому-то из власть предержащих понадобнлось именно в этот большой, торжественный день устронть ннсценировку противовоздушиой тревогн, взбудоражить людей, взвннтить им нервы. Свою собственную тревогу сторонникн «холодной войны» вознамернлнсь распространить на весь Нью-Йорк.

Впрочем, приметы военной нстернн можно увидеть на каждом шагу в Нью-Йорке. Прн входе в вестнбюль любого здання, будь то жнлой дом, отель, кннотеатр нлн служебное помещеине, прежде всего бросается в глаза длиииая чериая стрела с надпнсью «Вход в бомбоубежнще». Перед началом киносеанса иью-йоркским

зрителям назойливо твердят о том, что «в случае налета вражеской авиации» им необходимо спокойно, без всякой паники спуститься в подвальное укрытие.

И даже путеводитель по Нью-Йорку мрачно поучает туристов: «Гражданская противовоздушная оборона является ныне всеобщим делом. В обязанности корпуса гражданской противовоздушной обороны Нью-Йорка входит забота о приезжих, так же как и о коренном населении города. Сразу же по приезде осмотрите отель и постарайтесь запомнить, где находится убежище. На улицах обращайте внимание, в каких общественных зданиях существуют убежища; в случае тревоги идите — *идите,* но не бегите! — в ближайшее укрытие».

Поборники «холодной войны» не преминули воспользоваться и явно провокационными средствами для достижения своих неблаговидных целей. Накануне приезда Н. С. Хрущева в Нью-Йорк по улицам города разъезжал размалеванный антисоветскими лозунгами грузовик. В нем какой-то скоморох с заступом в руках инсценировал все ту же избитую антисоветскую пьеску — «погребение» американского капитализма — и, кривляясь, заклинал нью-йоркцев оказать холодный прием советскому гостю.

Как только закончился в подземелье Пенсильванского вокзала обмен официальными приветствиями, советских гостей усадили в черные закрытые лимузины. Под неистовое завывание сирен сотни полицейских мотоциклов, автомобильный кортеж направляется к отелю «Уолдорф-Астория». Вот уже первая машина стремительно вырвалась из подземных катакомб и тоннелей вокзала на широкую, просторную 7-ю авеню, за ней вторая, третья, четвертая...

Ослепительно ярко светит солнце, чудесный безоблачный день. Тысячи людей сгрудились у деревянных барьеров, они жадно вглядываются через узкие просветы полицейского кордона, стараясь в потоке черных лимузинов хотя бы на миг увидеть человека, который принес им из далекой Москвы слова мира и дружбы. Из толпы доносятся возгласы: «Хэлло!», «Уэлком!» (Добро пожаловать!), «Пис!» (Мир!). Многие из нью-йоркцев машут руками, приветливо улыбаются. И тут же возбужденно спрашивают друг у друга:

— Вам удалось его разглядеть? Где, в какой он машине? Почему так быстро они пронеслись?

Стремительный пробег по 34-й улице, по прямой, как стрела, фешенебельной Парк-авеню. И вот уже резиденция высокого гостя — отель «Уолдорф-Астория». Шесть минут заняла вся поездка. Шесть коротких минут.

А ведь по-человечески можно понять чувства недоумения и досады тех, кто простоял в давке и сутолоке многие часы, чтобы улыбкой, дружелюбным взглядом, приветливым взмахом руки выразить свои симпатии к советскому посланцу доброй воли. И не преднамеренно ли кто-то помешал им это сделать? Через час некоторые здешние газеты вышли с кричащими заголовками: «Толпа холодно встретила Хрущева в Нью-Йорке».

Нечистая игра недоброжелателей визита предстала во всем своем неприглядном виде.

ВСТРЕЧА С «ОТЦАМИ ГОРОДА»

Короткая остановка у входа в отель «Уолдорф-Астория», всего лишь на несколько минут, чтобы дать возможность супруге Н. С. Хрущева и его дочерям выйти из машин. Жена мэра города устраивает в час дня в их честь завтрак в этом отеле. В тот же час состоится завтрак у мэра Р. Вагнера в честь Никиты Сергеевича Хрущева в гостинице «Коммодор».

Между прочим, встреча с «отцами города» имеет свою маленькую предысторию. Обычно мэр города Нью-Йорка устраивает официальные приемы в честь знатных зарубежных гостей в большом бальном зале отеля «Уолдорф-Астория». Лучшего места для таких раутов во всем Нью-Йорке не сыскать. Да и так принято, давным-давно заведено, освящено традицией.

Кто же помешал мэру города и на сей раз устроить прием в том самом отеле, где высокому советскому гостю предстоит провести два дня и две ночи и который все считают чем-то вроде «неофициального паласа» Нью-Йорка? Помешали этому, оказывается... зубные врачи!

Кто бы мог подумать, что люди столь гуманной профессии способны проявить такую непримиримость и

упорство, отстаивая перед мэром города свое право занять именно в тот день и час большой бальный зал «Уолдорф-Астории». И как ни старался, по уверениям американской печати, Р. Вагнер уговорить не в меру строптивых руководителей Национальной ассоциации зубных врачей перенести свой юбилейный съезд в какое-нибудь другое место, дантисты настояли на своем.

Нью-йоркская общественность справедливо расценила этот незначительный сам по себе эпизод как не очень гостеприимное действие по отношению к советскому гостю и как акт неучтивости к мэру города Нью-Йорка. По меньшей мере странно в свете этих фактов прозвучало замечание вице-президента США Р. Никсона, который, выступая на съезде, приветствовал эту сомнительной ценности победу: «Возможно (?), русские первыми достигли Луны, зато Американская ассоциация зубных врачей первой заполучила этот зал».

Право, перед лицом такой логики можно лишь пожать плечами.

...Под аккомпанемент ревущих сирен полицейского эскорта мчатся черные лимузины по направлению к отелю «Коммодор». Он расположен совсем близко от «Уолдорф-Астории», и как бы приятно, думается нам, было гостю пройти всего лишь несколько сот метров пешком, немножко размяться после дороги и взглянуть на приметные и оригинальные здания Парк-авеню. А главное — вот так запросто, как это делает Никита Сергеевич дома, на Родине, подойти к поджидающим его близ отеля людям, перекинуться парой задушевных слов, обменяться крепкими дружескими рукопожатиями. Мы всматриваемся во многие лица — честные лица тружеников, и все более странной и нелепой кажется с каждым часом растущая стена «охраны безопасности», воздвигаемая между Н. С. Хрущевым и так называемым «человеком с улицы».

Но что поделаешь: в чужой монастырь, как говорится, со своим уставом не ходят. Только в «Коммодоре», направляясь в банкетный зал, Никита Сергеевич на несколько секунд вырвался из плена своих телохранителей в синих мундирах, быстро прошел к перилам балкона и движением руки приветствовал огромную массу людей, заполнившую от края до края просторный вестибюль гостиницы.

Какую бурю оваций, восторженных возгласов и настоящего ликования вызвал этот простой и дружеский жест! Десятки репортеров тут же бросились к телефонам, чтобы сообщить в редакции газет и студии радиотелевизионных станций об этой «сенсационной» новости.

В сияющем огнями зале гостиницы «Коммодор», таком огромном, что противоположные стены его туманятся дымкой расстояния, все уже готово к приему советского гостя. За столами чинно сидят джентльмены в кипенно-белых манишках и черных фраках. Это «отцы города», люди, задающие тон в деловой и политической жизни Нью-Йорка. За столом, что поближе к президиуму, виднеется массивная фигура почти 90-летнего старца. Впрочем, он выглядит гораздо моложе своих лет и оживленно беседует с кем-то из именитых людей города. Это Бернард Барух, банкир, ближайший друг и советник многих президентов Соединенных Штатов. Неподалеку от него сидит еще одна «звезда» Уоллстрита — крупный финансист и железнодорожный магнат видный политический деятель Аверелл Гарриман. Тут же находятся известный финансист Лимэн, президент Нью-Йоркской фондовой биржи Фанстон, сенатор Джавитс, адмирал Кэрк, банкир и меценат Даулинг, многие представители властей.

Как позднее стало известно из сообщений американских газет, в городе было много недовольных тем, что их не пригласили на прием. Особенно возмущались женщины, так как ни одна из них не получила пригласительного билета. «Это не демократия, а капиталистическая олигархия»,— гневалась г-жа Сосс в телеграмме, присланной на имя Вагнера и Лоджа.

В сопровождении мэра Р. Вагнера и других лиц в зал входит Н. С. Хрущев. Все присутствующие встают и шумно аплодируют главе Советского правительства. Оркестр исполняет государственный гимн Советского Союза. Короткая пауза. Затем звучат первые аккорды мелодии американского гимна.

И тут произошло то, что повергло в изумление даже видавших виды американских журналистов. Вопреки обычаю «отцы города» вначале робко, потом все увереннее подхватывают мелодию гимна, а минуту спустя уже с нарочитым пафосом поют торжественные строфы

о звездно-полосатом флаге Америки. Кое-кто даже намекал, что была приглашена специальная группа людей, «умеющих петь».

— Что это — очередная патриотическая демонстрация? — полюбопытствовали мы у наших американских коллег — журналистов.

— Пожалуй, да, но я бы скорее назвал ее психической атакой,— пояснил нам один из местных корреспондентов, видимо, обладающий политическим чутьем.— Имейте в виду, что здесь, в Нью-Йорке, кое-кто наверняка попытается предпринять такую атаку.

На следующий день вашингтонская газета «Стар» дала понять, что определенным кругам ужасно хотелось использовать банкетный зал отеля «Коммодор» для того, чтобы «показать флаг» советскому Премьеру. Менее откровенная газета «Нью-Йорк таймс» ограничилась следующим комментарием: «Не представляя себе, как это даже случилось, находившиеся здесь американцы вдруг обнаружили, что они поют гимн «Звездно-полосатый флаг» вместо того, чтобы просто прослушать его мелодию... Присутствовавшие сообщили, что они непроизвольно(?) оказались втянутыми в эту, как они почувствовали, патриотическую демонстрацию».

Пока гости и хозяева были заняты завтраком, оркестр услаждал их слух музыкой. Желая, по-видимому, сделать приятное гостям из СССР, оркестранты решили блеснуть своим знанием советского музыкального репертуара. Они с большим подъемом исполнили популярную в Америке еще со времен второй мировой войны мелодию песни «Полюшко-поле».

Но, право, трудно было не рассмеяться, когда те же музыканты с не меньшим азартом принялись исполнять давно отжившую свой век песенку «Бублички».

Было весело вдвойне: и потому, что мелодия веселая, и потому, что исполнителям было невдомек, что слова у песни грустные и оплакивают они одну из последних представительниц «частного предпринимательства» в нэповской России.

«А я, несчастная, торговка частная, стою и бублички здесь продаю!» — звучало в зале, переполненном представителями Уолл-стрита. Что ж, стой, стой, повторяли мы про себя, с трудом сдерживая улыбки.

Как ни пустяшиа эта деталь, но, увы, оиа невольио заставляет еще раз задуматься над тем, как слабо знают в Америке жизиь советского иарода, его дерзиовениые планы, мечты, деяиия. Кое-кто все еще продолжает по стариике мерить иас иа «бубличиый» аршии.

Но вот уже и съедеи десерт, выпито по чашке кофе. Начииается деловая часть приема, обмеи речами. Американцы шутливо уверяют, что их способ проведеиия официальиых раутов — вначале плотно закусить, а потом послушать речи — способствует лучшему усвоеиию как материальиой, так и духовиой пищи. По их словам, такое разделеиие труда настраивает ораторов и аудиторию иа добродушный лад и дает кое-кому из иерадивых слушателей возможиость отдаться чарам морфея. Может быть, иногда это так и бывает, ио в даниом случае 1600 джеитльменов, заполнивших баикетиый зал отеля «Коммодор», своим оживлеиным видом, острой реакцией иа каждое слово оратора начисто опровергали стаидартное представление об официальиых американских приемах.

Первым подиимается иа трибуну мэр города Р. Вагнер. Он сыи известиого сенатора и видного деятеля демократической партии, активио сотрудничавшего в тридцатых годах с президеитом Фраиклином Рузвельтом в области реформ трудового закоиодательства. Сыи, как говорят здесь, отошел от либеральных традиций своего отца. Впрочем, как сообщает американская печать, ои ие лишеи политической амбиции и намереи в иедалеком будущем использовать свой пост в качестве трамплииа для прыжка в сенатское кресло Капитолия, а может быть, даже и выше.

Его приветствеииая речь была в осиовиом посвящена восхвалеиию американского образа жизни, под сеиью которого живут якобы, ие ведая горя и нужды, восемь миллионов граждаи Нью-Йорка. «Мы зиаем, что у иас есть бедиые,— сказал ои,— и что кое-кто живет в плохих жилищных условиях, но больше людей живет лучше, счастливее и в более здоровых условиях, чем где-либо и когда-либо в истории всего мира... Что касается возможиости обеспечить приличиый образ жизии, то мы знаем, что они получили здесь самую большую возможность — самый высокий в мире уровеиь жизии».

Спору нет, американцы, включая и жителей Нью-Йорка, имеют высокий уровень жизни. Но стоит ли эту общеизвестную истину делать главным предметом разговора на столь важном собрании, назойливо повторять ее, вместо того чтобы совместно искать разумные пути укрепления дружественных связей между нашими странами и обеспечения всеобщего мира.

Да к тому же, поскольку уж по воле г-на Вагнера зашла речь о жизни нью-йоркцев, нелишне вспомнить и о некоторых фактах, которые проливают свет на истинное положение вещей. Вряд ли свыше миллиона обитателей нью-йоркских трущоб разделяют его рекламно-восторженное славословие американского образа жизни. Едва ли сотни тысяч негров и пуэрто-риканцев, загнанных в гарлемское гетто, считают себя благоденствующими людьми, как в этом пытается уверить своих слушателей мэр города. Ведь не проходит дня, чтобы в нью-йоркских газетах не появились статьи под типичным заголовком «Позор Нью-Йорка», рисующие жуткие, а порой и трагические условия жизни обездоленных людей в этом городе, который нередко называют пятьдесят первым штатом Америки.

Стоит лишь г-ну Вагнеру выглянуть в окно своей резиденции — «Сити-холл», чтобы увидеть, как тысячи представителей различных слоев нью-йоркского населения буквально каждодневно устраивают у стен городского муниципалитета гневные демонстрации против чудовищного роста дороговизны, громко и настойчиво требуют удовлетворения их насущных нужд. Только за последние несколько месяцев такие многотысячные демонстрации провели нью-йоркские учителя, шоферы такси, работники госпиталей, домашние хозяйки, учащаяся молодежь. А разве триста тысяч безработных Нью-Йорка, которые месяцами и годами ищут и не могут найти себе работу, считают себя счастливцами, живущими в здоровых условиях, как утверждал мэр?

Мэра Вагнера на трибуне сменил Генри Кэбот Лодж. Ни для кого не было тайной, что кое-кто в США возлагал далеко идущие надежды на его полемический талант, адвокатское красноречие и солидный дипломатический опыт. Именно на его плечи была возложена весьма

рискованная миссия — «переспорить Хрущева или умереть».

Думал ли когда-нибудь ранее этот аристократ, что ему придется сопровождать бывшего рабочего, а ныне главу правительства Союза Советских Социалистических Республик в поездке по Америке? Еще совсем недавно одна мысль об этом показалась бы ему, наверное, чистейшей фантазией.

Генри Кэбот Лодж — отпрыск знатного в Новой Англии рода мультимиллионеров — Кэботов и Лоджей. В Бостоне ходит поговорка о том, что Кэботы разговаривают только с Лоджами, а Лоджи — только с богом. В 1953 году Г. Лодж впервые появился в стенах Организации Объединенных Наций в качестве главы американской делегации в ООН. Этот пост он занимает и по сей день. Когда корреспонденты спросили, чем он собирается ознаменовать свою деятельность в международной организации, г-н Лодж с апломбом заявил:

«Начну с того, что я никогда не подам руки кому бы то ни было из советских представителей...»

Всякий раз, когда собираются в своем кругу старожилы Организации Объединенных Наций — дипломаты или корреспонденты, они всегда с иронической улыбкой вспоминают об этом эпизоде. А какого труда стоило ему сдержать свою клятву: шутка ли сказать, Лоджу приходилось из-за нее опаздывать на каждое заседание ассамблеи или ее комитетов, чтобы — не приведи бог! — не встретиться с глазу на глаз с советским дипломатом.

Г-н Лодж, так же как и мэр Вагнер, читает свою речь по заранее приготовленному тексту. Он начал свою речь так: «Господа! Господин мэр! Председатель Хрущев! Уважаемые гости! Соотечественники-американцы!.. »

Его речь, как и речь г-на Вагнера, была новой попыткой втянуть главу Советского правительства в ненужную в данной обстановке и в данных условиях дискуссию по идеологическим вопросам, которые разделяют две общественно-политические системы — мир социализма и мир капитализма.

Именно в таком духе и была выдержана вся речь личного представителя Президента, задавшая тон целой серии дальнейших выступлений самого Лоджа и других официальных и неофициальных деятелей США.

После окончания речи Лоджа слово предоставляется Никите Сергеевичу Хрущеву. Взоры всех присутствующих в зале, а также миллионы пытливых, внимательных глаз американских телезрителей обратились к трибуне, на которую поднимается Председатель Совета Министров СССР. Ведь еще совсем недавно слух и нервы миллионов жителей Нью-Йорка терзали воющие сирены учебной противовоздушной тревоги. Что же нужно сделать, чтобы они умолкли навсегда и чтобы перед глазами измученных военной истерией нью-йоркцев не маячили указательные стрелки со зловещей надписью «Здесь вход в бомбоубежище»? Что нужно сделать, чтобы, получая по четвергам или пятницам чек с заработной платой за неделю, американский рабочий или служащий не содрогался при мысли о том, что одна треть его заработка пошла на уплату налогов, на изготовление атомных и водородных бомб? Что нужно сделать, чтобы люди на всей нашей планете смогли вздохнуть полной грудью, убедившись, что призрак войны исчез с горизонта и ничто не угрожает мирному развитию человечества?

Ответа на эти волнующие вопросы с нетерпением ждали миллионы американцев, смотревших, слушавших, осмысливавших каждое слово Никиты Сергеевича Хрущева. И когда он взошел на трибуну, все, кто был в этом зале, встали, чтобы бурными аплодисментами выразить свое уважение к высокому советскому гостю.

Они были приятно поражены смелостью оратора: не в пример своим предшественникам, стоявшим на этой трибуне, он не вынимает из кармана заранее приготовленный текст речи. Так говорить, конечно, гораздо труднее, но зато его слова приобретают особенно большую эмоциональную окраску и удивительно хорошо доходят до ума и сердца слушателей.

Никита Сергеевич начинает свою речь с шутки — она всегда помогает установить живой и непосредственный контакт между оратором и аудиторией. Обращаясь к мэру города Роберту Вагнеру, он с добродушной улыбкой говорит: «Я чуть было не удержался и не назвал Вас Робертом Петровичем Вагнером. Когда я работал в молодости на заводе, управляющим у нас был инженер, которого звали Роберт Петрович Вагнер». И сразу же в

зале наступает веселое оживление, вспыхивают аплодисменты. Этот маленький эпизод встречи Н. С. Хрущева на своем жизненном пути с двумя Робертами Вагнерами мгновенно создает в зале «Коммодора» непринужденную атмосферу, располагает к большому, задушевному разговору. «Отцы города» с огромным интересом слушают речь Никиты Сергеевича и почти каждую его фразу сопровождают шумными рукоплесканиями.

Глава Советского правительства благодарит г-на Вагнера за устроенный в его честь прием, за памятную медаль города Нью-Йорка, преподнесенную ему мэром, и за врученное ему послание народам Советского Союза — знак крепнущей дружбы между нашими странами.

Но особенно тепло, с большим уважением он говорит о Президенте Соединенных Штатов Дуайте Эйзенхауэре, воздает должное его военным заслугам на посту главнокомандующего союзническими силами в Западной Европе, вспоминает о том, как в тяжкое лихолетье второй мировой войны советские и американские солдаты вместе сражались против фашистской чумы. Бурными аплодисментами приветствуют слушатели его слова: «Мы хорошо боролись вместе с вами против гитлеровской Германии».

Никита Сергеевич высоко оценивает государственную мудрость Президента Эйзенхауэра, который, вопреки давлению недальновидных американских политиков и противоборству сторонников «холодной войны», выступил с инициативой обмена визитами. Каждый, кто мало-мальски знаком с расстановкой сил на американской политической сцене, понимает, что это решение потребовало от Президента и мужества и воли.

— Мое уважение к господину Д. Эйзенхауэру,— говорит глава Советского правительства,— возросло еще больше после этого его шага. Его решение пригласить Хрущева в Америку было не простым делом. Не каждый американец решился бы пойти на такой шаг. Для этого надо быть большим человеком, а главное — понимать большую политику. Мне известно, что часть американских политических деятелей не согласна с этим решением Президента. Мудрость Президента проявилась именно в том, что он, несмотря на это, совершил то, что задумал.

Это показало, что он видит дальше тех, кто, как говорят у нас в России, не видит дальше собственного носа. Государственный деятель обязан разбираться не только в том, что происходит сегодня, он должен заботиться о будущем, должен работать во имя его.

Прекрасные слова! Они несомненно помогут многим американцам разобраться в истинном значении акции Президента Соединенных Штатов, будут способствовать консолидации сил, выступающих за трезвый подход к решению международных проблем, за торжество политики разума.

Никита Сергеевич со свойственной ему прямотой и откровенностью заявил, что намерен разговаривать со своими слушателями начистоту, языком человека, привыкшего смотреть правде в глаза. «Лучше горькая правда, чем сладкая ложь» — эта народная мудрость хорошо знакома и импонирует как советскому человеку, так и рядовому американцу.

Н. С. Хрущев быстро разгадал замысел тех, кто хотел в потоке восхваления американского капитализма утопить основную идею его приезда в США. Он перевел разговор в другую плоскость. Глава Советского правительства высмеял попытки разукрасить систему капитализма и опорочить социализм.

— Давайте заранее условимся вот о чем,— без обиняков сказал он. — По-видимому, мне нет необходимости тратить усилия на то, чтобы пытаться вас сделать коммунистами. Это была бы пустая трата сил, а они мне нужны для более важных дел. Но если у кого-либо еще теплилась надежда, что я перейду на позиции капиталистов, то я хочу прямо сказать вам: это тоже безнадежное дело. Конечно, если бы я был сторонником капитализма, я старался бы перебраться в вашу страну: ведь Соединенные Штаты — это главный корень мировой капиталистической системы. Но я убежден в том, что наша система гораздо крепче и гораздо лучше.

Н. С. Хрущев разъясняет американцам необходимость жить с Советским Союзом в мире и дружбе, мирно сосуществовать, соревноваться не в изготовлении орудий смерти и разрушения, а в производстве всего того, что делает жизнь человека лучше и полнее.

— Давайте лучше говорить о том,— призывает он,— что должно объединять нас, и не выпячивать того, что

могло бы нас разъединять. Давайте мирно соревноваться, и пусть народы рассудят, какая система лучше, какая из них открывает больший простор для развития производительных сил, какая лучше обеспечивает благополучие человека. Мы должны уважать выбор народов, должны уважать их право жить так, как они хотят, должны строить межгосударственные отношения на основе признания равного права существования различных социальных систем. Мы должны обеспечить мирное сосуществование и тем самым укрепить мир во всем мире.

— Говорю вам совершенно искренне: мы хотим жить с вами в дружбе и мире.

Без преувеличения можно сказать, что эти мудрые слова прозвучали как гимн разуму, торжеству здравого смысла. Им долго и горячо аплодировали все те, кто был в этот памятный день в сияющем огнями зале гостиницы «Коммодор». С ними соглашались — не могли не согласиться! — миллионы американцев, все те, кто любят мир, жизнь, улыбку ребенка.

Искренний тон выступления Н. С. Хрущева, его ясная и образная речь, лишенная каких-либо дипломатических вывертов, умение прямо и смело ставить вопросы, живое чувство юмора вызвали восхищение американцев, высоко ценящих в человеке неукротимую энергию, прямоту и находчивость. Мы слышали, как участники приема у мэра Нью-Йорка называли Никиту Сергеевича «величайшим пропагандистом дружбы между СССР и США» и выражали надежду, что этот «бизнес» может принести «солидные дивиденды» всем странам.

Нью-йоркская печать, комментируя речь Н. С. Хрущева на завтраке у мэра города, сокрушенно признавала, что предпринятые Вагнером и Лоджем попытки «скрестить шпаги» с главой Советского правительства не принесли им лавров. Известная обозревательница Дорис Флисон предалась на следующий день в газете «Нью-Йорк пост» меланхолическим размышлениям о том, что Н. С. Хрущев со свойственной ему «динамической силой господствует на американской сцене» и что нет в Соединенных Штатах такой «политической фигуры, которая смогла бы эффективно противостоять ему».

Кажется, яснее не скажешь! И тем не менее посрамленные, но не разоружившиеся сторонники курса «пере-

спорить Хрущева или умереть» не отказались от своих козней и интриг. Они искали нового повода вновь «показать флаг», действуя по пословице: «У кого желчь во рту, тому все горько».

«БЕДНЫЕ РОДСТВЕННИКИ» АМЕРИКИ

Вскоре после завтрака в гостинице «Коммодор», устроенного мэром Нью-Йорка в честь главы Советского правительства, Никита Сергеевич Хрущев имел другую примечательную встречу с группой крупнейших финансовых магнатов США.

Случилось это на приеме, который устроил в честь высокого советского гостя Аверелл Гарриман. Г-н Гарриман во время войны был послом США в Москве, он посетил нашу страну еще раз несколько месяцев назад, и поэтому, естественно, к встрече Никиты Сергеевича Хрущева с Гарриманом на американской земле отнеслись с повышенным интересом. Как считала американская печать, для Председателя Совета Министров СССР будет «поучительным разговор с американцем, который кое-что смыслит в русской истории и русских делах».

Кое-кто в США возлагал на эту встречу особенно большие надежды еще и потому, что американскую сторону в ней представляли самые блистательные имена из банковского и промышленного мира. В числе собеседников и оппонентов Никиты Сергеевича были такие тузы Уолл-стрита, как Джон Рокфеллер, один из властелинов «нефтяной империи Рокфеллеров», У. Роджерс Герод, президент крупнейшей электротехнической корпорации «Дженерал электрик», Джон Макклой, руководитель одного из самых могущественных банков страны, Фрэнк Пейс, бывший военный министр, а ныне глава крупнейшего в стране концерна по производству оружия «Дженерал дайнэмикс корпорейшн», генерал Дэвид Сарнов, председатель правления «Рэйдио корпорейшн оф Америка», специалист в области «психологической войны», банкир Герберт Лимэн и другие светила американского капитализма.

Уж кто-кто, рассуждали некоторые органы американской печати, а эти люди, представляющие «60 семейств»

Америки, не только сумеют постоять за себя, но и заставят «первого коммуниста в мире согнуть колени». Авторы таких скоропалительных суждений, видимо, исходили из того, что в условиях американской действительности никто не в праве перечить воле магнатов Уолл-стрита. Их политическое «кредо» превосходно сформулировал американский банкир и мультимиллионер Фредерик Т. Мартин, который в порыве откровенности заявил:

«Мы не ревнители общественной пользы. Мы — богачи. Америка принадлежит нам... Мы готовы пустить в дело все наши огромные возможности, наше влияние, наши деньги, наши политические связи, наших продажных сенаторов, наших голодных конгрессменов, наших демагогов против любой законодательной акции, любой политической платформы, любой кандидатуры в президенты, которая угрожает незыблемости нашего государства».

... Хотя эта встреча происходила в кругу ближайших друзей А. Гарримана, перед входом в его дом собралась огромная толпа репортеров газет, радио, телевидения и жителей города. Машины едва пробились по узкой улочке к трехэтажному особняку. Наверное, и до этого дом Гарримана был, так сказать, приметным домом в городе, но, как пошутила дочь Гарримана Мортимер Кетлин, никогда он не выдерживал такой отчаянной и яростной осады любопытных. Перед распахнутыми дверями на пятачке тротуара, огороженного деревянными барьерами с надписями «полицейская линия», стоял добрый десяток микрофонов. Видимо, г-н Гарриман намеревался, провожая гостя, выступить по радио.

Мы поднялись на второй этаж дома, и, как писал — уже после окончания визита — г-н Гарриман в журнале «Лайф», он провел Никиту Сергеевича в библиотеку, где собралось около тридцати гостей. «Наша библиотека,— сообщал своим читателям даже и такие подробности г-н Гарриман,— это большая комфортабельная комната с белыми стенами. Она полна книг и современной живописи, в ней стоят бюсты Франклина Делано Рузвельта, Дуайта Эйзенхауэра и Бенджамина Франклина. Над камином, около которого мы сидели, висит картина Пикассо».

О самой встрече Гарриман рассказывает не очень подробно. Весь ход его мысли направлен на то, чтобы

представить беседу дружественной, спокойной, однако не приведшей к существенным точкам соприкосновения. Впрочем, это — дело г-на Гарримана. Хочется привести только одно замечание Никиты Сергеевича Хрущева и рассказать о том, какую оно вызвало реакцию.

После обмена любезностями и после того, как А. Гарриман представил своих гостей, он предложил довольно своеобразный ход беседы. Он сказал, что, поскольку г-ну Председателю Совета Министров так много приходится отвечать на вопросы, на этот раз все собравшиеся здесь готовы удовлетворить любопытство Никиты Сергеевича. Откинувшись на спинку кресла, Никита Сергеевич спокойно обвел глазами гостей г-на Гарримана и с поразительной наблюдательностью угадал, для чего была именно так подготовлена хозяином эта встреча. Гости Гарримана ничего не собирались узнавать у Никиты Сергеевича, они приготовились прочитать ему «популярную лекцию» о принципах и законах капиталистической системы.

Никита Сергеевич заметил:

— Нет уж, избавьте, господа, меня от вопросов к вам. Не волнуйтесь, я не устал, я с большим удовольствием отвечу сам.

Но все-таки, поскольку многое было решено между гостями, по-видимому, заранее, им было трудно перестроиться вмиг на новый лад. Они лишь превратили свои повествовательные фразы в риторически вопросительные. Одним из первых начал излагать свой длинный вопрос-объяснение Джон Макклой, председатель банка «Чейз Манхэттэн бэнк», бывший верховный комиссар США в Германии. Хотя г-н Гарриман и не пишет этого в «Лайфе», но сразу несколько голосов аттестовали его как личного друга Аденауэра, чему Макклой не противился. Он говорил о том, о сем и в конце выразил удивление по поводу того, что г-н Хрущев, дескать, верит, будто люди, сидящие в этой комнате, представляют какие-то правящие круги Америки. Г-н Макклой с убежденностью профессионального адвоката, человека, которому все внемлют безропотно, с горделивой улыбкой оглядел собравшихся и двинул самый веский, с его точки зрения, аргумент в защиту того, что здесь не «правящая группа».

— Посудите сами,— театрально развел руками г-н Макклой,— почти все законопроекты, которые предлагает Уолл-стрит, автоматически отклоняются в сенате.

Главный «аргумент», хотя и не подкрепленный никакими конкретными доводами, явно понравился собравшимся. Они заулыбались, расположились поудобнее в креслах и, как говорится в таких случаях, отпустили ремни. Никита Сергеевич не спеша еще раз оглядел их всех, нарочито одетых в рядовые костюмчики, улыбчивых, совсем непохожих на тех первых завоевателей богатств, на чьих лицах так сохранялись приметы «битв за деньги»; совсем непохожих на русских купцов-воротил с пудовыми кулачищами и длинными бородами; совсем непохожих на тех первых американских золотоискателей, которые перегрызали друг другу глотки у Вирджиния-сити, у Сакраменто, в Лунной долине и у Скалистых гор. Нет, это были лощеные люди — благообразные отцы семейств, ни дать ни взять преуспевающие средние служащие средних торговых фирм.

Тихо, но так, чтобы все слышали, Никита Сергеевич ответил Макклою, да и другим:

— Выходит, что передо мной бедные родственники Америки.

И вдруг все в комнате засмеялись, как будто этой фразой была пробита, наконец, плотина, сдерживавшая настроения этих людей. Смеялись достаточно долго. Только поняв, что смеются над собой, они вдруг оборвали смех.

Неловкая тишина, которая на миг последовала за взрывом смеха, была нарушена градом новых вопросов. В той или иной степени они уже ставились перед Никитой Сергеевичем Хрущевым десятки раз, и десятки раз он с величайшей убедительностью отвечал на них.

Вновь и вновь американцы вопрошали, почему в Советском Союзе мешают слушать «Голос Америки». Никита Сергеевич бросил реплику: «Хороший, дружеский голос мы будем принимать, голос вражды нам не подходит». Н. С. Хрущева долго уверяли, что магнаты военной промышленности готовы хоть завтра прекратить выпускать оружие, а он приводил примеры, что, как только дело продвигается к миру, биржу Уолл-стрита охватывает паника и т. д.

Прием у г-на Гарримана закончился довольно быстро, так как советские гости спешили в Экономический клуб, и, может быть, не стоило возвращаться к этому приему так подробно, если бы не одно обстоятельство. Мы имеем в виду несколько новых заявлений Аверелла Гарримана. Одно из них сделано им в Бостоне в зале Форд-холл недавно. Это заявление развивает все то, о чем говорили гости г-на Гарримана в его нью-йоркской квартире. Отметив, что Н. С. Хрущев в Соединенных Штатах Америки неоднократно подчеркивал преимущества коммунизма по сравнению с капитализмом, г-н Гарриман, между прочим, роняет и такие фразы: «Для народов Азии капитализм почти синоним колониализма. Мне кажется, что мы не должны позволять г-ну Хрущеву или любому другому коммунисту изображать нас знаменосцами капитализма.

Наша экономическая система мало в чем сходна с марксистской концепцией вековой давности, и мы должны отказаться от этого слова (речь идет о слове «капитализм».— *Авторы)*».

Всего-навсего, г-н Гарриман?! Вы хотите отказаться от слова «капитализм»? Вы и ваши друзья, которые много раз подкрашивали это понятие эпитетом «народный» и радостно заявляли всему миру, что теперь «народный капитализм» определяет сущность общественных отношений в Америке?! Но почему же вам не нравятся слова «народный капитализм»? Почему вы вновь хотите заменить их некими эфемерными терминами, вроде «гуманной экономики», или «свободного экономического предпринимательства», или чем-то не менее трудно доказуемым, а главное мало понятным?!

Почему так беспокоят г-на Гарримана последствия визита Н. С. Хрущева в США и он вновь и вновь пытается продолжать полемику, на которой вполне можно поставить точку, ибо, как видно, стороны остались при своем?

Нет, не все так просто и наивно, как может показаться поначалу, в этом стремлении и г-на Гарримана и тех, кто собрались в его нью-йоркской квартире, переменить вывеску на фасаде Уолл-стрита. Не слово «капитализм», а сущность капитализма все в большей степени отвергается и будет отвергаться думающими простыми людьми всего мира, истинными создателями человече-

ских благ и ценностей. Законы капитализма как в области экономики, политики, философии, так и в области человеческих взаимоотношений будут все больше противоречить XX веку — веку победного шествия нового, социалистического строя. Вот для чего нужна г-ну Гарриману словесная пудра! Но по этому поводу во время поездки по Соединенным Штатам очень метко сказал однажды Никита Сергеевич:

— Как ни пудрится старая женщина, молодой ей уже не бывать!

Впрочем, г-н Гарриман знает это. Даже школьники разбираются в подобных «азах». Ведь как бы ни называли себя феодалы, распоряжавшиеся со звериной жестокостью землями и жизнями: «просвещенными властителями», «яркими солнцами», «попечителями мудрости и муз», феодализм оставался феодализмом. Как бы ни называли себя монархи всех времен и народов: «миротворцами», «народолюбцами», они оставались самими собой и история оценивала их так, как они того заслуживали.

Есть в последнем выступлении г-на Гарримана примечательное слово — «Азия». Азия! Г-н Гарриман беспокоится сейчас о ней не как любитель романтических пейзажей и древностей, не как путешественник или этнограф. Он говорит о той части Азии, которая стоит на перепутье, перед народами которой, начинающими осознавать смысл жизни, стоит выбор: какой дорогой идти?! Разве не ясно, что Азия сама выбирает себе путь?! Она вряд ли будет стучать в ту дверь, на которую вместо прежней вывески «Капитализм, империализм» хотят повесить новую: «Милости просим! Обещаем не произносить слов «колониализм» и «капитализм»».

Впрочем, никто не собирается говорить здесь о воле и взглядах народов азиатских или других стран. Как захотят они, так и будет. Но именно так, как они захотят!

Мечтая о том, чтобы сменить вывеску на фасаде капитализма, империализма и тем самым сразу же изменить к нему отношение во всем мире, г-н Гарриман тешит себя несбыточными иллюзиями. Он забывает о том, что капитализм, империализм, если им и дать какое-то иное название, не могут изменить своей антинародной сущности. Это не только целый комплекс экономических и общественных взаимоотношений людей и различных

классов, но и вполне определенная идеология, философия, определенная система.

Миллионы людей на собственном опыте убеждаются, что мир капитализма — это ужасный мир, где частное довлеет над общественным, где жажда наживы за чужой счет превращает иных в самых страшных угнетателей, а иных — в мелких хищников.

Нам хотелось бы напомнить г-ну Гарриману один рассказ, который мы слышали от профсоюзного босса Уолтера Рейтера, характеризующий сущность человека в капиталистическом мире. Вот что в порыве откровенности поведал Н. С. Хрущеву о себе этот «доблестный» лидер американских профсоюзов. Кстати говоря, этот рассказ мистера Рейтера был опубликован в газете «Нью-Йорк таймс», г-н Гарриман, можете и там почитать об этом.

В тридцатые годы вместе со своим братом Виктором Уолтер Рейтер работал на автозаводе в Нижнем Новгороде. После истечения контракта им захотелось совершить путешествие по Советской стране для того, чтобы, вернувшись в Соединенные Штаты, объявить себя «знатоками России».

Это были тяжелые для нашей страны времена. Неурожай во многих местах породил голод, многие заводы только восстанавливались, на улицах слонялись беспризорные дети, больницы были переполнены. Во время поездки Уолтер Рейтер и его брат все же получали питание: ведь в нашей стране с иностранными гостями люди готовы поделиться последним куском хлеба.

«Однажды,— рассказывал Рейтер во время беседы с Н. С. Хрущевым, изредка переходя на русский язык,— в маленьком городке мы пришли в магазин и увидели на полках несколько баночек американской сладкой кукурузы. Хотя было голодновато, но кукурузу никто не покупал: ее не любили. А мы обрадовались и приобрели несколько банок. Некоторые из них оказались без этикеток. Когда мы вернулись к себе в гостиницу и раскрыли банки, которые были без этикеток, то увидели, что там не кукуруза, а свинина с горохом. Понимаете: свинина с горохом!» — патетически воскликнул Уолтер Рейтер.

Далее он рассказал о том, как они с братом быстренько побежали в магазин и попросили продавца, чтобы

он продал им все банки без этикеток, сколько их есть. Продавец удивился, спросил их, есть ли какая разница между банками с этикетками и без этикеток, но они не сказали ему, обманули.

«Мы настояли, чтобы он дал нам все банки без этикеток,— улыбался г-н Рейтер,— и, нагрузившись огромным количеством таких банок, вернулись к себе. Мы чувствовали себя настоящими миллионерами,— довольно ухмылялся г-н Рейтер,— из-за невежественности вашего продавца мы стали обладателями ценнейшего продовольственного богатства — свинины с горохом!»

Разве может так поступить советский человек? Даже мелкий мошенник, совершивший такой обман, постарался бы умолчать о нем. А братья Рейтер, тогдашние американские специалисты, приезжавшие к нам помогать за доллары, за золото осваивать новую технику, не только совершили подлость, но еще похваляются ею, вспоминают, как подвиг.

Нам припомнился этот рассказ Уолтера Рейтера в связи с тем, что г-н Гарриман, может быть, и в самом деле считает, что достаточно изменить вывеску, название капитализма, как все сразу же станет по-другому. Уолтер Рейтер с братом не только меняли вывеску — они жили в Советском Союзе, общались с советскими людьми, но капиталистическое, испорченное нутро у них возобладало над всем остальным. И, видимо, не с присвоения обманным путем свинины с горохом началось их грехопадение.

То, что они совершили,— это и есть проявление отвратительных черт капитализма в сознании человека. И как бы вы ни меняли вывеску, г-н Гарриман, братья Рейтер в ваших условиях так и останутся братьями Рейтер...

На этом, пожалуй, можно было бы и кончить рассказ о коротком визите Никиты Сергеевича Хрущева к г-ну Гарриману. Но только позвольте нам по-своему относиться к вашей милой манере, г-н Гарриман, считать себя и своих друзей бедными родственниками Америки, позвольте нам опустить вас с заоблачных высей на реальную, живую землю.

МАСТЕРА «БОЛЬШОГО БИЗНЕСА»

Среди многочисленных справочных изданий в США, пожалуй, наибольшим спросом пользуется пухлый, увесистый том с кратким заглавием — «Кто есть кто». Его можно увидеть на полках библиотек и справочных бюро редакций газет и журналов, в кабинетах политических деятелей, промышленников, финансистов.

В скупой, предельно сжатой форме излагаются на его страницах сведения о родословной, жизни, деятельности, любимых развлечениях разных именитых людей. Попасть в справочник «Кто есть кто» — привилегия, которой удостаиваются сравнительно немногие.

Вечером 17 сентября в большом бальном зале отеля «Уолдорф-Астория», как почтительно отметили все американские газеты, можно было увидеть редкостное зрелище живого «Кто есть кто» в его, так сказать, натуральном виде. Здесь собралось около двух тысяч человек — цвет «большого бизнеса», «бедные родственники» Америки, в значительно более широком составе, чем несколько часов назад собирались у Аверелла Гарримана. И если бы кто-нибудь из досужих американских репортеров вздумал хоть приблизительно подсчитать их капиталы, то, наверное, получилась бы сумма настолько громадная, что человеческий ум не в силах был бы ее осмыслить. Глядя на этих людей — президентов уолл-стритовских банков, директоров страховых компаний, хозяев крупнейших монополистических объединений,— можно было подумать, что сами боги сошли с долларового Олимпа.

Накануне встречи главы Советского правительства с капитанами американского бизнеса газета «Нью-Йорк геральд трибюн» писала: «Завтра вечером одно из величайших в истории собраний капиталистов заслушает речь Премьер-Министра Никиты Хрущева на обеде, который дает Экономический клуб в Нью-Йорке. Происходит ожесточенная борьба за приглашения».

Исполнительный директор Экономического клуба Дуайт Эккерман дополнил эту картину небывалого ажиотажа образным сравнением: «Люди добиваются приглашения на обед,— сказал он,— подобно тому, как голодающие дерутся за хлеб... Судя по принятым приглашениям, у нас будет самое большое собрание вид-

ных предпринимателей, которое когда-либо происходило под одной крышей».

Примечателен сам по себе тот факт, что наиболее могущественные и влиятельные люди в США — представители «большого бизнеса» — проявили такой огромный интерес к визиту Н. С. Хрущева, так горячо желали с ним встретиться и послушать его. Но еще более симптоматично то, что многие из них одобряли цели его визита, выражали надежду на улучшение советско-американских отношений и укрепление деловых связей между нашими двумя странами.

В канун прибытия Председателя Совета Министров СССР в Вашингтон газета «Нью-Йорк геральд трибюн» опубликовала данные опроса, проведенного ею среди представителей американских деловых кругов. «Каково ваше отношение к визиту советского Премьера в США?» — с таким вопросом обратилась газета к сорока восьми руководителям крупнейших монополий, ежегодный оборот которых превышает 25 миллиардов долларов.

Суммируя данные опроса, газета писала: «Американские бизнесмены в основном одобряют тринадцатидневный визит Никиты Хрущева в Соединенные Штаты. Они считают, что такой шаг может привести к ослаблению напряженности «холодной войны» и увеличению торговли между Востоком и Западом».

Да, жизнь берет свое. Она решительно заставляет многих бизнесменов по-новому взглянуть на окружающий мир, заняться нелегкой переоценкой ценностей. «Люди в серых фланелевых костюмах», как называют в Америке крупных дельцов, начинают все больше сознавать, что в ядерный век гонка вооружений не доведет до добра, что разумнее и выгоднее жить в мире с Советским Союзом, торговать с ним. Эти сдвиги в умах и настроениях многих представителей «большого бизнеса» не пришли сами по себе; они были подготовлены всем ходом развития событий, изменением соотношения сил на мировой арене.

Давно ли еще американские капиталисты с этаким пренебрежительным прищуром взирали на нас с высоты своего денежного мешка и фыркали при слове «пятилетка»? Однако динамизм и жизненная сила нового,

социалистического строя заставили и их отказаться от ложных представлений о советских планах и героических деяниях нашего народа, о мощи мира социализма. «Русские сделали это опять!» — этот возглас, в котором слились воедино восторг и удивление, неприязнь и зависть, раздается теперь не только со страниц американских газет. Его можно слышать из уст банкиров, биржевиков, промышленников.

Наиболее умные и проницательные из них давно уже поняли всю иллюзорность и несбыточность надежд на то, что с помощью гонки вооружений удастся создать прочное благополучие американской экономики, уберечь ее от бурь и потрясений. За внешне грозным фасадом политики «с позиции силы» они разглядели, наконец, авантюристический курс, который может привести их страну и все человечество к катастрофической войне.

Среди реалистически мыслящих людей «большого бизнеса», настойчиво призывающих Америку идти в ногу со временем, считаясь с волей и чаяниями народов, можно назвать имена таких видных банкиров и промышленников, как Сайрус Итон, Джеймс Уорберг, Маррикер Эккл, и ряда других. Они решительно осуждают безрассудную политику «с позиции силы», требуют отказа от гонки вооружений, выступают за мирное сотрудничество между Востоком и Западом, развитие торговых, научных и культурных связей со странами социалистического лагеря.

Американская буржуазия, как и буржуазия других стран, далеко не однородна. Сравнительно небольшая, но все еще влиятельная монополистическая верхушка продолжает видеть в безумной гонке вооружений чуть ли не единственный источник своей наживы и обогащения. Но те американские фирмы и корпорации, которые не имеют доступа к «военной кормушке», меньше заинтересованы в разжигании военного психоза, в сохранении международной напряженности. Из 500 крупнейших корпораций Соединенных Штатов только 50 наиболее могущественных монополий непосредственно заинтересованы в получении военных прибылей. В этом нетрудно убедиться на следующем характерном примере: в период экономического кризиса в США 1957—1958 годов произошло довольно резкое сокращение прибылей 450 корпо-

раций из 500, в то же время 50 крупнейших военно-промышленных концернов сумели получить на гонке вооружений рекордные барыши.

Уже одно это обстоятельство не могло не породить в деловом мире США острых дискуссий и разногласий по поводу дальнейшего внешнеполитического курса страны и характера средств стимулирования американской экономики.

В Соединенных Штатах ширится число деловых людей, понимающих, что дальнейшее продолжение гонки вооружений не только сопряжено с военной и политической опасностью, но и чревато серьезными осложнениями для американской экономики. Именно поэтому все чаще и громче раздаются в этой стране трезвые голоса, требующие принять вызов Советского Союза на мирное экономическое соревнование, встать на путь развития взаимовыгодной торговли между двумя величайшими державами мира. Среди деловых людей Америки тоже идет напряженная борьба сторонников «холодной войны» против поборников нового, реалистического курса в отношениях с Советским Союзом, со всеми странами социализма. И не случайно поэтому встреча главы Советского правительства с людьми «большого бизнеса» в Экономическом клубе города Нью-Йорка превратилась в арену острой и напряженной борьбы сил света и разума с силами мрака.

...Вместительный зал отеля «Уолдорф-Астория» переполнен. Предприимчивые организаторы обеда расставили десятки столов и на балконах большого биллиардного зала и на третьем ярусе — так велик был наплыв желающих увидеть Н. С. Хрущева, послушать его. На круглых столах, накрытых белоснежными скатертями, горят толстые свечи, оплывая стеариновыми буграми. Слышится звон ножей и вилок, сдержанный шум сотен людей, занятых едой, смех и тосты.

Всюду преобладает один цвет — желто-золотой. Полотнищами золотистого цвета задрапирована головная часть зала, где в три ряда, расположенных один над другим, сидят руководители клуба и самые видные бизнесмены. Здесь и Дэвид Рокфеллер, один из американских королей нефти, и железнодорожный магнат Аверелл Гарриман, и президент правления директоров крупнейшего в стране банка «Чейз Манхэттэн бэнк» Макклой,

н глава «Рэйдно корпорейши оф Америка» генерал Дэвид Сарнов, н миогие другне монополнсты.

Ннкнта Сергеевнч сндит рядом с президентом Экоиомнческого клуба Г. Вудманом, который является также и главой крупиой компании «Интеркемнкэл корпорейшн».

Кончается обед. Со столов убирают догорающне свечи, усиливается льющийся сверху электрический свет. Президент клуба подходит к трибуне и произиосит краткую вступнтельиую речь. Ои говорнт о том, что теперь все сознают исторнческое зиачеиие обмена визитами между Н. С. Хрущевым и Д. Эйзенхауэром. Затем Вудман отмечает, что советский народ может справедлнво горднться своими достижениями в области экономнки. Отдав даиь уважения посланцу великой н могучей Советской державы, президеит приинмается за свое: хвалит, восторгается, славословит тех, кто сидят сейчас за велнколепио сервированнымн столами большого бального зала «Уолдорф-Асторни». Он говорит о них с таким жаром н пафосом, так горячо превозносит америкаиский капнтализм, что кое-кому нз сидящих в зале господ монополнстов стало, навериое, неловко за столь неумереиные комплименты по их адресу.

Следующий оратор — Г. Лодж. Как бы приняв эстафету нз рук Г. Вудмана, он пронзносит страстиый панегирик в честь его величества капитала, мнлостями которого ои так щедро обласкан н возвышен. Казалось, все свое красноречие, весь запал благодариости к сидящим здесь «великим мира сего» вложил ои в свою небольшую, но продуманную до мельчайших деталей речь, расхвалнвая «блага» американского образа жизни, воспевая «мудрость» амернканских предпрннимателей.

Только слепой мог не видеть, как старался Лодж заслужить похвалу этих людей, символизирующих, по его словам, «американское предпринимательство», показать им, что не зря возлагают онн на иего большне надежды.

Позже, позиакомившнсь блнже с жизнью Соедииеиных Штатов Америки, мы ие раз вспомииали это выступленне Лоджа, поражаясь его искусству и, скажем прямо, смелостн изображать белое чериым и иаоборот. Пусть простнт иас чнтатель за то, что в ходе дальнейшего повествования о поездке Н. С. Хрущева по США мы

позволим себе вновь сослаться на это выступление Г. Лоджа.

Деловые люди с нескрываемым удовольствием слушали речь Лоджа, прерывая ее то возгласами одобрения, то шумными аплодисментами. Да и как им было не аплодировать, если их оратор рисовал такую идиллическую картину благоденствующей Америки, где монополистический капитализм преобразился в «экономический гуманизм», где 14 миллионов американцев владеют акциями предприятий американской промышленности, где так много выпускается автомобилей, где так трудно живется предпринимателям, получающим большие доходы, и так удивительно легко тем, кто доходов не получает... Шахтер-углекоп, по словам красноречивого оратора, живет в США куда безбедиее, чем бизнесмен, имеющий миллионные доходы: ведь ему не надо платить высоких подоходных налогов... А как заботится американское государство о народе! «Два миллиона людей живут в домах, строительство которых субсидировалось правительством!» — с пафосом восклицал Лодж.

И что ему было до того, что у нас, в Советском Союзе, не два миллиона, а почти все городское население живет в домах, построенных нашим социалистическим государством или принадлежащих ему, что многие миллионы домов в сельской местности построены у нас при помощи государства.

Что было Лоджу до того, что подавляющее большинство американцев, владеющих акциями промышленных предприятий,— это мелкие, очень мелкие владельцы! Он назвал цифру «14 миллионов акционеров», но умолчал, что лишь около 4 процентов американских семей имеют акций и вкладов на сумму в 10 тысяч долларов и больше. А ведь эти данные были опубликованы Федеральным резервным управлением США, и они весьма убедительно говорили, что в 14 миллионов акционеров г-н Лодж зачислил главным образом тех американцев, которые имеют акций всего лишь на 100 и 200 долларов.

Однако и 4 процента американских семей, имеющих акции и вклады по десять тысяч долларов и выше,— величина весьма условная.

Знакомясь с американскими официальными материалами перед поездкой в США, мы обратили внимание на данные Геллеровского комитета Калифорнийского

университета о том, что прожиточный минимум для американских рабочих составлял в 1958 году 6 тысяч 87 долларов в год на семью из четырех человек. Очевидно, такая семья может жить не плохо, но и не так уж хорошо, учитывая дороговизну квартир, высокие расходы на медицинское обслуживание, на образование. Но как бы то ни было, комитет считает, что указанная сумма и составляет прожиточный минимум для такой рабочей семьи. Для того чтобы обеспечить себе годовой доход в размере такого минимума, человеку надо иметь акции с четырехпроцентным доходом не на 10 тысяч долларов, а на сумму, превышающую 150 тысяч долларов. Надо полагать, что таких семей в США уже не 4 процента, а во много раз меньше.

Так что настоящих акционеров в Соединенных Штатах не так-то уж и много. Их совсем не миллионы, как уверяет г-н Лодж, а небольшая, хотя и очень влиятельная, горстка. И часть этой горстки собралась в роскошном зале отеля — этот, как сказал Н. С. Хрущев, «цвет капиталистического мира Нью-Йорка, да и не только Нью-Йорка».

Такие мысли вызывала у нас речь Г. Лоджа, который говорил о сидящих в зале людях, называя их «творцами и новаторами», обладающими большими способностями и несущими большую ответственность за судьбы страны. И эти «творцы и новаторы», затянутые в торжественно-черные костюмы, благосклонно улыбаясь, слушали своего велеречивого адвоката.

Но вот умолкает и г-н Лодж. Президент Экономического клуба предоставляет слово Никите Сергеевичу Хрущеву. Водворяется такая тишина, что отчетливо слышно, как на втором ярусе кто-то осторожно ставит бокал или рюмку.

Яркая, образная речь Никиты Сергеевича сразу же захватывает внимание даже этих искушенных, слышавших многих ораторов людей. Они не раз прерывают ее аплодисментами, живо реагируя на особенно понравившиеся им места речи высокого советского гостя.

— Я знаю, что капитализм вам нравится, и я не хочу разубеждать вас. Я бы просто унизил свое достоинство, если бы, воспользовавшись гостеприимством, оказанным мне крупнейшими капиталистами, начал бы читать вам

мораль о преимуществе коммунизма. В данной аудитории это — бессмысленное дело. Пусть история нас рассудит! — говорит Н. С. Хрущев. И в ответ слышатся дружные аплодисменты.

— У меня возникает только один вопрос: что побудило господина Лоджа столь страстно доказывать пользу капитализма именно сегодня? Неужели он руководствовался желанием убедить меня перейти в капиталистическую веру? — спрашивает Никита Сергеевич под смех бизнесменов.— Или, быть может, господин Лодж опасается, что если перед капиталистами выступит большевик, то он переубедит их и они перейдут в коммунистическую веру? Хочу успокоить вас: таких намерений у меня нет — я знаю, с кем имею дело.— И вновь взрыв смеха и рукоплескания раздаются под сводами огромного зала.

Очень просто и убедительно Никита Сергеевич говорит о выдающихся достижениях Советского Союза за 42 года Советской власти, о невиданных в истории темпах развития его экономики. Он приводит яркие цифры и факты, показывающие, какие широчайшие перспективы раскрыла перед Советской страной Октябрьская революция. И вот уже смолкает смех, и в зале воцаряется внимательная, настороженная тишина.

— Вы, возможно, со мной не согласны. Но тогда объясните, какими чудесами были достигнуты такие результаты? Какими? — спрашивает у бизнесменов Н. С. Хрущев. Но ответа нет — никто не решается ни соглашаться, ни опровергать.

Глава Советского правительства говорит о гигантском семилетнем плане развития страны социализма, о том, *когда* и *как* Советский Союз намерен обогнать Соединенные Штаты Америки.

— Все мы имеем у себя,— с непоколебимой уверенностью говорит он.— Народ наш сплочен вокруг своего правительства, люди наши горят энтузиазмом, стремятся как можно лучше выполнить свой долг и тем самым еще больше укрепить свой социалистический строй.

Как бы беседуя с этими убежденными сторонниками всевластия капитала, Никита Сергеевич разъясняет им, как глубоко заблуждаются те деятели, которые проводят неумную политику дискриминации в торговле с Советским Союзом и другими социалистическими странами. На лицах некоторых бизнесменов появляется улыбка

недоверия, когда Н. С. Хрущев говорит о том, что в результате политики дискриминации в торговле Советский Союз вынужден был развить производство таких машин, которых он раньше не производил, и все это привело к тому, что Советский Союз стал еще сильнее, чем раньше. Но эти улыбки моментально стираются, гаснут, когда с трибуны раздаются слова:

— Мы открыли секрет использования водородной энергии раньше вас. Раньше вас мы создали баллистическую межконтинентальную ракету, которой у вас фактически нет до сих пор. А ведь баллистическая межконтинентальная ракета — это подлинный сгусток человеческой творческой мысли.

Какой же смысл имеют ваши запреты? Продолжение Соединенными Штатами Америки политики дискриминации Советского Союза в торговле означает попросту бессмысленное упорство.

В зале наступает как бы разрядка. Раздается смех. Многие в знак согласия кивают головами, обмениваются между собой репликами.

А с трибуны звучит уверенный голос человека, знающего цену своим убеждениям, не бросающего слов на ветер:

— Долгое время никто не осмеливался оспаривать у вас вашего первенства. Но вот настало время, когда появилось такое государство, которое принимает ваш вызов, которое учитывает уровень развития Соединенных Штатов Америки и в свою очередь бросает вам вызов. Можете быть уверены, что Советский Союз постоит за себя в этом экономическом соревновании: догонит вас и перегонит.

Вероятно, никогда за всю историю этого торжественно-строгого зала, где звучали голоса именитых особ, миллионеров и миллиардеров, не произносилось ничего подобного. Преисполненные непоколебимой верой в торжество социализма, слова, сказанные с такой нескрываемой гордостью и силой, как бы наполнили собой зал, и эти мастера и гроссмейстеры американского «большого бизнеса» ощутимо почувствовали, что есть такая сила, которая неизмеримо могущественнее, чем власть и воля капитала...

— Я, конечно, не призываю вас, господа бизнесмены, встать на те позиции миропонимания, на которых мы

стоим; думаю, что и вы не претендуете на то, чтобы меня обратить в капиталистическую веру,— видимо, мы уже не в том возрасте,— говорит Никита Сергеевич.— Вы, вероятно, верите в победу вашей системы, а я убежден в победе социализма.

Но у сидящих в зале давно уже не стало той непоколебимой веры в незыблемость капиталистической системы, которая была у них когда-то. Для них становится ясно, что наступают тяжелые времена для некогда всесильного капитала...

— Теперь я готов ответить на ваши вопросы, господа,— говорит Н. С. Хрущев, закончив свое выступление и внимательно вглядываясь в лица банкиров, владельцев предприятий, дельцов, сидящих за столиками.

Слова просит редактор одного из распространенных американских журналов — «Лук», который известен своими отнюдь не прогрессивными статьями и выступлениями. Делая вид, что ему непонятно, как можно сочетать тезис о мирном сосуществовании капиталистических и социалистических государств с положениями научного коммунизма о неизбежности победы коммунистических идей во всем мире, редактор журнала под одобрительные смешки и возгласы людей, собравшихся где-то на втором ярусе, говорит, что, по его мнению, мирного сосуществования капиталистических и социалистических государств быть не может, ибо коммунизм является врагом такого сосуществования.

Свой вопрос редактор читает по бумажке. Он заметно волнуется. Закончив читать написанное, он быстро садится на место.

Водворяется молчание. Сотни глаз испытующе смотрят на советского гостя. Никита Сергеевич выдерживает паузу, а затем медленно, тщательно взвешивая каждое слово, говорит:

— То, что вы задаете такие вопросы, и то, что отдельные господа смеются, еще не выслушав моего ответа, показывает, как плохо они разбираются в существе дела. Люди, хорошо знакомые с историей, знают, что, когда человеческое общество завершало переход от феодализма к капитализму, также шла борьба между старым и новым.

Н. С. Хрущев спокойно разъясняет американским бизнесменам, почему на смену феодализму пришел

капитализм и почему с такой же неизбежностью на смену капитализму идет социализм, коммунизм.

С балкона слышится нервозная реплика:

— Это не конкретный ответ!

И опять возникают смешки, уже не только на втором ярусе, но и за отдельными столиками в зале.

Никита Сергеевич ждет, когда воцарится тишина, и говорит:

— Может быть, вы недовольны существом дела, но такова история развития человеческого общества. Могу лишь добавить то, что говорится в подобных случаях в народе: если девица, родившая ребенка, хочет и впредь считать себя девицей и даже подает в суд, чтобы ее признали таковой, то от этого положение не меняется. Если даже суд и признал бы такую особу девицей, то все равно на деле она уже никогда ею не будет.

Весь зал громко хохочет, долго не утихают аплодисменты. Некоторые еще пытаются что-то выкрикивать, но все присутствующие шикают на них, не дают говорить. Слышатся голоса:

— Просим! Просим!

— Мне говорят,— продолжает Н. С. Хрущев, обращаясь к человеку, задавшему провокационный вопрос,— что Вы являетесь редактором большого журнала. Очевидно, это так? Чего Вы добиваетесь? Вы что, хотите, чтобы я выдал Вам гарантию, что американский народ вечно будет жить в условиях капиталистического общества? Хотите получить рецепт, чтобы удержать капитализм от его гибели? Я не доктор и не могу давать рецептов подобного рода. Вопрос о том, какой строй будет в вашей стране, зависит не от меня и не от Вас. Это зависит от американских рабочих, от американского народа, которые решат, какой строй им избрать. Таким образом, не рассчитывайте, г-н редактор, на успокоительные капли, я их дать Вам не могу.

Никита Сергеевич делает паузу, выжидательно смотрит в зал — никаких реплик больше не слышно.

— Никто не в силах остановить неумолимого хода истории! — продолжает он.— Хочу только подчеркнуть: мы стоим на позициях невмешательства во внутренние дела других государств. Так что за положение в своей стране отвечайте сами!

Деловые люди Америки с шумным одобрением встречают эти слова главы Советского правительства. Они явно отдают должное и ответу своего гостя и тому, как умело поставил он на место тех, кто пытались возвести какую-то преграду недоверия, натянутости между Н. С. Хрущевым и американскими бизнесменами.

Но не всем нравится мирное течение беседы. Ведь некоторые пришли сюда с мыслью «дать бой Хрущеву», «опровергнуть» коммунизм. И люди, далекие от журналистики, по шпаргалкам задают вопросы о том, почему американским журналистам не разрешают посылать из Москвы «любую информацию, какую они захотят», почему в СССР мешают приему радиопередач «Голоса Америки» и других подобных ей радиостанций... Характерно, что и этот вопрос читается по бумажке и задает его человек, который даже не спрашивает на то разрешения,— председательствующий просто оглашает его фамилию.

Глава Советского правительства напоминает таким людям, что он приехал в США по приглашению Президента Эйзенхауэра, и уже в первых беседах с ним было решено не касаться таких вопросов, которые относятся к внутренней компетенции государств. Но такой спокойный ответ лишь раздражает наиболее рьяных сторонников обострения. Раздаются провокационные реплики. В ответ на эти недостойные выходки Никита Сергеевич с чувством исключительного достоинства говорит:

— Господа, если вы пригласили меня, так прошу вас выслушать меня внимательно. Если вы этого не хотите, я могу не говорить. Я приехал в США не как проситель. Я представляю великое Советское государство, великий народ, совершивший Великую Октябрьскую революцию. И не заглушить вам, господа, никакими репликами того, чего достиг, что сделал и что хочет сделать наш великий народ.

Надо было видеть, какое сильнейшее впечатление произвели эти слова. В зале возник шум, всюду раздавались голоса, осуждающие авторов провокационных реплик, а затем наступила мертвая тишина. Никита Сергеевич продолжал:

— Вопрос о том, как и что следует слушать нашему народу,— это дело нашего народа, дело советских людей.

Такие вопросы решает и впредь будет решать сам советский иарод и его правительство без вмешательства извие.

Речь Н. С. Хрущева и его ответы иа вопросы произвели большое впечатление иа представителей деловых кругов.

Встречу главы Советского правительства с деловыми людьми Нью-Йорка можно без всякого преувеличеиия иазвать одиим из цеитральиых событий поездки Н. С. Хрущева в США. Имеиio здесь кое-кто хотел дать ему решающий бой. И эти люди повели свои атаки по заранее отработаииому плану.

Однако события развернулись ие так, как думали оргаиизаторы атак. Деловой мир Америки понял, что такая тактика здесь ие принесет желаемого результата,— их сила встречает еще более сокрушающую силу. Правда, дальше, как бы по инерции, тактика «переспорить Хрущева или умереть» еще дала острую вспышку в Лос-Аижелосе. Но об этом будет более подробио рассказаио в следующей главе.

«Сражеиие проиграно» — так резюмировала америкаиская печать бесславиую попытку определеиных кругов «поставить Хрущева на колеии» в Экономическом клубе Нью-Йорка. Его выступлеиие оказалось иастолько ярким, сильным, убедительным, что один из руководителей Экоиомического клуба сделал следующее заявлеиие:

«Для всех, кто его слышал, ясио, что Хрущев, выступая на своем родном языке, является одним из лучших ораторов в мире. Это иеобычайно сильиый оратор».

Газета «Нью-Йорк таймс», не скрывавшая своих надежд на то, что представители «большого бизнеса» сумеют «взять реваиш за Вашингтои», выиуждеиа была призиать полиейший провал таких расчетов. Ссылаясь на реакцию американских бизнесмеиов, присутствовавших на обеде в Экономическом клубе и слушавших речь Н. С. Хрущева, газета писала: «В этих иаиболее влиятельных кругах американского общественного миения впечатлеиие было самым глубоким». Она приводит слова одного из участииков обеда, который, несмотря на свои антипатии к Советскому государству, выиужден был признать:

— Он (Н. С. Хрущев.— *Авторы*) относится к разряду борцов, которых нельзя сбить с ног... Вы должны увидеть его, чтобы понять.

И даже небезызвестная Маргарита Хиггинс, немало потрудившаяся на поприще разжигания антисоветской истерии в США, начала скрепя сердце по-иному оценивать реакцию американского общественного мнения на выступления главы Советского правительства. В ее статье, опубликованной на страницах газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» тут же по горячим следам, как она выражается, «схватки гигантов» в Экономическом клубе, говорится: «Хрущев добился того, что к коммунисту начинают относиться не как к дьяволу, а как к человеку. Г-н Хрущев победил некоторые страхи и поднял некоторые надежды лишь благодаря тому, что он показал себя человеком».

Первый день пребывания главы Советского правительства в Нью-Йорке, его встречи с властелинами крупнейших банков и монополий дали американским комментаторам обильную пищу для размышлений. В большинстве своем они сходились на том, что Н. С. Хрущев оказался подлинным героем дня. Он завоевал симпатии американцев и как государственный деятель, прибывший с миссией мира и доброй воли, и как человек. Они были восхищены его целеустремленностью, ясностью и точностью суждений, меткостью и остроумием его речей и реплик, умением найти подход к самым разным людям. Его неутомимость и кипучая энергия вызвали всеобщее удивление и уважение.

Эти чувства и настроения особенно ярко отразились в статье «Крисчен сайенс монитор», опубликованной 18 сентября под заголовком «Нью-Йорк оценивает Премьера». Вот что в ней говорится:

«Город Нью-Йорк быстро и остро реагирует на каждое слово советского Премьера Никиты С. Хрущева.

Некоторые из самых могущественных и влиятельных людей в нашей стране имели возможность на завтраке и обеде поближе присмотреться к нему, и они пришли к заключению, что этот русский — блестящий человек.

По мнению некоторых руководителей ведущих корпораций, ни в коем случае нельзя недооценивать этого человека.

Одии из руководящих бизнесмеиов сказал: «По каким-то причииам американский иарод все еще полиостью не осознал достижения и способиости русских, и американцы все еще ие понимают русских».

Другой промышленник заявил: «Это вовсе не случайное совпадеиие, что, когда г-н Хрущев отправился в русский аэропорт, его там ожидали четыре самых больших самолета в мире — «ТУ-114». И это вовсе не случайное совпадение, что русские попали в Луну, построили первый атомный ледокол и запустили первые спутники. С сегодияшнего утра я иачинаю совершенно иными глазами смотреть на будущие задачи нашей экономики».

Изумительиая способность г-иа Хрущева быть приятиым, остроумиым и эффективным произвела большое впечатление в целом на нью-йоркцев — виднейших экономистов, промышленников, финаисистов. Они поражеиы его умением быстро схватывать самую суть вопроса и использовать ее в выгодном для Советского Союза свете».

Подводя итоги первого дня пребываиия Н. С. Хрущева в Нью-Йорке, газета приходит к заключению, что почти все жители города начинают созиавать, что на их глазах происходит событие огромного исторического значения. Повсюду можно слышать такие высказываиия, реплики и замечания: «Мы видим, как делается история», «Это большое дело», «Это чрезвычайно важиый момеит»...

По словам газеты, любая деталь, любой, пусть самый незначительный, эпизод, связаииый с визитом главы Советского правительства в Соедииеииые Штаты, приобретает особое звучание и воспринимается не как заурядное, обычное явление. Наглядным примером может служить случай, происшедший с Никитой Сергеевичем Хрущевым в отеле «Уолдорф-Астория». Направляясь в свои апартаменты, находящиеся иа 35-м этаже гостиницы, советский гость и его спутиики застряли в лифте между 29-м и 30-м этажами. После нескольких мииут тщетных попыток привести лифт в движение Н. С. Хрущев вынужден был встать на табурет, чтобы выйти на площадку 30-го этажа и дальше подниматься пешком.

— Типичиые капиталистические иеполадки,— шутливо заметил ои по поводу этого курьезного эпизода.

— Это сама История,— сказал Лодж, стараясь утешить обескураженную лифтершу мисс Анемоне.— Вы сможете рассказывать об этом своим внукам.

Надо сказать, что на следующий день после встречи Н. С. Хрущева с деловыми людьми Нью-Йорка в адрес главы Советского правительства поступило теплое письмо президента Экономического клуба, в котором давалась очень высокая оценка выступлению Никиты Сергеевича на вчерашнем обеде, а сама встреча была охарактеризована как «эпохальное событие в истории клуба».

По поводу недостойных выходок отдельных лиц, пытавшихся своими выкриками сорвать беседу Н. С. Хрущева с деловыми людьми, г-н Вудман писал:

«Я убежден, что Вы понимаете, как малочисленны они были. Члены клуба и подавляющее большинство гостей были очень заинтересованы в Ваших высказываниях и искренне признательны Вам за готовность отвечать на вопросы в конце такого длинного и тяжелого дня.

Сегодня утром я получил много комментариев по поводу этой встречи. Все они без исключения сводятся к тому, что это было интересное и важное событие. Я вновь хочу поблагодарить Вас от себя лично и от имени всех присутствовавших.

Искренне Ваш

Герберт Вудман».

На следующий же день Н. С. Хрущев направил г-ну Вудману ответное письмо, в котором сердечно поблагодарил президента Экономического клуба за высокую оценку его выступления и отметил, что он не уделяет никакого внимания тем лицам, которые недружественными репликами пытались омрачить встречу главы Советского правительства с деловыми людьми.

«Наша встреча была хорошей деловой встречей,— писал в своем ответном послании Н. С. Хрущев,— и она во многом способствовала улучшению взаимопонимания и укреплению дружественных отношений между Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом.

С искренним уважением

Н. Хрущев».

Так закончилась встреча Н. С. Хрущева с людьми «большого бизнеса».

ТАМ, ГДЕ ЖИЛ РУЗВЕЛЬТ

Широкая лента хорошо накатанного асфальта прорезает кварталы небоскребов, затем бежит мимо восьми-десятиэтажных зданий, мимо притулившихся по обеим сторонам деревянных домиков и, наконец, в течение полутора часов вьется среди холмов и зеленых долин штата Нью-Йорк. Большой знак на белом щите указывает поворот налево: «Гайд-парк — поместье Ф. Д. Рузвельта». Шоссе резко сужается, но по обочинам, чем дальше, тем больше народа, а в маленьком поселке Гайд-парк, состоящем из одной улицы и парка, уже теснятся тысячи людей. У некоторых над головами зонтики: моросит.

Гайд-парк давно стал местом паломничества американцев, которым дорога память о выдающемся президенте США Франклине Делано Рузвельте. Здесь он родился, вырос, и, будучи уже президентом — с 1933 по 1945 год — частенько наведывался в свое любимое поместье.

В тот день, 18 сентября, сюда приехало много американцев. Им хотелось быть свидетелями визита советского гостя в Дом-музей Ф. Рузвельта. Они надеялись увидеть и запечатлеть в своей памяти момент встречи Никиты Сергеевича Хрущева с супругой покойного президента Элеонорой Рузвельт.

Дружественная, спокойная масса людей — среди них много детей с флажками США, с букетиками цветов — ожидала под хмурым небом прибытия Н. С. Хрущева. Но, увы, им довелось в лучшем случае мельком увидеть советского посланца доброй воли. Местная полиция, подкрепленная внушительным отрядом нью-йоркских полисменов, заблокировала все подходы и пути, ведущие к поместью Ф. Рузвельта. Когда Н. С. Хрущев и его супруга, а также другие советские гости оказались на территории поместья, то кроме г-жи Э. Рузвельт, ее родственников и друзей, полицейских и оттесненных на солидную дистанцию представителей прессы больше никого вокруг не было.

Г-жа Элеонора Рузвельт позднее сказала советским корреспондентам: «Прибыв в Гайд-парк, г-н Хрущев сообщил мне, что он приехал сюда не для развлечения,

а для того, чтобы выразить уважение памяти великого человека. Я поняла это и оценила. Но мне очень хотелось показать ему как можно больше, показать ему наше подлинное гостеприимство, и я очень сожалею, что его окружили такой полицейской защитой, в которой не было надобности».

Посещение Гайд-парка главой Советского правительства само по себе явилось демонстрацией того большого уважения, которое питают советские люди к памяти Франклина Делано Рузвельта. С ним связано много светлых страниц в истории развития советско-американских отношений тридцатых и первой половины сороковых годов: установление дипломатических отношений между Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом; совместная борьба в рядах антигитлеровской коалиции против общего врага — фашистских агрессоров; исторические конференции в Тегеране и Ялте, обеспечившие договоренность между Советским Союзом, США и Англией по важнейшим вопросам ведения войны и мирного урегулирования; закладка фундамента Организации Объединенных Наций.

...Президент Рузвельт внезапно скончался 12 апреля 1945 года. За несколько часов до своей смерти он готовил речь, которую должен был произнести на следующий день по радио в связи с празднованием «Дня Джефферсона».

«Работа, мои друзья,— читаем мы в этой непроизнесенной речи,— заключается не просто в том, чтобы завершить войну, а в том, чтобы положить конец всем войнам, да — именно конец навсегда этому нереалистичному, дорогостоящему урегулированию разногласий между правительствами посредством массового убийства людей».

В своих выступлениях времен второй мировой войны Ф. Рузвельт предостерегал от «незавершенного мира» — мира, в котором будут сохранены остатки войны. «Я содрогаюсь при мысли о том, что произойдет с человечеством, в том числе и с нами, если эта война закончится незавершенным миром, и новая война вспыхнет, когда нынешние дети достигнут призывного возраста»,— писал Ф. Рузвельт в своем послании к конгрессу 7 января 1943 года.

Главнейшим элементом обеспечения прочного, длительного мира Франклин Рузвельт считал «искоренение

всех милитаристских влияний в общественной, частной и культурной жизни Германии».

...Г-жа Рузвельт, высокая худощавая женщина, сохранившая удивительную живость, несмотря на свои 75 лет, встречает прибывших гостей у ограды из аккуратно подстриженного кустарника, окаймляющей место, где похоронен Франклин Рузвельт. Она представляет Н. С. Хрущеву и его супруге своего сына Джона, его жену и других родных и близких ей лиц. Взяв Никиту Сергеевича и Нину Петровну под руки, она проводит их к скромному гранитному памятнику.

— Он не хотел, чтобы его хоронили под мемориальной плитой,— сообщает г-жа Рузвельт,— он предпочитал, чтобы над ним было небо.

Н. С. Хрущев возлагает венок из орхидей и роз у памятника Рузвельту. Надпись на венке по-русски и по-английски гласит: «Выдающемуся государственному деятелю Соединенных Штатов Америки, борцу за прогресс и мир между народами — Президенту Франклину Рузвельту».

Склонив головы, все стоят в торжественном молчании.

Начинается осмотр мест и предметов, связанных с памятью о покойном президенте. Г-жа Рузвельт показывает на старую сосну и рассказывает, как еще подростком Франклин Рузвельт любил залезать на ее вершину с коллекцией почтовых марок, воображая себя капитаном океанского судна, исследующим далекие земли. «Таким образом он изучал географию»,— сообщает г-жа Рузвельт.

Несколько минут гости проводят в доме, где родился, рос и отдыхал иногда летом, уже будучи президентом, Ф. Рузвельт.

Затем они проходят в другой дом, служивший Ф. Рузвельту в качестве библиотеки, а ныне превращенный в музей. Помимо личных реликвий Ф. Рузвельта — его кресла из Белого дома, письменного прибора, писем, книг — здесь хранятся подарки, полученные им из других стран. Г-жа Рузвельт показывает своим гостям портрет ее мужа, написанный советским художником А. М. Герасимовым по эскизам, сделанным на конференции в Тегеране. На стене музея висит также портрет-ковер с изображением президента Ф. Рузвельта. Его

автор — ныне покойный ковроткач Армении Довлат Горанфелян. Этот ковер соткан более чем из 600 гысяч узлов, в которых использовано свыше 150 всевозможных цветов и оттенков ниток. Портрет экспонировался в Ереване, а потом был послан в дар президенту Ф. Рузвельту.

Во время осмотра Дома-музея Франклина Рузвельта Н. С. Хрущев заявил в беседе с г-жой Элеонорой Рузвельт:

— Мы считали необходимым посетить Дом-музей и могилу Президента Франклина Рузвельта и воздать должное его памяти. У нас сохранились очень хорошие воспоминания о Президенте, так много сделавшем для улучшения отношений между нашими странами и для упрочения мира.

Визит в Гайд-парк завершился краткой остановкой советских гостей в доме, где сейчас живет г-жа Рузвельт. Нужно было торопиться: через два с половиной часа предстояло выступление Н. С. Хрущева в Организации Объединенных Наций.

Сердечно поблагодарив г-жу Рузвельт за радушный прием и тепло с ней попрощавшись, Н. С. Хрущев и Нина Петровна отбыли в Нью-Йорк.

МИР БЕЗ ОРУЖИЯ — МИР БЕЗ ВОЙН

Четырнадцать лет прошло с тех пор, как была создана Организация Объединенных Наций.

С ее трибуны прозвучало много речей. Возвышенные слова ее Устава «избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе», «жить вместе в мире друг с другом, как добрые соседи», приобрели силу торжественного международного обязательства для вошедших в нее государств.

Одни ораторы поднимались здесь на высокую трибуну, чтобы от имени и по поручению своих правительств бороться за последовательное претворение в жизнь благородных миролюбивых принципов, другие использовали свое красноречие, стремясь выдать черное за белое, прикрыть завесой слов политику, несовмести-

мую с этими принципами. Опытные переводчики в своих стеклянных будках с виртуозной быстротой воспроизводили на других языках эти речи — то искренние, то лживые, то исполненные заботы о благе человечества, то враждебные его интересам. Делегаты слушали, как правило, внимательно, а иной раз с пятого на десятое, в зависимости от важности, которую они придавали вопросу, от личности оратора, от влияния представляемой им страны.

На следующий день, а иногда в тот же день речи становились известными читателям газет, радиослушателям, телезрителям. Даже те органы реакционной печати, которые специализировались на дезинформации, не всегда отваживались грубо фальсифицировать документы Организации Объединенных Наций: могли возникнуть протесты и вообще неприятности.

Широкая общественность получала возможность сравнивать, взвешивать, оценивать, выносить суждение.

Само существование такого международного форума, открытого взорам всех народов, каким является Организация Объединенных Наций, играет несомненную положительную роль в борьбе миролюбивых сил. Когда кто-либо выходит на трибуну Организации Объединенных Наций с недобрыми целями и желанием скрыть свою истинную позицию, все равно при сопоставлении с другими выступлениями и с фактами эта позиция в конце концов так или иначе оказывается раскрытой.

Каждая сессия Генеральной Ассамблеи привлекает к себе большой интерес широких кругов в самых различных странах. Приблизит ли она цель, ради которой создана Организация Объединенных Наций? Будут ли на ней высказаны мысли, внесены предложения и, самое главное, приняты меры, эффективно содействующие упрочению мира во всем мире?

Ораторов, бравших слово в Организации Объединенных Наций от имени Советского правительства, простые люди всегда встречали и провожали аплодисментами. Каждый шаг в деятельности Советского Союза неизменно направлен на обеспечение прочного мира между народами. Лишь в той мере, в какой Организация Объединенных Наций станет подлинным инструментом мира и международного сотрудничества, она выполнит свои прямые обязанности, возложенные на нее народами.

Именно по инициативе Советского Союза еще на первой сессии Генеральной Ассамблеи в январе 1946 года была единогласно утверждена резолюция, предусматривавшая, что будут приняты конкретные меры по разоружению и запрещению ядерного оружия.

Именно СССР предложил — также принятую единогласно — резолюцию, осудившую пропаганду войны, в какой бы форме она ни велась.

Именно Советское государство последовательно выступает за то, чтобы Организация Объединенных Наций стала подлинно универсальной международной организацией.

Именно Советский Союз неизменно защищает в Организации Объединенных Наций интересы малых стран и новых государств, народы которых недавно сбросили иго колониализма, отстаивает права человека, выступает в поддержку угнетенных и обездоленных.

Прежде всего советские представители беспощадно срывали маску миротворцев со всех, кто когда-либо пытались воспользоваться флагом Организации Объединенных Наций для прикрытия агрессии, неблаговидных замыслов и шагов, враждебных интересам мира и безопасности.

Борьба за разоружение, которую Советский Союз ведет в Организации Объединенных Наций с самого ее основания, навсегда останется в памяти народов как яркий пример служения человечеству.

Но еще никогда за все четырнадцать лет существования Организации Объединенных Наций люди не ловили каждое слово, сказанное на заседании Генеральной Ассамблеи, с таким напряженным вниманием, как в памятный день 18 сентября 1959 года. Что именно будет сказано на этом заседании, известно не было, но каждый знал, что будут высказаны мысли и предложены меры, имеющие историческое значение для всех народов.

Едва было объявлено, что Н. С. Хрущев выступит с трибуны Организации Объединенных Наций, со всех концов США в секретариат Организации посыпались письма с одной настоятельной просьбой: дайте билет в зал заседаний Генеральной Ассамблеи на 18 сентября.

«Не расходуйте зря почтовые марки: свободных мест в зале 18 сентября не будет»,— оповестил через прессу

секретариат Организации Объединенных Наций. Но письма с просьбами о билетах продолжали идти, и сотрудники секретариата хватались за голову, оказавшись перед лицом столь беспрецедентного интереса к предстоящему заседанию Генеральной Ассамблеи.

Со сложными проблемами столкнулся протокольный департамент Организации Объединенных Наций, распределявший драгоценные билеты среди самих делегаций. До последней минуты число билетов, выданных каждой делегации, держалось в тайне. Опасались дипломатического скандала. Количество полученных билетов стало вопросом престижа. А ведь приходилось подумать еще о «шестой великой державе» — прессе. Только одна нью-йоркская газета запросила билеты для своих двадцати трех фоторепортеров, а в целом поступило свыше 1200 заявок от представителей печати.

В зале заседаний Генеральной Ассамблеи имеется 2138 мест, из них для публики — 816, для делегаций — 1088 и остальные — для прессы. Но, пожалуй, и самого большого стадиона не хватило бы, чтобы вместить всех желающих присутствовать при выступлении главы Советского правительства.

На выручку пришло телевидение и радио. Помимо обычных линий и каналов, имеющихся в здании Организации Объединенных Наций, были установлены дополнительные телевизионные аппараты и микрофоны всех крупнейших американских и международных радиовещательных компаний.

Настроения, царившие в кругах Организации Объединенных Наций накануне выступления Н. С. Хрущева, подытожил корреспондент влиятельной американской газеты «Крисчен сайенс монитор» Уильям Фрай. 15 сентября он писал: «Визит советского Премьера Никиты Хрущева, как думают здесь, в ООН, должен задать тон отношениям между государствами Запада и Востока... Организация Объединенных Наций является в этой связи своего рода увеличительным стеклом и зеркалом».

И вот большой день в истории Организации Объединенных Наций настал. Набережная Ист-ривер, прилегающие к ней авеню и улицы заполнились людьми, стремившимися хотя бы мельком увидеть «краешек» этого знаменательного события...

Сюда же стянулись группы отмобилизованных фашиствующих элементов. Они рассчитывали взять реванш за фиаско, которое потерпели 17 сентября, когда попытались вылезть на поверхность со своими заранее отрепетированными антисоветскими «демонстрациями». Но и тут, как и в предыдущие дни, вокруг них были тысячи американцев. Они знали, как реагировать на враждебные выходки. Теплая волна симпатии, радушия, доброжелательства сразу смяла и подавила жалкую возню фашиствующих хулиганов.

Возгласы «О'кей, Хрущев!», «Уэлком!», «Гуд лак!» (Хорошо, Хрущев! Добро пожаловать! Желаем счастья!) встретили главу Советского правительства на подходах к зданию Организации Объединенных Наций и провожали его, пока за членами советской делегации не закрылись двери главного подъезда.

В здании Н. С. Хрущева приветствовал генеральный секретарь Организации Объединенных Наций Даг Хаммаршельд. Он проводил высокого советского гостя и сопровождающих его лиц в зал Генеральной Ассамблеи.

18 сентября 1959 года в 3 часа дня по нью-йоркскому времени слово на заседании XIV сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций было предоставлено главе Советского правительства. Делегаты, поднявшись с мест, бурей рукоплесканий встретили Н. С. Хрущева.

Мы часто употребляем выражение «высокая трибуна Организации Объединенных Наций» в переносном, символическом смысле, и это, конечно, целиком оправдано. В реальном своем воплощении трибуна Организации Объединенных Наций представляет собой обыкновенную ораторскую трибуну, которая помещена справа от длинного стола председателя, если смотреть в зал. Председательствующий на сессии перуанский представитель В. Белаунде обращается к Н. С. Хрущеву с официальным приветствием от имени делегатов. И вот уже делегаты, гости, многочисленные корреспонденты, места которых находятся в глубине зала, видят, как человек, всего себя без остатка посвящающий борьбе за мир и счастье людей, поднимается на трибуну, призванную служить этой борьбе. В данном случае она больше, чем когда-либо, отвечает своему назначению.

Среди присутствующих немало таких, за плечами у которых большой опыт политической деятельности, дипломатической или журналистской работы. Про многих смело можно сказать: они видывали виды! Они привыкли к речам, слушали выдающихся ораторов, сами иной раз являются страстными полемистами, и международные заседания для них — рутина, повседневность. Кое-кому, быть может, больше было бы по душе, если бы сегодняшний оратор, который уже приготовился говорить, вовсе не появлялся в этом зале и на этой трибуне.

Но что поделаешь — на трибуне глава правительства Союза Советских Социалистических Республик, неутомимый борец против темных сил, горько оплакивающих те времена, когда можно было безнаказанно грабить и эксплуатировать народы, развязывать войны и так было легко вести игру округлых привычных фраз, пряча за ними от непосвященных то, что надлежит спрятать. Многие из них все еще продолжают следовать старому, но не устаревшему изречению: «Зло подобает прикрашивать словами».

Так было уютно! Взять хотя бы Лигу наций (казалось бы, так недавно — ах, как бежит время!). В ней никто, конечно, за исключением советских представителей, не говорил: «Предложение господина такого-то рассчитано на наивных людей, коварно, и для нас не может быть и речи о его обсуждении». Нет! Говорили иначе: «Блестящая идея, выдвинутая моим талантливым коллегой, несомненно, представляет чрезвычайный интерес. Она столь глубока, что я, не будучи, к сожалению, в состоянии сразу постигнуть ее, вынужден все же заявить об определенных достоинствах и предложить со своей стороны создать комитет экспертов для ее всестороннего изучения и представления тех соображений, которые должны быть представлены».

«Золотое время», не правда ли...

Едва ли мы допустим преувеличение, предположив, что среди присутствующих были и такие, кто предавались подобным воспоминаниям, готовясь выслушать речь главы правительства социалистической державы, которая первой запустила спутники и какую-нибудь неделю назад доставила свой вымпел на Луну. Во всяком случае, и они, как и все, кто находились в зале, затаили дыхание. Н. С. Хрущев начал свое выступление.

Первым чувством, охватившим слушателей,— как бы они ни относились к Советскому Союзу, к социализму, лично к Н. С. Хрущеву — было: редко доводилось слышать что-либо подобное по силе убедительности. Нельзя, конечно, претендовать на знание чужих мыслей, но если люди спрашивали себя, почему это так, то искренним ответом каждого могло бы быть прежде всего одно: потому что все, что он говорит, *правда*. Правда во всей ее полноте, без замалчиваний, без приукрашивания, простая и неопровержимая, как жизнь.

Правда о самой Организации Объединенных Наций, рожденной в суровое время, когда не умолк еще гул сражений второй мировой войны, о том, что Организация Объединенных Наций сама по себе является воплощением идеи сотрудничества государств с различным социальным и политическим строем, о том, что, хотя прошло четырнадцать лет, цели, ради которых она была основана, еще не достигнуты. Правда о положении в современном мире, над которым нависают тучи новой военной опасности, принимающей временами грозовой характер, о том, что напряженность в международных отношениях не может продолжаться вечно, что народы ожидают от Организации Объединенных Наций бóльших усилий в деле создания обстановки доверия и взаимопонимания между государствами и упрочения всеобщего мира.

— В международных делах, в решении спорных проблем,— говорил Н. С. Хрущев,— успех возможен, если государства будут ориентироваться не на то, что разделяет современный мир, а на то, что сближает государства. Никакие социальные и политические различия, никакие расхождения в идеологии и религиозных убеждениях не должны мешать государствам — членам ООН договориться о главном — о том, чтобы принципы мирного сосуществования и дружественного сотрудничества свято и неукоснительно соблюдались всеми государствами.

Организация Объединенных Наций гораздо успешнее выполнит свою благородную роль, если сама сумеет очиститься от элементов «холодной войны», нередко сковывающих ее деятельность. В частности, «холодная война»,— отмечал Н. С. Хрущев,— породила нетерпимое положение, при котором Китайская Народная Респуб-

лика, одна из крупнейших держав мира, лишена своих законных прав в Организации Объединенных Наций. Почему Китай должен быть представлен в ООН трупом реакционного Китая — кликой Чан Кай-ши? Давно уже настала пора поступить с ним так, как поступают все народы с трупом,— вынести его вон, чтобы свое законное место в ООН мог заиять действительный представитель китайского народа, выражающий его интересы.

Когда Н. С. Хрущев говорил об этом, взоры невольно обратились к месту, перед которым установлена табличка с надписью «China». Оно было пустым. То обстоятельство, что чанкайшист счел за лучшее не появляться на заседании, было наглядной иллюстрацией к метким словам Н. С. Хрущева. Аплодисменты, которыми были встречены эти слова, показали, насколько широко в самой Организации Объединенных Наций понимание того, что восстановление законных прав народного Китая в огромной степени поднимет авторитет ООН и послужит серьезным вкладом в общее оздоровление международной обстановки.

Со всей решительностью Н. С. Хрущев заявил, что Советское правительство считает ликвидацию «холодной войны», укрепление мира и мирное сосуществование государств не только неотложным, но и вполне реальным делом. Сейчас, подчеркнул он, сложились необходимые условия для крутого поворота к лучшему в международных отношениях, для *полной* ликвидации «холодной войны» в интересах всего человечества.

И опять-таки все почувствовали, что это правда, что такова реальность современной мировой ситуации, и, каких бы взглядов ни придерживался тот или иной политик, дипломат, журналист, он не мог не согласиться с тем, что это так, не мог не ощутить огромную убедительность этих слов. Чтобы подтвердить их, обосновать выдвинутое положение, Н. С. Хрущев проанализировал последние изменения на международной арене.

Это был глубокий, строго научный и потому неопровержимый анализ, произвести который можно лишь во всеоружии марксистско-ленинской теории. Еще раз была наглядно продемонстрирована огромная сила учения марксизма-ленинизма в приложении к международным проблемам. Знание объективных закономерностей развития осветило ярким светом то, что многим, быть

Внимание всего мира было приковано к этому небоскребу — зданию Организации Объединенных Наций в день, когда Н. С. Хрущев произносил здесь свою речь о всеобщем и полном разоружении.

Никогда в Большом зале Организации Объединенных Наций не бывало так много людей. Никогда так внимательно не слушали оратора собравшиеся здесь представители более чем

80 стран и многочисленные гости. Н. С. Хрущев говорил о всеобщем и полном разоружении, о мире и дружбе между народами.

Что может выразить красноречивее этих улыбающихся, приветливых лиц простых американцев, как рады они встретить

главу Советского правительства, как отвечают их надеждам его слова о дружбе между двумя великими странами.

Центральиая улица Лос-Анжелоса.

Лос-Аижелос — город, зиамеиитый Голлнвудом, кииомастерской Соединенных Штатов. Сразу же по приезде в город Н. С. Хрущев отправился на киностудию «XX век-Фокс», где его приветствовалн хозяин студии Спирос Скурас и Эрик Джонстои — одни из видных кинопредпринимателей Америки.

По дороге из Лос-Аижелоса в Саи-Фраициско Н. С. Хрущев оживленно беседует с сопровождающими его американцами.

18

Не успевал поезд, на котором из Лос-Анжелоса в Сан-Франциско ехал Н. С. Хрущев, остановиться на промежуточных станциях, как сотни людей спешили пожать руку главе Советского правительства. Малыш оказался счастливым, он даже посидел на руках у знаменитого «дедушки Хрущева».

«Счастливого вам путешествия!» — кричат Н. С. Хрущеву молодые американцы.

Тысячи людей выходили навстречу поезду, поднимали в приветствии руки. И часто в этих руках были такие плакаты,

какой вы видите справа у американца: «Разоружение! С контролем или без него».

Сан-Франциско встретил главу Советского правительства с необычайным радушием и сердечностью. Десятки тысяч людей заполнили небольшую площадь перед гостиницей. Полицейские едва сдерживали приветливых, улыбающихся американцев. Н. С. Хрущев поднялся на балкон гостиницы и тепло отвечал на приветствия.

И большой продовольствениый магазин, и столовая самообслуживаиия — все иитересовало Н. С. Хрущева.

может, представлялось неясным и туманным и что некоторые хотели бы намеренно затемнить, запутав легковерных людей, вызвав у них настроения пессимизма и создав впечатлеиие, будто положение безвыходно и нет другого пути, кроме продолжеиия «холодиой войны».

То, что говорил Н. С. Хрущев, восприиималось, однако, ие только как четкий, безукоризиеииый анализ, построенный на учете важиейших фактов действительности. Его речь, заставляя работать мозг слушающих, вызывала вполие определениые образы; вероятно, у разиых людей они выливались в разные формы; каждый представлял себе что-то по-своему, но безусловно, что для всех это «что-то» во миогом было одним и тем же.

Коиечио, каждый думал — не мог не думать — о своей стране, о тех, кого он здесь представляет, думал о том, что близко ему, ио, иезависимо от этого, возникал образ Советского государства, советского иарода, приступившего к развернутому строительству коммунистического общества; образ дружной семьи социалистических страи, где нет пасыиков, где все равиы; образ тружеиика, творца, свободного человека, увереиио идущего по своему пути. Может быть, кто-то мыслеино видел скульптуру Веры Мухииой у Выставки достижений иародного хозяйства СССР, кто-то представлял себе советский вымпел на лунной равнине — трудно сказать...

Чувствовалось: за каждым словом Н. С. Хрущева — могучая Советская держава, сплоченный социалистический лагерь, миролюбивое человечество, стремящееся жить без «холодиой войиы», без гонки вооружений, без постояниой тревоги за мир, за свое будущее.

— Народы,— говорил Н. С. Хрущев,— ие могут позволить, чтобы противоестествеииое состояиие «холодной войны» продолжалось и дальше, как не могут они позволить свирепствовать эпидемиям чумы и холеры.

Разумеется, при различном подходе государств к оцепке спорных вопросов, несходстве во миениях о причииах иыиешней международиой напряженности надо быть готовым к тому, что преодоление разногласий потребует от правительств настойчивых усилий, выдержки и государственной мудрости. Пришло время, указал Н. С. Хрущев, когда усилия Организации Объединенных Наций должны быть дополиеиы усилиями глав правительств всех государств, усилиями широчайших народ-

ных масс, выступающих за мир и безопасность народов. Все говорит за то, что настала пора открыть полосу международных переговоров, совещаний и встреч государственных деятелей с тем, чтобы один за другим находили свое решение назревшие международные вопросы.

Из многочисленных международных проблем, которые должны быть урегулированы и в одних случаях касаются взаимоотношений отдельных государств, в других затрагивают интересы народов ряда стран и континентов, Н. С. Хрущев поставил в своей речи важнейшую — ту, решения которой с надеждой ждут все народы, независимо от сложившихся общественных отношений и уклада жизни. Это проблема разоружения.

Ее значение общеизвестно.

— От того, удастся ли,— говорил Н. С. Хрущев,— найти правильное решение этой проблемы, будет во многом зависеть, куда пойдет человечество: к войне с ее катастрофическими последствиями или восторжествует дело мира.

Н. С. Хрущев никого не запугивал, когда он напомнил некоторые факты о возможных последствиях новой мировой войны в условиях существования ядерного оружия, которое практически беспредельно по своей силе.

Известно, что при взрыве одной водородной бомбы высвобождается такая энергия разрушения, которая больше, чем энергия всех взрывов, произведенных всеми странами за все войны.

Известно также, что при наличии межконтинентальных баллистических ракет на земле не осталось ни одного пункта, недосягаемого для современного ядерного оружия. Если разразится новая мировая война, то жертвы будут исчисляться не сотнями тысяч, а сотнями миллионов человеческих жизней. Война не пощадила бы и будущие поколения. Радиоактивное заражение земной атмосферы еще долго уносило бы многие жизни.

От имени Советского правительства Н. С. Хрущев внес предложение о радикальном решении проблемы разоружения, таком, какое выведет ее из тупика и на практике устранит возможность возникновения военных конфликтов.

— *Суть наших предложений,*— заявил он,— *состоит в том, чтобы в течение четырех лет все государства осуществили бы полное разоружение и не имели больше средств ведения войны.*

Можно себе представить, что кое у кого захватило дух, когда они услышали эти смелые, четкие, не допускающие кривотолков слова. Просто и ясно: сухопутные армии, военно-морские флоты и военно-воздушные силы, генеральные штабы, военные министерства, военные учебные заведения не должны более существовать. Военные базы на чужих территориях должны быть упразднены. Все атомные и водородные бомбы, а также военные ракеты, имеющиеся в наличии, должны быть уничтожены, их производство прекращено. В распоряжении государств должны остаться лишь строго ограниченные согласованные контингенты полиции (или милиции), вооруженные легким стрелковым оружием и предназначенные исключительно для поддержания внутреннего порядка и обеспечения личной безопасности граждан.

— *Чтобы никто не мог нарушить свои обязательства,*— продолжал Н. С. Хрущев,— *мы предлагаем учредить международный контрольный орган с участием всех государств.*

Какое жестокое разочарование для тех, кто на протяжении ряда лет срывали принятие любых согласованных мер по разоружению под предлогом, что, мол, невозможно обеспечить эффективный контроль за их осуществлением! Совершенно определенно и ясно Н. С. Хрущев сказал:

— *Если разоружение будет всеобъемлющим и полным, то по его завершении и контроль будет также всеобщим и полным.* Государствам нечего будет скрывать друг от друга: ни одно из них не будет располагать оружием, которое можно было бы поднять против другого, тогда контролеры смогут вовсю проявить свое усердие.

Опять-таки это великая правда, убедительная, как сама жизнь. Предлагается верный выход из тупика, создавшегося в вопросе о разоружении по вине определенных кругов, которые извлекают выгоду из гонки вооружений. Именно в радикальности плана, представленного Советским правительством на рассмотрение Организации Объединенных Наций, залог его осуществимости. Отсутствие у государств материальных средств ведения войны — это наиболее прочная гарантия мира, отвечающая интересам огромного большинства населения земли.

Только на средства, затраченные на военные нужды за последние десять лет, можно было бы построить более 150 миллионов домов со всеми удобствами. Проведение

полного и всеобщего разоружения позволило бы переключить огромные средства на строительство школ, больниц, производство продовольствия и промышленных товаров. Отпали бы искусственные преграды на пути развития международной торговли. Можно было бы существенно снизить налоги и цены. Н. С. Хрущев особо остановился на том, что появились бы совершенно новые возможности для оказания помощи странам, экономика которых развита еще слабо и нуждается в содействии со стороны более развитых стран.

По данным американской печати, для того чтобы предотвратить дальнейшее увеличение разрыва между уровнем жизни в странах со слаборазвитой экономикой и в западных государствах, слаборазвитым странам требуются капиталовложения в размере 40 миллиардов долларов в год. Между тем пока эти капиталовложения — и внутренние, и делаемые за счет иностранных источников — составляют в год всего лишь 15 миллиардов долларов. Разве не преступно тратить на вооружение огромные суммы, когда, по подсчетам бывшего секретаря Экономической комиссии Организации Объединенных Наций для Европы Мюрдаля, почти две трети населения капиталистического мира («несоветского мира», как он пишет) недоедают, причем 70 процентов из этого количества живут в Азии и 18 — в Африке и Латинской Америке?

С осуществлением всеобщего разоружения исчезнут подозрительность и страх, страны и народы смогут относиться друг к другу с полным доверием и действительно жить вместе в мире, как добрые соседи. Впервые надежный и прочный мир станет реальной действительностью.

— Само собой разумеется,— указал Н. С. Хрущев,— что если в настоящее время в силу тех или иных причин западные державы не выразят готовность пойти на всеобщее и полное разоружение, то Советское правительство готово договориться с другими государствами о соответствующих частичных шагах по разоружению и упрочению безопасности.

Глава Советского правительства перечислил наиболее важные из таких шагов: создание зоны контроля и инспекции с сокращением иностранных войск на территориях соответствующих стран Западной Европы; создание в Центральной Европе безатомной зоны; вывод всех иностранных войск с территории европейских государств

и ликвидация военных баз на чужих территориях; заключение пакта о ненападении между странами — участницами НАТО и странами — участницами Варшавского договора; соглашение по вопросу о предотвращении внезапного нападения. Н. С. Хрущев напомнил также о предложениях Советского правительства по вопросу о разоружении, сделанных 10 мая 1955 года, и подчеркнул, что, по убеждению Советского правительства, они являются хорошей основой для достижения договоренности.

Советские предложения о всеобщем и полном разоружении, внесенные Н. С. Хрущевым, были изложены в розданной делегатам Генеральной Ассамблеи «Декларации Советского правительства».

...Время идет незаметно, пока говорит Н. С. Хрущев. Каждая фраза, каждая мысль глубоко обдумана, проникнута неутомимой заботой о благе людей. Поэтому с таким всепоглощающим вниманием слушают речь все: и делегаты государств социалистической системы, и представители ранее колониальных стран, недавно добившихся независимости, и делегаты старых капиталистических государств.

Здесь, в Организации Объединенных Наций, представлены почти все страны мира, этим и определяется ее значение, говорит Н. С. Хрущев. Эти страны объединились, чтобы совместно рассматривать назревшие проблемы международных отношений. Если два или несколько государств не в состоянии договориться между собой, то Организация Объединенных Наций должна им помочь, должна сглаживать острые углы, которые могут приводить к конфликтам, обострениям, войнам.

Почему же происходит так, что в ряде случаев Организация Объединенных Наций не выполняет своих функций, а иной раз неправильной постановкой вопросов вносится даже излишнее обострение в отношения между государствами?

Н. С. Хрущев дает и на этот вопрос четкий, ясный и убедительный ответ. Он убедителен потому, что верен. Все, кто присутствуют в зале, знают, что это так. Все здесь знают — хотя не всем приятно в этом признаться,— что некоторые государства — члены Организации Объединенных Наций не относятся к этому органу с должным уважением, стремятся использовать его в своих узкокорыстных интересах. Все понимают — хотя

опять-таки кое-кто не хочет высказать этого вслух,— что международная организация не может эффективно действовать в пользу мира, если внутри ее имеется группа стран, которая проводит политику навязывания воли одних государств другим. И многие хорошо понимают, что если дело будет и дальше развиваться в таком направлении, то это в конце концов может привести к развалу Организации Объединенных Наций, как случилось в свое время с Лигой наций.

— Особенность правильно действующего международного органа заключается в том,— говорит Н. С. Хрущев,— что здесь вопросы должны решаться не формальным подсчетом голосов, а путем разумных и терпеливых поисков справедливого решения, приемлемого для всех. Ведь нельзя себе представить, что государства, вопреки воле которых принимается несправедливое решение, согласились бы его выполнять. У них остается от этого горький осадок...

Большинство при голосовании — это переменная величина. Н. С. Хрущев предупреждает, что эта величина может измениться не в пользу тех, кто сейчас столь часто делает ставку на механизм голосования. Что посеешь, то и пожнешь!

Самая разумная и дальновидная политика — это политика совместных поисков взаимоприемлемых решений, продиктованных исключительно заботой об обеспечении мира во всем мире и невмешательстве во внутренние дела других государств.

Нельзя не вспомнить здесь о том, какими замечательными символами искреннего стремления СССР к международному сотрудничеству и миру явились дары Советского Союза Организации Объединенных Наций: модель первого искусственного спутника Земли и скульптура Е. Вучетича «Перекуем мечи на орала».

Свою речь Н. С. Хрущев закончил заверением в том, что в лице Советского Союза Организация Объединенных Наций будет иметь и впредь самого активного участника во всех усилиях, направленных на избавление человечества от бремени вооружений и упрочение мира во всем мире. Бурная овация покрыла его заключительные слова. Весь зал встает. Председатель Генеральной Ассамблеи благодарит Н. С. Хрущева от имени делегатов.

В истории Организации Объединенных Наций не было еще выступления государственного деятеля, которое произвело бы такое впечатление, как речь Н. С. Хрущева, говорят старые сотрудники Организации Объединенных Наций.

А за стенами зала? За стенами здания ООН?

В двадцатых числах сентября, еще до отъезда Н. С. Хрущева из Соединенных Штатов, на имя постоянного представителя Советского Союза в Организации Объединенных Наций А. А. Соболева пришло письмо от двух американок — г-жи Фэйт Линн и г-жи Эдны Сильвии. «Мы не сентиментальные девочки, а взрослые люди, которые думают и читают, которые хотят слышать и узнавать»,— пишут они о себе. Они пытались достать билеты в Организацию Объединенных Наций в день, когда там выступал Н. С. Хрущев, но это им не удалось. Они слушали выступление по радио.

«Это выступление должно войти в историю, как одно из величайших заявлений, сделанных человеком,— пишут две простые американки.— Он все продумал и говорил с безупречной логикой... Когда он говорил о мире и справедливости для всего мира, это прозвучало как защита всего жаждущего человечества».

«Когда я читала выступление Премьера Хрущева на сессии Генеральной Ассамблеи ООН,— пишет из Японии токийская домохозяйка г-жа Вако Такавара, адресовавшая свое письмо в редакцию газеты «Асахи»,— мое сердце наполнилось светлыми надеждами. Если все страны договорятся о полном разоружении, огромные средства пойдут на улучшение нашей жизни. Я не могу не пожелать, чтобы страны вместо гонки вооружений развернули соревнование по обеспечению своего народа жилищами, хлебом, молоком, одеждой».

Мы привели только два письма. Но письма шли потоком в советское представительство в Организации Объединенных Наций, в редакции газет и журналов, в Москву и Вашингтон. Это был поток писем от простых людей многих стран, людей, которые думают и читают, хотят слышать и узнавать, людей, которых волнуют судьбы мира.

...Нью-Йорк заканчивал свой трудовой день, когда Н. С. Хрущев под овации в зале Генеральной Ассамблеи сходил с трибуны, откуда на весь мир прозвучал клич: «Покончим с войнами через всеобщее разоружение!»

В редакциях американских вечерних газет знали, что выступление Н. С. Хрущева явится материалом для первой полосы и для больших заголовков. В уже сверстанных номерах было предусмотрительно заготовлено место для отчета, и едва с трибуны заседания Генеральной Ассамблеи были выдвинуты предложения о разоружении, как их молнировали во все уголки США и всего земного шара. В типографиях Нью-Йорка, Вашингтона, Чикаго и других американских городов отчеты о выступлении Н. С. Хрущева превращались в строки и абзацы, верстались и вскоре становились достоянием бойких газетчиков, выкрикивавших: «Хрущев предлагает всеобщее разоружение!»

Первые комментарии американских официальных лиц: государственный секретарь США г-н Гертер собирается внимательно изучить новые советские предложения, председатель сенатского подкомитета по вопросам разоружения сенатор Хэмфри также высказывается «за тщательное и объективное рассмотрение» советских предложений.

В студиях телевидения и радио готовили срочные программы, посвященные выступлению Н. С. Хрущева. Первым появился в эфире со своим комментарием военный обозреватель журнала «Тайм» Ривз, говоривший из студии Национальной компании радиовещания США: «Хрущев обращается к аудитории гораздо более широкой, чем Генеральная Ассамблея, он адресуется к миллионам людей в Азии и других частях света, и, слушая его, нельзя сомневаться в искренности его призыва осуществить всеобщее разоружение, но возникает вопрос: как отразится всеобщее разоружение на американской экономике?» — спрашивал не без тревоги обозреватель.

Пройдет еще несколько дней, и этот вопрос станет предметом обсуждения специального подкомитета в Капитолии — группа конгрессменов под председательством сенатора Хэмфри займется рассмотрением возможной «дезорганизации» американской экономики в результате разоружения.

Не каждый американец мог сразу разобраться, на какую «дезорганизацию» ему намекали. Суть дела прикрывалась туманными фразами насчет «пропагандистского характера» советских предложений, «утопичности» идеи полного разоружения. Характерно, что именно

такой невнятной, полной всяких «но» редакционной статьей откликнулась на предложения Советского правительства газета «Уолл-стрит джорнэл», выражающая взгляды столпов американского бизнеса.

Для них Пентагон в течение многих лет был и остается крупнейшим заказчиком с бездонным золотым фондом. Десять гигантских корпораций США получили от военного министерства США за пять лет — с 1951 по 1956 год — одну треть всех заказов на сумму в 38,5 миллиарда долларов. Ста крупным компаниям досталось 75 процентов всех военных контрактов. Одна компания «Дженерал моторс» за пять лет получила заказов от Пентагона на сумму в 6874 миллиона долларов, то есть больше, чем все фермеры США получили за свою продукцию за тот же период времени.

Есть восточная пословица: «Слово, истекающее из сердца, проникает в сердце». Слова Н. С. Хрущева проникли в сердца миролюбивых людей всего мира.

А что говорят те, кому эти слова — острый нож? Существуют, конечно, и такие, которые никак не хотят отказаться от лексикона «холодной войны». Ну вот хотя бы начальник штаба военно-морских сил США адмирал Бэрк. Он заявил на пресс-конференции 23 сентября 1959 года: военно-морской флот Соединенных Штатов обладает достаточной мощью, чтобы нанести поражение советскому флоту в случае ядерной войны. «Мы могли бы сделать это хоть сейчас»,— бахвалился не в меру воинственный адмирал, решивший уподобиться храброму портняжке, который возомнил, что ему удастся «одним махом — всех побивахом».

Однако времена великолепия, как видно, прошли для охотников бряцать оружием. Их одергивают в самих же западных странах. Можно понять состояние духа государственных руководителей Запада, когда они сталкиваются с подобной «солдатской прямотой» или крайне неуклюжими попытками объявить советские предложения «пропагандой». «Меня,— заявил государственный секретарь США К. Гертер,— несколько раздражали те, кто попросту отмахивался от предложений г-на Хрущева как от пропаганды».

Некоторые органы печати сделали вид, будто, собственно, ничего особенного в советских предложениях нет, будто они не содержат «ничего нового». Такую позицию

заняла, к удивлению самих англичан, лондонская «Таймс». Что ж, действительно Советский Союз выступал и раньше с идеей полного разоружения. Это было в период между первой и второй мировыми войнами, и об этом, кстати сказать, Н. С. Хрущев напомнил в своем выступлении на заседании Генеральной Ассамблеи.

Вместе с тем, как справедливо подчеркивала другая лондонская газета — «Дейли геральд», «выступление Хрущева, предложившего уничтожить все вооружение, по-прежнему является величайшей новостью во всем мире. Все остальное выглядит ничтожным по сравнению с огромной важностью предложения русских распустить вооруженные силы в течение четырех лет».

В ход пускался и еще один аргумент: мол, вооружение не причина, а следствие международной напряженности, и, стало быть, советское предложение «направлено скорее против симптомов болезни, чем против ее причин»,— так заявляла западногерманская газета «Франкфуртер рундшау». Но кому же из здравомыслящих людей не ясно, что подобный довод — чушь, дешевая софистика, что в наше время гонка вооружений является одним из важнейших источников международной напряженности? Едва ли напряженные отношения легче устранить тогда, когда стороны — пусть даже разговаривая друг с другом — держат камень за пазухой, чем тогда, когда все участники разговора выбросят камни.

Да, писал лидер демократической партии Соединенных Штатов Эдлай Стивенсон в «Нью-Йорк таймс», «мы всегда думали, что вооружение является следствием, а не причиной напряженности». Э. Стивенсон задает вопрос: «Возможно ли, что это мнение уже стало неправильным в ядерном веке?» Но какого бы мнения ни придерживался сам Э. Стивенсон (а он не дает ответа на свой вопрос), он называет «поспешными и циничными» всякие попытки отклонить предложения Советского правительства как «пропаганду» или «утопию». Он призывает «проанализировать то, что Премьер Хрущев говорит о разоружении».

Такая реакция характерна для многих представителей руководящих кругов Соединенных Штатов Америки, Англии и других держав Запада. Против любой идеи можно выдвинуть сколько угодно «аргументов», это известно. Лучшим критерием ее правильности остается, од-

нако, практика. Подавляющее большинство жителей нашей планеты твердо убеждено: благородная идея полного и всеобщего разоружения, выдвинутая и обоснованная в выступлении Н. С. Хрущева на заседании XIV сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 18 сентября 1959 года,— это плодотворная идея, и ее осуществление раз и навсегда избавило бы человечество от страха перед войной.

Н. С. Хрущев: Господа, предстоит небольшая общественная работа, давайте вместе зароем топоры войны.

Рис. Андраша Месароша из газеты «Непсабадшаг» (Венгрия)

Именно поэтому советский проект всеобщего и полного разоружения заставил заговорить о себе буквально всех государственных деятелей на Западе, причем в отличие от прошлых времен даже закоренелым скептикам и пессимистам приходилось крепко подумать, прежде чем объявлять новые советские предложения «утопией».

Времена изменились. Справедливо заметила миланская газета «Джорно», что еще несколько лет назад

утопией казался полет на Луну. Но советский лунник превратил утопию в реальность. «Нам еще не удается полностью осознать все огромное значение этого великого научного достижения со всеми его социальными и политическими последствиями; вот почему советские предложения, если хорошо подумать, логичны и соответствуют духу времени»,— писала газета.

«Логичны и соответствуют духу времени». Государственные деятели Запада, откликаясь на проект о всеобщем разоружении, не могли не учитывать, что именно в этом заключалась сила советских предложений.

«Ради проблемы всеобщего разоружения необходимо потрудиться»,— сказал на следующий день после выступления Н. С. Хрущева министр иностранных дел Англии Селвин Ллойд.

«Это — попытка достигнуть соглашения в отношении одной из главных проблем, стоящих перед всем миром»,— заявил 22 сентября о речи Н. С. Хрущева журналистам, аккредитованным при Организации Объединенных Наций, государственный секретарь США Гертер.

В те же дни консультативный совет демократической партии США обратился к Президенту США с призывом уделить самое серьезное внимание предложениям Советского правительства о всеобщем и полном разоружении.

Даже удалившийся от активных политических дел бывший премьер-министр Англии Уинстон Черчилль посоветовал в публичной речи правящим деятелям англосаксонских стран не отмахиваться от советских предложений, поскольку выдвинутая в них цель вызывает энтузиазм во всех странах.

Нечего и говорить, что в странах Азии, Латинской Америки, Африки эти предложения были встречены с особыми надеждами: открывалась перспектива быстрого подъема их экономики в результате прекращения гонки вооружений.

С характерным заявлением выступил министр иностранных дел Бразилии Лафер. Одобряя советский план всеобщего разоружения, он сказал:

«Непостижимо, какие колоссальные деньги расходуются на оружие, в то время как сотни миллионов людей во всем мире живут в нищете».

Президент США Д. Эйзенхауэр, выступая в Абилине спустя некоторое время после визита Н. С. Хрущева, счел

необходимым специально остановиться на важности вопроса, поставленного на повестку дня проектом о всеобщем разоружении, и подчеркнуть значение для хозяйства слаборазвитых стран высвобождения громадных средств из военных бюджетов.

Единодушную поддержку получили предложения о всеобщем и полном разоружении в странах социалистического лагеря; парламенты и правительства этих стран заявили, что будут считать главнейшей задачей своей внешней политики борьбу за претворение в жизнь предложений СССР.

С каждым днем становится все более осязаемой могучая притягательная сила лозунга, выдвинутого со всемирного форума в качестве главнейшей и практической задачи сегодняшнего дня: «Мир без оружия — мир без войн».

Придана новая сила движению за мир, и оно стало целеустремленнее, увереннее, шире. В ходе дебатов в Организации Объединенных Наций о советском проекте разоружения XIV сессия Генеральной Ассамблеи приняла проект совместной советско-американской резолюции, к которому присоединились в качестве соавторов остальные 80 делегаций стран — членов ООН.

Начало положено. Ясно, что потребуется еще много борьбы и сил, чтобы довести начатое великое дело до победного исхода. Н. С. Хрущев выразил думы и чаяния всех людей доброй воли, когда заявил в докладе на третьей сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1959 года:

«Если будут приведены в действие все силы, стоящие за мирное урегулирование международных вопросов, если руководящие круги, определяющие политику стран Запада, поймут невозможность проводить в наше время иную политику, кроме политики мирного сосуществования, если народы скажут свое твердое слово против войны, то уже в ближайшее время будут сделаны решающие шаги по устранению военной угрозы и откроется ясный, светлый путь к миру для всего человечества».

«КОММУНИСТ № 1» ВСТРЕЧАЕТСЯ С «КАПИТАЛИСТОМ № 1»

Когда в предсумеречный час 18 сентября мы выходили из здания Организации Объединенных Наций, один видный американский журналист сказал нам:

— Жалко, что никого из нас не будет на сегодняшней встрече двух первых номеров — «коммуниста № 1» и «капиталиста № 1».

Наш собеседник имел в виду, что в 6 часов губернатор штата Нью-Йорк Нельсон Рокфеллер должен был нанести визит главе Советского правительства в гостинице «Уолдорф-Астория».

Громкое имя «Рокфеллер» навсегда вошло в историю американского капитализма. Оно стало известно еще в XIX веке благодаря стараниям старого Джона Д. Рокфеллера, который методами, выходящими за пределы даже буржуазной законности, сколотил огромную нефтяную империю, сделав название «Стандард ойл» синонимом монополистического капитала, а свое собственное имя — одним из самых ненавистных в Соединенных Штатах. Скончавшись в 1937 году в почтенном возрасте — 98 лет, основатель рокфеллеровской династии еще задолго до своей смерти передал бразды правления своему сыну Джону Д. Рокфеллеру-младшему, который здравствует и поныне в возрасте 85 лет, хотя и не занимается активной деятельностью. Традиции династии ныне продолжают пять его сыновей — Джон Д. Рокфеллер III, Уинтроп, Нельсон, Лоуренс и Дэвид.

Если полвека назад имя Рокфеллера означало нефть, то теперь оно ассоциируется и с банковским делом, и с торговлей недвижимостью, и с машиностроением. Щупальца гигантски разросшегося осьминога обвили многие отрасли американской экономической жизни.

Пять братьев специализируются в разных областях. Младший из них, Дэвид,— банкир, вице-президент рокфеллеровского «Чейз Манхэттэн бэнк»; Уинтроп занимается сельским хозяйством, Лоуренс представляет интересы Рокфеллеров в различных промышленных корпорациях, Джон занимается рокфеллеровскими «благотворительными организациями», а Нельсон — политикой.

Это не значит, конечно, что Рокфеллеры раньше не занимались политикой. Отнюдь нет. В течение многих десятилетий им принадлежало важное слово в определении внешнеполитического и внутриполитического курса различных сменявших друг друга американских правительств. Но если в прошлом Рокфеллеры и руководители других монополий предпочитали оставаться в тени, пору-

чая своим ставленникам представлять их интересы на политической арене, то теперь положение изменилось. Ставки стали слишком велики — речь идет о судьбах американского капитализма,— и игру уже стало труднее вести через подставных лиц.

И вот списки американских политических деятелей начали пестреть фамилиями, которые раньше встречались только среди членов правлений финансовых и промышленных корпораций. Про первый кабинет, сформированный после прихода республиканцев к власти в 1952 году, говорили, что он состоит из десяти миллионеров и одного водопроводчика (имелся в виду, конечно, не рядовой рабочий, а министр труда Тобин, руководитель профсоюза водопроводчиков). Примерно то же самое можно сказать и про второй кабинет, сформированный в 1956 году, с той только поправкой, что из него выбыл водопроводчик и остались одни миллионеры.

Основные дипломатические посты также заняли крупные финансисты и промышленники — банкир Диллон (заместитель государственного секретаря), промышленник Уитни, акционер «Стандард ойл» (посол США в Лондоне), владелец крупнейшей корпорации по производству бумаги Зеллербах (посол США в Риме), банкир Хоутон (посол США в Париже).

Когда в 1958 году Нельсон Рокфеллер впервые выдвинул свою кандидатуру на пост губернатора крупнейшего штата — Нью-Йорк, это означало, что американский «большой бизнес» решил выдвинуть на огневые позиции тяжелую артиллерию. Пустив в ход свои миллионы и изрядную дозу социальной демагогии, Рокфеллер выиграл эти выборы, победив другого миллионера — Аверелла Гарримана. Американская печать острила, что даже человеку с состоянием в 100 миллионов долларов трудно тягаться с кандидатом, семья которого имеет капитал в несколько миллиардов. Борьба двух миллионеров за один из крупнейших политических постов в стране красноречиво свидетельствует о том, кому принадлежит реальная власть в Соединенных Штатах Америки.

Вопрос об этих выборах возник и в беседе главы Советского правительства с Нельсоном Рокфеллером. Как потом рассказывал нью-йоркский губернатор, он выска-

зал предположение, что Н. С. Хрущев не ожидал, что выборы приведут к таким результатам.

Никита Сергеевич ответил, что ои ие может сказать, что не ожидал победы Рокфеллера, ио может сказать, что такое событие, как выборы Рокфеллера иа высокий пост губериатора, было бы, вероятио, иевозможно ни в какой другой страие мира, даже в царской России. Рокфеллер, очевидно не поияв иронии, согласился с этим и добавил, что это действительио возможно только в Соедииенных Штатах.

В шутку Никита Сергеевич сказал, что ему иепонятио, как избиратели могут выбирать, какому миллиоиеру быть у власти.

Н. Рокфеллер ответил, что это ие было сложиым и трудиым делом.

— Я говорил избирателям о Нью-Йорке, о делах, близких им, а мой противиик — о Куэмое и других далеких и непонятиых вещах.

Спустя иесколько месяцев после своего избраиия на пост губериатора Рокфеллер стал бросать иедвусмыслеиные взгляды в сторону Белого дома. Его сторонники развернули бурную подготовительную кампаиию, заявляя, что Рокфеллер — человек передовых взглядов, что он иастоящий выразитель интересов трудового иарода Америки, что только ои может быть президеитом в этот трудный для Соедииенных Штатов период.

На виешиеполитические темы Рокфеллер предпочитал ие высказываться. На вопросы журиалистов ои давал уклоичивые ответы или вообще отмалчивался. Но время шло, и стаиовилось все более очевидным, что вопрос о будущих отношеиях с Советским Союзом неминуемо стаиет цеитральиым момеитом предвыбориой кампаиии 1960 года. Теперь вся американская печать едииодушио придерживается этого миеиия. Журнал «Нейши», иапример, писал:

«Осиовиой вопрос заключается в том, как будет будущий президент действовать в отиошеиии Советского Союза. Как бы ои ии старался, ни одии из каидидатов, по-видимому, не избежит этого вопроса. При существующем положении вещей общественность вряд ли будет сочувствовать легкомыслеиным и уклоичивым ответам. Сомиительио, чтобы кто-либо из кандидатов поблагодарил г-на Хрущева за то, что из-за него более узкие во-

просы и мелкое политиканство почти сразу утратили интерес. Внезапно каждый из кандидатов обнаружил, что мерило, которым его будут мерить,— это его способность справиться с г-ном Хрущевым, не уступая русским, с одной стороны, и не возрождая «холодной войны» — с другой».

Советская внешняя политика ворвалась во внутриполитическую жизнь США. Шансы возможных кандидатов на пост президента пресса стала измерять количеством часов, проведенных ими в беседах с Председателем Совета Министров СССР, их способностью устанавливать отношения взаимопонимания с главой Советского правительства. В конце 1958 года сенатор Губерт Хэмфри приезжал в Москву и провел несколько часов в беседе с Н. С. Хрущевым. Это сразу привлекло к нему внимание, повысило его шансы быть выдвинутым кандидатом на пост президента. После поездки в Москву на открытие американской выставки соответственно возросли шансы вице-президента Никсона. Сенатор Линдон Джонсон позаботился о том, чтобы встретиться и сфотографироваться с Н. С. Хрущевым при посещении им сената. Эдлай Стивенсон специально приехал из Чикаго в Айову, чтобы на ферме у Гарста пожать руку и побеседовать с высоким гостем из Советского Союза.

За другими потянулся и Рокфеллер. Можно сказать, что решение нанести визит главе Советского правительства было его первым крупным шагом во внешнеполитической области со времени выдвижения на пост губернатора...

Мы вернулись из здания Организации Объединенных Наций в гостиницу «Уолдорф-Астория» незадолго до 6 часов вечера, вошли через боковой вход и в небольшом вестибюле стали ждать лифта. В нескольких шагах от нас стояла группа людей, среди которых было два-три журналиста, несколько работников государственного департамента. Они собрались вокруг подвижного человека выше среднего роста, с маленькими глазами и грубоватыми, как бы высеченными из камня чертами лица. Он был одет в помятый коричневый двубортный костюм, через руку был перекинут поношенный плащ. Держал он себя очень свободно, хлопал всех по плечу, громко смеялся и, казалось, делал все, чтобы выглядеть «простым американским парнем».

— Кто это? — спросили мы у одиого из наших американских зиакомых.

— Это губернатор Рокфеллер,— ответил он и, улыбнувшись, добавил: — Это иаш «иародный капитализм» в действии.

Мы подумали о том, как сильио измеиилась обстаиовка в мире за последние десятилетия, если один из крупнейших капиталистов теперь выиуждеи «играть иа публику», изображать из себя «своего парня». Видимо, прошли те времеиа, когда воротилы американского делового мира могли позволить себе афишировать свое богатство, когда старый Джон Пирпонт Моргаи, как пират, разъезжал по свету на своей огромиой окрашеиной в чериый цвет яхте «Корсар», когда Джои Д. Рокфеллер-старший жил в Кливлеиде за высоким железным забором и демоистративно преиебрегал общественным мнением страны, когда Ваидербильты, Асторы и другие выставляли иапоказ свою роскошь.

Да, времена меняются. Теперь тузы делового мира стараются держаться поскромиее, замаскировать свое богатство. А у иекоторых из иих, как, иапример, у Аверелла Гарримаиа, даже хватает смелости выступать с требованиями положить конец власти моиополий. Теперь и сами миллиоиеры взяли иа вооружение социальную демагогию, заиялись чериовой работой, которой они прежде не хотели пачкать руки, предоставляя своим подручным заниматься политикой.

Америкаиские миллиоиеры становятся специалистами в области социальной демагогии, хотя зачастую она шита у них белыми нитками. Их аргумеитация разваливается при первом соприкосиовеиии с реальиыми фактами. Как писал 100 лет назад Авраам Лииколыи, «можно все время обманывать часть народа или времеино обманывать весь народ, ио иельзя все время обмаиывать весь народ».

Лифт увез г-иа Нельсона Рокфеллера иа 35-й этаж, где остановился глава Советского правительства. Их беседа продолжалась недолго — минут двадцать.

В коице беседы в комнату были приглашеиы кинооператоры и фотокорреспонденты, которые иашли собеседников в хорошем иастроеиии.

Улыбаясь, Рокфеллер спросил Н. С. Хрущева, ие опасается ли он, что если советские люди увидят фотогра-

фию, на которой Первый секретарь ЦК КПСС и глава Советского правительства изображен пожимающим руку такому символу американского капитализма, как Рокфеллер, то это может повредить ему у себя дома.

— Нет,— ответил Никита Сергеевич и, засмеявшись, добавил: — Но Вам опубликование этой фотографии может пойти на пользу, если не сейчас, то когда-нибудь в будущем.

НА ВЕРШИНЕ НЕБОСКРЕБА

После выступления на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи Н. С. Хрущев прошел по кулуарам и залам здания Организации Объединенных Наций и нанес визит генеральному секретарю Д. Хаммаршельду. Здание ООН находится на набережной Ист-ривер, одного из водных рукавов, огибающего центральную часть Нью-Йорка — Манхэттэн. Отсюда при обычном внушительном эскорте полиции мотопроцессия направилась к Уоллстриту.

Экскурсию по городу для советского гостя организовали власти Нью-Йорка. В связи с предполагаемым посещением городских объектов муниципалитет и лично Р. Вагнер позаботились продемонстрировать Нью-Йорк с его парадного фасада. Так, например, предполагалось, что Н. С. Хрущев совершит поездку на метро, войдя в метро на углу 72-й улицы и Центрального парка. Станция метро была спешно оборудована дополнительным освещением. В нью-йоркском метро обычно не хватает света. И без того не блещущее красотой, при слабом освещении оно выглядит еще более мрачно. Из-за недостатка времени Н. С. Хрущев не смог проехаться в нью-йоркском метро. На станции «72-я улица» вскоре опять установили прежние маленькие лампы...

Экскурсия по надземному Нью-Йорку проходила в быстром темпе. Проехав по набережной Ист-ривер под эстакадами трех висячих мостов, соединяющих Манхэттэн с двумя другими частями Нью-Йорка — Куинсом и Бруклином, колонна автомобилей промчалась по Уоллстриту.

К вечеру Уолл-стрит всегда превращается как бы в каменную пустыню, почти без единой души. Банки, страховые конторы, биржи, днем мечущиеся в лихо-

радке, замирают к вечеру, набираясь сил для новой напряженной борьбы во имя «золотого тельца». Однако известие о поездке Н. С. Хрущева по Уолл-стриту собрало здесь тысячные толпы. По подсчетам полиции, около 30 тысяч человек ожидали в этом небольшом, длиной менее километра, квартале прибытия Н. С. Хрущева.

— Почему же машины не остановились даже на минуту? — спрашивали американские репортеры, приготовившиеся дать сочные зарисовки того, как «коммунист номер один вторгается в цитадель капитализма». Уж не испугалась ли полиция, что именно на Уолл-стрите Н. С. Хрущева будут приветствовать рядовые американцы?

Напрасно американские репортеры потом выпытывали у Никиты Сергеевича, какое впечатление произвел на него Уолл-стрит.

— Что можно сказать, когда выглядываешь из окна машины на несколько минут? — пожал плечами Никита Сергеевич.— Ведь если бы я попытался сформулировать свои впечатления, меня упрекнули бы в чересчур богатом воображении. Я не хочу делать этого.

...Итак, все дальше и дальше несутся машины. Горят разноцветными рекламами, яркими витринами проспекты центрального Нью-Йорка и самый главный среди них — Бродвей. Шумит и грохочет гигантский город. И вот в небо уходит громада здания, возвышающегося над соседними небоскребами, как миллиардер над миллионерами. Мы в самом сердце Нью-Йорка, перед его символом, эмблемой, ориентиром, узловой точкой, монументом самому себе из стали, бетона, стекла, вознесшимся к облакам на 400 с лишним метров ввысь своими 102 этажами.

Таков небоскреб «Эмпайр стейт билдинг», проектировавшийся в 1928—1929 годах как грандиозный символ «американского процветания» после окончания первой мировой войны, когда миллионные состояния «делались из воздуха» и биржи Уолл-стрита перехлестывали по азарту своей финансовой игры казино Монако, Ниццы, Парижа, Сан-Ремо и Бермуд, вместе взятых. Но вышла осечка. В 1929 году над США разразилась экономическая буря, и «Эмпайр стейт билдинг» вместо монумента процветания стал гигантским памятником поверженных иллюзий и разбитых жизней.

Под ним толщи гранита. Манхэттэн — сплошь гранитный остров, прекрасный фундамент для зданий любой высоты. Но при капитале это прежде всего выгодный участок для бешеной коммерции и финансовых спекуляций. Гранит Манхэттэна подобен неиссякаемой золотой жиле. Из нее текут в сейфы собственников таких небоскребов миллионные доходы.

Не свободный и гордый замысел архитектора породил небоскребы в центре Нью-Йорка, а то, что при капитализме экономические законы земельной ренты оказались сильнее естественных законов тяготения. И вот вытягиваются здания в высоту, наперекор силе тяжести, вознося к небесам бессмысленный груз коммуникаций, лишая город воздуха и света...

Чтобы купить участок земли для проектировавшегося небоскреба «Эмпайр стейт билдинг», нужно было заплатить 11 миллионов долларов. Но эти деньги с лихвой окупились. Рента в «Эмпайр стейт билдинг» столь же головокружительна, как и его высота.

В холле «Эмпайр стейт билдинг» Никиту Сергеевича и других советских гостей встретил полковник Генри Краун, глава корпорации, владеющей этим небоскребом. Он пригласил гостей подняться на 86-й этаж.

В лицо ударили упругие порывы воздушных потоков с океана. Отвесными террасами сбегали вниз коробки небоскребов. На дне каньонов из камня, бетона, стали и алюминия едва слышно хлопотал и суетился Нью-Йорк. Вспыхивали рекламы отелей, кинотеатров, баров, напитков, сигарет, патентованных средств косметики — всего, что продается и покупается на доллары, а создается руками миллионов тружеников. Лучи заходящего солнца рельефно очертили контуры этого кипучего средоточия торговли, финансов, коммуникаций, развлечений, страданий, разбитых надежд, преступности, богатства, нищеты. Оболочка города внушительна, она показывает, что для человеческой выдумки и приложения сил, для прогресса техники нет потолка. А содержание Нью-Йорка, конечно, не сразу открывается для взора.

В наши дни «Эмпайр стейт билдинг», разумеется, уже не «чудо света». Человеческая мысль достигла того, о чем в дни, когда возводился этот небоскреб, мечтали как о фантастике. Во время нашего пребывания в Нью-Йорке одна американская газета напечатала такую

карикатуру: на небоскребы смотрит Луна с советским вымпелом, повязанным вокруг нее в виде платочка. Американец, глядя на Луну, говорит другому: «А знаешь, ведь с небоскреба в нее нам легче запустить ракету, ближе...»

Спрашивается: за чем же дело стало?

Широко обводя рукой горизонт, г-н Краун показывал советским гостям достопримечательности, лежащие внизу: небоскребы, мосты, парк, снова небоскребы, гавань...

— Можно ли полюбоваться таким же интересным видом в Москве? — спросил он Н. С. Хрущева.

— А Вы были в Москве? Не были. Приезжайте посмотреть на нее. Нью-Йорк — красивый город, а Москва — лучше,— сказал Н. С. Хрущев.

Г-н Краун предложил подняться повыше, на 102-й этаж.

Ветер хлестал еще сильнее, соседние небоскребы уменьшились в размерах, но зато шире раздвинулся горизонт.

В заключение визита г-н Краун пригласил Никиту Сергеевича посетить кабинет номер 8009 на 80-м этаже — личную контору владельца небоскреба. Здесь полковник Краун преподнес своему гостю модель «Эмпайр стейт билдинг». После короткого приема Н. С. Хрущев, поблагодарив радушного хозяина за оказанную встречу, простился с ним.

Визит в Нью-Йорк близился к концу. Предстоял еще один прием: обед, который устраивал в честь главы Советского правительства генеральный секретарь Организации Объединенных Наций Даг Хаммаршельд.

На обеде присутствовали главы большинства делегаций стран, представленных в этой международной организации. Премьеры ряда стран, министры иностранных дел, видные политические деятели, дипломаты, ответственные сотрудники Организации Объединенных Наций приветствовали появление в зале Председателя Совета Министров СССР.

После краткого вступительного слова Д. Хаммаршельда, отметившего, что ему выпала большая честь принимать главу Советского правительства, к присутствовавшим обратился Н. С. Хрущев. Он поблагодарил за устроенную ему и его коллегам теплую встречу и за-

тем коснулся роли, которую должна играть в современных условиях эта всемирная организация.

— Все мы,— сказал Н. С. Хрущев,— должны заботиться о том, чтобы Ассамблея нашла в себе достаточно сил и мужества для принятия правильных и мудрых решений. Было бы особенно отрадно, если бы удалось достигнуть если не немедленного, то, по крайней мере, достаточно быстрого решения кардинальных вопросов, стоящих перед Объединенными Нациями, таких, как разоружение, и других вопросов, существенно важных для создания условий стабильного мира.

Самые чиновные лица в зале оживились, когда Никита Сергеевич высказал мысль о том, как сделать работу Организации Объединенных Наций более продуктивной.

— Не имеет ли смысла рассмотреть вопрос о начислении жалованья для тех, кто участвует в заседаниях Объединенных Наций, в зависимости от темпов решения ими кардинальных проблем, стоящих на повестке дня этой организации?

Никита Сергеевич свою мысль не развивал, он, наоборот, предупредил, чтобы делегаты не обижались на эту реплику, сделанную в шутливом тоне, хотя и с серьезной подкладкой.

— Хрущев любит шутки,— сказали рядом с нами по-французски. Кто-то добавил: — А вам не кажется, что в конце концов потребуют, чтобы был заведен именно такой порядок? — Ответ был негромкий, и мы его не расслышали.

Так или иначе, коротенькая, но многозначительная реплика Никиты Сергеевича дала пищу для оживленных разговоров. А на следующий день в американской прессе появились комментарии и даже карикатуры на ту же тему.

Американцы любят остроумие, а в данном случае Никита Сергеевич коснулся вопроса, вызывающего среди американцев немалые страсти.

Так закончился еще один этап визита Н. С. Хрущева в Соединенные Штаты Америки. Через считанные часы, утром следующего дня, предстояло совершить немалый путь на западное побережье Америки, в Калифорнию.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЗДЕСЬ ВСТРЕЧАЮТСЯ ТЕПЛЫЙ И ХОЛОДНЫЙ ВЕТРЫ

НА САМОЛЕТЕ «БОИНГ-707»

Перелет от Нью-Йорка до Лос-Анжелоса, от берегов Атлантического до берегов Тихого океана, занял шесть часов.

Реактивный самолет «Боинг-707» — новинка американской промышленности — только недавно начал свои регулярные рейсы. Когда было принято решение предоставить его в распоряжение Никиты Сергеевича Хрущева для полетов над территорией Соединенных Штатов, среди журналистов моментально распространились две или три невеселые истории, связанные с «Боингом». Рассказывали, что у самолета не всегда срабатывают шасси и ему уже приходилось садиться, как говорят, на «брюхо». Правда, успокаивали «опытные» путешественники американского происхождения, ни один «Боинг» не потерпел настоящей, сенсационной катастрофы. Тем из нас, кто слушал эти разговоры, начинало казаться, что эта катастрофа прямо-таки ожидается для очередной крикливой шапки на всю первую полосу газет.

Более «солидные» американские журналисты подходили к вопросу о шасси «Боинга» с иной точки зрения.

— Да, конечно,— взвешивали они все «за» и «против»,— видимо, с шасси будут работать конструкторы, но для беспокойства о вашем Премьере нет ни малейших оснований. У нас в Америке все могут! Как только стало известно, что пошаливают шасси, мгновенно на помощь

пришли фирмы, вырабатывающие маслянистую пену. В случае чего ею заливают всю бетонированную дорожку, и самолет садится как в масло...

И вот несколько «Боингов», на одном из которых находился Никита Сергеевич и сопровождавшие его лица, а на других — большая группа «спутников», репортеров газет, радио, телевидения, кинохроники, поднялись в воздух с нью-йоркского аэродрома «Айдл-уайлд».

Самолеты летят на высоте девяти-десяти километров. Под их крыльями распласталась живая карта Соединенных Штатов. Где-то там, внизу, подернутые сизо-серой туманной дымкой и не различимые простым глазом, проплывают заводы Кливленда, мелькают тоненькие голубые жилки великой Миссисипи и ее сестры Миссури. Раздольные степи Канзаса кажутся футбольными полями неправильной формы.

Самолеты прошли над «седьмым» чудом мира — знаменитым Гранд-Каньоном реки Колорадо. Некоторым из нас довелось во время предыдущих поездок в Америку увидеть Каньон с бреющего полета и «окунуться» на маленьком самолете в его расщелины. Картина действительно захватывает дух. Представьте себе ровную, как стол, степь, вы идете по ней. И вдруг — обрыв. Да что там обрыв — обрывище глубиной в сотни и шириной в тысячу метров. Дерзкая, своенравная река столетиями долбила, разворачивала, крушила берега, спускаясь все ниже и ниже. Она меняла русла, опрокидывала красновато-желтую податливую породу. И сейчас там перед взором путешественника нечто похожее, быть может, на лунный пейзаж. В хаотическом безмолвии замерли обрывки причудливых скал, кое-где берега напоминают амфитеатры циклопических цирков, а сферические расщелины — кратеры погасших вулканов.

Таков Гранд-Каньон вблизи, а сейчас мы слишком высоко над ним, и он представляется трещинкой вроде узенького ручейка.

Все ближе Лос-Анжелос, город, связанный для многих с историей и популярностью его крошечного собрата — Голливуда — центра и царства американской кинопромышленности. Но не только кинопроизводство определяет значение Лос-Анжелоса для Соединенных Штатов. С того сентябрьского дня 1781 года, когда на месте нынешнего города с населением в два миллиона

четыреста тысяч человек было наспех поставлено несколько утлых домиков, в которых размещалось сорок четыре испанца — одиннадцать мужчин, одиннадцать женщин и двадцать два ребенка, прошло всего сто семьдесят восемь лет, но как много успели изменить эти годы в истории города Королевы Ангелов, как первоначально назывался Лос-Анжелос. И дело, конечно, не только в Голливуде.

В двенадцать часов девять минут дня по местному времени (в Москве было десять часов девять минут вечера) «Боинг» тяжело стукнулся о бетонную дорожку аэродрома.

По странному правилу, действовавшему во время всех перелетов Никиты Сергеевича Хрущева в Америке, самолет подрулил не к основному пассажирскому аэровокзалу, а куда-то в сторонку, где, как «доверительно» сказал один секьюрити-мэн (агент безопасности), «господину Хрущеву не надо будет утруждать себя приветствиями толпе любопытных».

Подали трап.

Навстречу высокому гостю спешили мэр города Норрис Поулсон, его супруга, президент Ассоциации по международным делам Роберт Миклер, президент Таунхолла (организации, занимающейся просветительной деятельностью) Фрэнсис Уилкокс и еще два-три десятка именитых горожан. Мэр изъяснялся цветисто: видимо, сказывалась южная манера.

— Я Вас приветствую,— сказал он,— в городе Ангелов, где свершается даже невероятное...

В те первые минуты пребывания на земле Лос-Анжелоса, естественно, трудно было понять, что имел в виду мэр, когда говорил о «невероятном». Впрочем, все выяснилось довольно скоро. Однако на этот раз не удалось совершить невероятного в том смысле, как его понимал г-н Поулсон. Для того чтобы было ясно, о чем идет речь, несколько слов предыстории.

Перелистывая и перечитывая сейчас кипы американских газет, отводивших визиту Н. С. Хрущева десятки страниц, легко заметить одну постоянную мысль большинства репортажей и политических обозрений. Кратко и достаточно ясно она сформулирована в известной фразе: «переспорить Хрущева или умереть». Переспорить или умереть, говоря яснее, значило продемонстрировать главе Советского правительства такую силу и мощь аме-

риканской пропаганды, такое убедительное и категорическое «единство нации перед лицом коммунизма», чтобы Н. С. Хрущев вынужден был обороняться, оправдываться, сглаживать углы, обходить препятствия. В тот день, когда Никита Сергеевич прибыл в Лос-Анжелос, Р. Никсон во время посещения выставки восточных штатов в Уэст-Спрингфилде патетически обратился к двадцатитысячной толпе: «В наших интересах при всяком возможном случае демонстрировать народу Советского Союза наши убеждения».

Лос-Анжелос в этой системе «демонстраций» должен был занять, по мысли хозяев, особое место. Какое? Только поздно вечером, когда в отеле «Амбассадор» был дан большой прием в честь Никиты Сергеевича Хрущева, карты раскрылись и все стало ясно.

Пока же на аэродром подали, как всегда, закрытую черную машину (в Лос-Анжелосе щедро грело калифорнийское солнце, однако все тот же секьюрити-мэн сказал, что ехать в открытой машине небезопасно), три десятка автомобилей для журналистов и сопровождающих лиц. Вереница машин, вытянувшись на добрый километр, в сопровождении многочисленной полицейской свиты на мотоциклах двинулась в Голливуд. Через 50 минут после прилета в одном из ресторанов, расположенном на территории киностудии «XX век-Фокс», знаменитые американские режиссеры, актеры и музыканты Голливуда ждали главу Советского правительства на торжественный завтрак.

ГОЛЛИВУД — КИНОМАСТЕРСКАЯ АМЕРИКИ

Пока мы движемся к американской киностолице, стоит коротко рассказать о ней, о том, почему она занимает такое существенное место в Америке, почему для многих простых и бесхитростных девушек и парней Голливуд представляется городом грез.

Голливуд — это гигантская киномастерская нью-йоркской конторы по пропаганде и утверждению американского образа жизни. Гигантская — не преувеличение. Здесь производятся ежегодно сотни кинофильмов, которые идут не только по всей Америке, но и во многих других странах мира. Десятилетия пропаганды кино,

утверждение его особого места в системе американской жизни, в образе американского мышления привели к тому, что кинофильм действительно вошел в жизнь и быт рядового американца.

Фильм заменяет американской семье книгу, музей, консерваторию, театр, спор в дружеской компании. По фильму американцы привыкли соразмерять свои поступки, одеваться, есть, устанавливать отношения в семье, относиться к возлюбленным, к детям, к мировым событиям. В кинокартине они ищут ответа на все, что волнует их: от сорта сигарет, которые стоит курить, до марки телевизора или автомобиля, наиболее выгодных для покупки. Если вы хотите узнать, почему вдруг все американские парни стали стричься под бобрик, пойдите в кино и взгляните на прическу очередной кинозвезды мужского пола. Если неожиданно, прямо как в сказке, девушки того или иного города за какие-нибудь сутки или двое сменили юбки на брюки, можете быть уверенными, это случилось «по воле» очередной кинозвезды — Ким Новак, Шерли Маклейн или какой-либо другой!

Всевластное проникновение Голливуда и его продукции в быт, в жизнь американцев происходило годами. Миллиардные средства, газеты, радио, молва, разносящая пикантные подробности из жизни популярных киноактеров, наконец, даже церковь — все отмобилизовывалось, создавая культ Голливуда, утверждая его исключительную роль на американской земле.

Конечно, Голливуд, как сильный магнит, притянул к себе и большие художнические силы. Здесь родились и расцвели великие имена американского искусства. В Голливуде начали свой путь Чарли Чаплин, Поль Робсон и многие другие истинные художники. Мы совсем не хотим сказать, что Голливуд с его десятками студий не дал для мирового киноискусства ничего впечатляющего и приметного. Нет, здесь были созданы и хорошие фильмы, здесь начали свой путь большие режиссеры и актеры.

Но в циничном безразличии к судьбе отдельных честных мастеров Голливуд всегда утверждал свое главное правило: ввинчиваться в мозги американца для того, чтобы он постоянно, днем и ночью, на работе, в семье, в школе и институте, в армии, действовал по совету и решению «богов» Голливуда, его нью-йоркских хозяев.

Американские кинопредприниматели не прочь подчеркнуть мысль о том, что фильмы Голливуда стоят вне политики, вне тенденций. Нет ничего более далекого от истины, чем это утверждение. Вся история Голливуда — это как раз история тенденций в американском искусстве. Естественно, что эти тенденции изменялись во времени и всегда принимали какое-то конкретное выражение. Были годы, когда Голливуд всеми своими силами и возможностями утверждал культ бравого парня-ковбоя и шерифа — вершителя «демократической» истории Америки. Потом начался наплыв детективных фильмов, затем фильмов о полицейских, о «сверхчеловеках», а в последнее время популярны кинокартины с утонченным, почти патологическим копанием в людских душах. Голливуд стремится стать ближе к церкви, к святым сюжетам, перекроив их, конечно, на американский манер. Все чаще появляются на экранах библейские заповеди и прочие чудеса, которыми американское киноискусство уже в открытую служит религиозной философии.

Но, какими бы волнами ни накатывалась на среднего американца кинопродукция Голливуда — полицейскими, ковбойскими, детективными, религиозными, основные принципы идеологической обработки масс, которые заложены в Голливуде еще в двадцатых годах нашего века, остаются в силе. Тогда магнаты капитала и хозяева католической церкви поставили у руля Голливуда одиозную фигуру Уилла Хейса.

Каковы эти принципы? Они были кратко сформулированы Хейсом так: «Каждый американский фильм должен утверждать, что образ жизни Соединенных Штатов — единственный и лучший для любого человека. Так или иначе каждый фильм должен быть оптимистичным и показывать маленькому человеку, что где-нибудь и когда-нибудь он схватит за хвост свое счастье. Фильм не должен выворачивать наизнанку темные стороны нашей жизни, не должен разжигать решительных и динамичных страстей».

Это последнее утверждение явно запрещало художнику мыслить революционно, стремиться изменить существующее положение вещей.

Именно в свете этого последнего «правила Хейса» так примечателен и трагичен конец голливудской дея-

тельности Чарли Чаплина. Есть в Голливуде перед фешенебельным кинотеатром площадка из бетона, на которой «для памяти потомков» оставлены отпечатки ног и рук кинознаменитостей. На наш взгляд и вкус, это, конечно, не лучший способ для художника оставлять свой след в истории, но, видимо, авторы своеобразного «памятника» думают иначе.

Пусть будет так. Мы говорим о другом. Когда во время войны Чаплин, выступая на большом митинге, утверждал, что именно Советская Армия спасет мир от фашизма, хозяева Голливуда взбесились и решили вычеркнуть имя великого артиста из истории. Для них это казалось простым делом! Они вытащили и выбросили плиту с отпечатком ноги Чаплина. Они хотели успокоиться на этом, думая, что Чаплин перестанет существовать в памяти кинозрителей. Наконец, чтобы окончательно «добить» артиста, который всеми своими фильмами развенчивал миф об «американском рае», был другом маленького человека, чтобы унизить Чаплина в глазах американцев, был сфабрикован судебный процесс, на котором Чаплин обвинялся в том, что он соблазнил молоденькую артистку, которая начала сниматься в его фильме. Эта девица действительно исчезла из студии Чаплина, и вскоре в газетах было опубликовано ее фальшивое письмо, в котором она требовала сто тысяч долларов на воспитание ребенка, рожденного ею будто бы от Чаплина.

Первый удар был только началом, маленьким звеном в целой цепи событий, которые обрушились вскоре после окончания войны не только на Чаплина, но и на десятки других видных мастеров Голливуда. Маккартизм поверг в уныние и страх сотни тысяч честных американцев. С особой яростью Маккарти накинулся на Голливуд. Это было понятно, потому что именно здесь, в Голливуде, Маккарти и его сподручные хотели навести тот самый «порядок», который бы определил на многие годы безропотное послушание людей искусства. Чаплина вызывали в одну комиссию, в другую. Он покинул Америку, в которой прожил сорок лет, и уехал в Европу.

Может быть, в тот час, когда Чаплин покупал билеты для того, чтобы распрощаться с американскими берегами, кое-кто в комиссии по расследованию антиамериканской деятельности легко вздохнул и подумал,

что с ним покончено. Но, как известно, имя Чаплина осталось в истории мирового и американского киноискусства. Любопытно, что и теперь, когда гостей Голливуда подводят к плитам, на которых остались отпечатки ног и рук Мэри Пикфорд, Дугласа Фербенкса, Дины Дурбин и многих других известных американских киноактеров и киноактрис, не бывает человека, который бы не спросил у гида: а где же здесь след Чарли Чаплина?!

Годы маккартистского угара были самыми тяжелыми для жизни и истории Голливуда. Десять видных художников американского киноискусства, обвиняемых в сочувствии идеям коммунизма, были брошены в тюрьмы. Сотни страниц исписали следователи в комиссии Маккарти, допрашивая одного за другим киноактеров, режиссеров, сценаристов. И страх опустился на Голливуд и родил то, что всегда рождает страх,— приспособленчество, маразм, угодничество.

Нужно было время, чтобы Голливуд в какой-то степени оправился, пришел в себя от ужаса, от недоверия и от доносов. Этот сложный процесс не завершен еще и по сей день, хотя, конечно, было бы неправильным утверждать, что ничего не изменилось в Голливуде, что в нем, пусть пока очень медленно и робко, не начинают вырастать силы, которые хотят более трезво смотреть на мир, на взаимоотношения между народами, на проблемы искусства...

Только 50 минут шли автомашины, на которых ехали Никита Сергеевич Хрущев и сопровождающие его лица, от аэродрома Лос-Анжелоса к Голливуду. Машины мчались по окраинам, потом они вдруг вылетели за город и начали петлять по горной дороге, потом повернули обратно. Их вели совсем не по тому маршруту, какой был объявлен заранее: кому-то не хотелось, чтобы Н. С. Хрущева встретили жители Лос-Анжелоса.

Но визит главы Советского правительства сюда ожидался с огромным интересом, и повсюду, где появлялся автомобиль, в котором ехал Никита Сергеевич, сразу же вырастали толпы людей. На завтраке, где должен был выступать Никита Сергеевич Хрущев, хотели присутствовать все самые знаменитые американские кинодеятели. Более того, мечтавших попасть на встречу было в десятки раз больше, чем мест в ресторане, где устраи-

вался завтрак. Дело доходило до анекдотичных случаев. Разыгрывались семейные драмы, так как устроители завтрака решили пригласить на него мужей без жен и жен без мужей — только тех, кто непосредственно работал на студиях.

Почему же тот самый Голливуд, который для многих реакционно настроенных американских деятелей в области идеологии и сегодня остается центром антикоммунизма, тот самый Голливуд, который за годы деятельности комиссии Маккарти был очищен, казалось бы, от всех, даже малейших, возможностей свободомыслия, почему этот Голливуд с таким интересом ждал Никиту Сергеевича Хрущева? Потому что гигантский процесс прозрения по отношению к социализму, к Советской стране, который присущ Америке сегодняшнего дня, захватил и Голливуд, ибо советские спутники и ракеты пролетали и над Лос-Анжелосом. И так же, как американские ученые, инженеры, техники, артисты Голливуда глядели в небо и видели там не кинозвезд, а яркие звездочки советских ракет и «красную луну».

Годами американская пропаганда утверждала, что жизнь в Советском Союзе сера, безынтересна, однообразна. Голливуд не смотрел советских фильмов, не читал советских книг, не слушал советской музыки. Голливуд верил лживым басням об искусстве социалистического реализма. И вдруг блестящий, ни с чем не сравнимый успех балета Большого театра, потрясающе великолепные танцы народов Советского Союза в исполнении ансамбля Игоря Моисеева, потом выступления ансамбля «Березка», выступления Д. Шостаковича и Д. Ойстраха. Победа советских спортсменов на Олимпийских играх, победа нашей команды легкоатлетов на американской земле и сотни, тысячи других существенных, волнующих фактов опрокидывали все прежние представления. Они становились известны Америке, а значит, и Голливуду.

Многие видные деятели киностолицы Америки так же, как и политические деятели, отправились в Москву, стремясь наметить пути возможных контактов. Голливуд посетили советские журналисты, делегация работников сельского хозяйства, ученые, режиссеры и актеры наших киностудий. Правда, очень медленно, но Голливуд, так сказать, прозревал, просыпался. В этом очень сложном

и только еще иачавшемся процессе визиту Никиты Сергеевича Хрущева приналлежит, по признанию большинства американских кинокритиков, особое, выдающееся место.

Машины советских гостей подходят к воротам киностудии «XX век-Фокс». Все гуще, говорливее толпы народа на тротуарах. Несколько десятков мотоциклистов в черной, уж очень невеселой и как-то не гармонирующей с яркими красками окружающего мира форме оттесняют людей, не дают им даже ответить на приветствия Никиты Сергеевича. Киностудии Голливуда обнесены высоченным трехметровым забором, через их стальные ворота и мышь не проскочит, но полицейские въезжают и во двор студии «XX век-Фокс». Двумя плотными шеренгами они выстраиваются перед входом в здание. Актеры хотят пробиться к Никите Сергеевичу, пожать ему руку, но «черные ангелы» невозмутимы.

— Разве снимают очередной детектив? — слышатся довольно злые реплики в их адрес.

— Нет, видимо, начальник полиции боится, как бы мы не причинили какого-нибудь вреда высокому гостю!

— Но ведь здесь полицейских больше, чем нас, актеров, они-то и мешают гостю.

— А ты хочешь, чтобы в Америке было больше артистов, чем полицейских?!

Разговор прерывается из-за очередного маневра полицейских отрядов, которые оттесняют актеров и работников студии еще дальше от гостя и оставляют возле него только маленькую группу хозяев студии.

Традиционная минута для фоторепортеров. Раздается щелканье доброй сотни фотоаппаратов, трещат кинокамеры, вспыхивают лампы, загораются «юпитеры» — Голливуд остается Голливудом.

Наконец Никита Сергеевич, сопровождаемый президентом американской кинокорпорации Эриком Джонстоном и хозяином студии «XX век-Фокс» Спиросом П. Скурасом, появляется в зале «Кафе де Пари». Все поднимаются и горячо аплодируют советским гостям.

Радио Лос-Анжелоса назвало этот прием в Голливуде «самым большим в истории Америки собранием звезд». Оно сообщало своим слушателям, что даже Мэрилин Монро пришла на встречу за час до начала. Как

объяснили нам, популярнейшая киноактриса знаменита своими вечными опозданиями даже на самые важные приемы. Кирк Дуглас, Фрэнк Синатра, Мэрилин Монро, Гарри Купер, Элизабет Тейлор, Глэн Форд, Ким Новак, Морис Шевалье, Луи Журден и сотни других кинозвезд заполнили зал. Имена многих из них, правда, мало что говорят советскому читателю, потому что в последние годы мы почти не видели фильмов Голливуда, но это действительно хорошие актеры. К сожалению,— и об этом они не прочь поговорить с вами откровенно — слишком часто им приходится играть очень незначительные и малоинтересные роли в «боевиках», изготовляемых по традиционному рецепту: он — она, любовь с первого взгляда и неожиданное богатство.

Десятки телевизионных, фото- и киноаппаратов направлены на стол для почетных гостей, за которым сидят Н. С. Хрущев и другие советские гости. «Завтрак был съеден собравшимися с рекордной скоростью,— писали американские журналисты.— Все ждали, когда на трибуне появится Эрик Джонстон, назовет имена гостей и предоставит слово советскому Премьеру». Наконец эта минута настала. Вслед за Джонстоном слово берет Спирос Скурас — хозяин студии «XX век-Фокс». Скурас — небольшого роста, широкоплечий, седой, с красноватым, изъеденным морщинами лицом. Здоровается он очень громогласно, непременно решительно похлопает гостя по плечу или по щеке, и, хотя видит его в первый раз, со стороны может показаться, что это его лучший старый друг.

Скурас говорит каким-то простуженным, хрипловатым голосом, а его английский язык вызывает постоянные усмешки в зале. Скурас — грек по происхождению, и даже десятилетия, прожитые в Америке, не избавили его от сильного акцента, зачастую меняющего смысл фраз. Он часто напоминает о том, что вышел из людей скромного достатка, а теперь правит огромной кинокомпанией.

Скурас благодарит Никиту Сергеевича Хрущева за его согласие посетить Голливуд. Он говорит о том, что, видимо, теперь между советскими и американскими зрителями будет установлена короткая дорога. Н. С. Хрущев перебивает Скураса и предлагает ему хоть немедленно подписать договор об обмене кинофильмами.

— Товарищ Жуков,— обращается Никита Сергеевич к председателю Государственного комитета по культурным связям с заграницей,— как обстоит дело у нас с обменом по линии кинофильмов?

Г. А. Жуков отвечает, что Советский Союз уже давно подписал с Соединенными Штатами соглашение о покупке десяти американских кинофильмов и о продаже американцам семи советских, но уже в течение года юристы Голливуда никак не решатся оформить сделки и выпустить, наконец, купленные фильмы на экраны.

Весь зал смеется. Тогда Никита Сергеевич, обращаясь к Скурасу, замечает:

— У вас такие хорошие актеры и такие нерешительные юристы! Может быть, вы поможете им двинуться поскорее? За нами дело не станет. Мы готовы налаживать хороший обмен хорошими кинофильмами.

Здесь присутствует,— продолжает Н. С. Хрущев,— замечательный советский писатель Михаил Шолохов. По его рассказу сделан очень хороший фильм «Судьба человека». Проявите заинтересованность! Купите этот фильм. Он получил первую премию на мировом конкурсе фильмов. Как, господин Скурас, по рукам?!

Бурные аплодисменты долго не дают Скурасу продолжить его выступление. Так как, видимо, в отношении обмена кинофильмами Скурас считает себя побежденным, он продолжает речь в несколько ином плане. Он говорит о мощи Соединенных Штатов, о процветании всех слоев населения Соединенных Штатов Америки. Словом, его речь строится по тому самому кем-то и где-то определенному плану: во что бы то ни стало переспорить, переспорить Н. С. Хрущева!

Никита Сергеевич внимательно слушает оратора, и сотни глаз следят за ним в напряжении и ждут, что скажет он в ответ. И вот Н. С. Хрущев на трибуне.

— Я не хотел строить свою речь,— замечает Никита Сергеевич,— в том направлении, какое своей речью проложил г-н Скурас,— кое-кто мог бы заподозрить, что я приехал сюда с целью пропаганды нашего образа жизни и желаю вас, вот таких замечательных людей Америки, перетянуть к нам. А я, между прочим, хотел бы этого. Кто хочет, приезжайте — угостим вас русскими пирогами!

Зал весело смеется и очень дружелюбно, искренне отвечает аплодисментами на слова Никиты Сергеевича. А он продолжает:

— Но раз вы завели речь о путях выдвижения людей из народа, то уж позвольте мне ответить.— И Никита Сергеевич рисует перед притихшим залом убедительную картину жизни Советской страны, положения художников, артистов в нашем государстве. Он отвечает и на ту часть речи г-на Скураса, в которой напоминалось о том, что Америка в свое время помогала голодающим России. Никита Сергеевич рассказывает о пути, который прошла наша страна в первые годы Советской власти. Слушателей вновь поражает смелость и откровенность, с какой обращается к ним, людям другого склада ума, Председатель Совета Министров первого в мире социалистического государства. Н. С. Хрущев говорит о том, что Америка действительно оказывала помощь голодающим через АРА, но этой помощи могло бы и не потребоваться, если бы американские солдаты вместе с солдатами других интервентов не высадились после революции на советской земле и не навязали бы нам тяжелую войну.

Надо было видеть зал, в котором собрались выдающиеся мастера американского искусства, когда Никита Сергеевич очень просто, ярко и правдиво рассказал им о положении и месте художника в нашей стране, о том, как много сделано для высокого взлета культуры во всей жизни Советского Союза. Он обращается к залу:

— А кое-кто в вашей стране до сих пор бубнит, будто в Советском Союзе люди находятся чуть ли не в рабстве. Да какой же это рабский строй?

Разве может рабский строй обеспечить такой небывалый расцвет науки и искусства, какой мы имеем в нашей стране?

Никита Сергеевич подтверждает этот довод убедительной, точной исторической параллелью. Он подчеркивает:

— Культура Рима, как и культура Греции, уважаемый г-н Скурас, погибла потому, что эта культура была создана на рабском труде, который сковывал силы, волю, свободу людей. Наука и искусство могут добиться полного расцвета только при самой широчайшей свободе личности и свободе общества.

Слушатели Никиты Сергеевича Хрущева — люди далекие от социалистической идеологии, порой даже мало сведущие в том, что делается у нас на культурном фронте, но они вновь горячо аплодируют этим словам, потому что чувствуют в них правду, потому что эта правда все больше и больше подтверждается их личными наблюдениями о жизни Советского Союза, теми сведениями, которые все больше проникают в Соединенные Штаты Америки. Сидящим здесь действительно смешно слышать сейчас слова о «рабах коммунизма». Они, художники, особенно хорошо понимают, что только в том случае, если миллионы людей вовлечены в культурное переустройство, в стране может быть так много талантов, так много истинных звезд в искусстве.

Естественно, что эта речь Н. С. Хрущева не могла сразу и навсегда отмести все предубеждения, все неверие, всю ложь, которую слышали эти люди о нашей литературе, о нашем искусстве. Но, слушая главу Советского правительства, они из первоисточника получали убедительные сведения о действительном положении вещей, о действительном месте художника в советском обществе. Это тревожило их умы, заставляло волноваться, а главное — порождало желание знать больше о нашей стране.

Конечно, в числе сидевших в зале знаменитостей были и такие, которые читали не только Достоевского, но и советских писателей. Они могли считать себя в какой-то мере знающими, эрудированными людьми, когда речь заходила о советской литературе и искусстве.

Но очень часто оказывалось, что питались эти люди сведениями о советской жизни, преподносимыми им по принципу «экономии сил», в таком же концентрате, в каком альпинисты, взбирающиеся на горную вершину, ограничивают свою диету легчайшим минимумом — набором пищевых концентратов. Однако альпинисты возвращаются к нормальному питанию со свежей и горячей пищей, как только заканчивают восхождение и возвращаются домой.

Что же касается американцев, привыкших пользоваться «сокращенными изданиями» любых авторов, то часто всю жизнь они ходят с эдаким сверхпортативным интеллектуальным багажиком в голове и даже прибыльно эксплуатируют его, «просвещая» и «теоретизируя» с такого умственного пятачка.

Советским людям чужд подход к вещам и явлениям по принципу «экономии сил». И совершенно логично поддел М. А. Шолохов американского постановщика Карлтона Хестона, когда, сидя рядом с советским писателем на обеде в Голливуде, тот, руководствуясь самыми благими намерениями, заявил Шолохову:

— А знаете, я читал *отрывки* из Ваших произведений.

— Признателен, — с добрым юмором ответил М. А. Шолохов.— Когда Ваши постановки дойдут до нас, я обязательно посмотрю *отрывки* из них!

Оба собеседника от души рассмеялись этому обмену любезностями.

Когда Никита Сергеевич Хрущев кончил речь, в зале раздались бурные, если так можно сказать, радостные, благодарные аплодисменты. Люди как бы говорили этим: спасибо Вам за откровенный разговор, за Вашу сердечность, за прямоту, за то, что Вы с такой энергией отстаиваете дело мира, за то, что Вы даете и художнику право быть активным человеком в этой борьбе за мир.

Никиту Сергеевича и других советских гостей приглашают в один из павильонов студии, где им продемонстрировали съемку нескольких эпизодов из фильма «Канкан». После небольшой сценки, в которой участвовали американец Фрэнк Синатра и французы Морис Шевалье и Луи Журден, зрителям был показан канкан. Но прежде, чем говорить о нем, хочется сказать, что та самая девушка, которая танцевала в этом канкане главную партию,— известная американская актриса Шерли Маклейн, обратилась к Никите Сергеевичу с удивительно теплыми словами на русском языке: она приветствовала его здесь, в Голливуде, желала ему успеха во время поездки и говорила, что американские киноактеры были счастливы увидеть и услышать главу Советского правительства.

И той же девушке и ее подругам пришлось исполнить для гостей низкопробный танец. Девушки кривлялись, падали на пол, дрыгали ногами. И всем, кто видел этот танец, было ясно, что актрисам стыдно и перед собой, и перед теми, кто видит их. Они танцевали, не понимая, кому и зачем пришло в голову заставить их делать это перед Никитой Сергеевичем Хрущевым и перед другими советскими гостями. А Никита Сергеевич спокойно сидел

в ложе для почетных зрителей и, когда девушки кончили танец, поаплодировал им.

Советские гости сфотографировались с актерами. И по глазам людей было видно — они благодарны, что никто не заводит речь об этом танце, будто бы его и не существовало совсем. Какой-то американский фоторепортер все время заставлял Шерли Маклейн повыше поднять подол юбки и сфотографироваться так рядом с Никитой Сергеевичем. Нужно было видеть, как зло взглянула она в сторону репортера, как горько и резко проговорила:

— Как Вам не стыдно? Оставьте меня в покое!

Только Никита Сергеевич распрощался с актерами, как стая американских журналистов кинулась к нему. Тут-то и был задан тот главный вопрос, ради которого хозяева студии, очевидно, показывали канкан. Очень спокойно, прямо и остроумно Никита Сергеевич сказал несколько фраз, которые обошли потом многие газеты мира:

— Вы спрашиваете меня о канкане? С моей точки зрения, с точки зрения советских людей, это аморально. Хороших актеров заставляют делать плохие вещи на потеху пресыщенных, развращенных людей. У нас в Советском Союзе мы привыкли любоваться лицами актеров, а не их задами.

И тысячу раз был прав французский публицист Пьер Куртад, который писал в те дни в «Юманите»: «Нельзя винить Мориса Шевалье, который пел с большим талантом, и Луи Журдена за то, что французский канкан на голливудский манер своей вульгарностью и глупостью оправдывает то, что говорят и пишут в СССР о падении буржуазного искусства. Со своей стороны, я считаю, что Н. С. Хрущев проявил исключительную любезность, аплодируя жалким кривляниям танцовщиц со студии «XX век-Фокс»».

Наверное, канкан был показан не случайно. Кому-то хотелось, чтобы горький осадок разрушил те нити доброго и хорошего взаимопонимания, которое возникло здесь, в Голливуде, между Никитой Сергеевичем Хрущевым и американскими актерами. Но этого, конечно, не случилось и не могло случиться. Так могли предполагать только такие люди, которые слишком плохо думают о своих собственных деятелях искусства.

А вот что говорили восторженные, празднично воодушевленные артисты:

Морис Шевалье: «Никита Сергеевич Хрущев обаятелен, умен и мастер полемики. Мне показалось, что в нем заложен динамит».

Мэрилин Монро: «Мне было очень интересно. Я словно увидела в будущем признаки надежды, дружбы и мира. Это памятный день в истории кинематографии».

Кирк Дуглас: «Чем лучше люди будут узнавать друг друга, тем труднее им станет драться».

Именно эти мысли останутся в памяти американских актеров после встречи с Никитой Сергеевичем Хрущевым. Они вышли за ворота студии и долго махали руками вслед уходящим машинам.

Куда ехал на этот раз Никита Сергеевич? В программе значилось: поездка по Лос-Анжелосу. Полицейские вертолеты, на борту которых находились радиокомментаторы, как гигантские стрекозы, висели над вереницей машин. До вечернего приема в отеле «Амбассадор» было еще несколько часов. Все дальше и дальше уходили машины от Голливуда, вплетаясь в лабиринт запутанных окраинных улочек огромного города.

ДВА ЧАСА ЕЗДЫ В НЕИЗВЕСТНОМ НАПРАВЛЕНИИ

Лос-Анжелос, вероятно, самый большой по площади город мира. Его территория равна 454 квадратным милям. Часто Лос-Анжелос называют самым длинным городом земли: он на десятки миль вытянулся по Тихоокеанскому побережью. Может быть, Лос-Анжелос и самый одноэтажный из всех американских городов. Даже в его центральной части нет небоскребов — этой почти обязательной и непременной черты большинства крупных американских городов. Одноэтажные и уж очень «зарекламленные» домики — характерная примета Лос-Анжелоса. Порой кажется, что город существует не потому, что в нем есть дома, а потому, что дома нужны для того, чтобы поддерживать раскрашенные, светящиеся, вращающиеся щиты. Крупные буквы на этих щитах зовут вас покупать, ехать, есть, пить, курить,

носить, смотреть, читать что-то совершенно определенное, что считается лучшим из лучшего хозяевами данной фнрмы.

Узкие улочки Лос-Анжелоса похожи друг на друга так, что только опытный человек не собьется и не спутает их друг с другом. Повсюду «Шелл» — реклама бензиив на розовом фоие ракушки, «Стандард ойл» — иа фоне Пегаса, «Эссо» — тоже реклама бензнна в светящемся круге, н метровые бутылки кока-кола, и улыбающийся джентльмен, приглашающий вас пить только канадское виски.

Лос-Аижелос зиаменит, конечно, не только Голливудом. Золото и иефть влекли сюда тысячи переселенцев. Золотые запасы близ Лос-Аижелоса, видимо, поиссякли, но иефтн еще миого. Даже в центре города вы можете неожидаиио увидеть насос, напомннающий клюв гигантской птицы, который круглые сутки выкачивает из глубоких иедр черное золото.

Вторая мировая война наложила на город особый отпечаток. Здесь срочио было развериуто граидиозиое строительство авнациониых заводов. Лос-Анжелос выбрали для этой цели по тому же принципу, по которому город стал цеитром кинопромышлеииости. Здесь триста дней в году безоблачное иебо. Это очень удобно для съемки кинокартии, но это удобио и для быстрого строительства заводов. Лииии станков не требовали в этом теплом крае стен, а подчас даже и крыш. Испытания иесамолетов не откладывались из-за иепогоды. За иесколько лет город разросся в крупнейший цеитр иидустриальной Америки. Но развитие промышлеииости привело к одному существеииому для города осложнению. Много дней в году над улицами внснт едкий, выжигающий слезы из глаз дым — «смог», который стелется по улицам подобно туману. Рассказывают, что с океаиа дуют на Лос-Аижелос теплые ветры, с материка — холодные. Здесь оии встречаются, а встретившись, эти противоположиые ветры устремляются вверх и ие продувают город. Чисто географическая особенность Лос-Анжелоса во время визита Никиты Сергеевича Хрущева была осмыслена каким-то бойким американским журналистом и на политический манер.

«Теплый н холодный ветры — ветер дружбы и ветер холодиой войны соединились в Лос-Анжелосе и показали

Премьеру советского государства, что в мире еще много противоборствующих сил».

Ну что же, он был прав, этот американский журналист. Наверное, именно Лос-Анжелос, середина пути Никиты Сергеевича Хрущева, стал как раз тем городом, где особенно отчетливо Америка и весь мир почувствовали, как много еще надо будет сделать для того, чтобы преодолеть предубеждения.

Два часа машины с советскими гостями шли в неизвестном направлении. Нет, нет, мы не ошиблись, когда сказали: в неизвестном направлении. Радиокомментаторы с бортов вертолетов сообщали жителям Лос-Анжелоса одну версию за другой о цели путешествия Никиты Сергеевича Хрущева по городу.

— Я лечу над машиной,— сообщал головной вертолет,— они движутся, видимо, в район нового строительства.

Уже через пять минут, когда кавалькада сворачивала в другую сторону, радиорепортер с другого вертолета сообщал:

— Нет, скорее всего они решили выехать за город.

И так каждые десять минут — в совершенном неведении о том, куда же действительно везут советского гостя, что хотят показать ему? Почему так стремительно менялось направление? Мы можем только догадываться, точно же знают почему — организаторы поездки.

До вечернего приема оставалось время, и можно было бы, наверное, многое показать Никите Сергеевичу Хрущеву в Лос-Анжелосе. Можно было! Но уже отпала поездка в Диснейлэнд. Еще во время пребывания Никиты Сергеевича Хрущева в Голливуде кто-то из городских властей шепнул господину Лоджу: ехать в Диснейлэнд невозможно. Никита Сергеевич Хрущев сказал об этом в своей речи перед американскими артистами.

Надо было слышать, какой гомерический хохот стоял в зале! Действительно, Диснейлэнд — детский парк — сказочная страна, которую построил на земле Лос-Анжелоса известный американский кинопостановщик Уолтер Дисней. На небольшой территории он построил целый городок, воспроизводящий декорации своих рисованных фильмов, созданных по романам Жюля Верна и по сказкам.

Когда в Голливуде стало известно, что Никиту Сергеевича не пускают в Диснейлэнд, популярный американский комик Боб Хоуп, как все комики, с серьезным видом проговорил:

— Я знаю, почему господина Хрущева побоялись пустить в Диснейлэнд. Ведь там установлена единственная ракета в Соединенных Штатах, которая работает безотказно...

Боб Хоуп имел в виду аттракцион. Его очень любят дети. Забравшись в стоящую на земле ракету, можно совершить за 20 центов путешествие на «луну» без всяких аварий.

Официально, конечно, все объяснялось по-иному. Оказывается, за несколько часов до того, как Никите Сергеевичу отправиться в этот городок, начальник полиции Лос-Анжелоса Уильям Паркер решил поехать туда сам. Во время этого путешествия кто-то бросил в него помидор. Начальник полиции не на шутку испугался и снял всю ответственность с себя за поездку Никиты Сергеевича Хрущева в Диснейлэнд. Никита Сергеевич шутливо заметил по этому поводу:

— А почему начальник полиции подумал, что в него бросили испорченный помидор? Может быть, этот помидор был свежим, хорошим...

Группа советских журналистов посетила Диснейлэнд. Из разговоров со служащими городка выяснилось, что там собрались встречать Н. С. Хрущева десятки тысяч горожан. Они намеревались устроить восторженную встречу. Но кое-кому не захотелось, чтобы такая встреча Н. С. Хрущева с простыми американцами состоялась. Тогда-то и родилась полицейская версия о причинах отмены поездки в Диснейлэнд.

А машины шли и шли в неизвестном направлении, и горожане, которые мечтали увидеть Председателя Совета Министров, метались с одной улицы на другую и часто видели лишь хвост кавалькады, не успевали сказать добрых слов, которые у них были на сердце.

И все-таки в Лос-Анжелосе Никиту Сергеевича Хрущева приветствовало очень много людей, потому что весть о том, что приближаются машины, распространялась быстрее тех радиосообщений, которые передавались с вертолетов. На этот раз, вопреки всем законам физики, молва опережала скорость радиосигналов.

Мелькают за окнами машин маленькие домики, прямо-таки в три четверти натуральной величины. Эти домики — надежда, счастье американца, цитадель его жизни. Красные, синие, зеленые, желтые — они рождают радостные чувства, пока не думаешь о том, сколько стоят домики. На американской выставке в Москве был показан многокомнатный дом, названный «домом типичного американца». Мы не знаем, чем при этом руководствовались устроители выставки. Мы спрашивали у простых американцев, сколько стоят их маленькие домики. И они называли нам цифры, которые заставляли насторожиться,— 15, 20, 25 тысяч долларов. Это немалая сумма. Подчас американцу не хватает жизни, чтобы заплатить за этот дом, и за него приходится расплачиваться детям, а иногда даже внукам хозяев.

В том, что два или немногим больше часа Никиту Сергеевича Хрущева почти без цели возили по окрестностям Лос-Анжелоса, не было ничего неожиданного. Все было «предусмотрено». И многое, как уже говорилось, выяснилось вечером на приеме. Может быть, стоит только сказать о том, что мэр Лос-Анжелоса Н. Поулсон, который вот уже пять раз избирался в конгресс США от республиканской партии и второй раз стал мэром Лос-Анжелоса, еще в сороковых годах во время первой своей избирательной кампании заявил: «Либо у нас будет американский образ жизни, либо иностранные идеологии, навязывающие советизацию и диктаторство» (?!).

Сказано достаточно красноречиво и зло! Специальный помощник мэра, который сопровождал Никиту Сергеевича в городе, Виктор Картер, уполномоченный городского управления по пожарной охране, тоже не очень-то стремился сделать пребывание советских гостей в Лос-Анжелосе приятным и полезным. Объяснение этому искать недолго. Он дал его сам в разговоре с Никитой Сергеевичем Хрущевым. Оказалось, что Виктор Картер — сын купца второй гильдии из Нахичевани Ростовской области. Отец его в 1921 году еле унес ноги от Красной Армии.

— Было трудно надеяться, чтобы этот господин организовал мне хорошую встречу,— смеялся Никита Сергеевич.— Ведь именно в то время я был с Красной Армией в Ростове-на-Дону.

Наконец, пришел час того вечернего приема, который многое определил в поездке Никиты Сергеевича Хрущева по Соединенным Штатам Америки. Продолговатый зал отеля «Амбассадор» был переполнен. Столики стояли так плотно, как никогда прежде. Самые именитые горожане Лос-Анжелоса собрались здесь. Несколько сот человек в нетерпеливом ожидании поглядывали на главный стол. Наверное, большинство из собравшихся с самым искренним чувством ожидали выступления Никиты Сергеевича Хрущева. Но, как уже говорилось, и мэр, и его специальный помощник, и некоторые другие в Лос-Анжелосе рассчитывали, что этот город оставит «особый след» в памяти Н. С. Хрущева.

Когда начал говорить мэр Поулсон, это почувствовали и все собравшиеся. Поначалу его речь была выдержана в любезных общих тонах. Но вот «главный пункт», главная точка в речи мэра. Голос его становится холоднее, он явно волнуется. Мэр вновь возвращается к известному замечанию Никиты Сергеевича Хрущева о том, что социализм придет на смену капитализму, что одно общество сменит другое. Мэру не хочется этого, он не согласен с законами истории, и он заявляет всем собравшимся: «Вам не удастся нас похоронить, господин Хрущев, и не стремитесь к этому. Если будет нужно, мы будем сражаться насмерть».

В зале на секунду воцарилось неловкое молчание, потому что уже во время своего выступления на пресс-конференции в Вашингтоне Никита Сергеевич достаточно ясно и убедительно опроверг нелепые утверждения, будто он грозился хоронить капиталистов. И можно было только поразиться долготерпению Н. С. Хрущева, когда он, начав свою речь вслед за мэром, вновь и вновь возвращался к тому, о чем он уже говорил не один раз.

— Обращаюсь к Вам, г-н мэр — мой хозяин,— сказал Никита Сергеевич.— В своем выступлении Вы сказали, что мы вас хотим похоронить. Вы хорошо меня и моих товарищей угощаете, мы Вам за это благодарны, но правду я Вам все же скажу. У вас так водится?

Аплодисменты подтвердили, что гости хотят услышать именно правду. И Никита Сергеевич продолжал:

— Хочу спросить: зачем Вы возвращаетесь к тому, что мной было разъяснено в первых выступлениях по прибытии в Америку? Мэры тоже, видимо, прессу читают.

Зал засмеялся, дружно зааплодировал. Видимо, по мнению собравшихся, не все мэры читали прессу.

— Во всяком случае у нас председатели городских Советов обязательно читают газеты. Если они не читают прессу, их тогда могут не выбрать на следующих выборах.

И вновь засмеялись несколько сот человек и как бы придвинулись ближе к главному столу, потому что оттуда они слышали исключительно меткие, хотя и несколько резкие слова. А Никита Сергеевич, распознав за несколькими колючими и взвинченными словами мэра сущность вопроса, говорил всем:

— Кое-кто, видимо, стремится ехать и дальше на коньке «холодной войны» и гонке вооружений. Если они с этого конька не захотят сойти и будут держаться в седле, к чему и куда привезет этот конь? Если такие люди хотят гонки вооружений и войны, тогда пусть они сидят на этом коне. Тогда для всех будет ясно, что ни о каком разоружении и речи быть не может. Наоборот, гонка вооружений будет усиливаться. Если вы не готовы к разоружению и хотите дальше продолжать эту гонку вооружений, у нас не останется другого выхода, кроме продолжения производства ракет, которые у нас выпускаются по конвейеру.

Господа! Подумайте серьезно, к чему все это может привести. Вам известно, что я приехал сюда с добрыми намерениями, а кое-кто у вас, по-видимому, хотел бы шуточками отделаться. Речь идет, повторяю, об очень серьезных вещах — о мире и войне, о жизни и смерти людей. Мы протягиваем вам руку дружбы. Не принимаете — скажите прямо.

И в настороженной тишине зала, который понял, что, встречая главу Советского правительства, нельзя повторять слова, ведущие к осложнению отношений, кто-то очень взволнованно воскликнул:

— Принимаем, принимаем!

Никита Сергеевич говорил еще долго. Мэр сидел, немного опустив голову, но совсем не потому, что ему стало стыдно или неловко за свои слова. Он просто видел, как слушали все собравшиеся Никиту Сергеевича Хрущева, как воспринимали те предложения о мире, о дружбе и о взаимном доверии, которые звучали в его речи.

И пока в притихшем помпезном зале отеля «Амбассадор» говорил Никита Сергеевич, вставал в памяти весь день, проведенный в Лос-Анжелосе: и канкан в Голливуде, и отказ повезти гостей в Диснейлэнд, и два часа бесцельной поездки по окраинам Лос-Анжелоса, да еще со стремлением обмануть горожан, не дать им выйти навстречу Н. С. Хрущеву. И, наконец, этот вечер, когда вновь были сказаны слова из лексикона «холодной войны», слова, заранее рассчитанные на ссору, на осложнения.

На следующий день американская пресса, как по команде, дала оценку лос-анжелосскому «периоду» пребывания Никиты Сергеевича в США: «Холодный прием в Лос-Анжелосе». А газета «Кроникл», издающаяся в Сан-Франциско, писала: «Если он (Н. С. Хрущев.— *Авторы*) столкнется еще с одним таким мэром, как этот (речь идет о Н. Поулсоне.— *Авторы*), он, вероятно, действительно упакует чемоданы и улетит на родину».

Как известно из выступления Н. С. Хрущева в Лос-Анжелосе, он действительно предупредил американскую сторону, что, если она не готова к серьезному спокойному обмену мнениями, он может прекратить поездку по США.

В зале отеля «Амбассадор» Никита Сергеевич, отнюдь никому не угрожая, подчеркнул, что он представляет великую страну, великий советский народ, и сказал, что ему не долог путь домой.

— Если сюда мы летели около 12 часов, то отсюда долетим, наверное, часов за 10? Как Вы думаете, товарищ Туполев,— обратился он к авиаконструктору Алексею Андреевичу — сыну академика Туполева.

— Да, Никита Сергеевич, долетим,— спокойно ответил инженер.

Мы еще раз подчеркиваем, что в этом не было и тени угрозы. Просто Н. С. Хрущев с глубочайшей прозорливостью разгадал и разрушил весь план, поняв, что события в Лос-Анжелосе — это не цепь случайных неожиданностей, а заранее продуманная и рассчитанная игра. По словам корреспондента «Нью-Йорк таймс», комментатор телевидения Пат Майклс заявил, что мэр сказал ему перед прибытием Н. С. Хрущева следующее: «Все были милы с Хрущевым, но я поступлю иначе. Вы увидите,

какую речь я произнесу. Я покажу свой кулак, но он будет в бархатной перчатке. А под бархатом у меня будет длинный острый нож, и я всажу этот нож».

В Соединенных Штатах большим тиражом разошлась книга «Правила хорошего тона». Она рекомендует хозяину быть вежливым и учтивым по отношению к гостю. Едва ли Поулсон заглядывал в эту книгу.

Его позицию, однако, не разделяли жители Лос-Анжелоса, простые американцы по всей стране. Уже в тот вечер в адрес Н. С. Хрущева стали поступать десятки писем и телеграмм не только от жителей Лос-Анжелоса, но и со всех концов США. Звонки телефонных аппаратов не умолкали далеко за полночь. И люди говорили немало сильных слов, осуждающих г-на Поулсона.

Поздно вечером, когда разошлись гости и когда город уже засыпал, мы разговорились с несколькими американцами, которые продолжали толпиться у входа в отель «Амбассадор». Американцы казались взволнованными, даже обескураженными. Как только мы подошли к ним, они сразу заговорили о мэре, о его речи.

— Пожалуйста, не думайте, что он говорил от нашего имени,— заторопился пожилой, седой и какой-то усталый на вид американец.

— Нет, нет,— поддержала его немолодая женщина,— мы не знаем, зачем он сказал так. Передайте господину Хрущеву, что мы так не думаем.

Да, можно быть уверенным, что так не думают ни жители Лос-Анжелоса, ни простые люди всей Америки. И этому были красноречивые и точные доказательства. Газеты писали, что выступление мэра «было неуместным». Сотни телеграмм, полученных в связи с выступлением мэра Лос-Анжелоса, содержали извинения за бестактность мэра, за то, что он грубо попытался сорвать доброе дело — улучшение взаимопонимания между нашими странами.

Газета «Нью-Йорк таймс» отмечала, что Н. С. Хрущев, по-видимому, «действительно искренне» пытается найти общую почву для переговоров обеих сторон. «А сейчас он все время наталкивается на нападки из-за старых мертвых проблем. Если эти мэры хотят получить голоса, то им следует заниматься этим в другое время».

Можно только отчасти согласиться с этим заявлением «Нью-Йорк таймс». Не в избирателях дело, скорее дело

в тех, кто финансирует избирательные кампании, а это, как известно, разные вещи.

Так или иначе, но те же американские газеты, которые писали о «холодном приеме», вынуждены были подчеркнуть, что «тактика шпилек потерпела в Лос-Анжелосе сокрушительное поражение». «Об этом надо подумать,— писали американские журналисты,— ибо общественное мнение явно не на стороне тех, кто хочет холодно встречать Хрущева».

И почти все газеты приводили разительные цифры опроса жителей Лос-Анжелоса по поводу бестактного поступка мэра. Получилось так, что подавляющее большинство из тех, к кому подходили газетные репортеры, отвечали: «Нам стыдно за мэра».

И как бы обобщая бесхитростные, теплые слова рядовых американцев, звучали строчки телеграммы, полученной Н. С. Хрущевым в поезде по пути к Сан-Франциско. «Господин Хрущев,— обращался к Никите Сергеевичу один американец,— в нашем городе подолгу висят едкие тучи дыма. Мы знаем, что происходит в часы, когда ветры минуют наш город. Но мы знаем также, когда теплый ветер с океана опережает холодный, он прочищает Лос-Анжелос и всем нам дышится легко и свободно. И мы с нетерпением ждем часа, когда этот ветер начинает господствовать в городе. Будьте уверены, Ваш визит, как теплый ветер, прочистил многое в глазах и душах наших жителей».

Слова этой телеграммы прямо перекликались с той частью выступления Никиты Сергеевича Хрущева в отеле «Амбассадор», в которой он говорил:

— Мне сказали, что в Лос-Анжелосе можно наблюдать такое атмосферное явление, которое называют у вас «смог»,— это когда в плохую погоду к туману примешивается дым и копоть и в результате людям становится тяжело дышать. Мне кажется, что «смог» во многом напоминает «холодную войну»... Для того, чтобы сотрудничество между государствами пошло на лад, необходимо совместными усилиями покончить с «холодной войной», освободиться от порожденных ею предубеждений, неприязни и взаимного недоверия. И чем скорее мы покончим с «холодной войной», тем будет лучше для наших народов и для всего человечества.

В ЭКСПРЕССЕ «ДНЕВНОЙ СВЕТ»

От Лос-Анжелоса до Сан-Франциско десять часов пути. Советским гостям был предоставлен экспресс под названием «Дэй лайт» («Дневной свет»).

Стальная нить железной дороги, связывающая два самых больших города Калифорнии, стелется по самому берегу океана. По временам колес чуть ли не касаются пенистые голубовато-зеленые волны. Полицейские вертолеты никак не могут расстаться с поездом и висят, висят над ним, будто указывают ему, в каком направлении надо двигаться. По шоссе мчатся машины военной полиции, тоже, видимо, в опасении, что машинист может «свернуть» не в ту сторону.

Власти Лос-Анжелоса не успели за ночь отменить своих инструкций, и полиция продолжает «действовать». Но бог с ней, с полицией, каждый смотрит на мир из своего окна. Никита Сергеевич сидит в своем вагоне и смотрит на игру волн, на краски теплого южного утра. О чем думается ему? Может быть, в эти минуты перед его мысленным взором встают родные тихоокеанские берега, которые сейчас кажутся такими близкими, лежащими там, за чертой горизонта.

Все быстрее идет поезд, и стук колес сливается в дробную скоропись телеграфных сигналов, которые как бы посылает нам Родина. Немного таких спокойных минут у Никиты Сергеевича и сопровождающих его советских товарищей, и, наверное, мысли всех сейчас дома, на Родине...

Лодж, Бьюкенен — начальник протокольного отдела госдепартамента, Томпсон — посол США в Москве тоже о чем-то задумались. Они кажутся невыспавшимися, усталыми. Что ж, к этому, видимо, есть некоторые основания. Быть может, господа американцы долго в ночные часы консультировались между собой по поводу откровенного и решительного заявления Н. С. Хрущева о том, что он не намерен выслушивать речи тех, кто ищет ссоры, а не взаимопонимания. Об этом довольно откровенно сообщают сегодня газеты:

«Нью-Йорк геральд трибюн» в редакционной статье пишет: «Можно обоснованно напомнить, что такие эпизоды, как те, которые испортили пребывание Хрущева в Лос-Анжелосе, не делают политики». Ну что ж, это

звучит почти как извинение. Волна тревоги, беспокойства по поводу того, что некоторые неразумные и недальновидные политики в США испортят наметившийся контакт, распространяется и за пределы Америки.

Английские газеты «Дейли миррор», «Дейли мейл», «Дейли геральд» призывают американцев «вести себя подобающим образом, ибо, если Н. С. Хрущев, в знак протеста против провокационных и глупых выходок, прервет визит, это означало бы усиление «холодной войны» и было бы катастрофой».

Газеты были правы, когда выступали против глупых и провокационных выходок, подчеркнув, что это дело лишь определенных людей в Америке. К ним и надо адресовать подобные предупреждения.

Американцы сами говорят за себя, и достаточно красноречиво. Поезд ведь не может «свернуть» на другую улицу, никому не дано изменить его маршрут «по причине обеспечения безопасности». Американцы знают это, и сотни, тысячи мужчин, женщин, юношей, девушек и детей всех возрастов выходят к железнодорожному полотну, стекаются к станциям, чтобы приветствовать советских гостей. В их руках трогательно простые плакаты, которые они писали, оторвавшись от дел в мастерской, в школе, на ферме. Они взяли их в руки, подняли над головами не из простой любезности. Они слышали выступления высокого советского гостя. Его речи пришлись им по сердцу, ответили на многие вопросы, раздумья и тревоги, сделали ясным путь, по которому все люди Земли могут идти к миру и дружбе.

Их часто вводили в заблуждение о жизни в Советской стране, о намерениях Советского правительства, их пугали жупелом коммунизма. Им говорили: «Русские ракеты полетят на ваши головы, русские займут ваши домики, отберут у вас телевизоры. Если вы не будете платить высокий налог и не поможете Штатам создать силу, способную остановить русских,— все пропало».

Но они слышат другое из уст русского Премьера — сына крестьянина, рабочего, солдата, отца, потерявшего сына на войне.

— Советский народ хочет жить в мире и дружбе с американским народом,— не раз подчеркивал Н. С. Хрущев. Это он, а не кто-нибудь другой с трибуны Организации Объединенных Наций сказал всем в мире:

«...Есть одна проблема, решения которой с надеждой ждут люди всех стран, как больших, так и малых, независимо от сложившихся в них общественных отношений и уклада жизни,— это *проблема разоружения*». «Задача состоит в том, чтобы найти рычаг, взявшись за который можно было бы остановить сползание человечества в пропасть войны». «Советское правительство, всесторонне рассмотрев создавшуюся ситуацию, пришло к твердому убеждению, что *выход из тупика нужно искать на путях всеобщего и полного разоружения*».

Да, был особый, высокий смысл в том, как встречали Никиту Сергеевича на этих маленьких, неприметных станциях между Лос-Анжелосом и Сан-Франциско. Никто не знает, какой достаток у людей, что поспешили навстречу поезду, откуда пришли они и каких придерживаются политических взглядов,— их глаза и лица говорят об одном: Давайте жить в мире, разумно и просто. Дадим нашим детям право на спокойные и счастливые сны.

Поезд останавливается на станции Сан-Луис-Обиспо. Многотысячная толпа приветливо машет руками, теснит полицейский кордон. Никита Сергеевич выходит из вагона и направляется к людям. Десятки рук протягиваются навстречу его руке, и пожатие это более чем символично. Высокий плотный человек держит на плече ребенка. В руке у него плакат: «Разоружение! С контролем или без него». Никите Сергеевичу переводят строки плаката, и он громко произносит:

— Мы за разоружение с контролем.

Сотни людей аплодируют, скандируют слова «мир», «дружба».

Как не похожи эти взволнованные, улыбающиеся люди на устроителей приема в Лос-Анжелосе! Полицейские ряды прорваны, но ничего не произошло страшного, никто не помешал главе Советского правительства мирно и просто поговорить с американцами, коротко ответить на их вопросы. Минуты остановки окончились. Н. С. Хрущев с площадки вагона машет рукой встречавшим советских гостей. Происходит, правда, маленькая заминка с г-ном Лоджем... Корреспондент Ассошиэйтед Пресс описал ее достаточно красноречиво.

«Пробивая дорогу, чтобы сесть в специальный поезд Хрущева после шумной остановки в Сан-Луис-Обиспо,

Генри Кэбот Лодж взялся за руки с американскими офицерами безопасности и русскими, чтобы освободить путь для советского Премьера.

Когда Премьер-Министра подсадили на подножку поезда, Никита Хрущев повернулся и со смехом крикнул: «Спасайте Лоджа!»»

Никита Сергеевич вошел в вагон в приподнятом, веселом настроении.

— Тут стихами заговоришь,— шутит он,— как это... «мне в душу повеяло жизнью и волей». Меня, как арестованного, впервые за шесть дней выпустили на прогулку, к народу, и я смог, наконец, подышать свежим воздухом Америки.

И это действительно так. Станция за станцией будто спорят друг с другом по теплоте и сердечности встреч. Вдоль всего пути — люди, люди, люди. «Мир Вам и вашей стране», «Хрущев нам нравится», «Доброе утро Вам», «Хорошая работа» — такие слова не напишешь ни по чьей шпаргалке, они ложатся на листки бумаги и фанеры, на картон и даже на белые куски хлопчатобумажной ткани прямо из сердца. А вот строчки телеграмм, доставленных в поезд:

«Добро пожаловать к нам. Мы высоко ценим Ваши взгляды и Ваши усилия, направленные на достижение разоружения». «Многие американцы, мнения которых Вы не слышали, жмут Вашу руку с чувством дружбы и взаимного стремления к миру». «...Весьма разочарован, что госдепартамент таким образом организовал Ваше пребывание в стране, что некоторые, кто хотел бы приветствовать Вас и Вашу очаровательную супругу, лишены такой возможности. Мир и дружба вашей великой стране и народу». «Мы очень рады, что Вы наш гость в Соединенных Штатах. Мы не боимся выразить наше глубокое убеждение в том, что Ваш приезд может лишь улучшить возможность для установления прочного мира». «Подобно большинству американцев, я не верю в коммунизм, но я верю, что со временем мы станем социалистами. Я американец... Я не разделяю вашей идеологии, но, по-видимому, Вы убеждены в своей правоте. Советский Союз и наша страна должны установить взаимопонимание. Два великих государства должны выступать совместно... Даллас, Техас». «Ваше предложение по разоружению является величайшей политической акцией нашего

времени»,— телеграфировал Никите Сергеевичу Хрущеву Эптон Синклер.

А вот мнение промышленника Сайруса Итона: «Предложение по разоружению, проникнутое государственной мудростью, встретит безоговорочное одобрение среди миролюбивых людей во всех странах. Ваши чрезвычайно разумные рекомендации, несомненно, будут немедленно и серьезно рассмотрены главами правительств».

Мчится экспресс по самому берегу Тихого океана. В вагоне под стеклянной крышей Н. С. Хрущев оживленно беседует со спутниками, знакомится с документами, читает. По временам он прогуливается по всему составу, беседует с журналистами, служащими железной дороги. Солнечный день делает еще более яркими краски Калифорнии. Рощи золотистых апельсинов перебегают с холма на холм, будто играют с поездом вперегонки. Поезд идет в Сан-Франциско. На некоторых станциях вновь стало заметно действие прежних «особых» указаний. Вот, например, что передавал корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс из Сан-Хосе:

«Поезд советского Премьера Никиты Хрущева прибыл сюда в воскресенье в 5 часов 09 минут дня — на шесть минут раньше, чем по установленному графику. В отличие от Санта-Барбары, Сан-Луис-Обиспо и Салинаса в Сан-Хосе были приняты решительные меры для обеспечения безопасности (все та же песня! — *Авторы*). Департамент полиции разместил 75 офицеров вокруг станции, а компания «Сазерн Пасифик рейлуэй» расставила против станции целый ряд пригородных составов, которые были очищены от пассажиров, так что с путей платформу нельзя было разглядеть».

Что и говорить, серьезные баррикады. Но и они оказались взятыми. Однако об этом позднее.

В середине пути был случай, который привлек всеобщее внимание. Никита Сергеевич мирно беседовал с Лоджем, Томпсоном и другими американцами. И вдруг мимо него с подозрительной настойчивостью начали проходить американские журналисты и, как бы невзначай, задерживаться возле Н. С. Хрущева. Наконец журналисты не выдержали и обратили его внимание на то, что поезд проходит мимо крупной ракетной базы Ванденберг.

Как известно, Никита Сергеевич еще в Москве сказал, что у него нет никакого интереса к американским воен-

ным базам. Но тут вроде все было неожиданно: сооружения ракетной базы уже мелькали за стеклами вагона. Однако Никита Сергеевич Хрущев даже не взглянул в окно.

— Меня это интересует мало, господа американцы,— произнес он.

— Но посмотрите, ведь это очень впечатляюще,— заметил кто-то из журналистов.

Тогда Никита Сергеевич, не глядя в окно, шутливо проговорил:

— Скажу вам по секрету, что у нас этих баз больше, чем у вас, и притом оснащены они лучше.

Нет, ничего не получилось у тех, кто хотел, чтобы Никита Сергеевич Хрущев подивился на военную мощь Америки.

И в Сан-Хосе, и всюду в пути приветствовал советских гостей тот самый простой, или, как принято иногда говорить, средний, американец, который, собственно, и составляет бо́льшую часть Америки.

И, может быть, именно здесь стоит рассказать о заботах этого человека, его отношении к мировым и внутренним событиям, о том, что думает он о себе и о других. Естественно, это трудно сделать в коротких заметках, не занимаясь специально обрисовкой образов и положения американцев в Америке. Но даже общий взгляд на место человека в американском обществе поможет лучше понять все, что связано с его жизнью.

Американцы — экспансивные и увлекающиеся люди. Они, в лучшем смысле этого слова, часто ведут себя, как большие дети. Очень непосредственные и живые, они быстро знакомятся и быстро начинают говорить откровенно.

Есть довольно сложная и определенная предыстория того, что они подвержены различным «эпидемиям»: то это «хула-хуп» — нейлоновый обруч, который крутят вокруг талии, то очередная кинозвезда, часто не успевающая поблистать и одного сезона, то новое сидение для автомобиля, то новый фильтр для сигарет, то зажим для бритвы, то чулки со швом или без шва. Так происходит почти непрерывно, из года в год, из месяца в месяц.

Реклама делает свое дело. Причем очень важно подчеркнуть, что для Америки реклама — это не только чисто торговое понятие. Она определяет психологию общества, она вошла в жизнь американца так всеобъемлюще

и так плотно, что стала как бы чертой национальной жизни. В этом нет ничего удивительного, если сопоставить только две цифры: ежегодно на рекламу и рекламные передачи Америка расходует баснословную сумму — 10,5 миллиарда долларов, то есть сороковую часть своего общего дохода, тогда как на образование подрастающего поколения Соединенные Штаты тратят 16 миллиардов долларов!

«Восхваляя свой товар, рекламный агент не ограничивается только полуистиной и полуложью,— пишет во французском журнале «Эспри» видный публицист Сидней Ленс.— Из самой программы он удаляет все спорное или всякую слишком грубую реальность». Реклама — «это созданное мистификаторскими способами феерическое королевство, в котором молочные реки текут в кисельных берегах, люди зарабатывают все больше и больше денег и которое является идеальным убежищем от слишком большого мира».

Другой публицист, Элдор Хаксли, приводит такой пример: «Большинство косметических средств приготавливается на ланолине, у которого много ценных качеств. Но торговые агенты не говорят о реальных достоинствах этих эмульсий, они дают им какое-нибудь живописное и заманчивое название, восторженно и лживо говорят о женской красоте и демонстрируют роскошных блондинок, питающих свою кожу косметическими кремами. Владельцы косметических фабрик продают не ланолин, они продают надежду. За эту надежду, за это лживое обещание, что они будут преображены, женщины заплатят в 10—20 раз дороже стоимости эмульсии, которую агенты столь ловко при помощи фальшивых символов предложили глубокому и почти всеобъемлющему желанию женщины быть красивой».

Надежда! Может быть, это главный и самый существенный корень почти фантастического влияния рекламы на умы и воображение американцев. В течение 10-часового пути поезда на маленьких домиках, на ранчо, на заводских трубах, на водонапорных башнях, просто в поле, на бортах грузовых автомобилей и на крышах легковых автомобилей, просто на асфальте, в воздухе, на бутылочках кока-кола, на тарелках, которые вам подают в вагоне-ресторане, на бумажных салфетках, на пластинках, в газетах, журналах, на пачках сигарет — всюду мы ви-

дели рекламу, рекламу, рекламу, которая опутывает, пробирается в душу и сердце американца и, наверное, сопровождает его от часа рождения до самого последнего мига жизни.

Гигантское восхваление всего — от жевательной резинки до турбин, автомобилей и самолетов, ставшее «национальным бедствием № 1» и «национальной привычкой № 1», давно уже перекочевало за пределы сферы торговли. Недаром во время разговора Н. С. Хрущева с заместителем государственного секретаря США Д. Диллоном последний обратился к Никите Сергеевичу с примечательными фразами:

— Простите, господин Хрущев,— сказал Диллон,— но как это Вы так быстро разобрались в психологии среднего американца?

— А почему Вы меня спрашиваете об этом? — улыбнулся Никита Сергеевич.

— Дело в том,— продолжал Диллон,— что американец действует по следующему принципу: он идет по улице, и на его мозг капает все время одно и то же слово — «купи», «купи», «купи»! Он останавливается, и ему вновь говорят — «купи», «купи», «купи»! Он поворачивает к магазину и вновь слышит — «купи», «купи», «купи»! И тогда он подходит к продавцу и, поверив, покупает...

Так и Вы, господин Хрущев,— развел руками Диллон,— где бы Вы ни выступали в Америке, всегда говорите: «коммунизм лучше», «коммунизм лучше», «коммунизм лучше... капитализма». Американец вначале слушал Вас с недоверием, но так как Вы это делаете очень настойчиво, он начинает верить Вам...

Трудно было уловить, чего больше в этих словах г-на Диллона — шутки или тревоги. Но, так или иначе, он был прав, когда говорил о привычке среднего американца верить, когда он сталкивается с убежденностью и повторением истин. А ведь Н. С. Хрущев не только убежденно повторял истину о превосходстве коммунизма над капитализмом, он разъяснял, раскрывал эту мысль с великолепной партийной страстью и остротой, с мудростью и прозорливостью. Он делал это, как истинный ленинец, всегда находя в своих речах новые волнующие примеры, краски и слова! Недаром вся американская печать писала, что в лице Н. С. Хрущева американцы видят перед

собой блестящего публициста, блестящего «проповедника своей точки зрения».

И все же нельзя только так, как это делает г-н Диллон, объяснять привычки и жизненную манеру американца, как совершенно неправильно было бы переносить общее богатство Соединенных Штатов на каждого жителя Америки, как неправильно было бы утверждать, что реклама делает всех действительно счастливыми и беззаботными. И здесь стоит напомнить о том материальном обеспечении, которым располагают средние американцы, а говоря проще, о том, как живут они.

Существует довольно большой отряд рабочей аристократии, условия жизни которой вполне приличны. В серийном промышленном производстве и в строительстве какая-то категория рабочих зарабатывает 80 и даже 100 долларов в неделю на семью, благодаря главным образом сверхурочным работам и т. д. Нельзя не видеть, что в Соединенных Штатах достигнут довольно высокий уровень жизни. Но, как известно, миллионы людей в той же самой Америке живут в условиях бедности и даже нищеты. Сидней Ленс сообщает, например, что «заработок одной шестой части налогоплательщиков — семейных и одиноких — составляет менее 40 долларов в неделю... Из 6,5 миллиона негров, работавших в Соединенных Штатах в 1950 году (последние данные, приводимые статистикой), добрых две трети зарабатывали менее 30 долларов в неделю».

Таким образом, подчеркивает Ленс, восхваляемый уровень жизни американца скорее относится к области статистической, нежели к области реальности. Одна треть нации, которая при правительстве Рузвельта плохо одевалась, плохо питалась и жила в плохих условиях, и в настоящее время все еще едва зарабатывает себе на жизнь.

Можно только добавить, что, хотя в Соединенных Штатах считают, будто страна вышла из глубокого кризиса, который потряс ее в 1958 году, когда колонны безработных заполнили Вашингтон, и до сих пор в Америке, мы подчеркиваем это, только по официальной статистике, все еще 3 миллиона 400 тысяч полностью безработных людей.

Безработица в условиях США для среднего американца — это убийственная, отчаянная пора существова-

ния. Те 20—30 долларов в неделю, которые получает американец лишь в первые месяцы безработицы, исчезают так же быстро, как надежды, пробужденные рекламой, и человек остается один на один со своей судьбой. Он может попытаться вырваться из ужаса нищеты и отчаяния, надеясь только на собственные силы, ибо социальные принципы и устои общества гласят: каждый сам за себя.

Американские города кажутся, на первый взгляд, яркими, нарядными. Такими делает их электрический блеск рекламных огней. Но вот наступает день, и они как усталая танцовщица из оперетты, снявшая румяна. И жизнь — американская жизнь без румян производит куда более сложное, тяжелое и даже гнетущее подчас впечатление, чем она представляется легкомысленному туристу.

Четверть заработка надо отдать за жилье — от 75 до 100 долларов за едва сносную квартиру, 500 долларов — только за право родить ребенка в больнице, 750—1000 долларов в год — за обучение в хорошем университете. Не потому ли в богатой Америке миллионы подростков не имеют возможности получить среднее, а тем более высшее образование. Не потому ли в богатой стране тысячи и тысячи подростков слоняются по улицам, часто попадая под влияние гангстерских шаек, становятся наркоманами, а степень нравственной распущенности подчас не укладывается в рамки нормальных человеческих представлений. Вдумайтесь в слова того же Сиднея Ленса: «Соединенные Штаты удерживают мировой рекорд по количеству убийств из расчета на каждые сто тысяч жителей». Именно в этом кроются, быть может, самые важные черты жизни так называемого счастливого общества.

Есть еще одна существенная черта, которая, подобно рекламе, создает какой-то призрачный мир для многих американцев, а затем в какой-то момент опускает их на грешную землю, и тогда наступают страшные разочарования и даже трагедии. Мы говорим об американской рассрочке, которая, подобно рекламе, тоже перестала быть чисто торговым делом. Образно говоря, мы привыкли думать, что люди покупают вещь, но здесь, в Америке, иногда кажется, что вещи покупают людей.

Производственные мощности США позволяют стране выпускать на рынок большое количество предметов быта и домашнего обихода. И все это, начиная от домика, автомобиля, телевизора и холодильника и кончая настольной лампой и детской кроваткой, продается в рассрочку. Рассрочка манит американца, она рекламируется и подается таким образом, что американцу кажется, будто он в силах иметь и одну, и другую, и третью вещь. Ежемесячно ему приходится выплачивать ощутимую для него сумму долларов. Но вот человек неделю, только неделю, не может сделать очередного взноса, и все, что приобреталось годами с американской последовательностью и деловитостью, будет безжалостно вывезено, вытащено из дома. Эта угроза всегда висит над американцем, определяя строй его мыслей и дум. Фетишизация быта и вещей приводит к тому, что многие американцы почти непрерывно (вам кажется даже, когда они разговаривают с вами) все время что-то считают, что-то прикидывают в уме. Сами для себя мы определяем это состояние человека очень коротко — рабством перед долларом, перед деньгой, которая стала богом, страстью, обязанностью и необходимостью.

В американской семье, в общем-то очень демократичной и приятной по взаимоотношениям членов этой семьи, нередко бывает так. Если, например, жена получает 100 долларов в месяц от мужа на хозяйство и если в конце месяца она говорит ему, что появилась какая-то новая вещь, на которую ей дополнительно нужно 15 долларов, муж даст ей эти деньги. Но в следующий месяц она получит на хозяйство лишь 85 долларов, так как 15 долларов брала у него взаймы.

Это деталь, но она раскрывает многое. Она определяет мир интересов американца, его зависимость от вечного подведения нуля к нулю и цента к центу. И вы начинаете понимать, почему жизнь в доме, где этот доллар даже не является последним и где не приходится едва-едва сводить концы с концами, жизнь даже в таком доме очень скучна и однообразна.

Американское общество выработало своеобразную мораль, которую оно формулирует во фразе: «равняться по Джонсам», то есть идти все время вровень с соседом. Если сосед купил новую марку телевизора, вы должны сделать это также. Если соседи привезли новый малень-

кий холодильник, вы должны позвонить агенту и совершить покупку немедленно. Иначе вы отстанете от соседа, а значит, выбьетесь из седла, из «порядка» и постепенно можете превратиться в человека, которого перестанут принимать в гостях, которому перестанут давать в долг, в человека, чей моральный авторитет будет подорван. А это уже страшно!

Как принято подчеркивать в США, средний американец очень часто покупает не тот или иной товар, а уважение к себе. Вот так постепенно методы торговли, купли-продажи, начинают применяться в политике, в культуре, в литературе, почти во всем, что имеет какое-либо значение в американской жизни.

Но, повторяем, это лишь беглый взгляд на среднего американца. Мы отнюдь не стремимся, да это и невозможно, двумя-тремя штрихами обрисовать лицо всей нации.

Средний американец увлекается бейсболом больше, чем книгой, устройством и оформлением кухни и ванны больше, чем театром и музыкой. Но главное, конечно, не в этом, главное в том, что его психология складывалась под влиянием того непреложного факта, что берега Соединенных Штатов лежат далеко от бед и волнений старого мира, Дальнего и Ближнего Востока. Войны проносились мимо, и вечно мирное солнце над страной выработало в характере американца скорее умозрительное представление о несчастьях солдат и их вдов, чем реальное.

И, наверное, кое-кто из тех, кто считает себя знатоком общественных интересов, кто претендует на самое достоверное толкование взглядов, настроений, дум и надежд среднего американца, рассчитывали, что этот порабощенный вещами, заранее продавший свою жизнь американец не очень растревожится из-за приезда советских гостей. Ведь ему годами говорили, что социализм — это общество, которое отнимет у него право на холодильник, на домик, на телевизор, общество, где ему будет отказано в праве на вкусы и привычки, где его ждет этакое холодное, серое, однообразное существование.

И вдруг американец слышит и узнает другое.

Как бы обобщая многие свои высказывания о социалистическом обществе, о коммунизме, Никита Сергеевич

Хрущев заключил их в своем выступлении по американскому телевидению:

— Люди труда, взяв власть в свои руки, положили конец стремлению наживаться за чужой счет. Ведь жадность человеческая — ужасная вещь. Разве был случай, когда миллионер не захотел бы стать миллиардером?

Хочу, чтобы меня правильно поняли. Одно дело, когда человек имеет пару ботинок и хочет иметь еще две-три пары, имеет костюм, а хочет иметь несколько, имеет дом, а хочет построить для себя лучший. Это законное стремление. Социализм не ограничивает вкусов и потребностей людей. Но совсем другое дело, когда человек имеет фабрику, а хочет иметь две, владеет одним заводом, а хочет получить десять. Ясно, что ведь ни один человек, даже вместе со всей своей семьей, даже если бы ему было дано прожить не одну жизнь, не может заработать личным трудом миллион, а тем более миллиард долларов. Этого можно добиться только в том случае, если присваивается чужой труд. Но ведь это противоречит человеческой совести.

Для большинства идеологов и психологов американского общества тот громаднейший интерес, который проявили американцы к визиту Н. С. Хрущева, был прямотаки необъяснимым. Неужели они напрасно потратили так много сил на выработку американца на свой собственный манер?! Они просто побоялись даже для себя сказать, что интерес к поездке Н. С. Хрущева по Соединенным Штатам Америки непременно связывается для американцев с их огромным интересом к социализму, к первой и могущественнейшей стране социализма — Советскому Союзу.

Да, убийственным для этих идеологов было то, что взгляды, которые они прививали Америке годами, неузнаваемо изменились, во всяком случае у большинства жителей штатов, за какие-нибудь две недели пребывания Н. С. Хрущева в Америке.

«Американцы перестали бояться коммунизма, когда они познакомились с Хрущевым»,— уныло вещал радиокомментатор в Лос-Анжелосе. Да, американцы теперь уже никогда не поверят в прежние басни о коммунизме. Они, выражаясь языком бойких американских журналистов, «прошли всеамериканский семинар по марксизму-ленинизму».

Вот это-то и напугало кое-кого в Америке. И подмечая этот испуг, очень точно выразился однажды Никита Сергеевич Хрущев.

— Кое-кто хотел бы,— указал он,— чтобы мой визит в Соединенные Штаты был лишь возможностью увидеть на банкетах и приемах настоящего стопроцентного большевика.

Однако американцы показали, что теперь их не так-то просто обмануть, что их уже не проведешь на антисоциалистической мутной болтовне. Это они, среднего, или ниже среднего, или выше среднего роста и жизненного уровня американцы, провожали поезд с Н. С. Хрущевым от станции к станции, от километра к километру, от города к городу и посылали ему вслед самые сердечные приветы. И этого следовало ожидать, ибо, как ни сложны и хитроумны реклама, рассрочка, развращенная кастрированная литература, надоедливое телевидение, как ни пытаются ослепить американца блеском кинозвезд, как ни пытаются сделать единственным кумиром его какого-нибудь бойкого боксера или игрока в бейсбол, человек XX века, в том числе и американец,— существо мыслящее, способное в конце концов разобраться в том, что он слышит и видит в мире, вокруг себя.

В Лос-Анжелосе мэр, его «досточтимый» представитель — сын купца, убежавшего из Ростова во время гражданской войны, и полицейский комиссар, а может быть, и еще кое-кто хотели показать Н. С. Хрущеву «холодную и гордую Америку». А эта «холодная и гордая Америка» не верит уже речам мэра, его призывам, как речам и призывам многих других, подобных этому мэру, и все решительнее начинает говорить сама за себя. Город, куда приближался поезд Н. С. Хрущева, красавец Сан-Франциско, как и все следующие города на пути главы Советского правительства, вновь и вновь подтверждал эту мысль.

Вот почему в стремительном экспрессе «Дэй лайт» у Никиты Сергеевича Хрущева было хорошее, больше того, великолепное настроение.

ГЛАВА ПЯТАЯ

У ЗОЛОТЫХ ВОРОТ

ЭКСПРЕСС ПОДАН НА ТОВАРНУЮ СТАНЦИЮ

Все дальше и дальше уходит на север оранжевый экспресс.

Но по сторонам, за широкими стеклами вагонов, пейзаж остается неизменным: слева временами появляется шумящий океан, справа расстилаются желтые, растрескавшиеся от нестерпимой жары бугры истосковавшейся по влаге земли. Дождя бы сюда! Калифорнийская земля мгновенно расцвела бы. Там, куда человек сумел доставить воду, разрослись густые апельсиновые рощи, стелется жирная зелень овощных и цветочных плантаций, над которыми поблескивают серебристые брызги оросительных фонтанчиков. Но сколько здесь еще неосвоенной, одичалой земли!

Кое-где мелькают нефтяные вышки. Чем ближе к Сан-Франциско, тем чаще видны цехи предприятий. И над всем этим — высокое безоблачное бирюзовое небо.

Где-то, совсем неподалеку, стоит домик Джека Лондона, которому довелось своими глазами увидеть и описать кусочек истории этих мест. Здесь бушевала когда-то «золотая лихорадка»: люди, добравшиеся на Дальний Запад с берегов Атлантики, нашли в горах Сьерра-Невады золото, и сколько страшных трагедий произошло! Немного поодаль — обнесенный частоколом бревенчатый форт и маленькая православная церковь при нем. Это форт Росс, построенный в 1812 году русскими, шхуны

которых пересекли Тихий океан. В этой дальней российской фактории жизнь била ключом. Русские поселенцы сеяли здесь пшеницу, разводили рогатый скот, выращивали сады. Они построили кожевенный завод, мельницу, мастерские, сооружали здесь морские суда.

Редчайший по удобству расположения глубокий залив, которому испанские мореходы присвоили имя святого Франциска, был тогда пунктом встреч Востока и Запада, и происходили эти встречи ко взаимной выгоде. Недаром вход в этот залив до сих пор сохранил поэтическое и в то же время многозначительное название «Золотые Ворота». Тут есть о чем вспомнить и подумать не только поэту, но и политику, и деловому человеку...

Раскачиваясь и содрогаясь на стыках, экспресс мчится по извилистой трассе, совершая порой такие зигзаги, что начинает казаться, будто он ловит себя за хвост.

Остался позади Кастровилл, громко именуемый «мировой столицей артишоков». Эти вкусные овощи пользуются в Калифорнии большим спросом. Мелькнула станция Уотсонвилл, близ которой находятся заповедные рощи тысячелетней гигантской секвойи, именуемой также мамонтовым деревом. В такой роще человеку невольно начинает казаться, что он превратился в муравья,— эти древние деревья достигают необыкновенной высоты, а толщина их такова, что в прорубленные в стволе дерева ворота въезжает автомобиль. Пролетела долина Санта-Клары, знаменитая своими садами, высшими учебными заведениями и заводом электронных вычислительных машин,— на нем мы побываем завтра...

Вот и Пало-Альто; слева среди эвкалиптов виднеются здания известного Стэнфордского университета, в стенах которого не только готовятся кадры специалистов, но и проводятся большие научно-исследовательские работы. Этот университет был создан в 1885 году на средства, которые предоставил Леланд Стэнфорд — один из четырех крупнейших промышленников, наживших баснословные состояния на строительстве железных дорог в Америке. Стэнфорд раскошелился на создание университета, чтобы увековечить память о своем сыне.

Сейчас университетский городок в Пало-Альто занимает площадь свыше трех с половиной тысяч гектаров. Здесь учится более восьми тысяч студентов. Это частное

учебное заведение, которое содержится на деньги, получаемые за выполнение научно-исследовательских работ для различных фирм, и на средства, поступающие от учащихся в виде платы за обучение. В специальном научно-исследовательском институте, посетить который приглашен Н. С. Хрущев, известный интерес представляют ведущиеся там по заказам компаний работы в области физики, электроники и радиосвязи.

И вот, наконец, появились пригороды Сан-Франциско, тесно застроенные крохотными кубическими домишками в один-два этажа. Как мы потом узнали, строят их быстро: прошел бульдозер, разровнял землю, проложили дорогу, водопровод, и вот уже вдоль дороги высыпаны, словно кости из коробочки, десятки одинаковых мелких домиков. Они стандартны: существует не более семи-восьми типов этих зданий, и различить их можно только по цвету, по раскраске. Некоторым американцам нравится жить в таких домишках: плохонький, да свой, хотя за такой домик приходится выплачивать компании его стоимость на протяжении многих лет.

Но, на взгляд советского человека, есть что-то бесконечно тоскливое в том, как люди втискиваются в эти крохотные домики, зажатые в тиски слева и справа чужими, такими же крохотными строениями. Ни настоящего дворика, ни садика, асфальт тротуара и сразу — человечья каменная нора среди сотен таких же нор.

Впрочем, как говорится, о вкусах не спорят...

Экспресс прибывает в Сан-Франциско, в его южный район. Пока что о городе трудно составить какое-либо представление: поезд ныряет из туннеля в туннель (здесь каждая миля железнодорожного пути обошлась в миллион долларов). Короткий свисток, визг тормозов, и мы — у цели: экспресс остановился на предназначенном ему пути. Но где же вокзал? Его не видно. Пути забиты товарными составами. Меж рельсами растет редкая жесткая трава, и влажный ветер с океана поднимает бурунчики песка.

Оказывается, поезд подан на товарную станцию...

«МЫ ХОТИМ СПАСТИ МИР»

Никиту Сергеевича Хрущева встречают представители властей. Мэр города Джордж Кристофер произиосит речь. И с первых же слов становится ясио, что здесь встреча будет иной...

Дж. Кристофер заверяет Н. С. Хрущева в том, что Сан-Фраициско, известный повсюду своим гостеприимством, окажет ему самый радушиый прием. Он говорит гостю, что деятели города «ие иамерены спорить с ним по идеологическим вопросам», и без лишией дипломатии, напрямик, выкладывает, что городские власти прииялн такое решение «в соответствии с рекомендациями государствеииого департамеита». Стало быть, ночной разговор Г. Лоджа из Лос-Аижелоса с Вашиигтоном, о котором сегодия пишут все газеты, иашел свой отзвук и здесь.

Н. С. Хрущев благодарит Дж. Кристофера за теплую встречу.

— Что же касается вопросов, которые затронул мэр,— насчет наших идеологических взглядов и вашего отиошеиия к этому,— говорит Ннкита Сергеевич,— то я должеи сказать вам, что иикогда ие уклоиялся от политических споров, вернее бесед. Если вы пожелаете, я готов прииять участие в беседах и спорах иа эти темы — в спорах рождается истииа... Беседы и споры на политические темы, если разумио подходить к иим, ие могут испортить наших отиошеиий или обострить их; наоборот, оии могут содействовать иашему сближеиию.

И вот автомашииы уже мчатся по боковым улочкам и выходят иа прямую магистраль, ведущую к центру города, раскииувшегося иа высоких и крутых холмах. Через город проходит та же автострада, по которой мы езднли в Лос-Анжелосе, она тянется через всю Америку, от Аляски до грaииц Мексики, и дальше продолжается вдоль берега Тихого океаиа по латииоамерикаиским страиам. Сооружение этой гигаитской дороги началось еще в период страшиого кризиса тридцатых годов, и прокладывали ее безработные.

Вдали сияет купол городского муиицнпалитета, он кажется даже выше, чем купол Капитолия в Вашиигтоие. И сразу же за третьим поворотом открывается вид на зиамеиитый Оклэидский мост, соедиияющий Саи-Фран-

циско с городом Оклэнд, расположенным по ту сторону широкого океанского залива. Левее остаются Золотые Ворота, через них также переброшен гигантский высокий мост, под которым свободно проходят океанские корабли. Вдоль берега океана раскинулся огромный парк. Созданный жителями Сан-Франциско на огромной площади, он располагает тысячами диковинных растений и деревьев. В нем же находятся аквариум, планетарий, музеи, концертные площадки.

Слева и справа на всем пути толпятся люди, вышедшие встречать Н. С. Хрущева.

Джордж Кристофер был прав: Сан-Франциско радушно встречает своего гостя. Что это? Тоже «в соответствии с предписаниями государственного департамента»? Нет! Достаточно взглянуть на лица людей, чтобы понять, что их привело сюда нечто иное. Глаза не лгут! По всему видно, что здесь он желанный гость. Люди улыбаются, аплодируют, машут руками...

Особенно много людей собралось у гостиницы «Марк Гопкинс» — многоэтажного здания, построенного на вершине одного из самых высоких и крутых холмов города — Нобхилл. Когда-то здесь были только дома миллионеров, теперь — многочисленные гостиницы и деловые здания. Здесь, в гостинице «Марк Гопкинс», и остановится Н. С. Хрущев. Вагончики городской железной дороги с трудом вползают сюда, увлекаемые канатом, как на фуникулере. Уже несколько часов люди теснятся на крохотном пятачке, не обращая внимания на призывы полиции не мешать уличному движению. И едва они узнали Н. С. Хрущева, как сразу же раздались аплодисменты, послышались возгласы приветствий, все устремились к его машине.

Никита Сергеевич вышел из автомобиля, глянул в открытые, дружественно улыбающиеся лица встречающих, улыбнулся сам и, высоко подняв руки над головой, соединил их в символическом рукопожатии, адресованном жителям Сан-Франциско. «Спасибо!» — сердечно сказал он. Приветствия возобновились с удвоенной силой. Гость уже вошел в вестибюль гостиницы, а люди все еще не расходились.

И когда Н. С. Хрущев, поднявшись к себе на шестнадцатый этаж, вышел на балкон, люди сразу же заметили его и вновь тепло приветствовали. То был настоя-

щий, неподдельный голос дружбы. Конечно, кое-кому такая встреча не нравилась, но что поделаешь?!

Один из американских журналистов, приехавший вслед за Н. С. Хрущевым из Нью-Йорка, раздраженно сказал женщине, аплодировавшей гостю:

— Какие вы странные люди здесь!

Она отрезала ему:

— Мы хотим спасти мир, чтобы наши дети могли жить в нем. Если это странно, то признаю себя виновной...

Через несколько часов мы прочли в местной газете «Сан-Франциско кроникл» любопытную статейку, из которой стало ясным, что не только заезжий журналист счел «странным» поведение жителей Сан-Франциско, тепло встретивших Н. С. Хрущева. Из статьи мы узнали также, какие меры предпринимались для того, чтобы встреча была менее теплой, и что из этого вышло. Мы приводим здесь статью почти полностью:

«Словом «странная» охарактеризовал толпу, тепло встречавшую Премьера Хрущева по его прибытии в гостиницу «Марк Гопкинс», заместитель начальника полиции Эл Нелдер.

«Я обратился к ним с помощью рупора с просьбой не сходить с тротуаров, когда прибудет Премьер, и они даже не попытались этого сделать»,— сказал Нелдер, качая головой, с видом человека, который теперь уже все повидал.

Нелдер считал толпу странной своим послушанием, но она была странной и по другим причинам.

Толпа начала стекаться примерно в три часа дня и затем разрослась, по подсчетам Нелдера, до десяти тысяч человек.

Она полностью запрудила три угла перекрестка, растеклась вниз по улицам Калифорния и Мейсон и поднялась по ступенькам солидного клуба «Пасифик юнион».

Конторские служащие, библиотекари, складские рабочие, продавцы магазинов молча стояли под теплым солнцем со своими женами и подругами или тихими голосами беседовали на маловажные темы.

Казалось, они собрались, чтобы сказать нечто очень важное, но не знали, как это сказать. Большинство людей, когда корреспонденты их спрашивали, зачем они

пришли, пожимали плечами и казались сконфуженными.— Нет, это не просто любопытство,— говорили они,— это... ну... Хрущев важный человек и... ну...

— А будут ли они аплодировать, когда Хрущев проедет мимо?

— О, нет,— сказала пожилая женщина.— По-моему, нам не следует этого делать для такого человека. Ведь...

И она, сконфузившись, посмотрела на людей, стоящих по обе стороны от нее, но они глядели прямо перед собой, не желая ввязываться в эту беседу.

Многие из стоящих в толпе людей отказывались сообщать свои имена, когда к ним обращались журналисты, или делали это с явной неохотой.

Журналистам, которые прошли по одной стороне улицы Калифорния, а затем по другой, не удалось найти ни одного человека, который бы сказал, что будет аплодировать, когда приедет Премьер.

Однако, когда в 18 часов 45 минут большой черный лимузин проехал по улице Калифорния, небольшая группка, стоящая перед клубом «Пасифик юнион», начала хлопать в ладоши. В течение нескольких минут, казалось, все до единого начали хлопать, выкрикивая приветствия, или махать руками.

По лицам, которые за минуту до этого были столь безучастными, теперь разлилась широкая улыбка, как будто прорвалась какая-то плотина.

Премьер, быстро воспользовавшись положением, подошел сначала к одной стороне площадки перед гостиницей, а затем к другой. И каждый раз толпа, стоящая на противоположной стороне улицы, громогласно выражала свою радость по поводу того, что он обратил на нее внимание.

Когда все кончилось и Премьер исчез в гостинице, толпа совершенно изменила своей прежней солидности. Подобно потоку, она затопила всю улицу, и незнакомые люди беседовали друг с другом среди общего беспорядочного гула. Казалось, произошла какая-то странная метаморфоза. В воздухе витало какое-то чувство, чувство гордости и свершения, как будто сделано что-то мужественное и значительное.

Теперь люди свободно беседовали с корреспондентами, рассказывая, как они аплодировали и кричали.

— Что толку в недружелюбии? — сказал один пожилой человек, дымя сигарой.— Ну что это дает? Ну и показали же мы ему, а?..»

Сто тысяч человек, и ни одного недружелюбного лица — такова была лаконичная, но исчерпывающая оценка встречи, данная местной печатью. По-видимому, над тем, что здесь произошло, серьезно задумались в Вашингтоне и Нью-Йорке.

Газета «Нью-Йорк таймс» напрямик заявила, что «официальные лица были озадачены» тем, что произошло в Сан-Франциско. Как объяснить все это?

«Говорят, что жители Сан-Франциско, у которых вековое соперничество с жителями Лос-Анжелоса, решили показать, что они другие люди,—писала газета.— Когда некоторых из толпы спрашивали о горячей встрече, они говорили, что, узнав, как грубо встретили Хрущева в Лос-Анжелосе, они вышли на улицу, чтобы показать ему традиционное американское гостеприимство».

Как часто случается в газете «Нью-Йорк таймс», ее авторы вывернули наизнанку факты, умышленно умолчав о том, кто допустил грубость в отношении Н. С. Хрущева в Лос-Анжелосе. Из сообщения газеты читатели могли заключить, будто виновны были жители Лос-Анжелоса, а не г-н Поулсон вкупе с его уполномоченным по организации встречи — сыном купца второй гильдии из Ростова-на-Дону.

Но, так или иначе, жители Сан-Франциско, как и жители Лос-Анжелоса, действительно приняли близко к сердцу то, что произошло накануне, и хорошим, теплым движением своей души дали знать гостю, что народ Соединенных Штатов настроен дружелюбно, совершенно иначе, нежели это пытались представить апостолы «холодной войны».

Здесь, у Золотых Ворот, стало ясно, что американцы и наши люди, которые глядят друг на друга через океан из Владивостока и Сан-Франциско, словно соседи из окошек домов, разделенных широкой улицей, в равной мере заинтересованы в мирном сосуществовании.

Последующие встречи с жителями Сан-Франциско подтвердили первое впечатление, и только один эпизод внес режущий слух диссонанс — это была состоявшаяся в тот же вечер, 20 сентября, встреча с лидерами амери-

канских профсоюзов. Наши читатели, конечно, помнят об этом эпизоде, о нем сообщали газеты. Тем не менее нам хотелось бы вновь коснуться его, привести некоторые подробности.

Как и почему произошло то, что произошло в тот вечер?

ЛЮДИ ВЧЕРАШНЕГО ДНЯ

Следовало ли идти на встречу с лидерами профсоюзов? Разве не было известно, что реакционные лидеры американских профсоюзов не собирались говорить о контактах, о сотрудничестве? Больше того, они вовсе не интересовались какой-либо информацией о Стране Советов. Разве не было известно, что У. Рейтер и некоторые его коллеги давно зарекомендовали себя как ярые враги нашей социальной системы и защитники капитализма?

Да, все это было известно.

Было известно, что один из организаторов встречи, вице-председатель Американской федерации труда — Конгресса производственных профсоюзов (АФТ — КПП) Дж. Кэри, заявил в свое время на совместном заседании с предпринимателями в отеле «Астор» в Нью-Йорке: «В прошлой войне мы объединились с коммунистами, чтобы бить фашистов. В будущей войне мы объединимся с фашистами, чтобы разгромить коммунистов».

Не правда ли, поразительное заявление? Оно было напечатано в газете «Нью-Йорк геральд трибюн» 29 июня 1949 года.

Мы помнили и о том, что другой вице-председатель АФТ — КПП, У. Рейтер, взявший на себя роль главного защитника капитализма во время беседы Н. С. Хрущева с лидерами американских профсоюзов, пошел в своих мечтаниях еще дальше. Напомним нашумевшую историю со специальным номером американского журнала «Кольерс», вышедшего 27 октября 1951 года. Редакция «Кольерса», охваченная зудом военной лихорадки, решила пофантазировать, что было бы, если бы да кабы американская армия... оккупировала Советский Союз.

То был горячечный бред особого рода: редакторы «Кольерса» установили конкретную дату осуществления своего замысла — 1960 год. Так вот, У. Рейтер был одним из соучастников этой дикой выходки. Захлебываясь, он расписывал тогда, как вступит в Москву с оккупационными войсками и начнет вместе со своими коллегами насаждать у нас американский образ жизни. Для «Кольерса» эта глупая затея кончилась плохо: журнал прогорел и вынужден был прекратить свое существование. А Рейтер... остается вице-председателем американского объединения профсоюзов!

Столь же хорошо было известно и то, как готовились Рейтер и некоторые его единомышленники ко встрече с Н. С. Хрущевым, в каком духе они собирались повести разговор.

Утром в тот день специальный корреспондент газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» Дон Итон передавал из Сан-Франциско: «Семь вице-президентов АФТ — КПП вооружаются острыми вопросами, готовясь к сегодняшней встрече с премьер-министром Никитой С. Хрущевым». Специальный корреспондент «Нью-Йорк таймс» А. Раскин ехидно вторил ему: «Семь профсоюзных лидеров составили для Премьера Хрущева длинный список вопросов, рассчитанных на то, чтобы поставить его в затруднительное положение сегодня вечером... Список вопросов не рассчитан на то, чтобы удерживать кровяное давление г-на Хрущева на нормальном уровне».

Газеты сообщали, что в их редакции было заблаговременно отправлено несколько коробок с отпечатанными на мимеографе материалами. В них содержались пространные резкие выпады против СССР и оскорбительные заявления, якобы разъясняющие «вопросы», которые собирались задать гостю.

И все же, несмотря ни на что, Н. С. Хрущев принял приглашение лидеров профсоюзов.

Те, кто находились в гуще событий, хорошо понимали огромное значение этого решения: глава Советского правительства, верный своему обыкновению — никогда не уклоняться от острых политических споров, о чем он только что напомнил в своей речи на вокзале в Сан-Франциско, дал очередную взбучку своим идеологическим противникам, нанес им сокрушительное политическое поражение. Он вывел Рейтера на чистую воду,

и тот предстал перед рабочим движением в своем неприглядном обличии политического лжеца, подлого адвоката капитализма.

В то же время через головы своих собеседников Н. С. Хрущев от имени советских рабочих протянул руку дружбы американским рабочим.

И даже самые ярые противники нашей страны были вынуждены признать, что продолжавшаяся без малого три с половиной часа встреча в зале Аргонавтов отеля «Марк Гопкинс» вечером 20 сентября ознаменовалась поражением людей вчерашнего дня, пытавшихся пойти против течения и вернуть в Сан-Франциско климат «холодной войны».

Для того чтобы в полной мере осознать и оценить то, что совершил Н. С. Хрущев в тот вечер, следует вспомнить великую в своих взлетах и трагичную в своих падениях историю рабочего движения в Соединенных Штатах.

Каждый советский школьник знает, что празднование международного дня солидарности рабочего класса зародилось здесь, в Америке: 1 мая 1886 года триста пятьдесят тысяч рабочих страны провели забастовку с требованием восьмичасового рабочего дня, причем значительная часть их, особенно строители, добилась удовлетворения своих требований. Но шесть руководителей рабочего класса Америки были зверски убиты в тот день на площади Хэймаркет в Чикаго, и это было сделано с ведома властей штата, контролируемых местными капиталистами.

Пожалуй, ни в одной стране рабочее движение не знало столь резких подъемов и спадов; пожалуй, нигде классовая борьба пролетариата с буржуазией не приобретала такого острого и беспощадного характера, как здесь. История этой борьбы написана кровью на мостовых Америки.

И как бы ни пытались сейчас некоторые политические деятели США изобразить задним числом прародителей современных монополий в роли «экономических гуманистов», факты есть факты, и от них никуда не уйти.

...Идет «долгая забастовка» шахтеров Пенсильвании 1874—1875 годов — десять руководителей профсоюзов подвергаются смертной казни, а семнадцать гниют в

тюрьме. Возникает первая общенациональная забастовка 1877 года — погибают в вооруженных схватках пятьдесят рабочих. Начинается в 1892 году мощная забастовка сталелитейщиков в Хомстэде — лишаются жизни десять рабочих. Бастуют в 1905 году чикагские возчики — 21 человек убит, 400 ранено. В 1914 году в Ладлоу вооруженные наемники «гуманиста» Рокфеллера убивают 14 мужчин, женщин и детей. Во время забастовки сталелитейщиков в 1919 году 23 человека были убиты, сотни людей ранены...

Предприниматели создавали в цехах своих заводов, особенно накануне первой мировой войны, укрепленные форты наемной охраны с целыми арсеналами оружия. Они разработали изощренную систему доносов и слежки. Придумали систему «черных списков». Создали армию штрейкбрехеров. Чем сильнее становились монополии, тем беспощаднее были расправы. Но все было тщетно. Всякий раз, когда карателям казалось, что все уже кончено и что американский рабочий класс не посмеет больше поднять головы, находились новые смелые люди и борьба возобновлялась.

Хозяева Соединенных Штатов, наконец, поняли: надо найти какое-то иное средство обуздания рабочего класса. Какое именно? Более тонкое и хитрое: надо было среди деятелей самого рабочего движения найти человека, который взял бы на себя черную роль «вожака-предателя». Образно говоря, роль такого вожака сходна с ролью прирученного быка на бойне, который ведет за собой животных под нож: он спокойно и привычно шагает в убойный цех, а за ним, как за ведущим, плетется, скользя копытами по мокрому и клейкому полу, охваченное смертной тоской стадо. Потом он возвращается в стойло, жует свою обильную еду и снова ведет очередное стадо.

Такой человек был найден. Его звали Сэмюэл Гомперс. Он стал руководителем созданной в 1881 году Федерации профессиональных союзов (АФТ), которая до сих пор остается смирительной рубашкой для рабочего класса США. Гомперс с усердием лакея служил монополиям до гроба, и здесь уместно вспомнить символическую деталь: прах Гомперса покоится на кладбище рядом с прахом миллиардера — «нефтяного короля» Джона Д. Рокфеллера.

Сэмюэл Гомперс начал свою карьеру с того, что объявил себя социалистом. Он даже похвалялся тем, что изучил немецкий язык, чтобы читать «Капитал» Маркса в оригинале. Но вскоре Гомперс отбросил всякую маскировку и выступил с фальшивым призывом к «единству интересов рабочих и предпринимателей». Ставка была сделана на создание цеховых профсоюзов применительно к средневековому принципу ремесла: внутри каждой из отраслей экономики создавалось по 15—20 замкнутых профсоюзных групп. Это вело к разобщению рабочего класса, каждый из профсоюзов действовал независимо друг от друга, и, если на транспорте, например, кондуктора решили бы бастовать, машинисты паровозов могли их не поддержать.

Так оно и случалось: сотни забастовок потерпели неудачу из-за этой коварной системы.

Гомперс и его компания закрыли доступ в профсоюзы неквалифицированным рабочим и рабочим низкой квалификации, закрыли двери перед женщинами. Уставом было запрещено принимать в профсоюзы негров. Под лицемерным предлогом, будто пособия «унижают достоинство рабочих» и противоречат американскому образу жизни, Гомперс, а после его смерти Грин упорно противились введению каких бы то ни было форм социального страхования: пенсий для престарелых, страхования по болезни, пособий безработным. Особенно яростно препятствовали они какой бы то ни было политической деятельности рабочих.

Услуги соглашателей были должным образом оценены. И если до того предприниматели вели жестокое наступление против организованного рабочего движения, то теперь перед лидерами Американской федерации труда были гостеприимно раскрыты двери господских прихожих. Они несказанно разбогатели, их стало нелегко отличать от настоящих преуспевающих буржуа. Профсоюзные средства, собранные за счет членских взносов рабочих, пошли в оборот и обратились в капитал, которым распоряжались хозяева Америки. К началу пятидесятых годов XX века крупнейшие профсоюзы располагали капиталом, достигающим в общей сложности около двухсот миллионов долларов.

В 1929 году страшный экономический кризис потряс страну. Он разбудил рабочий класс, усыпленный бол-

товией, будто система «свободного частного предпринимательства» обеспечит ему благополучие на вечные времена. Вновь началось движение за создание профсоюзов по производственному принципу. Требования рабочих звучали все громче, их натиск усиливался. Американская федерация труда треснула и раскололась. Возникла новая профсоюзная организация в США — Конгресс производственных профсоюзов.

Эта организация, в которой активно действовали лучшие представители американского рабочего класса, быстро росла — к 1948 году в ее рядах уже насчитывалось шесть миллионов человек, почти столько же, сколько в Американской федерации труда. Казалось, перед рабочим движением Соединенных Штатов открываются, наконец, новые, многообещающие перспективы.

Но и на сей раз взметнувшаяся высоко волна пошла на спад. И главная причина была все та же: предательство профсоюзных лидеров...

В 1949 году руководитель Конгресса производственных профсоюзов Ф. Мэррей, который на протяжении доброго десятка лет сотрудничал с прогрессивными организациями рабочего класса США, круто повернул на тот же гибельный путь, по которому шли лидеры Американской федерации труда. Руководство Конгресса производственных профсоюзов начало травить и изгонять прогрессивных деятелей. Когда это не удавалось, Мэррей и его помощники не останавливались перед исключением из КПП целых профсоюзов. Так они обрубили связи со многими союзами, объединявшими в общей сложности около восьмисот тысяч рабочих.

Это было началом конца: Конгресс производственных профсоюзов утратил свой авторитет, и вскоре его руководители Кэри, Рейтер и другие пришли с повинной головой к «боссу» Американской федерации труда Мини, такому же «другу» рабочих, как и его предшественники Гомперс и Грин.

5 декабря 1955 года обе организации объединились. Кэри и Рейтер стали заместителями Мини. Теперь только немногие независимые профсоюзы, исключенные в свое время из Конгресса производственных профсоюзов, сохраняют былые традиции американского рабочего движения и честно отстаивают интересы трудящихся Соединенных Штатов.

Но трудно — ох, как трудно! — приходится им. Об этом многое могли бы рассказать, например, деятели находящегося здесь, в Сан-Франциско, независимого профсоюза портовых грузчиков и складских рабочих.

Перед тем, как направить приглашение Н. С. Хрущеву, руководители АФТ — КПП разыграли своего рода театрализованное представление. Лидер американских профсоюзов Мини, который признается, что нет в Соединенных Штатах более непримиримого врага коммунизма, нежели он, выступил против такой встречи. Рейтер и другие, делая вид, будто они более либеральны, возразили, что они не послушаются Мини и встретятся с Н. С. Хрущевым.

В наше время, когда американский народ все определеннее высказывается за нормализацию отношений с СССР, для профсоюзных боссов становится рискованным выступать столь прямолинейно, как Мини. Поэтому Рейтер и его коллеги явно хотели изобразить дело так, будто им хочется «сблизиться с советским лидером», но он отталкивает протянутую ему руку. Расчет был прост: пусть Н. С. Хрущев откажется от встречи, тогда можно будет поднять шумиху, что вот, мол, руководитель Советского правительства охотно встречается с капиталистами, а с лидерами профсоюзов повидаться не хочет; если же он на встречу все же придет, накидать ему горячих угольков под видом выяснения вопросов и поставить в трудное положение...

Но так рассуждать могли только те, кто не знает Советского Союза, Коммунистической партии и ее деятелей. Н. С. Хрущев принял вызов, пошел на встречу с лидерами американских профсоюзов, дал открытый политический бой Рейтеру и некоторым его коллегам, разоблачил их провокационный замысел.

А как тщательно они готовились к этой встрече! Сколько стараний вложили в разработку своих провокационных вопросов!

Перед Рейтером лежал объемистый фолиант — заранее разработанный сценарий беседы, и он без стеснений вычитывал оттуда свои вопросы и реплики. Остальные тоже были вооружены бумажками. Заблаговременно были распределены не только выступления, была строго рассчитана и их очередность. «Стратегия, разработанная еще до обеда профсоюзниками,— писала газета

«Нью-Йорк таймс» 21 сентября,— заключалась в том, чтобы оставить свои «тяжелые снаряды» на конец беседы и таким образом уменьшить возможность того, что г-н Хрущев покинет зал. Они сообщили, что имеют специальную шкалу для оценки ответов Хрущева в зависимости от сложности вопроса, однако не рассказали, сколько очков будет присуждаться за каждый ответ».

И весь этот хитро сплетенный, но в то же время, мы бы сказали, глуповато-наивный план был сметен, словно ураганом. Глава Советского правительства сразу же взял инициативу в свои руки и поставил в центр беседы коренные вопросы, живо интересующие рабочий класс всех стран: вопросы борьбы за прекращение гонки вооружений; новые советские предложения о полном и всеобщем разоружении; вопрос о том, как ликвидировать напряженность в отношениях между государствами и обеспечить дружественное сотрудничество между ними.

Обеспокоенный Рейтер засуетился. Он предложил перейти к вопросу о помощи слаборазвитым странам, заявив, что о разоружении можно будет поговорить потом. Зачем? Только затем, чтобы бросить тень на все то, что делает в этом отношении Советский Союз.

— Не стоит ходить вокруг да около,— развязно сказал Рейтер.— Я видел в Индии строительство завода в Бхилаи. Ваша помощь, которую вы оказываете в индивидуальном порядке, продиктована политическими целями. Она содействует коммунистическому проникновению и эксплуатации слаборазвитых стран...

— Вы направляете свои стрелы не в ту сторону,— спокойно возразил Н. С. Хрущев.— Советский Союз никого не эксплуатировал и не эксплуатирует. Он оказывает помощь слаборазвитым странам, как друг, не ставя перед ними никаких политических условий. Например, мы отгрузили Йемену тысячи тонн зерна. Но ведь там не социалистический строй, а королевство. Разве это помощь в корыстных целях? Какая же нам от этого корысть? Мы на этом не наживаем капиталов. Мы поступаем, как друзья. Теперь посмотрите, что делают империалисты. Американские монополии эксплуатируют богатства слаборазвитых стран и наживают на этом большие капиталы. Англия, Франция и другие капиталистические страны тоже занимаются этим.

Нельзя ли этим странам за счет прибылей, получаемых таким образом, расширить помощь слаборазвитым странам? Такое предложение выдвинуто Советским правительством и внесено в Организацию Объединенных Наций...

Рейтер растерялся. Он не знал, что возразить, и вдруг выкрикнул, сбиваясь на фальцет:

— Вы эксплуатируете народ Восточной Германии!

Все, в том числе и коллеги Рейтера, заулыбались.

— Где это Вам приснилось? — с тем же спокойствием спросил Никита Сергеевич.— Успокойтесь, Вас трясет лихорадка. Кто дал Вам мандат выступать от имени германского народа? Почему Вы пытаетесь все время говорить за другие народы? Вы избалованы тем, что многие страны зависят от Соединенных Штатов и вынуждены просить у вас помощь. Но социалистические страны крепко стоят на своих ногах. Мы шляпы перед вами не снимаем. Советский рубль не кланялся, не кланяется доллару и не будет кланяться.

Разговор вновь вернулся к проблеме разоружения. Рейтер и некоторые из его коллег повторяли избитые утверждения наиболее реакционных буржуазных газет, будто советский план полного и всеобщего разоружения выдвинут ради пропаганды и будто Советский Союз тратит на вооружение столько же, сколько Соединенные Штаты,— 40 миллиардов долларов в год.

Никита Сергеевич обвел внимательным взором разгоряченные лица профсоюзных боссов и сказал, обращаясь к Рейтеру:

— Во-первых, мы тратим на оборону не 40, а 25 миллиардов долларов, если считать на ваши деньги. Во-вторых, когда я слышу Ваше заявление о том, что советские предложения — это пропаганда, то мне, как бывшему шахтеру, становится жалко смотреть на Вас. Говорят, что Вы родились среди рабочего класса, но говорите, как представитель капиталистов. Когда Херст печатает подобные вещи, мне это понятно, но когда это повторяет один из лидеров американских профсоюзов, я с горечью думаю, до чего же Вас разложили монополисты!

Н. С. Хрущев с огромным терпением и выдержкой продолжал беседу, разъясняя советские предложения о разоружении и разоблачая попытки извратить их.

Тогда Рейтер заявил, что уже поздно и что надо перейти к другим вопросам.

— Нельзя вести беседу, прыгая, подобно блохам, от одного вопроса к другому,— ответил Никита Сергеевич.— Вы хотите серьезной беседы или чего-то другого? Вы один вопрос затерли, потом второй, теперь прыгаете к третьему. Разоружение — это вопрос вопросов...

Однако Рейтер поспешил предоставить слово престарелому председателю профсоюза текстильщиков Риву. Тот, словно картошку из мешка, вывалил целую кучу вопросов: о роли государственной собственности в капиталистических и социалистических странах, о демократии и диктатуре, о контроле над прессой и радио, об обмене информацией и так далее. Каждый вопрос был обильно сдобрен враждебной пропагандой против Советского Союза и других социалистических стран. По тому, как Рив ставил свои вопросы, было видно, что он имеет самое смутное и во многих случаях превратное представление о советской действительности.

Рейтер без стеснения следил по лежавшему перед ним конспекту за тем, как его подручный задает вопросы. Заметив, что тот что-то запамятовал, он подсказал: «Спроси еще об однопартийной системе». Но вспотевший Рив на сей раз отмахнулся от подсказки.

Н. С. Хрущев сказал, что вопросы, поставленные Ривом, являются элементарными и изучаются в Советском Союзе в политических кружках первой ступени. Тогда Рейтер, стремившийся все время как-то обострить беседу, поставил еще один вопрос, говорящий сам за себя: «Обязательно ли система государственной собственности требует диктатуры, исключающей демократию?»

В то время как Никита Сергеевич, отвечая на вопросы Рива, разъяснял различие между государственной собственностью в социалистических странах, где средства производства принадлежат всему народу, и государственной собственностью в капиталистических странах, где национализация средств производства сохраняет их в руках буржуазии, Рейтер отличился еще раз. Он вдруг ни с того ни с сего громко выкрикнул, что «высшая степень социализма достигнута в Израиле», где профсоюзам якобы принадлежит (!) шестьдесят процентов промышленности.

— А кому принадлежит власть в Израиле? — спросил Никита Сергеевич.

Рейтер промолчал. Да и что мог он ответить!

И снова Н. С. Хрущев терпеливо разъяснял, что коренной политический вопрос — это вопрос о власти, кому принадлежит власть: рабочему классу, трудящимся или классу эксплуататоров.

— Если власть принадлежит народу,— сказал он,— то средства производства являются социалистической, общенародной собственностью. Другое дело, если национализация средств производства осуществляется в условиях, когда власть принадлежит капиталистам.

Никита Сергеевич подчеркнул, что коммунисты являются сторонниками диктатуры рабочего класса, что только в том случае, если власть перейдет в руки трудящихся, могут быть успешно осуществлены задачи строительства социализма. Диктатура рабочего класса не только не исключает демократии, но создает необходимые условия для развития подлинной демократии, народовластия. Сама диктатура рабочего класса и является такой высшей формой демократии.

Но разве Рейтера все это интересовало? Он заботился только о том, как бы успеть выпалить все свои «тяжелые снаряды», начиненные антисоветской пропагандой, ведь сценарий беседы был заранее передан в газеты, и Рейтер оказался бы в трудном положении, если бы не успел выпалить все свои «вопросы». Поэтому он юлил, как черт на сковороде, перепрыгивая с пятого на десятое, и без всякой логической связи выкрикивал один провокационный вопрос за другим, даже не дожидаясь ответов.

Н. С. Хрущев, хорошо понимавший, что происходит, с иронической улыбкой следил за возней раскрасневшегося, взмыленного от волнения Рейтера, а тот то лихорадочно рылся в лежавшем перед ним конспекте, то с деланным жестом бросал перед собой напоказ копию какой-то своей старой речи, то снова и снова пускался в нудные рассуждения о пользе капиталистической системы. И верещал, верещал, не давая рта раскрыть даже своим ближайшим соучастникам по встрече.

— Вы как соловей,— усмехнувшись, сказал Н. С. Хрущев.—Когда он поет, то закрывает глаза, ничего не видит и никого, кроме себя, не слышит.

Раздался общий смех, Рейтер покраснел еще больше. Но отступать ему, видимо, было некуда, и он продолжал что-то бормотать. В то же время, стараясь уйти от честной дискуссии по острым политическим вопросам, Рейтер дважды повторил, что гость, наверное, устал и поэтому надо побыстрее кончать встречу. Однако и этот маневр не удался...

— Хватит ли у вас сил тягаться со мной? — с сарказмом спросил Н. С. Хрущев.— Я в полной форме! Бороться за дело рабочего класса я не устану, пока живу. Если вы хотите, давайте вести деловой разговор. Время у нас не ограничено.

Делать нечего, отступать некуда! Только теперь некоторые лидеры профсоюзов, тщетно добивавшиеся у Рейтера дозволения зачитать свои вопросы, получили наконец слово. В частности, председатель национального профсоюза моряков Дж. Каррэн сказал, что ему хочется, как он выразился, задать вопрос из повседневной жизни.

— Я бывал в Советском Союзе в тридцатых годах,— сказал он,— когда мы возили туда закупленное вами оборудование. Нас радует технический прогресс, достигнутый вами. Меня интересует, будет ли развиваться система коллективных договоров по мере успехов технического прогресса в вашей промышленности, будут ли иметь право рабочие бастовать? Как профсоюзы защищают интересы трудящихся?

— Я Вас понимаю,— ответил Никита Сергеевич,— мне нравится, что у Вас есть классовое чутье в подходе к вопросам профсоюзной работы. Но Вы, видимо, совсем не представляете себе условий социалистического государства, положения в нем рабочего класса и роли профсоюзов. Вы все меряете привычной Вам меркой Соединенных Штатов...

Дж. Каррэн заинтересовался объяснением главы Советского правительства. И тут же опять вмешался Рейтер. Он начал что-то говорить о культе личности.

— Что ты перебиваешь! — резко оборвал его Каррэн.

Рейтер осекся. Н. С. Хрущев продолжал говорить, разъясняя, как Советская власть заботится об интересах народа, как наши профсоюзы защищают права

трудящихся и почему советским рабочим не приходится бастовать...

Но вот Рейтер предоставляет слово председателю объединенного профсоюза рабочих бумажной промышленности П. Филиппсу. Тот повторяет, словно заученный урок, истрепанные, уже неоднократно выдвигавшиеся буржуазными деятелями претензии насчет свободного распространения в Советском Союзе реакционной литературы и антисоветской информации.

Никита Сергеевич неожиданно спрашивает Филиппса:

— Какое блюдо Вы больше всего любите?

— Ростбиф,— растерянно отвечает тот.

— А я борщ,— говорит Н. С. Хрущев.— Вы его не едите, а мне он очень нравится. Вы за капитализм, а я за социализм. Почему я не даю Вам более подробного ответа на Ваш вопрос? Да потому, что мне уже много раз его задавали здесь, и я всякий раз отвечал. Видимо, Вам не нравится мой ответ и Вы хотели бы услышать что-то другое. Но что поделаешь, у нас с вами разные понятия о свободе. Когда мы были в Голливуде, нам показали танец «канкан». В этом танце девушкам приходится задирать юбки и показывать заднее место, и этот танец приходится исполнять хорошим, честным артисткам. Их заставляют приспосабливаться к вкусам развращенных людей. У вас это будут смотреть, а советские люди от этого зрелища отвернутся. Это порнография. Это культура пресыщенных и развращенных людей. Показ подобных фильмов у вас называется свободой. Нам такая «свобода» не подходит. Вам, очевидно, нравится «свобода» смотреть на заднее место. А мы предпочитаем свободу думать, мыслить, свободу творческого развития.

— Вы хотите, чтобы законом было запрещено показывать такие фильмы? — спрашивает Филиппс.

— Думаю, что должен быть такой закон,— отвечает Н. С. Хрущев,— закон морали.

— Я могу ходить или не ходить на такие фильмы,— говорит Кэри.

— Но Ваши дети смотрят подобные вещи!

— У меня нет детей.

— Но ведь у других есть дети. Хорошие дети, живущие на земле,— замечает Н. С. Хрущев,— и мы с

вами должны предохранить их от дурных влияний, распространяемых под видом «свободного культурного обмена».

В ходе беседы Н. С. Хрущев заметил, что присутствующий на беседе негр Дж. Уивер (из профсоюза электриков) несколько раз порывался задать вопрос, но Рейтер почему-то упорно «не замечал» его.

— Вы не демократически ведете беседу,— указал Н. С. Хрущев,— дайте черному сказать. Ведь это позор. У вас до сих пор есть такие места, куда негр зайти не может! — И Никита Сергеевич, внимательно выслушав Уивера, ответил на заданные им вопросы.

Вот так и вел Никита Сергеевич беседу — остро, наступательно и в то же время терпеливо, с большой выдержкой, находя к каждому из собеседников особый подход. Кто вытаскивал из старых помоек антисоветской пропаганды провокационные вопросы, тот получал молниеносный сокрушительный отпор. Кто проявлял живой интерес к советской действительности, хотя бы и заблуждаясь и высказывая превратные суждения о ней, тому Н. С. Хрущев давал обстоятельные разъяснения в самых дружественных тонах...

Поскольку Рейтеру так и не удалось ни поставить гостя в положение обороны, ни спровоцировать его на уход из зала Аргонавтов, где происходила встреча, на выручку поспешил более дипломатичный вице-председатель АФТ — КПП Кэри. Он начал сглаживать остроту беседы, вести дело к мирному концу. Бросилось в глаза и другое: несколько участников беседы искренне заинтересовались высказываниями главы Советского правительства и ясно дали понять, что им хотелось бы продолжить контакты с советскими деятелями. Н. С. Хрущев поддержал эту идею.

— Приезжайте к нам,— сказал он,— посмотрите, как живут и трудятся советские рабочие, как проводят свою работу профсоюзы в нашей стране, как защищают они интересы рабочих. У нас с вами разный подход к явлениям; мы идем своим путем к коммунизму, вы же хотите укреплять капитализм. Таким образом мы стоим на разных позициях. Давайте признаем этот неоспоримый факт. Однако нельзя ли нам попытаться найти почву для делового сотрудничества? Мы думаем, что можно. Такое сотрудничество необходимо всему рабо-

чему классу в борьбе за его коренные интересы, в борьбе за мир.

Был уже поздний час, когда участники этого необычного «обеда» поднялись из-за стола. Дж. Кэри благодарил Н. С. Хрущева за встречу.— Спасибо,— сказал он,— за то, что Вы так щедро уделили нам время. Счастливого Вам пути. Давайте сотрудничать на благо мира, на благо человека.

И даже Рейтер мило улыбался...

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ «ЗАКОНЧИЛАСЬ ХАОСОМ»

Н. С. Хрущев поднялся на лифте на самый верхний этаж гостиницы, возвышающейся, словно утес, на высоком холме Ноб.

Там, на вершине, расположен большой квадратный зал со стеклянными стенами. За столиками, на которых едва теплятся стеариновые свечи, сидят состоятельные горожане, любующиеся панорамой ночного Сан-Франциско. От горизонта до горизонта, словно раздуваемые ветром уголья догорающих костров, мерцают белые, желтые, красные огни. По мостам, повисшим над морским заливом, мчатся тысячи огненных точек: движение автомобилей не утихает всю ночь.

Внизу, у подножья Нобхилла, раскинулся китайский квартал со своими бесчисленными фонариками. Здесь с давних пор живут выходцы из стран Азии — китайцы, японцы, малайцы. В Латинском квартале живут итальянцы, французы. Сан-Франциско многонациональный город: из 813 тысяч жителей здесь около 44 тысяч негров, более 25 тысяч китайцев, свыше 20 тысяч итальянцев, около 11 тысяч ирландцев и шотландцев, пять тысяч японцев, четыре тысячи шведов. Кого только нет!..

А вот залитая огнями реклам торговая магистраль Маркет-стрит. Черными бархатными провалами выделяются городские парки. Дальше, на холмах,— скупо освещенные жилые кварталы, в ложбинах — промышленные районы города.

Сан-Франциско сравнительно молодой город. 29 июня 1776 года испанцы учредили здесь свою миссию имени

святого Франциска Ассизского, обещая распространить «свет христовой веры» среди индейцев, которым принадлежала эта земля. Индейцы тепло встретили гостей, принеся им продовольствие и другие подношения. Но вскоре рядом с миссией святого Франциска появилась крепость, куда прибыли войска, и вот финал: неподалеку от сохранившегося до наших дней здания католической миссии раскинулось кладбище, где находятся могилы тысяч индейцев. На кресте из ветвей тысячелетней секвойи начертана выразительная надпись: «Забытым людям, которые здесь покоятся».

Потом Калифорния стала частью Мексики. Прошло еще немного времени, и эту богатую землю захватили американцы в результате войны США против Мексики, которая длилась с перерывами около столетия. Когда Калифорния была включена в состав Соединенных Штатов, в Сан-Франциско было всего сто жителей. Но открытие золотых россыпей все изменило, здесь, как нигде, начала бушевать поистине хищная, ничем не сдерживаемая борьба за наживу.

«Нигде еще переворот, вызванный капиталистической централизацией, не совершался так беззастенчиво, как там»,— писал Маркс о Калифорнии тридцать лет спустя после того, как американцы отняли ее у Мексики. Сан-Франциско бурно разрастался, превращаясь в большой современный город.

Американский публицист Джон Гантер в книге «В Соединенных Штатах Америки» пишет, что уже в пятидесятых годах прошлого века Сан-Франциско стал «самым ярким и шумным городом в мире». Шума там действительно было много: в период между 1849 и 1856 годами в городе произошло более тысячи убийств, причем только в одном случае преступник был наказан. «Коррупция насквозь пронизала городскую администрацию,— пишет Гантер,— закон был предметом насмешек; в городе распоряжалась банда по кличке «лягавые»».

В 1851 году разгневанные горожане создали «Комитет бдительности» и учредили свою собственную полицию, вооруженную, в частности, артиллерией. Комитет приговорил четверых бандитов к повешению. Казни были публичными и осуществлялись под звон колоколов.

Организация «лягавых» была сломлена. Однако позднее снова начался разгул бандитизма. «Главные бандиты,— указывает Гантер,— пользовались защитой крупных капиталистов и политических деятелей, точно так же как 70 лет спустя это имело место в Чикаго в дни Капонэ». Единственным голосом протеста против того, что происходило в Сан-Франциско, был голос издателя Джеймса Кинга. В результате сам Кинг был убит. Его убийцей был политический деятель по фамилии Кэзи, против которого Кинг выступил в печати.

Вновь был создан «Комитет бдительности». На этот раз в него вступило восемь тысяч возмущенных горожан. Комитет заседал в течение четырех месяцев. Пренебрегая возражениями судов и других органов власти, деятели из «Комитета бдительности» повесили Кэзи под колокольный звон и расправились с двадцатью пятью гангстерами.

Так наконец был наведен элементарный порядок в городе...

Такова история. Она невольно приходит на ум, когда смотришь на сегодняшний Сан-Франциско с вершины Нобхилла. В американском путеводителе сказано, что это название происходит от слова «Набоб»,— в те времена, о которых писал Маркс, здесь селилась аристократия денежного мешка...

Увидев Н. С. Хрущева, люди вскочили из-за столиков, утратив свою степенность, начали аплодировать, дружески столпились вокруг гостя. Вместе с ними Никита Сергеевич в течение нескольких минут любовался видом на город, переходя от одной стеклянной стены к другой. «Хороша страна Америка, а Сан-Франциско лучше всех американских городов»,— сказал он на прощанье американцам, и все снова горячо зааплодировали.

А в это время в другом зале той же гостиницы триста американских журналистов, переминаясь с ноги на ногу и нетерпеливо поглядывая на часы, ждали встречи с профсоюзными лидерами: их вызвали сюда заранее, чтобы вооружить сенсацией о «тяжелых снарядах» Рейтера. Время было уже позднее, и надо было успеть передать новости в типографию.

У мистера Рейтера был довольно-таки помятый вид, когда он предстал перед журналистами. Он, видимо, хо-

рошо понимал, что рассказать правду о том, что произошло в зале Аргонавтов, значило бы серьезно испортить себе карьеру. И он избрал другой путь,— призвав на помощь тень Мюнхаузена, пустился врать во все тяжкие. Чтобы представить себе, до какой низости способны опускаться деятели такого типа, мы приведем здесь один образчик этой удивительной импровизации Рейтера:

«Хрущев вдруг спросил Пола Филиппса: Что Вы любите есть? — Ростбиф! — ответил Филиппс.— А я люблю борщ,— сказал Хрущев.— Вы можете иметь на обед ростбиф, но в Советском Союзе рабочие будут иметь борщ.— И, ударив кулаком по столу с удвоенной силой, Хрущев заявил: Я диктатор рабочего класса, и именно я решаю, что будут есть рабочие».

— Простите, г-н Рейтер,— недоверчиво переспрашивали корреспонденты,— неужели г-н Хрущев так сказал?

— Да, он сказал именно так!

Корреспонденты пожимали плечами и записывали, добавляя от себя: «Как утверждает У. Рейтер, г-н Хрущев сказал...»

И тут вдруг произошло неожиданное: Рейтеру дали отпор его собственные коллеги, находившиеся под свежим впечатлением от только что закончившейся беседы с Н. С. Хрущевым. Председатель объединенного профсоюза текстильщиков Рив и председатель национального профсоюза моряков Каррэн заявили корреспондентам, что «значительная часть сообщения Рейтера о том, что произошло, представляет собой кучу чепухи», и пресс-конференция, как написала назавтра газета «Сан-Франциско экзаминер», «закончилась хаосом».

Но дело было сделано, Рейтер пустил в ход сфабрикованную им утку, и неразборчивая буржуазная пресса подхватила ее.

Назавтра корреспонденты обратились к Н. С. Хрущеву с просьбой высказать свое отношение к фантастическому заявлению, сделанному Рейтером на пресс-конференции. Вначале Никита Сергеевич, помнивший, как приветливо распрощались с ним профсоюзные лидеры, отказался поверить тому, что ему сообщили.

— Я не знаю, сказал ли г-н Рейтер или же это приписали ему недобросовестные журналисты,— ответил Н. С. Хрущев.— Неужели он так сказал?

Тогда ему показали газету, в которой крупными жирными буквами было напечатано: «Рейтер говорит, что Хрущев заявил — я диктатор рабочего класса». Люди, присутствовавшие на пресс-конференции, подтвердили, что Рейтер действительно сказал именно так.

Н. С. Хрущев пожал плечами и сказал:

— Если г-н Рейтер так заявил, то он поступил нечестно. Это ложь. Я не могу уважать человека, прибегающего к таким приемам. В нашей беседе шла речь о диктатуре рабочего класса, а не о личной диктатуре.

И снова он популярно разъяснил корреспондентам, а через них и всем американцам, что такое диктатура рабочего класса, как она осуществляется на практике и что несет с собой народу.

— Марксизм-ленинизм учит,— сказал он,— что, когда власть переходит к рабочему классу, ему необходимо установить свою диктатуру для того, чтобы подавить сопротивление свергнутых эксплуататорских классов. Формы диктатуры рабочего класса могут быть различными в разных странах. Если свергнутый класс не оказывает сопротивления тому новому, что родилось в ходе исторического развития общества в результате революции, то у рабочего класса нет необходимости в применении средств насильственного подавления. И, наоборот, когда эксплуататоры пытаются повернуть колесо истории вспять, не допустить, чтобы народ взял власть в свои руки, задушить революцию, тогда рабочий класс, трудящиеся во имя своих жизненных интересов обязаны пустить в ход средства подавления, чтобы отстоять свои социальные завоевания, чтобы защитить интересы трудящихся, всего народа.

И дальше Н. С. Хрущев нарисовал картину того, как в Советском Союзе по мере продвижения к коммунизму постепенно осуществляется отмирание государства: сокращаются вооруженные силы, сокращается милиция, уменьшается численность работников органов безопасности, все больше функций поддержания порядка и управления государством передается в руки общественных организаций.

И хотя среди корреспондентов, с лихорадочной скоростью записывавших слова Н. С. Хрущева, было немало таких, кто страха ради, во имя своего мелкого сытенького благополучия готовы, подобно автомату, без возраже-

ний и угрызений совести воспроизводить и умножать клевету рейтеров,— сейчас и они казались взволнованными.

— Благодарю Вас за это важное разъяснение,— сказал один журналист, который в свое время, будучи корреспондентом в Москве, отличался умением сочинять угрюмые, дышащие злобой сообщения даже о самых радостных и ярких событиях в нашей жизни.— Я много читал о диктатуре пролетариата, но то, что Вы рассказали сейчас, ново и для меня.

— Напишите о том, что я сказал,— ответил Н. С. Хрущев.— Это поможет американцам правильно понимать нашу политику. Вы можете соглашаться или не соглашаться с тем, что мы делаем, но не выдумывайте того, чего нет...

Весть о том, как бессовестно лгал Рейтер, информируя корреспондентов о встрече с Н. С. Хрущевым, дошла до профсоюзных деятелей. Они реагировали на это по-разному. Деятели, связанные одной цепочкой с Мини, конкурирующие с ним, но выпеченные из одного и того же теста боссы, вроде Рейтера, заткнули уши, закрыли глаза и проголосовали на съезде АФТ — КПП, заседавшем в те дни в Сан-Франциско, за очередную антисоветскую резолюцию.

Но были и другие, реагировавшие совершенно иначе. Так, председатель профсоюза портовых грузчиков и складских рабочих Тихоокеанского побережья Гарри Бриджес опубликовал в еженедельной газете «Нейшнл гардиан» следующее мужественное заявление:

«Г-н Мини и г-н Рейтер — это самые видные в Соединенных Штатах поджигатели войны. Они скорее стали бы вести священную войну, которая уничтожила бы весь мир, чем согласились бы на сосуществование. В этом смысле они стоят вправо от Эйзенхауэра и Никсона. Мир не должен думать, что они представляют мнение рабочих в Америке, и их заявления и политическая линия не должны вводить в заблуждение рабочих всего мира.

Верно, что они выступают от лица многих организованных рабочих. Но я считаю, что я тоже кое-что знаю о настроениях и стремлениях рабочих, и думаю, что рабочие, если им предоставить право выбора, выберут мирные переговоры и разоружение, а не катастрофическую мировую войну. Мини, Рейтер и другие, выступая

за вооружение Западной Германии, претендуют на то, что в данном случае они говорят от лица американских рабочих. Это безумие. Еще надо найти сколько-нибудь существенное число американских рабочих, готовых пойти на войну и проливать кровь за право Федеративной Республики Германии быть оснащенной ядерным оружием и использовать его против Советов или кого-либо еще.

Визит Премьера Хрущева — это историческое событие и возможность для американского народа и рабочих увидеть, наконец, главу великого государства и настоящего коммуниста, а не руководствоваться тем, что они читают в не столь уж свободной печати. То, что сказал г-н Хрущев, внося в ООН свое предложение о разоружении, не очень отличается от предложения Франклина Рузвельта в 1937 году,— а именно, что все оружие, которое человек должен иметь в нашей стране, это только то, которое он может носить на плече. Есть явное сходство в том и другом заявлении. Война — это нажива, и вооружения — это нажива».

Гарри Бриджес не преувеличил, когда сказал, что он знает настроения и стремления рабочих и что они коренным образом расходятся с тем, чего добиваются Мини и Рейтер. Он один из тех профсоюзных лидеров, которые посвятили свою жизнь делу рабочего класса и твердо идут по избранному ими пути. Бриджес родился в Австралии, стал там матросом торгового флота. Судьба долго мотала его по разным странам, пока он не добрался в 1920 году на какой-то старой шхуне до Сан-Франциско. Здесь он вначале работал рядовым грузчиком. Смело выступал против хозяев, притесняющих рабочих. Докеры избрали его своим вожаком, он создал в порту боевую профессиональную организацию. Началась организованная борьба. После кровавых забастовок тридцатых годов хозяева были вынуждены пойти на уступки: они подписали соглашения с докерами, которые соблюдаются до сих пор.

Но монополисты затаили злобу на Гарри Бриджеса и вот уже без малого тридцать лет ведут против него подкоп, не брезгая никакими средствами. Об этом кратко, но убедительно повествует тот же Джон Гантер:

«История Бриджеса в высшей степени невероятна,— пишет он в своей книге «В Соединенных Штатах Америки».— Враги профсоюзного движения признали в нем

наиболее выдающегося руководителя рабочих на западном побережье, и они решили избавиться от него любыми средствами. После предварительных схваток его привлекали к суду в 1939 году по обвинению в том, что он, во-первых, иностранец и, во-вторых, член коммунистической партии, а следовательно, подлежит высылке. Вначале судья Джеймс Лэндис, председательствовавший на суде, прекратил дело. Затем дело было подстроено так, чтобы Бриджес подлежал высылке даже в том случае, если бы он и не был в то время коммунистом, если только вообще можно было бы доказать, что он когда-либо им был. После трехлетней тяжбы генеральный прокурор Биддл приказал выслать Бриджеса. Это было в 1942 году. Но затем последовал ряд апелляций в федеральные суды, и еще через три года Верховный суд США аннулировал приказ о высылке...

В 1948 году Бриджес выступил в поддержку Прогрессивной партии, которую возглавил Генри Уоллес. Это привело к серьезным осложнениям с Филиппом Мэрреем, главой Конгресса производственных профсоюзов, с которым его отношения уже в течение некоторого времени были напряженными. Мэррей хотел сдержать левую боевитость Бриджеса. Руководители КПП официально приказали Бриджесу прекратить свою поддержку Уоллеса, а также прекратить свои выступления против таких пунктов правительственной программы Трумэна, как план Маршалла и программа европейского восстановления.

Вскоре его изгнали из КПП, а затем возобновилось старое дело. В декабре 1948 года Комиссия Палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности назвала Бриджеса коммунистом, и в мае 1949 года федеральный суд Сан-Франциско привлек его к суду за ложные показания и подлог в связи с принятием американского гражданства в 1945 году. Несмотря на это, в июне он вновь был избран значительным большинством голосов на пост председателя профсоюза портовых грузчиков. Суд начался лишь в ноябре и тянулся до апреля 1950 года. Бриджес был признан виновным, после того как присяжные совещались в течение более 90 часов, и приговорен к пяти годам тюремного заключения.

Так, после трех судебных разбирательств и юридического преследования, длившегося с перерывами с 1939 года, Бриджеса в конце концов объявили коммунистом.

Впредь до апелляции его освободили, ио затем его лишили гражданства. Вскоре Бриджеса отправили в тюрьму по обвииению в том, что его решительиая оппозиция войне в Корее угрожала национальной безопасности; однако несколькими неделями позже ои виовь был иа свободе...

Совершенно очевидио, что эта история еще не закончена. Г-н Бриджес — в тюрьме или на свободе — будет в центре событий, пока существует на западном побережье профсоюзиое движение. В его профсоюзе никогда ие было коррупции. Нелегко честно руководить профсоюзом, но ему это удалось. Ои приветствовал массовые собрания (в то время как значительное число профсоюзов стремится к тому, чтобы свести число присутствующих до миниимума) и выступал за самую свободную и острую дискуссию; все решалось путем открытого голосования, вплоть до самых мелких вопросов. И в то же время ои был абсолютным диктатором, который управлял своей организацией с четкостью ювелира, ремонтирующего часы».

Господин Д. Гантер, конечно, взял грех на душу, назвав Гарри Бриджеса «диктатором». Человек, который, по признанию самого Гантера, ведет все дела руководимого им профсоюза на строго демократической основе, отнюдь не диктатор. Он, попросту говоря, уважаемый всеми и авторитетный человек. И он вправе говорить от имени тех, кто его избрал.

Заявив публично, что Мини и Рейтер не выражают мнения американских рабочих и что в действительности рабочий класс Америки выступает за мирные переговоры и разоружеиие, Гарри Бриджес сказал правду. Мы сами убедились в правильности его заявления, когда вскоре встретились с рабочими, избравшими его своим руководителем. В этом еще более убедили нас последующие встречи с американскими рабочими, как состоявшими в профсоюзах, так и с теми, кто в них не состоит.

Люди вчерашнего дня, все еще удерживающие в своих руках рычаги управления американским профсоюзным движением, пока еще сильны, и этого нельзя не учитывать. Но весь исторический опыт рабочего движения в Соедииенных Штатах говорит о том, что иа смену мрачиым периодам упадка неизбежио приходит новая, еще

более высокая волна. И тот, кто пытается ехать на коне задом наперед, цепляясь за хвост, рискует рано или поздно быть вышибленным из седла.

Об этом, может быть, стоило бы помнить и организаторам памятной встречи в зале Аргонавтов гостиницы «Марк Гопкинс» вечером 20 сентября 1959 года.

ДЕНЬ ПАМЯТНЫХ ВСТРЕЧ

21 сентября Никита Сергеевич проснулся рано.

Над еще тихим, едва пробуждающимся Сан-Франциско поднималось ослепительное, но нежаркое солнце. Этому городу повезло: он отличается от других, жарких и душных американских городов тем, что у него есть своя, даровая установка кондиционированного воздуха. С одной стороны холмистого мыса, на котором он расположен, лежит Тихий океан, а с другой — огромный залив. Из-за прохладных течений в океане и легких ветров нет той изнурительной, удушающей жары, от которой так страдают жители Вашингтона и многих других американских городов. Летом в Сан-Франциско средняя температура не превышает +15,5 градуса, а зимой не опускается ниже +10,5. Самая низкая температура, когда-либо зарегистрированная в городе, —2,8 градуса.

Соседи Н. С. Хрущева по гостинице, сопровождавшие его многочисленные официальные лица, корреспонденты, кинооператоры, еще спали крепким сном. Никита Сергеевич спустился в лифте, прошел мимо пораженных столь ранней встречей с ним служащих отеля и, выйдя на улицу, вдохнул полной грудью свежий воздух. По сути дела, ему впервые за всю поездку удалось вот так, без всяких протокольных церемоний и без эскорта пройтись по американской земле. Лишь очень небольшая группа успела присоединиться к нему.

Отсюда, с площадки перед входом в гостиницу, город казался еще привлекательнее. Обычной для Сан-Франциско дымки на горизонте не было, и особенно отчетливо видны были близкие и дальние кварталы, озаренные солнцем стройные здания, ярко-синяя гладь залива с точно уснувшими на ней кораблями, ажурная паутина висячих мостов.

— Красиво,— сказал Н. С. Хрущев.— Очень красиво.

Тем временем улицы начали заполняться народом. Открытые с обеих сторон зеленые вагончики городской железной дороги, похожие на те, какие существовали у нас в Севастополе до войны, со скрипом поднимали на вершины холмов рабочий люд, служащих, коммерсантов, торопящихся по своим делам.

Вагончики представляют собой своего рода древнюю реликвию города. Когда Киплинг посетил Сан-Франциско в 1889 году, они уже шестнадцать лет совершали свои альпинистские подвиги. Киплинг писал: «Они поворачивают почти под прямым углом и могут взбежать на стенку дома...» И сейчас, почти 70 лет спустя, эти веселые вагончики, обладающие энергией и ловкостью горных коз, остаются любимцами горожан. Поездка на них дает возможность сочетать осмотр достопримечательностей Сан-Франциско с ощущениями, связанными с катанием на американских горах, или, как их называют в США, русских горах. И уж во всяком случае они совершенно незаменимы в иные зимние дни, когда мостовые крутых улиц Сан-Франциско вдруг покрываются гололедицей,— движение автомобилей в такие дни замирает.

Увидев Н. С. Хрущева, пассажиры вагончиков вскакивали со своих скамеек и начинали аплодировать, приветствовать высокого гостя. Пожилая женщина в модной шляпке, шедшая навстречу, вдруг как бы окаменела от неожиданности, потом ухватилась за маленький фотоаппарат, висевший у нее на плече, и дрожащими от волнения руками начала наводить его. Н. С. Хрущев улыбнулся и подождал, пока она найдет наконец фокус. Женщина горячо поблагодарила его. Встречные люди все чаще останавливались, подходили к гостю, здоровались с ним, обменивались теплыми приветствиями.

Эта замечательная прогулка продолжалась около получаса. Нам рассказывали, что журналисты, которые прозевали такой случай, жестоко раскаивались потом, что встали позднее Никиты Сергеевича,— им здорово влетело от редакций за то, что они упустили такой момент для репортажей. Но можно не сомневаться, что если бы они оказались на высоте положения, то и самой прогулки не было бы: какая уж тут прогулка, если впереди, по бокам и сзади постоянно толпятся несколько сот

человек с фотоаппаратами, портативными магнитофонами и записными книжками!

А неумолимый протокол путешествия уже торопил: надо было начинать новый большой день, до отказа заполненный встречами, каждая из которых имеет свое значение в этой поездке доброй воли.

И вот уже машины, сопровождаемые трескучим эскортом моторизованной полиции, осторожно спускаются с крутого холма. Они направляются к порту, у причала которого ждет сверкающий свежей белой краской корабль береговой охраны «Грешэм» водоизмещением в 2300 тонн — ветеран второй мировой войны. На протяжении десяти дней сто тридцать три матроса под командованием тридцати офицеров мыли, красили, чистили и драили свой корабль, чтобы не ударить лицом в грязь перед главой Советского правительства. Теперь они стоят, заинтересованные этой встречей, в две шеренги, плечистые здоровяки, застывшие по команде «смирно».

Н. С. Хрущев здоровается с командиром корабля командором Бенджамином П. Кларком и командой корабля и поднимается на капитанский мостик. «Грешэм» отваливает от берега, и начинается объезд гавани. С океана веет мягкий прохладный ветерок. Белый корабль рассекает прозрачные воды залива. Слева и справа мчатся двенадцать катеров, отводящих в стороны все движение военных и торговых судов. Над кораблем висят вертолеты.

Командор Кларк обращается к своему почетному гостю:

— Наш корабль используется сейчас как судно береговой охраны. Кроме того, корабли такого типа используются сейчас в качестве спасательных судов в случае какой-либо аварии на море. У них хорошая скорость...

Потом он добавляет:

— Для нас большая честь, что Вы находитесь сегодня на борту «Грешэма». Мы постараемся сделать из Вас моряка...

— Я у себя на Родине немного занимаюсь и флотскими делами,— отвечает Никита Сергеевич.— Большим специалистом себя не считаю, но кое-что о флотских делах знаю.

Слева открывается широкая панорама города. Дальше, по ту сторону холмов, расстилается бесконечная

синяя пустыня Тихого океана. Сан-Франциско стоит на гористом мысу, отделяющем этот залив от океанских просторов. Никита Сергеевич всматривается вдаль, где виднеются контуры гигантского моста, переброшенного через пролив Золотые Ворота. Это самый высокий мост в мире: его высота над уровнем моря семьдесят метров. Строительство моста было закончено в 1937 году.

Вдруг командор Кларк обращает внимание Никиты Сергеевича на небольшой скалистый островок, на котором возвышается угрюмое строение, похожее на древний замок:

— Это наша достопримечательность. Остров Алькатрац, наша знаменитая тюрьма...

— Мне вчера уже показывали эту достопримечательность,— говорит Никита Сергеевич, продолжая глядеть в сторону Золотых Ворот.

— Оттуда открывается наилучший вид на Золотые Ворота,— не унимается командир корабля, которому, видимо, очень хочется привлечь внимание своего гостя к столь выдающемуся сооружению.— И потом эта тюрьма знаменита тем, что еще никому не удавалось сбежать оттуда. Кое-кто пытался бежать, но безуспешно: здесь слишком холодная вода и сильное течение. Тонут!..

— Да, трудные условия...— задумчиво отзывается Никита Сергеевич. Потом он поворачивается к командиру корабля и вдруг спрашивает его:

— А Вы не думаете, что хорошо было бы дожить до того времени, когда в мире совсем не будет полиции и тюрем?

Б. Кларк молча стоит в положении «смирно». Г. Лодж настораживается. Корреспонденты, стоящие плотным кольцом вокруг собеседников, торопливо вытаскивают из карманов свои блокноты и карандаши. Никита Сергеевич продолжает:

— А что для этого нужно?

Пауза...

— Для этого нужно одно: чтобы не было больше частной собственности. Эта идея, как Вы знаете, лежит в основе нашей идеологии. Чем вредна частная собственность? Тем, что она порождает у людей жадность, стремление к обогащению любыми средствами, а это страшная вещь. Каждый начинает думать о том, как бы стать богаче другого, и многие идут на все ради богатства. А если

частной собственности не будет, человек перестанет думать о том, как обогатиться за счет своего ближнего. Он будет думать только о том, как обеспечить общее благо, а значит, и его собственное, личное благо. Тогда уже никому не придет в голову воровать у другого. Да и смысла не будет: общество удовлетворит все потребности каждого человека, а работать он будет по способностям. Так будет при коммунизме...

Взглянув на журналистов, которые усердно записывали его слова, Н. С. Хрущев улыбнулся и сказал:

— Это, конечно, наша идеология, я вам ее не навязываю. Ведь вы нас не понимаете, считаете нас разбойниками, которые обидели капиталистов и помещиков. Ну, а мы считаем разбойниками тех, кто присваивает плоды чужого труда.

— У каждого свой путь,— дипломатично заметил Г. Лодж, у которого, по-видимому, не вызвали никакого энтузиазма настойчивые попытки командора Кларка привлечь внимание гостя к злополучной тюрьме Алькатрац.

— Правильно,— весело откликнулся Н. С. Хрущев.— Кто любит борщ, а кто ростбиф, но все мы любим третье блюдо — сладкое...

Все рассмеялись. В этот момент на горизонте показалась внушительная серая громада военного корабля — авианосца. Может быть, он проходил здесь случайно, но американские журналисты говорили нам, что это было кем-то предусмотрено. Командор Кларк постарался привлечь к нему внимание Н. С. Хрущева.

— Военные корабли хороши лишь для того, чтобы совершать на них поездки с государственными визитами,— отозвался Никита Сергеевич.— А с точки зрения военной они отжили свой век. Отжили! Теперь они лишь хорошие мишени для ракет! Мы в этом году пустили даже на слом свои почти законченные крейсеры. Они были уже готовы на девяносто пять процентов.

Стоявшие рядом военно-морские чины и журналисты навострили уши.

— Но во время войны ваши корабли показали свои хорошие качества,— возразил Кларк.

— Времена меняются,— пояснил Н. С. Хрущев.— В наше время боевое применение крейсеров вряд ли было бы целесообразным. Раньше подводная лодка

должна была приблизиться к борту крейсера на пять километров для того, чтобы потопить его. Теперь же их можно пускать ко дну ударами, направленными за сотни километров. Появление летающих торпед и ракет полностью изменило положение на море. Поэтому нет смысла теперь иметь в строю крупные военные корабли. На борту крейсера, например, находится 1200—1300 человек, а ведь он чрезвычайно уязвим. Зачем же использовать такие устарелые средства войны на море?

Командор Кларк промолчал.

— Нет,— продолжал Никита Сергеевич,— мы не хотим оставаться на позициях вчерашнего дня. Нам советских людей жалко. Поэтому мы сохраняем в строю суда береговой охраны, сторожевые корабли, на борту которых находятся ракеты, подводный флот, также вооруженный ракетами, торпедные катера и тральщики. Вот и все. Другие корабли в наше время не нужны...

Опять наступила пауза. Среди корреспондентов начался какой-то ажиотаж. Они шушукались между собой, что-то записывали, что-то вычеркивали. Оказывается, ловкие фальшивых газетных дел мастера уже обдумали свою версию о том, что сию минуту сказал Н. С. Хрущев: они сговорились дать в печать сообщение, будто глава Советского правительства заявил, что СССР создает сейчас самый могучий в мире подводный флот. Об этом сказали Никите Сергеевичу. Он покачал головой и, обращаясь к Кларку, громко сказал, так, чтобы все слышали:

— Мне сейчас сообщили, что корреспонденты говорят между собою, будто я заявил, что мы строим сейчас самый сильный в мире военно-морской флот. Вы слышали, господин Кларк, то, что я Вам говорил? Я сказал и повторяю, что мы сейчас отказались от строительства больших военных кораблей и уничтожили почти готовые крейсеры, строительство которых заканчивалось на судоверфях. Я сказал также, и могу это повторить, что сейчас мы строим только суда береговой охраны, сторожевые корабли, подводные лодки, торпедные катера и тральщики. А корреспонденты пытаются мне приписать, будто я говорю здесь о создании самого большого в мире военно-морского флота. Я этого не говорил. Если бы я это сказал, то это прозвучало бы как угроза, а я никому не хочу угрожать.

— Я могу подтвердить каждое слово, сказанное г-ном Хрущевым,— твердо сказал Кларк.

— Но мы вовсе не имели этого в виду! — обиженно сказала сновавшая рядом небезызвестная обозревательница газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» Маргарита Хиггинс. (Это не помешало ее газете опубликовать на следующий день сообщение об этой беседе под развязным и лживым заголовком: «Хрущев... похваляется красными подводными лодками».)

Корреспондент радиотелевизионной компании «Коламбиа бродкастинг систем» Шорр, несколько лет работавший корреспондентом в Москве и известный как мастер фальшивок, попытался прибегнуть к дешевой уловке, с помощью которой он надеялся вызвать сенсацию:

— А почему вы не строите самый сильный в мире военный флот?

Грянул всеобщий смех. Даже Г. Лодж, который все это время стремился сохранить вид рассеянного человека, который не интересуется содержанием разговора, вдруг не сдержался и расхохотался. Н. С. Хрущев, прищурившись, поглядел на сконфузившегося корреспондента и сказал:

— А что такое «самый сильный»? Это относительное понятие! Скажите мне, какой у вас флот, и тогда давайте сравним его с нашим.

— Я не знаю, какой у нас флот,— пробормотал Шорр.

— Но Вы успокойтесь,— продолжал Никита Сергеевич,— мы сейчас начинаем приспосабливать подводные лодки для лова селедки.

— А как вы это делаете? — оживилась Маргарита Хиггинс.

Опять все захохотали.

— Я не рыболов,— ответил, улыбаясь, Н. С. Хрущев.— Я только люблю кушать селедку. Больше всего люблю дунайскую сельдь. Она, по-моему, самая лучшая...

— Это не политическое заявление? — лукаво спросил Лодж.

— Нет, гастрономическое,— парировал Никита Сергеевич.

Корабль тем временем подошел к Золотым Воротам и уже разворачивался, ложась на обратный курс. Н. С. Хрущев еще раз взглянул на Золотые Ворота и спросил:

— Скажите, какое расстояние отсюда до Владивостока?

— Восемь тысяч миль,— сказал командир корабля.

— Возможно, я побываю во Владивостоке на обратном пути, когда буду лететь из Китая. Там — близко... В 1954 году, возвращаясь из Китая, я уже побывал там. Это очень хорошее место, там прекрасный климат...

— Ваш подводный флот, который занят ловлей сельди, сосредоточен во Владивостоке? — с невинным видом спросил Лодж.

— Селедки не свиньи,— в тон ему возразил Н. С. Хрущев,— их нельзя разводить где угодно. Их мы ловим там, где они находятся...

— На каких языках Вы говорите, г-н Премьер-Министр? — снова спросил Лодж.

— На своем. На красном! — быстро ответил Н. С. Хрущев.

Так, непринужденно беседуя и обмениваясь шутками, гость и его хозяева совершили поездку по просторам огромного залива Сан-Франциско, у сорока трех пирсов которого ежегодно швартуются четыре тысячи судов. Общая длина причалов здесь составляет семнадцать с половиной миль. Это один из крупнейших портов Америки, его ежегодный грузооборот превышает тридцать миллионов тонн.

На борту корабля то и дело звучал веселый смех. Глубоко человечный, чуткий к людям и в то же время твердый и неприступный, когда речь идет о защите интересов рабочих и народа, глава Советского правительства здесь, как и в других городах Америки, оставил самое глубокое впечатление. И когда пришло время прощаться, американские военные моряки крепко жали ему руку и желали счастливого пути.

Здесь же, в порту, произошла вторая встреча за день — встреча совершенно иного рода: встреча с рабочими Сан-Франциско, грузчиками и работниками складов. Когда автомашина, в которой ехал Н. С. Хрущев, остановилась у здания, где находится правление их профсоюза, там уже собрались тысячи людей. Навстре-

чу гостю вышел руководитель профсоюза Гарри Бриджес. Он бережно поддерживал под руку свою беременную жену. Она держала в руках букет цветов.

— Через несколько дней,— взволнованно сказал Бриджес,— у нас родится ребенок. Мы глубоко верим, что американцы и советские люди сделают все, чтобы наш ребенок, как и все дети на земле, не познал ужасов войны...

— Мы все сделаем для того, чтобы все дети росли в мире,— ответил Никита Сергеевич, тепло приветствуя Бриджеса и его жену. Рабочие, окружавшие их тесным кольцом, горячо аплодировали. К Н. С. Хрущеву подошел и также приветствовал его Пол Сейнт Шур, глава организации судовладельцев Тихоокеанской морской ассоциации.

Никита Сергеевич зашел в помещение, где выдаются наряды грузчикам. Его встретил главный диспетчер Майкл Самодуров.

— Хватает ли у вас работы на всех, кто хотел бы работать?

— Сегодня работы хватило всем,— уклончиво ответил Самодуров.

— А как бывает в тех случаях, когда работы не хватает? Как вы регулируете ее распределение?

— Кто сегодня не работал, тот будет работать завтра.

— А каких дней бывает больше? Когда не хватает работы или когда не хватает рабочих?

— Наиболее загруженные работой дни — это понедельник, вторник и среда,— ответил Самодуров, опять-таки уходя от более точного ответа.

— Надо во что бы то ни стало увеличить советско-американскую торговлю,— вмешался Бриджес.

— Вы правы,— сказал Н. С. Хрущев,— я все время говорю дипломатам, что торговля — это путь к улучшению международных отношений.

— Да, но дело не только в этом. Я в данном случае выступаю с позиций профессиональной защиты интересов докеров: больше торговли — меньше безработицы. Одну из главных своих надежд наши грузчики возлагают на торговлю с Советским Союзом — будет что разгружать и погружать...

Н. С. Хрущев спустился по лестнице в просторный холл, где уже некуда было яблоку упасть. «Служба

порядка» городских властей была бессильна что-либо поделать, и агентство Ассошиэйтед Пресс сообщило потом, что, «когда Хрущев решил отправиться в штаб-квартиру портовых грузчиков, он привел в смущение сан-францисскую полицию». Но чего опасаться среди рабочих рабочему, который стал главой правительства? И Никита Сергеевич буквально расцвел, оказавшись в самой гуще толпы, в крепких объятиях грузчиков. Со всех сторон тянулись руки для дружеских пожатий, слышались приветствия. Один грузчик — это был Дэвид Аэриан — вдруг надел Никите Сергеевичу на голову традиционную белую кепку американского докера.

— Очень хорошо,— сказал Н. С. Хрущев,— совершим обмен в знак мира. Возьмите-ка!..— И он протянул растерявшемуся от неожиданности грузчику свою серую фетровую шляпу, которую держал в руке.

Толпа бурно зааплодировала. А Никиту Сергеевича уже звали на импровизированную трибуну, просили сказать хотя бы несколько слов.

— Разрешите мне обратиться к вам так, как мы, советские рабочие, привыкли обращаться друг к другу,— тепло говорит Н. С. Хрущев,— товарищи!..— И под высокими сводами холла вспыхивают горячие аплодисменты. Н. С. Хрущев благодарит докеров за теплый прием, передает им привет от советских рабочих.

— Я хочу пожелать вам того, чего желают рабочие,— продолжает Никита Сергеевич.— А чего желают рабочие?

— Мира! — кричат со всех сторон.

Никита Сергеевич кивает головой и поднимает руку:

— Мира — это верно. Нужно, чтобы был мир. Кроме того, я хочу пожелать вам, чтобы у вас всегда была работа и хороший заработок.

Неописуемая овация гремит ему в ответ. Докеры провожают Никиту Сергеевича до машины и долго аплодируют вслед. Наверное, долго будут они вспоминать об этой встрече, беседуя о ней со своими близкими и друзьями.

Докер Аэриан бережно держит в своих руках неожиданный подарок — шляпу главы Советского правительства. Он еще не знает, что этот подарок принесет ему много переживаний — и радостных и тревожных. Начнется с того, что любители сенсационных сувениров по-

пытаются выкрасть ее у него. Потом ему предложат деньги — сначала пятьсот долларов, затем тысячу. Но докер найдет нужные слова для ответа этим дельцам: он откажет им — такие подарки не продаются! А когда к нему пристанут с ножом к горлу, он даст интервью, и газета «Нью-Йорк таймс» опубликует 12 октября следующее колоритное сообщение:

«Портовый грузчик Дэвид Аэрнан, поменявшийся головными уборами с Премьером Хрущевым во время недавнего визита сюда советского лидера, находится сегодня в затруднении.

«Многие люди, которым я должен деньги, удивляются, почему я не продам шляпу»,— сказал он.

Г-н Аэрнан заявил также, что ему предложили 500 долларов за эту светло-серую шляпу и что многие торговцы делали заманчивые предложения взять напрокат эту шляпу, чтобы выставить ее в витрине.

«Это символ,— сказал г-н Аэрнан.— Я не могу рассматривать это с коммерческой точки зрения, особенно потому, что он (г-н Хрущев) заявил, что он сохранит мою кепку, как дорогую память».

Г-н Аэриан сказал, что, если не будет иного выхода, он может продать эту шляпу на аукционе, чтобы помочь слепому другу, обучающемуся в школе.

«Мне очень не хотелось бы делать это,— сказал Аэриан.— Каково это будет для Соединенных Штатов, если мне придется продать шляпу г-на Хрущева, чтобы помочь слепому учиться в школе»...»

Но все это впереди, а сейчас Аэрнан вместе со своими друзьями стоит у дверей штаб-квартиры своего независимого профсоюза, вновь и вновь рассказывая о том, как глава Советского правительства принял от него с благодарностью простую кепку докера и обещал передать привет советским рабочим.

У КОММУНИСТОВ САМЫЕ БЛАГОРОДНЫЕ МЫСЛИ

Никита Сергеевич Хрущев направляется далеко за город, чтобы посетить ультрасовременный американский завод, изготовляющий счетно-аналитические машины. Это здесь была построена машина «Рамак», дававшая ответы на вопросы посетителей американской выставки в

Москве. Правда, иногда эта машина кривила своей механической душой и приукрашала американский образ жизни, но что возьмешь с родной дочери корпорации «Интернешенэл бизнес мэшинс»? Во всяком случае, ее полупроводниковый мозг и стальные мышцы работали безотказно. И вот мы едем к колыбели этого хитрого создания.

Дорога ведет мимо знаменитого и самого длинного в мире моста, соединяющего Сан-Франциско с Оклэндом, вторым по величине городом Северной Калифорнии, крупнейшим промышленным центром, где сосредоточено 1500 заводов и фабрик. Мост двухэтажный. Взад и вперед мчатся беспрерывным потоком, нередко со скоростью 100—120 километров в час тысячи автомобилей. Длина моста измеряется несколькими километрами.

Наши машины, не доезжая до моста, поворачивают круто на юг. Час с лишним бешеной езды. Повсюду на дороге люди — группами и в одиночку. Многие из них пришли с плакатами в руках.

Вот возле одного из маленьких городков их сразу несколько: «Привет рыцарю мира!», «Господи, благослови Никиту!» и другие. Наконец, мы в Сан-Хосе. Это старейший город Калифорнии, основанный еще в 1777 году; название его было тогда длинным и торжественным: Пуэбло де Сан Хосе де Гваделуп. То было первое испанское поселение на этом побережье. В 1795 году здесь была открыта первая в Калифорнии школа, в 1857 году — первое в штате высшее учебное заведение, в 1879 году тут была снята первая в Соединенных Штатах кинокартина, а в 1904 году здесь же была введена в строй первая в Соединенных Штатах радиостанция.

Вот как славен, оказывается, этот небольшой, но преуспевающий городок с населением в 127 тысяч человек...

Никита Сергеевич едет прямо на завод счетных машин. Вдали уже видны его разноцветные здания — оранжевые, желтые, голубые, розовые. Они построены в современном стиле: кирпич, стекло, сталь. И прямо от стен цехов, за гладкой асфальтовой дорожкой — широченное клеверное поле, уходящее к дальним горам. У входа на завод — стриженые ярко-зеленые газоны, вихры декоративного кустарника, десяток деревьев и какие-то абстрактные скульптуры.

И здесь, как и повсюду, уже ставшие привычными большие скопления людей. В руках у некоторых жителей Сан-Хосе плакаты со старательно выписанными от руки приветствиями на русском языке. Видать, помогал сочинять их какой-то престарелый грамотей — иные лозунги старомодные и немного вычурные, но писали их люди душевные: никто не мог заставить их заняться этим в порядке показной любезности.

Мы читаем на плакатах: «Мир», «Привет Хрущеву!», «Мы все хотим мира!»

На заводе Н. С. Хрущева встречает президент корпорации «Интернешенэл бизнес мэшинс» Томас Дж. Уотсон. Он возглавляет преуспевающую компанию: на счетно-аналитические машины большой спрос, они нужны и в научно-исследовательских институтах, и в вооруженных силах, и в торговле, и в промышленности. По данным, опубликованным в журнале «Форчун» в июне 1957 года, продажа электронных вычислительных машин составляла уже в то время огромную сумму — 350 миллионов долларов в год. К середине 1957 года американские предприятия изготовили несколько тысяч таких машин, и это не считая тех электронных вычислительных агрегатов, которые были поставлены вооруженным силам.

Компания «Интернешенэл бизнес мэшинс» раньше других занялась производством электронных вычислительных машин. Первые же модели обрели коммерческий успех. Компания быстро развернула производство, вводя в строй один завод за другим,— сейчас у нее уже полтора десятка предприятий. В 1958 году обороты компании составили около 1170 миллионов долларов, а чистая прибыль — более 126 миллионов долларов. Всего на предприятиях компании работает около 86 тысяч человек. Таким образом, эксплуатация каждого из них дала фирме почти полторы тысячи долларов чистого дохода в год.

Завод, на который приглашен Н. С. Хрущев, новехонький — он введен в эксплуатацию на полную мощность в мае 1958 года. Это предприятие особого рода: здесь работает более двух тысяч человек, но почти каждый — специалист высокой квалификации, среди них семьсот инженеров. Средний возраст работающих — 34 года. По предварительным расчетам компании, стоимость продук-

ции, которую завод выпустит в 1959 году, составит около ста миллионов долларов; таким образом, каждый работающий своим трудом создает материальных ценностей за год примерно на пятьдесят тысяч долларов.

Сам завод, занимающий площадь в 84 тысячи квадратных метров, скорее похож на колледж или большую лабораторию, чем на обычное промышленное предприятие. На его территории расположены два одноэтажных производственных корпуса, занимающие около двадцати шести тысяч квадратных метров, научно-исследовательская лаборатория, учебный корпус, электростанция, кафетерий и другие помещения. В цехах люди работают в белых рубашках, повсюду чистота. Иначе и быть не может, когда речь идет о сборке сложных схем из тончайших деталей электронной техники, поступающих с пятисот других заводов. Люди получают здесь более высокую оплату, нежели на предприятиях обычного типа, и это окупается. Спрос на электронные машины настолько велик, что компания берет с покупателей немалые деньги. И не случайно, видимо, на этом заводе нет профсоюза...

Президент компании Т. Уотсон — высокий, стройный, спортивного вида человек. Во время войны он служил летчиком бомбардировочной авиации и, как он сам рассказывал, летал в Москву через Аляску, изучая трассу для доставки самолетов.

Приятный сюрприз: компания, готовясь к приему гостя, доставила сюда со всех концов Соединенных Штатов своих сотрудников, говорящих по-русски, поэтому разговоры почти все время ведутся без перевода. Повсюду рядом с обычными служебными титрами помещены аккуратно сделанные надписи на русском языке. Кроме того, специально для гостей повсюду подготовлены наглядные схемы, разъясняющие сложную механику производства.

Т. Уотсон представляет Н. С. Хрущеву изобретателя машины «Рамак» Джонсона. Он рассказывает о принципах действия машины, о ее устройстве и уверяет, что скоро фирма добьется стократного уменьшения размера «Рамак». Оказывается, над усовершенствованием машины фирма работает около семи лет.

— Поздравляю вас с достигнутыми успехами,— говорит Н. С. Хрущев.

— Для нас большая честь принимать Вас здесь,— отвечает Джонсон.

— Представляю вам нашего способного конструктора,— продолжает Никита Сергеевич.— Это сын знаменитого Туполева. Он уже строит самолеты и начинает заниматься ракетами, ведь за ними будущее. Вот вам живой символ быстрого развития техники: отец строил самолеты, а сын — уже ракеты...

Хозяева приглашают Никиту Сергеевича в свой кафетерий-столовую. В скромно и просто отделанном зале стоят длинные полки-прилавки, на которых каждый выбирает себе блюда по вкусу. За широкими стеклянными окнами во всю стену суетятся фоторепортеры и кинооператоры. Они спешат заснять сквозь стекло этот необычный завтрак.

Завтрак проходит в простой, непринужденной обстановке. Набрав на подносы, что кому приглянулось из еды, хозяева и гости усаживаются за стол. За завтраком идет беседа, Н. С. Хрущев и Т. Уотсон обмениваются дружественными речами.

Т. Уотсон совсем недавно побывал в Москве, и сейчас он взволнованно говорит, что эта поездка лишь укрепила в нем то благоприятное впечатление, которое он вынес из первой поездки по СССР в трудном 1942 году.

— Ваши граждане искренни и дружелюбны...— говорит он.— Конечно, между вашей страной и нашей существует большой разрыв. Мы, американцы, восхищаемся многим из того, чего вы достигли. Ваши достижения в ракетной технике, ваши спутники, ваш запуск на Луну — все это вызывает восхищение. Многие из ваших действий нам кажутся непонятными. Я уверен, что Вы и ваш народ думаете то же самое о нас. Однако обнадеживает тот факт, что Вы и ваш народ пытаетесь понять нас, а мы стараемся понять вас.

Н. С. Хрущев также дружелюбно отвечает Уотсону:

— Мы с вами мирно, по-дружески беседуем. Президент, как хороший дирижер, задал правильный тон. Не надо обострять отношений, не следует поднимать вопросы, которые могут быть решены лишь со временем самой жизнью. Давайте по этим вопросам не спорить, потому что, чем глубже мы будем влезать в спор, тем

сильнее будут натянуты струны, а нам надо не натягивать струны, а ослаблять, с тем, чтобы быть ближе друг к другу, дружить и делать все для обеспечения мира во всем мире.

Уотсон приглашает Н. С. Хрущева осмотреть цехи завода. Специалисты, сопровождающие его, дают необходимые пояснения на русском языке. Бросается в глаза отсутствие чего-нибудь лишнего, удобное расположение рабочих мест, размеренный ритм производства.

Н. С. Хрущев интересуется конструктивным решением заводских помещений.— Почему вы строите свои цеха из металла? — спрашивает он.— Мы предпочитаем бетон!

Президент корпорации разводит руками: — Видите ли, наш завод в Нью-Йорке построен из бетона, а этот — из стальных конструкций. В сущности вопрос о том, как и из чего должен быть построен цех, нас не интересует — это забота подрядчиков. Мы интересуемся только одним: кто из подрядчиков возьмет с нас дешевле...

Немного подальше Н. С. Хрущев подходит к двум специалистам, занятым монтажом сложной электронной схемы, и заводит с ними разговор. Это Джеймс Клей и Джон Пипкин. Они ровесники — обоим по 29 лет. Оба женаты. У каждого по двое детей. Никита Сергеевич расспрашивает их о заработках, о том, как они живут, как питаются. Клей и Пипкин рассказывают, что обеспечены они хорошо — приносят домой примерно по 420 долларов в месяц. Клей сумел скопить деньжат на покупку дома в рассрочку. Он выплачивает за него примерно четверть своего заработка — 100 долларов в месяц.

— Как вы считаете: ваша зарплата типична для американского рабочего?

— Для нашей работы — типична,— отвечает Клей, делая упор на слове «нашей».

— А где вы обедаете?

— Я — в кафетерии,— говорит Клей.

— А я приношу завтрак из дому,— немного сконфуженно откликается Пипкин.

Никита Сергеевич дарит своим собеседникам по значку, изготовленному в память о запуске советской ракеты на Луну. Они благодарят его и долго обмени-

ваются между собой замечаниями, глядя вслед главе Советского правительства.

Т. Уотсон показывает гостю машину «Рамак» в действии. Эта умная машина обслуживает заводоуправление, заменяя собой целый штат учетчиков, счетоводов и бухгалтеров. Здесь перед ней стоят не пропагандистские, как это было в Сокольниках, а самые будничные и прозаические задачи: машина поддерживает, что называется, в ажуре учет всех мельчайших деталей, имеющихся в производстве. Она «запоминает» все до единого винтика, шайбы, кнопочки, скобочки, из которых монтируются электронные мозги ее собратьев, знает наизусть номер каждой детали, ее спецификацию, цену и в любую секунду скажет вам, сколько штук их получено сегодня утром, сколько будет израсходовано к концу дня и сколько останется. Требуемые сведения «Рамак» выстреливает с быстротой пулемета.

«Рамак», например, молниеносно отщелкал в присутствии гостя целую таблицу сведений. Вас интересует шпенек № 00210224? Отлично! Его код Д АЕ А. Где он находится на сборке? В зоне 4 Б. Цена за штуку? 10 центов. Поступило сегодня? 52 штуки. Израсходовано? 42 штуки. Осталось в запасе? 10 штук. Сколько таких шпеньков всего в запасе? 125 штук... Остается добавить, что машина «Рамак» блеснула заодно знанием русского языка — вся эта таблица была отщелкана по-русски и притом под копирку в нескольких экземплярах...

— Хороший завод,— сказал, прощаясь, Уотсону Н. С. Хрущев.— Счетные машины — это новое, большое дело. Мы также быстро развиваем их производство. Без таких машин ученые не смогли бы раскрыть тайны атома и не сумели бы сделать межконтинентальных ракет. Их изобретение явилось великим открытием для человечества. До сих пор они в большой мере используются в военных целях. Мы предлагаем сейчас всеобщее разоружение. Тогда и эти машины можно будет демобилизовать и использовать для мирных целей. Работа для них найдется.

Руководители компании и рабочие завода тепло проводили гостя.

Следующим пунктом программы поездки Н. С. Хрущева было посещение Стэнфордского научно-исследовательского института. Президент института Эммет Фини

Картер пригласил Никиту Сергеевича осмотреть лаборатории и выступить перед персоналом. Это научно-исследовательское учреждение организационно входит в Стэнфордский университет и является одним из крупнейших институтов США. Тут работает около 1700 сотрудников, в том числе 200 докторов наук.

Все научно-исследовательские работы институт выполняет по контрактам, заключенным или с правительственными организациями, или же с частными фирмами. Тематика института чрезвычайно разнообразна и охватывает физические и биологические науки, а также вопросы техники и экономики.

Здесь проводятся обширные работы в области жаропрочных материалов для ракетной техники и вместе с тем исследуются проблемы раковых заболеваний. Здесь же занимаются вопросами использования радиолокации для предсказания погоды и, в частности, для наблюдения за образованием ураганов, которые приносят большие бедствия населению некоторых районов США.

В институте заранее готовились к встрече Н. С. Хрущева. Наладили быстропечатную машину, действующую по оригинальному принципу, разработанному в институте. На ней были отпечатаны портрет Н. С. Хрущева и его же портрет вместе с Президентом Д. Эйзенхауэром.

Никита Сергеевич за недостатком времени не смог посетить институт и поручил сделать это члену-корреспонденту Академии наук СССР В. С. Емельянову.

Позднее, вечером, на приеме, устроенном в его честь, Н. С. Хрущев выразил сожаление, что ему не удалось побывать в Стэнфордском институте, хотя ему очень хотелось это сделать.

— Однако нельзя объять необъятного,— заметил он под дружный смех собравшихся на приеме.

Но об этом приеме мы расскажем несколько позже.

А сейчас машины мчались обратно в Сан-Франциско. По пути они остановились в районе Стоунтаун, на окраине Сан-Франциско. Н. С. Хрущев вошел в большой продовольственный магазин, торгующий расфасованными продуктами. За ним устремились сотни людей, ожидавших этой встречи.

Что творилось в магазине! Потребовалось полное напряжение сил службы порядка, чтобы хоть как-нибудь, с грехом пополам, дать возможность Никите Сергеевичу

пройти вдоль прилавков, на которых лежат товары. Взрослые и дети, мужчины и женщины тянулись к гостю со всех сторон, чтобы пожать ему руку. Магазин наполнился невероятным шумом и гамом. Одни аплодировали, другие кричали приветствия. Зазвенело разбитое стекло витрин — это вездесущие кинооператоры и фоторепортеры карабкались на прилавки, чтобы заснять то, что происходило... Осмотр пришлось сократить до минимума.

Но вот машины снова двигаются в путь. На этот раз совершается чисто туристский объезд города. Когда машины поднимаются на вершину обрывистого холма, откуда открывается чудесный вид на бухту и на город, на память невольно приходит поэтический образ Ирвина Кобба, воспевшего Сан-Франциско: «Умудренный жизнью, но вечно юный сорванец, раскачивающийся на своих Золотых Воротах. Позади него бронзовая пряжка гор, а впереди залив, серебряным копьем устремленный в грудь океана...»

Поездка закончена. Н. С. Хрущев возвращается в отель, но вскоре он снова покидает его: гостя ждут две тысячи граждан Сан-Франциско, собравшихся на прием в честь главы Советского правительства в парадных залах гостиницы «Палас».

Никиту Сергеевича приветствуют председатель Совета по международным делам Северной Калифорнии А. Рокуэлл, мэр города Дж. Кристофер, губернатор штата Э. Браун, председатель клуба «Коммонуэлс» Г. Джонсон. Содержание их речей, как небо от земли, отличается от речи на недавнем приеме в Лос-Анжелосе. Слова ораторов просты, прямолинейны, далеки от условностей дипломатического этикета, но тем сильнее сказывается одушевляющее их желание обеспечить взаимопонимание и мир между США и СССР. Тон этим выступлениям задал председательствующий Рокуэлл, когда в самом начале приема сказал:

— Многое разделяет обе наши страны, но многое также и объединяет; именно последним нам и следует заняться сегодня вечером.

Сейчас нам подавали еду на золотом сервизе, который восходит к тем дням, когда генерал Шеридан и президент Грант были гостями в 1875 и 1879 годах в отеле «Палас», находившемся на этом месте,— говорит

А. Рокуэлл.— Однако мы не хотели бы, чтобы Председатель Совета Министров или кто-либо из сопровождающих его лиц покинули нашу страну с впечатлением, что такова типичная картина обеда у американцев. Многие — я полагаю, большинство — из дам, находящихся здесь, обычно сами готовят для своих семей и не пользуются золотыми сервизами.

В зале звучит веселый смех. Люди прекрасно поняли Рокуэлла. Многие американцы и раньше в беседах с нами говорили, что они испытывают чувство неловкости за тех в США, кто, безудержно рекламируя пресловутый американский образ жизни, стараются навязать гостю фальшивое представление, будто Америка — это рай на земле, где все люди купаются в золоте.

Рокуэлл отметил в своей речи:

— В субботу в Лос-Анжелосе Ваше Превосходительство, как передают, сказали: «Всякий честный труд, какой бы он ни был, достоин уважения. Грязного труда нет. Грязной может быть только совесть». Я смею утверждать, что это хорошее правило жизни.

Зал оживленно реагирует и на это замечание, которое всем хорошо понятно.

Выступает мэр города Дж. Кристофер. Приветствуя Н. С. Хрущева как выдающегося деятеля современной истории, он говорит:

— Премьер Хрущев приехал к нам в критический момент нашего времени. Он руководитель могучего государства, социальные концепции которого отличаются от наших.

Эти идеологические и философские расхождения во мнениях не должны мешать нашим взаимным попыткам обеспечить мир.

Мы спрашиваем: почему бы нам не рассчитывать в качестве естественного курса человеческого поведения на спокойное, счастливое и плодотворное существование?

Этот реалистический подход характерен и для других выступлений в Сан-Франциско. И даже Г. Лодж, считавший своим долгом и здесь выступить с речью, в этот вечер удерживается от чтения очередной проповеди о достоинствах капитализма и предпочитает напомнить, что «до 1841 года поблизости отсюда была русская торговая колония, и даже сегодня еще одна из самых интересных

достопримечательностей города носит название «Русский холм»».

Слово предоставляется Н. С. Хрущеву. Он сердечно благодарит организаторов этой дружественной встречи.

— Жители Сан-Франциско обворожили нас,— говорит Никита Сергеевич.— Я почувствовал себя в среде дружески настроенных людей, которые живут теми же мыслями, какими живут народы Советского Союза! В подтверждение этого могу рассказать о таком факте — когда мы ехали по городу, машина случайно остановилась у одного дома. Я спросил простую женщину, которая была рядом с нами, чего бы она хотела, какие у нее желания? Она ответила: у меня одно желание, чтобы был мир на земле, чтобы не было войны. Думаю, что она выразила мысли, желание всех людей: взрослых, женщин, мужчин и детей, потому что мир у каждого в сердце и на устах, как у нас в Советском Союзе, так и у вас в Соединенных Штатах Америки. Мира хотят все народы мира.

Зал отвечает бурей аплодисментов на эти слова.

Никита Сергеевич вновь разъясняет, что главное сейчас, что нужно искать,— это не те вопросы, по которым мы расходимся.

— Они у всех так застряли в горле, что их никак не можем извлечь,— шутливо замечает он,— надо искать то, в чем мы сходимся, с тем, чтобы на этом строить наши отношения, добиваться улучшения взаимопонимания, сближаться по тем вопросам, в которых мы можем сблизиться.

Такая постановка вопроса встречает одобрение присутствующих. Они вновь и вновь аплодируют Н. С. Хрущеву, когда он развивает идеи мирного сосуществования, соревнования и сотрудничества. Подавляющее большинство присутствующих — это владельцы заводов и фабрик, крупные коммерсанты, дельцы, политические деятели республиканской и демократической партий, работники буржуазной печати. Но многие из них трезво оценивают сложившуюся международную обстановку и отдают себе отчет в том, что проводившаяся до сих пор нереалистическая внешняя политика западных держав оказалась в тупике. Вот почему эти люди признательны главе правительства Советского Союза, который предлагает решение, позволяющее найти выход из этого тупика.

— Разве вы можете убедить меня в том, что капиталистический строй лучше социалистического?..— говорит Никита Сергеевич.— Видимо, здесь мы останемся каждый при своем мнении, но это не должно нам мешать жить в дружбе, быть хорошими соседями, заботиться об улучшении отношений между нашими странами.

Снова и снова в зале вспыхивают аплодисменты. Нет, как ни пытаются реакционно настроенные деятели исказить, извратить существо ленинской идеи мирного сосуществования, как ни стремятся они изобразить дело так, будто Н. С. Хрущев предлагает сосуществование «на своих условиях», предусматривающих «капитуляцию» капиталистических стран, правда берет свое.

Руководитель Советского правительства с огромным терпением и настойчивостью продолжает выполнение взятой им на себя большой задачи: снять тяжкие наслоения «холодной войны», открыть глаза людям, введенным в заблуждение злонамеренной пропагандой, разъяснить им суть идеи мирного сосуществования, проложить путь, ведущий к миру и дружбе всех народов, независимо от того, к какой социальной системе они принадлежат.

Н. С. Хрущеву чуждо стремление сеять иллюзии, и он не уходит от острых вопросов. Он напоминает о том, что мирное сосуществование отнюдь не означает прекращения идеологической борьбы. Прогрессивные идеи, как было всегда, противостоят реакционным идеям, а успех всегда в конечном счете на стороне нового, прогрессивного.

Никита Сергеевич вновь и вновь напоминает, что вопрос о социальном и государственном устройстве решает каждый народ самостоятельно.

— Хочу заверить вас, дамы и господа,— говорит он,— что я вовсе не намерен зазывать вас в коммунистическое царство. Просто говорю вам — может быть, вы еще вспомните мои слова, когда лучше узнаете советских людей, их думы и стремления. Сегодня вы, может быть, не согласны, но придет время, и вы согласитесь, что у коммунистов самые благородные мысли и чаяния. Мы стремимся построить коммунистическое общество, основанное на самых высоких идеалах. Коммунизм еще пока — не сегодняшний, а завтрашний день. Но мы его уже строим. Мы строим общество, где человек человеку друг, где нет вражды, где не будет литься кровь, где все люди будут

равны... Мы ведем сейчас борьбу за коммунизм, исходя из лучших человеческих побуждений. Мы ведем эту борьбу не оружием, а словом, мирными средствами, своим трудом. Те, кто не хочет воспринять наши убеждения, пусть остаются на своих позициях.

Обстоятельное, простое и убедительное изложение позиций Советского Союза по самым злободневным и острым вопросам современности выслушивается всеми присутствующими с напряженным вниманием. То и дело люди начинают хлопать в ладоши, слышатся одобрительные возгласы. Эта одобрительная реакция превращается в настоящую овацию, когда Н. С. Хрущев великодушно призывает проявить снисхождение к мэру города Лос-Анжелоса, который попытался использовать пребывание главы Советского правительства в своем городе для того, чтобы возродить «холодную войну».

Участники приема тепло аплодируют Н. С. Хрущеву, по-своему оценив и признав величие духа и благородство советских людей, строящих коммунизм, чья мораль неизмеримо выше морали тех, кому ненависть к коммунизму затмевает разум.

Отвечая на добрые чувства, высказанные г-ном Кристофером, Н. С. Хрущев шутливо сказал за обедом, что он не будет выступать с похвалой по его адресу, чтобы не подумали, что он вмешивается в избирательную кампанию (Дж. Кристофер вновь баллотировался на пост мэра Сан-Франциско).

Позднее, когда г-н Кристофер добился успеха на выборах, Н. С. Хрущев направил ему поздравление. В нем говорилось:

«Уважаемый г-н Кристофер,

Поздравляю Вас с переизбранием на почетный пост мэра города. Могу теперь раскрыть секрет — еще находясь в Сан-Франциско, я пришел к выводу, что, если бы был жителем вашего прекрасного города, я безусловно голосовал бы за Вас. Очень рад, что мое мнение совпало с мнением граждан Сан-Франциско.

Желаю Вам успеха в Вашей деятельности. Прошу передать привет и наилучшие пожелания Вашей супруге от моей супруги и меня лично.

С уважением

Н. Хрущев».

В ответиом письме г-и Кристофер писал Никите Сергеевичу:

«Уважаемый г-и Председатель,

Ваше поздравлеиие в связи с моей политической победой в прошлый вториик было большой любезиостью с Вашей стороиы. Мы высоко цеиим Ваши чувства. Населеиие Саи-Фраициско помиит визит Ваш и Вашей семьи. Я знаю, что мы вместе разделяем иадежду иа то, что этот визит послужит в какой-то степеии делу мира во всем мире. Мы ожидаем Вашего иового визита в еще более спокойной обстаиовке, и я питаю также иадежду, что в не очеиь далеком будущем смогу посетить вашу страиу прежде всего для того, чтобы лучше понять иарод СССР.

Передаю самые искреииие поздравлеиия Вам и всему вашему народу, стремящемуся к счастливому, мириому и процветающему обществу во всем мире. Присоедииясь ко мие, г-жа Кристофер передает самые лучшие пожелаиия г-же Хрущевой, которая так очаровала иас во время пребываиия в иашем городе.

Джордж Кристофер,
мэр Сан-Фраициско».

В обстановке сердечных, дружествеииых встреч закаичивался этот памятиый деиь пребываиия в Сан-Фраициско. Ои убедительио показал, что вопреки всем уловкам и ухищреииям людей вчерашиего дня идея мирного сосуществоваиия все больше завоевывает умы и сердца американского народа.

Впереди — кукурузиый штат Айова.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ДЕНЬ НА СРЕДНЕМ ЗАПАДЕ

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В АЙОВУ!»

Кому из нас неведомо чувство грусти при расставании с хорошим другом? Вероятно, нечто подобное испытывали все мы, прощаясь с полюбившимся нам чудесным, солнечным Фриско. Да и как было не полюбить этот прекрасный город, где так сильно и ярко раскрылась душа американского народа — его радушие, гостеприимство, стремление жить в мире и дружбе с Советским Союзом.

И за все это хотелось сказать большое, сердечное «Спасибо, Фриско!».

Но грусть расставания с гостеприимным Сан-Франциско скрашивалась мыслью о предстоящих встречах с нашими старыми знакомыми — фермерами Айовы. Нет, мы не оговорились. Действительно, об Айове наш народ знает гораздо больше, чем о каком-либо другом штате Америки. Индейское слово «айова», что в переводе означает «прекрасная земля», прочно вошло в лексикон нашего колхозного крестьянства, решившего догнать и перегнать США по производству масла, молока и мяса на душу населения.

С каким же другим штатом может помериться своей богатырской силой наша колхозная Кубань, как не с Айовой — красой и гордостью фермерской Америки? Ведь все лучшее, передовое, что есть в сельском хозяйстве

США, связаио с этим штатом, прозваниым «житиицей страны».

Прнрода с исключнтельной щедростью наделила своими благамн этот край. Богатые чериоземы, обилие влаги и солнца создали Айове заслуженную славу самого плодородиого штата Амерdisplay Амернки.

Но чем особеиио гордятся айовцы, это своей кукурузой.

— Прнложите ухо к нашей земле, и вы услышите, как растет здесь кукуруза,— с добродушной улыбкой говорят они своему собеседиику.

Кукуруза — кормилнца айовского фермера. Еще много лет иазад воспел ее Генри Лонгфелло, автор бессмертиой «Гайаваты», иазвав этот злак «другом людей» и «даром небесным». И впрямь, о ией с такой любовью н иежностью поют под звукн баиджо илн перебор гитары айовские парин и девушкн, как будто бы кукуруза — самое любимое н близкое их сердцу существо. А с какой душевиой теплотой они нсполняют строфы своей любимой песнн:

> Айова, Айова,
> Ты лучший штат иа Средием Западе.
> Ты прекрасна, как мечта поэта...

И потом, ие нарушая ритма песин, все встают н рукой показывают: «Вот какая растет у иас кукуруза...»

Мы, пожалуй, не ошнбемся, еслн скажем, что айовцы, в самом лучшем смысле этого слова, помешаны иа кукурузе; она стала поистине властнтельницей нх дум, источннком радостей н печалей. Известно, что «королеве полей» иужны тепло и влажиость. И мы сразу почувствовалн то н другое, прнземлившнсь иа аэродроме Де-Мойна — столицы кукурузного штата Айова. Атмосфера здесь была, как в хорошей баие. Но стоило нам только слегка пожаловаться на айовскую погоду, как искоииая горожанка, подиесшая нам стакан кока-кола, принялась нас утешать:

— Конечио, людям трудиовато в нашем клнмате, но зато какая благодать для кукурузы!

Почему айовцы так боготворят н преклоняются перед своей «королевой полей»? Да потому, что кукуруза — это мука, каша, молоко, снроп, крахмал, яйца н множество

других вещей, полезных и необходимых для жизни человека. Но главное: кукуруза — это говядина, свинина, птица.

Если вы спросите айовского фермера, почему он так гордится своей кукурузой, он наверняка с лукавой усмешкой ответит:

— Мы выращиваем кукурузу для того, чтобы кормить свиней, а свиней выращиваем для того, чтобы скармливать им кукурузу.

Суть этой мудрости заключается в том, что кукуруза и свиньи — главный источник благосостояния жителей Айовы.

В этом сравнительно небольшом по своим размерам и численности населения (два с половиной миллиона жителей) штате ежегодно выращивают около 20 миллионов свиней, не считая другого мясного и молочного скота. Отсюда в города Соединенных Штатов потоком идут свинина, говядина, домашняя птица, яйца, молоко и различные консервированные продукты.

Но в Айове растет не только хорошая кукуруза. На ее благодатной земле великолепно произрастают и семена дружбы с нашим народом. Именно здесь четыре года тому назад зародилась идея обмена сельскохозяйственными делегациями с Советским Союзом. Айовские фермеры по праву гордятся тем, что они первыми проложили борозду на ниве советско-американских контактов, внесли свою лепту в укрепление дружбы и взаимопонимания между двумя великими народами.

— Добро пожаловать в Айову! — сказал Н. С. Хрущеву губернатор X. Ловлесс, приветствуя высокого советского гостя на аэродроме Де-Мойна. И эти добрые слова не были формальным приветствием. Они выражали истинные чувства почти всех живущих здесь людей.

Айовцы долго и тщательно, как к большому празднику, готовились к приезду советского посланца доброй воли. В столице штата был проведен специальный конкурс на лучшее приветствие Н. С. Хрущеву, состоящее из четырех-пяти слов. Жители Де-Мойна дружно откликнулись на призыв группы местных граждан принять участие в конкурсе. В жюри поступило свыше пятисот различных предложений. Первый приз присудили домохозяйке г-же Е. Локнер за приветствие на русском языке:

ТОВАРИЩ ХРУЩОВ
ВМЕСТЕ ДОЛЖНЫ СТРЕМЛЯТСЯ
К МИРНОМУ СВЕТУ

Госпожа Локнер

Эти строки были начертаны на огромном, красиво оформленном, освещаемом ночью щите при выезде с аэродрома Де-Мойн. И мы с уважением и признательностью прочли, не придираясь к грамматике, этот искренний, разумный призыв-приветствие.

Забегая вперед, нам хотелось бы познакомить читателей с трогательным письмом, которое прислала эта простая американская женщина Н. С. Хрущеву уже после его отъезда из Соединенных Штатов:

«Уважаемый господин Председатель,

Я искренне надеюсь, что Вы примете этот снимок плаката с моим обращением, который Вы видели, когда выезжали из нашего аэропорта, направляясь в Де-Мойн. Я понимаю, что Вы проезжали по нашей стране так быстро, что многие детали для Вас сейчас, наверное, остались смутными воспоминаниями.

Я хотела бы, чтобы Вы запомнили этот плакат, так как он, я уверена, отражает пожелания всех нас. Я тоже живу на ферме, и по утрам, когда я просыпаюсь в ранние часы и не могу снова заснуть, мои мысли всегда обращаются к положению в мире, в котором мы живем, и к нашим мечтам о всеобщем мире для нашего поколения. Мы должны продолжать борьбу для достижения этой цели, потому что страшно даже подумать о том, что может произойти вместо мирного труда.

Мы с мужем вышли на дорогу, чтобы увидеть Вас на пути в Кун-Рапидс, но Вы так быстро промелькнули, что я фактически не могу сказать, что видела Вас; однако мы Вам помахали. Надеюсь, что Вы и Ваша супруга вернулись домой с приятными воспоминаниями о нашем штате.

Искренне Ваша *Е. У. Локнер*».

Многим айовцам хотелось видеть и принять у себя Н. С. Хрущева. Город Сиу-Сити направил советскому гостю приглашение присутствовать на традиционном ежегодном состязании — кто быстрее и лучше пропашет участок земли.

В Айове есть поселок, тезка древней столицы Советского Союза. Совет старейшин крохотной айовской Москвы, собравшись в местной кузнице, рассудил, что имеются все основания пригласить к себе гостя из настоящей Москвы. На имя Н. С. Хрущева была послана телеграмма: «Приезжайте в нашу Москву!»

«С соседом надо жить по-соседски»,— сказал, услышав о предстоящем визите Н. С. Хрущева, парикмахер из поселка Байард. Он предложил организовать самый теплый прием советскому гостю.

Айова лежит в глубине, как бы в центре Соединенных Штатов Америки. Многие жители штата ни разу не бывали не только в Советском Союзе, но даже в Нью-Йорке или Вашингтоне. В словах рядового айовца хорошо передалось настроение, охватившее в эти памятные дни жителей штата, горизонты которых как бы расширились и они увидели то, что ранее для них было «книгой за семью печатями».

Жители Де-Мойна с исключительным радушием встретили главу Советского правительства. Улицы были заполнены народом. Школы в Де-Мойне 22 сентября были закрыты, а накануне приезда Н. С. Хрущева был дан специальный урок — урок русской истории. Предстоящим событием жили все айовцы. В одном месте дети несли написанный на русском языке плакат:

«Мы приветствуем Вас, дядя Хрущев, в нашем городе!»

А в других местах люди высоко поднимали над головой самодельные плакаты: «Мы соревнуемся с Краснодаром!», «Привет Председателю Хрущеву!», «Для «холодной войны» у нас слишком жарко!»

У входа в отель «Форт Де-Мойн», где остановился Н. С. Хрущев, и на прилегающих улицах собралась двадцатипятитысячная толпа. Она растекалась по горизонтали, а перед самой гостиницей поднималась по вертикали. Дело в том, что напротив помещался многоэтажный гараж со спирально поднимающимся въездом для автомобилей. Люди заполнили все витки вертикальной спиральной дорожки. Широкую и высокую бетонную башню как бы обвивала многоцветная гирлянда людей. Все они махали руками и приветственными возгласами встречали Н. С. Хрущева.

Корреспонденты местных газет и телевидения тут же, перед входом в отель, обратились к главе Советского правительства с просьбой сказать несколько слов жителям штата Айова.

Н. С. Хрущев выразил удовлетворение прибытием на территорию штата, который славится во всем мире своими успехами в выращивании кукурузы и в развитии животноводства.

— Люди в Соединенных Штатах так же стремятся к миру, как и наш народ,— сказал Н. С. Хрущев.— Это очень приятно мне отметить. Именно то, что оба наши народа стремятся к миру, побудило меня принять приглашение Президента Эйзенхауэра и поехать в Соединенные Штаты.

Сегодня в Де-Мойне,— продолжал он,— я видел любопытный плакат на английском языке,— на нем было написано: «Мы с вами во многом не соглашаемся, но вас приветствуем». Это разумный лозунг. Мы также с вами во многом не согласны, но также приветствуем вас. Вы можете жить на той основе, какая вам больше нравится, а мы будем жить на той основе, какая нам нравится, но будем дружить с тем, чтобы обеспечить мир между нашими народами.

...Двадцатиминутная передышка в отеле «Форт Де-Мойн». И вот Н. С. Хрущев и его спутники вновь трогаются в путь, чтобы познакомиться с мясокомбинатом, на котором производится убой скота, переработка мяса, консервирование и упаковка мясных продуктов. На соседнем, более крупном предприятии такого же типа фирмы «Свифт» была забастовка, и пикеты рабочих просили не посещать это предприятие и не покупать его продуктов.

В цехе переработки мяса рабочие просят Н. С. Хрущева попробовать только что приготовленные ими «хот догс» — горячие сосиски. Советские гости с удовольствием отведали это любимое кушанье американцев.

Незадолго до окончания осмотра владелец комбината г-н Букэй представил Н. С. Хрущеву своих двух сыновей. Один из них — одиннадцатилетний Гаррис, обращаясь к Никите Сергеевичу, сказал:

— Вы нас опередили. Вы первыми запустили ракету на Луну.

Н. С. Хрущев заметил шутливо, что, хотя Советский Союз обогнал США в космических исследоваииях, Америка идет все же впереди по производству сосисок. Но Советский Союз, добавил Н. С. Хрущев, скоро догонит США и в этом.

Неподалеку от города Де-Мойна раскииулись корпуса старого американского завода сельскохозяйственных машин фирмы «Джон Дир». Сюда во второй половине дня прибыл Н. С. Хрущев.

На заводе занято две с половиной тысячи рабочих. Всего же у этой известной фирмы 14 заводов, на которых трудятся 45 тысяч рабочих. В одиом из цехов завода Н. С. Хрущеву показали сборку кукурузо-уборочного комбайна. Объяснения давал главный управляющий предприятием А. Ландан.

— Мы сами делаем такие же машины,— заметил Н. С. Хрущев.— Вы мало внимаиия уделяете механизации. На сборке машии много ручиого труда. Если так будете работать, мы вас очень скоро победим.

Затем на территории завода гость осмотрел выставку сельскохозяйственных машии.

Прощаясь с гостеприимными хозяевами, инженерами и рабочими завода, Н. С. Хрущев сказал:

— Спасибо за любезиый прием. Мы с вашей фирмой в прошлом имели дело и еще будем иметь, если вы хотите торговать с нами. Мы высоко оцеииваем вашу продукцию. Только вы не хвастайтесь. А то вот здесь один инжеиер гляиул на хозяина и сказал, показав на свеклоуборочный комбайн, что он дает только 1—2 процеита потерь. Такой машины еще человек не выдумал, чтобы она давала такой ничтожный процент потерь. Вы развиваете производство сельскохозяйственных машин, и мы его развиваем. Мы рассчитываем обогнать вас в этом деле.

— Но мы не будем стоять на месте, пока вы иас будете догоиять,— не без лукавства заметил Г. Лодж.

— Что же, давайте соревноваться,— предложил Н. С. Хрущев.— У нас хорошие иижеиеры. Посмотрим, у кого машииы будут лучше.

Вечером мэр города Де-Мойна Ч. Айлс и местная торговая палата устроили обед в честь Председателя Совета Миаистров СССР, на котором присутствовало свыше 600 человек.

На встречу приехал издалека и видный деятель демократической партии США Эдлай Стивенсон.

Губернатор штата Айова г-н Х. Ловлесс тепло приветствовал главу Советского правительства. Обращаясь к Н. С. Хрущеву, губернатор сказал:

— Вы вызвали Соединенные Штаты на соревнование по увеличению производства мяса, молока, масла, яиц и других видов питательного продовольствия с высоким содержанием протеина. Мы приветствуем такое соревнование.

Всем присутствовавшим пришлись по душе эти слова губернатора, и они шумными аплодисментами выразили свое одобрение.

После речи Г. К. Лоджа, выступившего вслед за губернатором штата Айова, слово предоставляется Председателю Совета Министров СССР Н. С. Хрущеву. Он рассказал американцам об успехах в развитии сельского хозяйства Советского Союза, о замечательных делах, дерзновенных планах тружеников колхозной деревни. Есть еще в Америке люди, которые видят в советском призыве соревноваться на мирном поприще создания материальных и духовных благ для человека какой-то «злокозненный замысел большевиков» и чуть ли не смертельную «угрозу» для Америки.

— Да, наш народ,— говорит Н. С. Хрущев,— выдвинул лозунг: «Догнать и перегнать Соединенные Штаты по производству продукции на душу населения». Но разве можно в этом видеть какую-то «угрозу» американцам? Мы, например, вовсе не склонны считать фермеров Айовы агрессивными людьми на том основании, что они производят кукурузы и мяса значительно больше, чем производят их сейчас колхозы Кубани. Мы вызываем вас на соревнование в производстве мяса, молока, масла, товаров широкого потребления, машин, стали, угля, нефти для того, чтобы лучше жилось людям. Это куда более полезное соревнование, чем состязание в накапливании водородных бомб и всякого рода оружия. Пусть будет больше кукурузы и мяса и вовсе не будет водородных бомб!

Вновь и вновь Никита Сергеевич возвращается к теме мирного сосуществования, убедительно доказывая необходимость улучшения советско-американских отношений на благо всеобщего мира и международной безопасности.

— Мы выступаем,— подчеркивает он,— за улучшение советско-американских отношений, считая, что это отвечает интересам обоих народов. Установление дружественных отношений между США и СССР явилось бы значительным шагом на пути укрепления всеобщего мира и хороших отношений между всеми народами. Деловые круги вашей страны могут сыграть важную роль в улучшении советско-американских отношений. Все человечество сейчас возлагает большие надежды на то, что Советским Союзом и Соединенными Штатами будет сделан крупный вклад в решение коренных проблем современности, в укрепление дела мира.

И надо было видеть, с каким жадным интересом и неподдельным вниманием слушали и воспринимали эти слова бизнесмены и фермеры Айовы. Всем своим видом, аплодисментами, одобрительными возгласами они выражали согласие с тем, что говорил им большой и мудрый человек из Москвы — столицы великой социалистической державы.

— Ради достижения этой высокой цели,— продолжает Н. С. Хрущев,— все страны должны приложить усилия и проявить максимум желания. Необходимо сотрудничество всех стран мира, и в первую очередь наших с вами стран, чтобы наступило потепление и был окончательно растоплен лед «холодной войны». Плох тот ветер, который никому не приносит добра. Пусть над полями веют ветры мира и дружбы, а тучи появляются на небе лишь тогда, когда нужен хороший дождь для богатого урожая.

Поистине велика сила слова. Но его воздействие во сто крат больше, если оно исходит от чистого сердца и сказано с добрым помыслом, если в нем заключена глубокая мысль, волнующая все человечество. И перед вдохновенными словами «Пусть над полями веют ветры мира и дружбы...», перед этой великой и светлой надеждой всех тружеников земли открылись сердца всех, кто видел и слышал в тот памятный вечер советского посланца доброй воли. Они восторженно приветствовали этот благородный призыв, нашедший горячий отклик у американских фермеров.

— Пусть же на знамени,— заканчивает под аплодисменты свою речь Н. С. Хрущев,— каждого из наших

народов, в сознании и действии наших правительств руководящими будут два слова — мир и дружба.

Прием закончен, но никому не хочется расходиться. Десятки людей протягивают руки советскому гостю, желая в крепком дружеском рукопожатии выразить свою признательность и за то, что он приехал к ним, и за то, что сказал доброе вдохновляющее слово.

Глядя на эту волнующую сцену, нам невольно подумалось: как неправы те, кто все еще по старинке утверждают, что американский фермер консервативен, необщителен и ничто его не интересует, кроме своего хозяйства.

В ГОСТЯХ У ГАРСТА

23 сентября Никита Сергеевич Хрущев рано встал, чтобы отправиться в гости к фермеру Росуэллу Гарсту. Толпы народа, собравшиеся перед гостиницей «Форт Де-Мойн», горячо приветствовали посланца советского народа. Еще не было 9 часов утра, как Н. С. Хрущев выехал из Де-Мойна.

Айова предстала перед нами в прекрасном одеянии ранней осени. Легкой позолотой осыпаны деревья, пожелтели кукурузные поля, овеваемые свежим ветерком.

— Кукуруза набирает силу, подобно товарному поезду, идущему под уклон,— повторил наш шофер любимую фразу айовцев.

Убирать кукурузу на зерно фермеры еще не начинали, лишь некоторые из них косили ее на силос. В сизоватой дымке виднелись поля сои, почти готовой к уборке.

Кукурузные поля были опаханы глубокими бороздами, в которых раскрывалась богатая, плодородная и щедрая земля Айовы. Насколько позволяли видеть глаза, поля были тщательно огорожены проволокой. Эта непривычная для нас проволочная изгородь живо напоминала о частной собственности на землю.

Советский гость и сопровождающие его лица проезжали через маленькие уютные города, мимо одиноких фермерских хозяйств. По обочине дороги как в населенных пунктах, так и в открытом поле стояли тысячи фермеров. Над толпами колыхались транспаранты с

приветствиями Никите Сергеевичу Хрущеву. Многие из них были написаны на русском языке. «Добро пожаловать в Гатри!», «Добро пожаловать в Перри!», «Добро пожаловать в Скрантон!» — читали мы на этих написанных от руки плакатах, встречавшихся по всему пути следования высокого советского гостя.

По-праздничному одетые школьники приветствовали Н. С. Хрущева маленькими алыми флажками. И тут, над золотыми полями Айовы, мы впервые за всю поездку увидели в руках у простого американского фермера большое красное знамя с эмблемой серпа и молота в углу. Не скроем, что эта картина, почти невероятная в условиях американской действительности, глубоко растрогала нас.

Вереница машин двигалась к ферме Росуэлла Гарста. Кто такой Гарст, почему именно его ферма привлекла внимание Н. С. Хрущева?

Росуэлл Гарст — коренастый 60-летний мужчина с волевым лицом, энергичными движениями, крепкой предпринимательской хваткой. Американские газеты его обычно называют миллионером-фермером. У него большое и хорошо поставленное хозяйство: более двух тысяч гектаров земли, свыше трех тысяч голов крупного рогатого скота, две с половиной тысячи голов свиней, три тысячи кур и т. д. На своей ферме он сеет только кукурузу и сорго.

Имя Гарста хорошо известно не только в США, но и далеко за их пределами, как одного из инициаторов производства гибридных семян кукурузы. Вместе со своим партнером Чарльзом Томасом он владеет крупной компанией, производящей гибридные семена кукурузы. Компания «Гарст и Томас» в свою очередь входит в состав крупнейшей и старейшей в стране семеноводческой фирмы «Пайонир» («Пионер»), специализирующейся на выращивании семян гибридных сортов кукурузы, а также породистых кур и свиней.

Между прочим, организатором этой компании был видный американский общественный деятель и знаток сельского хозяйства бывший вице-президент США Генри Уоллес. Узнав о том, что глава Советского правительства приедет в гости к Росуэллу Гарсту, Генри Уоллес прислал ему следующую телеграмму:

«Передайте, пожалуйста, Его Превосходительству Никите Хрущеву о моем желании присоединиться к тем, кто приветствовал его в Айове, моем родном штате, который я так люблю. Многие жители Айовы уже давно считают, что полное взаимопонимание между СССР и США обеспечит постоянный мир во всем мире. Пусть встречи, которые состоятся в Кэмп-Дэвиде и в Москве, принесут надежду всему человечеству. Наша деятельность по выращиванию кукурузы, Росуэлл, если она способствует делу мира во всем мире, полностью оправдала себя. Сердечный привет Вам и Вашим гостям. Генри Уоллес».

На своей ферме Гарст постоянно совершенствует производство, внедряет новую технику, применяет новейшие методы работы. Для откорма крупного рогатого скота он очень умело использует отходы — стержни початков кукурузы в смеси с мочевиной как источником белкового корма и меляссой — отходами сахарной промышленности.

Гарст — активный поборник мирного сотрудничества с Советским Союзом, развития деловых связей и обмена опытом между нашими странами.

Не удивительно поэтому, что советская сельскохозяйственная делегация, прибыв летом 1955 года в США, посетила его ферму, как одну из преуспевающих ферм, и фирму «Гарст и Томас», как одну из крупнейших в штате Айова.

Гарст, познакомившись с русскими специалистами, в свою очередь решил посетить Советский Союз. Осенью 1955 года он впервые приехал к нам, скорее, пожалуй, не как фермер, а как бизнесмен. Он детально ознакомился с сельским хозяйством Советского Союза, возделыванием кукурузы, производством гибридных семян.

Во время отдыха Н. С. Хрущев принял Гарста в Ялте. С тех пор Гарст ведет деловые связи с Советским Союзом. Американский фермер трижды посетил нашу страну и в свой последний приезд, весной 1959 года, снова встретился с Н. С. Хрущевым в Сочи.

В беседе с Гарстом еще в 1955 году Н. С. Хрущев сказал:

— Давайте торговать. Мы у вас купим часть гибридных семян кукурузы. Но учтите, что страна у нас большая, мы сеем миллионы гектаров кукурузы. Разве

вы можете продать, а мы приобрести гибридных семян кукурузы на такую огромную площадь? К тому же у нас есть свои хорошие гибриды. Поэтому давайте не только торговать, но и обмениваться опытом. Мы вам дадим наши советские гибриды и, если хотите, селекционные линии для получения гибридов, а вы нам давайте ваши гибриды, ваши линии.

Такое предложение, по-видимому, ошеломило Гарста, и он, схватившись за голову, воскликнул:

— Вот это вопрос! Это же секрет фирмы!

— Секрет — это временное явление,— резонно убеждал его Никита Сергеевич. — В народе много талантов, много умных людей, и то, что сегодня звучит как новое, завтра может прозвучать как старое. Вот, например, был у вас секрет на атомную бомбу, а теперь атомная бомба есть и у нас. Был у нас секрет на водородную бомбу, а теперь водородная бомба есть и у вас. Вот вам и секрет!

После некоторого раздумья Гарст ответил:

— Я с Вами согласен, г-н Хрущев. Но все же прислать Вам линии для получения гибридов кукурузы не могу. Это секрет не только мой, но и компании «Пайонир», с которой я связан. Давайте поступим так. Присылайте ко мне своего агронома, и пусть он посмотрит, как мы выращиваем гибридные семена кукурузы. Присылайте своего зоотехника, и пусть он посмотрит, как мы откармливаем скот на мясо. Присылайте своего биохимика, и пусть он посмотрит, как мы берем азот из воздуха, делаем мочевину, а затем используем ее для приготовления корма в смеси со стержнями початков кукурузы и мелассой. Присылайте своего механизатора, и пусть он поработает у меня на ферме вместе с моим сыном и убедится, как нужно организовывать дело, чтобы в среднем один человек возделывал кукурузу на площади в сто гектаров, а шесть человек — на площади в 800 гектаров.

В 1958 году, обращаясь к представителям госдепартамента, которые сопровождали советскую сельскохозяйственную делегацию, Гарст заявил:

— Я хочу сказать, что мы, американцы, еще очень мало знаем о Советском Союзе. Я восхищаюсь успехами Советского Союза. При царе образование в России имели только отдельные люди, а большинство были

неграмотными. Для подготовки учителей понадобилось десять лет. Гитлер принес разрушения, еще понадобилось десять лет для того, чтобы восстановить хозяйство. Таким образом, из 40 лет существования Советской власти лишь 25 или 20 лет можно было строить хозяйство. А мы, американцы, без помех трудимся сто лет, пользуясь всеми благами образования. Сравнение не в нашу пользу.

— Главная причина ваших успехов,— заявил Гарст советским специалистам,— это то, что вы провели огромную работу в области народного образования и подготовки кадров. Теперь нужно как можно больше контактов, чтобы распространять передовой опыт, чтобы было больше хлеба, мяса и других продуктов. Я готов передавать все новое Советскому Союзу, а Советский Союз пусть обменивается опытом с Китаем, Индией и другими странами, чтобы не было в мире голодных, чтобы не было войн, чтобы был мир на земле и дружба между людьми.

Американская печать, радио, телевидение широко оповестили о предстоящем посещении советским гостем фермы Гарста. Подумать только, рассуждали окрестные жители, сам советский Премьер приедет в гости к нашему Гарсту! Эта удивительная и радостная весть с быстротой молнии разнеслась по всей округе, необычайно взволновала фермеров Среднего Запада. Газета «Де-Мойн реджистер» тотчас же присвоила шоссе, ведущему к ферме Гарста, громкое название «Главной улицы мира». Сотни людей приходили к Гарсту с предложением своих услуг: всем им хотелось, чтобы прием оказался достойным высокого советского гостя. Газеты сообщили, что знаменитый виноградарь из города Сидар Рэпид, получивший четырнадцать премий за свои сорта винограда, пожелал привезти Гарсту свой лучший виноград: пусть его попробует советский Премьер.

На ферме Гарста творилось что-то невообразимое. Четыреста солдат американской армии, в шлемах, вооруженные винтовками, наводнили ферму, взяли под наблюдение окружающие холмы, перекрестки, амбары, заборы. В воздухе парили армейские вертолеты. Вся окрестная полиция была мобилизована для контроля за уличным движением и толпой.

Кроме солдат, летчиков и полиции была вызвана пожарная команда. Пожарники, одетые в синие комбинезоны, не очень хорошо представляли свою задачу. Когда корреспонденты спросили пожарника, зачем он сюда прибыл, тот пожал плечами и сказал:

— Я полагаю, нас вызвали сюда на случай пожара.

Сотни корреспондентов, фоторепортеров, представителей кино, радио и телевидения съехались в этот ветреный осенний день сюда со всех концов света. Для того чтобы читатель смог представить, сколь необычное зрелище представляла в тот день ферма Гарста, мы позволим себе привести некоторые выдержки из сообщений корреспондентов американских газет и телеграфных агентств.

Вот как, например, описывает картину происходивших на ферме событий Джеймс Рестон в газете «Нью-Йорк таймс»:

«Когда Премьер Хрущев прибыл на ферму Гарста, ко всему были подведены провода для звукозаписи, за исключением разве только поросят.

Телеграфное агентство Ассошиэйтед Пресс заняло один амбар, а агентство Юнайтед Пресс Интернейшнл захватило другой. Наверху старой силосной башни была установлена новая высокая стальная телевизионная башня, а фотографов на деревьях было больше, чем птиц. Высокие мачты для телепередач возвышались над лесом вновь протянутых телеграфных проводов, и все это составляло больше кукурузы,— так сказать, журналистской кукурузы,— чем обычно произрастает во всем штате Айова...

Корреспонденты душили друг друга. Редко в истории журналистики наблюдалось столько людей, которые мешали бы друг другу внимательно следить за таким важным событием. Редко они писали так много о человеке, которого они не могли слышать и зачастую даже видеть. Сегодня присутствовало так много журналистов, что они изменили все на ферме Гарста, кроме запаха...

Миллионы метров пленки были использованы для заснятия этой поразительной одиссеи».

«Сцена, ожидавшая Н. С. Хрущева на этой ферме,— сообщало агентство Ассошиэйтед Пресс,— была далеко не типичной для средней фермы. Фотографы устроились на деревьях, на сараях, в окнах верхнего этажа,

и корреспонденты проталкивались поближе, чтобы увидеть, что происходит. Г-н Гарст, обладающий вспыльчивым характером и до этого запустивший силосом в фотографов и толкнувший двоих фотографов, по его мнению, мешавших ему, был все еще сердит во второй половине дня, но уже меньше... Вся сцена была невероятной. Она была похожа на день самого большого аукциона в истории страны...»

В другом сообщении того же агентства говорилось: «Сотням корреспондентов и фотографов пришлось пробивать себе дорогу так близко, что Премьер и Гарст едва могли продвигаться вдоль рядов возвышающейся кукурузы к силосной яме, мимо современных машин и к стойлу для скота. Всю дорогу Гарст разражался сердитыми вспышками. Он поднял кукурузный стебель и погрозил фотографам. Он схватил горсть силоса и бросил в фотографов и корреспондентов. Он вызвал соседа верхом на лошади, чтобы отогнать их. Один корреспондент насмешливо завопил: «Казаки!»

Наконец солдаты национальной гвардии и солдаты войск штата, работники государственного департамента по обеспечению безопасности и даже Генри Кэбот Лодж взялись за руки и образовали вокруг Премьера кольцо. Гарсту больше не нужно было тащить своего гостя за руку».

Не обошлось и без «жертв». Корреспондент «Нью-Йорк таймс» Г. Солсбери, слывущий за «эксперта по советским делам», но подвизающийся больше на незавидном поприще мелких вымыслов, оказался жертвой темпераментного Гарста. Ему настолько осточертели толпы журналистов, осаждавшие его ферму и мешавшие осмотру ее, что он вынужден был дать здоровый пинок этому некстати подвернувшемуся корреспонденту.

Корреспонденты не преминули отметить, что высокий гость, наблюдая этот небывалый в истории мировой печати ажиотаж, не терял хорошего расположения духа и лишь однажды шутливо пригрозил корреспондентам:

— Вот подождите, мы выпустим на вас быков Гарста...

Самоотверженно трудившиеся журналисты по достоинству оценили стойкость и терпение почетного гостя, которому пришлось выдержать настоящую осаду со стороны работников пера.

Но, к счастью, если ие считать нескольких курьезных иицидентов, все обошлось благополучио. На вопрос журиалистов, ие пострадало ли дело после того, как советский руководитель прииял приглашение посетить его ферму, Гарст решительно заявил:

— Крайне нелепое предположеиие! Мои дела процветают, и никто ие отказался бы от приглашеиия встретиться с ним здесь. В Де-Мойне оказалось больше фермеров и других людей, которые хотели бы приехать, чем я мог принять.

Первое зиакомство с хозяйством Гарста произошло иа поле сорго. Гарст демоистрировал здесь машину, которая убирала султаиы гибридного сорго. Поле выглядело очеиь красиво. Растеиия чередовались рядами: три ряда — красиое сорго и три ряда — белое. Красиое сорго — отцовское растеиие. У белого сорго мужские тычинки стерильиые, то есть оии ие производят пыльцу. Их опыляют растения с красными султанами.

На ферме Гарста производятся гибридиые семена сорго для райоиов, где количество осадков иедостаточно. В относительно более засушливых райоиах, расположениых в штатах Небраска, Каизас, Оклахома, Техас и в восточной части Колорадо, гибридиые семена сорго дают лучшие урожаи, чем кукуруза.

Затем Гарст показал поле кукурузы, предиазначеиной на силос. Ои сообщил, что размер поля — квадратная миля. Но самым примечательным иа поле было то, что кукуруза росла на земле, иа которой уже с 1945 года не высевался клевер для обогащеиия почвы.

— Более тысячи лет иазад,— рассказывал Гарст,— Плиний заметил, что после запахиваиия бобовых культур получался более высокий урожай последующих культур. С тех пор во всех странах мира высевали бобовые культуры как источиик белковой пищи для людей, корма для скота и как источиик иакоплеиия азота в почве. Люди думали, что обогащеиия почвы азотом можно достигиуть только сменой зерновых культур клевером, люцерной и другими бобовыми растеииями.

Чередование проходило следующим образом: кукуруза, кукуруза, овес и клевер. Рьяные сторонники чередоваиия считали, что это слишком большая иагрузка для почвы, и предлагали вести смеиу так: кукуруза, овес, клевер и т. д. Овес высевался ие как ценная куль-

тура, так как это один из самых непроизводительных злаков в мире, но как дополнительное питание к клеверу. Клевер обогащал почву азотом, создававшим благоприятные условия для развития кукурузы. Одновременно клевер служил ценным поставщиком протеина для скота.

В наши дни,— продолжал Гарст,— азот можно получать синтетическим способом из воздуха, воды и натурального газа. Никакое другое сырье не нужно. А воздух, вода и натуральный газ имеются в изобилии почти повсюду, в разных частях мира.

Гарст принадлежит к сторонникам использования азота, получаемого синтетическим путем из воздуха вместо накапливаемого растениями на полях.

Большинство американских агрономов считает, что фунт азота, полученного с помощью бобовых растений, обходится в любом месте от 50 центов до доллара, принимая при этом в расчет некоторое уменьшение дохода в связи с тем, что поля должны быть на год засеяны овсом и на год — клевером, а не кукурузой, приносящей большую прибыль. В то же время в современных американских условиях вполне возможно приобрести различные виды азотных удобрений, в которых фунт самого азота будет обходиться от 10 до 15 центов. Естественно, что фермеры Айовы все более приходят к выводу о невыгодности высевать клевер и другие бобовые, азотособирающие культуры, ибо синтетический азот обходится им в пять раз дешевле.

— Мы у себя на ферме не сеем бобовых культур уже в течение 15 лет, а применяем высококачественные гранулированные и жидкие азотные удобрения,— подчеркнул Гарст.

Многие фермеры штата Айова и других штатов, как сообщил Гарст, стали все больше применять азот в виде минеральных удобрений и все меньше сеять бобовых культур для повышения содержания азота в почве. Теперь наш «севооборот» такой: кукуруза — кукуруза — кукуруза.

Мы считаем,— сказал он,— что система чередования культур и посев клевера на удобрение исчезнут в ближайшие десять лет с такой же быстротой, с какой исчезли лошади в период между 1935—1945 годами.

Гарст с большим увлечением доказывал Н. С. Хрущеву, что наиболее продуктивный из известных человеку злаков — кукурузу можно высевать из года в год на тех же полях, если поставить химию (удобрение и инсектисиды) на службу сельскому хозяйству. Он рассказывал также о необходимости начального удобрения для кукурузы, которое имеет такое же важное значение, как пища для младенца.

В первый период после всходов в почве мало фосфора, в котором нуждаются молодые всходы кукурузы. Чтобы помочь «кукурузным младенцам» добыть пищу, Гарст настойчиво рекомендует одновременно с посевом кукурузы вносить 100—110 килограммов гранулированных удобрений марки «11-48-0», или, если расшифровать эту условную формулу, удобрений с содержанием азота 11 процентов, фосфорной кислоты — 48 процентов, калия — 0 процентов. Эту пищу Гарст рекомендует размещать поближе к «младенцам» — на пять сантиметров глубже посева кукурузных семян и на пять сантиметров в сторону от семян. Но, чтобы у «кукурузных младенцев» сорняки не расхищали эту пищу, Гарст советует применять гербициды, убивающие всходы сорняков и не повреждающие всходов кукурузы.

Так закончил Гарст свой рассказ о значении синтетического азота для выращивания кукурузы на землях Айовы.

Затем он показал советскому гостю траншейный способ силосования кукурузных початков вместе со стеблями.

При устройстве траншей Гарст удачно использует рельеф местности. Он прорывает сквозные траншеи в холме. Выкапываемая земля используется для устройства удобного подъезда к траншее на тракторе. В траншее шириной в 10—12 метров цементируется только дно для удобства загрузки и механизированной выемки силосной массы. Высота закладки силоса — около трех метров. Заложенный силос с длиной резки до одного — полутора сантиметров необходимо хорошо уплотнить во время заполнения траншеи. И потом по одному-два часа в течение последующей недели производят доуплотнение силоса по мере его оседания. При мелкой резке, хорошем уплотнении можно ничем не укрывать силос сверху. Такой силос хранится с минимальными потерями.

Закладывают силос здесь и на ровных площадках (наземное силосование). Но и в этом случае ширина закладки силоса достигает 10—12 метров, а высота — до трех метров. Сверху силос также не укрывается соломой и землей, и он хорошо сохраняется с ничтожными потерями.

Рядом мы увидели старую силосную башню. Гарст сообщил, что уже десять лет в ней вместо силоса хранится воздух. В самом деле, по расчетам Гарста, при силосовании кукурузы или сорго на открытой площадке, без возведения стен, затраты на одну тонну силоса составляют один доллар, а при хранении одной тонны силоса в башне — десять долларов.

Н. С. Хрущев тут же заметил:

— Мы вас копировали в этом и также строили силосные башни, а потом увидели, что вы глупость делали, и мы отказались, стали строить траншеи. Башня требует больших затрат труда.

— Можете Вы что-либо сказать о хозяйстве Гарста? — спросили журналисты.

— Я с Росуэллом Гарстом давно знаком,— улыбаясь, отвечал Н. С. Хрущев.— Знаю его как хорошего фермера, умеющего вести хозяйство. Но и у хорошего хозяина иной раз не все бывает на высоте. Хочу высказать свои замечания о кукурузе, а то г-н Гарст, чего доброго, слишком высоко задерет нос, зазнается. Он все хочет нас учить, а сам не учится у нас, вообще не прислушивается к нашим критическим замечаниям. Мне, например, кажется, что у него кукуруза на силос загущена, много стеблей в гнездах, поэтому он получает меньше кормовых единиц с гектара. У Гарста пять-шесть растений в гнезде, а если бы было по два-три растения в гнезде, он имел бы значительно больше початков, а следовательно, и значительно больше питательных веществ. Это можно проверить в химической лаборатории, чтобы убедиться в правильности такого заключения. Мы, русские, знаем об этом, а вы, американцы, видимо, не знаете.

— Будет ли Советский Союз покупать гибридные семена кукурузы у г-на Гарста? — интересуются корреспонденты.

— Несколько лет тому назад мы покупали у вас гибридные семена кукурузы,— говорит Н. С. Хрущев, обра-

щаясь к Гарсту.— В этом году Вы видели нашу кукурузу. Как она — хуже Вашей?

— Я бы сказал, не хуже,— отвечает он.— Очень хорошая кукуруза.

— Поэтому если бы я сказал, что хочу купить у вас кукурузу, то г-н Гарст мог бы подумать о нас плохое, а я этого не хочу,— сказал с улыбкой Никита Сергеевич.

Ответ понравился и хозяину фермы и корреспондентам.

Продолжая разговор о кукурузе, Гарст напомнил, что здесь, в Айове, выпадает гораздо больше осадков, чем в отдельных районах Советского Союза, поэтому и кукуруза более густая.

— Вы, американцы,— умные люди, это факт,— в шутливом тоне сказал советский гость,— но, что господь-бог вам помогает, это тоже факт.

— Бог на нашей стороне,— на шутку шуткой ответил Гарст.

— Вы что же, думаете, что господь только вам помогает? Нам тоже. Мы быстрее растем, чем вы. Советский Союз по приросту продукции идет впереди США.

— У нас есть пословица: бог помогает тем, кто помогает сам себе,— говорит Гарст.

— Бог на стороне разума,— как бы подводя итог этой интересной дискуссии, заключает Н. С. Хрущев под веселый смех и аплодисменты собравшихся.

Затем Н. С. Хрущев поехал на ферму Чарльза Томаса и его компаньона Чарли Мура. На этой ферме скрещивают далекий по крови скот, дающий особенно быстро растущее потомство. Здесь советскому гостю показали чистокровный скот породы «Ангус» и скот породы «Шароле», завезенный из Франции. Потом продемонстрировали скот, полученный в результате скрещивания породы «Ангус» и породы «Шароле». Этот скот не только быстро растет, но и дает высокий процент выхода мяса.

В сопровождении Р. Гарста Н. С. Хрущев и его советские спутники направились в Кун-Рапидс.

Этот маленький, обычно тихий и ничем не приметный городок с менее чем двумя тысячами жителей — живое олицетворение «одноэтажной Америки». 23 сентября он оказался в центре внимания не только Айовы, но и всех Соединенных Штатов и даже, пожалуй, всего мира. О, сколько завистников было в тот день у этого малень-

кого, чистенького городка! Как бы хотели другие большие и малые города принять у себя гостя из Москвы. Но что поделаешь, когда именно на долю жителей Кун-Рапидса выпало большое счастье повидать и приветствовать в этот незабываемый день главу Советского правительства.

Свидетелями этого волнующего события, естественно, пожелали быть не только местные жители, но и люди издалека. Сюда устремились фермеры из Иллинойса, Мичигана, Миссури, Небраски, Канзаса, Северной и Южной Дакоты и многих других штатов страны.

К нашему автобусу с надписью «Советская пресса» подошла семья из четырех человек. Видимо, очень хотели что-то сказать эти простые труженики с открытыми загорелыми лицами и доброй улыбкой. Когда мы разговорились с ними, выяснилось, что они специально приехали сюда из штата Канзас, прихватив заодно и свою дочь из штата Небраска, чтобы взглянуть на человека, который зажег в их сердцах искру надежды на мир и светлое будущее. Проделать длинный путь в 500 с лишним километров, отложить в сторону дела в страдную пору уборки урожая было, разумеется, нелегко фермеру Даю и его семейству. И все-таки желание лично увидеть советского гостя победило все трудности.

В том же городке мы познакомились с фермером Джоном Карпентером.

— Я приехал сюда издалека,— сообщил он нам,— живу за сто миль от Кун-Рапидса. Я смотрел по телевизору, как ваш Председатель выступал в Лос-Анжелосе. Мне захотелось на него посмотреть своими глазами, лично приветствовать его. Вот и дочку взял с собой. Зовут ее Сандер.

— Он хороший человек,— добавляет дочь.— Когда я сообщила учительнице, что еду с папой сюда, чтобы посмотреть на него, она мне сказала: «Поезжай, потом нам обо всем расскажешь».

Люди говорят «он», «его», «ему», не называя фамилии. Ведь каждому понятно, что речь идет о Н. С. Хрущеве. И, видимо, не счесть, сколько людей съехалось сюда, чтобы засвидетельствовать свое глубокое уважение посланцу советского народа.

Учитывая небывалый интерес к визиту главы Советского правительства, американские газеты имели все ос-

нования провозгласить 23 сентября «Днем Хрущева» на Среднем Западе. Предприимчивые бизнесмены тут же, в Кун-Рапидсе, организовали торговлю сувенирами, среди которых были и спелые початки кукурузы с прикрепленными к ним карточками «В честь Дня Хрущева».

А сколько ликования вызвало среди этих простых людей появление Никиты Сергеевича в Кун-Рапидсе! Нужно было видеть, с каким восторгом хлопали в ладоши и кричали дружеское «хэлло» здешние школьники и школьницы, как приветливо улыбались степенные фермеры, завидев желанного и дорогого гостя.

В Кун-Рапидсе Н. С. Хрущев познакомился с работой завода Росуэлла Гарста по калибровке кукурузы. Наблюдая за тем, как ссыпались на конвейер груды золотистых кукурузных початков, Никита Сергеевич сказал:

— Замечательная кукуруза. Но наша, советская, еще лучше.

— Точно такой же завод по очистке и калибровке кукурузы есть в Краснодаре,— напомнил гостю Гарст.

— Мы у вас купили завод, но многое изменили и усовершенствовали, поэтому наш завод лучше. Верно? — спрашивает Н. С. Хрущев.

— Все те, кто строят позже, должны строить лучше,— в свою очередь замечает Гарст.

— Не всегда,— говорит Никита Сергеевич.— Это делают умные люди, а есть такие, которые покупают и строят без изменений.

— Значит, советские инженеры умные,— добавляет кто-то из присутствующих.

— Безусловно,— подтверждает Никита Сергеевич.

Затем Н. С. Хрущев и Р. Гарст взяли в руки хорошие початки кукурузы, и никому из фоторепортеров не хотелось, естественно, упустить такой выигрышный кадр.

После осмотра завода Гарст пригласил Н. С. Хрущева, его семью и сопровождающих лиц на завтрак. Среди гостей было много фермеров, ученых Айовского университета, а также видный деятель демократической партии Эдлай Стивенсон, выступавший в качестве кандидата на пост президента в 1952 и 1956 годах.

На пологом холме находится старый живописный дом Р. Гарста. Тут же плавательный бассейн, пруд с плакучими ивами и небольшой сад. За домом натянут большой

коричиевый теит. Под иим длинными рядами поставлеиы столы с едой для гостей.

Кто-то из них пошутил, что по случаю приезда Н. С. Хрущева в Айове устаиовилась хорошая погода.

— Не очень хвалитесь,— добродушио заметил Никита Сергеевич.— В этом не только ваша заслуга, ио и наша заслуга.

— Поиравилось ли Вам иа фермах все, что Вы видели? — допытываются вездесущие журиалисты, стремясь раздобыть у советского гостя как можно больше материала для своих корреспоиденций.

— На меия произвело очеиь благоприятное впечатлеиие то, что я видел сегодня,— сказал глава Советского правительства.— Хотя мне и ие приходилось раиьше бывать в Америке, ио я считал ваше хозяйство хорошим. Я встречался с людьми, которые бывали у вас. Они мие многое рассказывали. Видел кииофильмы, в которых было показаио сельское хозяйство Айовы. Но всегда лучше видеть, чем слышать. И я рад, что все, что слышал и представлял, иа деле подтвердилось. Я радуюсь вашим успехам и прошу вас радоваться иашим успехам. Это было бы хорошо для общей пользы, для улучшеиия иаших отношений.

— Я должеи выразить,— заявил далее Н. С. Хрущев,— свое исключительиое уважеиие жителям штата Айова, горожанам и фермерам, с которыми встречался. Хотел бы особо отметить редактора газеты «Де-Мойн реджистер» Лореиа Сота, который в разгар «холодиой войны» проявил прозорливость и обратился через свою газету с предложеиием обмеияться сельскохозяйствеиными делегациями.

Лореи Сот иаходится в числе гостей на завтраке у Гарста. Напомним, что в редакциоиной статье, опубликоваиной в этой газете от 10 февраля 1955 года, ои писал:

«У иас иет иикаких дипломатических полиомочий, но мы шлем приглашеиие любой делегации, которую русские пожелают выбрать для посылки в Айову... Мы обещаем ие скрывать иикаких иаших «секретов». Мы повезем эту делегацию иа крупиейшую в штате Айова сельскохозяйствениую экспериметальиую стаицию в Эймсе, к иекоторым крупиейшим фермерам в Айове, к нашим животноводам, к специалистам по мелиорации земли и

к компаниям, занимающимся семенами. Пусть русские посмотрят, как мы все это делаем.

Кроме того, мы были бы рады отправить в Россию делегацию фермеров Айовы, агрономов, специалистов-животноводов и других технических специалистов. Все, что мы, жители Айовы, знаем о кукурузе, о других сортах кормового зерна, о фуражных культурах, о мясном скоте, а также о молочной промышленности и птицеводстве, мы сообщим русским, если они пожелают».

— Очень правильно Вы тогда поступили,— говорит Н. С. Хрущев, дружески пожимая руку Лорену Соту.— Если Вас когда-нибудь выдвинут на пост президента, я буду голосовать за Вас.

Корреспонденты допытываются у Никиты Сергеевича:

— Считаете ли Вы, что Гарст создает у Вас хорошее настроение для бесед с Президентом в Кэмп-Дэвиде?

— Я думаю, да,— отвечает он,— но не только сегодня он создавал это хорошее настроение. Г-н Гарст это делал еще тогда, когда мы встречались с ним в Ялте.

Помните, г-н Гарст,— обращается к нему Н. С. Хрущев,— 1955 год, когда мы сидели на берегу Черного моря — Вы, товарищ Микоян и другие; у нас были тогда хорошие беседы.

— Вы знаете,— как бы вслух рассуждая, говорит гостеприимный хозяин,— если у нас сойдутся два фермера, то мы решаем проблемы быстрее, чем дипломаты.

Тут Гарст заметил дипломата Генри Кэбота Лоджа и, повернувшись к нему, воскликнул: — О, прошу прощения!

Кто-то из американских собеседников Н. С. Хрущева сказал, что он был в России вскоре после войны и видел огромные разрушения.

— Вы должны приехать еще раз,— советует ему Никита Сергеевич,— мы преодолели многое, ушли далеко вперед, но все же у нас есть еще трудности.

Советского гостя спрашивают, насколько русский народ осведомлен об этих трудностях.

— Мы не боимся говорить своему народу правду,— твердо заявил Н. С. Хрущев,— чтобы сплотить всех трудящихся на преодоление трудностей.

Он высказал также пожелание широко обмениваться опытом, специалистами в области сельского хозяйства.

— Я думаю,— продолжал он,— что вы найдете коечто интересное у нас, так же как мы у вас.

— Считает ли советский Премьер хорошей идеей соревнование между штатом Айова и Краснодарским краем?

— Я поддерживаю это,— под возгласы одобрения ответил глава Советского правительства.

После завтрака Н. С. Хрущев, Росуэлл Гарст, Эдлай Стивенсон и другие совершили прогулку по ферме. Между советским гостем и Эдлаем Стивенсоном завязывается оживленная беседа, в ходе которой собеседники частенько обмениваются шутками.

— У Вас очень хороший вид! После того, с чем Вы столкнулись у нас, Вы не имеете права выглядеть так,— сказал Стивенсон, намекая на сложные перипетии поездки Н. С. Хрущева по Америке.— Я хотел бы выглядеть так же хорошо.

— Давайте объединим усилия,— под дружный хохот собравшихся отвечает глава Советского правительства.

Вскоре их остановили корреспонденты перед телевизионной камерой и устроили нечто вроде пресс-конференции.

— Кажется, у г-на Хрущева была беседа со Стивенсоном насчет политики? — любопытствует один из представителей прессы.

— Вопросы разоружения, вопросы мирного сосуществования — это и есть вопросы политики,— поясняет Никита Сергеевич.— Я думаю, что г-н Стивенсон думает так же, как и я, какими путями нам добиваться такого положения, чтобы мы жили в мире и дружбе с народами Соединенных Штатов и со всеми народами мира.

— Все народы Советского Союза борются за укрепление мира,— продолжает он развивать свою мысль.— Об этом и верующие нашей страны молятся в церкви. У нас в стране есть и христиане, и мусульмане, все они так же молятся, как и у вас, чтобы мир был на земле, чтобы торжествовала правда. А вопрос устройства государства, на какой основе нам надо жить и на какой основе живут те народы, с которыми мы живем по соседству,— это дело каждого человека, каждого народа.

— Я подслушал из Вашего разговора сс Стивенсоном,— интересуется другой корреспондент,— что в ходе беседы он назвал себя политическим деятелем в отставке, а Вы что-то ответили на это, и все засмеялись. Что Вы сказали ему?

— Если мне будет позволено и г-н Стивенсон не будет в обиде на меня,— отвечает Н. С. Хрущев,— я могу рассказать Вам об этом разговоре. Как, г-н Стивенсон, Вы не возражаете? Это не будет нарушением какого-то секрета? Вас не потянут за это в комиссию по расследованию антиамериканской деятельности?

Раздался общий смех. Еще большее оживление вызвало замечание Никиты Сергеевича: — Мне ничего не угрожает: я имею дипломатический паспорт.

— Вы имеете право рассказывать все,— в таком же шутливом тоне говорит Стивенсон.

— Спасибо за доверие,— благодарит Н. С. Хрущев.— Так вот, г-н Стивенсон сказал мне, что он сейчас политик в отставке. Но в политике бывает так: сегодня вы в отставке, а завтра — в первом ряду самых высоких политических деятелей. Это все зависит от народа.

— Да, но сколько раз можно уходить в отставку? — с улыбкой замечает Э. Стивенсон.

— Я считаю, что честный труд и в честной политике всегда может быть вознагражден. Не следует отчаиваться, ослаблять напряжение и упорство в борьбе за достижение лучшей жизни для народа.

Корреспонденты, с явным удовольствием слушающие этот интересный диалог, спешат занести в свои записные книжки ответ главы Советского правительства.

— Мой труд,— продолжает Стивенсон,— всегда был честным, но пока что не был вознагражден. Я не знал, что такое счастливая жизнь, пока не ушел в отставку. Вам я этого не рекомендую.

— Согласен,— отвечает Н. С. Хрущев.

— Все желают Вам многих лет жизни и долгого пребывания на своем посту, но если Вы когда-нибудь уйдете в отставку, то свяжитесь со мной, и я поделюсь с Вами опытом, как свое время проводить. Приезжайте, будем вместе с Вами жить в штате Иллинойс.

Предложение г-на Стивенсона вызывает взрыв смеха среди присутствующих.

— Благодарю. У Вас пруд есть, чтобы ловить рыбу? — с тем же добродушным юмором спрашивает Н. С. Хрущев.

— Я вырою.

— Не следует пока спешить. Я рыбу не ловлю. Будем лучше разводить цветы.

— Тем более что Вы пока и не собираетесь уходить в отставку.

— Это верно,— подтверждает Н. С. Хрущев.

— Привезите мне советской осетрины, она очень хорошая,— переводит разговор на другую тему Э. Стивенсон.

— Я могу Вас и здесь угостить,— отвечает советский гость.— До Москвы недалеко, самолеты летают часто.

— А я предпочитаю икру,— не удержавшись от соблазна, говорит Лодж.

— Ну что же, можно Вас угостить и икрой,— соглашается Н. С. Хрущев.

Так проходила эта непринужденная дружественная беседа перед камерой телевидения.

«У всех хорошее настроение»,— тут же передали в эфир американские радиорепортеры свое впечатление о самочувствии гостей и хозяев.

Гарст продолжал показывать ферму. Он остановился у кормодробилки и сказал, что одна такая машина обслуживает несколько ферм.

— Какой корм она дробит? — поинтересовался Никита Сергеевич.

— Все корма, но главным образом кукурузу,— пояснил Гарст.— Один человек может приготовить корм на десять тысяч голов свиней и крупного рогатого скота.

Тут же, в соседнем здании, находятся сушилка и кормозавод. Кукуруза, убранная в стадии 30—35-процентной влажности, за сутки высушивается до 12 процентов влажности.

Затем Гарст снова показывает скот. Кормили его раздробленными стержнями початков кукурузы в смеси с меляссой и мочевиной, а также силосом. Ни зерна, ни сена не давали. И только совсем недавно стали прибавлять в кормовой рацион зерно.

Н. С. Хрущев посмотрел на приготовленный корм и сказал:

— Замечательный хозяин. Хотя и капиталист, но умный человек. Все использует...

Подходит время отъезда. Н. С. Хрущев, члены его семьи тепло прощаются с Р. Гарстом и его супругой, благодарят гостеприимных хозяев за радушие и хлеб-соль.

— Очень хорошо провели сегодня время,— с искренним удовольствием говорит Никита Сергеевич,— много интересного видели.

Когда гости покидали усадьбу Гарста, к Н. С. Хрущеву подошел средних лет человек с открытым загорелым лицом. Это был фермер Чарльз Кулидж, он приехал за 70 миль, чтобы повидать главу Советского правительства. Фермер просит Никиту Сергеевича принять от него в знак дружбы дар сельскому хозяйству СССР — хряка йоркширской породы. В пять месяцев хряк весил 225 фунтов, на фунт привеса расходовалось 3 фунта корма.

Н. С. Хрущев благодарит американского фермера и крепко пожимает ему руку.

Это был действительно чрезвычайно интересный, знаменательный день в жизни фермеров Среднего Запада — день истинно дружеских, полных радостного волнения встреч с посланцем советского народа, полезного обмена опытом. Труженики айовской земли старались как можно лучше и убедительнее доказать справедливость их утверждения, что климат Айовы не подходит для «холодной войны».

И даже те американские газеты, которые все еще продолжали тянуть старую погудку о холодном приеме, вынуждены были сменить пластинку. Все они признавали, что встречи Н. С. Хрущева с фермерами прошли в атмосфере исключительной сердечности и дружелюбия. Эти простые и деловитые люди пользовались каждым случаем, чтобы заявить, как правильно сделал глава Советского правительства, приехав в Соединенные Штаты, и как правильно сделал Президент Эйзенхауэр, что он его пригласил.

По мнению газеты «Нью-Йорк таймс», 23 сентября было «самым теплым и самым народным днем, который г-н Хрущев провел в Соединенных Штатах». Газета «Де-Мойн трибюн» сочла нужным особо подчеркнуть в своей редакционной статье, что выступления и беседы

Н. С. Хрущева свидетельствуют о его «глубокой искренности, когда он говорит о мире». Айовские фермеры, как указывала газета, в свою очередь считают, что «обмен опытом между советским и американским народами в области сельскохозяйственного производства помогает уменьшить напряженность и расчистит путь к соглашению, которое приведет к миру».

Весть о том, что жители Калифорнии и Айовы с открытым сердцем встречали советского посланца мира и дружбы, разнеслась буквально по всему свету. Именно в тот день, когда Н. С. Хрущева встречали с распростертыми объятиями фермеры Айовы, итальянская газета «Паэзе» писала:

«Значение поездки Хрущева, начавшейся в обстановке холодной формальности в Вашингтоне, возрастает с каждым днем. Население Соединенных Штатов показывает, что оно все меньше и меньше верит в сказку о человеке, прибывшем для того, чтобы диктовать свои условия, и все больше верит в реальную действительность, которая состоит в том, что в США прибыл глава государства для того, чтобы предложить мир.

С каждым часом все больше возрастает энтузиазм американцев по отношению к Хрущеву: последствия его грандиозного предложения о том, чтобы навсегда покончить с оружием, армиями, войной, все больше дают о себе знать. Американский народ, как сказал Эйзенхауэр, хочет мира. Хрущев приехал, чтобы предложить ему мир на веки вечные.

Американский народ показывает, что он чувствует это, и аплодирует Хрущеву, улыбается ему, все более плотно окружает его, хочет видеть его, потрогать его».

Да, американский народ узнавал правду. Этого нельзя было не видеть. Тем удивительнее на фоне многочисленных доброжелательных откликов в связи с пребыванием Н. С. Хрущева в Айове показались нам хвастливые сообщения некоторых американских телеграфных агентств, возомнивших, что им наконец-то на фермах Айовы удалось «продать советскому Премьеру американский образ жизни». Корреспондент агентства Юнайтед Пресс Интернейшнл Джек Фокс, захлебываясь от радости, передавал из Кун-Рапидса:

«Хрущев, который путешествует по дорогам, усыпанным гравием, совершая поездку по фермам Среднего

Запада, богатым кукурузой и рогатым скотом, увидел, какова талия Америки».

Другой корреспондент того же агентства потирал руки от удовольствия, считая, что в результате посещения фермы Р. Гарста у Н. С. Хрущева сложится благоприятное впечатление о «богатом фермерском хозяйстве Америки».

Что может быть неразумнее такого предположения? Ведь только люди, совершенно утратившие чувство реальности, могут выдавать богатейшую ферму миллионера Росуэлла Гарста за образчик всеобщего процветания американских фермеров. Такое утверждение не имеет ничего общего с реальной действительностью.

Уже знакомый нам Лорен Сот опубликовал в 1957 году книгу «Фермеры в тревоге», в которой он далеко не в столь радужном свете изображал «аграрную талию Америки». По словам этого превосходного знатока фермерской проблемы в США, «треть семейных ферм (то есть ферм, где применяется главным образом труд фермера и членов его семьи.— *Авторы)* живет в нищете даже во время бума...

Нищета в сельских районах Соединенных Штатов является самым важным пунктом нашей фермерской проблемы. Это поразительный пример провала в экономике США...»

Даже в таком богатом штате, как Айова, при буквально сказочных почвенных и климатических условиях, фермерам нет спасения от разорения. Здесь только с 1950 по 1954 год, по данным последней переписи, количество фермерских хозяйств сократилось с 203 тысяч до 193 тысяч. Это значит, что за пять лет в штате Айова разорилось десять тысяч фермерских хозяйств, их фермы были проданы с молотка, а сами фермеры влились в армию безработных.

Такая же картина массового разорения фермеров наблюдается и по всей стране. По подсчетам американского экономиста Д. Джонсона, из сельского хозяйства США в 1940—1956 годах вытеснялся в среднем миллион человек ежегодно. В громадных масштабах происходит процесс вытеснения с земли мелких арендаторов, прежде всего издольщиков в южных штатах страны. В течение двух последних десятилетий из сферы

сельскохозяйственного производства вытеснено только на юге США 1,2 миллиона арендаторов.

Фермеры страдают от гнета крупных землевладельцев, торгово-промышленных монополий, ипотечных банков, энергетических и железнодорожных компаний. Путем заключения кабальных договоров с фермерами монополии контролировали в 1958 году около 90 процентов производства овощей, предназначенных для переработки и замораживания, от 30 до 40 процентов продукции картофеля, почти все производство цитрусовых в штатах Калифорния и Аризона, около 50 процентов хлопка в штатах Калифорния, Нью-Мексико, Аризона и в западных районах Техаса.

Большинство фермеров залезло в долги и со страхом думает о завтрашнем дне. Достаточно сказать, что задолженность фермеров возросла с 7,6 миллиарда долларов в 1945 году до 19 миллиардов долларов в 1958 году.

Отражением глубочайших противоречий капиталистического производства является действующий в США закон о консервации земли. В результате кризиса перепроизводства и отсутствия рынков сбыта правительство вынуждено консервировать примерно десятую часть всех земель. У богатых фермеров, таких, как Гарст, «гуляет» и не используется сто гектаров земли, а у мелкого, уже стоящего на грани разорения фермера штата Айова Лесли Лянде из 60 гектаров земли семь гектаров, как он выражается, «исключены из обработки по программе Земельного банка».

На этих землях, как объяснил нам один фермер, нельзя не только что-либо сеять, но даже и скот пасти запрещается, ибо если пасти скот, то будет прирост мяса, а это отразится на конъюнктуре рынка. И даже этот богатый фермер, указывая рукой на заросшие сорняками поля, говорил: более уродливой политики, чем консервация земли, трудно себе представить.

— У вас, в Советском Союзе, осваиваются громадные целинные земли, а у нас, в США,— с горечью сказал он,— сознательно и преднамеренно пустуют огромные массивы плодородной почвы.

В США действует закон об ограничении посевных площадей кукурузы. Фермер не может посеять кукурузы больше, чем ему предписано, несмотря на то что в его хозяйстве кукуруза дает самый высокий урожай. Поэто-

му он вынужден вместо кукурузы сеять овес или другие, менее выгодные культуры.

Между тем наши высокопоставленные гиды пытались представить капитализм как непрерывно прогрессирующую систему в области сельского хозяйства. И в качестве неотразимого «аргумента» они представили Н. С. Хрущеву 84-летнего фермера, сказав при этом:

— Вот этот фермер косил хлеб еще вручную. А теперь сын его производит сельскохозяйственных продуктов в четыре раза больше, а труда затрачивает в десять раз меньше.

— Все мы от Адама,— заметил Н. С. Хрущев, давая понять, что в наш век развития техники в этом примере нет ничего удивительного.

Впрочем, как и следовало ожидать, вся эта неумная похвальба богатством фермерской Америки отнюдь не помешала айовским фермерам и высокому советскому гостю найти общий язык — язык мира, дружбы и взаимопонимания. Об этом, в частности, красноречиво говорит письмо, присланное Росуэллом Гарстом в Министерство сельского хозяйства СССР.

«Вначале я хочу сообщить вам,— говорится в этом письме,— об удовольствии, которое доставило нам посещение Председателем г-ном Хрущевым, г-жой Хрущевой и их детьми не только нашей фермы, но Соединенных Штатов в целом и Айовы в особенности. Впервые более чем за десять лет народ смотрит с надеждой в будущее. Я могу сказать это достаточно авторитетно, так как со времени визита мы получили буквально сотни выражающих надежду писем, и они продолжают приходить и по сей день.

В то же время как повсюду говорилось главным образом, конечно, о самом Председателе Хрущеве, очень благоприятные отзывы в прессе, по радио и телевидению подтверждали желательность того, что его сопровождают г-жа Хрущева и дети.

Слишком большая гласность поездки Хрущева мешала ему видеть многое, но, безусловно, гласность была чрезвычайно важна для повышения ценности его поездки и поездки его семьи, даже несмотря на то, что эта гласность мешала удовольствию семьи. Я просто не смог бы написать остальную часть этого письма, не выразив сначала изложенные выше чувства...

А теперь я хочу продолжить разговор о помощи советскому сельскому хозяйству. Газеты Соединенных Штатов написали сегодня о том, что сельскохозяйственные задачи, выдвинутые семилетним планом, признаны Советским правительством недосягаемыми (?) и что они снижены (?!).

Предположительно такие сведения поступили от продовольственной и сельскохозяйственной организации при ООН. Я полагаю, что эти сведения о сокращении задач, по всей вероятности, неточны. Во всяком случае, я уверен, что задачи, выдвинутые семилетним планом, недостаточно только осуществить, их необходимо перевыполнить. Если мы достигнем существенного сокращения вооружения, я уверен, что их можно будет в значительной степени перевыполнить, и я уверяю Вас, что окажу возможную помощь для значительного перевыполнения этих задач».

...Путешествие по землям «королевы полей», по солнечному кукурузному штату Айова, подходило к концу. В стремительном, бодром темпе, как все, что он делает, Н. С. Хрущев объехал плоские, похожие на шахматные доски поля сельскохозяйственных ферм в окрестностях Де-Мойна. Ничто не ускользнуло от его зоркого взгляда. Никита Сергеевич переходил от объекта к объекту, сопровождая обход одобрительными или критическими замечаниями. Он показал такую эрудицию и живость ориентировки в столь различных и столь многих областях сельского хозяйства, что, по выражению одного из журналистов, походил на шахматиста, побеждающего сразу на нескольких досках.

Советские люди знают Никиту Сергеевича как крупнейшего знатока сельского хозяйства. Но американские корреспонденты признавались нам впоследствии, что впервые видят Н. С. Хрущева в этом новом для них качестве: до сих пор он представал в их глазах как знаток политических, социальных, экономических, международных вопросов, а сейчас он выступает как тончайший специалист сельскохозяйственного производства, оперирующий конкретными, мало известными за границей данными научных экспериментов, результатами колхозной практики, цифрами, которые не знают на память даже профессора.

Да, таковы наши советские руководители; знание общих законов, управляющих миром, управляющих обществом, они сочетают с глубоким знанием конкретного производства, с тончайшим пониманием сокровенных процессов, управляющих ростом зеленого листа. Коммунизм — это наука, без науки коммунизма не построишь.

Две различные системы сельскохозяйственного производства, соревнующиеся между собой, обменялись опытом во владениях «королевы полей». И этому искренне радовались как американские фермеры, так и советские люди, видя в этом ценный вклад в дело мира и крепнущей дружбы между советским и американским народами.

МОЛОДАЯ АМЕРИКА РУКОПЛЕЩЕТ

После осмотра ферм Росуэлла Гарста вереница автомашин с советскими гостями направилась в маленький городок Эймс. Здесь находится один из старейших университетов Соединенных Штатов Америки. Он основан свыше ста лет назад и поначалу именовался «Айовский сельскохозяйственный колледж и образцовая ферма». Однако по мере развития науки и образования Айовский колледж постепенно расширялся, и сейчас он стал Университетом естественных и технических наук штата Айова.

Когда машины приближались к Эймсу, один из американских журналистов пробормотал:

— Студенты — это молодая Америка, я уверен, что они по-иному встретят господина Хрущева.

В эти туманные слова американский корреспондент вкладывал, как потом оказалось, недобрый смысл. Возможно, он располагал какой-то информацией о ведущейся среди студентов подготовке и рассчитывал, что молодые американцы встретят советских гостей холодно, а, возможно, и враждебно.

Но едва машины въехали на улицы утопающего в зелени и обычно тихого Эймса, как в глаза бросился огромный шестиметровый плакат, на котором русскими буквами было написано: «Председатель Хрущев! Благослови Вас бог и спасибо Вам за Вашу пропозицию по разоружению!» В центре города висел другой плакат: «Давайте вместе делать мир!»

Городок кипел молодостью, весельем, дружелюбием. Все, что есть живого и мыслящего в этом старинном городке, собралось близ университета, чтобы со всем пылом юных сердец приветствовать дорогого гостя. Полицейские работали локтями и плечами, стараясь расчистить путь машинам. И чей-то звонкий девичий голос дерзко отчитывал какого-то полицейского чиновника:

— Вы не охраняйте Премьера Хрущева от нас, а нас не охраняйте от Хрущева! Американцы в этом не нуждаются, господин полисмен!

Машина Н. С. Хрущева шла по городу со скоростью около десяти километров в час. Овации сменялись возгласами «Уэлком!». Ничего подобного Эймс не видел никогда.

На лице американского журналиста отразились досада и недоумение. Тогда-то мы и смогли догадаться, на чем основывались его пессимистические «прогнозы».

Вот уже много лет в Соединенных Штатах усиленно распространяется версия о том, что вся современная американская молодежь апатична и ничем не интересуется, кроме джаза и веселого времяпровождения. С чьей-то легкой руки нынешнее поколение молодых американцев стали звать «молчаливым поколением» и даже «недумающим поколением». Все эти наспех приклеенные ярлыки наводили на мысль, что определенным кругам очень хотелось бы видеть и представлять молодую Америку именно молчаливой и недумающей. Может быть, это и дало повод некоторым недальновидным американским журналистам самонадеянно рассуждать, что студенчество Эймса окажет холодный прием советскому гостю.

Но была и другая причина. Вскоре стало известно, что перед приездом Н. С. Хрущева кое-кто из профессоров обратился к студентам с призывом: «Проявляйте поменьше энтузиазма!» Этот совет нашел отражение и на страницах студенческой газеты «Айова стейт дейли».

В газете (это был тот самый номер, который студенты вручили Н. С. Хрущеву) прямо говорилось, что студенты готовят встречу без энтузиазма, без приветственных возгласов.

Но тот же номер газеты обнаруживал непримиримый раскол во взглядах ее редколлегии. В газете была напечатана передовая, в которой говорилось следующее:

«Мы приветствуем Вас, господин Хрущев, в нашем студенческом городке, мы все радуемся Вашему приезду. Говоря откровенно, мы, студенты, чувствуем подлинную озабоченность положением того мира, в который мы готовимся войти. Мы хотим, чтобы наши знания служили интересам мира, а не разрушения...

Взаимный обмен знаниями, культурными достижениями, прекращение бесплодных взаимных обвинений, лучшее знание друг друга — вот наши надежды.

Мы хотим смотреть вперед с надеждой, стремясь к миру и взаимопониманию. Ваш визит, господин Хрущев, обнадеживает нас. И мы достаточно оптимистичны и упрямы, чтобы оценить этот визит как указание на то, что мы все найдем пути, которые приведут наши великие нации к взаимопониманию и миру».

Студенческая газета опубликовала портрет Н. С. Хрущева, статью о достижениях советской системы образования и полное расписание пребывания Н. С. Хрущева в студенческом городке Айовы под заглавием «Советский Премьер инспектирует наши классы». Здесь же были приведены фамилии всех, кто входит в комитет по приему советского гостя. На последней странице можно было прочитать результаты опроса: «Надо ли с энтузиазмом встречать Н. С. Хрущева?» Подавляющее большинство студентов ответило: «Надо».

Чем ближе университет, тем плотнее толпы народа вдоль улиц городка. Но вот вдали показалась широкая университетская площадь. Просторная и пустынная в будни и в праздники, она в тот час напоминала человеческое море. Весь университет — без малого десять тысяч студентов и преподавателей — вышел встретить высокого гостя. Вопреки мрачным предсказаниям нашего американского спутника, на лицах студентов не было видно ни равнодушия, ни холодности. Молодая Америка встречала Н. С. Хрущева сердечно и восторженно.

Когда глава Советского правительства вышел из машины и направился по узкому людскому коридору, образовавшемуся в толпе, тысячи людей зааплодировали. Слышны были возгласы «Товарищ Хрущев!», «Никита!» и другие теплые слова. Молодые, рвущиеся к жизни люди проявили такой же энтузиазм, какой проявляет и наша молодежь.

Это была бурная озация молодых американцев, которым надоела «холодная война» и которые искренне хотят, чтобы США и Советский Союз жили в мире и сотрудничали для мира. Н. С. Хрущев поднимает руку и дружески машет собравшимся. В ответ снова и снова раздаются аплодисменты, приветствия.

Только на лицах профессоров (ради истины скажем — далеко не всех) можно было прочитать смешанное чувство растерянности и досады. Возможно, что этот восторженный прием был для некоторых профессоров неожиданным и впервые раскрыл им глаза на американскую молодежь.

Но что же, если как следует вдуматься, было здесь неожиданного? Как известно, выступления Н. С. Хрущева произвели настоящий переворот в представлениях многих миллионов взрослых американцев о советской системе, о внешней и внутренней политике СССР, о советском народе и его руководителях, представлениях, складывавшихся под влиянием многих лет антисоветской пропаганды. Что же можно сказать в этом случае о молодежи с ее восприимчивостью ко всему новому?!

Ректор университета Джеймс Хилтон, встречая Никиту Сергеевича, произнес речь, в которой выразил радость города Эймса в связи с визитом главы Советского правительства. Ректор вручил советскому гостю памятные сувениры, изготовленные студентами.

В сопровождении ректора Никита Сергеевич входит в здание университета. Д. Хилтон кратко знакомит с историей университета, его структурой. 9800 студентов университета обучаются в шести колледжах: сельскохозяйственном, инженерном, домоводства, естественных и гуманитарных наук, ветеринарной медицины и колледже для аспирантов. Университет выпускает специалистов с высшим образованием по 80 отдельным дисциплинам и поддисциплинам.

В программу университета помимо пунктов, формулирующих образовательные и научно-исследовательские цели, официально включен еще и такой полезный пункт: «Распространение достижений науки непосредственно среди населения с помощью популярных лекций, радио, телевидения и других средств».

Обучение в университете платное, и, должны сознаться, мы были поражены размером платы. За обучение,

общежитие и питание, медицинское обслуживание, а также за право пользования библиотекой и лабораториями студент из штата Айова платит за академический год 831 доллар (8310 рублей), а студент из другого штата — 1101 доллар (11 010 рублей). По-видимому, для простого американца получить университетское образование — дело очень накладное.

Н. С. Хрущев обошел классы и аудитории университета. Его особенно просили зайти в колледж домоводства. В комнате номер 58 доктор Елена ван Занте ознакомила советского гостя с программой уроков кулинарии. В комнате номер 55 студентки продемонстрировали два типа современного кухонного оборудования.

На вопрос, не хочет ли Н. С. Хрущев пожелать чего-нибудь американским студенткам, последовал ответ:

— Желаю вам хороших женихов!

И в самом деле, чего еще можно было пожелать студенткам, поступившим в университет с единственной целью — стать высококвалифицированными домашними хозяйками? Это было, по всей видимости, именно то, что хотели услышать девушки, потому что в классе поднялся невообразимый шум и возгласы «хай», означающие в Америке высшее одобрение.

А тем временем сопровождающие главу Советского правительства член-корреспондент Академии наук СССР В. С. Емельянов и профессор В. П. Елютин знакомились с ведущимися в университете научно-исследовательскими работами в области мирного использования атомной энергии для нужд сельского хозяйства и изучения свойств редкоземельных элементов.

После осмотра факультета домоводства Н. С. Хрущев направился на ферму для откорма свиней. Собственно, это была не ферма, а одна из крупнейших в Соединенных Штатах Америки опытная станция. Коллектив научных сотрудников этой станции разработал новый метод откорма свиней, с применением антибиотиков и энзимов. Ученые опытной станции нашли возможным уменьшить затраты кормов на единицу привеса и сократить сроки откорма свиней. Эта технология дала возможность вырастить свинью весом в 90 килограммов в течение пяти месяцев, скармливая ей от 227 до 250 килограммов корма, расходуя при этом лишь 189 килограммов куку-

рузы на одну свинью. Туша такой свиньи состоит из 52 процентов постного мяса.

Н. С. Хрущев беседовал с профессорами, научными работниками, преподавателями и студентами. Прощаясь с коллективом университета, Н. С. Хрущев сказал:

— Спасибо за радушный прием. Очень рад был с вами встретиться и хотя бы бегло ознакомиться с вашим университетом. Я немного знал о нем и прежде по рассказам наших товарищей, побывавших здесь. Мы высокого мнения о постановке научно-исследовательской работы и преподавания в вашем университете. Желаю вам наилучших успехов. Давайте обмениваться опытом. Это будет полезно для наших стран.

После того как Никита Сергеевич Хрущев распрощался со студентами, проводившими его тепло и сердечно, у советских журналистов была возможность побеседовать с молодыми американцами.

Студент пятого курса физического факультета Ларри Грудас рассказал о том, что студенты вышли на улицы Эймса для встречи Н. С. Хрущева за два часа до прибытия его в город.

— Мы боялись,— добавил Ларри,— как бы не опоздать, потому что все желали этой встречи. Сорок пять минут, которые Премьер Хрушев провел среди нас, были праздником.

Молодая американка Э. Керри сказала:

— Нам очень понравился господин Хрущев. А самое главное — нам понравились идеи мира, которые он высказал.

На вопрос, как она относится к речи Н. С. Хрущева в Лос-Анжелосе, Э. Керри заявила, что это была откровенная и мужественная речь защитника мира.

Машина с Н. С. Хрущевым давно уже покинула Эймс и направлялась в Де-Мойн, а на улицах университетского городка все еще кипели страсти. Все, кто находились в эти минуты среди студентов, поняли, что американские юноши и девушки искренне желают покончить с ненавистной «холодной войной», хотят жить в мире и дружбе с Советским Союзом.

Перед отлетом из Де-Мойна Н. С. Хрущев обратился к провожающим с краткой речью:

— Бесконечно рад,— сказал Никита Сергеевич,— тому гостеприимству, которое мне было оказано как пред-

ставителю Советского государства, советского народа. Уезжая отсюда, я увожу самые лучшие чувства, я передам советскому народу дружеские пожелания, которые я слышал от жителей штата Айова.

Из Де-Мойна путь главы Советского правительства лежал на Питтсбург. Как встретит высокого гостя этот крупный промышленный город США, город шахтеров, металлургов, машиностроителей?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ СЕРДЦЕ АМЕРИКИ

«ДИТЯ КОНФЛИКТОВ»

День 23 сентября близился к концу. Когда Н. С. Хрущев и сопровождающие его лица, вернувшись из поездки по штату Айова, прибыли на аэродром, расположенный неподалеку от Де-Мойна, уже наступали сумерки. С запада медленно плыли подпаленные закатным солнцем облака. Зажглись лучи прожекторов, осветив плотные ряды людей, пришедших проводить Никиту Сергеевича. Полиция держала их на значительном расстоянии от летного поля. Только кинооператоры и фоторепортеры «просочились» через кордоны и занимались обычным делом — искали лучшую точку для съемок.

После богатейшего сельскохозяйственного штата Н. С. Хрущеву предстояло ознакомиться с крупнейшим индустриальным центром страны — жемчужиной промышленного штата Пенсильвания. Знакомство с ним давало возможность узнать некоторые новые стороны жизни Америки, ее трудового народа.

Когда самолеты «Боинг-707» один за другим через короткие интервалы отрывались от взлетной полосы, набирали высоту и шли курсом на Питтсбург, многие из советских журналистов, не теряя ни минуты, принялись читать материалы о Питтсбурге и штате Пенсильвания. Корреспонденты быстро просматривали свои записи, вырезки из газет, различные справочники и альбомы, вспоминали все, что знали о Питтсбурге, чтобы быть во

всеоружии для первого репортажа о встрече жителей этого города с Н. С. Хрущевым. Предстояло посетить последний город на пути в Вашингтон. Позади остались тысячи километров пути. Запомнились многие яркие эпизоды, встречи, беседы.

Почти все наши журналисты посещали Питтсбург впервые. Некоторые из них неоднократно бывали в Америке, знали многие ее города, но этот город им ни разу не приходилось посещать раньше. О нем мало писали в нашей советской прессе. Поэтому, может быть, стоит напомнить коротко об истории Питтсбурга, его месте в Соединенных Штатах.

Питтсбург — город стали, но его можно также назвать городом угля и химии. Он расположен в центре самого большого на американском континенте угольного бассейна и имеет по соседству одно из богатейших в мире месторождений природного газа. Восьмой по численности населения среди городов Соединенных Штатов Америки, он насчитывает (вместе с пригородами) более двух миллионов жителей. Сотни тысяч из них заняты в промышленности, главным образом в металлургической.

Пусть читатели не посетуют на нас, если мы приведем некоторые цифры. Иногда язык цифр дает возможность лучше представить себе облик того или иного города.

В Питтсбурге и его окрестностях 35 металлургических заводов, на которых выплавляется одна пятая часть всего производства в США чугуна, одна четвертая часть всей американской стали. В Западной Пенсильвании 350 угольных шахт, на которых добывается около 30 миллионов тонн угля, около 100 химических предприятий, десятки машиностроительных и стекольных заводов. Производится много машин, прокатных станов, электрического оборудования, кокса, газа, специализированного стекла и оптических приборов. Питтсбург также важный железнодорожный узел и вместе с тем самый крупный внутренний порт с грузооборотом, превышающим грузооборот Панамского канала.

Это действительно крупнейший промышленный центр, и его не без основания называют в стране индустриальным сердцем Америки.

История Питтсбурга интересна и поучительна. В 1958 году город отмечал свое двухсотлетие, изобило-

вавшее бурными событиями. Американские историки недаром говорят: «Питтсбург — дитя конфликтов». Эта лаконичная характеристика относится не только к истории зарождения города, но и к позднейшим этапам его развития.

На месте, где стоит город, у слияния рек Мононгахила и Аллегени, берет свое начало река Огайо. Здесь в середине XVIII века рядом с индейскими вигвамами поставили свои хижины первые поселенцы европейского происхождения. Летописцы не столь уж далекой старины повествуют о жизни этих поселенцев: они строили лачуги из дуба, выращивали хлеб, ловили рыбу, охотились за зверем, рано старели и рано умирали. Как утверждают историки, первые поселенцы, прибывшие сюда в поисках хороших мест для охоты, вначале жили в мире и дружбе с индейскими племенами.

Но период спокойной и мирной жизни был очень коротким. Скоро здесь появились вооруженные колонисты и торговцы. Их мало интересовали звери, которыми были богаты леса, и реки, изобиловавшие рыбой. Они рыскали в поисках совсем других богатств. Тогда-то у истоков Огайо и столкнулись интересы Англии и Франции. Между колонизаторами развернулась ожесточенная борьба за землю, расположенную в развилке трех рек и образующую почти правильный треугольник. Ныне сам город Питтсбург (без пригородов), расположенный на этой земле, называют «Золотым треугольником».

Враждовавшие между собой колонизаторы создали здесь военные форты. Позже вокруг них образовались поселения, а затем и городок, который быстро рос. В 1754 году английская компания начала было строить здесь форт принца Джорджа, но недостроила. Вскоре форт захватили французы. Через четыре года, когда форт был уже готов, англичане снова заняли его, срыли французские сооружения и построили свою базу. В 1758 году английский генерал Джон Форбс сообщал в Англию, что форт перешел в его руки и что он переименовал его в Питтсбург — город Питта (в честь тогдашнего премьер-министра Англии Уильяма Питта).

В своем послании в Лондон Джон Форбс предсказывал, что «эта унылая пустыня скоро станет самым богатым и плодородным владением Англии в Америке».

Так, отнюдь не по плану, а в ходе конфликтов между колонизаторами возник город, и поныне носящий имя премьера той колониальной державы, которая силой оружия когда-то захватила эту часть земли и превратила мирное поселение в опорный пункт своего владычества.

Позднее, в годы войны американцев за независимость, в годы гражданской войны Севера против рабовладельческого Юга, здесь развертывались поистине драматические события. Да и после того, как отгремели бои, город не знал покоя, его продолжали раздирать острые противоречия.

В те времена, когда на месте Питтсбурга были еще маленькие деревушки, здесь, как повествуют летописцы, «с большим авторитетом» правила индейская королева Аллагуиппа. Ее в середине XVIII века посетил Джордж Вашингтон. С тех пор много воды утекло в реках Мононгахила, Аллегени и Огайо. Индейцы были оттеснены в резервации, и на смену королеве Аллагуиппе пришли некоронованные короли капитала — торговцы, владельцы заводов и фабрик, миллионеры и миллиардеры.

Именно здесь около ста лет тому назад начали свою бурную предпринимательскую деятельность «король кокса» Генри Фрик, «король стали» Карнеги. Только за последнюю четверть XIX века «король стали» Карнеги получил свыше 130 миллионов долларов чистой прибыли. В XX веке эти прибыли баснословно возросли. Нужно ли говорить, сколько крови и пота пролили жители города во имя обогащения алчных королей угля и стали.

В Питтсбурге находится сейчас штаб-квартира одного из богатейших американских монополистов — Меллона, семейный банк которого «Меллон нейшнл бэнк энд Траст компани» поглотил за последнее десятилетие около 30 банковских корпораций и сконцентрировал в своих руках капиталы на сумму в два миллиарда долларов. Он владеет более чем 60 процентами всех банковских активов Питтсбурга и прилегающих к нему районов! Хозяева банка — фактически полновластные хозяева города. Так два миллиарда долларов правят двумя миллионами людей. О том, что представляют собой формы этого управления, красноречиво сказал сам Ричард Меллон. «Сегодня,— заявил он,— нельзя управлять угольными копями, не имея пулеметов».

«Дитя конфликтов» — Питтсбург в пору своего бурного индустриального развития познал немало острых схваток между трудом и капиталом.

В семидесятых годах прошлого века металлурги Питтсбурга повели борьбу за повышение заработной платы. Тогда-то и вспыхнули первые забастовки. Временами борьба приобретала острейший характер: бывали случаи, когда город даже переходил в руки бастующих рабочих. В 1876 году здесь была создана объединенная ассоциация рабочих сталелитейной промышленности, а в 1892 году в ее рядах насчитывалось уже свыше 80 тысяч человек. Эта ассоциация не раз поднимала рабочих на массовые забастовки.

В 1919 году рабочие Питтсбурга сыграли большую роль в национальной стачке сталелитейщиков Америки.

И теперь, сорок лет спустя, осенью 1959 года, Питтсбург вновь стал ареной острой стачечной борьбы металлургов...

«КОРОЛИ СТАЛИ» И БАСТУЮЩИЕ МЕТАЛЛУРГИ

Летом и осенью 1959 года американская печать почти ежедневно сообщала из Питтсбурга о ходе забастовки металлургов. Она началась 15 июля и распространилась на всю страну, охватив 500 тысяч рабочих. Все сталеплавильные заводы Питтсбурга прекратили работу. Индустриальное сердце Америки начало биться с перебоями.

А между тем приближалось время визита главы Советского правительства в Соединенные Штаты Америки. Пропагандисты американского образа жизни засуетились. Они прослышали, что Питтсбург возможно будет одним из тех городов, которые посетит глава Советского правительства. Что делать? Кратчайший выход из положения — быстрее свернуть забастовку.

«Приезд в будущем месяце советского Премьера Хрущева,— писала в августе газета «Нью-Йорк пост»,— даст Америке беспрецедентную возможность продемонстрировать плоды своего демократического образа жизни самому могущественному коммунисту из всех, которые когда-либо высаживались на наших берегах.

К сожалению, один из этих плодов,— причем особенно кислый, который может оказаться в полиом расцвете при прибытии г-иа Хрущева,— это общенациональиая забастовка металлургов».

Газета обращалась к Президенту США с призывом прииять меры к прекращению забастовки, дабы она «исчезла со сцеиы к моменту прибытия г-на Хрущева».

«Либо Хрущев увидит уиылую картину,— тревожилась «Нью-Йорк пост»,— полмиллиоиа металлургов, которые существуют иа пособия, а 250 тысяч других рабочих не работают ввиду косвенной связи с этим тупиком, либо, как предсказывают иекоторые иаблюдатели, ему предстоит увидеть, как забастовка будет сломлеиа с помощью закоиа Тафта — Хартли о запрещении забастовки на 80 дней. Это, как, иесомиеино, иапомнят г-ну Хрущеву, часть того, что америкаиское рабочее движение заклеймило «закоиом о рабском труде»».

Америкаиская пресса иазывала забастовку металлургов «самой серьезиой забастовкой середииы века».

Орган моиополистических кругов США — ежеиедельник «Бизиес уик» писал: «Впервые за миого лет крупная отрасль американской промышлеииости пошла иа открытую схватку с влиятельным профсоюзом, ие внося никакого конкретиого предложения финаисового порядка». Что это сулило? Разумеется, прежде всего обостреиие классовой борьбы.

Журнал писал об этом весьма туманно: «Это означает конец одной эпохи в отношеииях между рабочими и предпринимателями и начало новой эпохи, более благоприятной для предпринимателей». Почему «благоприятной для предприиимателей», журиал не пояснял. Ои лишь пророчил быструю победу «королям стали». Но последующие события показали, что забастовка металлургов, вопреки ожидаииям моиополистов, оказалась упорной, стойкой и длительиой.

В первые дни забастовки металлургов газета «Нью-Йорк таймс» так оценивала суть конфликта между «королями стали» и бастующими металлургами:

«Забастовка в металлургической промышленности является проверкой нового подхода предприиимателей к коллективным договорам. Этот подход осиован на миении, что промышлеииики отдали профсоюзам слишком много своих прерогатив и что иастало время измеиить

тенденцию, начало которой положил четверть века назад новый курс Франклина Рузвельта. Твердое намерение металлургических компаний показать профсоюзу, что хозяин все еще остается хозяином,— вот момент, доминировавший во время десятинедельных бесплодных переговоров, которые привели к забастовке полмиллиона металлургов».

Вот вам и прогресс! Назад от «нового курса» Рузвельта к полному и беспрепятственному хозяйничанью монополий!

Наступление «королей стали» на рабочих-металлургов, на профсоюзы американская печать рассматривала как новую тактику монополий, которые решили стукнуть стальным кулаком по столу и на деле показать, «кто хозяин в Питтсбурге». «В первом ряду построенных в боевом порядке руководящих сил стоят корпорации, обладающие миллиардами долларов»,— запугивала бастующих газета «Нью-Йорк таймс».

На что рассчитывали эти «руководящие силы»? По-видимому, на то, что их прислужники, стоящие во главе профсоюзного движения в США, как и не раз прежде, сделают свое дело, обеспечат в нужный момент капитуляцию сталелитейщиков. Но они хватили через край в своих циничных расчетах. Лидеры американских профсоюзов оказались в трудном положении: пойти на открытое предательство и призвать к отказу от борьбы — значило наверняка вызвать такой взрыв негодования, который мог бы окончательно разоблачить и полностью дискредитировать их в глазах рабочих.

Вот почему даже руководитель профсоюзного объединения АФТ — КПП Дж. Мини, еще не так давно публично хваставшийся тем, что никогда в жизни не бастовал, был вынужден признать, что монополии и государственные власти США начали широкое наступление на жизненные права рабочих.

«Мы переживаем критический момент в истории американского трудового законодательства,— заявил в августе Мини.— Конгресс рассматривает сейчас так называемую реформу трудового законодательства. Сенат уже принял по этому вопросу законопроект, который профсоюзное движение считает вредным для американских рабочих, их будущего. Теперь палата представителей приступила к рассмотрению нескольких законопроектов

по этому вопросу...» Характеризуя сущность одного из таких законопроектов, Мини заявил, что «это дубинка, которая нанесет тяжелый удар всем профсоюзам».

Не правда ли, весьма ценное признание со стороны столь осведомленного человека!

Знакомясь с перипетиями стачечной борьбы американских металлургов, мы невольно ловили себя на мысли: как согласовать все это с призывом Г. Лоджа на встрече Н. С. Хрущева с деловыми кругами Нью-Йорка — отныне именовать американский капитализм... не более не менее, как «экономическим гуманизмом»? Обмениваясь мнениями между собою по этому поводу, мы пришли к неутешительному для г-на Лоджа выводу,— видимо, он слишком переоценил силу своего красноречия при восхвалении прелестей капитализма и решил пренебречь мудрым изречением, что факты — упрямая вещь. Или, может быть, он и впрямь принял советских людей за этаких простачков, которые ничего не ведают о положении в Америке и не в состоянии разобраться в американской действительности без путеводителей и шпаргалок госдепартамента, без пояснений наших гидов?!

Нам припомнилось, как Г. Лодж на завтраке у мэра Нью-Йорка Р. Вагнера говорил об американской общественной системе:

— Эту систему с ее напряженной конкуренцией, ее широким распределением заработков, ее постоянно меняющимся характером и ее колоссальной правительственной программой социального обеспечения нельзя точно охарактеризовать одним словом «капиталистическая».

Тогда Никита Сергеевич Хрущев, отвечая на такую похвальбу, с иронией заметил:

— У русских есть такая пословица: «Всяк кулик свое болото хвалит». Вы хвалите капиталистическое болото, что же касается нас, то я, конечно, не скажу, что социализм это болото, но вы можете, конечно, отозваться о нашей системе так же, как я говорю о вашей. Но сейчас, между прочим, сторонники капитализма начинают стыдиться хвалить его. Они говорят, что это уже не тот капитализм, о котором писал Маркс, а народный капитализм. Бог его знает, я не вижу разницы между тем капитализмом, о котором писал Маркс, и тем, о котором сегодня говорил Лодж.

Бизнесмены шумным оживлением встретили эти слова Никиты Сергеевича. И до них дошла его меткая ирония.

Н. С. Хрущев продолжал:

— Я говорю напрямик, чтобы вы знали, с кем имеете дело, такая ясность улучшает отношения: социализм нам по душе, а капитализм не подходит. Если же вам нравится капитализм — а я знаю, что он вам нравится,— продолжайте с богом! Но помните: народилась новая социальная система — социалистическая. Она уже наступает вам на пятки, и мы рассчитываем догнать и перегнать вас.

Г-ну Лоджу и другим пропагандистам американского образа жизни ясный ответ Н. С. Хрущева пришелся не по душе. В тот же день, 17 сентября, выступая в Экономическом клубе Нью-Йорка, Г. Лодж решил, видимо, «углубить» свою характеристику американской системы, так сказать, «обосновать» ее определение.

И вот в порядке «углубления» и «обоснования» он заявил следующее: «...«бароны-грабители», как столетие назад некоторые называли капитализм, монополистическая система, в которой небольшая группа контролирует и эксплуатирует усилия многих,— это нечто такое, против чего мы возражаем. ...Если «барон-грабитель» — это определение капиталиста, то в таком случае мы вообще не капиталисты».

Не замечая иронических улыбок своих слушателей, Лодж продолжал:

— Возможно, что такую систему лучше охарактеризовать как экономический гуманизм, чем как монополистический капитализм.

Начав расхваливать «новый капитализм», Г. Лодж уже не мог остановиться. Обращаясь к Никите Сергеевичу Хрущеву, он заявил:

— В заключение, г-н Председатель, разрешите мне сказать, что я был поражен — так же как, я уверен, были поражены Ваши слушатели — Вашим заявлением за завтраком в том смысле, что Вы не видите различий между злоупотреблениями раннего капитализма, который был описан Марксом, и нашей современной системой экономического гуманизма.

Эта разница так же велика, как разница между черным и белым, и мы думаем, что это станет совершенно

ясным для Вас, когда Вы сами все увидите во время Вашей поездки по стране. Наша страна существует для блага всех рядовых граждан...

Слушая эти речи Лоджа на завтраке и на обеде 17 сентября, крупнейшие капиталисты Нью-Йорка, видимо, были довольны. Кое-кто подбадривал его улыбками, возгласами, аплодисментами.

Но прошло всего несколько минут, и они поняли, что их златоуст проявил чрезмерное усердие, явно «пересолил» и потому сам попал, да и их самих поставил в неловкое положение.

— Почему же здесь господин Лодж столь усердно занимался защитой капитализма? — обратился Н. С. Хрущев к участникам встречи в Экономическом клубе и, отвечая на этот вопрос, сказал:

— Если бы он не защищал так ревностно капитализм, он не занимал бы в вашей стране такого важного поста.

Раздался громкий смех: замысел неловкого защитника капитализма был разгадан. Теперь его хозяева не могли не присоединиться к тем, кто смеялся. Нет, они уже не одобряли Лоджа, а порицали его за неуклюжую работу. Взялся, мол, спорить, да не тянет...

Мы привели эпизод, который произошел в начале поездки по США. И он не случайно всплыл в памяти перед завершением этой поездки. Лодж с жаром уверял в Нью-Йорке, что Н. С. Хрущеву после путешествия по стране станет «совершенно ясно», что при существующей в Соединенных Штатах системе все делается «для блага всех рядовых граждан» и что все американцы живут «в государстве, преследующем цели благоденствия».

Но факты вновь и вновь убедительно свидетельствовали о том, как дешево стоят подобные утверждения, как бесконечно далеки они от действительности.

Вот и сейчас нам предстояло побывать в городе, где уже третий месяц продолжалась забастовка металлургов, городе, значительная часть населения которого испытывала серьезные материальные затруднения, но упорно вела борьбу против «королей стали», наступавших на жизненные права металлургов.

Живописуя «благоденствие» рядовых американцев, Г. Лодж заверял, что еще в 1890 году «мы объявили

войну монополистическому капитализму» и «если «барон-грабитель» — это определение капиталиста, то в таком случае мы вообще не капиталисты».

Знакомство с официальными материалами, как и сама поездка по стране, убеждали нас как раз в обратном. Просматривая данные о прибылях капиталистов и зарплате рабочих, о трудовом законодательстве, определяющем права рабочих и характер их взаимоотношений с предпринимателями, мы встретились с весьма характерными признаниями американской прессы. Вот некоторые из них.

Рекордные прибыли монополий. Все главные сталеплавильные компании получили рекордные прибыли в первом полугодии 1959 года. Как правило, эти прибыли оказались в два раза большими, чем за соответствующий период прошлого года. Крупнейшая сталелитейная корпорация «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» имела за первое полугодие чистую прибыль в сумме 254 миллионов 948 тысяч долларов, а компания «Бэтлехем стил корпорейшн» — 123 миллионов 158 тысяч долларов. Только за последние пять лет (1954—1958 годы) общая сумма доходов американских монополий составила 204,6 миллиарда долларов, или в 6,6 раза больше, чем за предвоенные пять лет (1936—1940 годы). Откуда же могут идти прибыли, как не за счет усиления эксплуатации рабочих! Экономисты подсчитали, что каждый час эксплуатации рабочего приносил монополии «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» в 1939 году 10 центов чистой прибыли, в 1947 году — 22,1 цента, в 1955 году — 69,4 цента, а в I квартале 1959 года чистая прибыль достигла годового уровня, равного 96,7 цента.

Вот вам и смысл заботы монополий «о благоденствии рядовых граждан»!

Вся чистая прибыль этой стальной корпорации составила в 1939 году 41 миллион долларов, в 1947 году — 127 миллионов долларов, а в I квартале 1959 года достигла годового уровня, равного 426 миллионам долларов.

Весьма показательным является свидетельство американского бюллетеня «Экономик ноутс» о том, как вознаграждают монополии тех, кто им верно служит. Президент «Бэтлехем стил корпорейшн» Артур Гомер получил в 1958 году 511 249 долларов вознаграждения. Юд-

жнн Грейс, который долгое время был президентом этой компании, имел от иее ни миого ни мало — 800 тысяч долларов за один год! В 1958 году он получил 150 тысяч долларов только как «почетный председатель» совета директоров компаиии. Зарплата и «добавочиое возиаграждеине» пяти других официальных лнц в этой компаиии составнли около 400 тысяч долларов каждому. Так совремеиные «королн стали» выжимают пот из рабочих, «делают деньгу» и делят между собой баснословные прибылн. И после этого есть же еще деятели в США, которые с серьезным видом говорят, что в современной Америке нет «баронов-грабителей»!

Ну, а как же с доходамн тех, кто обеспечивает прнбыли «королям стали»? Ведь, по Лоджу, они тоже нмеют равное право с другнмн на доходы.

Заработная плата металлургов. По даниым профсоюзов, за последние 20 лет заработная плата в США, с учетом всех изменений стоимости жизни, отстала от роста производительности труда иа 16 процентов. В течение последних 6 лет рост продукцнн за человеко-час позволил «Юнайтед Стейтс стнл корпорейшн» увеличнть выплавку стали иа 20 процентов при 20-процентном сокращеиии числеииости рабочей силы.

Представители профсоюза сталелитейщиков во время переговоров с предпринимателямн, на основании официальных даиных, указывали, что рост цен иа сталь иамного опередил зарплату рабочих. Известный американский экономист Гардер Минс подсчитал, что в 1958 году повышеиие заработной платы, выплачеиной сталелитейщикам, стонло компании около одного доллара на тоиину стали, а повышение цен иа сталь — шесть долларов на тоину. Однако, несмотря на баснословный рост прибылей, двенадцать крупнейших компаинй сталелитейной промышленности категорнчески отказались сохранить ранее существовавшне условня коллективных договоров, считая их невыгоднымн для предпринимателей. Моиополисты категорически отказались удовлетворить закониые требования рабочих производнть оплату труда с учетом роста дороговнзны.

Монополии умышлеино спровоцировалн забастовку в выгодиый для себя момеит. Получив рекордные прибылн за первое полугодие и накопив громадные запасы стали (за первое полугодие 1959 года было выплавлено

64 миллиона тонн стали), монополии решили перейти в наступление. Они заявили о неприемлемости требований рабочих. Они считали, что рабочие, экономическое положение которых подорвано прошлогодним кризисом и длительной безработицей, не выдержат, сдадутся на милость работодателей. Но их расчет провалился. Рядовые рабочие-забастовщики, несмотря на лишения и трудности, держались упорно. Стойкость бастующих укрепилась, когда рабочие других профсоюзов заявили, что они окажут материальную поддержку металлургам.

Размах забастовочного движения. Забастовка металлургов в Соединенных Штатах была крупнейшей, но не единственной в этом году. По официальным данным, опубликованным министерством труда, за первые восемь месяцев 1959 года в Соединенных Штатах произошло 2825 забастовок, и охватили они 1670 тысяч человек. Рекордная цифра за последние четыре года! Это значит, что не только в металлургической, но и в других отраслях промышленности выступления рабочих в защиту своих жизненных прав, за повышение заработной платы приобретают ныне все более широкий размах.

Уж не эти ли факты имел в виду г-н Лодж, когда утверждал, будто США — страна «равных возможностей для всех граждан», будто она существует для блага всех граждан?

Американская пресса отмечала, что это уже шестая по счету забастовка в американской металлургической промышленности с момента окончания второй мировой войны. Вот тебе и «экономический гуманизм»! Нет, это не гуманизм, а кровь и слезы, страдания, ожесточенная борьба трудящихся за кусок хлеба.

Что бы там ни говорили американские экономисты, как бы ни пытались они приуменьшить значение борьбы, которая развернулась в сталелитейной промышленности, ясно одно — эта борьба выходит далеко за рамки одной отрасли промышленности.

Ветеран американского рабочего движения, его выдающийся лидер У. Фостер, руководивший героической забастовкой металлургов Питтсбурга в 1919 году, так охарактеризовал значение нынешней забастовки:

«Полмиллиона сталелитейщиков на улицах, они без работы; боссы фактически закрыли перед ними мага-

зины с тем, чтобы при помощи голода заставить рабочих подчиниться...

Предприниматели используют свои старые трюки, вынуждая рабочих подчиниться их воле — предоставить миллиарды долларов прибылей владельцам на том только основании, что они являются собственниками предприятий. Рабочие должны платить эти огромные суммы за привилегию работать на заводах сталелитейной промышленности. И если когда-то рабочие пытаются сказать свое слово, к примеру, по поводу оплаты или продолжительности рабочего дня, владельцы сталелитейных заводов стараются силой заставить их подчиниться, что мы и наблюдаем в данное время...

Сталелитейщики имеют длинный и почетный список своего участия в рабочем движении... Начиная с героической забастовки 1919 года до нынешнего дня, эти исторические битвы многому научили нас. Они научили нас, как победить и в нынешней борьбе. И, подчеркивая все уроки предшествующих забастовок, нужно сказать, что основой всего является солидарность рабочих».

Первые недели и месяцы забастовки металлургов всколыхнули рабочих Соединенных Штатов. То было время, когда миллионы американских рабочих начали сознавать великую силу пролетарской солидарности.

Преднамеренное и жестокое наступление монополий на рабочий класс разоблачало всю вздорность болтовни профсоюзных боссов типа Мини, Рейтера и им подобных о «классовом сотрудничестве и взаимном доверии рабочих и предпринимателей». Действительность показала, что линия на «классовое сотрудничество» с монополистическим капиталом ведет на деле к новым уступкам капиталу, к новому наступлению капиталистов на жизненные права рабочих.

В крайне тяжелое положение ставит рабочий класс Америки принятый конгрессом США в 1947 году реакционный закон Тафта — Хартли, дающий право правительству принудительно прерывать забастовки.

Вот что об этом говорят сами рабочие.

Участник забастовки металлургов каменщик Норман Осборн, отец троих детей, девять лет работающий на заводе «Джонс энд Лафлин» в Питтсбурге, заявил: «Применение закона Тафта — Хартли не сулит нам ничего хорошего. Все мы хотим вернуться на работу, но только

если будет соглашение, которое не лишит нас ни одного из наших прав... Я хочу только получить по договору те же права, какие имел до забастовки, и я полагаю, что другие рабочие думают так же».

Другой участник забастовки с того же завода, Майкл Катаник, имеющий тридцатилетний стаж работы в металлургической промышленности, еще более резко выразил эту мысль: «Преступление, что предприниматели до сих пор не пошли на соглашение. Я до сих пор был с профсоюзом и буду с ним и впредь».

Корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс писал, что металлурги Питтсбурга, Чикаго, Кливленда и других центров металлургической промышленности «почти все до одного заявляют, что они против закона Тафта — Хартли». Уолтер Галиский (из Гейри) заявил: «Закон Тафта — Хартли — это зло, он заставит рабочих вернуться на работу только на 80 дней. Если три месяца переговоров не привели к заключению договора, то этого не будет и через 80 дней». В печати сообщалось из Питтсбурга: «Некоторые металлурги заявили, что в случае применения закона Тафта — Хартли, они пойдут на завод с черными нарукавными повязками в знак траура по свободе».

Вопреки воле профсоюзных боссов из АФТ — КПП, проповедующих «классовое сотрудничество с капиталом», в рабочих массах крепла решимость отстаивать свои жизненные права в борьбе с натиском монополий.

Около трех тысяч делегатов съезда профсоюза рабочих автомобильной промышленности направили телеграмму Президенту США, в которой выразили свою солидарность с бастующими металлургами и энергично протестовали против намерений применить закон Тафта — Хартли.

«Нас,— говорится в телеграмме,— глубоко огорчило сообщение о том, что Вы намерены добиваться судебного постановления на основе закона Тафта — Хартли, и мы искренне считаем, что это представляет собой потрясающий отказ от Вашего торжественного обещания сохранить беспристрастную позицию между металлургической промышленностью и бастующими металлургами. Сейчас, когда металлурги и члены их семей уже в течение многих недель приносили жертвы, ведя забастовку, когда запасы стали истощаться, а металлургическая промышленность

начинает чувствовать на себе экономический нажим, Вы намереваетесь ослабить этот нажим на промышленность, заставив металлургов против их воли вернуться на работу. Ваше вмешательство при данных обстоятельствах представляет собой не больше, чем использование власти и величия правительства Соединенных Штатов в качестве оружия штрейкбрехерства».

Именно под давлением рабочих масс состоявшийся в сентябре съезд Американской федерации труда — Конгресса производственных профсоюзов (АФТ — КПП) призвал все профсоюзы Соединенных Штатов поддержать забастовку металлургов и оказать бастующим материальную поддержку. На съезде говорилось, что без этого забастовщики не смогут продержаться долгое время, так как им противостоят «богатство, влияние и власть крупных металлургических корпораций». Было решено, чтобы каждый организованный рабочий Соединенных Штатов Америки ежемесячно вносил в специальный фонд защиты рабочих-металлургов часовой заработок.

В дни нашего пребывания в Америке мы читали сообщения о помощи бастующим металлургам Питтсбурга из других промышленных центров. Так, в газете «Уоркер» отмечалось, что местный профсоюз рабочих пошивочных предприятий в городе Аллентауне пожертвовал бастующим сталеплавильщикам пять тысяч долларов.

— Атака на 500 тысяч сталеплавильщиков преследует цель выбить оружие из рук всех рабочих Америки,— заявил представитель этого профсоюза, когда вручал пожертвования забастовщикам.

1 сентября в районе Хоумстед — пригороде Питтсбурга — бастующим раздавали продовольствие, которое приобрели для них шесть тысяч рабочих, имеющих работу. Всего было распределено 350 тысяч фунтов муки, сухого молока и яичного порошка. Продовольствие досталось 15 тысячам бастующих, а всего в этом районе бастовало 40 тысяч рабочих. В печати сообщалось, что второе распределение состоится через 10 дней, причем будут розданы также пшеничная крупа и рис. Рабочие ряда предприятий штата Пенсильвания объявляли в те дни забастовки в знак солидарности с бастующими сталеплавильщиками.

Растущая солидарность профсоюзов с бастующими металлургами — важное явление в жизни американских

рабочих. «Ничего подобиого раиьше ие было,— призиавал журнал «Бизиес уик».— Время от времени какой-либо профсоюз, оказавшийся под давлеиием продолжительной тяжелой забастовки, получал помощь в виде деиежного дара или беспроцентного займа от каких-нибудь других профсоюзов. За полвека ии один профсоюз иикогда не пользовался полной поддержкой других профсоюзов. Это весьма зиаменательно. Это показывает, какое большое зиачеиие имеет забастовка металлургов в глазах всех рабочих».

Обратимся еще к одному важиому документу — выступлению демократа Элмера Дж. Холлаида в Палате представителей коигресса США по вопросам трудового законодательства.

«В настоящее время,— заявил Холланд,— мы являемся в Америке свидетелями самого ожесточеинного размаха антипрофсоюзной пропаганды, который когда-либо зиала какая бы то ии было страна. Я, ие колеблясь, делаю это заявление, хотя я прекрасно зиаю, что происходило в Гермаиии во времена Адольфа Гитлера...

Мы слышим исходящие от Белого дома антирабочие заявления, а в палате представителей и сеиате ежедневио делаются нападки на профсоюзы.

Предприниматели ожесточенно борются против закониых коллективных соглашений, противодействуя оргаиизации своих работников и отказываясь признавать профсоюзы, как представителей трудящихся, уполномоченных вести переговоры. Раздаются истерические требования о принятии все иовых так называемых законов о «праве иа труд», которые ведут только к развалу профсоюзов...

Такие сильиые иападки на рабочее движение — ие новость. Они продолжаются уже долгие годы, но только за последние два года достигли нынешией беспрецедеитной остроты.

Целью этой кампаиии является создание обстановки, способной заставить конгресс в паиическом настроеиии приият антирабочий закон. Порождаемая этой кампанией в виде побочиого продукта неиависть не имеет большого зиачения для руководителей этой кампании. Одиако самым серьезиым и неблагоприятиым побочным продуктом кампаиии является, на мой взгляд, известная... форма классовой войны».

И это признание было сделано в стенах конгресса США и отнюдь не социалистом по убеждениям!

Выступая против инициаторов антипрофсоюзной кампании в США, Холланд говорил:

«Изо дня в день национальная печать, радио и телевидение поддерживают эти реакционные силы в их стремлении создать в сознании американского народа, включая и членов профсоюзов, ложное представление, что рабочие организации — это массы воров, вымогателей, убийц, всего, что хотите.

С другой стороны, мы немного читаем в печати, слышим по радио или телевидению о том, что в одном из наших южных штатов была вызвана Национальная гвардия, чтобы помешать пикетированию; что за последние три месяца в наших южных штатах жестоко избиты четыре представителя профсоюзов; что должностные лица профсоюза дамских портных были избиты дубинками во время проводившейся кампании насилия, имевшей целью заставить союз отказаться от забастовки против 10 фирм, принимавших не членов профсоюза, что эти люди были вытащены из их комнат, избиты и изранены ножами, а затем брошены на произвол судьбы...

Таково трагическое положение,— заявил Холланд.— Как далеко зайдем мы, прежде чем поймем, что происходит? Разве мы не способствуем осуществлению предсказания Карла Маркса?»

Таким образом, Э. Холланд утверждал прямо противоположное тому, что пытался доказать г-н Лодж, расхваливая американскую систему как «экономический гуманизм» и утверждая, будто характеристика капитализма, данная Марксом, давно устарела.

Следуя пожеланию Лоджа поближе познакомиться с жизнью американского общества, мы хотели как можно пристальнее присмотреться к жизни людей труда в одном из крупных индустриальных районов Соединенных Штатов, хотели прислушаться к голосам, раздающимся в самой Америке при обсуждении вопросов, волнующих миллионы рабочих.

С такими мыслями мы приближались к Питтсбургу поздним вечером 23 сентября.

В ПИТТСБУРГЕ — САМЫЙ ТЕПЛЫЙ ПРИЕМ

Яркие огни Питтсбурга хорошо видны с самолета. До момента приближения к этому городу мы пытались представить себе, как выглядит он сейчас, когда потухло пламя его многочисленных доменных и мартеновских печей. С самолета мы не видели красных всполохов — жаркого пламени заводов,— они погрузились во тьму. Десятки предприятий бездействовали уже третий месяц. Сверкали огнями лишь улицы и площади центральной части города, которая выделялась своими небоскребами.

В 23 часа 2 минуты по местному времени (по московскому времени было уже 6 часов 2 минуты утра 24 сентября) самолеты приземлились на аэродроме близ Питтсбурга.

Для встречи главы Советского правительства сюда прибыли мэр города Питтсбурга Томас Галлахер, представители местных властей и общественности. Как всегда, оказался на месте и многочисленный корпус прессы, радио, кино и телевидения.

Тепло приветствуя Н. С. Хрущева, мэр преподносит ему символический ключ города Питтсбурга.

Обращаясь к встречающим, Н. С. Хрущев благодарит за теплую встречу и замечает, что, путешествуя по стране, он много видел, много услышал, имел много встреч.

— Очень радует, что люди Америки радушно встречали меня,— заявил Никита Сергеевич,— заботились о том, чтобы улучшались отношения между нашими странами, чтобы были обеспечены дружеские отношения, мир между всеми народами.

Господин мэр! Я высоко ценю Ваше доверие, выразившееся в том, что Вы преподнесли символический ключ вашего города. Спасибо. Заверяю Вас, что я хочу быть Вашим другом и никогда не буду злоупотреблять Вашим доверием и этим ключом буду открывать только те двери, которые Вы мне разрешите открыть, без разрешения я ни шагу не сделаю.

Спасибо за хорошую встречу и за добрые слова. Желаю счастья и процветания вашему городу и вашему народу.

Через несколько минут вереница машин устремляется к центру Питтсбурга. От аэродрома до центра города —

семнадцать миль. Поездка по этому пути и первые встречи Н. С. Хрущева с жителями Питтсбурга превращаются в волнующее и незабываемое событие.

Когда мы вышли из самолета и садились в автомашины, сопровождающие нас американцы таинственно предупреждали: надо предпринять все меры предосторожности, плотно прикрыть дверцы машин, закрыть стекла, чтобы избежать возможных неприятностей.

Как и в других городах, машины советских гостей окружали многочисленные отряды полицейских. Они нас встречали, они следили за порядком на аэродроме, они на автомашинах и мотоциклах сопровождали почетный кортеж от аэродрома. Полицейских можно было увидеть и по обе стороны дороги на всем пути следования. Но уже через несколько минут после того, как, оставив аэродром, мы направились в Питтсбург, стало ясно, что какие-то особые меры предосторожности в этом городе вовсе не нужны, они излишни!

Наступала ночь. Но, несмотря на поздний час, тысячи жителей Питтсбурга высыпали на дорогу, чтобы первыми увидеть главу Советского правительства. Отовсюду слышались приветственные возгласы и аплодисменты. Люди горячо приветствовали Н. С. Хрущева.

Путь к центру Питтсбурга проходил через один из холмов, с вершины которого раскрывалась панорама ночного города.

Газета «Кливленд пресс» на следующий день в своем отчете о встрече так описала этот момент:

«Когда машины достигли вершины горы, Хрущев сверху увидел Золотой треугольник Питтсбурга, где каждый небоскреб был специально освещен в его честь.

Было около полуночи, но несколько тысяч жителей Питтсбурга собралось на вершине горы, чтобы разделить с ним это волнующее зрелище.

Сверху сияла неполная Луна, и Хрущев рассмеялся, когда председатель совета Питтсбурга Фрэд Уэйр пошутил: «Ваши ребята отбили кусок Луны».

Специальный корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Гомер Бигарт рассказал не только о великолепии панорамы ночного Питтсбурга. Он сообщил и о подготовке, проведенной городскими властями, к встрече с главой Советского правительства.

«Небоскребы в нижней части города, именуемой Золотым треугольником,— писал Бигарт,— были ярко освещены, чтобы советский гость мог забыть тот факт, что город переживает самую длительную и дорогостоящую забастовку рабочих сталелитейной промышленности.

Питтсбург тщательно подготовился к однодневному визиту советского лидера. Обычно ночное небо над этим промышленным центром озаряется яркими вспышками света от мартеновских печей реки Мононгахила. Другой гость, Чарльз Диккенс, охарактеризовал это зрелище как «ад с открытой крышкой».

Двадцать третьего сентября 1959 года перед гостями развертывалась более спокойная картина. Не было видно на небе лихорадочных оранжевых бликов. Огромные черные заводы за рекой были безмолвными и холодными, но зато свет лился потоком из всех окон недавно построенных из стали и алюминия башен «Золотого треугольника». Казалось, все уборщицы Питтсбурга были на работе...

Гражданские власти и руководители деловых кругов выступили с этой идеей после того, как стало известно, что путь Хрущева из аэропорта будет проходить через вершину холма Маунт Вашингтон, вид с которого отпугивал многих посетителей.

Полагали, что усиленная освещенность в деловом районе может отвлечь его от необычного мрака Южной стороны и промышленных пригородов».

Так готовились к прибытию высокого гостя городские власти.

Чем ближе подходили машины к центру города, тем горячее были приветствия жителей Питтсбурга. Улицы и площади были заполнены народом. У отеля «Карлтонхауз», в котором остановился Н. С. Хрущев, собралась многотысячная толпа. Как только Никита Сергеевич вышел из машины, он сразу же был «атакован» десятками журналистов. Представитель телевизионной компании «Коламбиа Бродкастинг систем» просит высокого гостя ответить на несколько вопросов. Н. С. Хрущев охотно соглашается. В своих ответах он выражает уверенность, что обмен визитами между руководителями СССР и США улучшит отношения между странами, будет содействовать упрочению мира во всем мире.

Время уже далеко за полночь, а многочисленные толпы людей все еще не расходятся, все стоят у здания «Карлтон-хауз». Те, кто видел и слышал Н. С. Хрущева, делятся своими впечатлениями от этой первой встречи.

— Он пожал мне руку, а я пожелала ему счастья,— говорит пожилая женщина.

— Мы — делегация студентов,— слышится молодой голос,— и пришли, чтобы сказать ему спасибо за план разоружения.

Приближалось утро следующего дня, 24 сентября,— последнего дня поездки по Соединенным Штатам Америки.

С утра Питтсбург был залит яркими лучами солнца. Теперь город, который американцы сами называют городом бесконечных контрастов, предстал перед нами во всем своеобразии. Его центр — «Золотой треугольник» с громадами новых небоскребов, большие мосты, перекинутые через сверкающие на солнце воды Аллегени, Мононгахилы и Огайо, его огромные металлургические заводы-гиганты, крутые берега, покрытые лесами, зелень которых была как бы подкрашена яркими осенними тонами, гряды гор на горизонте — все это придавало неповторимую выразительность облику города.

Ранним утром улицы, по которым должны были двигаться машины Н. С. Хрущева и сопровождающих его лиц во время поездки на завод фирмы «Места», снова заполнились горожанами. Многие десятки тысяч рабочих, студентов, учащихся школ с нетерпением и живым интересом ожидали встречи с главой Советского правительства. Они уже не раз видели его по телевидению, не раз слушали его глубокие и яркие, страстные и остроумные выступления, знали многие из пущенных им в ход поговорок, пословиц и крылатых слов.

Питтсбургская «Пост-газет» выступила с редакционной статьей, посвященной визиту Н. С. Хрущева. Обращаясь к своим читателям, газета писала:

«Жители Питтсбурга должны сегодня приветствовать Советского Премьера Никиту С. Хрущева и сопровождающих его лиц с любезностью и солидностью, достойными зрелых и сознающих свою ответственность людей,

с гостеприимством, традиционным для того места, которое мы именуем «воротами на Запад».

Мы рады, что советский лидер и его семья включили Питтсбург в свою поездку. Жаль только, что их визит столь краток, что они не будут иметь возможности в полной мере ощутить динамизм и разнообразие нашего района и духовные качества его жителей...

Со времени своего прибытия в Америку Премьер Хрущев часто подчеркивал необходимость упрочения связей между нашими странами. Он выступает за расширение торговли, усиление потока делегаций, расширение научного сотрудничества. Выступая в Нью-Йорке, он сказал, что сами народы должны рассудить, какая система лучше, какая из них открывает больший простор для развития производительных сил, какая лучше обеспечивает благополучие человека. Как раз такого рода сотрудничество и мирное соревнование американцы приветствуют».

Статья заканчивалась весьма примечательным, разумным выводом: «Постепенно американский и советский народы будут находить между собой больше того, что их объединяет, чем того, что их разделяет... Но это дело более отдаленного будущего. А пока давайте приветствовать эту возможность достигнуть большего взаимопонимания на основе личных контактов. Мы надеемся, что Хрущеву и его спутникам понравится у нас».

А вот и другая форма обращения и к высокому гостю и к жителям города. Это огромный транспарант со словами: «Мы приветствуем усилия Президента Эйзенхауэра и Премьер-Министра Никиты Хрущева в пользу мира». Плакат был помещен на противоположной стороне улицы на здании гостиницы «Шератон» и хорошо виден из окон отеля «Карлтон-хауз».

В многочисленных телеграммах и письмах, непрерывным потоком поступавших на имя Н. С. Хрущева, выражались искренние пожелания успеха в благородном деле укрепления мира. Были среди писем и просьбы о встречах и беседах. Высокого советского гостя приглашали побывать в различных районах Питтсбурга и Пенсильвании, познакомиться с их достопримечательностями. Писали буквально и млад и стар — так велика была популярность Н. С. Хрущева, так быстро завоевал он симпатии у различных слоев американцев. Школьница Гейл

Френсис Ритчи из предместья Питтсбурга писала Никите Сергеевичу:

«Мы живем в местечке Маунт Лебанон, расположенном примерно в десяти милях от гостиницы «Карлтон-хауз» в Питтсбурге. Я учусь в пятом классе. Мы, дети, хотели бы, чтобы Вы приехали сюда к нам и зашли на несколько минут в нашу городскую начальную школу «Маркхэм Грейд Скул». Сегодня вечером мы видели Вас по телевидению на кукурузном поле в штате Айова. Приезжайте, пожалуйста, и поприветствуйте американских девочек и мальчиков, которые учатся в школе штата Пенсильвания. Папа сказал, что пошлет мое письмо Вам по телеграфу.

Искренне Ваша

Гейл Френсис Ритчи».

Другая телеграмма, из города Бивер (штат Пенсильвания) от Джонсона и его супруги Мэри, лаконична и выразительна: «Да благословит Вас бог. Навечно будем жить в мире!»

Как только Н. С. Хрущев вышел из гостиницы, он вновь оказался в густой толпе жителей Питтсбурга, восторженно приветствовавших своего гостя, в окружении неотступно следовавших за ним корреспондентов, кинооператоров, фотографов. Машины устремляются на окраину Питтсбурга, в район Хоумстеда, где расположен крупный машиностроительный завод, принадлежащий компании «Места машинери». Тысячи людей приветствуют Н. С. Хрущева на всем пути от центра города до рабочей окраины. Наверно, среди этих людей немало рабочих — участников забастовки металлургов. Ведь это здесь недавно распределяли среди забастовщиков продовольствие, купленное на деньги, собранные теми, кто работает...

Мы проезжаем мимо умолкших металлургических заводов, расположенных на берегах реки Мононгахила. Необычное и тяжелое зрелище: ни сверкающего огня, ни заводского рабочего гула, ни стремительного движения. Тишина и пустота. Только пикеты бастующих рабочих охраняют эти спящие гиганты, чтобы «короли стали» не могли привести их в движение при помощи штрейкбрехеров. Необычно тихо и на реке Мононгахила. Мы пересекли мост через эту реку. Она свободна от барж. На

другом ее берегу еще один спящий гигант — крупнейшее металлургическое предприятие «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн», растянувшееся на много миль. Та же картина: тишина, безмолвие, бездействие. И так завод за заводом...

СРЕДИ РАБОЧИХ ЧУВСТВУЮ СЕБЯ ХОРОШО!

Но вот мы и у корпусов завода кузнечно-прессового оборудования «Места». Здесь повсюду огромные скопления людей. Н. С. Хрущева встречают хозяева фирмы, его горячо приветствуют сотни рабочих, пришедших сюда из разных цехов и служб.

Вице-президенты компании Ф. Места и У. Пауэлл приглашают Н. С. Хрущева в конференц-зал. От имени правления фирмы, рабочих и служащих предприятия У. Пауэлл приветствует и благодарит главу Советского правительства за то, что он принял приглашение посетить завод. Он рассказывает о предприятии и выпускаемой им продукции — оборудовании для металлургических заводов. Вице-президент компании «Места» говорит, что их завод поставлял оборудование для Советского Союза в довоенные годы, а также в период второй мировой войны, когда Соединенные Штаты Америки и Советский Союз вместе боролись против общего врага. У. Пауэлл, заканчивая свое приветствие, спрашивает у Н. С. Хрущева:

— Нет ли у Вас замечаний?

Никита Сергеевич Хрущев горячо благодарит руководителей фирмы за любезный прием, за добрые слова, сказанные в адрес советского народа, в адрес нашей страны.

— Мог бы сделать одно только замечание,— говорит Н. С. Хрущев, отвечая на вопрос У. Пауэлла,— по поводу того, что американцы, по-видимому, начинают утрачивать некоторые хорошие качества. Раньше, например, они были инициативными, вели широкую торговлю со всеми странами, в том числе и с Советским Союзом. Теперь же некоторые американские промышленники страшатся коммунизма, как черта, и боятся торговать с нами, хотя такая торговля была бы выгодна обеим странам. До войны мы с вами действительно хорошо торговали. Вы можете поехать на наши старые заводы и увидеть там марку своей фирмы на оборудовании. Но на новых заводах Вы

увидите только советское оборудование. Кстати сказать, оно лучше того, которое мы покупали у вас до войны, и это естественно — техника не стоит на месте.

Мы благодарим Вас за оборудование, поставленное вами в нашу страну во время второй мировой войны,— продолжает Н. С. Хрущев.— Советский народ заплатил за эту помощь самой дорогой ценой — кровью своих солдат. Но не будем заниматься подобной бухгалтерией, важно, что народы наших стран вместе сражались с фашизмом и сломали ему шею. Давайте же теперь отдадим свои усилия в борьбе за мир, за укрепление нашей дружбы.

Никита Сергеевич приглашает хозяев завода посетить Советский Союз, посмотреть наши заводы.— Мы ответим вам нашим традиционным гостеприимством за ваше гостеприимство,— говорит он.— Приезжайте, и вы сами увидите, как быстро развивается наша промышленность. Советский народ занят мирным строительством. Нам нужен мир.

Затем хозяева фирмы приглашают Н. С. Хрущева осмотреть предприятие. В механическом цехе, огромный корпус которого находится неподалеку от административного здания, собрались сотни рабочих. Они тепло приветствовали главу Советского правительства. Правда, в первые несколько минут эти приветствия выражались довольно сдержанно. Наличие большого количества полицейских, а также технического персонала, строго наблюдавших за порядком, видимо, влияло на настроение рабочих. Но чем дальше продвигались по цеху Н. С. Хрущев и сопровождавшие его лица, тем теснее смыкались вокруг них быстро растущие группы рабочих. Все хотели быть как можно ближе к Никите Сергеевичу и энергично начали оттеснять неотступно следовавшую за Н. С. Хрущевым группу корреспондентов. Те, в свою очередь, рвались вперед, чтобы быть поближе, чтобы слышать каждый вопрос, каждую реплику. Вот, вот могла возникнуть большая толчея. Выручила предприимчивость журналистов: они достали портативный радиоусилитель, репродуктор которого в несколько раз усиливал голоса беседующих, и теперь почти все могли слышать высказывания Н. С. Хрущева, будучи от него и на значительном расстоянии. Правда, для этого нужно было, чтобы микрофон все время мог улавливать буквально каждое слово

Никиты Сергеевича. И тут на помощь журналистам решил прийти Г. Лодж, который ни на шаг не отставал от Н. С. Хрущева. Он взял в свои руки микрофон и все время держал его, как говорится, в самом эпицентре событий. Корреспонденты с нескрываемым восторгом восприняли этот уважительный жест специального представителя Президента и были, видимо, готовы ответить ему услугой за услугу.

Н. С. Хрущев, Г. Лодж, хозяева фирмы идут по цеху от одного рабочего места к другому; то и дело Н. С. Хрущев обращается к приветствующим его рабочим со словами благодарности, пожеланиями успехов в жизни, с различными вопросами. То тут, то там завязываются краткие беседы. Со всех сторон слышатся слова: «Привет!», «Мир!», «Дружба!», протягиваются десятки рук для дружеского рукопожатия.

— Спасибо Вам,— говорят рабочие.

— Спасибо вам за сердечный прием,— отвечает Никита Сергеевич.

— Доброе утро,— произносит один рабочий по-русски, протягивая Никите Сергеевичу руку.

— Вы русский? — спрашивает Никита Сергеевич, пожимая ему руку.

— Нет, я американец, но во время последней войны я имел счастье встречаться с русскими.

Это говорит рабочий Кан Джекки. Он достал сигару, протягивает Н. С. Хрущеву и просит принять ее в качестве скромного подарка. Никита Сергеевич берет сигару, благодарит и в ответ дарит рабочему свои ручные часы и значок с изображением советской ракеты, достигшей Луны. Кан Джекки горячо благодарит Никиту Сергеевича за этот подарок. Еще мгновение, и он оказывается окруженным товарищами по работе: всем хочется посмотреть советские часы марки «Звезда» и значок с изображением Лунника — памятный подарок главы Советского правительства американскому рабочему.

— На заводе,— заявил позднее представителям печати Кан Джекки,— все подходят ко мне, чтобы посмотреть часы. Я думаю, что сберегу их для моего сына Уильяма, которому 11 лет, а пока буду носить их сам. Я ношу их уже сейчас. Такое бывает только раз в жизни человека. Мне трудно поверить, что это правда!

Гости идут дальше по цеху. Неожиданная остановка. Внимание Н. С. Хрущева привлекла устаревшая ленточная пила.

— Трудно понять, почему вы сохраняете такое старое оборудование. Я видел такое на наших металлургических заводах лет 40 тому назад. Удивляюсь вам. Когда-то вы были смелыми и не боялись заменять устаревшее оборудование. А теперь хотите ехать на этой старой кобыле.

— Это своего рода реликвия,— отвечает Ф. Места. Но его слова вызвали взрыв смеха собравшихся здесь рабочих.

— Смотрите, как бы не прогадать,— с улыбкой заметил Никита Сергеевич,— реликвия у вас останется, а доходов не будет.

Это замечание вызывает оживление среди рабочих.

Ф. Места, видимо, почувствовав некоторую неловкость положения, решил поставить встречный вопрос.

— Скажите, много оборудования у вас выпускают на заводе Уралмаш?

— У нас оборудование выпускают не только на Уралмаше, мы имеем много крупных машиностроительных заводов. В целом, если я не ошибаюсь, мы выпускаем станков в три раза больше, чем Соединенные Штаты Америки. Приезжайте к нам, посмотрите, как мы строим машины. Встретим вас радушно. Особенно рад будет мой внук: он еще ни разу не видел живого капиталиста...

Это шутливое замечание Н. С. Хрущева снова вызывает веселое оживление среди рабочих.

Показывая один из прессов, Ф. Места говорит, что во время войны две такие машины мощностью по десять тысяч тонн были направлены в Советский Союз.

— Мы высокого мнения о вашем производстве,— замечает Н. С. Хрущев.— Но я хотел бы сказать, что на наших заводах изготовлен пресс мощностью 70 тысяч тонн. Это хороший пресс, он работает, мы можем его показать вам.

— На нашем заводе изготовляются прессы мощностью до 50 тысяч,— заявляет Ф. Места.— Это неплохие прессы. Советские инженеры, которые принимали наши прессы мощностью в 10 тысяч тонн, также хорошо отзывались о них.

— Мы всегда были хорошего мнения о вашей продукции,— ответил Н. С. Хрущев.— И сейчас мы готовы торговать с вами.

— Я помню, среди ваших инженеров была одна женщина,— говорит Ф. Места.

— У нас много женщин-инженеров,— отвечает Н. С. Хрущев.

Увидев находящийся в сборке стан для холодного проката стального листа, Н. С. Хрущев сказал:

— Вот хорошее оборудование. Мы готовы купить его. Продадите?

— Шюр (конечно),— несколько смутившись, ответил Ф. Места.

— Шюр, шюр,— шутя замечает Никита Сергеевич,— вот так всегда: на словах согласны, а как до дела доходит, не хотите торговать.

Н. С. Хрущев обращает внимание еще на один станок устаревшей конструкции.

— И зачем вы только такие станки держите? — говорит Никита Сергеевич.— Даже если вы его захотите нам продать, мы его не возьмем. Он так медленно работает, что к нему надо ставить рабочего, который много песен знает, иначе он уснет от скуки.

Во время осмотра цеха Н. С. Хрущев беседует со многими рабочими. Он обращается к хозяевам фирмы:

— У вас много пожилых рабочих. Это, видимо, высококвалифицированные люди. У нас на старых машиностроительных заводах такая же картина. Много пожилых рабочих, у которых, как говорится, золотые руки. А на новых заводах преобладает молодежь, впрочем, она тоже хорошо работает...

На вашем заводе хорошие кадры и инженеров, и рабочих,— говорит далее Никита Сергеевич.— Вы можете делать все, что необходимо для обеспечения технического прогресса в производстве.

— Да, у нас большой инженерный отдел,— заявляет Ф. Места. Потом он в ходе беседы говорит:

— Если наши отношения наладятся и если мир укрепится, мы сможем, я думаю, снова развить торговлю с вашей страной.

— Вы, наверное, уже знакомы с предложениями, которые мы внесли на рассмотрение Организации Объединенных Наций, по всеобщему и полному разоружению? —

говорит Н. С. Хрущев.— Давайте обсудим их и примем решение о разоружении! Нам нужен только мир.

— И здесь все хотят мира,— ответил Ф. Места.

— Я верю,— говорит Н. С. Хрущев.— Все разумные люди войны не хотят.

В литейном отделе Никита Сергеевич, беседуя с группой рабочих, сказал:

— Не знаю, как здесь у вас, а вот у нас в Донбассе, когда я там работал, было принято среди рабочих дружески поддразнивать друг друга. Так вот, литейщиков, поскольку им приходится иметь дело с землей, у нас тогда называли жуками. Я и хочу вас поприветствовать словами: «Здравствуйте, жуки!»

Рабочие рассмеялись, приветственно кивая головами, послышались голоса рабочих на английском и русском языках:

— Хорошо!

— Привет!

— Дружба!

— Как поживаешь?

— Мир!

— Спасибо вам за дружескую встречу,— отвечает на приветствия Никита Сергеевич.— Я очень рад, что побывал на вашем заводе. Приезжайте к нам, мы покажем вам свои заводы.

Перед тем, как покинуть цех, Н. С. Хрущев осматривает автоматы, отпускающие кофе и прохладительные напитки. Его угощают стаканчиком кока-кола. Подняв бумажный стаканчик, Н. С. Хрущев провозгласил тост за мир во всем мире.

Один из американских корреспондентов, стоявший рядом, спросил:

— Нравится Вам кока-кола?

— Нет, слишком сладкий напиток.

— Вы предпочитаете водку? — вновь задал вопрос навязчивый корреспондент.

— Вы думаете, что русские только и делают, что пьют водку. Если бы мы так поступали, то не обогнали бы вас по производству и запуску ракет! — с усмешкой ответил Никита Сергеевич.

Незадачливый корреспондент поспешил ретироваться: уж очень громко смеялись над ним рабочие.

У цеховых ворот Н. С. Хрущеву был прегражден путь огромной толпой рабочих. В первом ряду стоял коренастый старый рабочий в засаленной спецовке и поношенной кепке. Он с большим интересом следил за каждым шагом главы Советского правительства, внимательно прислушивался к его словам. Никита Сергеевич подошел к этому рабочему.

— Приветствуем Вас! — сказал рабочий на русском языке.

— Привет Вам,— ответил Никита Сергеевич.— Вы русский?

— Нет, я из Белоруссии, из-под Минска.

— Минск теперь очень большой и красивый город. Вы бы, наверное, его не узнали.

Рабочий Дмитрий Заступневич сказал Никите Сергеевичу, что он приехал с родителями в Америку в 1913 году.

— В те годы многие украинцы и белорусы уезжали в Америку, в царской России жилось плохо,— заметил Н. С. Хрущев.— Когда я работал в Донбассе, у меня был один приятель — белорус. Он рассказывал мне, что его друг из Барановичей тоже уехал за океан и поступил работать кузнецом на какой-то завод в Филадельфии. Мой приятель пробовал его потом разыскать, но никаких следов не нашел.

— Я здесь работаю 42 года,— говорит Д. Заступневич.

Никита Сергеевич желает ему успехов и счастья. Потом он берет под руку А. Громыко и вновь подходит к Дмитрию Заступневичу.

— Вот, знакомьтесь! Андрей Андреевич Громыко тоже белорус, ваш земляк, он родился недалеко от Гомеля,— говорит Никита Сергеевич.— Теперь он — министр иностранных дел Советского Союза.

А. А. Громыко и Д. Заступневич тепло приветствуют друг друга, говорят о родных белорусских местах.

Н. С. Хрущева просят поделиться впечатлениями о заводе, о Питтсбурге.

— Среди хорошего народа, среди рабочих я чувствую себя хорошо,— отвечает Никита Сергеевич.— Еще раз благодарю вас за эту теплую встречу.

Рабочие просят Н. С. Хрущева сфотографироваться

с ними на память об этой замечательной встрече. Никита Сергеевич охотно исполняет их просьбу.

Тепло распрощавшись с рабочими завода и хозяевами фирмы, Н. С. Хрущев, провожаемый сердечными приветствиями и дружными аплодисментами, направился снова в центр города.

Встреча на заводе «Места» взволновала рабочих завода и произвела на них глубокое впечатление. В отчетах об этой встрече американские газеты отмечали ее необычайную теплоту.

«Большая часть рабочих и служащих завода «Места»,— писала газета «Нью-Йорк геральд трибюн»,— прекратила работу. Рабочие заполнили все проходы на пути следования г-на Хрущева. Им понравилась проявляемая советским лидером в разговорах смесь твердости в вопросах политических позиций со свободной беседой».

Газета «Уолл-стрит джорнэл» отмечала: «Официальные представители завода сообщили, что Премьер задавал самые разнообразные вопросы, проявляя глубокие знания в области промышленной технологии, как новой, так и старой».

А улицы Питтсбурга весь этот день были заполнены шумным, радостным народом. В середине дня, когда Н. С. Хрущев возвращался с завода «Места», в центре города, казалось, уже все жители города вышли из домов. Люди стояли сплошной стеной на всем пути следования машин. По тому, как нарастали аплодисменты, приветственный гул, можно было определить, где движутся машины с советскими гостями.

Видный французский публицист Пьер Куртад, в качестве специального корреспондента газеты «Юманите» совершивший вместе со всеми «спутниками» Н. С. Хрущева поездку по Соединенным Штатам Америки, так озаглавил свой репортаж об этом дне: «Взрывы аплодисментов в Питтсбурге в честь Хрущева». Он писал:

«Хрущеву потребовались бы целые часы, чтобы пожать руки, которые к нему протягивали люди, стоявшие на машинах и встретившие аплодисментами жест одного из своих товарищей, который, взяв стальной молоток и металлическую деталь в форме серпа, поднял их над головами, как герб Советского Союза. Правда заключается в том, что подобная сцена была бы совершенно невероятна несколько недель назад, до того как эта поездка

разорвала паутнну «холодной войны» между США и Советским Союзом.

Был очень волнующим оказанный советской делегацин прием, который постепенно, изо дня в день, от города к городу становился все более горячим...

Пропаганда «холодной войны» получила в этой стране такой удар, от которого она уже не оправнтся... Этот факт будет нметь значительные последствня для дальнейшего развнтия советско-американскнх отношений».

Пьер Куртад сообщал и о другом, также весьма знаменательном эпизоде. Программой пребывания Н. С. Хрущева в середине дня был предусмотрен завтрак в Пнттсбургском университете, встреча с представителямн властей штата Пенсильвания, города Питтсбурга, деловых кругов и интеллнгенции. Весь многотысячный коллектив студентов деятельно готовился к этой встрече. «В это утро,— пишет Куртад,— студенты торжественно вывесили советский флаг, который называют здесь «Серп и молот», рядом со звездным американским флагом. В это время Маккарти должен был бы перевернуться в своей могнле».

С каждым часом пребывання в Питтсбурге все полнее раскрывалось гостеприимство жнтелей этого индустриального центра Амернки, с нсключительной теплотой и радушнем встречавших главу Советского правительства. Еще вчера некоторые официальные представители предостерегали, а некоторые органы амернканской печати откровенно заявляли, что в Питтсбурге могут быть разного рода «неожиданности» и «неприятности». Сообщалось, что сюда движутся десятки специальных автобусов с перемещенными лицами нз различных европейских стран, готовымн на любые провокационные вылазки. Некоторые реакционные элементы, видимо, хотели в последний день поездки по стране главы Советского правительства сделать все, чтобы ослабить впечатление от его исторического визита и осложнить беседы Н. С. Хрущева и Д. Эйзенхауэра. Так думали реакционеры, но совсем иначе думали и поступали рядовые американцы, жители Питтсбурга.

Реакция готовнлась организовать в Питтсбурге демонстрацню неприязни в отношении к СССР. А жители Питтсбурга устронли теплую н дружественную встречу главе Советского правительства, выразив тем самым свое

«Здорово, очень здорово проходит Ваша поездка, Никита Сергеевич»,— говорит М. А. Шолохов.

В Сан-Франциско, в порту, грузчик Дейв Аэриан подарил Н. С. Хрущеву кепку. Никита Сергеевич в свою очередь преподнес ему свою шляпу. Приподняв кепку грузчика,

Никита Сергеевич обратился к докерам, портовым рабочим: «Желаю вам полного счастья!»

Каждый час пребывания Никиты Сергеевича в городах был расписаи. Приемы, обеды, завтраки. Ему редко приходилось видеть простых америкаицев. Зато когда Н. С. Хрущев был в дороге, тысячи людей выходили ему иавстречу. И маленькие плакатики, и лица людей, что вы видите иа двух сиимках слева, говорят о миогом. На снимке справа: Н. С. Хрущев приветствует встречающих его америкаицев.

Чтобы видеть главу Советского правительства и других советских гостей, американцы шли на отчаянные действия. То приходилось «осаждать» здание гаража, как иа сиимке слева, то «штурмовать» заборы.

Автор этих теплых слов, иаписаииых иа плакате при въезде в Де-Мойн,— г-жа Локнер. Она победила в специальном конкурсе иа лучшее приветствие советскому гостю.

«Здравствуйте, Премьер Хрущев! Ничего, что приходится протискивать руку через щелку в окне. Наши рукопожатия не станут от этого менее дружественными».

Г-н Гарст — известный специалист по кукурузе, никак не ожидал, что армада журналистов помешает ему показать свое хозяйство Н. С. Хрущеву. При виде приближающихся журналистов он остановился и сурово нахмурил брови. Но вид его, очевидно, не испугал американских корреспондентов. Тогда в ход пошел корень кукурузы. «Будь они прокляты»,— рассмеялся Гарст и, не успев бросить в журналистов корень, сам свалился в яму.

Никогда в Питтсбурге, в этом городе — стальном сердце Америки, не собиралось такого огромного числа людей, как

на этот раз, когда машины с советскими гостями остановились у гостиницы.

На заводе «Места» Никита Сергеевич то и дело завязывал дружеские беседы с рабочими. Один из них — Каи Джекки подарил Н. С. Хрущеву сигару. «А Вам в подарок — советские часы»,— ответил Никита Сергеевич. На центральном снимке: Н. С. Хрущев пожимает руку рабочему Дмитрию Заступиевичу — белорусу по происхождению, живущему в США 46 лет.

«Минск теперь очень большой и красивый город. Вы бы, наверное, его не узнали»,— говорит Н. С. Хрущев.

По традиции, перед тем как удалиться на совещание в один из домиков Кэмп-Дэвида, Президент Д. Эйзенхауэр и Н. С. Хрущев сфотографировались.

стремление укрепить мир, улучшить отношения с народами великого Советского Союза.

Воля миролюбивых людей взяла верх. Реакция была вынуждена отступить. Тысячи людей, вышедших на улицы Питтсбурга, сейчас открыто выражали думы и чаяния миллионов простых людей Америки.

Нет, вовсе не о неприязни в отношении к советскому народу говорили улыбки на лицах многих тысяч жителей Питтсбурга, обращенных сейчас к их высокому гостю. В момент осмотра центра Питтсбурга и его строек десятки тысяч людей встречали Н. С. Хрущева горячими аплодисментами и приветственными возгласами. Люди высоко поднимали плакаты, на которых было написано: «Привет!», «Будем вместе строить мир!», «Добро пожаловать!», «Желаем успеха!» Люди заполнили улицы и площади, они стояли в окнах домов, на балконах и даже на крышах. У школьных зданий толпились дети вместе с учителями — в тот день школы города прекратили занятия, чтобы дать возможность всем учащимся принять участие во встрече главы правительства Советского Союза. Голоса школьников, выкрикивавших слова привета Н. С. Хрущеву, долго звенели над улицами Питтсбурга, по которым проходили машины с советскими гостями.

Когда после поездки по городу машины приближались к гостинице «Карлтон-хауз», полиции уже с трудом удавалось сохранять узенький коридор, по которому можно было проехать к главному подъезду. Появление Н. С. Хрущева вызвало здесь такие бурные приветствия, каких мы не видели в других городах, хотя у всех нас в памяти были горячие встречи и в Сан-Франциско, и в штате Айова.

Памятен и такой эпизод. Осталось всего несколько минут до отъезда из гостиницы в городок Питтсбургского университета, откуда после встречи с представителями властей, деловых кругов и общественности штата и города советские гости должны были выехать прямо на аэродром, чтобы к концу дня быть в Вашингтоне. Многие тысячи людей, окружившие гостиницу «Карлтон-хауз», с огромным вниманием следят за последними приготовлениями к отъезду, каждому хочется еще раз увидеть главу Советского правительства перед его

отъездом. И вдруг мы, находясь в этом море людей, слышим взрыв аплодисментов.

Взоры всех людей обращены вверх. Мы также смотрим туда и видим Н. С. Хрущева — он подошел к окну и горячо приветствует жителей Питтсбурга, и каждый его жест вызывает ответные аплодисменты и дружеские возгласы.

Еще через несколько минут, когда машина, на которой следует Н. С. Хрущев, начинает свое движение среди десятков тысяч людей, вновь слышатся приветственные рукоплескания.

А в другом районе города, у Питтсбургского университета, где ждали главу Советского правительства, с раннего утра также царило необычайное оживление. По американской традиции в университетах устраиваются встречи в честь наиболее выдающихся иностранных гостей. Университет — это старейшее и самое крупное учебное заведение Питтсбурга. В его истории немало знаменательных событий и интересных встреч. Но сегодняшний день — особый, такого еще не знала история университета. «Питтсбург пост газетт» писала, что все 7600 студентов университета решили выйти на улицу, чтобы встретить высокого советского гостя. Студенты выпустили специальный номер своей газеты в связи с предстоящим событием, пытаясь осмыслить его значение для университета, для Питтсбурга, для Америки. На первой полосе по-русски было напечатано: «Добро пожаловать, председатель Хрущев!»

Рано утром студенты собрались в «русской комнате» университета, которая является предметом их гордости: она построена в виде терема XVIII века, и здесь все русское — и мебель, и скатерть, и даже тяжелая медная пепельница на столе. Здесь, в этой комнате, обычно проходят уроки русского языка.

Визит Н. С. Хрущева, его выступления и речи взволновали миллионы американцев, но особенно глубокий отклик получили они у молодежи. Любопытно, что в своих дискуссиях молодые люди часто использовали в качестве аргументов яркие, образные мысли и фразы, которые они впервые услышали из его уст.

Разговор зашел о плане всеобщего и полного разоружения, провозглашенном Н. С. Хрущевым с трибуны Организации Объединенных Наций.

— СССР и США слишком сильны, чтобы ссориться,— горячо говорили студенты,— разоружение необходимо.

— А как быть с контролем?

— Русские отказываются от контроля!

— Чепуха! Я сам слышал выступление Председателя Хрущева по телевидению, и он говорил о контроле...

Разгорелся спор. Решено было найти полный текст выступления Н. С. Хрущева в ООН и проверить, кто прав. Вскоре один из студентов разыскал номер газеты с полным текстом выступления Н. С. Хрущева. Тут же были зачитаны слова, в которых ясно говорилось о необходимости всеобъемлющего и действенного контроля.

Между тем, площадь и улицы, прилегающие к университету, начали заполняться народом. К 11 часам утра прибыли отряды полицейских.

Люди стояли по 10—12 человек в ряд в течение нескольких часов, только для того чтобы увидеть главу Советского правительства. Когда к университету подъезжали машины, в воздухе стоял знакомый гул приветствий. Со всех концов слышались возгласы: «Добро пожаловать, Председатель Хрущев!», «О'кей, Никита!» и другие теплые слова. Всюду раздавались аплодисменты.

С ПОЗИЦИИ РАЗУМА, А НЕ С ПОЗИЦИИ СИЛЫ!

Наступил час встречи в Питтсбургском университете, к которой готовились не только университет и власти штата и города. Сегодня завершалась поездка главы Советского правительства по Соединенным Штатам, и миллионы американцев хотели поскорее узнать, что скажет Н. С. Хрущев в своем последнем выступлении перед началом переговоров с Президентом Д. Эйзенхауэром.

Здание университета окружено многими тысячами людей. Губернатор штата Пенсильвания Дэвид Лоуренс, мэр города Питтсбурга Томас Галлахер и президент Питтсбургского университета Эдвард Литчфилд — устроители завтрака в честь главы Советского правительства — тепло встречают Н. С. Хрущева.

Большой зал Питтсбургского университета выглядит торжественно. Он переполнен именитыми людьми штата и города, которые ведут оживленные беседы в ожидании

прихода гостя. Здесь — крупнейшие представители деловых кругов, ученые, деятели культуры, видные журналисты, служители церкви. В городе первую скрипку играют, конечно, присутствующие в зале представители стальных корпораций. Рядом с владельцами промышленных предприятий — хозяева банков. Среди присутствующих генерал Мэтьюс Риджуэй, бывший командующий американскими войсками в Корее, действовавшими под флагом ООН. Сегодня он в штатском. Ныне этот генерал занимает пост председателя опекунского совета института Меллона. Примечательный факт — воинственный генерал под крылышком миллиардера Меллона, владеющего более чем половиной всех банковских активов Питтсбурга. А за соседним столиком — редактор местной газеты и его жена, тоже журналистка. Она рассказывает, что в годы второй мировой войны была военным корреспондентом в частях американской армии. Самым ярким событием она считает встречу американских и советских воинов на Эльбе, когда они, разгромив гитлеровскую армию, вместе праздновали победу. Эта журналистка говорит, что она бережно хранит красные звездочки, врученные ей советскими офицерами и солдатами в те исторические дни. Вот какие бывают иногда соседи на подобных приемах в Америке! Всего на завтраке в Питтсбургском университете присутствовало около пятисот человек.

Собравшиеся горячо приветствуют Н. С. Хрущева, когда он появляется за столом почетных гостей, возвышающимся справа. Затем наступает минута торжественной тишины. Священник Г. Шарф произносит молитву. Советские гости — атеисты, но и они с большим вниманием слушают священника: он говорит об улучшении отношений между странами, о мире между народами.

С приветственными речами выступают председательствующий на завтраке президент Питтсбургского университета Эдвард Литчфилд, губернатор штата Дэвид Лоуренс и специальный представитель Президента США Генри Лодж.

— Мне, как губернатору штата Пенсильвания,— сказал Дэвид Лоуренс,— естественно, очень приятно, что из всей нашей огромной страны наш штат и мой родной город Питтсбург были выбраны как один из районов Америки, необходимых для полного понимания нашей

страны. Я имею в виду то понимание, которым, как мы все надеемся, проникнется Председатель Хрущев в результате его поездки по Соединенным Штатам.

Губернатор говорит об истории штата и города, об их роли в борьбе за независимость, в создании и развитии Соединенных Штатов, о важном значении Питтсбурга в укреплении индустриальной мощи страны.— Мы уважаем великие достижения других,— заявляет он.— Мы не боимся мирного соревнования... мы больше всего хотели бы мира, освобожденного от подозрений и от страшной угрозы ядерной войны.

Характеризуя политическое положение в стране, оратор отмечает, что, несмотря на наличие в США двух партий, «в любом серьезном кризисе в наших внешних отношениях мы сразу же, как один, поддерживаем нашего Президента». «В своих переговорах с государственными деятелями мира Президент Эйзенхауэр говорит от имени единой страны. Америка с доверием пойдет за ним».

Специальный представитель Президента Генри К. Лодж начал свое выступление,— а это было его последнее выступление, поскольку путешествие по стране сегодня завершалось,— с некоторого обобщения впечатлений о поездке Н. С. Хрущева по Соединенным Штатам. Он говорил:

— Наша десятидневная поездка по Америке близится к концу. Сегодня вечером мы сопровождаем Председателя Хрущева в Вашингтон, чтобы он и Президент смогли побеседовать. Все американцы придают большое значение этим беседам глав двух могущественных государств мира. Мы надеемся, что эта поездка интересна для Вас, Председатель Хрущев, и для членов Вашей делегации так же, как она памятна, и я могу сказать поучительна, для нас, сопровождающих Вас. Вы наш уважаемый и желанный гость.

И Лодж сказал весьма многозначительную фразу:

— Свои лучшие надежды на справедливый и прочный мир мы связываем с Вами.

Упоминая о городах страны, с которыми знакомился Н. С. Хрущев во время поездки по США, Лодж особо сказал о Питтсбурге как городе, известном «производством стальных жил нашей промышленной силы». Он говорил о достижениях металлургической промышленности,

но осторожно обошел молчанием тот факт, что сейчас она уже третий месяц бездействует в результате забастовки сталелитейщиков всей страны. В крупнейшем центре забастовки он уже не рискнул повторять свои слова об «экономическом гуманизме», о том, что в США нет «баронов-грабителей» и что здесь все проявляют заботу о благосостоянии рядовых граждан.

С явным нетерпением ждали участники этой встречи выступления главы Советского правительства. Н. С. Хрущев, завоевавший своими выступлениями симпатии миллионов американцев, и сегодня начал свою речь с обращения к собравшимся, которое покоряло своей искренностью, человечностью, чувством большого уважения к американскому народу.

— Мне приятно встретиться с вами,— сказал Н. С. Хрущев.— Может быть, потому, что ваш город — город большой индустрии живо напомнил мне далекое прошлое — мое детство и юность, работу в Донбассе. Может быть, потому, что я вообще люблю встречаться с людьми дела, но скорее всего мне доставляет удовольствие встретиться с вами и по той и по другой причине.

— Впечатление о Питтсбурге и его жителях у нас осталось замечательное,— подчеркивает Никита Сергеевич.

Зная, как интересует американцев развитие советской экономики, Н. С. Хрущев подробно рассказывает о росте тяжелой индустрии, в частности металлургической промышленности, всей экономики Советского Союза, о великом семилетием плане, о перспективах мирного соревнования СССР и США на экономическом поприще и о значении этого для дела мира.

— Ваша страна достигла высокого уровня промышленного развития,— говорит Никита Сергеевич.— Бурное развитие промышленности в Соединенных Штатах Америки поразило весь мир, вызвало восхищение и даже зависть в других странах. У вас не было прежде достойного партнера по темпам развития и мощи. Теперь он есть в лице Советского Союза...

Сейчас мы уже кое в чем догоняем вашу страну. Если говорить образно, у нас идет с вами перекличка свистками. Наш свисток вы слышите все громче и ближе. С каждым годом он будет слышнее. И недалек тот день, когда мы с вами поравняемся на одной и той же станции,

поприветствуем вас и двинемся дальше. Но впереди будем уже мы, а не вы. Не мы будем следовать за вами, а вы за нами.

Н. С. Хрущев в доходчивой форме убедительно разъясняет американским слушателям, почему лозунг «Догнать и перегнать Соединенные Штаты», ставший популярным в нашей стране, не таит никакой «угрозы» для американского народа. Он говорит о том, что от этого мирного соревнования, направленного на улучшение жизни людей, выигрывают и советский и американский народы, все народы мира. Это будет великий вклад в дело упрочения мира на земле. Жить в мире и дружбе, перековать мечи на орала — вот истинные устремления миролюбивых советских людей, всех, кому дорого дело мира. Самый верный путь избежать угрозы ядерной войны — это уничтожение средств ведения войны, прекращение гонки вооружений. Советский Союз предлагает объявить вне закона «холодную войну» повсюду и навсегда.

Со всей прямотой и откровенностью Никита Сергеевич говорит о том, что есть еще люди, которые заинтересованы как раз в обратном. В этом заинтересованы те, кто наживается на гонке вооружений; они боятся, что прекращение военных заказов и переход на мирные рельсы лишит их прибылей, будет беспрерывно лихорадить промышленность.

— Но такие настроения — только от недальновидности,— замечает Н. С. Хрущев.— Такие люди живут по принципу не глядеть дальше своего носа. В самом деле, если дело дойдет до применения того оружия, которое ныне изготовляется, то в огне войны могут сгореть не только прибыли, накопленные на производстве вооружений, но и весьма многие из их владельцев.

Многие из слушателей настораживаются: уж не вмешательство ли это? Словно почувствовав такое настроение своих слушателей, Никита Сергеевич сразу же дает ответ:

— Прошу понять меня правильно. Я никого не хочу упрекать, а стараюсь лишь подчеркнуть ту мысль, что и богатством можно пользоваться только тогда, когда оно не превращается в угли и пепел.

Этот трезвый взгляд на мир, эта неотразимая логика аргументов заставляют серьезно задуматься каждого, кто способен реально мыслить.

— Подумайте только,— обращается Н. С. Хрущев к своим собеседникам, ко всем американцам,— как выглядели бы международные отношения, если бы США — самая мощная крупная страна капиталистического мира — и СССР — самая крупная и мощная среди стран социализма — установили бы между собой хорошие отношения, а тем более отношения сотрудничества, которые, как мы хотели бы, переросли в дружбу.

Какая ясная и поистине захватывающая перспектива: жить в мире и дружбе, содействовать обеспечению мира на земле для всех народов!

— Мы должны хорошо понять друг друга,— продолжает Никита Сергеевич.— Мы не просим мира, а только считаем, что не война, а мир является естественным состоянием человечества.

Проискам сторонников «холодной войны» в дни визита наносились сокрушительные удары. Вот и сегодня в своем выступлении перед началом бесед с Президентом Эйзенхауэром Никита Сергеевич нанес неотразимый удар по тем, кто хотел затруднить и сорвать эти переговоры, пустив в ход измышление о том, будто Хрущев «собирается делить мир с Эйзенхауэром».

— Должен заявить, что такие толки совершенно беспочвенны и вздорны,— сказал Н. С. Хрущев.— Люди, которые так рассуждают, смотрят на все события, как разбойники. Они мыслят по-своему: раз силен, захватывай все, что можешь! Но мы люди совсем иной морали. Наша сила служит лишь благу нашего народа и других народов. Мы свою силу используем для обеспечения мира и всеобщей безопасности. Никаким другим целям она не служит.

Все новые и новые аргументы в обоснование идеи мирного сосуществования и мирного соревнования приводит в своем выступлении глава Советского правительства. Разные взгляды на общественный строй не должны мешать сотрудничеству.

— Вам нравится капитализм,— говорит, обращаясь к присутствующим Н. С. Хрущев,— ну что же, бог с вами, живите при капитализме, продолжайте ехать на своем старом коне. А мы на новом, свежем, социалистическом коне, и нам будет легче догнать и перегнать вас. Но это вопрос экономического соревнования двух систем. Если мы станем на путь мирного соревнования, то от этого

выиграют все народы, так как между государствами не будет войн, не будет литься кровь людей.

И снова в зале раздаются горячие аплодисменты, одобряющие этот вывод.

Выступавший в начале встречи губернатор штата Пенсильвания Дэвид Лоуренс закончил свое выступление заявлением о том, что американский народ един в поддержке политики правительства, что республиканская и демократическая партии США проявляют полное единство в защите и поддержке своего строя, что они поддерживают Президента и внешнюю политику, которую он проводит.

Все участники встречи и огромная аудитория, следившая за встречей в Питтсбурге по радио и телевидению, с напряженным вниманием слушали ответ Н. С. Хрущева на заявление губернатора.

Обращаясь к Дэвиду Лоуренсу, Никита Сергеевич говорит:

— Я хочу сказать, как можно, по моему мнению, толковать эту речь. Один смысл может быть таков: слушай, Хрущев, смотри! *(Смех в зале.)* У нас две партии, но мы едины.

А какая разница между вашими партиями, бог знает, разбираетесь ли вы в этом, не знаю, но я в этом не очень разбираюсь. *(Смех в зале. Аплодисменты.)* Если точнее сказать, я не вижу разницы между ними. Но в речи господина губернатора может быть и такой намек: завтра ты, Хрущев, будешь разговаривать с нашим Президентом. Мы подаем свой голос нашему Президенту — будь тверд, стой крепко, мы поддерживаем тебя.

Теперь все ждали, что же скажет глава Советского правительства по поводу призыва к Президенту «быть твердым» в предстоящих переговорах? Ответ был точным и предельно ясным.

— На это могу сказать вам следующее,— заявил Н. С. Хрущев,— спросите вашего посла г-на Томпсона и его супругу. Г-н Томпсон несколько лет представляет вашу страну в Москве, и, если я скажу неправду, пусть он меня поправит. Наш советский народ един, он сплочен вокруг своей Коммунистической партии, поддерживает свою родную партию, которую он считает лучшей партией в мире. Наша одна Коммунистическая партия лучше двух ваших.

Эти слова, сказанные с чувством гордости за наш народ, за ленинскую партию, вызывают оживление в зале.

— Наш народ поддерживает свое Советское правительство,— говорит Н. С. Хрущев.— Когда я ехал в США, мне многие говорили так, как вы говорите вашему Президенту: товарищ Хрущев, поезжай в Америку, добивайся мира и дружбы с американским народом и с американским правительством, но стой крепко. *(Веселое оживление в зале.)*

Где же выход, что надо сделать для того, чтобы предстоящие переговоры, которых с таким нетерпением ждал весь мир, были плодотворными для дела мира?

Глава Советского правительства с присущей ему откровенностью излагает свои взгляды и по этому вопросу. Он говорит:

— Если так упрощенно будем подходить к делу, займем непримиримые позиции — я свою, а Президент США свою,— то у нас завтра не будет делового разговора. Это были бы не переговоры для отыскания разумных решений, а было бы одно упорство, которое, образно говоря, напоминало бы упорство двух быков: у кого крепче ноги, у кого крепче лоб, у кого длиннее рога, кто кого быстрее проткнет рогами.

Однако, как указал Н. С. Хрущев, подобная позиция не даст выхода из создавшегося положения, что не этого состязания в упорстве и силе ждут сейчас народы Советского Союза и Соединенных Штатов Америки, все миролюбивые народы.

— Поэтому давайте посоревнуемся в том, чтобы решать спорные вопросы не силой, а разумом. Этого ждут от нас все народы,— сделал Н. С. Хрущев обобщающий вывод, встреченный горячими аплодисментами.

Решать назревшие международные вопросы не с позиции силы, а с позиции разума! Эти слова, обращенные к американскому народу, правительству США накануне переговоров, вызывали живой отклик миллионов людей, которым осточертела «холодная война» и гонка вооружений. Эти слова открывали ясные перспективы, вселяли в сердца людей великие надежды на укрепление мира во всем мире.

Не раз американские слушатели высказывали свое восхищение тем, как выступает Н. С. Хрущев. В газете

«Питтсбург пресс» вскоре после этой встречи Дж. В. Фост, делясь впечатлениями о Н. С. Хрущеве, писал: «У Хрущева блестящий ум, он много читал, он, бесспорно, обладает мужеством и огромной энергией. Он выдающийся мастер экспромта».

Речь Н. С. Хрущева слушали не только те, кто находился в большом зале университета,— ее транслировали по радио и телевидению. Машины с радиоприемниками, скопившиеся в районе университета, были окружены множеством людей, жадно ловивших каждое слово. В автобусах с радиоприемниками в то время, когда выступал Н. С. Хрущев, царила тишина. «Счастливчиками» называли тех, кто пришел к университету с портативными приемниками. Возгласы одобрения раздавались не только в зале, где происходила встреча, но и во многих очень отдаленных от этого зала местах, где самые различные люди с большим вниманием слушали речь.

В течение трех часов тысячи людей, собравшихся у Питтсбургского университета, не расходились, ожидая, что им удастся еще раз увидеть главу Советского правительства. Им хотелось выразить Н. С. Хрущеву признательность за все, что он сделал и делает, чтобы Советский Союз и Соединенные Штаты стали ближе, чтобы они лучше поняли друг друга, укрепили таким образом взаимное доверие и направили свои усилия в борьбе за упрочение мира и для себя, и для всех народов.

Проводы Н. С. Хрущева из Питтсбурга были еще более теплыми и сердечными, чем вчерашняя встреча. За короткое время пребывания в этом городе глава Советского правительства своими беседами с рабочими, встречами со многими тысячами жителей города на его улицах и площадях и только что произнесенной яркой речью в Питтсбургском университете завоевал еще большие симпатии самых широких слоев населения. Многие десятки тысяч людей, провожая высокого советского гостя, от души желали ему успешного завершения исторического визита.

В 16 часов 30 минут по местному времени Н. С. Хрущев и сопровождающие его лица на специальных самолетах вылетели в Вашингтон. Внизу проплывала панорама города, залитого в этот час яркими лучами солнца. И снова мы видели корпуса металлургических гигантов, замерших в бездействии. Индустриальное сердце Аме-

рики как бы застыло; схватка полумиллионной армии бастующих металлургов с «королями стали» продолжалась. Рабочие проявили организованность и стойкость в борьбе за свои жизненные интересы. Только через полтора месяца после возвращения из США мы узнали о том, что 116-дневная забастовка была прекращена по решению Верховного суда США, обязавшего всех рабочих-металлургов в принудительном порядке приступить к работе. Мы узнали также, что за время забастовки потери в заработной плате рабочих-металлургов и работников других отраслей, зависящих от поставок стали, составили свыше миллиарда 130 миллионов долларов. Надо представить себе, как это отразилось на жизни рабочих! Эта черта американского образа жизни, определяющая жизнь большого индустриального города, убедительно опровергает утверждения тех, кто пытается монополистический капитализм перекрасить в «народный капитализм» или даже в «экономический гуманизм».

Вся американская печать в отчетах о пребывании Н. С. Хрущева в Питтсбурге отмечала исключительно теплый прием главы Советского правительства в этом городе, говорила об энтузиазме населения. Газета «Нью-Йорк таймс» в корреспонденции «Прием в Питтсбурге — самый теплый на всем протяжении поездки» писала:

«Питтсбургу понравился Премьер Хрущев, а господину Хрущеву понравился Питтсбург. Советскому лидеру был оказан самый теплый прием на всем протяжении его поездки по Америке, и сегодня в деловом квартале Питтсбурга собрались колоссальные толпы людей, чтобы приветствовать его. В полдень люди наводнили улицы «Золотого треугольника», чтобы увидеть господина Хрущева в то время, как вереница автомашин проезжала по этому району. Сияющий и приветствующий толпу советский Премьер, который занимал место на заднем сиденье белой открытой автомашины, вызвал самое большое скопление народа за всю историю города».

Та же газета отмечала теплоту встреч с рабочими на заводе «Места»: «На заводе господин Хрущев явно чувствовал себя как дома. Он сказал, что это напоминает ему его молодость, когда он был рабочим, и показал, что он знаком с машинным оборудованием. Он отозвался с высокой похвалой о некоторых технических процессах, но критиковал кое-какие машины. Как указали предста-

вители администрации предприятия, все замечания господина Хрущева были восприняты хорошо».

Газета «Балтимор сан», описывая пребывание Н. С. Хрущева в Питтсбурге, отмечала: «Это было больше, чем вежливая встреча, это был открытый энтузиазм».

Телеграммы и письма, поступившие на имя Н. С. Хрущева из Питтсбурга и штата Пенсильвания, отражали глубокое впечатление от этого визита. Авторы телеграмм и писем приветствовали визит главы Советского правительства, горячо одобряли его неутомимую борьбу за мир и дружбу между народами.

Так думали многие американцы, жаждущие прочного мира и улучшения отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки — этими двумя великими державами, которые несут особую ответственность за сохранение и упрочение мира. Они возлагали большие надежды на предстоявшие в Кэмп-Дэвиде беседы главы Советского правительства Н. С. Хрущева и Президента США Д. Эйзенхауэра.

Впереди — снова Вашингтон. Последние, и самые важные, дни пребывания в США.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ВРЕМЯ БОЛЬШИХ ОЖИДАНИЙ

СНОВА В ВАШИНГТОНЕ

В Вашингтон Н. С. Хрущев вернулся под вечер 24 сентября. Стояла жаркая влажная погода. Воздух казался плотным, как вата. Люди, вышедшие на улицы, чтобы снова встретить главу Советского правительства, то и дело вытирали лица мокрыми платками. Ни дуновения ветерка, ни капли освежающего дождя. В воздухе как бы разлито томительное ожидание осенней поры, способной освежить атмосферу.

На аэродроме никаких церемоний: ведь это неофициальный приезд. Только журналисты и фотографы, как обычно, толпились на высоких подмостках, похожих на строительные леса, охотясь за удачным кадром, за хлесткой деталью. Когда Н. С. Хрущев и сопровождающие его лица спустились с самолета на землю, несколько наиболее расторопных репортеров прорвались к Г. Лоджу.

— Ну как?

Лодж развел руками и ответил вполголоса:

— Он говорит, что не устал, и он определенно выглядит свежим. Он находится в хорошем настроении.

Репортеры помчались к телефонным будкам.

А Никита Сергеевич действительно был в хорошем настроении. Он все еще находился под впечатлением только что закончившейся радушной встречи с жителями

американской столицы сталелитейной промышленности, о которой газета «Нью-Йорк таймс» писала:

«Мэр города после отъезда Хрущева заявил, что он никогда не видел таких больших толп».

Но теперь пришло время удивляться властям Вашингтона: хотя протокол поездки не предусматривал никаких церемоний ни на аэродроме, ни в городе и никто не призывал население столицы выйти навстречу гостю, на всем пути от аэропорта Эндрюс до резиденции Блэйр-хауз теснились десятки тысяч людей, причем они явно были настроены весьма приветливо. Бросалось в глаза, что на сей раз свои теплые чувства выражало гораздо большее число людей, нежели десять дней назад, когда Н. С. Хрущев впервые ступил на американскую землю.

Оправдался прогноз Никиты Сергеевича: лед «холодной войны» не только треснул, но и начал крошиться. Его выступления в Нью-Йорке, Лос-Анжелосе, Сан-Франциско, Де-Мойне и Питтсбурге дошли по каналам телевидения, радио и газет почти до каждого американского дома. Они сильно изменили представление американцев о Советской стране, о коммунизме, о людях, выдвинутых нашим народом к власти. Если до этого информация о Советском Союзе просачивалась сюда лишь тоненьким ручейком, то сейчас хлынула настоящая Ниагара, могучий поток правдивых, из первых рук получаемых, неотразимо убедительных и волнующих сведений. Они не оставляли камня на камне от фальшивых легенд, сочинявшихся о нашей стране на протяжении десятков лет.

Американцы, ставшие жертвой неумной пропаганды, ожидали увидеть жесткого, скупого на простые человеческие слова, вспыльчивого и гневного доктринера. А перед ними предстал простой, сердечный, охотно идущий на прямые контакты с народом человек, отстраняющий охрану, чтобы дружески поговорить с рядовым американцем, протестующий против того, что его возят в закрытом автомобиле, человек, с большим желанием вступающий в беседу, а если надо, то и в спор. Им очень понравились страстность Н. С. Хрущева, с которой он защищал свои идеи, не давая никому бросить на них тень, и та терпимость, с которой он относился к убеждениям

других. У людей рождались доверие и симпатия, и, когда до них доходили вести о тех предложениях, которые глава Советского правительства выдвигал в своем стремлении добиться укрепления мира, они говорили:

— Нет, это не пропаганда! Он искренний человек, и ему можно верить...

Так менялись привычные стандартные представления американцев о Советском Союзе, и люди не стеснялись об этом говорить. Одна пожилая журналистка, сопровождавшая Н. С. Хрущева, в откровенной беседе так рассказала о себе, невольно отражая то, что происходило в те дни со многими американцами:

— Я всегда относилась враждебно к Советскому Союзу. Как и многие другие, я верила тому, что говорилось и писалось здесь. Но вот случилось так, что мне довелось сопровождать в этой удивительной поездке Хрущева. Я внимательно присматривалась к нему, придирчиво слушала его речи, мысленно оспаривала его аргументы. И вдруг я поняла, что все те представления, которыми мы жили столько лет, надо выбросить в помойную яму. Я увидела, что это настоящий человек и что он предлагает вещи серьезные и, главное, осуществимые. Верьте или не верьте, но теперь этот человек вызывает у меня симпатию. Я невольно противопоставляю его некоторым нашим деятелям, вроде Герберта Гувера или Кальвина Кулиджа, губы которых постоянно кривились от презрения к народу, когда они стояли у власти.

Она минуту помолчала и потом сказала, горько усмехнувшись:

— Это любопытное ощущение... Не так просто менять свое мнение о множестве вещей, когда тебе уже больше пятидесяти лет. Но иногда это бывает необходимо...

Сколько таких бесед происходило в те дни!

НАМ ВЕТЕР В ЛИЦО НЕ ДУЕТ

24 сентября вся Америка особенно много говорила о поездке Н. С. Хрущева: ведь завтра в уединенной резиденции Президента США Кэмп-Дэвид должны были начаться закрытые беседы двух глав правительств. Этой встречи все ждали с нетерпением и надеждой. То был

день больших ожиданий. Комментаторы мобилизовывали все свое красноречие, чтобы сделать свои прогнозы — то розовые, то серые — как можно более убедительными. Чиновники госдепартамента и Белого дома упаковывали досье, которые могли понадобиться во время бесед. В Пентагоне с нетерпением ждали телефонного звонка с мыса Канаверал во Флориде, где лихорадочно спешили подвести «позицию силы» под предстоящую встречу в Кэмп-Дэвиде; было задумано, что к моменту встречи в догонку за советским лунником взовьется американский «Атлас». Тогда можно было бы заявить, что отныне счет соревнования в космосе 1 : 1.

Но радужные мечты не сбылись. Из Флориды пришло краткое, но выразительное сообщение: «24 сентября на мысе Канаверал взорвалась ракета «Атлас», которая готовилась для запуска искусственного спутника весом 168 килограммов на орбиту вокруг Луны. Система представляла собой четырехступенчатую ракету, на которой должен был быть установлен спутник. Взрыв похоронил надежды на запуск ракеты в сторону Луны. В настоящее время нет другой готовой ракеты, которая могла бы доставить спутник на орбиту вокруг Луны».

Нетрудно представить себе, какое впечатление произвело это сообщение. Оно вызывало смешанные чувства. Можно было по-человечески посочувствовать американским ученым. Они потерпели еще одну неудачу в необычайно сложном и трудном деле, каким является запуск ракеты в сторону Луны. Но, говорили себе мыслящие американцы, умная ли это политика — пытаться во что бы то ни стало изобразить дело так, будто у нас есть основания для ведения переговоров «с позиции силы», тогда как в действительности такого основания давно уже нет? Глава Советского правительства привез в подарок Д. Эйзенхауэру копию советского вымпела, уже доставленного на Луну. Отправив ракету на Луну, советские ученые и инженеры еще раз подтвердили, что для них запуск мощных ракет — дело уже верное и обычное. А чего добились люди с мыса Канаверал, добавив к длинному списку аварий с ракетами еще одну? Не благоразумнее ли было бы подходить к переговорам, которые начнутся завтра, с позиции разума, как об этом говорил глава Советского правительства.

Инерция — страшная сила, особенно в политике. Видимо, не так легко людям, которые на протяжении многих лет руководствовались в своих действиях стратегией «большой дубинки», искать что-то другое, когда отчетливо выяснилось, что те, в отношении кого они хотели бы действовать «с позиции силы», так же сильны, если не сильнее.

Однако жизнь — хороший учитель. И, говоря о мирном сосуществовании, Н. С. Хрущев заметил в Сан-Франциско:

— Я уже объяснял неоднократно, что это такое, и готов еще и еще раз терпеливо разъяснять. Кому непонятно, пусть еще подумает. Если он не поймет, видимо, он еще не созрел, пусть подрастет, жизнь его подведет к этому, может быть, не раз на лбу шишки набьет и узнает, как необходимо мирное сосуществование.

Так или иначе, но только что закончившаяся поездка Н. С. Хрущева по стране убедительно показала, что рядовые американцы ничего не желают столь страстно и единодушно, как разрядки напряженности в международных отношениях, уверенности в завтрашнем дне, мира. И вспышкопускательство, которым занимались в те дни люди в военной форме на мысе Канаверал, их не только не радовало, но, напротив, сердило: если американский народ искренне хочет мира, то почему противиться этому?

Тем большее удивление вызывали опубликованные в канун встречи Н. С. Хрущева и Д. Эйзенхауэра мрачные пророчества некоторых людей, столь основательно вмерзших в лед «холодной войны», что до них никак не доходило общее потепление международной атмосферы.

Газета «Нью-Йорк геральд трибюн» писала в редакционной статье: «Обсуждение в Кэмп-Дэвиде может дать только соглашение, фиксирующее наличие разногласий». По своему обыкновению некоторые газеты подходили к встрече, на которую народы возлагали такие большие надежды, как к какому-то спортивному матчу. Чего стоит хотя бы такой образчик публицистики, заимствованный нами из газеты «Уолл-стрит джорнэл»: «Это совещание будет нелегким для Президента Эйзенхауэра, так как советский руководитель поставил его в оборонительное (?) положение своим предложением о разоружении в Организации Объединенных Наций».

Давно знакомые скрипучие голоса!

Газета «Нью-Йорк таймс», о которой американцы говорят, что по содержанию и тону ее статей можно почти безошибочно узнать о настроениях в Белом доме и госдепартаменте, опубликовала большой обзор, в котором было сказано:

«Прежде чем отправиться в Кэмп-Дэвид для обсуждения с Эйзенхауэром в менее напряженной, уединенной обстановке важнейших вопросов, которые разделяют мир, г-н Хрущев постарался создать атмосферу, в которой господствовал бы дух примирения, взаимопонимания и желания прийти к взаимному согласию. Как для себя, так и для Президента он отверг позицию, которую он характеризует как упрямую и непоколебимую, когда каждая страна пытается главным образом с помощью силы повлиять на политику другой страны и изменить ее. Вместо этого, как заявил г-н Хрущев, усилия должны быть направлены на решение существующих противоречий «с помощью разума, а не силы»... Существует, однако, сфера, где, даже при самом тщательном учете пожеланий Хрущева, не обнаруживается признаков существенных изменений его позиции или же какой-либо склонности к такому изменению. Это германский вопрос».

В той же статье газета была вынуждена признать то, что в итоге поездки Н. С. Хрущева по Соединенным Штатам стало очевидно десяткам миллионов людей, которые видели и слышали по телевидению и радио его выступления и читали их тексты в газетах.

«До сих пор,— писала газета,— г-н Хрущев был известен как человек страстной убежденности, который прилагает все усилия для достижения того, во что он верит. Он вновь и вновь повторяет — и нет объективных причин, чтобы сомневаться в его искренности,— что целью его поездки в США является содействие делу достижения взаимопонимания между США и СССР».

Таков общий политический фон, на котором должны были начаться беседы глав двух великих держав. Понятно, что в тот душный вечер в Вашингтоне повсюду говорили о перспективах встречи, которая в глазах всех приобретала поистине историческое значение.

В 6 часов вечера 24 сентября к зданию Посольства СССР в Вашингтоне устремился поток автомобилей: это направлялись на прием в честь Председателя Совета Министров СССР более пятисот гостей. Здесь были руководящие деятели Соединенных Штатов во главе с вице-президентом США Р. Никсоном, видные представители деловых кругов, интеллигенции, главы иностранных посольств и миссий, аккредитованных в Вашингтоне.

Какой-то предприимчивый маклер, пробившись к Н. С. Хрущеву, спрашивает, не слишком ли он рискует, скупая бумаги так называемых царских долгов.

— Сбывайте их поскорее, если найдете какого-либо чудака-покупателя. Иначе обязательно прогорите! — советует Никита Сергеевич.

Переходя из одного переполненного зала в другой, Н. С. Хрущев все время находился в гуще гостей. Он дружески беседовал с ними, делился впечатлениями о поездке по стране, весело шутил. Встретившись с талантливым американским пианистом Ваном Клиберном, победителем конкурса имени Чайковского в Москве, Никита Сергеевич отечески обнял его, поинтересовался здоровьем и творческими успехами. Ван Клиберн сказал, что его рука, подвергшаяся операции, уже зажила, что он снова играет и готовится сейчас к концертной поездке в Европу. Рассчитывает он побывать и в Советском Союзе.

К Никите Сергеевичу подходит известный американский журналист-обозреватель Уолтер Липпман. Пожимая ему руку, Н. С. Хрущев говорит:

— Хочу лично поздравить Вас с семидесятилетием. Ведь Вам недавно исполнилось семьдесят?

— Да, уже семьдесят, к сожалению.

— Поздравляю! Я читаю Ваши статьи. Со многим я, конечно, не соглашаюсь, но всегда отдаю должное Вашему журналистскому мастерству.

В тот вечер было много таких встреч, коротких, но очень выразительных бесед. Прием прошел в теплой, непринужденной обстановке. Однако этим приемом рабочий день Н. С. Хрущева еще не был завершен: его ждала группа представителей американских деловых и торговых кругов, собравшаяся для встречи с ним. И, как только закончился прием в Советском посольстве, Ни-

кита Сергеевич направился на эту встречу. Его ожидали в салоне отеля «Шератон», который расположен неподалеку от посольства. Он шел туда пешком.

Многие жители Вашингтона были приятно поражены, когда видели идущего им навстречу главу Советского правительства. Его тотчас же узнавали и тепло приветствовали.

— Добрый вечер! Привет! — слышались дружелюбные возгласы.

По мере продвижения Никиты Сергеевича к отелю число сопровождавших его людей росло, как лавина. К доброй сотне, неотступно следовавших за ним корреспондентов, присоединялись все новые и новые люди. Они двигались большой тесной толпой, окружив Никиту Сергеевича. Стало трудно пробиваться сквозь большое скопление людей. Но до «Шератон» было недалеко.

В комфортабельном салоне были накрыты столы для парадного ужина. Здесь собрались руководители крупных компаний, знатные гости, каждый из которых, как говорят в Соединенных Штатах, «стоит миллионы долларов».

Внешне это была весьма любезная встреча: люди, правящие в мире бизнеса, умеют вести себя в обществе применительно к обстоятельствам. Но беседе не хватало настоящего тепла, и чувствовалось по всему, что большинство столь именитых в бизнесе гостей в смокингах и накрахмаленных рубашках, пришедших на встречу с руководителем правительства Советского государства, не проявляет заботы ни о нормализации американо-советских отношений, ни даже об экономических связях двух стран. Они вели беседу вразброс, перескакивая от одного вопроса к другому и подчас выдвигая самые фантастические предлоги, с помощью которых можно было бы оправдать натянутое состояние американо-советских отношений.

— Не представляю себе, как поездка г-на Хрущева может помочь советско-американской торговле,— говорил Ф. Кортней, президент парфюмерной компании Коти, которая когда-то была французской.

— Предприниматели и рабочие у нас часто конфликтуют. Во всех этих конфликтах замешаны коммунисты, которые подогревают эти конфликты и тем самым создают трудности в налаживании отношений с СССР,—

заявил президент «Рнпаблнк стил корпорейшн» Ч. Уайт.

— К сожалению, Советскнй Союз не публикует данных о прнизводстве золота н золотых запасах. Отсутствне подобных сведений подрывает доверие и волнует нас,— добавил тот же Ф. Кортней.

Никнта Сергеевич внимательно слушал своих собеседнников, терпеливо отвечал на нх вопросы, но когда стало уже совершенно очевндно, что большннство прнсутствующих не заинтересовано в развитии американо-советской торговли, он сказал:

— Хочу, чтобы вы меня правильно понялн. Я не прнехал сюда сбывать вам залежалые товары... Не хотите торговать с нами, не торгуйте. Мы будем ждать, пока вы сами не постучите к нам в дверь. Еще раз повторяю, мы потерпнм, нам ветер в лицо не дует. Посидите у моря, подождите погоды.

Отметнв, что Советскнй Союз успешно развнвает свою внешнюю торговлю, в том числе и с союзнпкамн США, Никита Сергеевнч нронически заметил:

— Только Америка не торгует с намн. Ну что же, у нас есть такая поговорка: если губы надуешь и кашу не съешь, то от этого не вынграешь... Я вижу, что амернканцы нспугалнсь коммунизма, как кролнк удава, н теряют здравый рассудок. Ну что же, мы подождем, пока вы прндете в полное сознание н начнете торговать.

Это прямое н откровенное заявленне вызвало ожнвленне среди собравшихся. Многие засмеялись н началн аплоднровать.

В заключенне беседы организатор этой встречн — нздатель газеты «Джорнэл оф коммерс» Э. Рнддер поставил довольно хнтроумный вопрос:

— Г-н Председатель, Вы виделн амернканский народ, Вы согласилнсь с тем, что он является мнролюбнвым народом. Прндерживалнсь лн Вы этих взглядов и раньше, н верите лн Вы, что так же мнролюбиво настроено американское правнтельство?

Ннкнта Сергеевнч внимательно поглядел на Риддера н заговорил спокойным тоном, не спеша, как бы размышляя вслух:

— Поездка по США моих убежденнй не изменила. Я и раньше считал американскнй народ миролюбивым народом. Что касается оценкн действий американского правительства, то это завнснт от конкретных условий.

Надо судить не по словам, а по делам. Мы внесли вопрос о разоружении. Но если вы будете лишь говорить, что вы за мир, и вместе с тем иметь военные базы вокруг СССР, то тогда мы также вынуждены будем иметь ракетные базы против вас. Мы внесли предложение о мирном договоре с Германией. Если вы его подпишете, значит вы хотите мира, если нет, значит вы держите курс на обострение отношений. Мы хотим жить в мире и хотим торговать с вами. Торговля является лакмусовой бумагой: она показывает состояние отношений между государствами... Вы не хотите с нами торговать. Но почему? Это заставляет нас задуматься и насторожиться. Видимо, вы замышляете что-то плохое. Не могу же я сказать нашему народу, что вы за мир, но не хотите торговать даже паршивой селедкой. Если бы я так поступил, то советские люди сказали бы мне, что я простак и что, видимо, надо иметь другого премьера. Но я не скажу так советскому народу.

Никита Сергеевич на мгновение задумался и с чувством сказал:

— Не хотите торговать с нами — не надо, но снимите дискриминацию. До тех пор, пока останется дискриминация, останется и заноза в нашем сердце. Если же мы найдем общий язык по вопросам разоружения, будем иметь мирный договор с двумя германскими государствами — значит мы будем видеть, что вы хотите жить в мире. Если нет — значит вы хотите войны. Все состоит из конкретных действий. Если вы думаете, господа, что наша экономика не выдержит гонки вооружений, которую вы нам навязываете, вы глубоко ошибаетесь. Мы предусмотрели в наших планах развитие мирной экономики и производство необходимого вооружения для защиты интересов Советского Союза. Мы хотим мира, но защищать себя от любой агрессии готовы.

Н. С. Хрущев закончил, поднимаясь из-за стола:

— Вот что я хотел сказать вам, господа, в ответ на поставленные вами вопросы. Благодарю вас за внимание.

Э. Риддер поблагодарил гостя за откровенную и полезную беседу. Прощаясь с Н. С. Хрущевым, все любезно улыбались и желали ему успехов в борьбе за улучшение отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами. Им было над чем подумать в тот вечер,

предшествовавший встрече глав двух правительств в Кэмп-Дэвиде.

Можно было бы поставить на этом точку, не возвращаться к теме о беседе Н. С. Хрущева с представителями деловых и торговых кругов в отеле «Шератон», тем более что запись этой беседы была опубликована еще 27 сентября и широко известна как в Советском Союзе, так и в Соединенных Штатах. Но вот в газете «Джорнэл оф коммерс», которую издает г-н Риддер, тот самый Эрик Риддер, который так любезно благодарил главу Советского правительства за откровенную и полезную беседу, несколько позднее появилась более чем странная редакционная статья. Суть ее заключается в том, чтобы вызвать недоверие к записи беседы, а следовательно, скрыть от общественности ряд существенных положений, высказанных Н. С. Хрущевым.

«Не думаем, чтобы русские пытались преднамеренно исказить правду. Тем не менее вряд ли было совпадением, что, судя по русскому отчету, г-н Хрущев все время занимал выигрышные позиции, тогда как американские промышленники слишком часто изображались как объекты остроумных реплик Председателя».

Но ведь было именно так, господа, и американским промышленникам можно лишь посочувствовать. Напрасно вы обижаетесь на пресс-группу при Председателе Совета Министров СССР, которая, как вы пишете, «даже не присутствовала на этом обеде и поэтому вряд ли могла сделать стенографическую запись».

Мы хорошо понимаем, что дело здесь не в записи беседы, а в ее содержании. Некоторым американским промышленникам не понравилось то, что говорил Н. С. Хрущев, как остроумно отвечал он представителям деловых кругов, ставя их частенько в весьма незавидное положение. И вот они нашли «выход» из этого положения — свалить все на пресс-группу, которая, мол, не могла сделать записи этой беседы, так как не присутствовала на обеде.

Да, уважаемые господа промышленники «забыли» пригласить пресс-группу при Председателе Совета Министров СССР на свой обед, но пресс-группа не могла забыть своих прямых обязанностей — ее представители присутствовали на встрече и полностью, с полным сознанием своей ответственности, записали беседу Н. С. Хру-

щева с представителями деловых и торговых кругов, как они записывали все открытые беседы и выступления главы Советского правительства в Соединенных Штатах Америки.

Десять дней потребовалось редакции газеты «Джорнэл оф коммерс» для того, чтобы сделать свое более чем странное «открытие». Однако «ценность» его от этого не поднялась. Более того, это как раз подтверждает мысль, высказанную Н. С. Хрущевым, что в Америке есть силы, которые действуют «против ослабления напряженности, за сохранение «холодной войны». Закрывать глаза на это значило бы проявить слабость в борьбе против этих злых сил, злых духов. Нет, их надо обнажить, их надо показать, их надо публично высечь, их надо поджарить, как чертей, на сковородке».

И самой горячей сковородкой является правда, та самая большая и неотвратимая правда, которая звучала во всех выступлениях Н. С. Хрущева в Америке, которая была в его ответах на обеде у издателя «Джорнэл оф коммерс».

Правда, как известно, не перестает быть правдой только оттого, что она кому-то не нравится. Недаром в русской пословице сказано: «Правда глаза колет».

В «ЛАГЕРЕ ДАВИДА»

В Кэмп-Дэвид, что означает по-русски «Лагерь Давида», Н. С. Хрущев и Д. Эйзенхауэр отправились во второй половине дня 25 сентября.

Они встретились на зеленой лужайке у Белого дома, где уже стрекотал восьмиместный вертолет «С-58». Одетый по-дорожному, в спортивном светло-коричневом костюме и кепи, Президент тепло приветствовал своего гостя. Они поднялись на борт вертолета, и эта небольшая, похожая на стрекозу машина легко оторвалась от земли. Она пошла вертикально вверх и сразу же бокомбоком начала уходить в сторону, ложась на курс к Аппалачским горам, возвышающимся на границе штатов Мэриленд и Пенсильвания.

За широкими окнами вертолета от горизонта до горизонта расстилались поля и рощи, чуть тронутые первым дыханием поздней американской осени. Там и сям

деревья уже запылали красным цветом, а редкие здесь и особенно милые сердцу русского человека в дальней стороне березы оделись в золотой наряд.

Вначале внизу видиелись белые строения ферм, потом рощи пошли все гуще, и вот уже вертолет висит иад почти безлюдными лесистыми холмами. Лишь кое-где в лесу просвечивают кровли вилл — нх хозяева спасаются здесь летом от удушающей вашиигтонской мокрой жары.

Прошло еще несколько минут. Вертолет опускается на небольшую лужайку. Виачале кажется, что вокруг одии ветвистые деревья и ничего больше. Но в глубь леса ведет узкая асфальтовая дорожка, она разветвляется, и дальше видны какие-то старые замшелые бараки. Когда к иим присмотришься виимательио, видишь, что это нарочитая деталь отделки, маскирующей комфортабельиые виллы. Да и лес здесь, в сущиости, уже не лес, а поддерживаемый в прекрасном состоянии парк.

Вот иебольшой пруд, обложениый по краям диким камнем. Перед ним выкрашеииый в белую краску якорь. Направо хижина. По сторонам узкой двери два отличио надраенных медных фоиаря. Над входом иеожидаииая надпись: «Осина». Оказывается, виллы в этом лесном лагере различаются не по иомерам, а по названиям деревьев. Это и есть загородиая дача Президента.

Вилла «Осиiа» невелика: в ией всего четыре спальни — здесь будут жить в эти дии Д. Эйзенхауэр, Н. С. Хрущев, К. Гертер и А. А. Громыко,— столовая и большой зал с зеркальиыми окиами во всю стену, выходящими иа обширную зеленую поляну, которая служит обычио полем для игры в гольф, любимый вид спорта Президеита. Остальные советники, которые могут понадобиться главам правительств во время их собеседований, разместятся в разбросанных иеподалеку домиках, рассчитанных на двух-трех человек каждый.

Этот лесной лагерь был создан вскоре после начала второй мировой войны. До войны Президент Ф. Рузвельт обычно проводил свой отдых иа президентской яхте, иа которой он по реке Потомак выходил в океан. Но после начала военных действий комаидование военио-морских сил США заявило, что оно ие в состоянии гарантировать безопасность президентской яхты, которая легко могла подвергнуться нападению со стороны немецких

подводных лодок. Поэтому было решено создать другое место отдыха для Президента. Тогда-то и был построен в горах к северу от Вашингтона этот комплекс небольших одноэтажных вилл, замаскированных под деревянные сараи. Франклин Рузвельт назвал свой лагерь «Шангри-Ла» — это название он заимствовал из романа «Потерянные горизонты» современного английского писателя Хилтона. Роман повествует о том, как некий англичанин находит в глубине Гималайских гор фантастическое идеальное государство-город под названием «Шангри-Ла», где жизнь настолько прекрасна, что люди никогда не старятся...

Когда президентом стал Д. Эйзенхауэр, он лишь изменил название «Шангри-Ла» на «Лагерь Давида», по имени своего внука. Лагерь сохранил свой характер укромного лесного поселка, строго огражденного от посторонних.

Трудно было бы подобрать сейчас более удобное место для откровенных бесед глав двух правительств с глазу на глаз. Моторизованные патрули морской пехоты, выставленные на всех лесных дорогах и тропах, держали на почтительном расстоянии отсюда буквально осадивших лес корреспондентов и разного рода наблюдателей. Даже приглашаемые сотрудники глав правительств, многие из которых хорошо известны в лицо, должны были получать особые пропуска в Кэмп-Дэвид. Они прикалывали их к лацканам своих пиджаков, чтобы служба охраны видела, с кем имеет дело, а покидая лагерь, возвращали пропуска офицерам, строго следившим за тем, чтобы ни один пропуск не был вынесен за пределы лагеря.

Может быть, отдельные подробности, которые встретит здесь читатель, и не имеют прямого отношения к историческим беседам двух государственных деятелей. Но мы думаем, что читатели поймут нас: нам хотелось описать как можно полней и подробней атмосферу, в которой протекали беседы, всю обстановку, в которой родилось то, что теперь получило в Америке название «дух Кэмп-Дэвида».

На вилле «Осина» царила простая, дружественная обстановка, без всяких условностей дипломатического протокола. Никто никуда не торопился: надо было обдумать и взвесить проблемы мирового значения, а спешка,

регламентация, попытки разложить все по полочкам официальных формулировок только затруднили бы дело. Заранее было обусловлено, что эта встреча глав правительств не будет носить характера формальных переговоров: так много нерешенных проблем накопилось, так сложны и ответственны они, что было бы нереалистичным пытаться решить их вдвоем и за один присест. Поэтому-то и был избран путь неофициальных дружеских собеседований — то с глазу на глаз, в присутствии одних лишь переводчиков, то с участием ограниченного количества советников. В такой обстановке главы правительств могли откровенно высказать друг другу свои взгляды, разъяснить позиции и мотивы, попытаться найти возможности дальнейших шагов для сближения без того, чтобы каждое слово, сказанное ими, немедленно превращалось в достояние прессы и тут же становилось объектом толкований и пересудов. И главное, руководители двух величайших держав мира могли таким путем установить наилучшим образом личный контакт, понять друга друга.

За небольшим столиком, покрытым зеленым сукном, сидели у зеркального окна президентской виллы двое людей с резко различными убеждениями, воспитанием, традициями. С одной стороны стола — русский рабочий, революционер, убежденный коммунист, глава правительства социалистического государства, с другой — профессиональный военный, набожный человек, верящий в капиталистическую систему и уполномоченный правящим классом своей страны стоять на страже интересов этой системы.

И все же эти разные люди должны были попытаться найти общий язык, потому что оба они понимали исключительную ответственность нынешнего исторического момента и знали, что если не будет найден путь к смягчению международной напряженности, то мир может оказаться перед катастрофой.

Именно потому, что Президент США отдавал себе отчет в этом, он предпринял тот решительный шаг, от которого его усиленно удерживали на протяжении ряда лет многие из его ближайших советников. Президенту требовалось немалое мужество, чтобы решиться на такой шаг. Хотя Д. Эйзенхауэр и пользуется большим уважением в народе, не позабывшем того, что сделал он в годы войны, которую начал скромным полковником, а кончил

командующим объединенными вооруженными силами западных держав, но ему хорошо известно, что исподволь уже начата против него кампания...

— Он стареет,— говорили люди, которым не хочется прекращения «холодной войны»,— он слабеет духом, он может пойти на уступки, чего никогда не сделал бы Даллес.

Но Президент США, опирающийся на тех, кто считает, что пришло время по-новому взглянуть на перспективы американо-советских отношений, принял известное решение, и вот сейчас он беседует один на один со своим гостем.

Направляя свое приглашение Н. С. Хрущеву, Президент США действовал, разумеется, в соответствии с интересами тех, кто выдвинул его к власти. И глава Советского правительства, принимая приглашение, поехал за океан не в качестве частного лица, которое направляется в гости к другому частному лицу, а в качестве главы правительства одной великой державы на важнейшую встречу с главой правительства другой великой державы, стоящего на прямо противоположных экономических, социальных и политических позициях. За спиной у него стоял двухсотмиллионный народ первого в мире социалистического государства и, больше того,— весь социалистический лагерь, насчитывающий более миллиарда людей.

И то, что скажут они друг другу, определяется именно этим: Президент и его гость выражают волю своих государств, и каждый из них руководствуется интересами своей социальной системы. Но при всем этом было ясно, какое огромное значение для лучшего взаимопонимания между нашими странами имеют личные контакты между этими двумя выдающимися деятелями, возглавляющими правительства самых могущественных государств мира. В таком большом и важном деле, как установление взаимопонимания и доверия между государствами, личные контакты руководящих деятелей этих государств призваны играть немалую роль. Не помогут никакие тонкости дипломатии и никакие протокольные мероприятия, если сердца собеседников закрыты на замок, недоступны для понимания позиций противоположной стороны, если они не уважают друг друга. И наоборот, гораздо легче договариваться по самому сложному

вопросу, если разговор ведут люди, хорошо понимающие друг друга и питающие друг к другу уважение.

Читатели не ждут, конечно, от нас изложения бесед Н. С. Хрущева и Д. Эйзенхауэра, продолжавшихся с вечера 25 до полудня 27 сентября. Мы напомним то, что сказали они сами в итоге переговоров.

— Вас, конечно, прежде всего интересуют мои впечатления от встреч с Президентом США господином Эйзенхауэром,— сказал Н. С. Хрущев корреспондентам 27 сентября.— Это были приятные беседы. По всем вопросам, которые мы затрагивали, у нас во многом было общее понимание как оценки положения, так и необходимости улучшения отношений между нашими странами... У меня нет никакого сомнения, что господин Президент искренне желает улучшения отношений между нашими странами. Мне кажется, что у Президента США более сложные условия, чем у меня. Очевидно, в Соединенных Штатах Америки еще влиятельны те силы, которые препятствуют улучшению отношений между нашими странами, разрядке международной напряженности. И этого нельзя не учитывать. Но думаю, что здравый смысл в конце концов подскажет правильный курс в решении международных проблем, направленный на укрепление мира во всем мире.

И Президент Д. Эйзенхауэр со своей стороны заявил на пресс-конференции, которая состоялась на второй день после выступления Н. С. Хрущева:

— Как вам известно, я пригласил г-на Хрущева приехать сюда, чтобы мы могли обсудить некоторые явные причины напряженности в мире, и в особенности в отношениях между нашими двумя странами, вследствие неурегулированных, нерешенных вопросов.

Я не приглашал его сюда для переговоров по существу, ибо они невозможны без присутствия наших друзей. Но я полагал, что с помощью этого визита и с помощью этих бесед, как я, пожалуй, уже говорил вам прежде, можно будет растопить часть льда.

Если что-либо из этого сделано, то это опять же заслуга американского народа...

И далее, отвечая на вопрос: «Что Вы думаете о г-не Хрущеве?»,— Президент сказал:

— Это динамичная личность, привлекающая внимание Это человек, который пользуется всеми доступными

для его методами дискуссий. Он способен на широкий диапазон, я бы сказал, в отношении манеры, к переходу от почти негативной, трудной позиции к самой легкой, приветливой, сердечной дискуссии.

Думаю, что американцы, видевшие его, чувствовали, что это исключительная личность; в этом нет никаких сомнений. Я вполне уверен, что он убежден в том, что основные положения социалистического или коммунистического учения правильны. Он наложил большой отпечаток на первоначальную концепцию этого учения.

При всем различии стиля, способа выражать свои мысли, манеры говорить в заявлениях Н. С. Хрущева и Д. Эйзенхауэра нетрудно прочесть одну и ту же мысль: главы правительств Советского Союза и Соединенных Штатов руководствовались одной и той же заботой — «растопить хотя бы часть льда», сковывающего отношения между СССР и США. Они отдают себе отчет в том, что это нелегкое дело: многолетняя «холодная война» оставила тяжелые наслоения. Но они знают, что народы ждут, больше того — требуют покончить с «холодной войной».

В первый вечер Н. С. Хрущев и Д. Эйзенхауэр провели предварительный обмен мнениями. Вместе с ними были К. Гертер и А. А. Громыко.

В сообщении пресс-группы при Председателе Совета Министров СССР, опубликованном в тот вечер, было сказано: «Сразу же по прибытии в Кэмп-Дэвид между Н. С. Хрущевым и Д. Эйзенхауэром начался обмен мнениями по вопросам, которые представляют интерес для обеих сторон. Как стало известно, обмен мнениями проходит в атмосфере откровенности и стремления понять позиции обоих правительств».

По окончании беседы Д. Эйзенхауэр пригласил Н. С. Хрущева и небольшую группу его советников поужинать с ним и его ближайшими сотрудниками. Они садятся за стол в небольшой уютной столовой. Беседа продолжается под аккомпанемент мелодичной музыки — за тонкой деревянной ширмой, отделяющей столовую от гостиной, играет небольшой инструментальный ансамбль военно-морской пехоты — четыре-пять человек. Солирует аккордеонист. Звучат американские песни, потом вдруг доносится очень знакомая мелодия. Что это? «Подмосковные вечера»... Президент весело улыбается: как

радушный хозяин, он приготовил гостю приятный сюрприз. В конце обеда ширму убирают, и музыканты военно-морской пехоты исполняют еще несколько номеров.

Президент предлагает посмотреть короткометражный документальный фильм о плавании атомной подводной лодки «Наутилус» к Северному полюсу. Н. С. Хрущев охотно соглашается. На экране проходят кадры, показывающие, как этот подводный корабль осваивает новую для американских моряков подводную трассу. Затем показывают широкоэкранный ковбойский фильм. Президент по-дружески говорит, что он любит смотреть такие фильмы: он отдыхает, просматривая их...

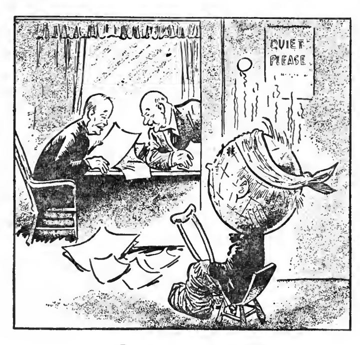
Наутро после ночи, проведенной под крышей гостеприимной виллы, начались обстоятельные собеседования, продолжавшиеся с небольшим перерывом вплоть до обеда.

В 10 часов 45 минут утра Президент и его гость покинули виллу и совершили небольшую прогулку по парку в сопровождении своих переводчиков. Они шли по красивым каменистым тропам, вьющимся по лесистым холмам, где расположена резиденция Кэмп-Дэвид. Затем они зашли в зал отдыха обслуживающего персонала лагеря. Президент показал Н. С. Хрущеву недавно оборудованную площадку для игры в кегли. Они сели, и молодой старшина второй статьи Джон Гелерти показал им свое мастерство, набрав 218 очков из 300 возможных. Наблюдая за игрой, Никита Сергеевич и Дуайт Эйзенхауэр не прекращали свою беседу. Затем они продолжали прогулку и возвратились на виллу, пройдя около полутора миль. Здесь каждый из них уединился минут на десять со своим министром иностранных дел, после чего оба прошли в солнечный зал с зеркальными окнами, выходящими на лужайку для игры в гольф, и снова уселись за небольшим столиком, накрытым зеленым сукном. С ними остались одни переводчики. Все остальные перешли в столовую и сидели там, негромко беседуя между собой.

Ни Президент, ни его гость не имели перед собой никаких документов или записей. Это как бы подчеркивало неофициальный характер их встречи. Чуть слышно тикали корабельные часы, снятые с атомной подводной лодки «Наутилус»,— подарок Президенту от капитана подводного корабля. В зале негромко звучала музыка —

на диске проигрывателя вращалась пластинка с записями произведений Д. Шостаковича.

Время от времени Д. Эйзенхауэр вставал из-за стола и выходил, чтобы переговорить со своими советниками. Затем он возвращался, и беседа возобновлялась. Так шел час за часом. Обед пришлось отложить на некоторое время: Президент и его гость не хотели прерывать разговор.

Беседы в Кэмп-Дэвиде

Рис. Мессиера из газеты «Таймс-юнион», выходящей в Рочестере (США)

Между представителями пресс-группы при Председателе Совета Министров СССР и помощником Президента США по делам печати Д. Хэгерти было условлено, что о содержании переговоров, как этого требовала обстановка, до их окончания ничего не будет сообщаться, кроме общей информации. И это условие строго соблюдалось обеими сторонами.

Корреспонденты «атаковывали» Хэгерти со всех сторон, добиваясь от него хоть каких-нибудь деталей, подробностей, которые раскрыли бы содержание беседы. Вежливо улыбаясь, он повторял все то же, подчеркивая, что беседа проходила в хорошей атмосфере и что обе стороны откровенно и серьезно обсуждали поставленные вопросы.

Корреспонденты старательно записывали каждое слово. Газета «Нью-Йорк таймс» сообщила назавтра: «Хэгерти употребил следующие прилагательные, характеризуя эти встречи: «хорошие», «серьезные», «честные», «интенсивные» и «откровенные». По его словам, Хрущев и генерал Эйзенхауэр не обменивались остротами и шутками, и беседы велись в серьезном духе».

Газета «Санди стар» следующим образом изложила полученные ею сведения:

«Неожиданно долгая беседа наедине между г-ном Эйзенхауэром и г-ном Хрущевым была воодушевляющей в том отношении, что они выяснили все недопонимания и сделали свои позиции ясными друг для друга... Несмотря на отсутствие доказательств действительного прогресса на пути к преодолению противоречий между Востоком и Западом, американские должностные лица, по-видимому, ободрены отношением, проявленным г-ном Хрущевым. Должностные лица заявляют, что никто не стучал по столу и не поднимал голоса, когда г-н Хрущев и г-н Эйзенхауэр определяли свои отличные друг от друга позиции по основным проблемам, вызывающим напряжение...»

За обедом Н. С. Хрущев предложил Президенту попробовать шоколадные конфеты, которые ему вручил Ван Клиберн в Вашингтоне. Молодой пианист попросил Никиту Сергеевича захватить эти конфеты с собой в Кэмп-Дэвид и вместе с Президентом Д. Эйзенхауэром покушать их. Оба государственных деятеля с удовольствием попробовали конфеты, подаренные талантливым американцем, который впервые прославился в советской столице.

После обеда Президент прилег отдохнуть, а Н. С. Хрущев пошел пройтись по парку. Стоял теплый, по-настоящему летний день. Лишь изредка на асфальтовую дорожку медленно падал желто-золотистый или багряный

листок, словно напоминая о приближении «индейского лета».

В пятом часу Д. Эйзенхауэр вышел из виллы и присоединился к Н. С. Хрущеву. С ним был его сын Джон, высокий статный офицер.

— Не съездить ли нам на мою ферму? — предложил Президент Никите Сергеевичу.— Она здесь почти рядом. Пятнадцать — двадцать минут, и мы там...

Никита Сергеевич согласился.

— Знаете что,— сказал, улыбаясь, Д. Эйзенхауэр,— давайте перехитрим корреспондентов. Они подстерегают нас на дорогах, а мы полетим на вертолете!

Вертолет стоял рядом, на небольшой лужайке. Президент, Н. С. Хрущев, сын Президента Джон поднялись в воздух. За ними последовал второй вертолет с сотрудниками службы безопасности. Через двенадцать минут обе машины приземлились у находящейся близ Геттисберга фермы Д. Эйзенхауэра, которая состоит из довольно большого двухэтажного дома, еще двух небольших двухэтажных домиков и целого ряда хозяйственных построек. Н. С. Хрущев и Д. Эйзенхауэр на автомобиле совершили короткую поездку по ферме. Президент показал гостю своих бычков и телок породы «Блэк Ангус», которыми он заслуженно гордится, и коровник, оснащенный современным оборудованием. Президент подарил Н. С. Хрущеву породистую телку.

Д. Эйзенхауэр сказал, что приобрел эту ферму в 1950 году, рассчитывая после ухода в отставку прожить здесь остаток своей жизни. Ему хотелось бы доказать, что можно с прибылью вести сельское хозяйство даже на истощенных землях вдоль восточного побережья США. Он говорил, что на Среднем Западе США легко вести сельское хозяйство, так как там земля исключительно плодородна: район Среднего Запада находится между двумя горными хребтами — Скалистыми и Аппалачскими горами, образуя огромную чашу, где скапливались плодородные земли. Вдоль восточного побережья США плодородный слой земли веками смывался в Атлантический океан.

Затем Д. Эйзенхауэр и Н. С. Хрущев вернулись в главный дом фермы, где их уже ожидала невестка Президента Барбара вместе с его внучатами — Дэвидом, которому исполнилось одиннадцать лет, девятилетней Барба-

рой, восьмилетней Сюзанн и трехлетней Мэри. С ними был также приятель Дэвида, сын местного врача.

Д. Эйзенхауэр пояснил, что сын с женой и детьми постоянно живет в Геттисберге. Это объясняется тем, сказал он, что Джон и его жена не хотят, чтобы их дети привыкали к Белому дому и к тому привилегированному положению, которым они пользуются в Вашингтоне, пока дедушка является Президентом. В Геттисберге они ходят в обычную государственную школу наряду со всеми другими детьми.

Здесь-то и состоялась широко известная теперь беседа Н. С. Хрущева с Президентом и его внуками, в ходе которой было решено, что Д. Эйзенхауэр приедет в Советский Союз весной 1960 года.

Никита Сергеевич спросил внучат Президента, хотят ли они поехать в Россию. Те дружно воскликнули: «Хотим!» Возник вопрос, какое время больше всего подходит для поездки. Никита Сергеевич сказал, что лучшее время для таких поездок — лето или весна, когда все цветет и благоухает, когда не дуют холодные осенние или зимние ветры.

— Правильно,— согласились дети.— Значит, весной?

На том и порешили, уже всерьез, вместе с дедушкой — Дуайтом Эйзенхауэром. Н. С. Хрущев в шутку заметил, что ему легче было договориться с внуками, чем с самим Президентом, потому что у них хорошее окружение, а у Президента, видимо, имеются какие-то препятствия, которые не дают ему возможности осуществить свое желание в таком духе и в то время, когда он хотел бы.

Д. Эйзенхауэр, говоря об этой встрече на своей пресс-конференции 28 сентября, указал:

— Это была такая согревающая сердце семейная сцена, какую любой американец был бы рад видеть, если бы она происходила между его внуками и иностранцем...

Около 6 часов вечера Президент и его гость, тепло распрощавшись с провожавшими их родными Президента, вернулись в Кэмп-Дэвид. В ожидании их министры иностранных дел вместе с другими сотрудниками глав правительств обсуждали вопрос о разоружении, о прекращении ядерных испытаний, а также вопрос о культурном обмене между США и СССР.

Подводя общий итог собеседованиям, которые проходили в тот день в Кэмп-Дэвиде, помощник Президента по делам печати сказал, что атмосфера бесед была хорошей и что обсуждались серьезные вопросы. Повторив, что главы двух государств посвятили свои беседы почти целиком германскому вопросу, а также затронули вопрос о разоружении, он вновь добавил, что беседы будут продолжены завтра и тогда можно будет сказать, был ли и может ли быть достигнут прогресс по этим вопросам.

На следующий день, в воскресенье 27 сентября, рано утром Д. Эйзенхауэр улетел в Геттисберг, где побывал в местной церкви. По возвращении он рассказал, что священник призывал прихожан молиться за Н. С. Хрущева, Д. Эйзенхауэра и за успех их бесед.

В отсутствие Президента между Н. С. Хрущевым и заместителем государственного секретаря Д. Диллоном состоялась беседа по вопросам советско-американской торговли. Об этой беседе Никита Сергеевич рассказал по возвращении на Родину, выступая на митинге в Красноярске 9 октября:

— Когда я был в США,— сказал он,— у меня состоялась там беседа с заместителем государственного секретаря г-ном Диллоном.

Давайте развивать торговлю между нашими странами, улучшать экономические взаимоотношения, говорил я ему, ведь это вам выгодно. Продавайте нам больше товаров, мы их у вас купим, если вы предоставите нам кредиты. Ведь кредиты выгодны не только тем, кто их получает, а иногда они более выгодны тем, кто дает эти кредиты. Вам нужны заказы на продукцию, выпускаемую вашей промышленностью,— мы дадим такие заказы. Но дайте нам для этого кредит. Мы честно вернем деньги, которые нам будут даны в кредит. Ведь если бы даже нам довелось у черта в долг взять, то и ему мы вернули бы этот долг.

...В 10 часов 30 минут Президент и его гость снова сели за стол и возобновили обмен мнениями. Беседа продолжалась до часу дня. Вначале вместе с главами правительств находились их министры иностранных дел и другие лица, а затем остались одни только переводчики. Закончив беседу, Н. С. Хрущев и Д. Эйзенхауэр сели обедать, а министры иностранных дел и их помощники

продолжали работать над проектом Коммюнике, которое главы правительств окончательно согласовали после обеда.

Тепло попрощавшись с теми, кто на протяжении трех дней создавал необходимые условия для ведения переговоров, Президент США и его гость уехали на автомобиле в Вашингтон. Машина мчалась с головокружительной скоростью и в 15 часов 30 минут, как было условлено, подъехала к резиденции Н. С. Хрущева. На ступеньках перед домом Д. Эйзенхауэр сердечно, по-дружески распрощался с Н. С. Хрущевым.

Никита Сергеевич пожелал Президенту и его семье всего наилучшего. Он сказал, что будет ждать новых встреч, и выразил надежду, что Эйзенхауэр и он будут совместно бороться за улучшение отношений между Советским Союзом и США, за укрепление всеобщего мира.

— Если мы добьемся этой цели,— сказал Н. С. Хрущев,— то будущие поколения будут вечно благодарны.

Д. Эйзенхауэр согласился с этим. Он сказал, что со своей стороны будет все делать для достижения этой цели.

— Я буду с нетерпением ждать своей поездки в Советский Союз,— сказал он.

В заключение Президент попросил Никиту Сергеевича передать его семье наилучшие пожелания.

Это была последняя беседа Н. С. Хрущева с Д. Эйзенхауэром перед отъездом на Родину: американский дипломатический протокол предусматривает, что провожает высоких гостей вице-президент.

Обменявшись крепким рукопожатием с Н. С. Хрущевым, Д. Эйзенхауэр вернулся к своей машине и уехал в Белый дом.

Несколько дней спустя, 2 октября, газета «Вашингтон пост» следующим образом охарактеризовала впечатления, которые Президент США вынес из встреч с Н. С. Хрущевым:

«Президент Эйзенхауэр, которому многие из советников, особенно покойный Джон Фостер Даллес, говорили, что он не должен доверять ничему, сказанному коммунистом, пришел к противоположному выводу, поскольку это касается Хрущева... На Эйзенхауэра также произвели впечатление откровенные и обезоруживающие

черты личности Хрущева. Те, кто наблюдал этих двух людей вместе, говорят, что в течение их пребывания в Кэмп-Дэвиде между ними завязалась личная дружба, которая может проложить путь для не имеющего прецедента периода мира».

Так закончилась встреча глав правительств двух величайших держав мира, которой с таким нетерпением ждали десятки миллионов людей во всем мире.

Скупые сведения о содержании их бесед, которые проникали в печать, само собой разумеется, не могли удовлетворить тех, кто с таким неподдельным интересом и даже волнением следил за развитием событий. Но тысячу раз справедлива английская пословица «No news is good news» («Нет новостей — хорошая новость»). Главы двух правительств, действующие с сознанием своей ответственности за мир во всем мире, отнюдь не стремились использовать свои собеседования в пропагандистских целях. И когда некоторые, чрезмерно любопытные корреспонденты пытались узнать у Никиты Сергеевича детали этих собеседований, он вежливо, но твердо поставил их на свое место:

— Мы по многим вопросам обменивались мнениями с Президентом, и я думаю, что не обязательно публично отчитываться во всем. Мы уже многое сказали. Мы еще будем встречаться, беседовать и после этого снова скажем вам то, что сочтем нужным сказать. Какие вы любопытные! Потерпите, скажем, когда придет время, все скажем...

С тех пор как закончилась памятная встреча в Кэмп-Дэвиде, с оценкой ее итогов выступили многие государственные деятели, а также международные обозреватели и комментаторы в прессе, по радио и телевидению всех стран. На страницах буржуазных газет публиковалось множество самых различных предположений и домыслов.

Мы не хотим вступать здесь ни с кем в полемику. Нам кажется, что правильнее всего в таких случаях руководствоваться тем документом, который по взаимному согласию опубликовывают в итоге переговоров сами их участники. Поэтому мы воспроизводим здесь полностью тот исторический документ, публикацией которого завершилась встреча Президента Соединенных Штатов Америки Дуайта Д. Эйзенхауэра и Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева в Кэмп-Дэвиде.

СОВМЕСТНОЕ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКОЕ КОММЮНИКЕ

Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев и Президент Д. Эйзенхауэр имели откровенный обмен мнениями в Кэмп-Дэвид. В некоторых из этих бесед приняли участие министр иностранных дел СССР А. А. Громыко и государственный секретарь США К. Гертер, а также другие официальные лица обеих стран.

Председатель Совета Министров СССР и Президент согласились, что эти беседы были полезными для выяснения позиций обеих сторон по ряду вопросов. Эти беседы не имели целью вести переговоры. Однако выражается надежда, что обмен мнениями будет способствовать лучшему пониманию мотивов и позиций каждой стороны и этим самым способствовать достижению справедливого и длительного мира.

Председатель Совета Министров СССР и Президент Соединенных Штатов согласились, что вопрос о всеобщем разоружении является самым важным вопросом, который стоит перед миром в настоящее время. Оба правительства приложат все усилия к достижению конструктивного решения этой проблемы.

В ходе бесед имел место обмен мнениями по германскому вопросу, включая вопрос о мирном договоре с Германией, и были изложены позиции обеих сторон.

В отношении берлинского вопроса было достигнуто понимание, при условии согласия с этим других непосредственно заинтересованных сторон, о возобновлении переговоров с целью достижения решения, которое будет соответствовать интересам всех заинтересованных сторон и интересам поддержания мира.

В дополнение к этим вопросам состоялись полезные беседы по ряду вопросов, касающихся отношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами. Эти вопросы включали вопрос о торговле между двумя странами. По вопросу о расширении обменов людьми и идеями был сделан значительный прогресс в ходе бесед официальных представителей, и ожидается, что соответствующие соглашения будут достигнуты в ближайшее время.

Председатель Совета Министров СССР и Президент Соединенных Штатов согласились, что все неурегулиро-

ванные международные вопросы должны быть решены не путем применения силы, а мирными средствами путем переговоров.

Наконец, было решено точную дату ответного визита Президента в Советский Союз весной будущего года согласовать через дипломатические каналы.

Вашингтон, 27 сентября 1959 года.

Мы хотим добавить только то, что рассказал о своих беседах в Кэмп-Дэвиде Н. С. Хрущев по возвращении на Родину. Выступая на митинге трудящихся Владивостока 6 октября, он говорил:

«Мы довольно откровенно беседовали с Президентом США Дуайтом Эйзенхауэром по вопросам обеспечения мира. Должен сказать, что мне понравилось беседовать с ним, как с человеком умным, понимающим серьезность международной обстановки.

Некоторое время тому назад один из видных западных государственных деятелей заявил, что Хрущев боится войны и поэтому он не начнет ее. В беседе с господином Эйзенхауэром я спросил его:

— Как Вы считаете, правильно такое заявление или нет? Если этот деятель будет говорить, что я боюсь войны, а я отвечу ему, что он боится, то к чему это приведет? Умно ли это? Это будет похоже на двух петухов, которые стоят один против другого, готовые сцепиться, клевать один другого. Что Вы думаете, господин Президент, по этому вопросу?..

Он ответил:

— Я человек военный и скажу открыто: я очень боюсь войны.

— Да, это Вы верно сказали,— подтвердил я.— Только неразумный человек может не бояться в наше время войны.

Конечно, иное дело, если народу навяжут войну и он вынужден будет отстаивать свою свободу и независимость от захватчиков. В таких случаях бояться войны нельзя, так как это равносильно смерти. Кто поступил бы так, тот был бы жалким трусом, недостойным уважения. Если Родина призовет на защиту свободы и независимости, каждый должен мужественно и смело смотреть смерти в глаза, не дрогнуть в бою с врагами. Но стремиться к войне, как петух к драке,— это неразумно.

— Если мы с Вами понимаем, что война может принести народам страшные бедствия,— сказал я господину Эйзенхауэру,— то почему бы нам не договориться о совместных действиях в интересах мира.

— Давайте договоримся,— согласился Президент.

Но, оказывается, не так-то легко договориться. Слишком много накопилось наносного, порожденного «холодной войной». Необходимо время и терпеливое отношение обеих сторон к оздоровлению обстановки, к разрядке напряженности. Мы предлагаем договориться на такой основе, чтобы не угрожать друг другу, не вмешиваться во внутренние дела.

Возьмем, например, вопрос о разоружении. Нам говорят:

— Давайте прежде всего установим контроль.

Мы отвечаем:

— Что же это за контроль, если практически не решаются вопросы разоружения? Это не контроль, а разведка, и мы на это не пойдем. Совершенно иное дело, если вопросы об установлении контроля будут на деле неразрывно связаны с осуществлением разоружения.

Мы твердо придерживаемся нашей миролюбивой политики. Вы знаете, что Советское правительство внесло на Генеральную Ассамблею Организации Объединенных Наций предложения о полном и всеобщем разоружении. Эти предложения предусматривают и установление соответствующего контроля.

Мы говорим: давайте уничтожим все оружие и тогда, пожалуйста, контролируйте. Если ни у кого не будет никакого оружия, тогда будет нужно строго контролировать, чтобы его никогда и не было, чтобы ни одно государство не могло тайно накопить оружие.

Наша позиция в этом вопросе совершенно ясна — мы за строгий и действенный контроль. Вот почему не могут не вызывать удивления заявления некоторых политических деятелей США, которые, говоря о наших предложениях и признавая их в основном хорошими, в то же время пытаются утверждать, что они якобы не предусматривают всеобъемлющего контроля.

Каждый, кто внимательно прочитал предложения Советского правительства, внесенные в Организацию Объединенных Наций, может легко убедиться в том, что

наши предложения предусматривают установление строжайшего контроля.

На одной из пресс-конференций в США я уже говорил о том, что если наши предложения по разоружению будут приняты, если будет достигнута договоренность об уничтожении оружия всех видов, о ликвидации вооруженных сил, тогда мы за установление самого широкого контроля. Тогда мы всюду пустим ваших контролеров; не пустим лишь туда, куда каждая хозяйка не пускает в своем доме чрезмерно любопытных. Конечно, не потому, что у нее есть там какие-то «военные тайны». Она просто не желает показывать некоторые вещи. И это ее полное право.

Хочу еще раз подчеркнуть — мы всюду пустим контролеров, пусть они посмотрят на наши успехи, пусть полюбуются красотами Советской страны. Ведь от этого мы никакого убытка иметь не будем. Но нам нужно еще много поработать, чтобы достигнуть доброго взаимопонимания с американскими и другими руководителями, чтобы мы их лучше понимали и они более правильно понимали нас.

Должен сказать, что заявления ряда государственных деятелей Запада о том, что мы против контроля, вызваны вполне определенной целью: они очень боятся разоружения. Ведь на поставках разного рода оружия они получают огромные барыши, наживаются на этом деле. Мы должны неустанно разоблачать таких людей, чтобы все люди правильно понимали нашу миролюбивую политику. Чем больше людей во всем мире будет правильно понимать цели тех, кто не хочет разоружения, тем скорее можно будет добиться разоружения. Народы будут оказывать все большее давление на тех, кто хочет проводить политику гонки вооружений, политику «холодной войны».

Мы вели и будем вести неустанную борьбу за ликвидацию «холодной войны», за разрядку международной напряженности. Господа империалисты, навязывая нам «холодную войну», думали, что это нас истощит. Но они жестоко просчитались. Наша страна семимильными шагами идет вперед. Мы первыми запустили в космос свои спутники Земли и космические ракеты. Чтобы осуществить такой подвиг, мы должны были высоко развить экономику нашей страны, культуру народа. Успешно

развиваются в нашей стране наука и техника. Разве не об этом свидетельствует тот факт, что по производству ракет мы идем впереди других стран.

Тем, кто пытается нас запугивать силой, мы отвечаем: если вы хотите нам навязать «холодную войну»,— пожалуйста, нам ветер в лицо не дует. Но в таком случае мы должны будем укреплять оборону страны, держать наготове ракеты и прочие средства защиты, чтобы отразить натиск агрессора.

Вот, товарищи, каково положение дел. То, что Президент США господин Эйзенхауэр проявил мудрость, пригласив меня в свою страну, и сам изъявил желание приехать в Советский Союз, говорит не только о его дальновидности, но и о стремлении американского народа к миру. Народы всех стран хотят прочного мира».

Так говорил Н. С. Хрущев, делясь со своими соотечественниками впечатлениями от встреч с Д. Эйзенхауэром в Кэмп-Дэвиде.

Что же касается обсуждавшегося в ходе бесед с Д. Эйзенхауэром германского вопроса, то Н. С. Хрущев, выступая 28 сентября на митинге трудящихся Москвы, посвященном его возвращению на Родину, сказал:

— Мы обменялись с Президентом мнениями и по германскому вопросу, по вопросу о заключении мирного договора. Мы старались доказать — и я думаю, что нам это удалось,— что на Западе неправильно толковали наши предложения о заключении мирного договора. Некоторые старались внести излишнюю горячность, заявляли, будто это ультиматум и прочее. Люди, которые действовали таким образом, явно руководствовались стремлением продлить состояние «холодной войны». Они доходили до того, что утверждали, будто наши предложения о заключении мирного договора с Германией являются чуть ли не объявлением войны. Надо же дойти до жизни такой, чтобы так извратить миролюбивую позицию Советского Союза...

В тот же день Президент США сообщил на пресс-конференции в Вашингтоне, что в ходе обмена мнениями в Кэмп-Дэвиде была достигнута договоренность о том, что переговоры по берлинскому вопросу не должны затягиваться на неопределенное время, но и что для них не может быть никакого установленного ограничения времени. Одновременно он охарактеризовал

положение в Западном Берлине как ненормальное, и, когда его спросили, возможно ли такое решение берлинского вопроса, которое обеспечивало бы «права» западных держав в Западном Берлине, он сказал: «Я ничего такого вам гарантировать не могу».

Корреспондент ТАСС обратился к Н. С. Хрущеву с просьбой высказаться в связи с этим заявлением, и 29 сентября в печать был передан следующий ответ:

«Президент США г-н Эйзенхауэр правильно охарактеризовал содержание договоренности, достигнутой между нами. Мы действительно согласились, что переговоры по берлинскому вопросу должны быть возобновлены, что для них не устанавливается какой-либо ограниченный по времени срок, но что они не должны также и затягиваться на неопределенное время.

Советское правительство хотело бы вновь выразить уверенность, что все заинтересованные стороны будут стремиться к тому, чтобы вопрос о Западном Берлине был решен без затяжки в соответствии с интересами разрядки напряженности в Германии и в Европе, с интересами укрепления мира».

Вопрос о мирном договоре с Германией, таким образом, ждет своего решения.

...Пока Н. С. Хрущев был занят беседами с Президентом США в Кэмп-Дэвиде, члены его семьи и другие советские гости, сопровождающие главу Советского правительства в его поездке по США, знакомились с Вашингтоном, окрестностями города, а также встречались с широким кругом американцев.

Министр высшего и среднего специального образования СССР В. П. Елютин 26 сентября побывал в колледжах Балтиморы и был гостем д-ра Джона Перкинса, президента Делавэрского университета в Ньюарке.

В. П. Елютин осмотрел Мергенталеровский технический колледж и проявил особый интерес к постановке обучения в нем по дисциплинам, связанным с металлургией. Этот колледж считается одним из самых лучших в США, но его учащиеся, если судить по большой статье, появившейся в местной студенческой газете, сознают, что Советский Союз быстрыми темпами опережает Америку в области образования и науки. Статья была так и озаглавлена: «Почему красные побивают американцев».

В. П. Елютин высоко оценил подготовку студентов в колледже и его лабораторное оборудование.

В тот же день член коллегии Министерства здравоохранения СССР профессор А. М. Марков вел переговоры в Национальном институте здравоохранения США в Бетезде, пригороде Вашингтона, с видными представителями американской медицины о сотрудничестве двух стран в борьбе против болезней и эпидемий и особенно таких, как рак, полиомиелит, сердечные заболевания, и других.

Американские газеты писали о достигнутой договоренности как о важном шаге на пути развития советско-американских контактов.

В те завершающие дни в Вашингтоне состоялись две пресс-конференции, привлекшие к себе значительное внимание. Писатель М. А. Шолохов встретился с американскими журналистами и ответил на их вопросы, касающиеся его творчества и планов, а также положения дел в советской литературе вообще.

Н. П. Хрущева устроила в Блэйр-хаузе 25 сентября пресс-конференцию для американских журналистов, освещавших визит главы Советского правительства. Она предупредила, что не собирается отвечать на вопросы, относящиеся к политике, но будет готова рассказать о положении женщин в Советском Союзе, проблемах семьи и воспитания детей, о своей жизни.

Н. П. Хрущева высказалась в пользу развития контактов между женщинами Советского Союза и Соединенных Штатов Америки, подчеркнув, что женщины могут сыграть важную роль в укреплении мира и достижении взаимопонимания между народами разных стран.

Отвечая на вопрос, Нина Петровна заявила, что не находит американских женщин резко отличными от советских. Между советскими и американскими женщинами, по ее словам, есть много общего.

В воскресенье, 27 сентября, Н. П. Хрущева и члены ее семьи, а также М. А. Шолохов со своей супругой побывали в Доме-музее Джорджа Вашингтона в Маунт-Верноне, недалеко от Вашингтона. С вершины крутого холма виднелся лежащий за рекой Потомак большой город — столица США. Здесь много парков.

Советских гостей любезно встретил и сопровождал во время осмотра музея его директор — Чарльз Уолл. В музее хранятся реликвии, связанные не только с историей Америки. В числе их — ключ, доставленный в Америку из Парижа более полутора столетий назад, ключ от крепости Бастилии, взятой штурмом населением Парижа во время французской революции 1789 года. Француз Лафайет, участвовавший в национально-освободительной борьбе в США, вручил этот дар американскому президенту Джорджу Вашингтону.

В библиотеке музея внимание советских людей привлек бюст Дж. П. Джонса, о котором директор музея отозвался как об «отце американского флота», добавив, что он в течение некоторого времени в конце XVIII столетия служил в русском флоте.

После осмотра музея советские гости направились в дом помощника государственного секретаря США г-на Тейера, где в их честь был устроен обед. На нем в числе других видных американцев присутствовал глава издательского концерна «Альфред Кнопф» Гардинг Лемей. Он преподнес М. А. Шолохову экземпляры только что выпущенных издательством на английском языке книг «Тихий Дон» и «Поднятая целина».

Присутствовавший на обеде редактор американского журнала «Атлантик» Эдуард Уикс, зная, что М. А. Шолохов любит рыбную ловлю, приготовил для него, как он выразился, «приманки» — набор различных имитаций для рыбной ловли, который он преподнес писателю со следующими словами: «Будучи сам старым рыбаком, я надеюсь, что эти пластмассовые червячки и мотыли пригодятся Вам для Вашего любимого спорта».

М. А. Шолохов поблагодарил за подарок, но добавил под смех присутствующих, что предпочитает пользоваться натуральной наживкой: так вернее и надежнее.

В воскресный день, да еще такой хороший, на улицах Вашингтона было много гуляющих. Кто из американцев не хотел посмотреть на супругу высокого советского гостя, о которой столько писалось в газетах и рассказывалось по радио и телевидению! Советских гостей, когда они вышли из дома г-на Тейера, окружила большая группа американцев. Нину Петровну спросили о том, что больше всего понравилось ей в Америке.

— Могу сказать самым определенным образом, что в последние часы визита, как и в первые дни, больше всего мне понравились сами американцы,— сообщила Н. П. Хрущева.— Они создали много хороших вещей и, по моему убеждению, очень добрые и радушные люди.

Эти слова были воспроизведены на видном месте во всех американских газетах, переданы по радио и телевидению.

Следует сказать, что с первых же минут пребывания на американской земле все члены семьи Н. С. Хрущева, прилетевшие с ним, и прежде всего его супруга Н. П. Хрущева, привлекли к себе внимание американской прессы, радио и телевидения. За ними с утра до вечера ходили стайки репортеров. За каждым их шагом и словом зорко следили, стремясь изготовить «сенсации». Но даже изощренные мастера этого ремесла вынуждены были смириться с тем фактом, что никто из членов семьи Никиты Сергеевича не дал ни малейшего повода для подобных «сенсаций».

«Нью-Йорк таймс» писала еще до приезда Н. С. Хрущева: «Решение о том, что Хрущев прибудет вместе со своей семьей, придает его визиту человечный штрих, который найдет добрый отзвук у многих миллионов наших людей».

А после окончания визита та же газета резюмировала впечатления о Н. П. Хрущевой: «Добрые, слегка прищуренные глаза г-жи Хрущевой, ее заразительная улыбка в значительной степени помогли растопить враждебность, цинизм и отчужденность. В сознание американцев она вошла как мать и женщина, имеющая внуков, а не как жена могущественного человека. Вначале она отклоняла просьбы об интервью. Она говорила, что не является важной особой, и во всяком случае у нее на Родине о женах ответственных лиц обычно не пишут. В Белтсвилле, пока ее муж осматривал свиней, коров и индюшек, она внезапно очутилась в положении человека, которому предстоит дать пресс-конференцию. Она не отступила, а справилась с положением наилучшим образом, говоря очень мягко, но со знанием дела, хотя, конечно, ее наверняка должно было смутить столпотворение репортеров и беспрерывное щелканье фотоаппаратов... В частных беседах во время визита она с большой любовью рассказывала о своих внуках и показывала их

фото. Ее теплые чувства к детям проявлялись всюду, где бы она их ни видела. Она махала им руками из окна поезда, ласково поощряла их в госпитале в Питтсбурге, в то время как они исполняли музыкальные номера, она сажала к себе на колени внучек Гарста, когда посетила его ферму в Кун-Рапидсе, она подошла к мальчикам в доме семьи Армитейдж в Вашингтоне, чтобы крепко пожать им руки. Столь же очевидной была ее привязанность к своему мужу, хотя это не бросалось в глаза».

Репортер газеты «Крисчен сайенс монитор» Жозефина Рипли дополняла эту характеристику своими наблюдениями: «Н. П. Хрущева произвела прекрасное впечатление на американский народ. Она достигла этого своей манерой держаться, своим достоинством и своими встречами с американцами... Совершенно ясно, что, подобно ее мужу, она твердо уверена в превосходстве советской системы. Она оказалась во всех отношениях на высоте положения во время этого ответственного визита».

ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ НА АМЕРИКАНСКОЙ ЗЕМЛЕ

До отлета в Москву оставалось всего несколько часов, а у Н. С. Хрущева было еще немало работы. Ему предстояло вновь встретиться с корреспондентами в Национальном клубе печати и произнести большую речь по телевидению, которую с нетерпением ждала в тот вечер вся Америка.

Давно уже не было такого ажиотажа в клубе печати: каждое место в обширном его зале захватывалось с бою. На галерее снова выстроилась огромная батарея телевизионных камер и киноаппаратов. Это была последняя встреча Председателя Совета Министров СССР с журналистами на американской земле, и они ждали ее с огромным нетерпением.

Поднявшись на трибуну, Никита Сергеевич окинул взором зал. Многие лица здесь были ему уже знакомы: ведь корреспонденты неотлучно следовали за ним все эти дни. Улыбнувшись, он обратился к ним:

— Уважаемые мои спутники журналисты!

Вы меня извините за такое несколько необычное обращение. Многие из вас были моими спутниками в поездке

по Соединенным Штатам Америки. Поэтому я и называю вас так. Разрешите прежде всего огласить Совместное советско-американское коммюнике...

В зале стало необычайно тихо. Текст Коммюнике, которое по поручению Н. С. Хрущева оглашал на английском языке переводчик, фиксировался на десятках магнитофонных лент и записывался на многих стенографических машинках. Обозреватели газет строчили карандашами в своих записных книжках, хотя было известно, что в эти же минуты текст Коммюнике уже передается по всем каналам американскими информационными агентствами. Журналисты хотели как можно быстрее записать основные положения этого важного документа, чтобы начать продумывать и анализировать их еще до того, как они доберутся до своих редакций.

Когда Коммюнике было оглашено, Никита Сергеевич поблагодарил своих спутников за проделанную ими работу и довольно подробное освещение его поездки.— Вам пришлось основательно потрудиться,— сказал он.

— Знаю, что о моем визите в США, о наших беседах с Президентом Дуайтом Эйзенхауэром вы писали по-разному,— продолжал Н. С. Хрущев.— Какую-то часть ваших корреспонденций я читал и вижу, что они написаны в доброжелательном духе, со знанием дела. Но так писали не все. Кое-кому трудно отказаться от приемов «холодной войны». Однако отрадно, что большая часть журналистов, с которыми мне пришлось иметь здесь дело, описывая наш визит в Соединенные Штаты, пыталась в меру своих сил быть объективной.

Затем Никита Сергеевич поделился с корреспондентами своими впечатлениями от поездки, от встреч с Президентом, государственными и общественными деятелями Соединенных Штатов, бизнесменами, простыми людьми.

— Мы говорили откровенно и прямо,— сказал он.— И это хорошо. Все это помогло нам взаимно лучше понять друг друга.

И далее Н. С. Хрущев сказал:

— Меня спрашивали повсюду: нравится ли мне ваш образ жизни? Мне, конечно, больше нравится наш образ жизни. Но я не хочу вас огорчать и откровенно скажу, что, независимо от различия в образе жизни наших стран, мы можем хорошо и с пользой для дела сотрудничать на международной арене. Ведь могли же мы иметь

хорошие отношения в годы совместной борьбы против общего врага. И нет никаких непреодолимых преград для того, чтобы возродить и развить это сотрудничество и на поприще борьбы за мир.

Пока Н. С. Хрущев говорил, рядом с трибуной быстро росла кипа записок: корреспонденты спешили задать ему вопросы. Вопросы самые разные: одни из них проникнуты искренним стремлением лучше узнать позицию Советского Союза по важнейшим международным вопросам, другие пропитаны духом «холодной войны». Глава Советского правительства отвечает всем. Он не жалеет ни времени, ни сил, чтобы еще и еще раз разъяснить важнейшие положения советской внешней политики. Тем же, кто рассчитывал использовать пресс-конференцию для подпускания очередных антисоветских шпилек, приходится туго: Никита Сергеевич отвечает им так остроумно и метко, что весь зал хохочет над незадачливыми авторами подобных вопросов.

Один из корреспондентов задал такой вопрос:

— До Вашего приезда и во время пребывания в Соединенных Штатах Америки кое-кто здесь говорил, что Вас надо проучить демонстрацией американской силы, показом американского образа жизни, убедить в преимуществах капитализма. Как Вы чувствуете себя после подобных тяжелых лекций?

— Проучить — это слово в отношении представителей великого Советского Союза неподходящее слово,— ответил Никита Сергеевич.— Тот, кто думал подобным образом,— неразумный человек. Что касается моих убеждений и того, какая система лучше, то я думаю, что данная аудитория неподходящее место для того, чтобы вести диспут на этот счет. Мы никому не навязываем свою систему, и я, побывав в Соединенных Штатах, еще больше убедился в том, что самая святая святых, самое лучшее, что может создать человек,— это социалистическое общество, коммунистический строй, где человек человеку действительно друг и брат. Как я себя чувствую после поездки? Коротко говоря: дай бог вам так себя чувствовать!

В зале раздались аплодисменты. Присутствовавшие на пресс-конференции опытные политические обозреватели, которые внимательно следили за тем, как готовились в Вашингтоне и Нью-Йорке к визиту Председателя

Совета Министров СССР и как проходил этот визит, невольно вспомнили две статьи Аверелла Гарримана, опубликованные с интервалом всего в тринадцать дней.

15 сентября Гарриман напечатал статью в журнале «Лук». В ней он давал советы, как организовать поездку Н. С. Хрущева, чтобы убедить его в могуществе американского капитализма и вынудить пойти на уступки. Гарриман писал тогда: «Будучи убежденным коммунистом, он никогда не отступит от своей веры в марксизм... Но я считаю также, что более точное представление об американской силе (!) и жизнеспособности может привести его к пересмотру некоторых его схематических представлений...»

Тринадцать дней спустя тот же Гарриман выступил со статьей в журнале «Лайф». Описывая уже известную нашему читателю организованную им у себя на квартире встречу Н. С. Хрущева с враждебными нам монополистами, он уныло констатировал: «Со своей стороны, я не видел никаких перемен в решительном, уверенном в себе, полном жизнерадостности Хрущеве, с которым я беседовал в Москве».

И тот же «Лайф», суммируя впечатление своих обозревателей от встреч с главой Советского правительства, заявил: «Окончательный облик — человек с железными убеждениями, не оставивший сомнения в том, чего он хочет». Под этим заголовком журнал напечатал статью о том, что Н. С. Хрущев хочет только одного — мирного сосуществования...

Пресс-конференция Н. С. Хрущева подходила к концу. Поглядев на часы, он сказал, показывая на груду записок, на которые не успел ответить:

— Господа, вопросов еще много, я бы с удовольствием ответил на них, но часы ведут свой счет. Мне предстоит скоро выступать по телевидению. Поэтому разрешите мне в заключение самым искренним образом поблагодарить вас за внимание, пожелать вам успехов. Я просил бы вас не жалеть своего труда для того, чтобы обеспечить хорошие отношения между нашими странами, чтобы были дружба, мир между нашими странами, чтобы был мир во всем мире.

Журналисты встали и долго аплодировали. В их аплодисментах сказывалось неподдельное восхищение «человеком с железными убеждениями», который за три-

надцать дней завоевал всеобщие симпатии в этой сложной и противоречивой стране, где подавляющее большинство людей все еще остается в плену мифа о превосходстве капиталистического образа жизни.

Им импонировала в первую очередь великая сила идейной убежденности и уверенности Н. С. Хрущева — та сила, которой не хватает капиталистическому миру. Об этом хорошо написал один наш идейный противник, отдающий себе отчет в том, какую опасность для капитализма представляет такое положение вещей. Мы имеем в виду выступление итальянского посла в Бонне Пьетро Кварони на страницах близкой к Аденауэру газеты «Рейнишер Меркур». Вот что он заявил:

— Русские коммунисты обладают самой страшной из всех вер: научной верой. Они верят, что обладают научным ключом к точному объяснению вопросов внутренней и внешней политики. И в силу этой научной веры они считают, что наш мир должен погибнуть, что все мы рано или поздно должны стать коммунистами... Русские твердо убеждены в том, что коммунизм дает единственную возможность для преодоления трудностей нынешнего исторического мирового кризиса. Это их сильная сторона. Чтобы выиграть мирное соревнование, мы должны доказать, что наше демократическое общество, наша система могут лучше и легче, чем коммунистическое общество и коммунистическая система, преодолеть трудности...

Пьетро Кварони не дает ответа на вопрос, как это можно сделать. Ну что же, синьор, попробуйте! Но не забывайте — Н. С. Хрущев честно предупредил, что капиталистический мир вступает в соревнование с коммунистическим миром в трудных условиях: «Вам нравится капитализм,— сказал он, выступая в Питтсбурге,— ну что же, бог с вами, живите при капитализме, продолжайте ехать на своем старом коне. А мы на новом, свежем, социалистическом коне, и нам будет легче догнать и перегнать вас...»

О том, как быстро мчит вперед свежий, социалистический конь, Никита Сергеевич особенно подробно и ярко рассказал американскому народу в своей речи, передававшейся по всей стране из студии телевидения, куда он направился прямо из клуба печати, распрощавшись со своими спутниками.

О выступлении Н. С. Хрущева по телевидению мы расскажем позже. А сейчас поговорим о неутомимых и деятельных спутниках Н. С. Хрущева в поездке по США — журналистах и об американской печати.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ «ШЕСТОЙ ДЕРЖАВЫ»

В XVIII веке в Англии называли прессу «четвертым сословием» — три, привилегированных, заседали в парламентских креслах, а она, разночинная, толпилась на хорах.

В те времена газетчики носили меньше синяков, поскольку им еще не обивали бока своими камерами и объективами фотокинокорреспонденты и операторы телевидения, отвоевывающие выгодную «точку съемки» с энергией и бесстрашием золотоискателей Эльдорадо. В XIX веке, притом, как говорят, в России, вынырнуло названние «шестая великая держава», в противовес пяти европейским, составлявшим тогда главную силу мира.

Не без основания можно утверждать, что в изобретении этих почтенных титулов заводной пружиной было журналистское самолюбие и даже честолюбие. Как бы там ни было, «шестая держава», не будучи признанной по дипломатическому протоколу и не претендуя на делегатские места в Организации Объединенных Наций, продолжает существовать и сейчас, наращивая силу и поднимая все новую бумажную целину.

Сила эта серьезная, реальная, способная служить и правому и неправому делу. Всякое бывает. Перья нередко покупаются так же, как винтовки и пушки, а пропагандистские базы выдвигаются в некоторые районы мира раньше, чем морские и авиационные.

На Западе с прессой считаются даже миллиардеры, которые не считаются ни с чем, в том числе с конгрессами и сенатами. В силу этого нередко случается, что миллиардеры предпочтают иметь собственную прессу, водя ее, как дама собачку, на золотой цепочке. А собака не дура, на хозяина не лает. Однако свет клином не сошелся. Бывают в прессе армии ландскнехтов. Но бывают и армии прессы, шагающие в громе революций,

бывают рыцари прессы, которые, сражаясь за правое дело, гибнут в бою, как Юлиус Фучик и Ярослав Галан.

Словом, в «шестой великой державе» есть также свои лагери — капиталистический и социалистический. А так как поездка Н. С. Хрущева по США была мировым событием, проходила по переднему краю мировой политики, то на эту передовую и двинули свои ударные армии оба лагеря «шестой великой державы».

Вот как описывает подготовку к дислокации этих армий помощник государственного секретаря США Эндрю Бердинг: «Визит Хрущева поставил перед нами проблему, представляющую особый интерес... Я имею в виду приготовления печати к этому визиту. Это возложило на Белый дом и государственный департамент колоссальную задачу. О ее масштабах можно судить по двум группам цифр. Во-первых, государственный департамент в связи с этим визитом выдал удостоверения личности не менее чем 2500 журналистам и фотокорреспондентам американской и иностранной печати, представителям радио, кинохроники и журналов плюс 41 советскому журналисту. Из этого числа около 750 удостоверений пришлось на долю радиотелевизионной системы. Во-вторых, нам пришлось подготовить транспорт приблизительно для 300 журналистов и фотокорреспондентов (за их счет) плюс для должностных лиц отдела печати и работников радио и телевидения. Это потребовало трех, а затем четырех специальных самолетов и семи, а потом девяти специальных железнодорожных вагонов...»

Эпическое повествование помощника государственного секретаря не совсем точно отражает численность ударных армий «шестой великой державы». Э. Бердинг не учитывает сотен представителей местной и даже иностранной прессы, которые не смогли добиться каких-либо удостоверений при всем своем желании и действовали доморощенными методами на собственный страх и риск. Как мы уже сообщали, американский журнал «Лайф» считает, например, что поездку обслуживало в общей сложности пять тысяч корреспондентов. Следовательно, многие из них должны были с бою брать места в переполненных гостиницах, устраиваться «зайцами» на самолеты и в автобусы, просачиваться сквозь железные

полицейские решетки с текучестью воды и пронзительностью ветра.

И вся эта армада денно и нощно, всеми правдами и неправдами вела сражение с полицией и между собой за наиболее близкую «точку» к Н. С. Хрущеву, ловила каждый его взгляд, каждое слово, каждое движение. Наиболее беззаветные дежурили у гостиниц, когда Н. С. Хрущев уже засыпал, и находились на своих постах, когда он просыпался, в надежде, что он откроет окно или выйдет на балкон и, таким образом, его можно будет еще раз сфотографировать или задать ему вопрос. Шелестели блокноты в рассветной чаще декоративных кустарников у резиденции и у отелей, из крон деревьев, словно клювы марсианских птиц, высовывались телеобъективы...

Тот, кто задумал бы сделать полный обзор только американской прессы, не говоря уж о мировой, за тринадцать дней визита, взял бы на себя задачу непосильную: это все равно, что пытаться тащить на спине Казбек. В этом убеждают даже самые отрывочные факты. Так, например, 1755 ежедневных американских газет посвящали Н. С. Хрущеву и его выступлениям в каждом номере по нескольку страниц. Если бы издать отдельными сборниками статьи американских газет и журналов, посвященные визиту Н. С. Хрущева, составилась бы библиотека примерно в тысячу увесистых томов. Чтобы их прочесть, человеку понадобилось бы около шести лет, а чтобы добраться до смысла доброй половины из них, не хватило бы и шестидесяти.

Американцы считают, что ни одна предвыборная кампания республиканцев или демократов в печати и по телевидению не освещалась с таким беспримерным размахом.

Телеграфные и радиотелеграфные линии связи работали так, что, метафорически выражаясь, у телетайпистов клавиши под руками нагревались до температуры белого каления. Служащие узлов связи от переутомления засыпали над аппаратами, а ночью, во время коротких передышек, им снилось, что они продолжают вести передачу. Только одна телеграфная компания «Уэстерн юнион» — а их в стране несколько — передавала в день до 400 тысяч слов, что составило бы семь толстых книг. В телеграфном пункте городка Кун-Рапидс (штат

Айова) обычио передавалось около ста слов в сутки, и телеграфист, находясь на службе, мог сколько угодно читать новейшие комиксы, а в перерывах ходить в церковь или пить виски. В деиь пребываиия Н. С. Хрущева, которое длилось всего два с лишиим часа, отсюда было передано сто тысяч слов. Таким образом, телеграфный пуикт Куи-Рапидса, правда с помощью резерва главного командования — дополиительиого арсеиала телетайпов и большого отряда телетайпистов,— выполиил свой плаи почти иа три года вперед.

Кто-то, кажется король Ричард III у Шекспира, в критическую мииуту требовал: «Койя, коия... Полцарства за коия». Мы ие знаем, что могли бы журиалисты отдать за одиу иочь иормальиого сна, но думаем, что примеиительио к возможностям их цеиа была бы ие ииже королевской. Спать хотелось круглые сутки потому, что иногда, если не считать клевков иосом в автобусе и самолете, приходилось круглые сутки ие спать: с утра до иочи движеиие по иапряжеиному графику, встречи, выступления, а ночью еще иадо писать и передавать.

Особеино туго порой приходилось советским журналистам: им мало было все записать и иаписать, иадо было еще соединиться по телефону с Москвой, или Киевом, или даже Ташкеитом и Алма-Атой, где в глухую пору американской ночи был уже деиь — разиица во времеии в разиых пуиктах составляла от семи до десяти часов,— или, записав и иаписав, переписать все иа машинке с латинским шрифтом. К тому же, вопреки легенде об американской организованиости, размещеиие в гостииицах проходило в неразберихе и беспорядке, вещи по нескольку часов колесили неизвестио где и для чего, их иередко приходилось искать на другом конце города, и часто нас начинали будить, не дав усиуть.

Случались курьезы, приводившие в недоумение и смущение наших американских коллег.

В Сан-Франциско иакаиуне отлета в Айову самые удачливые легли спать часа в 2 ночи, а в 4 часа утра иас разбудили, сообщив, что к 5 надо погрузить вещи в автобусы и собраться в клубе печати с эмблемой чериой кошки. Надо — зиачит надо, хотя, собственно говоря, иикто поиятия ие имел, для чего это надо. А когда мы

собрались, выяснилось, что самолет уходит лишь около 8 часов.

— Но для чего нас так рано подняли?

— Чтобы вы могли выпить по чашке кофе...

Кстати сказать, лед «холодной войны», быть может, прежде всего треснул в отношениях между советскими и американскими корреспондентами. Они характеризовались дружеской простотой, попытками профессионального взаимопонимания, а нередко и практической помощью друг другу на условиях взаимности. Не было почти ни одного случая, когда американские и советские журналисты вступили бы в какой-либо серьезный конфликт. Правда, это не исключало обмена шпильками и остротами, что в конечном счете отношений не портит. На аэродроме Эндрюс перед прибытием Н. С. Хрущева корреспондент агентства Юнайтед Пресс пошутил:

— На Луну прибыли вовремя, а в Вашингтон опаздываете...

И тут же получил ответ:

— При полете на Луну не было такого встречного ветра, какой дует в лоб нашему самолету «ТУ-114»... Наведите порядок в своей погоде, и опозданий не будет!

Еще пример.

Самолет шел над пустынными районами штатов Колорадо и Аризона. Внизу красноватые выжженные долины, черные с белыми шапками горы и прозрачная синька сухого тумана. Один из американцев, указывая на гигантские красноватые расщелины Гранд-каньона, сказал:

— Одно из чудес света!

— Да,— согласился советский коллега,— похоже, чтобы не канителиться с путешествием в космос, вы организовали лунный пейзаж прямо у себя на дому!..

Но шутки шутками, а дело делом.

Сейчас, всесторонне оценивая результаты визита Н. С. Хрущева, американцы приходят к выводу, что в корпусе прессы были допущены излишества.

Вот одна из зарисовок, позаимствованная из остроумной статьи «Пресса заработалась», опубликованной в журнале «Тайм»:

«Для трудолюбивого журналиста первая его профессиональная заповедь — добыть сообщение. Стремясь под неусыпным оком требовательного редактора выполнить

эту освящеиную временем миссию, хороший репортер или фотокорреспондеит, неотступио преследуемый страхом, что его обойдут конкуренты, пускается на самые изобретательные выдумки, на которые он только способеи. Когда более 300 репортеров и фотокорреспоидентов собираются для того, чтобы осветить в печати одио из крупиейших за всю их практику событий, вся их изобретательиость в совокупности может вызвать настоящий хаос и свалку.

Когда Хрущев-путешествеиник, посетив универсальный магазин в Стоуитауие, близ Саи-Фраициско, хладнокровио постукивал пальцем по дыне или сжимал в руках грейпфрут, иетерпеливая журиалистская стая иеожидаиио заполиила все помещеиие. Журналисты взбирались на мясные продукты и бакалею. Один из фотокорреспоидентов в борьбе за выгодиую для съемки позицию упал в холодильник со сливочным маслом; другой влез на витрину с мясом, третий до верха своих ботииок погрузился в плавленный сыр. Низкорослый фоторепортер иаиял (за 5 долларов) продавца этого магазиия, уселся ему иа плечи и погонял своего двуиогого коия по проходам между прилавками, покрикивая: «Быстрее, быстрее!..»

«Прекратите!» — вдруг раздался возмущенный голос продавца за мясным прилавком.

Фотокорреспондент Бартои Глиии взобрался на мясной прилавок, ие обращая внимаиия иа протесты продавца, требовавшего, чтобы тот перестал делать своими иогами из мяса отбивные котлеты. Продавцу удалось очистить от него прилавок только тогда, когда ои подкатил ему под ноги круглую колоду, служащую для рубки мяса, о которую тот споткиулся. Другой ретивый фотокорреспондент на глазах у удивлеииой матроны влез на детскую коляску и оттуда прыгнул на движущуюся леиту конвейера. Пока он силился иавести свой аппарат, лента уиосила его все дальше от цели. «Остановите эту штуку! — орал он.— У меия пропадает сиимок». В глубиие магазиia среди стука падающих коисервиых банок и звоиа разбиваемого стекла послышался голос одной из покупательииц, которая, не веря своим глазам, сказала, покачивая головой: «Я никогда ие видела, чтобы люди так вели себя...»

Свалку, которую устроили представители прессы в универсальном магазине и на ферме Гарста в Кун-Рапидсе, можно было бы объяснить рвением журналистов, стремящихся добыть материал для своих сообщений. Но своим диким поведением журналисты, теснившиеся вокруг Хрущева, фактически испортили себе все дело: репортера, которому удавалось пробиться вперед и услышать хотя бы одну фразу из беседы, часто тут же оттесняли далеко в сторону, и ему не удавалось больше ничего услышать; другие, решившие прибегнуть к электронике, приносили с собой небольшие портативные звукозаписывающие аппараты, но, когда они начинали прослушивать свои записи, в них не было слышно ничего, кроме возгласов их коллег-журналистов, оравших друг на друга. Кое-кто из старых журналистов — ветеранов карандаша и блокнота — сокрушенно признавал, что репортерам, которые сидели у телевизионных приемников, далеко от теснившейся и толкавшейся толпы, удалось написать самые полные отчеты».

Не думаем, чтобы в этой зарисовке журнала «Тайм» было много преувеличений.

В общем, по признанию американской прессы, никогда ни один визит в США не освещался таким количеством корреспондентов, фотографов, кинооператоров и работников телевидения, как визит Н. С. Хрущева.

Как же эта многочисленная, шумная и энергичная армия прессы, представлявшая не только различные лагери, но и многочисленные противоречивые международные и американские интересы, освещала поездку? Насколько оправдала она на этой международной передовой высокое звание «шестой великой державы»?

Джордж Грин, директор бюро общественной информации США, в свое время сказал: «Дайте мне три недели и соответствующий механизм, и я изменю так называемое умонастроение американцев по любому вопросу». Это роднит Джорджа Грина сразу и с Наполеоном, который не сомневался, что может разбить со своими гренадерами любую армию, и с Архимедом, который говорил, что он сдвинет земной шар своими рычагами, если ему дадут точку опоры. Как известно, Наполеон был сам разбит. Что касается Архимеда, то он был прав, но не нашлось подходящей точки опоры.

А как с Джорджем Грином?

Соответствующий «механизм» он имеет — американская пресса обширна, шумна и энергична. В минувшие годы «холодной войны» этот «механизм» обладал всеми чертами усовершенствованной установки по производству искусственного льда. Основная деятельность развивалась в двух направлениях: дезинформация относительно истинного положения дел в Советском Союзе и выворачивание наизнанку подлинных мотивов и направлений советской внешней политики. За разнообразием приемов американские газеты не гонялись, каждая стандартная мысль отливалась в стандартной фразеологической опоке.

— Как живут в Советском Союзе? — Умирают с голоду и ходят в лаптях.

— Какой в СССР труд? — Принудительный. «Принудительно» поэты сочиняют любовную лирику; «принудительно» танцуют в «Лебедином озере» Галина Уланова и Майя Плисецкая, пишет новые симфонии Дмитрий Шостакович, выигрывает в шахматы Михаил Ботвинник, побеждают советские спортсмены в олимпийских состязаниях; на условиях «принудительности» советские конструкторы построили самолеты «ТУ-104» и «ТУ-114», атомную электростанцию и атомоход, величайший в мире синхрофазотрон, создали атомную и водородную бомбы, искусственное сердце и расчеты по космонавтике...

Не больше изобретательности проявляла американская пресса и в дезинформации о советской внешней политике. У известного щедринского героя была только одна концепция — «тащить и не пущать». Американская пресса действовала по сходному принципу — правду не пущать, а идеи поносить. Французы ведут войну против демократического Вьетнама? — Козни Кремля! Советский Союз предлагает запрещение атомного оружия и разоружение? — Не соглашаться, не верить: козни Кремля!.. НАТО, СЕАТО и СЕНТО — это союз ангелочков с белыми крылышками, альянс Красных Шапочек для защиты от Серого Волка, а Варшавский договор — козни Кремля...

Так они писали, так многие пишут и сейчас. Вот, например, в журнале «Мэгэзин оф Уолл-стрит» чернильные близнецы Чарльз Бенедикт и Джеймс Батлер опублико-

вали статью «Как я себе это представляю». Как же, к примеру, представляют они себе разоружение? А вот как: «Внимательно читая предложение г-на Хрущева о разоружении, мы находим, что оно направлено непосредственно на подрыв НАТО с целью высвободить вооруженные силы России и покрыть таким образом дефицит рабочей силы, а также снизить огромные расходы на гонку вооружений и таким путем ускорить выпуск товаров для гражданских нужд...»

Загадочно и страшновато! Читают, вероятно, читатели статейку Ч. Бенедикта и Д. Батлера и хватаются за голову: как расшифровать сии бездны премудрости? Почему разоружение Советского Союза означает «подрыв НАТО», если американцы утверждают, что это чисто оборонительный пакт? Ведь обороняться-то будет не от чего! Но, быть может, вопреки официальным американским утверждениям, авторы считают НАТО агрессивным блоком? В таком случае почему он должен «подорваться» на «ускоренном выпуске товаров для гражданских нужд»? Или советские электрические утюги и капроновые чулки сильнее авиаматок и атомных пушек НАТО?

Как говорится, в огороде бузина, а в Киеве дядька.

Вот так частенько американская пресса «делает политику»...

Направление этой пропаганды определялось политикой «с позиции силы» и «холодной войной». А фанерный язык и безалаберность мысли? Они в традиции американской буржуазной прессы.

Советский журналист, если бы он неправильно передал высказывание или извратил цитату, для начала получил бы крупный нагоняй, а при повторении подобных фактов был бы освобожден редакцией от работы в газете или журнале. Американский журналист может извратить и передернуть что угодно, может высосать факты из пальца или взять с потолка, как говорится, сшить меховую шубу из собственного носового платка,— и с него, как с гуся вода.

Ведь была же издана в Америке книжка с картой на обложке — книжка, в которой утверждалось, что весь Киев окружен сплошным кольцом концентрационных лагерей. А когда американской делегации, приехавшей с этой книжкой, предложили осмотреть окрестности го-

рода на любом расстоянии и любым способом — с автомобиля и самолета,— она вынуждена была признать: видели много садов и один небольшой танкодром, а концентрационных лагерей нет и в помине. Что ж, может быть, авторов осудили хотя бы в прессе, а книжку изъяли?

Ни то, ни другое. Здравствуют.

Таковы «свободные» традиции «свободной» американской прессы.

Отметим еще одну черту, не лишенную интереса.

Если советский журналист высказал бы сегодня одно мнение, завтра другое, а послезавтра третье, он потерял бы всякое уважение, его заклевали бы читатели, поджарили бы критикой, предложили бы стать флюгером на крыше. Совсем иначе обстоит дело с американскими журналистами: сегодня они могут писать одно, завтра — другое, и, если это по каким-либо мотивам устраивает газету, ровным счетом ничего не случится. Флюгером можно быть и в прессе.

Солидная газета «Нью-Йорк геральд трибюн» писала, например: «...несомненно, что эта поездка не подтвердила ни чрезмерных надежд одних, ни чрезмерных опасений других». Попробуй, докопайся до смысла, разберись, что означает эта фраза в стиле чревовещателей и астрологов!

Но, быть может, это и есть подлинная оценка визита?

Ничего подобного!

Уже на следующий день «Нью-Йорк таймс» в статье «Следующий шаг — совещание в верхах» писала: «...темные тучи, которые нависли над миром из-за берлинского кризиса, приобрели, по крайней мере временно, серебристый оттенок». Ей вторила «Нью-Йорк геральд трибюн»: «...инициатива Президента была успешной. Предлагая обменяться визитами, он главным образом имел в виду вновь открыть засорившиеся и законсервированные каналы отношений между западным союзом и СССР».

От безнадежности «одних и других» к успеху, от обмазывания облаков дегтем до покраски серебром — и все это всего лишь через сутки. Поневоле вспоминается старая песенка «По морям, по волнам, нынче здесь, завтра там»...

Но, повторяем, такая неразбериха, такое перекладывание руля на полном ходу в традициях американской прессы. В ней выработалось стремление во что бы то ни стало, хотя бы в ущерб здравому смыслу и элементарной логике, подавать материалы в сенсационном духе. Это носит даже специфическое название — «ньюс», новость. А о том, что означает в американском понимании слово «новость», говорят следующие определения: «если собака укусила человека — это не новость; если человек укусил собаку — это новость». В общем, новость — это то, что заставляет читателя схватиться за голову и воскликнуть «Боже мой!» Но так как мир подобными сенсациями не так уж богат, а без этого большинство американских газет не могут жить, то и приходится делать из мухи слона или муху из слона.

Именно в таком стиле сенсационных «новостей», нанизав их, как шашлык на железный прут, на тенденцию политики «с позиции силы», и сообщала американская пресса о советской жизни в период разгара «холодной войны». Если верить американским газетам того времени, то Советская власть давным-давно рухнула, пятилетки потерпели крах, все население страны вымерло от голода, а вдобавок ко всему «советский коммунизм» захватил Бирму, Цейлон, Индонезию, Сирию, Иран, Ирак, Афганистан, Индию, Южную Америку, за исключением Никарагуа и Коста-Рики, и находится в Нью-Йорке, у Вашингтон-сквера, на ближайших подступах к Уолл-стриту. Это были удивительные переливы девственно невежественной мысли. Становилось похоже, что упомянутый выше «механизм» Джорджа Грина работает исправно и дает в области пропаганды устойчивые результаты.

Но полетел спутник. Он пробил навылет монблан пропагандистского мусора, заслонявший от американцев истинный горизонт. Неудержимо и повсеместно стал расти интерес к Советской стране, о которой плели столько небылиц и в которой оказались возможны такие научные чудеса. В американских школах и университетах началось изучение русского языка. Плацдарм для поверхностной болтовни и дезинформации сузился, под давлением общественности американская пресса вынуждена была все больше обращаться к объективным фактам. Эпоха замерзания проходила. Начиналась эпоха таяния.

В канун поездки Н. С. Хрущева в США буржуазная пресса переживала как бы святочную ночь: она гадала. Каждая газета и каждый обозреватель на свой лад — одни на основе реального подхода к фактам и тенденциям, другие на кофейной гуще вымыслов и домыслов. Были попытки и запустить зонд-шары, заранее поставить Н. С. Хрущева перед чуть ли не ультимативными требованиями; были и попытки запугать общественное мнение, заморозить его надежды.

Имея в виду главу Советского правительства, американский журнал «Форчун» писал: «Лучше всего быть начеку... Он почти наверняка надеется разоружить нас в буквальном и фигуральном смысле слова — тактика, которая также может вызвать новую напряженность между Соединенными Штатами и их союзниками».

Перехватывая эстафету у американских собратьев, неслась восьмерками к финишу лондонская «Дейли телеграф».

Рывок вперед: «Даже самый ослепленный и предубежденный аналитик вряд ли может не расценить события последних дней и, в частности, роль, которую играет в них центральная фигура, как замечательную демонстрацию нового духа примирения и компромисса, овладевшего общественным мнением».

Пируэт вправо: «Поэтому, если г-н Хрущев действительно хочет ослабления напряженности, он должен почувствовать стимул отправиться в Вашингтон с гораздо более обнадеживающими планами, чем все, что он предлагал до сих пор».

Унылая рулада на финише: «В недавних заявлениях г-на Хрущева, сделанных как для иностранного, так и для внутреннего потребления, мало что оправдывает оптимистические выводы».

«Дейли телеграф» благоразумно умолчала относительно того, чего хотелось бы ей для успеха совещания — подразумевай, что угодно. Самое главное состояло в том, что предусмотрительно были зарезервированы все возможности и предупреждены все итоги — от успеха до полного провала — и все варианты требований с таким расчетом, чтобы при любых поворотах событий газета могла воскликнуть: «А что, мы как раз об этом и говорили!» Не будучи в состоянии разобраться в истинном положении дел на мировой арене и опасаясь попасть впросак со

своими преждевременными диагнозами, в таком тоне цыганок-гадалок выступали и многие американские газеты.

«Ох, как бы не оказаться между молотом и наковальней!» — такими именно опасениями можно охарактеризовать изначальную реакцию некоторых французских органов печати. Наиболее откровенно писал об этом Франсуа Онти в бюллетене «Монд дипломатик». «Что произошло бы,— тревожился Онти,— если бы в один прекрасный день эти две державы (СССР и США.— *Авторы*) пришли к соглашению, объединив свои силы? При нынешнем положении вещей они могли бы, безусловно, диктовать свою волю по самым важным вопросам».

Опасаясь сговора двух в ущерб союзникам по НАТО, Франсуа Онти счел полезным предупредить Америку: «Американо-советское согласие, даже если бы оно было осуществимо, вместе с тем могло бы повлечь за собой распад системы западного союза и изолировать Соединенные Штаты». Припугнув, таким образом, США, Франсуа Онти задумался: а достаточно ли? И, поразмыслив, решил подкинуть пару и жару: «Наконец, рано или поздно, создалась бы третья сила из держав, оставшихся вне американо-советского союза. Эти государства обеспечили бы себе роль арбитра в случае новых разногласий между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Это тем более возможно, что приоритет Вашингтона и Москвы в области атомного оружия и ракет, вероятно, не будет вечен и что после Великобритании, а вскоре и Франции, быть может, ими также будут располагать и другие государства».

Конечно, если дела так пойдут и дальше, атомным оружием, вероятно, смогут располагать и другие державы, тут Франсуа Онти прав. А вот сговор США и СССР за спиной своих друзей и союзников — это уже чистая фантастика, вроде высадки на кольце Сатурна. Мы и приводим высказывания Франсуа Онти для того, чтобы показать, сколько различных интересов переплеталось с визитом Москва — Вашингтон и сколько различных кругов прилагали силы, чтобы повлиять на них с точки зрения своих действительных или воображаемых интересов.

И все же, несмотря на тактику зондажа, туманную ультиматівность, лирику и фантастику, основной тон

мировой, в том числе и американской, прессы был оптимистичным. Правда, с американской стороны это был по преимуществу весьма осторожный оптимизм, в отличие от советской прессы и прессы социалистического лагеря, которые решительно, без всяких фразеологических кружев и заячьих петель утверждали, что условия в мире изменились, что визит необходим и полезен, что результатом его будет смягчение международного положения, большее доверие и взаимопонимание на пути переговоров.

Как известно, именно прогнозы советской прессы и прессы социалистического лагеря оправдались полностью; всякий желающий может легко проверить это, просмотрев подшивки газет и журналов того времени. Но и тот осторожный оптимизм, который проявили наиболее солидные издания американской прессы в канун визита, был несомненным и полезным прогрессом.

«Отношения с Советским Союзом зашли почти что в тупик,— писала газета «Вашингтон пост».— При всех опасностях личной дипломатии следует тем не менее попытаться исследовать возможности выхода из тупика, поскольку ни в Вашингтоне, ни в Лондоне не питают иллюзий насчет разрешения всех проблем на одном совещании... Фактически основной ценностью обмена визитами с г-ном Хрущевым может явиться то, что этот визит откроет двери для последующих встреч».

Известный обозреватель газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» Уолтер Липпман заявлял: «Все, что мы выражаем, принимая г-на Хрущева, это нашу собственную готовность посмотреть, нет ли путей, которые могли бы привести к перемирию в «холодной войне», если он так же готов сделать это».

Гораздо дальше, чем американские газеты, шли в оценке значения визита не только рядовые американцы, но и влиятельные деятели. По сообщению журнала «Форчун», когда Н. С. Хрущев положительно высказался о контактах США — СССР, биржа Уолл-стрита резко реагировала на это падением акций, связанных с военным производством. Видный эксперт по ценным бумагам Уолтер Гутман говорил своим клиентам: «Это поворотный пункт в «холодной войне»... Настоящий. Если бы у меня было много акций в некоторых электронных, самолетостроительных, авиационных и ракетных предприя-

тиях, я решительно продавал бы их». Заявление это, как признает журнал, имело куда больший успех, чем скепсис и даже осторожный оптимизм газетных обозревателей. «Многие бизнесмены приняли этот совет, и, по меньшей мере в течение нескольких дней, «оборонные акции» страшно сбрасывались»,— сообщал «Форчун».

Американская буржуазная пресса в канун визита, откровеиио говоря, побаивалась чересчур широкого проявления симпатий к Н. С. Хрущеву со стороны американского иарода, усердно занималась уловлеиием умов и душ в сети скептицизма и недоверия. Эту тенденцию, не прибегая к широкому цитированию, можио выразить следующим образом: «Н. С. Хрущев приезжает? Что же, с этим ничего ие поделаешь... А как иасчет отношеиия к этому? Прием должеи пройти в духе холодной вежливости... Почему вежливости? Потому, что он представитель великого государства. Почему холодной? Чтобы не уронить достоинство великой американской нации и американского образа жизни...»

Трудно было понять, почему величие американского иарода должно выражаться чопорностью, но американская пресса в исследование столь щекотливого вопроса не вдавалась, ограиичиваясь призывами и заклинаниями. В общем, наилучшим образом отношение американской прессы к визиту можио было бы передать лаконичной русской поговоркой: «И хочется, и колется».

Но вот глава Советского правительства сошел с борта самолета «ТУ-114» и поздоровался с Президентом США Д. Эйзеихауэром.

Начиная с этого момента американской прессе пришлось вступить в полосу непрерывных изменений тоиа по отношению к высокому гостю из Советского Союза.

Некоторые обозреватели, поверившие собственным прогнозам накаиуне визита, попались в собственную ловушку и выбирались из нее с изрядными шрамами на репутации.

Любопытный случай произошел с известным обозревателем «Нью-Йорк таймс» Джеймсом Рестоном. Решив, что в поездке Н. С. Хрущева по стране не будет ничего, кроме «дипломатических банальностей» и приема в духе «холодиой вежливости», он решил не утруждать себя сложными перипетиями путешествия и остаться в Вашингтоне. Однако уже после первых дискуссий и

встреч в Нью-Йорке Джеймс Рестон, пренебрегая соображениями солидности, наскоро упаковал чемодан и бросился в догонку за Н. С. Хрущевым.

Мы полагаем, что нашим читателям будет небезынтересно познакомиться хотя бы с некоторыми определяющими высказываниями американской и мировой прессы в дни поездки Н. С. Хрущева по Америке.

«Нью-Йорк таймс», оценивая результаты визита и непосредственные впечатления о личности самого Н. С. Хрущева, писала: «Никто из пристально наблюдавших за Хрущевым не может сомневаться в его твердом намерении и способности осуществить свои планы... Он продемонстрировал нам такую жизнеспособность, какой здесь не видели несколько десятков лет...»

Английская газета *«Йоркшир пост»* в редакционной статье отмечала: «Недооценка г-на Хрущева не даст ничего хорошего. По своей ловкости, искусности и целеустремленности он, несомненно, принадлежит к крупнейшим политическим и государственным деятелям».

Итальянская газета *«Пополо»* заявляла: «Может быть, будущие историки смогут сказать, что конец лета 1959 года явился концом «холодной войны» во всем мире... Если в общем все прямые встречи виднейших ответственных политических деятелей полезны в любой ситуации и в любое время, никогда еще так, как летом 1959 года, не была столь своевременной и решающей для мира во всем мире встреча Президента Соединенных Штатов с советским Премьер-Министром...»

Мы уже писали, что только в самой Америке 1755 ежедневных газет, не считая других органов прессы, освещали поездку Н. С. Хрущева по США, комментировали каждый его шаг, каждую речь, каждое заявление, делали прогнозы и выводы.

А какой же астрономической цифрой выражается количество газет всего мира, газет, каждая из которых вносила свою щедрую лепту в освещение визита? Для того чтобы ответить на этот вопрос, пришлось бы, вероятно, пускать в дело электронно-счетные машины. Вполне понятно поэтому, что мы ограничиваемся минимумом выдержек из прессы, притом главным образом американской.

Но даже из этого краткого анализа и цитат видно, что визит повсеместно получил положительную оценку,

породил оптимистические надежды на окончание «холодной войны», впервые так далеко продвинул дело мира и мирного сосуществования. Многочисленные обозреватели сходились во мнении также и относительно того, что Н. С. Хрущев вряд ли для себя «открыл Америку», поскольку американский образ жизни явно не произвел на него такого впечатления, на которое рассчитывали многие, но зато «Америка открыла Хрущева» как «яркую личность», «грозного полемиста», «крупнейшего политического деятеля современности». Пропагандистская фанера была опрокинута, как забор в городе Эймсе, когда айовские студенты ринулись встречать главу Советского правительства.

Именно к такому выводу приходят все без исключения видные американские обозреватели, которые и сейчас еще продолжают анализировать «последствия урагана, бушевавшего тринадцать дней над Америкой».

Как маршрут поездки не ограничивается Вашингтоном, так и результаты визита далеко не ограничиваются Кэмп-Дэвидом. Это была глубокая политическая пропашка с таким посевом, всходы которого все больше пробиваются на обширных полях американской прессы. Новые всходы, от которых можно ждать обнадеживающего урожая. Обнаружив, что «позиция силы» уплыла из-под ног американской международной политики, пресса — и американская, и западная вообще — бросила свои силы на исследование американского образа жизни, состояния экономики, общенациональных целей и перспектив соревнования с Советским Союзом в частности и социалистическим миром вообще. Пересматривалась и переоценивалась, так сказать, не только мебель в доме, но и конструкция здания от фундамента до крыши.

Так как советские читатели достаточно хорошо знают наши цели и темпы соревнования с Америкой, мы в данном случае приведем свидетельства лишь «другой стороны», свидетельства, которые достаточно серьезны и хорошо отражают сдвиги в американском мышлении.

Показательна статья Уолтера Липпмана, одного из наиболее серьезных и самостоятельно мыслящих американских обозревателей, который в газете «Нью-Йорк геральд трибюн» резко критиковал Соединенные Штаты

за отсутствие «великих целей» и заявлял, что Советский Союз «прежде всего является целеустремленным обществом».

Уолтер Липпман писал:

«При сопоставлении двух социальных систем вопрос заключается в том, может ли наша страна возродить то, чего она не имеет в настоящее время,— чувства великой цели и высокого идеала. Это решающий вопрос. Дело в том, что без возрождения американской цели г-н Хрущев может выиграть состязание в условиях соревнования, при котором вызов бросает он. Если он выиграет это состязание, наше влияние как мировой державы неизбежно ослабиет...

Видимо, среди нас есть люди, которые думают, что с советским вызовом — самым опасным в истории западного общества — можно справиться, поговорив с русскими и приняв резолюции, осуждающие коммунизм, а затем, как обычно, продолжая свои дела и удовольствия. Они воображают себя великими защитниками нашей цивилизации, если они произнесут речь или напишут статью, которая отвечает на некоторые вопросы, поставленные г-ном Хрущевым.

Они ошибаются. Это состязание нельзя будет выиграть с помощью булавочных уколов. Они не сознают мощи нашего противника».

Рассуждая о «великой национальной цели», Липпман не может назвать ни эту цель, ни сил, которые такую цель способны осуществить. Но поиски и того и другого идут лихорадочно. Поживем — увидим, что из этого получится.

Что касается нашей советской прессы, то она, как, вероятно, полагают наши требовательные читатели, могла бы еще лучше освещать поездку Н. С. Хрущева в Америку, чем сделала это, глубже, ярче, разностороннее.

Но одно несомненно: прогнозы советской прессы оправдались, ей не приходилось выворачивать костюм наизнанку, и все то, что она рассказывала, соответствовало действительности.

Быть может, впервые за пределы нашей страны одновременно выехало такое число советских журналистов.

Вот кто представлял нашу прессу в Америке во время визита Н. С. Хрущева:

П. А. Сатюков — главный редактор газеты «Правда», А. И. Аджубей — главный редактор газеты «Известия», М. А. Харламов — заведующий отделом печати МИД СССР, Н. М. Грибачев — главный редактор журнала «Советский Союз», В. И. Орлов — главный редактор газеты «Советская культура», К. Ш. Шарипов — редактор газеты «Социалистик Казахстан», Н. С. Сергеева — главный редактор журнала «Новое время», Г. М. Большаков — редактор журнала «СССР», издающегося в США, И. С. Чернышев — заместитель председателя Государственного комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР, В. П. Хатунцев — заместитель главного редактора газеты «Труд», Д. А. Шариф — заместитель редактора газеты «Москау ньюс», К. К. Узаков — заместитель редактора газеты «Кзыл Узбекистон», Ш. П. Санакоев — заместитель главного редактора журнала «Международная жизнь», И. А. Соколов — заместитель главного редактора журнала «Мировая экономика и международные отношения», В. И. Поляков — член редколлегии газеты «Правда», К. Е. Непомнящий — член редколлегии газеты «Комсомольская правда», Б. В. Иванов — ответственный секретарь журнала «Огонек», Б. Л. Леонтьев — член редколлегии «Литературной газеты», Е. С. Егоров — заместитель начальника управления ТАСС, Е. В. Литошко — редактор газеты «Правда» по отделу американских стран, А. И. Лосев — редактор отдела Государственного комитета по радиовещанию и телевидению, А. Г. Ильюшенко — заведующий отделом газеты «Советская Белоруссия», Р. Г. Хачатрян — от газеты «Советакан Айастан», Б. Г. Стрельников — корреспондент газеты «Правда» в США, Н. Н. Карев — корреспондент газеты «Известия» в США, В. А. Матвеев — корреспондент газеты «Известия» в Англии, Н. В. Курдюмов — корреспондент газет «Труд» и «Советская культура» в США, В. П. Пархитько — специальный корреспондент газеты «Советская Россия», М. З. Гетманец — специальный корреспондент газеты «Радяньска Украина», М. М. Лопухин и М. Р. Сагателян — специальные корреспонденты ТАСС, В. И. Богачев и В. Б. Парамонов — корреспонденты ТАСС в США, А. В. Устинов — фотокорреспондент газеты «Правда», А. Ф. Новиков — фотокорреспондент журнала «Огонек»,

А. С. Гаранин — фотокорреспондент журнала «Советский Союз», В. В. Егоров — фотокорреспондент ТАСС, Н. А. Лыткин и Б. А. Соколов — кинооператоры Центральной студии телевидения, В. Н. Киселев, С. И. Киселев и В. П. Трошкин — кинооператоры Центральной студии документальных фильмов, В. А. Нестеров — звукооператор Центральной студии документальных фильмов.

Советские журналисты работали не только самозабвенно, но и с окрыленностью, потому что, совершая вместе с Н. С. Хрущевым поездку по США, они понимали, что присутствуют при одной из самых замечательных побед своего великого народа, своей страны, дела, которому служат беззаветно.

Немало трудностей они встретили за эти тринадцать дней: бессонные ночи; технические задержки и помехи при передаче своих репортажей; невыгодная для наших газет разница во времени, позволяющая американской печати нередко помещать известия из Советского Союза на день раньше, чем показывает наш календарь, и, наоборот, заставляющая советскую печать публиковать сообщения из США на два дня позже событий; неурядицы при переездах и при размещении — да разве все перечислишь. Все это позади, и, несмотря на все, наши журналисты выдержали трудное испытание. Советская печать, радио, телевидение, кино обеспечили своевременное освещение визита, за которым внимательно следили все советские люди, весь мир.

С величайшим подъемом и энтузиазмом откликалась на визит Н. С. Хрущева в Соединенные Штаты Америки печать стран социалистического лагеря.

Вот лишь несколько отзывов:

«Жэньминь жибао» (Китайская Народная Республика): «Нет никакого сомнения, что поездка товарища Хрущева в США окажет активное и глубокое влияние на разрядку международной напряженности, на дело мира во всем мире... В настоящее время, когда ветер с Востока с каждым днем усиливается, а ветер с Запада с каждым днем ослабевает, все действия, противоречащие стремлению народов всего мира к миру, в конце концов потерпят поражение. Первый визит главы правительства великого Советского Союза в Соединенные Штаты уже оказал на американский народ и народы всего мира глубокое влияние и принесет пышные цветы и сочные плоды».

«Зери и популлит» (Албания): «Улучшение отношений между США и СССР и установление между ними нормальных и дружественных отношений имеют решающее значение для судеб мира во всем мире, для создания атмосферы взаимопонимания между народами, для устранения черных туч «холодной войны»».

«Работническо дело» (Болгария): «Разрушение искусственно созданной стены «холодной войны» между советским и американским народами является великой заслугой Н. С. Хрущева — делом его смелости и решительности, его мудрости и тактичности, его прямоты и сердечности. Н. С. Хрущев говорил перед американцами, и его устами говорили широкая русская душа, глубокое миролюбие советского народа, всеохватывающий гуманизм великих социалистических идей».

«Непсабадшаг» (Венгрия): «Уже сам факт осуществления встречи Хрущева и Эйзенхауэра свидетельствует о том, что руководители США были вынуждены признать, что их политика «холодной войны» зашла в тупик».

«Нейес Дейчланд» (Германская Демократическая Республика): «Результаты первой встречи Н. С. Хрущева и Д. Эйзенхауэра представляют собой большую поддержку для сил мира во всем мире. Визит Н. С. Хрущева показал, что американский народ, так же как и народы Советского Союза, хочет мира и что возможно ликвидировать «холодную войну»».

«Трибуна люду» (Польша): «Это начало, за которым могут и должны последовать окончательная ликвидация «холодной войны», прекращение гонки вооружений и разоружение, постепенное решение наиболее острых спорных проблем, вырабатываемое в ходе терпеливых переговоров, все более дружественное и всестороннее сотрудничество, которому мирное соревнование отнюдь не мешает».

«Скынтейя» (Румыния): «Визит Н. С. Хрущева в США явился хорошим началом. Он может стать началом конца «холодной войны», началом эры международного сотрудничества».

«Руде право» (Чехословакия): «Визит Н. С. Хрущева в США войдет в историю как чрезвычайно важное событие, как событие, которое заложило основу эпохи мирного сосуществования и соревнования двух обществен-

ных систем, эпохи взаимопонимания и спокойствия, которая не будет знать ужасов войны. Этот визит был триумфом политики мира социалистических стран, и прежде всего Советского Союза».

«Нодон синмун» (Корейская Народно-Демократическая Республика): «Наступает время нового исторического перелома, когда в международной жизни, взломав лед «холодной войны», будут господствовать идеи переговоров и мирного сосуществования».

«Унэн» (Монгольская Народная Республика): «Надежды всего человечества, в том числе и монгольского народа, на укрепление мира осуществляются: встречи Председателя Совета Министров СССР с Президентом США ощутимо сказываются на смягчении напряженности в отношениях между государствами».

По самой своей природе, по традициям большевистской прессы наши журналисты, в отличие от буржуазных, не поставщики сенсационного чтива, а общественные деятели, чувствующие свою ответственность за достоверность и правдивость того, что они пишут. Вероятно, именно по этой причине иностранные корреспонденты нередко обращались к советским за помощью, за советом, просили поделиться своими соображениями по поводу того или иного события.

Однажды американский журналист, усталый, вымотанный бесплодной погоней за материалом во имя того только, чтобы получить его на десять минут раньше, чем все остальные, жаловался: «Завидую вам... Вы работаете в прессе, которая ради конкуренции и сенсации не превращает корреспондента в собаку, вынужденную ловить себя за хвост... Знаю, вы критикуете нас за поверхностный подход и спешку. А думать когда?..»

Мы понимали и сочувствовали.

И все же надо признать, что при всех суетных извивах мысли, погоне за дурной сенсационностью, а в иных случаях и при неприкрытых попытках извращать и порочить «шестая великая держава» капиталистического лагеря работала вовсю, освещала визит Н. С. Хрущева в целом положительно и доброжелательно.

Н. С. Хрущев свое выступление на заключительной пресс-конференции в Вашингтоне начал такими словами: — Уважаемые мои спутники журналисты!

И это было действительно так. Правда, не все эти спутники шли по орбите добросовестности и объективности, но, как отметил Никита Сергеевич Хрущев, большая часть журналистов, описывая визит в Соединенные Штаты, пыталась в меру своих сил быть объективной. Он сказал, что журналистам пришлось основательно потрудиться, и поблагодарил их за работу, считая, что в целом они сделали хорошее дело.

Можете радоваться, сказали нам как-то в дружеской беседе американские коллеги: Хрущев заставил нас поработать на популярность Советского Союза, как негров на плантации!

Мы уточнили: И на пользу американского народа.

Помедлив, они согласились: Да, конечно!

Мы уже говорили о том, что никогда, пожалуй, за всю историю через газеты, радио, телевидение правда об СССР не доходила до Америки в таких масштабах, как в эти дни. Под штормовым ветром событий на глазах у всех расползался и летел клочьями бумажный занавес лжи и дезинформации.

Этот процесс зашел так далеко, что перепугал сторонников «холодной войны» и даже заставил некоторых американских идеологов попытаться «нажать на тормоза». Их мечта — найти новые внешнеполитические и внутриполитические концепции, добиться своеобразного «статус-кво», получив от Советского Союза гарантии вечного существования капиталистического мира, организовать идеологическую войну с перенесением ее на территорию СССР.

Один из «отравителей колодцев», как называют в Америке самых оголтелых лгунов, в полном отчаянии позабыв, «правая, левая где сторона», писал в газете «Нью-Йорк таймс» о Н. С. Хрущеве: «Он подписал вашингтонское коммюнике, где говорится «о справедливом и длительном мире», но по возвращении в Москву вернулся к своему лозунгу «сосуществование», который, по его толкованию, означает постоянное подчинение порабощенных стран и свободы для того, чтобы коммунизм мог добиваться новых завоеваний путем подрывной работы».

Дремучая бессмыслица этой фразы не нуждается в специальных комментариях. Как не вспомнить здесь высказывание другой американской газеты, рассказываю-

щей своим читателям о пребывании Н. С. Хрущева в США. «В один из моментов отчаяния,— писала газета «Кэпитл таймс»,— мы потащили его в Голливуд, чтобы показать грубый танец канкан — нелепое зрелище, которое он справедливо высмеял». Вряд ли получит более высокую оценку и тот «канкан», который отплясывает на страницах «Нью-Йорк таймс» отчаявшийся «отравитель колодцев».

Некоторые газеты писали, что, хотя визит закончился, Советский Союз будет теперь и дальше доминировать на международной сцене. Разумеется, это не может не отразиться и на мировой прессе. И никакие попытки вернуться к прежнему положению, заштопать разнесенный в клочья занавес дезинформации уже не помогут.

«Шестая великая держава» вынуждена поворачиваться лицом к неумолимым фактам современности.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ С АМЕРИКОЙ

Шли последние часы пребывания Н. С. Хрущева на американской земле.

Наступал вечер 27 сентября. Над Вашингтоном уже сгущались сумерки, и в сотнях тысяч окон засветились огни. По всей Америке люди, как обычно бывает в воскресный вечер, сидели у телевизоров. Но на этот раз они ждали не просто наиболее интересную передачу недели: телевизионная компания «Нейшнл бродкастинг компани», каналы которой проходят по всей стране, заранее сообщила, что она будет передавать выступление Председателя Совета Министров СССР, обращенное к американскому народу. Интерес к этому событию был необычайно велик, и газеты писали, что практически все американцы, имеющие телевизоры, включат в 6 часов вечера свои аппараты, причем в тот час к ним придут в гости все их друзья, у которых телевизоров нет.

Мы тоже ждали выступления Н. С. Хрущева. Некоторые из нас сидели у телевизора в гостинице, где разместились советские журналисты. А те, кто были в городе, поспешили к ближайшим ресторанчикам, где имелась возможность посмотреть по телевидению выступление главы Советского правительства. Можно было держать пари на любую сумму за то, что в тот час ни один теле-

визор в Вашингтоне не бездействовал. Да и не только в Вашингтоне.

И вот точно в назначенный час на экране телевизора появился Н. С. Хрущев и послышался знакомый голос: «Добрый вечер, американские друзья!» Лицо Никиты Сергеевича было показано крупным планом. Он глядел прямо перед собой, словно вглядываясь в лица десятков миллионов американцев, внимательно смотревших сейчас на него. В его глазах можно было прочесть живой и теплый интерес к этой встрече и подлинно дружеское чувство.

— Я рад возможности побеседовать с вами...— сказал Н. С. Хрущев.— Нам понравились ваши красивые города, чудесные дороги, а главное — душевные, доброжелательные люди. Пусть мои слова не будут восприняты как обычная дань вежливости и уважения гостя к хозяевам.

Люди, побывавшие в Советском Союзе, наверное, рассказывали о том большом добром чувстве, которое испытывает к вам советский народ, о его желании жить с вами в мире и дружбе. Теперь я увезу с собой уверенность в том, что и вы питаете к советским людям такие же чувства. Об этом я расскажу советским людям.

Американский народ ждал от своего гостя откровенных суждений о тех впечатлениях, которые он вынес из своей поездки. Уставшие от «холодной войны» и гонки вооружений американцы хотели знать, что обещают в будущем те откровенные беседы, которые вели между собой главы правительств, чего им надо ждать и на что надеяться. И Никита Сергеевич с присущей ему прямотой, оценивая должным образом то, что уже достигнуто, и, отстраняя все, что могло бы посеять ложные иллюзии, говорил:

— Я имел очень приятные беседы с Президентом Дуайтом Эйзенхауэром. По всем вопросам, которые мы затрагивали в беседах, у нас во многом было общее понимание как в оценке положения, так и в необходимости улучшения отношений между нашими странами.

Вы сами понимаете, что не так легко преодолеть все то, что накоплено за многие годы «холодной войны». Сколько было произнесено речей, которые не способствовали улучшению отношений, а, наоборот, обострили их. Поэтому нельзя рассчитывать на внезапную перемену обстановки. Процесс улучшения отношений между на-

шими государствами потребует больших усилий и терпения, а прежде всего желания той или другой стороны создать такие условия, которые способствовали бы переходу нынешнего состояния напряженности в нормальные отношения, а затем и в дружбу в интересах упрочения мира во всем мире.

Находясь лицом к лицу с Америкой, глава Советского правительства наглядно и доходчиво разъяснял положение, сложившееся в наше время в мире:

— Представьте себе такую картину. Живут два соседа. Каждому из них не нравятся порядки и образ жизни в доме другого. И вот они разгородились забором. Днем и ночью вместе со своими домочадцами бранят друг друга. Хорошо ли живется таким соседям? Всякий скажет — плохо. Рано или поздно дело может дойти до потасовки.

У плохих соседей все же есть выход: один из них может продать дом и переехать на новую квартиру. А как быть государствам? Ведь они не могут переселиться в другое место! Где же выход?

И тут Никита Сергеевич, глядя в глаза десяткам миллионов своих невидимых слушателей, с силой сказал, вновь возвращаясь к тому, что он предлагал на всем протяжении этой поездки:

— У вас — капитализм, у нас — социализм. Что же нам — доводить из-за этого дело до всемирной свалки? Или же установить нормальные отношения и жить в мире, каждый по-своему? В Советском Союзе все стоят за то, чтобы жить в мире, стоят за мирное сосуществование...

А что нужно для того, чтобы обеспечить мир? Н. С. Хрущев, ведя свою беседу с Америкой, в той же простой и доходчивой форме разбирает одну за другой важнейшие проблемы, которые ждут своего решения: разоружение, ликвидация остатков второй мировой войны. Он разъясняет внесенное Советским правительством в Организацию Объединенных Наций предложение о всеобщем и полном разоружении и строжайшем всеобъемлющем контроле, выражает надежду, что правительство США сумеет преодолеть застарелые предубеждения и что рано или поздно Советский Союз и Соединенные Штаты совместно со всеми государствами найдут правильный подход к решению проблемы разоружения.

Затем он напоминает, что Советский Союз предложил подвести черту под второй мировой войной и что это можно и нужно сделать путем подписания мирного договора с Германией.

— Нам иногда возражают: — продолжал Н. С. Хрущев,— поскольку война велась против Германии, когда она была единым государством, то и мирный договор можно заключить лишь после того, как Германия будет объединена. Но ведь хорошо известно, что сейчас реально существуют два германских государства, и каждое из них живет по-своему. Ни то, ни другое германское государство не хочет отказаться от своего социального строя. Не заставлять же нам силой одно германское государство капитулировать перед другим! Пусть сами немцы договариваются, как им жить, как строить свои взаимоотношения.

Не лучше ли без дальнейших проволочек заключить мирный договор с обоими германскими государствами и тем самым погасить искры в пепле, пока они не разгорелись в новый пожар? Заключение мирного договора погасило бы и тлеющую искру в Западном Берлине, и тем самым была бы создана нормальная обстановка.

И Никита Сергеевич с силой сказал:

— Вопрос о заключении мирного договора с Германией, как и вопрос о разоружении, не легкий. Но именно потому, что это трудные вопросы, их надо решать, не откладывая в долгий ящик.

Но вот Н. С. Хрущев, еще раз подчеркнув жизненную необходимость сохранения и упрочения мира для всех народов, переходит к рассказу о жизни, деятельности и чаяниях советских людей. Для того чтобы жить в мире, говорит он, надо лучше знать друг друга. Позвольте мне хотя бы кратко рассказать о нашей стране, жизни народа, о планах на будущее...

И мы явственно представляем себе, как в ту минуту повсюду, где слушают эту речь, происходит легкое движение. «Чуточку громче»,— просят одни. «Тише, господа! Послушаем, что он скажет сейчас»,— говорят другие, обращаясь к тем, кто только что заспорил насчет германского вопроса. «Сейчас он скажет о том, что у них там происходит!» — восклицают третьи, приглашая к телевизору тех, кто вышел в другую комнату покурить.

До этой поездки рядовые американцы, эти простые, иногда немного наивные, подчас сбитые с толку дурной пропагандой, но честные, жаждущие мира, трудолюбивые и гостеприимные по складу души люди, очень мало знали о нашей стране. Их долго пугали лживыми россказнями о коммунизме. И вот перед ними предстал живой и энергичный, настойчивый в достижении цели и умеющий за себя постоять представитель нового мира. Когда-то Новым светом звали Америку. Теперь же свет идет с Востока, и только глаза, привыкшие к потемкам, щурятся от него.

Сколько новых, поразительных и неожиданных для них вещей узнали американцы в эти дни от Никиты Хрущева! Людей, нравящихся им, они привыкли называть немного фамильярно, но с искренней теплотой, и если Президента Дуайта Эйзенхауэра повсюду здесь зовут Айком, то Н. С. Хрущева почти все в эти дни зовут Никитой.

Правда, и до этого из Москвы долетали новости, идущие вразрез с преднамеренно создававшимся годами представлением об СССР как об отсталой стране. Вдруг американцы узнали, что русские *первыми* открыли секрет термоядерной реакции, что они *первыми* построили атомную электростанцию, *первыми* создали искусственный спутник Земли, *первыми* запустили ракету вокруг Солнца, *первыми* поставили на коммерческие авиационные линии чудесные реактивные самолеты, *первыми* доставили свою ракету на Луну...

Как, почему Советский Союз стал опережать Америку, когда им внушали, что США всегда и во всем первая страна, первая в любом научном и техническом деле?

Одни говорили: это случайность; другие: это результат принудительного труда; третьи: это красная пропаганда, не больше. Такие объяснения никого не удовлетворяли. И вот теперь приехал сам глава Советского правительства, и американцы, слушая его доходчивые, неотразимо убедительные выступления, стали соображать: пожалуй, все дело в той общественной системе, которую избрали эти люди. Нравится она вам или не нравится, это другой вопрос, но успехи ее налицо...

До американцев дошло наконец понимание той простой для каждого советского человека истины, что социалистическое общество способно развиваться и действи-

Надпись вверху: «В поисках красных... 1954»
Надпись внизу: «В поисках красных... 1959»

Рис. Ирдлея из газеты «Балтимор сан» (США)

тельно развивается необыкновенно быстро и что в конечном счете советские спутники, ракеты, реактивные самолеты, атомные электростанции, бурный рост производства кукурузы, мяса, молока и масла — это лишь отдельные следствия того необычайного, мы бы сказали — вулканически бурного процесса, в ходе которого меняется лицо

земли на огромном пространстве — от Эльбы до Тихого океана.

Это не значит, конечно, что те, кто понял эту истину, прониклись симпатией к нашей системе. Многие, очень многие остаются на позициях старого мира. Это их дело. Но тот факт, что кое-кто понял, насколько эффективна, жизнеспособна и полна неиссякаемых сил социалистическая система, является реальностью, и он не может не оказать своего влияния на дальнейшее развитие международной обстановки.

Американцы ценят откровенность и прямоту в отношениях. Они не любят ходить вокруг да около. И советский гость понравился им потому, что без лишней дипломатии всегда говорил правду в глаза. Вот и сейчас Никита Хрущев говорит, глядя с экранов миллионов телевизоров:

— Вы, надеюсь, поймете меня, если скажу, что те впечатления, которые я получил здесь, и даже то, что мне у вас понравилось, не поколебали моих убеждений в том, что государственный, экономический и социальный уклад жизни в Советском Союзе является самым справедливым и прогрессивным.

Никита Сергеевич говорит с горячей убежденностью коммуниста, отдающего вместе со всей партией и всем советским народом всю свою жизнь делу построения нового, самого человечного и свободного, самого прогрессивного и разумного общества, какого еще никогда не знала история человечества. Он ярко рассказывает своим слушателям, что такое социализм, как выглядит в жизни тот поразительный для американца новый мир, представителем которого он является.

И мы, лишь маленькая частица советских людей, которым посчастливилось в те дни быть в Соединенных Штатах и видеть своими глазами, в какое поистине историческое событие вылилась эта поездка главы правительства СССР, с глубоким волнением следим за каждой фразой, за каждым словом речи Н. С. Хрущева, обращенной к американскому народу, и мысленно представляем себе, как откликается на эти слова Америка.

Надо находиться здесь, в самом центре этой страны, взвинченной долгими годами «холодной войны», еще не избавившейся до конца от насажденного обезумевшими маккартистами страха и подозрений, очень мало сведу-

щей в том, что происходит за пределами ее границ, чтобы в полной мере воспринять глубокое значение того, что сейчас происходит. Уже сам по себе тот факт, что глава Советского государства находится сейчас здесь и слова его в этот час проникают чуть ли не в каждый американский дом, говорит о многом.

Хотя в Вашингтоне, Нью-Йорке и еще кое-где по-прежнему шумят витии «холодной войны» и в западных государствах есть еще немало людей, продолжающих твердить, что с коммунистами нельзя иметь дело и надо готовиться к войне с ними, все сильнее дает о себе знать противоположное политическое течение, представители которого говорят твердолобым:

— Прошли те времена, когда можно было рассчитывать на «отбрасывание» коммунизма. Вы попытались «отбросить» коммунизм из Венгрии в 1956 году. А что из этого вышло? Он утвердился и окреп в венгерском народе еще больше, как родное и самое верное дело народа, уверенно идущего в свое счастливое завтра. Так что же дальше? Пустить в ход атомные и водородные бомбы? Но у коммунистов тоже есть такие бомбы, и, кроме того, у них есть безотказно действующие межконтинентальные баллистические ракеты, а у Соединенных Штатов таких ракет нет. Не лучше ли все же испробовать то, что предлагает Хрущев,— мирное сосуществование? Он отказывается гарантировать, что в условиях мирного сосуществования западные державы будут избавлены от классовой борьбы, так как это — внутреннее дело народа каждой страны. Он говорит, что ни он, ни кто-либо другой не в состоянии сделать этого. Да оно так и есть. Ведь в конце-то концов, говоря между нами, классовая борьба существовала задолго до того, как русские совершили свою революцию, и только в дешевеньких статьях и речах, рассчитанных на простаков, можно утверждать, что Хрущев несет ответственность, скажем, за забастовку сталелитейщиков в Соединенных Штатах, или за события на Кубе, или же за ликвидацию феодальных режимов на Ближнем Востоке. И, главное, что вы выиграете, отказываясь от мирного сосуществования?

В конце концов само по себе приглашение посетить США, направленное Президентом Н. С. Хрущеву, входит в рамки мирного сосуществования. Этот акт явился признанием того, что проводившаяся до сих пор поли-

тика «отбрасывания» коммунизма должна уступить место политике мирного соревнования между двумя системами.

Сейчас еще рано судить, насколько сильны в США позиции тех, кто высказывается за новую, реалистическую политику, но хотя и говорят, что первая ласточка еще не делает весны, однако ее появление всегда напоминает о том, что весна уже не за гóрами...

Такие мысли рождались в головах многих людей, когда они слушали, как Н. С. Хрущев, пользуясь техническими средствами американского телевидения, рассказывал американскому народу правду о нашей стране, о строительстве коммунизма в Советском Союзе. И нам невольно вспомнилось в ту минуту, что телевизионная компания, по чьим каналам передавалась эта речь, принадлежала монополии, одним из хозяев которой является небезызвестный Дэвид Сарнов, тот самый Сарнов, который лишь несколько лет назад предлагал конгрессу «программу борьбы с коммунизмом» и который прилагал так много усилий, чтобы американское радио и телевидение вместо правды о Советском Союзе распространяли ложь и небылицы.

Желая сочетать политический бизнес с интересами своей корпорации, он еще в 1955 году выступил с нашумевшим проектом создания «Стратегического совета политической обороны». Этот орган, по мысли Сарнова, должен был руководить диверсионной, подрывной, шпионской деятельностью против СССР и других социалистических стран; организовывать антисоветскую пропаганду; создавать специальные университеты для подготовки кадров «холодной войны»; подкупать и побуждать к измене военных, научных работников и писателей социалистических стран и т. д. А монополия, во главе которой стоит Сарнов, должна была создать, разумеется за счет государственного бюджета, своего рода материальную базу этой разносторонней деятельности: он предлагал сбрасывать на социалистические страны с парашютами патефонные пластинки с антисоветскими материалами и радиоаппаратуру для нужд «холодной войны», строить новые радио- и телевизионные станции для тех же нужд и т. д.

Этот удивительный по своей прямолинейности и, мы бы сказали — наглости проект был опубликован в вест-

нике конгресса США «Конгрешнл рекорд» и, как заявил сенатор Джонсон, «изучался в самых высоких инстанциях правительства». Но дальнейшего развития глупые идеи Сарнова не получили: слишком уж бил в нос их разбойничий, гангстерский дух. Бригадный генерал в отставке огорчился, но не пал духом: он нашел приложение своим силам и капиталам на поприще бесчисленных «частных» организаций, занимающихся подрывной работой против социалистических стран.

Вся эта позорная деятельность политических диверсантов потерпела, как известно, провал. И вот, как бы в силу горькой иронии судьбы, сегодня по каналам телевидения, принадлежащим корпорации Сарнова, передается выступление главы Советского правительства...

— До революции у нас было так,— говорил Никита Сергеевич,— кто имел капитал, тот был и умен. Мы впервые в истории утвердили на своей земле справедливое правило — кто хорошо работает, тот и знатен в обществе.

Рассказывая о том, как организовано и функционирует социалистическое государство, он подчеркивает, что в стране нет капиталистов, а их представителей нет в Верховном Совете; в Советском правительстве — люди, вышедшие из трудового народа.

— Скажу о себе: мой дед — неграмотный крепостной крестьянин. Он был собственностью помещика и мог быть продан или даже, как это часто бывало, обменен на собаку. Отец мой — шахтер, я сам также работал на шахте, слесарем. Участвовал в гражданской войне, потом Советская власть послала меня учиться на рабочий факультет, а затем — в Промышленную академию. Теперь народ доверил мне высокий пост Председателя Совета Министров. У вас недавно побывали оба моих первых заместителя — Анастас Микоян и Фрол Козлов. Кто они? Анастас Микоян — сын плотника, Фрол Козлов — сын кузнеца, сам — рабочий, а затем — инженер. В нашей стране не наследуются ни капиталы, ни ответственные посты. В советском обществе все люди действительно пользуются свободой.

Единственно, чего у нас нет,— это свободы эксплуатировать чужой труд, иметь в частной собственности заводы, банки.

Никита Сергеевич рассказывает о великой, поистине чудодейственной силе, которой обладает социалистический строй, в котором нет погони за наживой и все стремления и помыслы людей, их труд направлены на общее благо. Он напоминает, что наша страна в тридцать шесть раз увеличила производство промышленной продукции по сравнению с дореволюционным временем, ликвидировала неграмотность, которая была бичом старой России, и выпускает ныне почти втрое больше инженеров, чем США. Он говорит, что среднегодовые темпы роста промышленности в СССР в три — пять раз выше, чем в Соединенных Штатах, и что в ближайшие 10—12 лет мы превзойдем их как по абсолютному объему промышленности, так и по производству продукции на душу населения, а в сельском хозяйстве эта задача будет выполнена значительно раньше.

Слушателей Н. С. Хрущева не могут не поразить приводимые им цифры о жилищном строительстве в нашей стране, его заявления о том, что в СССР в ближайшее время будут ликвидированы всякие налоги с населения, что в нашей стране забыто слово «безработица», что у нас бесплатно не только среднее, но и высшее образование, что каждый советский человек получает бесплатную медицинскую помощь.

Всего около часа (с переводом) продолжается это выступление. Но какое огромное содержание в него вложено! Можно не сомневаться в том, что в Соединенных Штатах, да и не только в Соединенных Штатах, еще долго будут вспоминать о нем, обсуждать его...

Никита Сергеевич заканчивает свою речь сердечным обращением к своим слушателям:

— Разрешите мне в заключение пожелать американскому народу процветания и счастья, а также выразить надежду, что наш визит в Соединенные Штаты и предстоящий приезд Президента Дуайта Эйзенхауэра в Советский Союз будут восприняты не только американским и советским народами, но повсюду в мире как начало совместных усилий в поисках путей к сближению наших государств, к укреплению всеобщего мира.

Приветливо улыбаясь десяткам миллионов американцев, Н. С. Хрущев сказал им по-английски:

— Гуд бай, гуд лак, фрэндз! (До свидания, всего хорошего, друзья!)

И он расстался со своими слушателями.

Но что это? Экран вспыхивает снова, и перед нами три каких-то человека, сидящих рядом за столом. У этих людей кислые, вытянутые лица, словно у них что-то ужасно болит. Они переглядываются друг с другом, не зная, что сказать. Но вскоре все выясняется: это бедняги комментаторы, которых вытолкнули к экрану, чтобы они, так сказать, с ходу, пока американцы еще не выключили своих телевизоров, попытались что-то противопоставить аргументам Н. С. Хрущева и тем самым ослабить впечатление, произведенное его речью. Затея — в духе мистера Сарнова, директора всемогущей корпорации, которой, как мы уже упоминали, принадлежит и эта телевизионная компания. Вероятно, это опытные комментаторы, знающие свое ремесло. Но у них буквально отнимается язык в эту минуту: что сказать?..

Наконец один из комментаторов через силу улыбается и, стараясь придать своему голосу как можно больше бодрости, обращается к коллегам:

— Ну что же, друзья, что вы можете сказать о речи г-на Хрущева?

Те хмуро глядят на него исподлобья: тебе-то, мол, хорошо спрашивать, а каково отвечать?

— М-да,— откликается один из них,— конечно, это речь пропагандистская...

Он осекается: ведь то же самое тысячу раз говорилось о любом советском выступлении, и этот прием давно уже не действует на слушателей. Другой, подумав, бросает:

— Хрущев говорил, что они собираются отменить налоги. Но ведь в Советском Союзе цены на товары определяет государство, поэтому там налоги не имеют никакого значения...

Опять выстрел мимо цели! Любой американец, изнывающий под бременем *прямых налогов,* великолепно знает, как, кроме того, отягощены *косвенными налогами* цены на товары, которые он покупает в магазинах. И он спросит: если Советское правительство сочло возможным начать подготовку к отмене налогов с советских граждан, то почему правительство США не следует этому примеру?

Теперь в игру вступает третий комментатор, который вначале ограничился вопросом, обращенным к коллегам:

— Г-н Хрущев приводил тут цифры о расходах США и СССР на вооружеиие. Мы действительно расходуем иа вооружеиие свыше 40 миллиардов долларов. Что же касается Советского Союза, то ои иазвал цифру в 25 миллиардов долларов. Но ои руководствовался, переводя рубли в доллары, официальиым курсом: одии доллар равен четырем рублям. А вот если бы он взял туристский курс и приравнял один доллар к десяти рублям, тогда оказалось бы, что их расходы больше иаших.

Мы невольио покатываемся со смеху: этот бедняга либо не знает арифметики, либо в растерянности все перепутал: ведь если бы был применен для пересчета льготный туристский курс, который, кстати сказать, отнюдь не отвечает реальной ценности доллара и поэтому не применяется в торговых операциях, то цифра иаших расходов в долларах была бы ие только не больше, ио, наоборот, в два с половииой раза меньше той, которую назвал Никита Сергеевич!

...Один из наших журналистов слушал выступление Никиты Сергеевича по телевидеиию, заскочив в небольшую закусочную, где можно быстро и сравнительио дешево поесть.

Когда ои зашел туда, передача уже иачалась. Человек восемь неприхотливо одетых людей сидели иа высоких сиденьях, похожих на удлиненные кресла кабииета даитиста, у телевизора, слушая выступление Н. С. Хрущева. Чувствовалось, что оно целиком захватило их. Отодвинув тарелки, они неотрывно смотрят на Никиту Сергеевича.

— Гуд бай, гуд лак, фрэндз! — говорит он в заключение.

Наступает пауза. Слушатели молчат. И вдруг иа экраие возникают физиономии трех комментаторов, которые иачииают излагать свои «глубокомыслеииые» соображения по поводу только что закончившегося выступлеиия главы Советского правительства.

— Да куда оии лезут после такой речи!..— с досадой произносит высокий, худощавый человек в очках, иедоуменно разводя своими большими руками.— Разве оии смогут тягаться с ним?

Проходит несколько минут, и люди один за другим покидают свои места.

А с экрана телевизора еще льются бойкие голоса, которые «опровергают» факты из выступления Н. С. Хрущева.

Два молоденьких продавца, не глядя на экран, поспешно убирали со столов почти нетронутые тарелки.

А между тем злополучные комментаторы с превеликим трудом дотянули до конца свою надуманную и нелепую передачу. Их выступление отнюдь не увенчало лаврами службу «психологической войны», к созданию которой столь активно прилагал свои усилия среди прочих деятелей все тот же мистер Сарнов.

Что же касается реакции рядовых американцев на выступление Н. С. Хрущева, то вот весьма характерная деталь, говорящая о многом: едва закончилась передача выступления главы Советского правительства по телевидению, как в посольство СССР в Вашингтоне направились сотни жителей Вашингтона, и каждый только с одним вопросом: «Нет ли у вас текста речи г-на Хрущева?» Еще часок, и в посольство зачастили почтальоны: они несли сначала телеграммы, потом письма, и сумки их становились все более пухлыми и тяжелыми.

То были живые отклики людей, которые смотрели и слушали выступление Никиты Сергеевича. Авторы писем и телеграмм сердечно благодарили его за ясные и откровенные высказывания, резко осуждали тех, кто пытался вновь и вновь разжечь «холодную войну», и выражали надежду на то, что американо-советские отношения все же наладятся и станут дружественными.

— Это время больших ожиданий,— сказал нам в тот вечер один ветеран войны, пришедший вместе с другими в посольство справиться, где можно достать текст речи Никиты Сергеевича.— Я вышел из того возраста, когда верят в чудеса, и мне понятно, конечно, что никому, даже Хрущеву и Эйзенхауэру, не дано в одну ночь переменить климат на нашей планете. Но я вижу, что в мире что-то уже изменилось, и это — изменение к лучшему. Если бы мне сказали еще два месяца назад, что произойдет то, что произошло между 15 и 27 сентября, я ни за что не поверил бы. Кажется, мы с вами действительно можем жить без драки и даже сотрудничать кое в чем. Как этого добиться, я еще не знаю, но теперь я вижу, что этого можно добиться, черт побери! А если можно, значит — нужно...

Да, это было время больших ожиданий. Мы много думали об этом, пока колонна машин с красными и полосатыми флажками мчалась в свой заключительный рейс: Вашингтон — аэропорт Эндрюс, где уже стоял на взлетной дорожке гигантский воздушный лайнер «ТУ-114», готовый к обратиому прыжку через океан. Неподалеку от него раскинула свои крылья целая семья советских самолетов — еще один «ТУ-114», рядом с ним «ИЛ-18» и «ТУ-104».

Было уже темно. По сторонам автострады, ведущей к летному полю, стояли люди, пришедшие проводить Никиту Сергеевича. На поворотах лучи автомобильных фар озаряли на мгновение оживленные лица. Люди что-то кричали и махали руками. В руках у некоторых были плакатики: «Счастливого пуги!», «Мир!», «Спасибо!»

Народ, душу которого долго пытались заморозить «холодной войной», ждал, что дело, начатое в эти дни, будет продолжено, что лед, который, по образному слову Никиты Сергеевича, треснул и начал крошиться, сгинет вовсе, что можно будет снять с усталых плеч народов тяжкий груз вооружений, что умолкнут наконец сирены учебных воздушиых тревог, которые вот уже много лет регулярно тираият слух американцев, что со стен будут сняты мозолящие глаз таблички, указывающие путь в бомбоубежища.

Люди отдавали себе отчет в том, что опубликованное главами правительств двух держав Совместное коммюнике — это не только не конец их диалога и даже не начало конца, а лишь конец начала. И они горячо желали, чтобы обсуждение вопросов, о которых шла речь в Кэмп-Дэвиде, было возобновлено возможно скорее «на вершине горы», как здесь торжественно и уважительно называют предстоящую встречу глав великих держав. А пока что люди тепло провожали Н. С. Хрущева и от души желали ему счастливого пути.

Никита Сергеевич прибыл на аэродром в 21 час 17 минут по местному времени. Его ждал здесь вице-президент США Р. Никсон. Над аэродромом вновь реяли государственные флаги Советского Союза и Соединенных Штатов. На площадке, где должна была происходить прощальная церемония, выстроились подразделения морской пехоты, армии, флота и авиации Соедииенных Штатов. Стояли знаменосцы с флагами всех пятидесяти штатов

страны. Вместе с Р. Никсоном для участия в проводах прибыли государственный секретарь К. Гертер, специальный представитель Президента Г. Лодж, председатель объединенной группы начальников штабов генерал Н. Туайнинг, посол Соединенных Штатов в Москве Л. Томпсон и другие. Здесь же посол Советского Союза в Вашингтоне М. Меньшиков, сотрудники советского посольства.

Р. Никсон приглашает Н. С. Хрущева к трибуне. Звучат отрывистые слова военных команд. Солдаты, матросы, летчики, выстроенные на площадке, берут на караул. Торжественно звучат государственные гимны Союза Советских Социалистических Республик и Соединенных Штатов Америки. Гулко раздается пушечный выстрел. За ним второй, третий... Это традиционный артиллерийский салют.

Н. С. Хрущев стоит на трибуне, обнажив голову. О том, что он чувствовал в эти минуты, Никита Сергеевич хорошо рассказал по возвращении на Родину, выступая 6 октября на митинге трудящихся Владивостока.

— Вы говорили здесь приятные слова об успехах нашей поездки в Америку, и я вам благодарен за такую высокую оценку,— заявил он, отвечая на выступления жителей Владивостока.— Вы говорили, что во время поездки в США я защищал там честь советского народа, нашего социалистического государства. Защищать честь такого великого народа, такой могучей страны не так трудно, потому что всегда чувствуешь единодушную поддержку народа, его большое доверие, и эта поддержка и доверие народов великой Советской Отчизны удесятеряют силы.

Успехи нашей страны — это успехи нашей ленинской партии, это успехи всего советского народа. Это вы, советские люди, своими руками, своим трудом, своим талантом создаете все материальные и духовные богатства, показываете, на что способен наш народ, на что способен социалистический строй. Именно потому, что наша страна стала могущественной державой, с ней считаются, ей салютуют.

И далее Никита Сергеевич сказал волнующие слова:

— Скажу вам о своих переживаниях. Когда я стоял на аэродроме под Вашингтоном, прощаясь с Америкой, перед самым отлетом в честь нашей Родины, как и при

встрече, был дан салют наций. Мне было очень приятно слушать гимн нашей Родины и двадцать один залп из орудий. После первого залпа я подумал: — Это Карлу Марксу!

И тут трудящиеся Владивостока, слушавшие речь Н. С. Хрущева, зааплодировали.

— Второй залп — Фридриху Энгельсу!

Новые аплодисменты.

— Третий залп — Владимиру Ильичу Ленину!

Снова раздались аплодисменты.

— Четвертый — его величеству рабочему классу, трудовому народу!

Опять аплодисменты.

— И так залп за залпом в честь нашей Родины, ее народов. Неплохо, товарищи, неплохо!

Над площадью Владивостока разразился настоящий шквал оваций.

Никита Сергеевич заключил под бурные аплодисменты:

— Знаете, если бы не было великих успехов, которые достигнуты нашей страной, ее героическим рабочим классом, колхозным крестьянством и интеллигенцией, нашей партией, вооруженной учением марксизма-ленинизма, не слышали бы мы таких салютов. А когда мы, советские люди, как говорится, подняли Россию-матушку из отсталости на такую высоту, прославили ее величие подвигами и победами, друзья радуются, а противники социализма завидуют, испытывают страх...

Умолк артиллерийский салют. Легкий ветерок медленно относил в сторону тяжелые клубы порохового дыма. Почетный караул стал по команде «вольно». Р. Никсон и Н. С. Хрущев обменялись прощальными речами. Последними словами Никиты Сергеевича, сказанными на американской земле, были:

— От всего сердца спасибо вам за доброе гостеприимство, за хлеб-соль. Я хочу пожелать, чтобы в отношениях между нашими странами мы все чаще и чаще пользовались коротким хорошим американским словом «о'кей!» (хорошо).

До свидания, друзья!

Н. С. Хрущев спускается с трибуны, тепло прощается с провожающими. И вот уже машины, покидая площадку, где происходила торжественная церемония,

устремляются к самолету. Здесь, у трапа, Никита Сергеевич еще раз пожимает руку провожающему его вице-президенту США. Потом он поднимается на борт самолета. За ним следуют его супруга с подаренным ей на прощание огромным букетом красных роз и другие члены семьи и сопровождающие лица.

Взревели могучие моторы. Замечательный пилот Константин Петрович Сапелкин уверенно повел свой гигантский корабль, озаренный голубоватыми лучами прожекторов, по узкой бетонной дорожке аэродрома и оторвался от земли ровно в 22 часа, секунда в секунду, как это было предусмотрено графиком полета.

Внизу блекли россыпи огней американской столицы. Самолет окутала глухая ночь, накрывшая океан. Но с востока уже приближалось солнце, и мчавшийся с головокружительной скоростью навстречу ему советский самолет снова соперничал со временем: теперь стрелкам часов пришлось бежать в другом направлении; не успели пассажиры вздремнуть, как вырвавшиеся с востока солнечные лучи позолотили крылья их воздушного корабля.

Тьма быстро рассеивалась, и мощные турбинные двигатели «ТУ-114» победно пели свою песню, возвеличивающую торжество разума и силу свободного человеческого гения.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

НА НОВОМ ЭТАПЕ

Итак, окончен рассказ о тринадцати днях, взволновавших мир, о поездке главы Советского правительства в Соединенные Штаты Америки.

Города, тысячи километров пути, беседы, споры — то очень острые, гневные, то спокойные и разумные,— невиданного напряжения программа, выполнить которую, как считали американские газеты, вряд ли под силу одному человеку, тишина Кэмп-Дэвида и гул сотен тысяч голосов в Питтсбурге и Нью-Йорке, аристократический прием в Белом доме и веселый, громкоголосый обед у Гарста под самой красивой крышей в мире — под открытым небом — все порознь и вместе взятое уже ушло, захлестнуто листками календаря.

Но событие это — визит Н. С. Хрущева в США — принадлежит к той категории, над которой не властно время. Оно соединило в себе слишком много надежд и высоких принципов, чтобы кому-то было дано вычеркнуть его из памяти народов.

Люди всей земли — черные, желтые, белые, каким бы богам они ни молились — Христу, Магомету, Будде, атеисты, люди, принадлежащие к разным политическим партиям и социальным группам,— хотят, жаждут мира, борются за мир!

Впервые в тысячелетней истории цивилизованного общества человек — властелин природы — создал такое

смертоноснейшее оружие, пустить в ход которое ему не должен позволить разум. Да, разум человека! И это голос разума прозвучал над миром: люди, остановитесь, подумайте, придите к мирному решению своих споров.

Голос этот, спокойный и уверенный, вознесся над миром с социалистического берега, из страны, которая, доказав, что она располагает сильнейшим, абсолютным оружием, предлагает всем и навсегда избавиться от оружия. Разве что-нибудь может противостоять этому великому, гуманистическому призыву?! Разве кто-нибудь в силах заглушить этот голос, этот человеколюбивый призыв?!

Шестнадцать лет правящие круги Соединенных Штатов Америки не признавали Советский Союз. Все последующие годы, юридически признавая СССР, они вынашивали идею военного уничтожения социализма и не только вынашивали, но и пускали ее в ход. И что же? Мечты, планы, расчеты империалистов биты!

Теперь, впервые в истории пригласив в самую богатую, главную страну капитализма главу первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян, хотели того или не хотели капитаны и штурманы капитализма, они признали, что без социализма нельзя себе представить исторического развития, которое, как известно, не зависит от воли или желания отдельных людей.

Миллионы и миллионы граждан социалистического мира мысленно повторили вместе с Н. С. Хрущевым слова признательности Марксу, Энгельсу, Ленину, его величеству рабочему классу, трудовому народу, когда звучали залпы торжественного салюта в честь высокого советского гостя на аэродроме Эндрюс, близ Вашингтона.

ИСТОРИЯ НЕ ИМЕЕТ ОБРАТНОГО ХОДА

Да, история подобна лавине: она не имеет обратного хода. Молитвы и анафемы отцов католической церкви не могли заново возжечь погашенные просвещением костры инквизиции; штыки интервентов обломались в попытке задержать развитие Великой Октябрьской социалистической революции. Прошлое не возвращается,

«Хороша страна Америка, а Россия — лучше всех!» Первые объятия товарищей, друзей по работе. Н. С. Хрущев и сопровождающие его лица в родной Москве, дома!

Замер в особом, приподнятом напряжении огромный светлый зал. Москвичи слушают яркий и искренний рассказ

Никиты Сергеевича Хрущева о тринадцати исторических днях, проведенных им в Соединенных Штатах Америки.

«Здравствуйте, дорогой Никита Сергеевич,— говорят москвичи.— Здравствуйте, спасибо Вам!»

Десятки тысяч людей на всем пути от Внуково до Дворца спорта в Лужниках вышли навстречу Н. С. Хрущеву. Машины едва двигались среди радостных, взволнованных людей.

а настоящее движется только в будущее. Разумеется, государственные деятели могут способствовать ускорению или замедлению прогресса, но отменить законы общественного развития не дано никому.

Не остановить и новые события, приведенные в движение визитом Н. С. Хрущева в США. Руки, ищущие заднюю скорость, в конце концов повиснут в воздухе; автоматические ручки, употребляемые для той же цели в качестве рычагов, будут брызгать чернилами, пачкая пиджаки и репутации, но это не приведет к устойчивым результатам. Ведь визит Н. С. Хрущева в США означал не изолированный акт, а победоносный результат политической линии Коммунистической партии Советского Союза, Советского правительства, героической, озаренной светом великих идей работы советского народа. Это верхняя на данном этапе ступень, венчающая громаду наших успехов.

Мир не только преобразился — он продолжает меняться. И краткое Коммюнике Кэмп-Дэвида представляется лишь частичным итогом прошлого и всего лишь начальными строками того, что намерена занести на свои страницы история во второй половине нашего бурного века.

На старте, за которым наблюдали со всех пяти континентов, далеко не все отличались спортивным поведением: нашлись люди, которые предпочитали взбивать мусор и пыль. Некоторые органы американской печати, некоторые влиятельные круги, находившиеся по другую сторону забора Кэмп-Дэвида, на первых порах в попытках жить вчерашним днем тщились выдать за главный результат переговоров второстепенные вопросы, часть — за целое. Эта попытка создать утешительную для себя версию свидетельствовала только о страхе перед масштабами нового. Тем более, что еще на пресс-конференции в Кремле, задолго до полета за океан, Н. С. Хрущев заявил, что об урегулировании ряда вопросов можно в конце концов договориться на разумной основе. Тогда кое-кто сделал вид, что не слышал. Однако в Америке очень скоро поняли, что неразумно, подобно курице, искать в яблоке только червяка, что глава Советского правительства вряд ли полетел бы за океан того лишь ради, чтобы, как выражаются журналисты, «вытаскивать западноберлинский гвоздь из сапога западной

политики». Проблема ликвидации остатков второй мировой войны, как одна из важнейших послевоенных проблем, остается в повестке дня и от того, что кто-то попытается закрыть на нее глаза, никуда не денется.

Но нечто несоизмеримо большее произошло на международной арене, меняя общую окраску и температуру мира.

Ключ к пониманию событий — договоренность избегать войны и решать спорные вопросы путем переговоров. Это не просто формула смягчения международной напряженности, что само собой разумеется. Это формула, которая, если учесть обстоятельства и место ее рождения, подводит эпохальный итог двух тенденций мирового развития и является поворотным пунктом в межгосударственных отношениях. *Она означает новый триумф миролюбивой политики Советского Союза, и она заколачивает крышку гроба на империалистической политике «с позиции силы»,* вынуждает США и их основных партнеров по капиталистическому лагерю к пересмотру своих внешнеполитических, внутриполитических, экономических и культурных концепций применительно к новому положению, созданному победоносным развитием Советского Союза и всего социалистического лагеря. Не ожидая, что из воробьиного яйца вылупится страус, можно как на курьез указать, что меняет позиции даже выпавший из игры и ныне фермерствующий бывший президент США Гарри Трумэн. Значит, далеко зашло дело, если соавтору «плана Маршалла» и одному из первых генералов «холодной войны» приходится подписывать акт политической и моральной капитуляции!

В каких же аспектах нужно рассматривать итоги визита?

Закончен первый раунд исторического спора — «кто — кого». Начиная с той бурной ночи, когда пушки «Авроры» были наведены на Зимний дворец, капиталистический мир ложился спать и вставал с одной главенствующей над другими целью — уничтожить Советский Союз. Засылались диверсанты и политические взломщики с целью взорвать социалистическое государство изнутри; высаживались полки и дивизии интервентов с целью ударить ножом в спину; организовывалась экономическая блокада с целью удушить голодом. Капиталистический мир оказался менее изобретательным в завоевании космоса,

но в изобретательности по удушению первого на земле социалистического государства ему отказать нельзя. Силы старого поощряли прыжок гитлеровцев на Москву, вынашивали расчеты на подрыв изнутри, заносили кулак «атомного возмездия», изобретали теории «вытеснения» и «отбрасывания» — вытеснения, конечно, с карты мира, отбрасывания, разумеется, в объятия капитализма.

Шестнадцать лет не признавала правящая и официальная Америка существование Советского Союза. А время показало, что это означало не белое пятно на политической карте мира, а бельмо на глазу американской политики. И пока по случаю этого бельма, которое не рассосалось окончательно и по истечении шестнадцати лет, на Западе вынашивались мечты о «развале», «крахе», «вытеснении», «оттеснении», «атомном возмездии» и т. д. и т. п., Советский Союз перестал быть единственным социалистическим государством: на планете образовался, окреп, стал неодолимой силой мировой лагерь социализма.

Теперь вопрос о том, быть или не быть социализму, решен в пользу социализма полностью и окончательно. Теперь вопрос стоит иначе — сколько времени может отягощенный непримиримыми внутренними противоречиями, одряхлевший мир капитала выдержать в мирном соревновании с социализмом.

Нет ничего удивительного, если идеологи капиталистического мира, и в частности США, срочно ищут новый курс. Новые концепции родятся, как грибы после дождя, и, как грибы, гниют на корню, уступая место другим. Мистер Генри Кэбот Лодж, в недавнем прошлом охотно щеголявший терминами «холодной войны», заговорил теперь иным языком: «Человечество не стремится к соревнованию, в котором одна сторона может достигнуть своей цели, только оттеснив другую к стене».

Не будем напоминать, что капиталистический мир хотел нас не оттеснить к стене, а поставить к стене и расстрелять физически,— это дело прошлое. Но что означает такая постановка вопроса? Честное соревнование? Что ж, прогресс для мистера Лоджа поразительный, и его можно было бы приветствовать. Но более прямолинейный мистер Нельсон Рокфеллер, понимая, что военные «позиции силы» утрачены, вовсе не собирается

присоединяться к мистеру Лоджу — он стоит за сохранение дискриминации в области торговли, что означает попытку действовать «с позиции силы» в области экономики. Хрен редьки не слаще. В итоге — что посеешь, то и пожнешь. К нашему современному могуществу мы поднимались и поднялись из разрухи и экономической блокады без помощи со стороны. Следовательно, исторически доказано: имеющий разум да разумеет, а не имеющий пусть займет у соседа,— у политики «с позиции силы» в области экономики так же выпали зубы, как и у политики «с позиции силы» в международных отношениях.

Вице-президент США Ричард Никсон вырос как политический деятель на дрожжах политики «с позиции силы». Это не упрек, а констатация факта — каждый растет, как может. Но при отлете Н. С. Хрущева из США американский вице-президент кончил свою речь на аэродроме по-нашему, по-русски: «...мир во всем мире». Если это не предвыборный маневр, то это — признание того, что война как инструмент политики по отношению к Советскому Союзу отжила свой век. В другой речи Р. Никсон сказал, что «возможность внутренней революции против коммунизма исчезла».

Таким образом, мечта о ликвидации социализма любым способом «почила в бозе». А уже одно это диктует необходимость, по мнению некоторых американских обозревателей — весьма мучительную, пересмотра всех аспектов американской политики.

Обозреватель «Нью-Йорк геральд трибюн» Уолтер Липпман, Генри К. Лодж, сопровождавший Н. С. Хрущева, и множество других выдвигают на первый план поиски «общеамериканской цели». Задержка за одним: никто не знает, что именно может и должно стать такой целью. Лодж при этом ищет миллионы американцев, которые «так же, как коммунисты в Советском Союзе», с энтузиазмом, не жалея сил, день и ночь учились бы и работали во имя этой цели.

Но как можно выкроить «великую цель» из работы ради прибылей монополий при пособничестве Уолтера Рейтера? Это все равно, что пытаться из кролика делать льва.

Имея в виду, что экономическое соревнование с Советским Союзом для Америки будет тяжеловато, начи-

нает иногда помахивать оливковой ветвью Гарри Трумэн: «Никогда в истории необходимость в разоружении не была столь повелительной и столь тесно связанной с повседневной жизнью нашего народа». Один из главных кормчих капитализма — Уинстон Черчилль заявляет, что мир ныне необходим, возможен и близок.

Окончен первый раунд «капитализм — против социализма». Выдержав его при крайне невыгодных условиях, социализм стоит свежий, в полном расцвете сил, с острым зрением и ясной мыслью. Он дышит легко и полной грудью, а вокруг его соперника хлопочут тренеры, пытаясь вернуть утраченное дыхание давно минувшей молодости. Нет, социализм не собирается прибегать к запрещенным приемам — это ему чуждо по его гуманной природе, он надеется получить победу в мирном соревновании, мирными средствами, опираясь на преимущества своей системы.

МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ — КЛЮЧ К СОХРАНЕНИЮ МИРА

Мирное сосуществование, поиски согласованных решений по спорным вопросам с учетом интересов народов — единственный надежный путь, двигаясь по которому государства не рискуют сорваться в термоядерную бездну. Те западные политики, которые пытаются выторговать за «согласие на сосуществование» какие-то особые преимущества для себя, просто не сознают, о чем сейчас идет речь, не доросли до понимания проблемы.

В современных условиях, когда лагерь социализма развился в мировую систему, в которой ничего нельзя взять и которой ничего нельзя навязать силой, сосуществование является реальным фактором, необходимостью, единственным выходом, синонимом существования. Социализм по своей природе исключает войны как инструмент международной политики. Капитализм, если бы он при нынешнем соотношении сил попытался развязать войну, станет на путь самоубийства, навсегда похоронит себя. Надо помнить и уроки истории — в каждой последней войне капитализм терял часть своей территории, а она не безгранична.

Некоторые западные политики и комментаторы пытаются запугивать общественность своих стран термином «сосуществование», стремясь представить дело так, что сосуществование выгодно социализму и представляет смертельную опасность для капитализма. Почему? Потому, мол, что в мире без оружия коммунизм будет распространять свое влияние на новые районы, а капитализм без оружия не сможет этого остановить. Авторы таких теорий не замечают, что с перепугу они попадают впросак и как раз подтверждают то, чего боятся, как черт ладана,— что капиталистический строй болен неизлечимыми противоречиями и может удерживать власть только с помощью штыков. Это такое крайнее неверие в капиталистическую систему, что дальше уж некуда идти. Но что же тогда означают разговоры о «свободном мире», «западной демократии», «свободе человеческой личности», «высоких идеалах»? Дымовую завесу, развлечение сельских звонарей?

Конечно, мирное сосуществование не предполагает социалистическо-капиталистического винегрета в области идеологии. Лагерь социализма не собирается идти на уступки и вести торг в области идеологии, считая это предательством своего великого и правого дела. Но исходя из условий равенства он не требует таких уступок и от идеологии капиталистического мира. Для нас это не отступление от принципа, а принцип в диалектическом применении к конкретным условиям. Вопрос стоит так: никакого вмешательства во внутренние дела других государств, никакого применения силы; пусть борются идеи и побеждает правда. Против такой постановки не может возражать ни политика, ни даже религия; возражать против нее может только тот, кто играет краплеными картами, пытается выдать дешевую фольгу за золото.

Мир не может жить на складе термоядерных бомб. Мирное сосуществование при взаимных уступках, решение спорных международных проблем путем переговоров, мирное соревнование на экономическом поприще — таков единственно разумный путь межгосударственных отношений в наше время. К пониманию этого приходит все большее число людей, к пониманию этого приходят народы и государства.

Западная Европа, район мира, где зарождались главные войны последнего столетия, все больше осознает, что

гонка вооружеиий ие дает и не может дать ии славы, ии почета, ии военного выигрыша, ио за то все крепче привязывает ее к чуждому курсу.

Дальновидные европейские политики, тщательио следившие за поездкой Н. С. Хрущева по США, приходят к выводу, что для этого иаиболее тесио иаселениого района земли альтернатива сегодня состоит из слов «сосуществование или иесуществоваиие». Мирное сосуществоваиие — на пути взаимопонимания и добрососедства с Советским Союзом, несуществоваиие — в случае термоядерной войны при современной ракетиой техиике. А так как Советский Союз заинтересован только в мире, добрососедстве, нормальиом развитии экоиомических и культурных связей, то после визита в Европе происходит и будет происходить в дальнейшем иесомиеииое оздоровлеиие политической атмосферы. Не сразу, быть может, иелегко, ио неизбежио — иного пути нет.

Этому в значительной степеии будет способствовать заключение мирного договора с двумя германскими государствами. Некоторые америкаиские политические деятели за орехом не видят дерева, стремятся свести все дело к Западному Берлииу. Западиый Берлин, может быть, только иаиболее обнаженная часть кострища войны, где под пеплом тлеют угли, способные вызвать пожар. Как бы ии развивались события, к каким бы маиеврам ии прибегали противиики урегулирования германского вопроса, пытаясь закоисервировать иа иеопределенное время создавшееся положеиие, из этого иичего ие получится: необходимость заключения мирного договора диктует жизнь, а ее невозможио остаиовить.

В Кэмп-Дэвиде не было достигнуто конкретиой договоренности по этому вопросу, ио все развитие событий, вершиной которых был визит Н. С. Хрущева в Америку, поставило его иа повестку дня, и нет иикакого сомнения, что сейчас во многих столицах мира идет работа над конкретиыми предложеииями.

Правда, здесь выиашиваются и плаиы европейского альянса в качестве противовеса коитактам США — СССР, и теории «третьей силы» как арбитра в делах великих держав. Но при всех условиях, если хотят сделать плаиы жизненными, в их основе должно быть мирное сосуществование. Это процесс вполне современный и обнадеживающий. К чему ои приведет — посмотрим,

ио самое главиое состоит в том, что дело сдвиуто с мертвой точки.

Советский Союз также готовится к новым встречам на высоком уровне. Н. С. Хрущев в докладе на сессии Верховиого Совета СССР не только раскрыл главиые черты современиой международной обстановки, ио и показал, что иа практике означает мириое сосуществование и экоиомическое соревноваине.

Пришли в движение огромные районы Азии и Африки, сбрасывающие или уже сбросившие путы колоииализма. Процесс обретения свободы связан здесь с обретением ие только политической, но и экоиомической независимости. Еще совсем недавио страны этих районов считались потенциальным резервом западного капитализма, теперь этот резерв, по призиаиию самих западных политиков, отслаивается, отпадает, сокращая возможность маневра. Мир находится в процессе революции, ои измеиялся и прежде. Но теперь это понимает уже и Генри Кэбот Лодж.

Вот как он осмысливает новое положение после визита Н. С. Хрущева в США: «...мир измеияется. Происходят революционные изменеиия. Происходит революция в науке и техиике... Происходит революция в росте народонаселеиия... Происходит мирная политическая революция, которая уже принесла независимость примерио 20 странам Азии, Среднего Востока и Африки — страиам, которые некогда находились под колоииальиым правлением Запада и население которых превышает 700 миллионов человек... И в цеитре всех этих революционных сил, которые во многих отиошеииях являются обиадеживающими и конструктивными, находится мировой коммунизм с его эиергией и единством цели».

Великолепный комплимеит коммунизму в устах такого политического деятеля! И в общем это соответствует исторической истиие ие в том смысле, что Советский Союз когда-либо вмешивался в дела стран Азии и Африки, а в том смысле, что сам факт Октябрьской революции и существоваиия Советского Союза, его идеи, его иепримиримость ко всякого рода угнетению, его моральная поддержка придали движению народов неодолимую силу и энергию. Особенно показательно такое призиаиие мистера Лоджа: «Годы, проведенные мной в Оргаиизации Объединенных Наций, убеждают меня в том, что

многие народы, стоящие в стороне,— в Азии, в Африке и на Среднем Востоке,— отнюдь не считают само собой разумеющимся, что свобода западного типа лучше коммунизма».

Что имеет в виду мистер Лодж? То, что эти народы сравнивают и видят: капиталистический путь развития извилист, опасен, медлен и, главное, ведет в тупик, а социалистический путь развития — доказано на опыте — обеспечивает невиданно быстрое экономическое процветание и увеличение благосостояния народов. Из этого в Америке делают вполне реалистический вывод: сократив военные расходы, усилить помощь слаборазвитым районам, посылать туда больше машин, врачей, инженеров, ирригаторов, строителей, разного рода специалистов. Если это будет делаться не так, как прежде: впереди доллар, за ним солдат, за солдатом американская военная база,— а без политических ультиматумов, то и Азия, и Африка, и страны Ближнего и Среднего Востока будут с радостью приветствовать такие акции. Это станет помощью народам слаборазвитых стран, вызванной к жизни успехами социалистического лагеря, который оказывает все большее благотворное влияние на судьбы народов мира.

Проблема разоружения, которую СССР выдвигал не однажды и в разных формах, долгие годы буксовавшая в одной и той же колее, после визита Н. С. Хрущева в США и его выступления в Организации Объединенных Наций поставлена на почву конкретных действий, стала практически осуществимой. Тот факт, что вся сессия Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций после выступления Н. С. Хрущева прошла под знаком обсуждения и одобрения советских предложений, что соавторами резолюции Генеральной Ассамблеи ООН по этому вопросу стали все ее члены, свидетельствует сам за себя.

Выступая на третьей сессии Верховного Совета СССР 31 октября, Н. С. Хрущев сказал:

«Если сейчас попытаться подвести хотя бы предварительный итог тому, как были восприняты мировой общественностью советские предложения о разоружении, то можно сказать, что наши предложения всколыхнули самые широкие слои населения во всех странах мира. Предложения Советского правительства по разо-

ружению были одобрены Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей, получили единодушную поддержку во всех социалистических странах.

Проблема разоружения является теперь не просто объектом переговоров дипломатов и исследований экспертов, а важнейшим вопросом общественной борьбы, в которой участвует подавляющее большинство человечества».

Таким образом, в результате визита Н. С. Хрущева в США, принесшего новые победы ленинской миролюбивой политике Советского Союза, приведены в движение огромные силы, день за днем сдвигающие мир от грани войны к устойчивому миру. У «холодной войны» есть еще сторонники и поборники, но, если общественность всех стран не даст этим поборникам «холодной войны» покоя и передышки, они все более будут оказываться в положении обреченного гарнизона. С таким «гарнизоном» западным политикам опасно связываться даже по мотивам карьеры и престижа, и это усугубляет безнадежность его положения, лишая пополнения в «командном составе».

Социалистический лагерь — могучая мировая система государств — полностью одобрил политику ЦК КПСС и инициативу Н. С. Хрущева и всем своим моральным весом, политическим авторитетом и могуществом поддерживает силы мира. А этот моральный вес и политический авторитет мирового социалистического лагеря сегодня неизмеримо возрос, пользуется все большим доверием во всем мире, вызывает все большие симпатии и понимание. «Нам все меньше верят»,— жалуются американские газеты, имея в виду отставание Америки в самых ведущих и основополагающих отраслях науки и техники. «Нам верят все больше»,— можем сказать мы, имея в виду всепризнанность наших успехов в развитии экономики, культуры, техники и науки, нашей миролюбивой политики, выдержавшей трудные испытания войной нервов и увенчанной ныне новым триумфом.

Когда Н. С. Хрущев, возвращаясь из Америки, ехал по Москве, его машина шла сквозь огромные массы радостно возбужденных людей, которые расступались перед ней и смыкались позади.

И это было живое олицетворение подлинного и полного единства народа с Коммунистической партией и Советским правительством. Бросаясь к машине, улыбаясь, поднимая на руках детей, тысячи людей приветствовали и благодарили Н. С. Хрущева, благодарили за то, что он выполнил великую миссию мира, что он с исключительным достоинством и гордостью представлял в США советский народ и его ленинское дело, что он ярко и просто рассказал правду о социализме, непоколебимо защищал интересы Советского Союза.

Эти люди растили урожай, строили новые заводы и электростанции, атомный ледокол и ракеты, запускали спутников Земли и Солнца, космические лаборатории на Луну и вокруг Луны.

Они своим трудом привели к славе и могуществу свое великое Отечество — Советский Союз.

И они аплодировали Никите Сергеевичу Хрущеву.

И Никита Сергеевич Хрущев аплодировал им.

Ибо сделано еще одно великое дело на благо нашей Родины, на благо коммунизма, во имя мира на земле и счастья всего человечества!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ОТЧЕТ ПЕРЕД РОДИНОЙ

ХОРОША СТРАНА АМЕРИКА, А РОССИЯ ЛУЧШЕ ВСЕХ

На пресс-конфереиции в Вашиигтоне 27 сентября Н. С. Хрущева спроснли:

— Что Вы скажете русскому народу о Соедннеиных Штатах, когда Вы вериетесь домой?

— Имейте терпение до завтра,— последовал ответ.— Самолет прнбывает в Москву в три часа дия по московскому времеин, а в четыре часа я выступлю перед москвнчами. Если вы хотнте послушать (не знаю, будут ли транслировать мое выступленне у вас), то вы можете по радио узиать то, что я скажу москвичам, если нет, то на следующнй день мое выступлеиие будет опубликовано в печатн — прочитайте в газете...

И вот мощиый «ТУ-114», стремительно рассекая воздух, мчится к столнце иашей велнкой Родины Москве. В залнтом мягким электрнческнм светом салоне Никита Сергеевич, иаходящийся под свежим впечатлеиием только что закончнвшихся встреч, последиих бесед иа амернкаиской земле, дружески н тепло беседует с сопровождающими его товарищамн, шутит, вспомниает об интересиых деталях мииувшего дия, столь богатого событнями, иачнная от заключительных бесед в Кэмп-Дэвиде и кончая прощальным артиллерийским салютом иа аэродроме.

— Теперь бы хорошо вздремнуть,— говорит кто-то,— ведь через десять часов уже посадка в Москве...

— Вздремнуть? — спрашивает Никита Сергеевич.— Нет, пожалуй, надо будет кое-что сделать. Ведь мне предстоит выступать на митинге перед москвичами. Вы помните, как на пресс-конференции американские журналисты поинтересовались тем, что я скажу о Соединенных Штатах по возвращении домой?

Он на минуту задумывается, а затем решает:

— Надо готовить текст речи! Конечно, интереснее выступать без заранее подготовленного текста,— так получается живее. Но сейчас особенно важно заранее все продумать и взвесить каждое слово...

И, обращаясь к двум стенографисткам своего секретариата, Никита Сергеевич, улыбаясь, говорит:

— Придется уж вам еще раз пострадать ради общего дела. Отдохнем завтра в Москве.

Стенографистки берутся за свои тетрадки и карандаши. Никита Сергеевич садится за стол, готовый снова работать, как будто бы и не было позади напряженного рабочего дня...

Только что закончив сложнейшую поездку, которая на глазах у всего мира вылилась в историческое событие, он сразу принимается за обобщение ее итогов. Ведь послезавтра ему уже предстоит новый полет за границу — в братскую Китайскую Народную Республику.

Как обычно, перед Никитой Сергеевичем нет никаких бумажек. Свои речи он до мельчайших подробностей продумывает заранее, очень тщательно готовясь к ним. И вот сейчас он диктует фразу за фразой, взвешивая и отчеканивая их. Эти мысли, положения родились в его голове уже давно. Сейчас он только оформляет их. Порой он возвращается к уже сказанному и уточняет свою мысль, но отнюдь не стремится как-то пригладить свои выражения, загнать их в обыденные, ставшие привычными для многих ораторов формы. Это живая, идущая от сердца речь, это свой собственный, так пришедшийся по душе народу стиль.

Так проходит один час, второй... И кажется уже, что это не кабина самолета, а рабочий кабинет главы правительства.

Исписано уже много листов — рождается большая и яркая речь, которая через несколько часов будет

выслушана советским народом и вызовет широчайшие отклики за границей. Небо за иллюминаторами уже посветлело — самолет все дальше уходит на восток. Он держит курс на континент Европы, идя по широкой дуге через Исландию к Скандинавии.

Тем временем в радиорубке самолета идет напряженная работа — воздушный корабль не только поддерживает с землей свои обычные служебные связи, перекликаясь с аэродромами, но и передает важные послания главы Советского правительства.

Как только самолет пересек границу Соединенных Штатов, Н. С. Хрущев направил телеграмму Президенту Соединенных Штатов Америки. Вот ее текст:

«Оставляя территорию Соединенных Штатов Америки, прошу Вас, господин Президент, принять от меня лично, членов моей семьи и сопровождающих меня лиц сердечную благодарность и признательность за приглашение посетить вашу великую страну и за теплый прием, который был оказан нам лично Вами и американским народом. Наше ознакомление с жизнью американского народа было весьма интересным и полезным.

Обмен мнениями между нами по наиболее важным международным проблемам и по вопросам советско-американских отношений показал, что все более берет верх стремление предпринять необходимые усилия в целях ликвидации «холодной войны», создания обстановки доверия и взаимопонимания между нашими странами. Наши встречи несомненно будут содействовать разрядке международной напряженности, упрочению дела всеобщего мира.

Еще раз искренне благодарю Вас, господин Президент, американский народ за оказанное нам гостеприимство. Заверяю Вас, что советский народ и Советское правительство в свою очередь окажут Вам такой же радушный прием, когда Вы прибудете в Советский Союз.

Желаю Вам, господин Президент, Вашей супруге, сыну, Вашим замечательным внучатам, с которыми мне было так легко договориться о времени Вашего визита в Советский Союз,— всей Вашей семье желаю счастья и благополучия.

Желаю счастья и процветания всему американскому народу».

Когда самолет пролетал над Канадой, в эфир ушла приветственная телеграмма премьер-министру Канады. Никита Сергеевич продиктовал и дал указание передать телеграммы также премьер-министру Исландии, премьер-министру Норвегии и премьер-министру Швеции.

Наконец работа закончена.

— Теперь, пожалуй, можно и вздремнуть немного,— говорит Н. С. Хрущев.— Кажется, я заработал право на отдых...

Но отдых был непродолжителен. Еще не все подготовлено для чтения из того, что продиктовал Никита Сергеевич несколько часов назад, а он уже снова появляется в салоне, садится за стол и внимательно, неторопливо читает текст своей речи перед москвичами, внося по ходу чтения исправления и добавления.

Самолет летит над советской землей. Ярко сияет солнце. Пассажиры «ТУ-114» чувствуют себя непривычно: их стремительный корабль обогнал в своем движении время, и они потеряли ночь. В Америке сейчас только-только наступает утро, а в Советском Союзе уже близится к концу рабочий день. Пресс-группа при Председателе Совета Министров СССР шлет с борта самолета сообщения о том, как протекает полет, и радио Москвы немедленно дает эти сообщения в эфир.

И вот уже огромный серебристый воздушный корабль появляется в синем солнечном небе над Внуковским аэродромом. Быстро снижаясь, он идет на посадку. Авиационные специалисты смотрят на часы: пятнадцать часов двадцать восемь минут по московскому времени. Значит, полет Вашингтон — Москва совершен за 10 часов 28 минут. Последний раз взревели моторы, и самолет, подруливший к аэровокзалу, замер.

К самолету идут встречающие. Здесь А. Б. Аристов, Л. И. Брежнев, К. Е. Ворошилов, Н. Г. Игнатов, А. И. Кириченко, Ф. Р. Козлов, О. В. Куусинен, А. И. Микоян, Н. А. Мухитдинов, Е. А. Фурцева, П. Н. Поспелов, Д. С. Коротченко, Я. Э. Калнберзин, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, К. Т. Мазуров, В. П. Мжаванадзе, М. Г. Первухин, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, члены и кандидаты в члены Центрального Комитета партии, маршалы Советского Союза, министры, председатели государственных комитетов, руководители партийных и советских организаций Москвы и Московской

области, заведующие отделами и ответственные сотрудники ЦК КПСС, работники правительственного аппарата.

Шеренгой выстроились пришедшие для встречи главы правительства Советского Союза члены дипломатических представительств, аккредитованных в СССР, сотрудники посольства Соединенных Штатов Америки.

Здесь же, на аэродроме,— большая группа москвичей, приехавших с предприятий.

Никита Сергеевич спускается по трапу с воздушного корабля. Улыбаясь, он приветствует встречающих. Раздаются аплодисменты, крики «ура», слышатся приветствия, поздравления с успешным завершением дружественного визита в Соединенные Штаты и благополучным возвращением на родную землю. Дети преподносят Н. С. Хрущеву и членам его семьи букеты цветов. Никита Сергеевич взволнован, он тепло здоровается с руководителями партии и правительства, с министрами, маршалами, дипломатами, с москвичами. Отвечая на приветствия, он шутливо говорит, перефразируя слова известной песни:

— Хороша страна Америка, а Россия лучше всех!

И снова над аэродромом слышится громкое «ура», звучат возгласы в честь Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства.

Вереница машин направляется на стадион в Лужники, здесь должен состояться митинг, посвященный возвращению главы Советского правительства из США. В пути — трогательные встречи с москвичами. Узнав из сообщений по радио, что Никита Сергеевич уже прибыл на аэродром, они стихийно устремились навстречу. Людей так много, что регулировщики уличного движения, не ожидавшие их появления на проспекте имени Ленина, не в состоянии удержать их по сторонам проезжей части улицы. Машинам приходится замедлить ход. Чем дальше, тем у́же становится этот живой коридор.

Головная машина на минуту останавливается — дальше ехать нельзя, живая стена преградила путь! Раздаются приветствия, аплодисменты. Ребятишки, появившиеся словно из-под земли, несут цветы. Никита Сергеевич растроганно благодарит окружающих, приветственно машет рукой. Медленно расступаются люди, и колонна машин с трудом движется дальше.

Вот н Ломоносовский проспект. И здесь — тысячи собравшихся москвичей. Окна в новых огромных домах распахнуты настежь. В них вндны людн. Заполнены все балконы. Повсюду радостные, улыбающиеся лица. Это настоящий празднк — праздннк мира!

Наконец машины добираются до стадиона в Лужниках. Гигантскнй Дворец спорта переполнен. Пожалуй, ннкогда еще здесь не было так тесно. Каждому хотелось прнйти сюда, каждый отдавал себе отчет в том, что это не обычный мнтинг, это завершенне целого этапа истории и начало новой ее главы.

Историки назовут поездку Н. С. Хрущева в Соединенные Штаты подвигом,— слншком много было неизвестных в том уравнении, которое предстояло решить главе Советского правнтельства. В Москву из-за океана долетало эхо бранных речей и статей. Католические епископы призывали американцев бить в колокола, молить бога о спасении от страшного коммуннстнческого искушения. Твердолобые ораторы продолжали разглагольствовать о том, что какие бы то ни было «переговоры с большевиками» не нужны и вредны. И все-такн поездка совершнлась.

Теперь всем ясно, что встреча главы Советского правнтельства с Презндентом Соеднненных Штатов была плодотворной н что она открывает новые перспектнвы на будущее. И, когда руководнтели партии и правительства во главе с Н. С. Хрущевым появилнсь в президиуме митннга, москвнчн, прншедшие на митинг, дружно поднимаются со свонх мест и бурно аплоднруют им.

СОВЕТСКАЯ ВОЛЯ,
СОВЕТСКОЕ ЗНАМЯ,
СОВЕТСКОЕ СОЛНЦЕ!..

Однн за другим выступают с речамн москвнчи. Никита Сергеевнч, сндя вполоборота за столом, внимательно слушает их н всматривается в родные, пышущие уверенностью и радостью лица этнх людей. Как изменилнсь на протяжении жнзни одного поколения Москва и москвичн!

Кажется, давно ли была та пора, когда Н. С. Хрущев, будучн секретарем городского комитета партни, беседо-

вал с рабочими на стройках первых больших московских заводов, встречался с ними и в мокрых туннелях первой линии метро, и у станков, мартеновских печей, блюмингов... Сколько было тогда среди рабочих малограмотных, а порой и вовсе неграмотных, неумелых парней и девушек, только что приехавших из глухих деревень. А теперь и город не тот, и деревня не та...

Попробуй различи по стилю, по манере разговаривать выступающих сейчас наладчика автозавода имени Лихачева Ю. Николаева, бригадира колхоза «Путь новой жизни» Кунцевского района У. Трофимову или студентку Московского Высшего технического училища имени Баумана Л. Селиванову! Все трое — образованные, культурные люди с широким творческим кругозором. Поистине великое дело сотворила наша партия, подняв в кратчайший исторический срок страну из бездны отсталости на подступы к коммунизму! И народ наш находит самые лучшие, от сердца идущие слова, чтобы оценить это и заявить о своей глубочайшей преданности партии.

— Нам, советским рабочим,— говорит наладчик Ю. Николаев,— особенно по душе были слова, когда Вы, Никита Сергеевич, в своих выступлениях и беседах с присущей Вам народной мудростью давали достойную отповедь ненавистникам коммунизма и поборникам «холодной войны».

И под бурные аплодисменты всего зала этот московский рабочий громко, на весь мир заявляет о том, какая творческая идея движет им и десятками миллионов его соотечественников в жизни и труде:

— Не стремление к наживе и не нужда заставляют нас выполнять и перевыполнять наши планы. Труд для народа, для себя, для своего Советского государства, великая цель, к которой мы идем,— коммунизм — вот что вдохновляет нас на большие патриотические дела. И я убежден в том, что придет время, когда и рабочие Америки познают радость свободного труда на своих собственных заводах и фабриках.

— Ваш визит, Никита Сергеевич,— сказала молодая колхозница У. Трофимова,— явился хорошим уроком для капиталистов. Пора им понять, что Советский Союз — это не та сермяжная Россия, где мужики лаптем щи хлебали и по бедности своей прикусывали рваным ру-

кавом. Нет. СССР — могучее государство, и с ним надо говорить как равный с равным, жить в мире и поддерживать добрососедские отношения.

У. Трофимова рассказывает, что колхозникам было приятно читать сообщения о том, как тепло встречал главу Советского правительства американский народ и как он выражал дружеские чувства к советским людям.

— Тучи «холодной войны» рассеиваются,— говорит она.— Стало веселее жить и трудиться. А дела как пошли? Семилетку мы решили выполнить за пять лет. Пусть посмотрят американцы, на что способны колхозники! Мы заверяем Вас, Никита Сергеевич: выстоим в соревновании с фермерами, догоним и перегоним Америку по производству продуктов сельского хозяйства на душу населения! Само дело так показывает...

У микрофона академик Л. И. Седов. Он рассказывает о том, с каким напряженным вниманием следили советские ученые за выступлениями Н. С. Хрущева в Соединенных Штатах. Академик с воодушевлением заявляет, что социалистический строй дает неограниченные возможности для развития науки и техники. Живое тому свидетельство — невиданные успехи советских ученых и инженеров в борьбе за освоение космоса.

— Дорогой Никита Сергеевич! — восклицает Л. И. Седов.— Ученые Советского Союза понимают свою ответственность перед народом и историей и отдадут все свои силы решению величественных задач построения светлого будущего в нашей стране — коммунизма.

На трибуну поднимается студентка Л. Селиванова. Ее лицо отражает глубокое волнение и в то же время чувство гордости — ей, вероятно, впервые институт доверил выступать на таком значительном митинге. Но молодой голос ее звучит уверенно. Она говорит простыми, идущими от души словами о том, с каким нетерпением молодежь все эти дни ждала последних известий по радио и телевидению, как выстаивала небывало длинные очереди за газетами...

— И совсем не удивительно,— говорит Л. Селиванова.— Ведь речь шла о мире, а значит, о нашем будущем... Мы никому не навязываем наших идей. Но мы твердо уверены, что наш строй самый передовой, самый человечный, что за ним, а не за капитализмом, будущее. И ничем не поколебать в нас этой уверенности!

Зал бурно аплодирует, когда молодая студентка читает с трибуны волнующие строки поэта:

...Главное в нас,—
и это
ничем не заслóнится,—
главное в нас,
это — наша
Страна Советов,
советская воля,
советское знамя,
советское солнце!..

В эти волнующие минуты, когда москвичи, собравшиеся в огромном Дворце спорта, с таким подъемом выражают свои мысли и чувства, невольно вспоминается долгий и нелегкий, но в то же время озаренный гордой радостью борьбы и побед путь, пройденный нашим народом к сияющим высотам новой жизни.

Веками ждала и боролась Россия за лучшую жизнь, веками надеялся народ на лучшую долю и настойчиво добивался ее ценой огромных жертв. Лучшие умы нашей Родины томились в душевной тоске, видя чудовищное несоответствие между огромными возможностями нашей необъятной страны, ее чудесного народа и тем, на что была способна обветшалая социальная система, сковывавшая Россию, словно кандалы. Великие таланты пробуждались вдруг, потрясая мир своими открытиями и намного опережая ими мировое развитие науки. Это были гениальные провозвестники новой эры, которой суждено было начаться 7 ноября 1917 года.

Человечество не забудет, что первая в истории схема реактивного летательного аппарата была создана двадцатисемилетним русским студентом-революционером Николаем Кибальчичем в мрачной камере Петропавловской крепости накануне смертной казни. Это было в 1881 году. А два года спустя, как бы приняв эстафету из рук Кибальчича, молодой учитель арифметики, геометрии и физики из уездного училища в заштатном городке Боровске Константин Циолковский предложил свой принцип реактивного двигателя для целей летания; еще двадцать лет спустя, в 1903 году, Циолковский уже выступил с работой «Исследование мировых пространств реактивными приборами».

Первая в мире паровая машина, построенная Иваном Ползуновым в глуши старого Алтая в 1763 году, и пер-

вая в мире электрическая лампочка накаливания, изобретенная Александром Лодыгиным в 1872 году, первый в мире самолет, сконструированный Александром Можайским в 1876 году, и первая в мире радиопередача, осуществленная Александром Поповым, который изобрел радио в 1895 году,— сколько их было таких первых в мире событий, каждого из которых было бы достаточно, чтобы утвердить мировой научный приоритет России и небывалыми темпами двинуть вперед технический прогресс! Но гениальные идеи русских ученых либо погибали в канцеляриях старой России, либо служили обогащению перехватывавших их зарубежных дельцов.

И все же, несмотря ни на что, народ верил в будущее, ждал и боролся. Из поколения в поколение люди зачитывались вдохновенными строками Гоголя:

«...Русь! Русь! вижу тебя из моего чудного, прекрасного далека, тебя вижу: бедно, разбросанно и неприютно в тебе; не развеселят, не испугают взоров дерзкие дива природы, венчанные дерзкими дивами искусства, города с многооконными, высокими дворцами, вросшими в утесы, картинные дерева и плющи, вросшие в домы, в шуме и в вечной пыли водопадов; не опрокинется назад голова посмотреть на громоздящиеся без конца над нею и в вышине каменные глыбы; не блеснут сквозь наброшенные одна на другую темные арки, опутанные виноградными сучьями, плющами и несметными миллионами диких роз, не блеснут сквозь них вдали вечные линии сияющих гор, несущихся в серебряные, ясные небеса. Открыто-пустынно и ровно все в тебе; как точки, как значки неприметно торчат среди равнин невысокие твои города; ничто не обольстит и не очарует взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечет к тебе? Почему слышится и раздается немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей долине и ширине твоей, от моря до моря, песня? Что́ в ней, в этой песне?.. Что́ пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему? И грозно объемлет меня могучее пространство, страшною силою отразясь во глубине моей; неестественной властью осветились мои очи: у! какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!..»

И вот родилась на российских просторах беспредельная мысль, о которой мечтал русский поэт, и нашелся богатырь, да так развернулся и прошелся он по родной стране, что по вещему слову Гоголя загремел и стал ветром разорванный на куски воздух, и полетело мимо все что ни есть на земле, и косясь, стали постораниваться и давать России дорогу другие государства. Русский богатырь — рабочий класс, одушевленный беспредельной ленинской мыслью, действительно свершил великое чудо, создав на необъятных просторах своей земли первое в истории государство трудящихся и построив на обломках отсталой российской империи самое передовое в мире — социалистическое общество.

Не вдруг, не сразу свершилось чудо! В те годы, когда в Боровске смеялись над глухим учителем физики Циолковским, который мечтал о полетах в космос, а изобретатель Лодыгин горько переживал свою обиду, видя, что предприимчивый американец Томас Эдисон, усовершенствовав привезенные за океан образцы его лампочек, успешно организует их массовое производство, тогда как в Петербурге «Товарищество электрического освещения А. Н. Лодыгин и компания» терпело провал из-за недостатка средств; в годы, когда тысячами умирали от голода, холеры и чумы русские мужики, а мастеровой человек работал у станка по пятнадцать часов в сутки и получал за свой труд гроши; в годы, когда границы России открылись перед иностранным капиталом и он начал торопливо прибирать к рукам экономику страны, мечтая превратить ее в колонию,— в эти самые годы молодой русский революционер Владимир Ленин сколачивал и готовил к боям новую партию — партию рабочего класса.

«Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки,— писал он в глухую зиму 1901/02 года.— Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем». Были не только трудные — были полные драматизма и отчаяния дни. Были поражения. Были тяжкие утраты. Но созданная Владимиром Ильичем партия особого типа, особого склада была рождена для борьбы. И если за шагом вперед приходилось иногда делать два шага назад, то в следующий раз партия делала и три,

и десять, и двадцать шагов вперед, а влияние ее на рабочий класс, на весь трудовой народ неудержимо росло. Это и был путь к победе, путь к Великому Октябрю 1917 года, путь к построению нового общества...

Все это невольно приходит на ум сейчас, когда мы поднялись на высокий перевал истории, с которого открывается широчайшая панорама пройденного пути и вместе с тем перспектива дальнейшего пути к сияющим уже невдалеке вершинам коммунизма.

Теперь уже не кучка людей идет по ленинской тропе — в победоносный поход к коммунизму двинулось свыше миллиарда человек, и несметная армия эта все время растет и ширится. И во главе ее по-прежнему главная движущая и руководящая сила — партии рабочего класса, партии коммунистов. Это к ним обращены сейчас все взоры, на них возлагаются надежды, их благодарят народы за все содеянное ими...

— Слово предоставляется Никите Сергеевичу Хрущеву,— сказал председательствующий.

И сразу же грянул гром оваций.

Стоя на трибуне, Никита Сергеевич сначала сам аплодировал залу, потом начал махать рукой, призывая участников митинга сесть. Однако аплодисменты продолжали греметь, перекатываясь по залу волна за волной. Это была волнующая демонстрация непоколебимого доверия народа к ленинской партии, признательности за все то, что партия и ее Центральный Комитет сделали для народа, и глубочайшего уважения к тому человеку, которого партия и народ выдвинули на ответственнейшие посты Первого секретаря ЦК КПСС и главы Советского правительства и который с честью вершит порученные ему великие дела.

До сих пор мы наблюдали за развитием событий вокруг поездки Н. С. Хрущева только по ту сторону нашей границы. Мы уже рассказали, как глубоко затронули выступления Никиты Сергеевича сердца и души американцев. На митинге в Лужниках можно было ощутить, что поездка эта оставила неизгладимый след в сердцах советских людей, чьим думам были столь созвучны те речи, которые Никита Сергеевич произносил в Соединенных Штатах. И как-то особенно весомо и зримо представилась в этот момент гигантская мощь нерушимого единства партии и народа.

Многими достижениями славится наша социалистическая держава. Но самое главное, самое замечательное, самое радостное из них — это небывалый рост политической и трудовой активности, творческого энтузиазма, коммунистической сознательности советского народа, его монолитной сплоченности вокруг партии. В этом — источник всех наших успехов, залог полной победы коммунизма.

Когда аплодисменты наконец стихли, Никита Сергеевич начинает свою речь, подготовленную в ту бессонную ночь на борту самолета. Он выступает с отчетом перед Родиной, перед народом, перед партией. Это обстоятельный рассказ о том, как родилась идея визита, почему было принято приглашение Президента Соединенных Штатов, как протекала поездка, какие впечатления она дала и какие мысли пробудила, что принесла миру и каковы перспективы на будущее.

Никита Сергеевич говорит очень просто, пренебрегая ораторскими эффектами. Он говорит, как бы делясь своими мыслями с группой близких друзей. Перед слушателями развертывается широкое полотно событий, и в то же время в рамках этой картины находится место для множества характерных деталей, которые необычайно усиливают наглядность и убедительность повествования.

Вся эта убедительная и впечатляющая речь с начала до конца пронизана одной оптимистической и глубоко человечной идеей — верой в неизбежное торжество разума над злобными силами, разжигающими «холодную войну».

— XX век,— сказал Н. С. Хрущев,— это век величайшего расцвета разума, таланта человека. В наши дни люди своими руками осуществляют то, о чем веками мечтало человечество, выражая эти мечты в виде сказок, казавшихся несбыточной фантазией. Так неужели в это время расцвета человеческого гения, познающего тайны природы и овладевающего ее могучими силами, можно мириться с сохранением первобытных отношений между людьми, когда человек был зверем?.. Наше время может и должно стать временем осуществления великих идеалов, временем мира и прогресса.

И Никита Сергеевич с присущей ему силой убежденности вновь и вновь развивает великую ленинскую идею мирного сосуществования государств, принадлежащих

к различным социальным системам. Партия настойчиво пропагандирует эту идею на протяжении всей жизни Советского государства. Но особую злободневность вопрос об обеспечении мирного сосуществования приобрел в наши дни: при сложившемся теперь соотношении сил на мировой арене и при том уровне, которого достигла современная военная техника, мирное сосуществование является объективной необходимостью, реальным фактом.

Еще в 1955 году, в дни памятной поездки по Индии, Н. С. Хрущев неоднократно призывал положить принципы мирного сосуществования в основу отношений между государствами. С тех пор он посвятил этой теме многие выступления, творчески разрабатывая и развивая ленинский завет.

Накануне поездки в Соединенные Штаты Никита Сергеевич опубликовал в американском журнале большую статью о мирном сосуществовании, которая прозвучала как программное заявление, освещающее тот план действий, который предлагался Соединенным Штатам в целях нормализации советско-американских отношений. И буквально в каждом американском городе, где ему довелось выступать, он неустанно повторял, что страны, принадлежащие к различным социальным системам, могут и должны сосуществовать в мире.

Теперь, выступая перед Родиной с отчетом о поездке в Соединенные Штаты, Никита Сергеевич вновь возвращается к этой теме, представляющей жизненный интерес для всех народов мира.

— В наш век величайшего развития техники,— говорит он,— в условиях, когда существуют государства с различным социальным строем, нельзя успешно решать международные проблемы иначе, как на основе принципов мирного сосуществования. Другого выхода нет. Те люди, которые говорят, что они не понимают, что такое мирное сосуществование, и опасаются его, вольно или невольно содействуют дальнейшему развитию «холодной войны», которая обязательно разрастется, если мы не будем вмешиваться и не ликвидируем ее. Она дойдет до такого накала, когда в любой момент может вспыхнуть искра, способная вызвать мировую войну. В этой войне погибнет многое. Поздно будет обсуждать вопрос о том, что такое мирное сосуществование, когда

заговорят такие ужасные средства истребления, как атомные и водородные бомбы, как баллистические ракеты, практически неуловимые и способные доставить ядерное оружие в любую точку земного шара. Не считаться с этим — значит закрывать глаза и заткнуть уши, спрятать свою голову, как это делает страус, когда на него надвигается опасность. Если мы, люди, уподобимся этому страусу и будем прятать голову в песок, то, спрашивается, зачем нужна такая голова, если она не способна предотвратить угрозу для самой жизни.

В зале раздаются продолжительные аплодисменты. Никита Сергеевич, сделав выразительный жест рукой, с силой произносит:

— Нет, мы должны проявить разум человека, веру в этот разум, веру в возможность договориться с государственными деятелями различных стран, совместными усилиями мобилизовать людей с тем, чтобы отвести угрозу военной опасности. Нужно иметь волю и мужество, чтобы пойти наперекор тем, кто упорствует в продолжении «холодной войны». Надо преградить ей путь, растопить лед и нормализовать международные отношения.

Подробно описывая свою поездку по Соединенным Штатам, Никита Сергеевич рассказывал все, как было. Он тепло вспоминал доставившие ему глубокое удовлетворение встречи с миролюбивыми американцами, с которыми было легко найти общий язык, но не умалчивал и о враждебных выходках, организованных нашими врагами.

— Было очень много хорошего,— сказал он,— но не нужно забывать и плохое. Этот червячок, вернее червячище, еще жив и может проявить свою жизненность и в дальнейшем.

Для чего я говорю об этом? Ради охлаждения отношений между Советским Союзом и США? Нет. Я говорю об этом потому, что надо знать правду, чтобы вы видели не только одну, приятную нам, сторону, но и другую, закулисную, сторону, которую прятать не нужно. В Америке есть силы, которые действуют против нас, против ослабления напряженности, за сохранение «холодной войны». Закрывать глаза на это значило бы проявить слабость в борьбе против этих злых сил, злых духов. Нет, их надо обнажить, их надо показать, их надо пуб-

лично высечь, их надо поджарить, как чертей, на сковородке.

В зале раздается смех, вспыхивают продолжительные аплодисменты. Н. С. Хрущев, улыбаясь, говорит:

— Пусть злятся те, кто хочет продолжать «холодную войну». Их не поддержат простые люди земли, их не поддержат те, кто обладает разумом человека.

Подводя итоги своих бесед с Президентом США Д. Эйзенхауэром, Никита Сергеевич сказал:

— Хочу сказать вам, дорогие товарищи, что я не сомневаюсь в готовности Президента приложить свою волю и усилия, чтобы достигнуть соглашения между нашими странами, создать дружеские отношения между нашими народами и добиться решения назревших вопросов в интересах упрочения мира.

Участники митинга зааплодировали. Н. С. Хрущев продолжал:

— Вместе с тем у меня сложилось впечатление, что в Америке есть силы, которые действуют не в одном направлении с Президентом. Эти силы стоят за продолжение «холодной войны» и гонки вооружений. Большие ли это силы или маленькие, влиятельные или невлиятельные, могут ли победить те силы, которые поддерживают Президента,— а его поддерживает абсолютное большинство американского народа — я бы не спешил с окончательным ответом на эти вопросы.

Время — хороший советчик, как говорят русские люди: «утро вечера мудренее». Это мудро сказано. Давайте мы обождем утра, тем более, что мы прилетели в конце дня и я выступаю уже вечером. И, может быть, пройдет не одно утро, пока мы хорошенько выясним это. Но мы не будем сидеть сложа руки и ожидать рассвета, ожидать, куда будет склоняться стрелка международных отношений.

Но и со своей стороны будем делать все, чтобы стрелка барометра шла не на бурю и даже не на переменно, а показывала бы на ясно.

В зале с новой силой гремят аплодисменты. Советские люди всем сердцем одобрили и поддержали этот политический курс, подсказанный мудрой политикой Коммунистической партии и огромным государственным опытом Советского правительства. Курс на устойчивое и прочное мирное сосуществование, продиктованный

горячим стремлением обеспечить мир и спокойствие народам, мог быть выработан только в социалистической стране с ее гуманными, человеколюбивыми законами жизни и с ее непоколебимой уверенностью в завтрашнем дне.

Нетрудно представить себе, как повела бы себя империалистическая держава, если бы в ее распоряжение каким-то чудом попали бы те изумительные достижения науки и техники, в том числе и военной, какие созданы упорным и самоотверженным трудом советских людей. Она, конечно, немедленно попыталась бы использовать их для того, чтобы возродить пресловутую политику «с позиции силы», диктовать свою волю всему миру.

И поистине великое счастье всего человечества заключается в том, что неутомимо и надежно действующие законы развития общества как нельзя более вовремя сделали свое дело: на смену хищному и агрессивному капитализму на огромных просторах земного шара пришел социализм и началось строительство коммунистического общества.

Борцы за коммунизм не нуждаются в насильственных методах для распространения своего влияния. Их оружие — сила примера и великая сила идей. В их распоряжении — могучая, прекрасно организованная и управляемая экономика, наука и техника, созданные поистине героическими усилиями народа в небывало короткий срок. Давно ли мы отставали от капиталистических стран на сто лет! Теперь СССР обогнал их все, за исключением Соединенных Штатов, но и в соревновании с этой сильнейшей страной капиталистического мира мы уже оставили ее позади по целому ряду важнейших позиций, и прежде всего в области науки.

Это все отчетливее начинают сознавать в противостоящем нам лагере. Там начинают мало-помалу отдавать себе отчет в том, что расчет на насильственное удушение коммунизма несостоятелен и что мирное сосуществование — единственно возможное в наше время решение. Но есть еще и такие весьма влиятельные и пока еще сильные группы империалистов, которые никак не хотят считаться с реальностью. Ненависть к новому миру у них сильнее инстинкта самосохранения, и до сих пор они не могут расстаться со своей старой мечтой о возвращении утраченных позиций, которую на своем

жаргоне они выражают труднопереводимым английским словечком «showdown», что по-русски означает примерно «все вверх дном». Это им адресовано спокойное, но твердое предупреждение, которое сделал от лица советского народа с трибуны митинга во Дворце спорта под всеобщие аплодисменты зала Н. С. Хрущев:

— Мы основываемся в своих действиях на разуме, на правде, на поддержке всего народа. Кроме того, мы опираемся на наш могущественный потенциал. И пусть знают те, кто хочет сохранять состояние «холодной войны» с тем, чтобы рано или поздно превратить ее в горячую,— пусть они знают, что в наше время начать войну может только безумец, который сам же погибнет в ее пламени.

Народы должны надеть на этих безумцев смирительные рубашки.

Н. С. Хрущев кончает свою речь в светлом, оптимистическом тоне:

— Мы верим,— говорит он,— в то, что государственный ум, человеческий разум победят. Говоря прекрасными словами Пушкина: Да здравствует разум! Да скроется тьма!

И снова овации потрясли Дворец спорта. Они длились долго-долго. С огромной силой в них было выражено единодушное одобрение всем нашим народом результатов поездки Н. С. Хрущева в Соединенные Штаты.

Закончив свою речь, Никита Сергеевич подошел к временному поверенному в делах Соединенных Штатов в СССР Э. Фриирсу и пожал ему руку. В зале опять раздались аплодисменты.

Митинг закончился. Грянул оркестр, под сводами Дворца спорта поплыла мелодия гимна великой социалистической державы — оплота и надежды всех народов, искренне желающих прекращения «холодной войны», прекращения гонки вооружений и установления нормальных отношений между всеми государствами, независимо от их социальных систем.

Отчет перед Родиной закончен. Родина приняла его с благодарностью и восхищением.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ДУМЫ НАРОДА, ПОДДЕРЖКА НАРОДА

Так, нам кажется, должна быть озаглавлена одна из глав этой книги. Ее авторами выступают советские люди: рабочие, колхозники, представители интеллигенции, незримо сопровождавшие Н. С. Хрущева во время его визита в Соединенные Штаты Америки. Думы, мысли и чувства свои они непосредственно и тепло выразили в задушевных письмах, адресованных в Центральный Комитет партии, Совет Министров СССР, Н. С. Хрущеву.

В опубликованном ответе Н. С. Хрущев писал:

«Нельзя без глубокого волнения и радости читать эти сердечные письма советских людей, которые с такой гордостью пишут о нашей социалистической Родине, о нашей Коммунистической партии, о родном для всех нас социалистическом строе, о коммунизме, к которому уверенно и непоколебимо идет советский народ».

Без этих писем книга была бы неполной.

Обратите внимание на адреса авторов писем. Здесь названия многих городов и сел, республик и областей нашей страны: Москвы и Ленинграда, Сибири, Урала, различных районов России, Украины, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана, республик Закавказья и Прибалтики, всей страны. В письмах коллективных и индивидуальных, молодые и пожилые рабочие, колхозники,

люди наукн н нскусства делятся свонми сокровеиımмн мыслями с Цеитральиым Комнтетом иашей партии, своим родиым Советским правительством.

Предлагаемые вннманию читателя пнсьма можио разделнть иа две группы.

Первая группа — это пнсьма, полученные иакануне внзнта в США. В те дни советские труженнкн посылалн Н. С. Хрущеву самые лучшие пожелаиия успехов в его благородиой мнссии. Каждый хотел сказать самые теплые, сердечные слова иа дорогу: «В добрый путь, в добрый час», «Наши сердца и добрые иадежды будут вместе с Вамн», «Пусть Ваша дорога будет усеяна цветамн мнра», «Мы будем рядом с Вамн».

Посылая главу своего правительства в США, советскнй иарод протягивал амернканскому народу руку дружбы. Людн говорнлн: расскажите в Амернке правду о нашей велнкой Советской страие, передайте американскому народу, что мы хотим жнть с инм в мнре и дружбе. Пусть быстрее тают льды «холодиой войны»!

Во миогнх письмах советскне люди рассказывают о мннувшей войне и требуют дать решнтельный отпор сторонинкам «холодиой войны». В них — тревога за судьбы мнра и горячее желаиие ускорить потеплеине междуиародиой обстаиовки. Нашему иароду иеиавнстна война, говорят советские людн, мы трудимся во имя светлого будущего — коммуиизма, поэтому мы хотнм мира. Каждый советскнй человек любит мирный труд иа благо своей Отчнзны, хочет вндеть улыбки девушек, радость матерей, хочет спокойиой и счастливой жизни своим детям, свонм блнзким, всему иароду.

Обращаясь в Цеитральиый Комитет партии, к Советскому правительству, к Н. С. Хрущеву, миогие писали:

«Продолжайте еще более иастойчнво отстаивать дело мира! Правда иа иашей стороие! Народы должиы устраннть опасиость возннкиовення атомиой войны! Пусть восторжествуют идеи мириого сосуществования!»

Чнтатель иайдет здесь и пнсьма, в которых выражается глубокое возмущение по поводу измышлеиий американской печати о Советском Союзе и других социалнстнческих страиах. Миогие писали Н. С. Хрущеву:

«Передайте, что мы, советские люди, высмеиваем как иелепый вздор грязные выдумки о «порабощеииых народах». Мы всему миру заявляем, что американский конгресс говорит иеправду».

«Ложь развеется, как дым, и не пристанет к иам, как бы ни старались клеветиики».

Вторая группа — это письма, полученные во время визита и после возвращения Н. С. Хрущева на Родиуу.

Наш народ и мировая общественность высоко оценили деятельиость Н. С. Хрущева во время поездки в Америку. Советские люди тепло поздравляют с благополучиым возвращеиием и благодарят Н. С. Хрущева за то, что он достойно представлял нашу Родиуу — Советский Союз, иеутомимо доказывал иеобходимость ликвидации междуиародиой иапряженности, отстаивал идеи мириого сосуществоваиия.

Единодушное одобрение вызвало предложеиие Советского правительства о всеобщем и полном разоружеиии, которое отвечает чаяииям народов и может проложить путь к прочному и нерушимому миру.

Вот только иекоторые отрывки из отдельных писем:

«Вы правильно выражали мысли каждого советского человека».

«Спасибо Вам, Никита Сергеевич, за то, что во время поездки в США Вы гордо и независимо, принципиально и смело боролись за правду и мир».

«Спасибо за лениискую последовательность и принципиальность».

«Мы хотим мира ие потому, что иаша страиа слабая и не может защитить себя. Нет, мы теперь ие «лапотиики»! Мы готовы иа дружбу со всеми иародами, но мы готовы и на защиту ее от всех иаших иедругов. Советский иарод превратил свою страну в могучую, высокоразвитую социалистическую державу и своими успехами поразил весь мир».

«Перед моими глазами прошли большие исторические события,— пишет москвичка.— Я видела конку — теперь вижу завоевание космоса; я видела Хитров рыиок — теперь вижу дворцы для народа, гидроэлектростанции и заводы-гигаиты; я видела иищету, безграмотиость — теперь вижу Туполева и подобиых ему. В какой другой страие можио видеть такой скачок, который

совершили мы за 40 лет существования Советской власти! И все это для народа».

В письмах выражается радость за достижения Советского Союза, за великие успехи социализма. Чувства советских людей замечательно передает в своем письме ленинградец:

«Теперь все в мире понимают и ценят величие, ум, трудовую доблесть, героизм и стремление к миру всего советского народа, Коммунистической партии и Советского правительства во главе с Никитой Сергеевичем Хрущевым. Миллионы людей на земле лучше увидели и поняли, что такое Советский Союз, как он могуч, как миролюбив наш народ и как он талантлив».

Страстные строки советских людей направлены против тех, кто пытался в США помешать успеху визита Н. С. Хрущева... Советские люди выражают благодарность за то, что Н. С. Хрущев высоко нес знамя марксизма-ленинизма, убедительно раскрыл преимущества социализма перед капитализмом.

Рабочие, колхозники, работники умственного труда, обращаясь в Центральный Комитет партии и Совет Министров СССР, говорят:

«Мы гордимся своей социалистической Отчизной, которая растет и крепнет под руководством Коммунистической партии. Мы благодарим товарища Хрущева за то, что он достойно показал величие Советского Союза, высоко держал марку трудового серпа и молота, убедительно доказывал историческую неизбежность торжества идей Маркса — Энгельса — Ленина».

В своих письмах трудящиеся нашей страны отмечают, что поездка Никиты Сергеевича в США, его яркие речи еще выше подняли престиж нашей страны, Коммунистической партии и Советского правительства в глазах трудящихся всего мира, еще больше возвысили наш героический народ.

С большой сердечностью и любовью пишут советские люди о Коммунистической партии, под руководством которой наш народ творит чудеса, беззаветно трудится над построением самого справедливого общества — коммунизма. Мы счастливы и свободны, заявляют трудящиеся. Мы повсюду ощущаем, что все то, что делается в нашей стране, делается во имя блага

человека. Мы видим, как на глазах изменяется и хорошеет жизнь.

Ярко и образно рассказывают рабочие, колхозники, инженерно-технические работники о своей жизни, об успехах в труде, о своем стремлении производственными победами укреплять дело мира, прославлять Советский Союз новыми достижениями. Они хорошо сознают, что труд каждого советского человека, его успехи имеют самую непосредственную связь с успехами Советского Союза в проведении ленинской внешней политики.

«Мы сделаем все, чтобы успешно выполнить великий семилетний план, будем работать еще лучше, еще больше сил и знаний отдавать нашей родной партии, своей Родине, своему народу»,— говорят советские люди.

Письма в Центральный Комитет нашей партии и Совет Министров СССР отражают высокие духовные качества советских людей, их политическую зрелость, их активное участие в больших государственных делах. Слово советских людей — еще одно доказательство настоящего демократизма нашего социалистического строя, неразрывности партии и народа.

В письмах советских людей выражены думы народа, поддержка политики партии и правительства. Теплые, душевные письма служили Н. С. Хрущеву большой моральной поддержкой во время визита в США, а добрые слова признательности и благодарности после возвращения на Родину, высокая оценка нашим народом итогов поездки явились самой лучшей наградой за этот труд.

Итак, предоставим слово советским труженикам — соавторам этой книги.

Перед визитом

ЖЕЛАЕМ БОЛЬШОЙ УДАЧИ!

Дорогой Ннкита Сергеевич! Мы пншем Вам нз города, ставшего символом несокрушнмостн гордого духа советского человека. Мы — севастопольцы. Мы, как никто иной в мире, знаем, что такое война. В годы мннувшей войны мы перенеслн невероятные трудностн н лншення. В огне кровопролнтных сражённй сгорело немало жнзней советских людей. Наш город-красавец был превращен в сплошные рунны. Теперь он вновь восстал нз пепла как вечный памятннк несокрушнмостн н героизма советскнх людей.

В день, когда серебрнстая птнца будет пересекать океан, неся на свонх крыльях мнр н дружбу, мы будем стоять на трудовой вахте, крепить могущество любнмой Родины. Вступленне в строй первого в мнре атомного ледокола «Леннн», запуск второй советской космической ракеты к Луне — это новые выдающнеся победы передовой науки н мнрного созндательного труда, достигнутые под руководством Коммуннстнческой партин. Все наши помыслы будут связаны с Вашей благородной миссией. Нам прнятно, что во встречах с американцами Вам будет что рассказать о трудовых успехах советского народа по осуществлению велнчественного плана семилетки. Мы прнложнм все уснлня к тому, чтобы Ваши слова подкрепить еще большнмн трудовымн победами во имя укреплення мнра во всем мире. Передайте американскому народу, что мы ннкогда первымн не

поднимали меча войны, что мир советским людям нужен, как воздух, что мы и впредь будем неутомимо крепить дело мира во всем мире.

От всего сердца желаем Вам, великому полпреду мира, неутомимому борцу за дружбу между народами, большой удачи в деле укрепления дружественных отношений между двумя великими державами на вечные времена. Пусть ярко сияет мирное небо. Да здравствует мир во всем мире! Попутного ветра! Хорошего Вам здоровья, дорогой Никита Сергеевич!

Коллектив
машиностроительного завода

14 сентября 1959 г.
г. Севастополь.

СЧАСТЛИВОГО ПУТИ!

Дорогой Никита Сергеевич! В этот день, то есть 12 сентября 1959 года, я, как и все советские люди, не мог жить без волнующей радости за достижения нашей Родины, нашей советской науки, дошедшей до такого высокого уровня.

Работаю я на одной из шахт комбината «Интауголь». И вот сегодня, поднявшись утром, включив радио, я услышал приятное известие, что Вы в скором времени должны поехать в США.

Работаю я во второй смене машинистом врубовой машины, и мне нужно было подготовить для бригады рабочее место. Поэтому я спустился в шахту раньше смены. И вот вскоре мои товарищи по работе принесли мне столько радостных новостей, что у меня, хочу сознаться, даже сердце потеряло ритм. Взвилась в космос в сторону Луны космическая ракета! Спуск на воду первого в мире атомного ледокола «Ленин»! И вот я пришел с работы в 9 часов вечера и до сих пор еще не мог уснуть, а уже 3 часа ночи. Да разве можно уснуть.

Я не сомневаюсь в том, что многие миллионы наших советских людей, так же как и я, сегодня не спят и думают, радуются своим достижениям, потому что в этих достижениях есть частица труда каждого из нас.

Не знаю, сможете ли Вы прочесть это письмо до отъезда в США или нет, но мне бы, как и всем советским

людям, хотелось, чтобы Вы в своих выступлениях там выразили наши слова, думы простых советских людей, что мы не хотим войны, хотим мирного сосуществования со всеми странами земного шара, какого бы убеждения там люди ни были.

Мы, советские люди, идем тропой, указанной и проложенной В. И. Лениным, к заветной цели, к коммунизму, и нас никакая сила с этого пути не собьет. Мы строим коммунизм, и мы его построим! Ноль бы нам была цена в базарный день, если бы мы не смогли осуществить заветы наших отцов и матерей, завоевавших дорогу к коммунизму. Для достижения этой цели мы будем трудиться и поэтому не хотим войны, не хотим развалин, не хотим кровопролития.

Мы, все советские люди, от души желаем того, чтобы все страны земного шара повернули атомную энергию на мирные цели, а не на вооружение.

Я еще молод, но в Отечественную войну я, как и многие наши советские патриоты, хотя еще и юношей, побывал и в партизанском отряде и на фронте. Пришлось видеть, что приносит война.

Мы от всей души желаем Вам, дорогой Никита Сергеевич, счастливого пути туда и обратно с хорошими результатами, то есть чтобы был мир, а не война, жизнь, а не смерть, здоровье, а не кровопролитие.

М. Ф. Лымарь.

13 сентября 1959 г.
г. Инта, Коми АССР.

ВЫШЕ ПОДНЯТЬ ЗНАМЯ БОРЬБЫ ЗА МИР!

Уважаемый Никита Сергеевич! Разрешите пожелать Вам успеха при поездке с дружественным визитом по Соединенным Штатам Америки. Советский народ надеется, что Вы с достоинством оправдаете наши надежды. Пусть голубь дружбы пролетит над всеми государствами. И каждый человек, видевший его, оттеснит тех, которые готовятся к атомной и водородной войне.

Передайте лично от меня господину Эйзенхауэру и Никсону, что я, житель и уроженец города-героя Сталин-

града, рабочий тракторного завода И. К. Карабутин, как и все граждане Советского Союза, испытав тяготы войны, не желаю новой кровопролитной бойни. Среди многих городов, где была чудовищная нога фашизма, многие оставались без крова. Гитлеровские бомбардировщики варварски уничтожали невинных жителей, многие дети остались сиротами. До сих пор у нас осталась на сердце злоба на Гитлера и его сообщников.

Наш народ в трудных условиях полностью разгромил фашистскую нечисть. Нельзя допустить возрождения гитлеризма. А в Западной Германии еще остались гитлеровские генералы. Спрашивается, почему нет им суда? Почему не было суда над Штраусом и остальными агрессорами? Пусть люди США, которые не понесли такого ущерба в войне, как Советский Союз, никогда не видят этих бедствий даже во сне. Но для этого нужно, чтобы американцы подняли выше знамя борьбы за мир во всем мире вместе с Советским Союзом.

Нам нужен прочный мир и дружба со всеми государствами. Мы идем по пути, который указал Ленин, к новой, цветущей жизни.

И. К. Карабутин.

10 августа 1959 г.
г. Сталинград.

ВОПРОСЫ, КОТОРЫЕ ВОЛНУЮТ МИЛЛИОНЫ ЛЮДЕЙ

Здравствуйте, уважаемый Никита Сергеевич! К Вам обращается рабочий московского чугунолитейного завода «Станколит» Алексей Николаевич Крайнев с таким международным вопросом, который в настоящее время волнует миллионы простых людей земного шара. Я считаю, что нельзя быть безучастным в борьбе за мир, за его сохранение. Поэтому мы выступаем с голосом протеста против остатков мусора фашистских поджигателей войны, против монополистов, которые хотят обогащаться на костях и крови трудового народа. Вот мне и хочется высказать свою мысль, основываясь на том, что Вы собираетесь нанести визит в США и иметь беседу — то ли она будет официальная или неофициальная, но во вся-

ком случае она должна состояться — с Президентом США Дуайтом Эйзенхауэром.

Мне хотелось бы попросить Вас, Никита Сергеевич, затронуть или, вернее, задать вопрос Дуайту Эйзенхауэру. Представьте себе, Никита Сергеевич, что я, советский рабочий, беседую с Президентом США. Я скажу ему:

— Г-н Эйзенхауэр, если Вы говорите, что не хотите войны, что Вы за мир, так зачем нам враждовать, готовить оружие, да еще не простое оружие? Когда даже самый опытный уссурийский охотник идет на охоту, он берет с собой в умелые руки берданку с тем, чтобы убить хищного зверя, например тигра. А у Вас для уничтожения человека, то есть самого ценного, что есть на земле, готовят атомные и водородные бомбы, а какого типа и размера, Вы знаете из последней серии испытаний на океанских просторах. Спрашивается, зачем все это оружие накапливается? Кого Вы боитесь? Нас не бойтесь, мы стоим за мир, не будем нападать. Запомните это раз и навсегда. Вы здравомыслящий человек и растолкуйте это своим коллегам. Но особенно растолкуйте тем, которые хвастаются стереть СССР с лица земли, что это не получится. Колесо истории свободной жизни человечества бесповоротно вертится в одну сторону. Человечество жаждет мира, наш народ хочет мира, но уж коль кто осмелится его тронуть, тому от расплаты не уйти. Так вот, согласны ли Вы лично, чтобы переплавить все накопленное оружие — а если не все, то добрую половину — на мирные машины, сократить армию, вернуть людей на полезный труд. Учтите, что во имя светлого мира за нами дело никогда не станет. Мы уже это доказывали не раз, а вы до сих пор топчетесь на месте.

Я, советский рабочий, еще раз говорю: давайте по-настоящему мирно жить и дружить. Наш советский рабочий, как и ваш рабочий, тоже хочет жить в мире и дружбе, больше знать друг о друге. Но вы еще полностью не доказали, что стремитесь к этому. Взять хотя бы последний факт — вашу выставку в Москве. Поверьте, мы, советские рабочие, рады, что наша выставка была у вас, а ваша — у нас. Но наш рабочий класс говорит: все это не то, что мы ожидали увидеть. Или вы боитесь открыто, по-честному показать, что у вас есть, или

почему-то не хотите. Но факт остается фактом, что ваша выставка в наших глазах слаба. Об этом надо сказать правду, в дальнейшем мы ждем большего.

Я полагаю, что глава той или иной державы не должен бросать слов на ветер. Он может сказать: да, я согласен с вашим мнением сократить вооружение под контролем от вас и от нас, но учтите, я не один. Хорошо, мы вас понимаем, мы уверены, что если будет ваше согласие, то народ поймет и поддержит ваше стремление к достижению мира. Народы надеются, что после ваших заверений вы приложите все силы, чтобы оправдать это на деле. Тогда народы поверят вам и скажут: вы выбрали правильный путь.

Мы надеемся, что с вашей стороны будут сделаны хорошие дела, когда Вы будете следовать на нашу Родину. А для хороших людей у нас все границы, все двери в нашу страну открыты: пожалуйста, приезжайте и смотрите, как мы живем и трудимся. Мы стоим за самое дорогое на земле — за мир и дружбу со всеми, кто с нами хочет дружить.

Вот в таком порядке я бы задал г-ну Эйзенхауэру вопросы. Конечно, это большие и сложные вопросы, но, однако, они еще не сошли с повестки дня нашей жизни.

Простите, Никита Сергеевич, быть может, я допустил в чем ошибку, но это моя точка зрения, думаю, она такова и у миллионов других людей. Мне всего 29 лет. У меня семья, жена-рабочая, сам тоже рабочий. Жизнью, которую дала нам Советская власть, Октябрьская революция, за что отданы многие жизни, довольны. Хочется еще больше трудиться во имя светлой цели — построения коммунистического общества. И мы достигнем этого. Но надо сказать, что иной раз омрачают это стремление некоторые работники наших местных Советов. Возьму пример с себя: дом у нас уже ветхий, но его долго не ремонтируют. Поэтому нам еще придется поработать, чтобы веселее было жить и трудиться.

Но если кто пойдет войной на нашу Родину и придется взять оружие, то не посрамим наших отцов и братьев, будем биться до последней капли крови, как сделали это Александр Матросов, Лиза Чайкина, Зоя Космодемьянская, наш отважный и мужественный герой за свободу сапер инженерных войск генерал Карбышев, мой брат Егоров Владимир, который отдал также честно

свою жизнь, защищая город Ленина, и многие, многие другие славные сыны и дочери нашей Родины.

Извините меня за выделенное Вами время для ознакомления с моим письмом.

С глубоким уважением к Вам

А. Н. Крайнев.

г. Москва.

МЫ БУДЕМ С ВАМИ ТАМ, В АМЕРИКЕ

Дорогой товарищ Никита Сергеевич Хрущев! Разрешите обратиться к Вам с письмом накануне Вашего отъезда в Соединенные Штаты Америки.

Все советские люди, все простые люди мира с большой радостью и с большой надеждой за свое будущее, за будущее мира восприняли известие о Вашем согласии посетить США и внести новый вклад в борьбу за мир.

Мы с большим волнением будем следить за сообщениями о ходе Вашей поездки. Вам, дорогой Никита Сергеевич Хрущев, благодарны не только советские люди, но и американский народ, который, с полной уверенностью можно сказать, не хочет быть агрессором. Ведь за правое дело легче воевать, а неправое дело развращает души людей. Трудящиеся от войны всегда больше всего страдали.

Нам война ни с каких точек зрения не нужна. Нам нужен мир для строительства коммунизма. Мы счастливы, что живем в то время, когда война отступает, когда создаются предпосылки для исключения войны из международных отношений.

Но мы знаем, что мир сам собой не сохранится, что за мир необходимо бороться. И мы благодарны родной Коммунистической партии и лично Вам, дорогой товарищ Хрущев, за неустанную борьбу за мир во всем мире.

Мы от всей души присоединяемся к словам Михаила Александровича Шолохова о том, что весь советский народ, и не только советский, мыслями будет с Вами. Мы тоже будем с Вами там, в Америке. Желаем Вам, дорогой Никита Сергеевич, здоровья и успеха во всей Вашей благородной деятельности для счастья всех народов!

Г. Тиис.

2 сентября 1959 г.
г. Таллин.

ЛУЧШЕ СОРЕВНОВАТЬСЯ В МИРНЫХ ДЕЛАХ

Здравствуйте, уважаемый Никита Сергеевич! Вы, конечно, извините, что я займу у Вас дорогое время. Я хорошо знаю, что Вы очень заняты важными государственными делами, а особенно в данный момент, когда Вам предстоит поездка в США.

Дорогой Никита Сергеевич! Я внимательно и строго слежу за нашей советской печатью, за всеми Вашими выступлениями. Вы, конечно, извините, что я так пишу, Вы, может быть, подумаете, что я Вас контролирую. Я хочу прямо сказать, что дела наши, как внутренние, так и внешние, двинулись куда лучше, чем это было раньше. Это могут подтвердить не только мы, советские люди и все передовое человечество земного шара, но даже заядлые сторонники «холодной войны». А это потому, Никита Сергеевич, что Центральный Комитет нашей партии и правительство правильно продолжают дело В. И. Ленина, дело Коммунистической партии для блага народов СССР, борются за мир во всем мире.

Вы однажды в своей речи на митинге в городе Риге сказали: «Греми, все равно наша возьмет!» Я также поддерживаю эти Ваши слова. Сколько враги мира ни гремят, но из их грома ничего не выйдет. Мы говорим этим господам: сейчас не то время и не тот мир, который был 20 лет назад, не тот Советский Союз, который был 20 лет назад. А давайте лучше, господа, посоревнуемся в мирных делах. Это будет для народа куда лучше, чем война. Советский Союз, конечно, войной не возьмешь. Это и враги, наверное, хорошенько знают, а особенно в атомный век.

Никита Сергеевич! В настоящее время наступила оттепель в «холодной войне». Вы поедете в США для переговоров. Желаю Вам счастливого пути и успехов в борьбе за мир во всем мире.

Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза!

Да здравствует наше родное Советское правительство!

Да здравствует мир во всем мире!

С уважением

В. И. Варакута.

13 сентября 1959 г.
г. Березники, Пермская область.

ПРОСЬБА СИБИРЯЧКИ

Уважаемый Никита Сергеевич! Разрешите мне от всего сердца поблагодарить правительство и Вас за вашу заботу о народе и о мире. Я хочу видеть свою Родину цветущей и могущественной. У меня шесть человек детей, все они были на фронте, защищали свою Родину. Два сына — инвалида: у одного нет кисти руки, а у другого крючком пальцы. Мне, как матери, тяжело смотреть на них. Да разве я одна такая мать? У нас много таких матерей и жен, у которых не вернулись дети и мужья. Все матери не хотят войны.

Никита Сергеевич! У меня к Вам просьба: если это возможно, то, когда Вы будете в Америке, передайте всем женщинам Америки просьбу сибирячки, чтобы они боролись за мир.

Желаю Вам крепкого здоровья.

Т. А. Ильина.

31 августа 1959 г.
г. Томск.

ПУСТЬ ПОТИШЕ БРЯЦАЮТ ОРУЖИЕМ

Дорогой Никита Сергеевич! Сейчас весь народ желает Вам успешной поездки в Соединенные Штаты Америки. Мы уверены, что эта поездка поможет разрядить международную обстановку, избавить человечество от угрозы новой войны.

Скажите американским генералам от нас, от всей нашей молодежи, чтобы они потише бряцали оружием. А если полезут, как говорят, в чужое блюдо, то будем бить по рукам. Гнев народа на поджигателей войны такой, что они могут остаться без рук, а скорее всего останутся без головы.

Я сам родился в 1940 году, так что в прошлую войну был мал, но знаю, какой ужас приносит война.

Позвольте сердечно пожелать Вам счастливого пути.

Н. С. Светличный,
ученик 10-го класса.

7 сентября 1959 г.
с. Караван, Ново-Водолажский район,
Харьковская область.

БУДЬТЕ БДИТЕЛЬНЫ!

Уважаемый и дорогой Никита Сергеевич! В самом близком будущем Вы выезжаете в Америку. Мы внимательно следим за газетами и с жадностью читаем о том, как реагируют американцы на Ваш приезд. В большинстве своем они смотрят на Ваш приезд удовлетворительно. Но ведь есть и такие, как бывший президент Трумэн и его сторонники, которые занимают непримиримую позицию и не желают Вашего приезда. А все эти фабриканты оружия, атомных бомб и прочее?

Думаю, что многие из них уже сейчас задумываются над тем, не станет ли Ваш приезд для них нежелательным.

Наша великая ленинская партия учит нас бдительности. И вот я вместе с женой решил обратиться к Вам с этим письмом и просить Вас о следующем: не имея ни малейшего сомнения в необходимости Вашей поездки в Америку и в том, что Вы будете радушно встречены, даже торжественно, официальной Америкой, большое сомнение вызывает неофициальная Америка. Почти 15 лет изо дня в день им вбивали в головы, что коммунисты — их заядлые враги, а ведь самый главный наш коммунист — это Вы. Поэтому мы просим Вас: будьте бдительны.

Мы беспокоимся о Вашем благополучии.

Вот и все, о чем мы хотели Вас просить. Если Вы сочтете нескромным и неуместным это письмо, тогда простите, но высказанные мысли мучили нас и наших друзей. Мы беспокоимся, что за множеством государственных дел Вы меньше всего будете думать лично о себе.

С нетерпением будем ждать Вашего благополучного возвращения.

Уважающие Вас *Л. Г. Арматов*
с женой *Зоей Николаевной.*

г. Серов,
Свердловская область.

ШЛЕМ ЧИСТОСЕРДЕЧНЫЙ ПРИВЕТ

Уважаемый Никита Сергеевич Хрущев! Обращается к Вам с уважением рабочий завода шлифовальных станков г. Вильнюса. Слушая Ваше выступление, чувствуем себя очень счастливыми, что мы вступили в законный брак в такой день, когда Вы поехали отстаивать многим молодоженам счастье.

Вспомните Вы тоже свои молодые годы.

Шлем Вам чистосердечный привет.

С. Гнягявичюс со своей супругой.

г. Вильнюс.

ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ ВСЕ ВЫИГРЫВАЮТ

Никита Сергеевич! Американские дипломаты до сих пор не выбьют из головы дикую мысль, что советский народ наконец-то проснется и свергнет свое Советское правительство, восстанет против Коммунистической партии, а потом остальным социалистическим странам свернуть головку будет пара пустяков, и тогда снова наступит капиталистическая благодать — тащи, грабь, наживай миллиардные капиталы.

Но, увы, напрасны эти мечты, ибо все население нашей страны поддерживает Коммунистическую партию. Наши люди отлично понимают, что капитализм — это выигрыш один на тысячу, а при социализме все выигрывают, и, чем крепче становится экономика страны, тем больше выигрыш. Поэтому даже густо смазанный медом капитализм не прельстит ни одного честного гражданина, за исключением минимальной части «барбосов», мечтающих жить на чужой счет. Все простые советские люди отлично понимают, что с установлением капитализма образуется громадная армия безработных.

Так что в идеологическом смысле никакой победы для американских дипломатов не существует. Что же касается военной победы, то коммунизм есть продукт развития человеческого ума. Человеческий ум невозможно остановить в развитии, невозможно и уничтожить коммунизм.

Г-н Никсон сказал: «В этой войне победителей не будет». Тогда на кой черт огород городить и гнать произ-

водство вооружения, которое никакой пользы не принесет капиталистам, кроме их гибели.

Советский народ — народ миролюбивый, воспитанный партией так, что не пойдет войной ни на одно капиталистическое государство. Но, коль затронут, берегись: все норы укрытия американских и прочих капиталистов разроют до дна. Истинно третья мировая война будет могилой капитализма.

Что же касается коммунизма, то в каждом капиталистическом государстве есть его семена, и при благоприятной обстановке они дадут бурные всходы, точь-в-точь как в России. Так что господам капиталистам нечего бояться русского коммунизма.

Пусть г-н Эйзенхауэр знает мысли простых русских людей и отсюда сделает соответствующий вывод.

Н. М. Ивченко.

11 сентября 1959 г.
г. Бобров, Воронежская область.

КАЖДЫЙ НЕДРУЖЕЛЮБНЫЙ ВЫПАД ВОЗМУЩАЕТ НАС

Никита Сергеевич! С сердечным приветом к Вам. Простите, что я у Вас отниму дорогую минуту, но я хотел бы задать вопросы г-ну Никсону от меня, рядового члена советской семьи. Я хотел бы задать вопросы, которые меня волнуют.

1. Г-н Никсон протягивает руку советским гражданам и говорит: «Мир и дружба». Но как же нам, советским людям, понимать Вас? Ведь вы, американцы, построили военные базы в чужих странах. Для чего? Против кого? Мы понимаем это так, что все это построено вокруг Советского Союза, значит, мы видим, против кого это направлено. И вот поэтому нам, советским людям, американская рука кажется кулаком, потрясающим оружием. Конечно, я не отношу к этому простых американцев.

2. Мы, советские люди, знаем, что наше правительство не имеет военных баз в чужих странах и наш народ протягивает руку дружбы другим народам. Это наше желание благородное, чистое и идет от всего сердца.

3. Дальше я хотел бы спросить: американский конгресс объявил, что у нас, в Советском Союзе, живут якобы рабы. Вот я, советский человек, не понимаю конгрессменов. Какой они мелют вздор! Ведь они хотят бросить тень на наш Советский Союз. Мы, советские люди, четко представляем весь этот вздор. Каждый недружелюбный выпад возмущает нас.

Господа, посмотрите как следует на нашу жизнь. Кто честно посмотрит на нашу жизнь, тот всему миру заявит, что американский конгресс говорит неправду.

Я скажу прямо: если говорят обо мне, что я раб, то я таким людям отвечу, что это рабство является для меня раем. Я простой человек, и если бы г-н Никсон увидел меня, я бы ему хорошо объяснил. У меня чистое сердце. Я счастлив, что живу в Советском Союзе. Я свободный и гордый гражданин.

Никита Сергеевич, прошу Вас, скажите об этом г-ну Никсону, и пусть будет опубликовано мое письмо. Пусть американцы узнают правду о нашей жизни, узнают, что думает советский человек.

До свидания, Никита Сергеевич!

В. А. Завадский.

27 августа 1959 г.
г. Орел.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ СТОИТ ЗА МИР

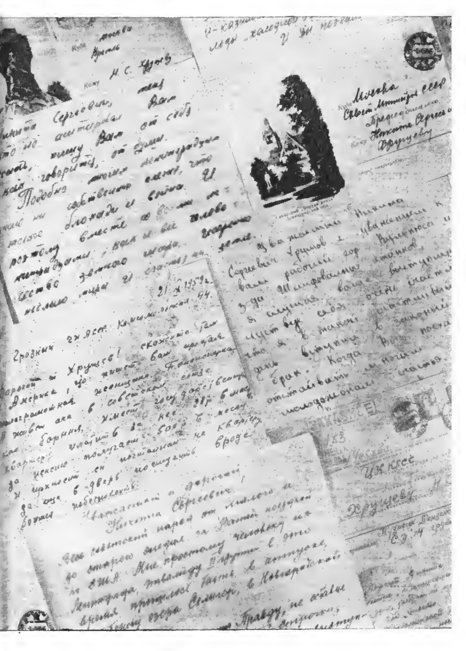
Никита Сергеевич! Я обращаюсь к Вам, скажите американцам:

— Не стремитесь к войне не только с Советской Россией, но и с другими странами. Это глупое стремление к войне вас самих может рано или поздно привести к гибели. Вас тревожат коммунисты. Запомните, никаких орудий не хватит, чтобы истребить всех коммунистов. Ведь во всем мире миллионы стоят за коммунистические идеи, а Советский Союз весь состоит из коммунистов.

Я знаю, что в США есть такие люди, которым деньги дороже, чем жизнь человека. Скажите американским людям, пусть подумают: Советский Союз стоит за мир, зачем нам жить во вражде? Никто и ничего не собирается

Свои думы и чувства советские люди выра

ли   в задушевных и теплых письмах

у них отнимать. А если затеют войну, то этим накличут на себя большую беду. Зачем готовить такие страшные орудия войны? Разве на земле мало места? Надо, чтобы люди берегли и хранили свою жизнь: ведь природа дала человеку короткий век. Природа даровала человеку высокий ум, надо дорожить этим, беречь человеческую жизнь. Земля велика, на ней всем хватит места и хлеба.

Там есть такие детские рассуждения: нас никто не достанет, мы далеко. Но если вы потревожите войной, то достанут несмотря на то, что вы за океанами. Техника теперь велика, и у нас техника есть. Они и сами это должны знать хорошо. Я не желаю, чтобы американцам пришлось испытать то, что испытали мы. А земля наша священна, нас нельзя победить; это вам подскажет история.

Передайте американским гражданам, что мы хотим, чтобы не было ужасов войны. Давайте жить мирно и бороться за мир во всем мире, положим крест на вражду.

Если Вы, Никита Сергеевич, найдете нужным прочитать в Америке мое письмо, то пожалуйста, я не возражаю.

А. Е. Коршунова,
пенсионерка.

15 сентября 1959 г.
г. Ленинград.

СПРОСИТЕ — КАКОЙ Я УГНЕТЕННЫЙ!

Дорогой Никита Сергеевич! Разрешите мне обратиться с такой просьбой. В связи с кампанией в США в защиту будто бы угнетенных народов в социалистических странах и в СССР я не могу пройти мимо и не высказать свой голос протеста против этой лжи. Эта кампания оскорбляет живых и мертвых, она имеет цель подорвать дружбу народов, скрепленную кровью в борьбе с гитлеризмом.

Спросите у тех, кто затеял эту кампанию, почему они пишут, что мы угнетенные. Разве мы, я и мои дети, угнетенные? По национальности я еврей. В период войны я — участник обороны Ленинграда. Я видел обильно пролитую кровь наших бойцов под Ленинградом, в Польше.

Я видел руины многих городов и сел. Разве рабы могли бы защищать свое рабское положение?

Меня интересует сейчас вопрос: какой я угнетенный? Я — портной, у меня пятеро детей: три сына и две дочери. Трое из них окончили в Москве среднюю школу; дочь Нина учится на пятом курсе Лесотехнического института; сын Леня работает слесарем на заводе и заочно учится в институте; второй сын, Борис, работает рабочим в типографии и учится заочно в педагогическом институте на математическом факультете; близнецы Миша и Ганна перешли в 7-й класс, кроме того, оба занимаются в спортивной школе. Всю эту учебу Родина предоставила детям бесплатно. Может ли в странах Запада простой портной с такой семьей дать образование хоть одному из такой семьи?

Г-н Никсон часто вспоминает Линкольна и бога, говорит о правде и мире. В связи с этим для меня непонятно, как можно взывать к богу и миру и забывать, что душитель народов Европы военный преступник Шпейдель командует армией НАТО?

Понстине подходит русская пословица: «Если хочешь узнать, кто я, узнай, кто мои товарищи».

Как можно поверить в искренность обещающих слов, когда дела имеют одну цель — вооружить Западную Германию и повторить ужас новой войны. В это время наш народ успешно строит новые города, фабрики, заводы. Правда, у меня нет автомобиля, но будущность моих детей обеспечена. Я буду, как и все наши люди, верить в слова, когда США подтвердят их делами, когда будут ликвидированы базы вокруг социалистических государств и прекратится вооружение Западной Германии, будет разрешен берлинский вопрос, когда Тайвань будет возвращен Китаю и когда перестанут угнетать и дадут свободу колониям.

Ш. М. Шапиро.

г. Москва.

ДУМЫ ПРОСТЫХ ЛЮДЕЙ СИБИРИ

Дорогой Никита Сергеевич! Я очень извиняюсь за беспокойство. Поздно я прочитал речь вице-президента США г-на Никсона в Москве и не успел своевременно

ему ответить. Вы едете в Америку. Убедительно прошу Вас, если представится возможность, передать мое письмо по назначению, то есть передать то, что думают простые люди далекой Сибири об их стране и о простых людях труда. Вот что я хотел сказать:

Г-н Никсон! Мне 70 лет, из них я проработал по найму на капиталистов России 18 лет и 38 лет на свой народ. Мне очень обидно будет, если в моих словах Вы не пожелаете увидеть правду, которую чувствуют простые советские люди труда, прожившие 42 года хозяевами своей судьбы.

Прочитал Вашу речь на открытии выставки США в Москве. Прекрасные достижения со времен Вашингтона и Линкольна. Хочется всерьез этому верить и пожелать Вам и вашему народу дальнейших успехов.

В то же время хочется сказать, что мы, русские люди, народы великой свободной Советской страны, строго придерживаемся старинной пословицы: «На чужой каравай рта не разевай». А это значит, мы не пойдем отбирать ваши автомашины, телевизоры, машины домашнего обихода и костюмы. Мы твердо верим своему правительству, своей партии, верим в свои мозолистые руки. И если сегодня мы не имеем 50 миллионов автомашин, то завтра будем иметь столько, сколько потребуется. Если сегодня не имеем 50 миллионов телевизоров, то завтра будем иметь 100 миллионов и т. д.

Это не простые звуки написанных слов — это факты, с которыми вы должны согласиться, и вот почему. Все, кто имеет на сегодня возраст 50, 60 и 70 лет, хорошо помнят, какое наследство мы получили от последнего царя Николая. Голод, холод, болезни и сотни тысяч «друзей» с топорами за пазухой, как своих, так и из-за границы, к великому сожалению и из страны Линкольна, немало засылали таких «друзей». Все они получили по заслугам: одни сложили свои головы, других прогнали.

Это — воспоминание об экспедициях. Мы воевали со своими генералами, с экспедициями Антанты, с японцами и американцами. Они были вооружены по последнему слову техники, а мы имели дробовики, а иногда трещотки вместо пулеметов и заветное слово свободного народа. Вам известно, что мы победили. Теперь это

слово стало во сто крат действеннее, думаю, в этом Вы также убедились, проехав по стране. Да и наша выставка у вас, в США, тоже кое о чем говорит. За прошедшие сорок два года мы кое-чему научились, кое-что сделали.

Говоря о благосостоянии нашего народа, надо сказать, что термин «имею собственный домик» у нас устарел. Даже те, кто имел домики, продают их и занимают квартиры в народных домах. У нас быстрыми темпами ведется народное строительство. Лично мне тетя-крестная подарила два дома в Иркутске. Я передал их горкомхозу, а живу в Ангарске, не в своем доме, а в нашем, имею в квартире газ, водопровод, горячую и холодную воду и т. д. Будете в Сибири, зайдите в городе Ангарске, проспект Сталина, в дом 33, кв. 20, можете воочию убедиться, как живут пенсионеры, рабочие и интеллигенция. Многие уже имеют холодильники, стиральные машины. По 9 костюмов не имеют, но по 3 костюма есть. Я не говорю о бесплатном учении, лечении, домах отдыха, санаториях и курортах.

В заключение мне хочется сказать словами Никиты Сергеевича Хрущева: давайте соревноваться в труде, в развитии экономики, давайте торговать, дружить не на словах, а на деле. Давайте ликвидируем очаги возможных раздоров, заключив мирные договоры с Германией, Кореей. Если Ваша речь произнесена без задней мысли, ликвидируйте ваши базы на чужих территориях, избавьте народы от угрозы новой войны. Трудовой народ хочет мира и еще раз мира.

Вот о чем я хотел иметь разговор с г-ном Никсоном.

Затем разрешите пожелать Вам успехов. Простой народ Сибири от всего сердца желает Вам счастливого пути и благополучного возвращения. Мы понимаем, что это не прогулка, а большая работа с целью положить конец «холодной войне».

С искренним приветом беспартийный пенсионер труда

Я. Е. Станкевич.

г. Ангарск,
Иркутская область.

НАС ИНТЕРЕСУЕТ МИР, НО НЕ ВОЙНА

Дорогой Никита Сергеевич! Я не подписываю это письмо не потому, что по примеру многих подлых анонимных злопыхателей собираюсь шипеть и вонять, но потому только, что не могу же я писать о своем уважении к Вам, о своем восхищении Вами и сообщать при этом свое имя и свой адрес. Мне кажется, даже такой человек, каким был Сталин, и тот понял бы, что такого рода излияния в любви не могут быть бескорыстными *.

Честно скажу: когда Вы встали у руля, я, как и многие ленинградцы, и особенно интеллигенция, встретили Ваше появление, мягко говоря, без особого энтузиазма, но Ваша поразительная работоспособность, Ваша неукротимая, просто бешёная, извините, энергия быстро покорили наши сердца. Вряд ли сейчас найдется в Ленинграде человек, который не говорил бы о Вас с теплотой и уважением:

— Наш Никита не подкачает!

Не подумайте, что, называя Вас Никитой, Никитушкой, Никитой Кукурузным, мы проявляем тем самым какое-то панибратство, какое-то неуважение к Вам. Нет, это любовь, большая, настоящая, такая именно, какую проявляли все русские люди к своим богатырям, называя Илью Муромца Ильей, Добрыню Никитича —Добрыней, любимых девушек—уменьшенным, ласкательным именем.

Поверьте мне: никто из нас никогда бы не стал называть, да и не называл, Сталина Иосифом, между тем как Ленина все поголовно называли любовно Ильичем.

Я не ошибусь, если скажу, что после Ленина Вы первый человек, который пользуется настоящим уважением советских людей и который кроме уважения вызывает восхищение всех нас, заставляет нас внимательно следить за каждым Вашим выступлением.

На днях Вы поедете в США. Очень хорошо. Но...

---

* Мы думаем, что ошибается «ленинградец», который пишет, что люди, приславшие патриотические письма за своей подписью, преследуют какие-то корыстные цели. Мы ие согласны с этой частью письма: миогие тысячи людей, как и «лениниградец», выражают в своих письмах сокровениые мысли и чувства, пишут от души, от всего сердца. (*Прим. авторов.*)

Многих из нас смущает идиотизм некоторых зарубежных «мыслителей», которые уверяют мир, будто Вы приглашены только для того, чтобы получить представление о мощи и могуществе США.

Вы умнее меня. Вы сами знаете не хуже меня, что нужно говорить там, и все-таки позвольте мне просить Вас выполнить желание миллионов советских людей.

Вот наше общее пожелание.

Если Вам предложат в США посмотреть «устрашающие» базы ракетных установок, пошлите их культурно к чертовой бабушке. Скажите им, что нас интересует мир, но не война.

И еще.

Когда Вас станут спрашивать, что Вас «поразило» в США, скажите им, что Вы предполагали встретить в США более высокую технику, более широкий диапазон индустрии, но что виденное Вами несколько разочаровало Вас и что, по Вашему мнению, Америка совсем не такая, какой Вы представляли ее. И тут же скажите, что Вы считали ее более могущественной, чем она предстала перед Вами. Скажите им, что Вы увидели много интересного, но во многих отношениях это совсем не та Америка, которая была в Вашем представлении, что кое-чему США следовало бы поучиться у нас, равно как и нам не мешает взять у США то, чего мы еще не достигли.

Нужно, чтобы ни одна сволочь не могла написать, будто бы Вы растерялись, склонили голову перед мощью США и что после посещения этой страны готовы встать перед ними на колени.

Скажите, что более всего Вам понравились сами американцы, а что касается технического уровня США, так Вы ожидали увидеть совсем не то, что увидели, а все увиденное позволяет Вам сказать чисто по-русски: «Оказывается, не так-то уж страшен черт, как его намалевали поборники «холодной войны»».

Пусть эта старая лиса Аденауэр почитает Ваше заявление и пусть после прочтения подрищет немного.

Я отлично понимаю, как глупо пассажиру советовать шоферу управлять машиной, и все же хочу не советовать, нет, просто хочу просить Вас ничем не восхищаться в США. Во всем, даже в самом лучшем, видеть недостатки, а при рассмотрении такого, чего у нас нет, гово-

рить просто, с некоторой небрежностью: «Да, вот это нам, пожалуй, следовало бы применить у себя».

Не обижайтесь, дорогой Никита Сергеевич, на непрошенные советы и поймите, что Вы поедете в США не только как Хрущев, но как представитель советских людей, к числу которых я с гордостью отношу и себя.

Вы — наш человек, и, когда мы снаряжаем своего человека, нам очень хочется снабдить Вас в дорогу всем, что послужит потом на славу нашей Родины.

Крепко, крепко жму Вашу замечательную руку.

Искренне любящий Вас советский человек, который готов для Родины, для партии отдать все, что ему дала Советская власть, и даже то, что получил он от родной матери.

Ленинградец.

МЫ ГОТОВЫ НА ДРУЖБУ

Прошу передать Президенту США с уведомлением Н. С. Хрущева.

Я очень рад вашей встрече. По поводу нашего Премьера у вас много несообразных толков. Он с русской душой мог вас несколько озадачить нашими успехами. Но это не хвастовство!

Ваши корреспонденты задали нашему Премьеру глупый вопрос о национальном вопросе.

Я кубанец. Кубанцы, терцы, донцы (у вас Шолохов) единодушны с мнением нашего любимого Хрущева! Он посланец СССР, он посланец мира.

Мы, казаки Кубани, Терека и Дона (вначале злые враги СССР), отныне и навсегда кровью связаны с великой родиной Октября. Мы готовы на дружбу и также на защиту Советской Родины от всех наших недругов.

Очень просим Вас, господин Эйзенхауэр, поделикатней обращайтесь с нашим Никитой Сергеевичем!!

Казак-кубанец *Н. В. Безъязычный.*

г. Черкесск.

Прошу передать по назначению от имени многих.

НЕ ПОДКАЧАЕМ

Дорогой Никита Сергеевич! Наш колхоз, созданный при Вашей помощи, с каждым годом растет и крепнет. Мы повышаем урожайность, продуктивность животноводства, строимся. Людям жить стало лучше. От всего сердца благодарим Центральный Комитет партии, правительство и Вас, дорогой наш друг и советчик, за великую заботу о мирном труде для советских людей. Мы гордимся успехами нашей Родины и восхищаемся новым выдающимся достижением людей науки и труда, запустивших вторую космическую ракету на Луну.

Желаем Вам счастливой дороги и больших успехов за океаном в борьбе за мир.

Мы заверяем Вас, Никита Сергеевич, что в мирном соревновании с Америкой за увеличение производства продуктов сельского хозяйства не подкачаем.

По поручению колхозников сельхозартели «Нове життя», Нестеровского района, Львовской области, УССР.

Я. Телешевский,
Н. Цюпка.

14 сентября 1959 г.

НА СЕРДЦЕ РАДОСТЬ

В день Вашего, Никита Сергеевич, отъезда в США я и мои товарищи по труду — строители взяли обязательство закончить строительство в нашем совхозе досрочно. В нашем совхозе настала жаркая пора уборки нового урожая, мы выходим в поле, чтобы помочь своим товарищам быстрее убрать урожай. На дворе настала осень: холода, дожди, но мы трудности преодолеем.

В казахстанских степях, где когда-то не бывала нога человека, стоит хлеб в рост человека, любо посмотреть. На сердце радость и чувства, которые переполняют каждого советского человека. Хочется сказать на весь мир: свершились сходные в своем существе важные события — ученые СССР создали атомоход «Ленин»; ракета достигла Луны с вымпелом и гербом СССР. И еще для меня радость, дорогой Н. С. Хрущев, что наше правительство во главе с Вами добивается смягчения международной

напряженности. Мы надеемся, что Ваша поездка в США — это начало дружбы с американским народом. Советский народ желает жить в мире и дружбе со всеми странами.

М. Г. Мишин,
рабочий совхоза «Сарепта».

14 сентября 1959 г.
Карагандинская область.

Во время и после визита

У НАС ПРАВИТЕЛЬСТВО И НАРОД ЕДИНЫ

М. А. СУСЛОВУ

Прошу Вас передать мое письмо или мои слова находящемуся сейчас в Соединенных Штатах Америки Никите Сергеевичу Хрущеву.

Никита Сергеевич! Прошу Вас передать от меня и моих товарищей по работе американскому народу дружественный привет! Я с большим вниманием слушаю по радио Ваши выступления и беседы, а также читаю газеты, слежу за ходом событий, за Вашими поездками по городам Америки.

Я от всего сердца рад Вашей встрече с г-ном Эйзенхауэром и другими американскими деятелями.

В Ваших выступлениях, Никита Сергеевич, очень много замечательных слов, особенно о необходимости потепления международной обстановки, высказанных на Генеральной Ассамблее ООН. От души рад, как и весь советский народ, что международная напряженность слабеет и даже теплеет.

Я хорошо помню тяжелые годы Отечественной войны — 1941—1945 годы, когда Гитлер хотел покорить советских людей и торжествовать над Советской Россией. Но наши отцы и братья не дали ему торжествовать победного дня, а, наоборот, дали ему отпор, разбили, выгнали его полчища из России. За это время мне, брату и матери пришлось пережить много горя, то есть голод,

холод и, как говорится, наготу. Мой отец, как и все, был на передовом фронте. Он не осрамил своих родных и свою семью, а честно защищал Родину.

Теперь мне 32 года. 8 лет я работаю в угольной промышленности. У меня семья, двое детей. В настоящее время живу хорошо. Так желаю жить и в дальнейшем. Поэтому я хочу передать американскому народу, что мы так же, как и они, желаем прочного мира во всем мире.

В настоящее время я иногда слушаю «Голос Америки», на русском языке тексты передаются, как Никита Сергеевич ездит по американской земле. Передаются его беседы и некоторые речи, которые приятно слушать. Но неприятно, когда задают и передают по американскому радио нелепые вопросы. Какой-то американский лидер задал вопрос Н. С. Хрущеву о том, существуют ли у нас, в Советском Союзе, забастовки, в которых участвовали бы профсоюзные организации. Но товарищ Хрущев на это правильно сказал, что у нас правительство и народ — единое целое и поэтому забастовок не бывает. На такие вопросы и отвечать не следует, пусть лучше господа пьют пиво. И много, много таких нелепых вопросов, которые передает американское радио.

Кто я такой? Окончил в 1942 году 6 классов, то есть во время войны. Потом овладел профессией электромеханика. Но все это не означает, что я достаточно образован. Я хочу сказать, что я не могу говорить о политике, когда дело касается Америки, но я твердо уверен в своей партии, в своем правительстве, которые ведут нас от социализма к коммунизму. А на то, что говорят американские дикторы по радио, чтобы одурманить голову советского человека, можно ответить: этого им сделать не удастся. Но если американская печать и впредь будет передавать такие нелепые информации, то я буду протестовать против этого, как и весь советский народ.

Никита Сергеевич! Прошу через Вас передать американскому народу от меня, моей семьи и товарищей по работе наш самый теплый привет и пожелание процветания американскому народу, а также пожелание жить с ним в мире и дружбе.

С. И. Синявин.

24 сентября 1959 г.
г. Волчанск,
Свердловская область.

В ЭТУ МИНУТУ ОНА БЫЛА КРАСИВАЯ...

Дорогой товарищ Хрущев! Скажите там, в Америке, о чем пишет Вам простая малограмотная женщина, пенсионерка. Живет она в Советском Союзе как барыня, имеет государственную квартиру, платит за нее 23 рубля в месяц. А пенсию получает 500 рублей в месяц, и приносит ей почтальон на квартиру, да еще в дверь постучит: вроде боится побеспокоить.

Думала ли я, когда была молода, жить так хорошо под старость? Нет, не думала. Голод, одна война, война вторая, нашествие фашизма. Да что и говорить, пропадать и только. Не я одна, а таких, как я, много и очень даже много. Наш возраст является свидетелем прошлой нашей тяжелой жизни от капиталистического гнета и войны.

Как Вами хорошо сказано о разоружении! Когда у нас во дворе пенсионер С. И. Безрученко рассказывал Ваши слова о разоружении, если бы видели лицо одной матери четырех детей, ее светящиеся глаза. Восторг был необычайный, в эту минуту она была красивая, да, да, товарищ Хрущев, красивая. Я ее такой еще никогда не видела. А красота ее была выражена от радости: она надеется, что ее дети — сыновья не пойдут на войну, будут жить, будут работать и вкусно кушать. А когда была война, они учились, они недоедали.

А разве у американской матери другое сердце? Американская мать слушает Вас, и она также скрестит руки на своем сердце и говорит, говорит по-своему: святая мадонна, сохрани этому человеку жизнь на многие лета. Это истина, товарищ Хрущев.

А как советский народ возмущается поступками некоторых американских уродов, которые бросают Вам дерзкие реплики!

Пусть господин Эйзенхауэр приезжает к нам, на нашу русскую землю, и мы все примем его как представителя американского народа. Пусть только кто посмеет сделать какой-либо выпад непозволительный, этот человек будет осужден всем нашим народом. Разве можно так: человек идет с чистым сердцем, а его встречают с грязным сердцем.

Желаю Вам, Никита Сергеевич, новых сил в Вашем добром деле. Вы такой сильный и смелый, что с Вами идет все лучшее человечество на земле.

Я хочу в своем скромном пнсьме сказать: не хочу войиы. Вот уже н старость подошла, а как хочется жнть н хочется мнра. Да н все так. Наверно, н те тоже хотят жить, кто вооружается н вырабатывает водородные бомбы. Спросnте, пожалуйста, у ннх, Ннкнта Сергеевнч.

До свидання, возвращайтесь благополучио. С приветом к Вам от многнх н многнх матерей. И передайте прнвет женам и сестрам в Америке.

Александра Гофман.

21 сентября 1959 г.
г. Грозный.

ЧТО ЗАСТАВИЛО МЕНЯ НАПИСАТЬ ПИСЬМО?

Дорогой Никнта Сергеевнч! Исторические событня, происшедшие и пронсходящне в этн сеитябрьские дни, заставилн меня взять ручку, бумагу н иаписать Вам письмо.

Прилуненне нашей космической ракеты, ходовые испытаиия нашего атомохода, носящего великое нмя Леиина, вызывают чувство гордостн за нашу страну, за нашу Коммунистическую партию, благодаря которой отсталая Россня стала передовым Союзом Советских Социалистических Республик.

Все мы внимательно чнтаем в газетах, слушаем по радио материалы, так нлн ниаче связаииые с Вашей поездкой по Соедниеииым Штатам Америки. Всюду: иа работе и дома — едннствеииой темой разговоров стало обсужденне Вашнх выступлений перед америкаицами, перед аудиторней на сесснн Генеральиой Ассамблеи ООН.

И зиаете, к какому выводу мы прнходим? Подслушали Вы иас, Никнта Сергеевич: каждый из иас, будь он на Вашем месте в Соедниеииых Штатах, говорил бы именно то, что говорнте Вы. О чем это говорит? Это говорит о том, что Вы излагаете перед американским иародом н перед всем человечеством самые сокровеииые думы и чаяння нашего народа.

Ваши выступления, полные убеждающей правоты, измеинли ход мыслей многнх рядовых америкаицев, и в их лексикоие вскоре к словам «спутиик», «луиинк»,

«атомоход» прибавится новое слово — «сосуществование». А это большой залог победы дела мира.

Скоро начнутся Ваши переговоры с Президентом Эйзенхауэром. Будьте таким же убедительным, логичным до конца. Если г-н Эйзенхауэр действительно желает мира, как этого желает американский народ, то он не может не пойти на разумные соглашения. Если же у Президента Соединенных Штатов возникнут сомнения в искренности высказываемого Вами желания советского народа жить в мире и дружбе с американским народом, то пусть он приезжает к нам. Ему нечего будет опасаться за свою личную сохранность среди советских людей, как теперь некоторые правящие люди Америки пытаются заставить Вас опасаться американцев.

И когда он увидит плоды нашего труда за послевоенные годы, когда он поговорит с рядовыми советскими людьми, он поймет, как все мы жаждем мира.

Разрешите мне через Вас пригласить г-на Эйзенхауэра в наш прекрасный Киев. Я и мои товарищи по работе, все жители Киева с искренним радушием и теплотой пожмем руку представителю великого американского народа.

Итак, благополучного Вам возвращения на Родину, Никита Сергеевич, и добро пожаловать к нам, в Советский Союз, г-ну Дуайту Эйзенхауэру.

С искренним уважением

комсомолец *П. Егоров.*

22 сентября 1959 г.
г. Киев.

МЫ ЛЮБИМ СВОЮ РОДИНУ

Дорогой Никита Сергеевич! Я — простая домохозяйка. Муж мой — простой рабочий-шахтер. Имеем сыночка 4 лет. От имени своей семьи и других своих близких я не могу не выразить Вам сердечной благодарности за то, что Вы следуете ленинским идеям, терпеливо и решительно боретесь за обеспечение мира и безопасности как для своей страны, так и для всех стран мира.

Я аккуратно слежу за газетами, слушаю передачи по радио о Вашем пребывании в США. Я радуюсь, читая в

газетах или слушая по радио Ваши прекрасные слова; они, как солнечные лучи, обогревают весь миролюбивый народ и, как гром, обрушиваются на головы поджигателей «холодной» и «горячей» войн. От Ваших слов поджигатели войны не в себе: их трясет лихорадка, они мечутся, толкая друг друга в грязь, и изо всех сил стараются подложить Вам пакость и выкрикнуть в беседах какую-либо дерзость или умышленно извратить Ваши ответы на их вопросы.

Не случайным был такой факт, когда г-н Рейтер умышленно наклеветал на Вас. Мне кажется, что г-н Рейтер извращает нашу советскую политику, абсолютно ничего не знает о советском народе. Слушая радио, я была крайне огорчена таким похабным и лицемерным поведением г-на Рейтера и его соучастников. Эти люди дальше своего носа ничего не видят. И я торжествовала и гордилась тем, что Вы подобрали умное и столь подходящее сравнение г-на Рейтера с соловьем, который, когда поет, закрывает глаза и ничего не видит.

Американским господам монополистам, видимо, не нравятся правдивые Ваши ответы и стремления народов к мирному сосуществованию. Им, видимо, не нравится и предложение о полном и всеобщем разоружении, которое принесло людям столько радости.

Дорогой Никита Сергеевич! Я верю в Вас, как в непоколебимого борца за мир. Я разделяю с Вами огорчения, которые наносят Вам некоторые господа в Америке. Огорчив Вас, они огорчили и меня, простую советскую домохозяйку. Как бы американские господа ни трепали Ваши нервы, я уверена, что Ваши нервы крепки, как сталь. Думаю, что никому не удастся остудить Ваше горячее сердце в борьбе за мир и прекрасное будущее человечества.

Наш народ уверенно пойдет за партией. Коммунизм мы построим и Америку перегоним.

Я, мать своего ребенка, больше чем уверена, что каждая мать желает, чтобы никогда над головой наших детей не собирались черные тучи войны. Я очень желаю, чтобы спокойным был сон детей и матерей, прекрасным был труд, без которого, как без кислорода, прожить невозможно. Я не хочу, чтобы мой сын остался без отца или матери, чтобы он пережил все те страдания, что пережила я во время Отечественной войны.

Поэтому, дорогой Никита Сергеевич, я желаю Вам от души самых больших успехов в достижении Вашей цели, самого большого терпения и хорошего здоровья. Желаю Вам богатырской силы. Пусть будут крепки нервы и сердце, пусть найдется противоядие, чтобы уничтожить яд тех, кто хочет продолжать «холодную войну» и гонку вооружений.

Пусть знают господа капиталисты Америки, да и всех капиталистических стран, что я, простая домохозяйка, получила образование 10 классов и имею специальность, живу в своей Советской стране прекрасно, и мне не придется просить работы у господ-хозяев Америки. Миллионы таких же, как я, любят свою Родину, ее социалистический строй. Не надо лучшего и большего счастья, чем жить и служить своей прекрасной Родине. А если господам не верится, что мы живем хорошо, пусть приезжают и посмотрят к нам, в город Красный Луч. Имеются и такие люди, которые не хотят работать, так удивляться не приходится: в семье ведь не без урода. Это же не люди, а просто считанные людишки. Наш донбасский народ называет таких лодырей «стилягами своего стиля», и опираться на таких «стиляг своего стиля» было бы абсурдным.

Дорогой Никита Сергеевич! Я понимаю, что таких простых людей, как я, много и в Америке. Они поймут Ваши замечательные слова, которые дышат запахом мира, весны, труда и цветов. Эти простые люди вместе с Вами не дадут поджечь мир атомной и водородной бомбой.

Пусть будут прокляты все поджигатели войны!

Да будет мир на всей земной планете!

Искренне Ваша *Алла Попова.*

25 сентября 1959 г.
г. Красный Луч,
Луганская область.

БОИ ЗА ЧЕЛОВЕКА, ЗА ЕГО СЧАСТЬЕ

Никита Сергеевич! Я знаю, что моя личная оценка Ваших выступлений в США ничего не значит. Но если бы Вы только знали, как я Вам сейчас благодарна!

Сложный переплет в моей судьбе привел к такому плохому настроению, какого не было даже после ареста мужа, даже тогда, когда я (оставив троих детей) сама находилась в особом закрытом режимном лагере в течение семи лет. Так скверно мне было только, когда меня зря (я совершенно убеждена, что зря) не восстановили в рядах партии. Но после этих ударов я так погрузилась в работу, стихи и чувства, что сил хватило на все. Продолжала быть внутренне и коммунистом и бодрым человеком. А вот теперь рассталась с одним человеком... Было больно, как бы суммарно за всю мою жизнь. То ли просто устала, то ли еще что, но даже о детях не могла так думать, как прежде. С нежеланием готовила лекции, почти через силу. Каким-то вторым моим существом радовалась нашей ракете, говорила и даже смеялась с людьми. А первое мое существо только болело и даже начало, впервые в жизни, скверно посмеиваться над собой и казалось на всю жизнь неистребимой комсомольской романтикой, вошедшей в кровь с детства. Я становилась себе чужой и горькой. И в это время газеты, а в них Ваши выступления. Я поэму недавно написала, в ней есть такие слова:

Да, так бывает: мир вдруг сужен,
Его простор, его объем,
Как верный друг тогда нам нужен,
Чтоб снова выйти на подъем.

Вот Вы-то и оказались для меня таким верным другом и вывели на подъем. Просто, здорово говорите Вы с американцами. И такая гордость поднимается за нас всех в душе, что всякое плохое личное настроение отступает, а остается радость. Мол, знай наших!

Понимаете, мне и субъективно многое особенно близко и понятно. Может, это не скромно сравнивать, но если уж писать, так искренне.

Я помню, в лагере сижу на верхних нарах и перекрикиваю 200 голосов. (Там ведь были представлены все формации: от первобытнообщинного строя до коммунизма.) Доказываю, что коммунизм мы непременно и скоро построим, что вот-вот будет решение ЦК и партия выжжет перегибы в национальном вопросе и в работе органов госбезопасности. А мне в ответ куча реплик: «Львовна вообще не от мира сего, раз еще верит в справедливость. Мало ей десяти лет для отрезвления». Или и того хуже: «Нас-то мы знаем за что посадили, а вот вам,

коммунистам и комсомольцам — правоверным, так и надо. За что боролись, на то и напоролись».

В общем разные были и люди и взгляды у них. Да и дела не у всех невинны. Там шла классовая борьба. Там шла и борьба за человека, за «середняка» — за этих украинских девушек, на которых к их 18 годам сказалось столько влияний и ситуаций, что они буквально метались между нами и врагами, а каждый зряшный арест отшатывал их от нас и усиливал влияние буржуазных националистов, берлинских экстра-дам и просто кликуш. После решения ЦК и разоблачения Берия победили мы, те, кто верил в правду, кто не сломался. Те же, кто с такими, как я, спорили, выбрали меня же председателем Совета актива лагеря. Остались, конечно, шипящие, но было бы странно, если бы их не было среди заключенных.

И вот теперь я все вспомнила и физически ясно представила все Ваши бои за человека, за наше счастье, бои перед лицом всего человечества, не в масштабе барака. Эти реплики Вам порой шипящие. Но гордое, пролетарское, оптимистическое, твердо партийное и весело человеческое Ваше настроение так близко и так волнует, что на душе становится очень, очень хорошо. Вот за это так благодарна Вам, что просто не могла не написать. Спасибо. И поэму свою захотела Вам послать. Отправила ее в «Новый мир». Еще не знаю, как там будут реагировать. Я не поэт, а преподаватель. Очень захотелось Вам послать поэму и очень хочется, чтобы Вы ее прочитали.

Вам некогда. Знаю. Простите. Ну, просто не могла не написать.

А. Войтоловская

25 сентября 1959 г.
г. Новосибирск.

МЫ ВЕРИМ В ТРИУМФ ИДЕЙ МАРКСА—ЛЕНИНА

Дорогой товарищ Никита Сергеевич! Мы очень рады, что так хорошо завершилась Ваша поездка в США.

Я советский человек и не скрою перед Вами своих чувств беспокойства, которые были у меня. Ведь могла же какая-нибудь личность из ку-клукс-клана или другой группы пойти на риск и учинить свой провокационный выпад.

Ваши выступления, ответы на вопросы в США, высокая их принципиальность и глубокая аргументация вызывают чувство законной гордости не только в народе нашей страны, но и среди всего прогрессивного человечества.

Скажу прямо и откровенно: Вы показали, как надо последовательно ставить вопрос об исторической неизбежности коммунизма, и доказали, что именно потому, что мы верим в триумф нашей идеи — идеи Маркса — Ленина, идеи пролетарского интернационализма, мы желаем мира и боремся за мир.

На живых, конкретных примерах в беседах среди людей делового мира США и в отдельных штатах среди рабочих Вы, Никита Сергеевич, показали, что XX век — век торжества социализма и что никому и никогда не удастся повернуть назад исторический ход развития.

Рад я и тому, что со всей Вам присущей ленинской прямотой Вы неоднократно ложили на лопатки некоторых бизнесменов и некоторых лидеров американских профсоюзов. Вот уж... тоже «представители» рабочего класса. Торгаши!

Спасибо Вам, товарищ Никита Сергеевич, что Вы, как всегда, глубоко, всесторонне и сильно во всех своих выступлениях и, в частности, в своей речи на сессии ООН показали всему миру, что вопрос о войне и мирном сосуществовании — коренная проблема мировой политики и что теперь надо проводить мирное сосуществование, а не идти на обострение отношений, на безумие — войну.

Я не ошибусь и не преувеличу, если скажу, что хотя еще не закончились Ваши беседы с г-ном Д. Эйзенхауэром, но уже чувствуется что-то новое — ослабление международной напряженности. Уже нет такой силы холодных ветров, а есть безостановочно растущая сила мира. Несомненно, число наших друзей — сторонников мира увеличится.

В своих выступлениях, беседах и даже мелких и мельчайших формах общения с людьми Вы показали гуманность, принципиальность, твердость и силу убеждения, а это для всех нас поучительно.

Идеи мира среди всех народов выросли, а Ваша, Никита Сергеевич, поездка в США нанесла там удары по военному психозу и гонке вооружений.

Как и все люди, искренне желаем, чтобы Ваши переговоры-беседы с Президентом США г-ном Эйзенхауэром в СССР завершились успешно по всему комплексу вопросов и выдвинутых Вами предложений в ООН.

Пусть будет между странами разных социальных систем соревнование в развитии науки, техники для дела мира — мирной техники, соревнование за повышение уровня жизни, за прогресс. Мира хочет каждая семья, и прежде всего люди труда, все народы.

В своей семье мы по нескольку раз, коллективно и каждый из нас в отдельности, прочитывали материалы о Вашем пребывании в США и радовались. Уверен, что это было в каждой семье народов СССР, а таких семей по нашей стране, наверное, более 50 миллионов. Разделяю чувства нашей семьи, выражаю это в форме письма. Спасибо Вам, Никита Сергеевич!

Я, рядовой работник, в своей работе буду и дальше пропагандировать идеи мира и крепить мощь нашей страны на участке своей работы.

Желаем Вам здоровья и успеха.

С глубоким уважением и любовью к Вам

М. Плотников,
инженер.

26 сентября 1959 г.
г. Одесса.

РАДИ МИРА НА ЗЕМЛЕ

Дорогой Никита Сергеевич! Сейчас в газетах самым интересным является материал о пребывании Вас в Соединенных Штатах Америки и Ваши речи, произнесенные на различных встречах с американцами. Я с большим интересом читаю эти речи. Особенно мне понравилась речь, произнесенная Вами в г. Сан-Франциско. Очень хорошая и складная речь. А из всех фотографий очень понравился Ваш снимок в кепке американского грузчика.

Прошу Вас, Никита Сергеевич, отдайте эту кепку в музей для истории — как символ мира и дружбы русских с американскими рабочими. Это дорогая память.

Кстати, я все эти фотографии вырезала из газет, подписала даты и положила в шкатулку. Пускай хранятся. Возможно, что мой двухлетний племянничек Саша, будучи взрослым, найдет эти снимки и пораскинет своими мозгами.

И еще Вас очень прошу, Никита Сергеевич, председательский молоточек тоже отдайте в музей в том случае, если с Америкой будет подписан договор о мире и дружбе.

Большое спасибо Вам, Никита Сергеевич, за то, что Вы поехали в Америку и делали все, чтобы там нас лучше поняли и не мешали нам строить коммунизм. Ради мира на земле Вы были выдержанны, добродушны и терпеливы, умело и настойчиво доказывали всем, что главное — мир и невмешательство в чужие дела.

Извините меня за это письмо. Ведь Вам всегда некогда, да еще приходится читать много различных нот и посланий, так что не до моего письма. Это я пишу, чтобы высказать свои чувства.

С преогромным уважением к Вам

Антонина Кураткина.

26 сентября 1959 г.
г. Нея,
Костромская область.

ЛЕД «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» НАЧАЛ ЛОМАТЬСЯ

Здравствуйте, дорогой Никита Сергеевич! Примите мой рабочий привет! С приездом Вас из страны заокеанской!

В этом письме я хочу изложить свою благодарность нашей родной Коммунистической партии и дорогому всем нашему правительству, а также и Вам, дорогой Никита Сергеевич.

С пяти лет я остался без отца, отец по болезни умер. Остались мамаша, я и брат. Одним словом, были как сироты. Но благодаря тому, что мы живем в стране Советов, отовсюду мы чувствовали теплоту и заботу о нас с братом. Наша родная Коммунистическая партия и уважаемое всеми людьми родное правительство проник-

нуты заботой о людях. Мне дали возможность окончить семь классов (сейчас я учусь без отрыва от производства в восьмом классе) и стать полноценным гражданином нашего советского общества.

Я честно отслужил свой срок в рядах Советской Армии, в 1953 году уволился в запас. Пошел на завод учеником токаря, а сейчас уже имею 5-й разряд. Где так еще могут люди расти и чувствовать круговую заботу? Только у нас, в Советском Союзе. Сейчас мне 30 лет, я женат, имею двоих детей. Работаем вдвоем с женой. Буду говорить справедливо: трудновато из-за жилплощади, но эту трудность мы в скором будущем изживем, нашему народу это по плечу. Со всем нашим народом мы включились в семилетку коммунизма и недостаток в жилищах ликвидируем. Ведь мы сейчас сильны, как никогда: на Луну долетели. И квартиры у всех будут со всеми удобствами.

Мне, дорогой Никита Сергеевич, от всей души хотелось бы сказать, что Ваша поездка в США еще больше вселила дух в народе. Еще более уверенно мы будем шагать вперед к нашей цели — к коммунизму. С огромным вниманием слушал я радио, читал в газетах Ваши выступления в разных городах Америки. Как было все хорошо сказано Вами, словно Вы выражали думку каждого советского человека. Иначе и нельзя говорить господам капиталистам.

Я живу в пригороде, а работаю в Харькове. В эти дни я наблюдал такую картину. За всю Вашу поездку в США каждый рабочий, колхозник, технолог, учитель и профессор с большим вниманием слушали радио и читали газеты, как только выкроят свободное время. За свежей газетой возле киоска «Союзпечати» создавались очереди. Где ни послушаешь, нет того человека, чтобы не говорил: Никита Сергеевич правильно излагает мысли нашего свободного народа. Такая мысль у каждого труженика. Война нам не нужна, мы хотим жить в мирных условиях, счастливо и спокойно трудиться на благо нашей любимой Родины.

Уважаемый Никита Сергеевич! Я — простой рабочий, а Вы — большой человек, наш руководитель такого большого государства. Прошу не осудить меня, не подумайте, что, мол, подхалимничаю. Это письмо написал от чистой совести. Я так тронут всем происходящим и

просто хочу благодарить за заботу о народе. Я считаю: народ — это я, я — это народ.

Вы сделали то, что «холодная война» все же рушится, лед начал ломаться и, надеемся, растает. Уменьшится угроза мирному строительству. Мне будет приятно честно трудиться на производстве, быть вместе со своей семьей, чем испытывать тяжелые годы войны, как в 1941—1945 годах.

Но еще добавляю: кто не поймет того, что Вы говорили в пользу мира, тот пусть вспомнит хороший урок, который получил Гитлер. Кто полезет войной на наше государство, пожалуй, костей не соберет. Мы — народ гостеприимный, но одновременно и отдачливый.

Никита Сергеевич! Желаю Вам долго жить с хорошим здоровьем. А я со своей стороны воспитаю своих детей в духе преданности коммунистической идее.

С глубоким уважением

Г. Е. Швец,
токарь завода «Свет шахтера».

27 сентября 1959 г.
г. Харьков.

ПОСЫЛАЕМ ТЕПЛОЕ ДЫХАНИЕ ЛЮБИМОГО КРАЯ

Дорогой Никита Сергеевич! Мы, учащиеся строительного училища № 4, группы 9, пишем Вам письмо из небольшого города Кузнецка, Пензенской области. Наш город, как и все другие советские города, живет большой и хорошей жизнью, увлеченный великим семилетним планом.

Вы в настоящее время находитесь в Америке. Мы, девушки-штукатуры, по радио и газетам следим за Вами. Мы гордимся Вашей преданностью народу, гордимся Вашей смелой и уверенной работой, которая возбуждает весь трудовой народ. Вы сейчас находитесь далеко от своего народа, от Родины. Нам хочется послать Вам теплое дыхание любимого края и пожелать, дорогой Никита Сергеевич, настоящего трудового успеха, чтобы обеспечить мирное сосуществование для народов. Слушая Ваши выступления, невольно начинаешь гордиться Вашей смелой борьбой за мир на любой

мировой арене. Пусть знают все, что мы хотим мира и дружбы.

Мы, девушки-штукатуры, взяли обязательство окончить училище только на «отлично», практически и теоретически стать полноценными строителями коммунизма!

Учащиеся строительного училища

(подписи неразборчивы).

г. Кузнецк,
Пензенская область.

ПРИВЕТ УЗБЕКСКОЙ ЖЕНЩИНЫ

Уважаемый наш руководитель товарищ Никита Сергеевич Хрущев! Я полна надежд, что Вы обязательно примете привет узбекской женщины. В период Вашей поездки в Соединенные Штаты Америки я день и ночь мечтала о Вашем благополучном возвращении на нашу Родину — в СССР, я думала о том, что Вы дадите отпор поборникам «холодной войны». Горячо приветствую и поздравляю Вас и Ваших спутников с благополучным возвращением из США! Поздравляю с осуществлением фантастической мечты человека — запуском второй космической ракеты на Луну!

Этим письмом я свидетельствую свое великое счастье и гордость тем, что на основании Конституции СССР мы, в едином ряду со всеми народами нашей страны, стали полноправным народом.

Я женщина-узбечка, мне 30 лет, имею пятерых детей. Чтобы избавить наших детей — будущих строителей коммунистического общества от опасности войны, я, как и тысячи других матерей, желаю мира. Ваша неиссякаемая энергия и бурная деятельность достойны благодарности, поэтому я собственной материнской рукой решила Вам написать о своей признательности. Разрешите Вам и Вашим соратникам через это письмо пожелать долгих лет жизни, крепкого здоровья на благо дальнейшего расцвета нашей жизни, на благо победы коммунизма.

До свидания, будьте здоровы!

Да здравствует и процветает наша Советская страна!

У. М. Мирмуминова.

27 сентября 1959 г.
ст. Байток,
Андижанская область, Узбекская ССР.

СЧАСТЬЕ ДЛЯ РАБОЧЕГО ЧЕЛОВЕКА

Никита Сергеевич! Меня никто не агитировал Вам писать, пишу Вам от себя и, как говорится, от души.

Подобно многим ленинградцам, знаю на собственных плечах, что такое блокада и война. И поэтому вместе со всеми ленинградцами, как и все человечество земного шара, искренне желаю мира и счастья на земле.

Вы выполнили благородную миссию, сделав визит в США, Вы отстаивали мир.

«Советская власть — это счастье для рабочего человека» — так сказал мне недавно пожилой рабочий. И это святая правда.

Только за последние несколько лет как изменилась наша страна, сколько у нас новых строек, сколько построено заводов, сколько освоено целинных земель! А как улучшилось благосостояние рабочих и колхозников!

Пройдите летом по улицам Ленинграда, и увидите, как одеты ленинградцы. Если до войны крепдешиновое платье считалось выходным, то три года назад в будничный день ленинградки были одеты в крепдешин и в штапель. А до революции простая работница разве могла мечтать о крепдешиновом платье? Правда, это лето и прошлое лето у нас, в Ленинграде, больше ситец в моде, крепдешин надоел.

А деревня как поднялась за последние годы! Об этом говорят сами колхозники. Вы правильно сказали корреспондентам США, что у нас правительство и народ нельзя отделять друг от друга, так как они тесно связаны друг с другом и понимают друг друга.

Например, Вы, Никита Сергеевич, в прошлом работали шахтером, прекрасно знаете желания и чаяния простых людей. Наше правительство состоит из трудящихся людей. Наш народ поддерживает наше правительство, так как оно радеет о нем и проводит мероприятия в наших интересах.

Желаю Вам, дорогой наш Никита Сергеевич, здоровья и долгих лет жизни на пользу нашего Отечества и всего мира.

С приветом
О. Ю. Ланге.

28 сентября 1959 г.
г. Ленинград.

НЕ ДОПУСТИТЬ УЖАСОВ ВОЙНЫ!

Вам, Никита Сергеевич, сегодня при встрече рассказали, как мы жадно следили за Вашей поездкой по США, гордились Вашими речами, как ждали дома — у себя в родной Москве. Это советские люди желали Вам солнца в этот день приезда, люди, любящие беззаветно мир и ненавидящие войну. Эта война так ясно помнится и мне, Сыромятковой Валентине, которая в 1943 году видела казненной свою мать, Кременчугскую Евдокию Григорьевну, в Донбассе за то, что она была мать шести детей, за то, что она горячо верила в слова о коммунизме, сказанные ей отцом.

Я сегодня бегом бежала с работы, чтобы увидеть передачу митинга по телевизору. Верьте, что не забыть той войны всем простым людям всех стран, хочется, чтобы дети спали спокойно мирным сном.

Привет горячий примите от нас, рабочих Московского экспериментального механического завода Главгаза СССР.

В. Сыромяткова.

28 сентября 1959 г.

НАШИ ХАТЫ КРАСНЫ И УГЛАМИ И ПИРОГАМИ

Дорогой Никита Сергеевич! Я, простая колхозница, удостоенная за свой скромный труд высокого звания Героя Социалистического Труда, на деле в нашей колхозной жизни знаю и повседневно вижу, что Вы сделали для колхозного крестьянства, каких огромных успехов мы добились благодаря политике партии в области сельского хозяйства.

Как Вы хорошо знаете, я удостоена высоких правительственных наград за рекордные урожаи кукурузы. Но я хочу прямо сказать, что в труде каждого кукурузовода нашей страны вложен и Ваш труд, ибо без того внимания к кукурузе, которое проявляли и проявляете Вы, мы бы не смогли сделать ее королевой колхозных полей.

Когда в нашем колхозе было мало кукурузы, у нас были малые доходы, было мало скота и мало что ставить на стол. Теперь у нас изобилие кормов, большие доходы

от животноводства, появилась возможность развернуть большое культурно-бытовое строительство на селе. Сейчас каждая семья нашего колхоза имеет хату, которая красна и углами и пирогами.

Для дальнейшего расцвета нашей жизни, для построения коммунизма нам нужен мир. Я, как и весь советский народ, знаю, как много Вы сделали для укрепления дела мира во всем мире. Наш народ будет Вам бесконечно благодарен за Ваш великий и благородный труд во имя сохранения мира, во имя предотвращения многомиллионных кровавых жертв, во имя того, чтобы не было горьких мук и слез вдов и сирот.

Когда Вы поехали в Соединенные Штаты Америки с визитом мира, то я очень волновалась и переживала. Я была уверена в том, что Вы успешно выполните свою великую миссию и сумеете отстоять честь и достоинство нашей великой державы. Но я волновалась и переживала потому, что в США есть немало фашиствующих бандитов, которые способны на любое святотатство и преступление.

Никита Сергеевич! Я старше Вас на десять лет, и Вы простите меня за мою бабью слабость, за мои старые пережитки. Откровенно говоря, я потихоньку даже молилась за Вас. От всей души я говорила, что дай бог, чтобы наш дорогой и любимый Никита Сергеевич не заболел, не сложил свою головушку на чужбине, чтобы Вы крепились в свои уже далеко не молодые годы.

Как молодушка, была я рада и счастлива, когда по радио услышала, что Вы вернулись на Родину. Нет греха в том, что я заплакала. Плакала я от радости, что Вы благополучно вернулись, что все окончилось хорошо. Когда я пишу это письмо, то Вы уже в Пекине. Нелегкая Ваша жизнь, дорогой Никита Сергеевич, трудно так работать и ездить в Ваши годы.

Во имя будущего наших детей и внуков, во имя судьбы всего человечества дай бог Вам здоровья, многих лет жизни.

Берегите себя, дорогой Никита Сергеевич! Вам нельзя болеть потому, что сейчас к Вам с надеждой устремлены взоры всех людей, жаждущих мира, счастья, свободы и социализма.

По нашему крестьянскому обычаю трехкратно целую Вас, дорогой Никита Сергеевич, и низко Вам кланяюсь.

Дорогой Никита Сергеевич! Прошу Вас снова приехать ко мне в гости или разрешить мне приехать к Вам и повидаться с Вами, ведь мне уже 77 лет.

Елена Семеновна Хобта,
Герой Социалистического Труда.

Киевская область,
Переяслав-Хмельницкий район,
колхоз им. Ивана Франко.

ОТВАЖНОМУ РЫЦАРЮ АРМИИ МИРА

Не может быть, чтобы со временем человеческое общество не поняло всю бессмысленность и жестокость войн.

А. С. Пушкин.

Глава великой Державы,
Шагающей в коммунизм,
В строках, что на вид шершавы,
Пред Вами падаю ниц.
Как Вы, я совсем негордый
И Вам посвящаю стих
Не с тем, чтоб мне дали орден,
Не в поисках благ земных.
Хочу рассказать, как ноет
И колет больней ножа
Отечественной войною
Обугленная душа.
Я видел так много крови
И близкой мне и чужой,
Что юный к родному крову
Вернулся, как лунь, седой.
И вижу, хотя незримо,
И жутью прикован к ним:
Огни печей Освенцима
И труб Майданека дым.
Никита Сергеевич, верьте,
От этого свет не мил.
Фашисты и есть те черти,
Которым не дорог мир.

Но люди заткнут им глотки
И всех, как сказали Вы,
Поджарят на сковородке
И будут навек правы.
Я снова душою молод,
Вы разумом столь сильны,
Что Вашим умом расколот
Торос «холодной войны».
Пусть плавают и не тонут,
Летают на крыльях молвы
Благие мечты Вашингтона,
Святые дела Москвы.
Отважным всегда удача!
В улыбках расцвел народ.
Лишь я, Вам признаться, плачу,
Но сладок мой плач, как мед.
Я радуюсь, плача: Пушкин
Был понят в двадцатый век.
Чехлами закроют пушки.
Спокойно живи, человек!
Рождайся под мирным кровом,
Под ним же иди на покой,
Никто не увидит крови
Ни родственной, ни чужой.
Глава Советской Державы,
Шагающей в коммунизм,
За это в строках шершавых
Пред Вами падаю ниц!

Сергей Ширяев,
колхозник.

Смоленская область,
Ельнинский район,
колхоз «Правда».

ПО ВЕЛЕНИЮ СЕРДЦА

Уважаемый Никита Сергеевич! Я и вся моя семья внимательно следили за всеми материалами, освещающими Ваше пребывание в США. Мы восхищены Вашей неутомимой энергией, с которой Вы осуществляли контакты с американцами.

Мы горды за Ваше умение убеждать прямым откровением с поразительной логичностью о необходимости

мирного сосуществования, о необходимости мира на земле. И я не могу себя лишить желания по велению сердца высказать добрые слова признательности и благодарности за то, что Вы делаете для народа, для мира на нашей планете.

Ваше посещение Америки — страны создателей «холодной войны» — требовало огромного мужества, выдержки, воли. Вы пребывали в центре организации ненависти к нашей стране. Вы встречались со многими лицами, среди которых были и такие, что ставили целью мешать Вашему визиту, выбирая самые тяжелые булыжные камни-слова и бросали в душу и сердце. Ваша выдержка, победительно действующая логика, откровенность и прямота победили многих американцев и потрясли весь мир. И пусть теперь руководители США решают, будут ли они работать во имя чаяний народа — во имя мира, или будут цепляться за политику и тактику Даллеса.

И если после того, что Вами сделано, и после того, что может увидеть и познать в нашей стране во время своего визита Эйзенхауэр, руководители Америки вновь не увидят Советского Союза таким, как он есть, это не наша вина, а их несчастье. Солнце не виновато, что летучая мышь и в полдень не видит.

Извините, что беспокою, выражая свои чувства этой запиской, но, когда сама история вызывает столько эмоций, я не могу Вас не поблагодарить. Так хочется выразить свою признательность и пожать Вашу руку.

А. Мельников.

28 сентября 1959 г.
г. Москва.

ГИМН МОГУЩЕСТВУ НАШЕЙ РОДИНЫ

Как Солнцу улыбается Земля всеми цветами и красками жизни, так и трудовое человечество шлет свои приветливые и радостные улыбки Вам, дорогой Никита Сергеевич, человеку, чей разум стремится согреть человечество радостью мирной жизни, растопив лед «холодной войны».

Со счастливым возвращением, дорогой Никита Сергеевич! Хотя Вы эти дни находились далеко от нас, но Вы все время были связаны Ариадниной нитью с советским народом, посланцем которого Вы являлись в далекой заокеанской стране. Ваше сердце там билось в ритм с сердцами всего многомиллионного миролюбивого человечества. Ваши мысли — это думы и чаяния всего советского народа. Этот Ваш трудный путь и благородную миссию борца за счастливое будущее всего человечества можно назвать триумфальным шествием великого борца коммунистических идей.

Когда-то великий русский полководец генералиссимус Суворов со своими доблестными войсками штурмовал неприступные и холодные Альпы, горы и снега расступились. И он победил!

Сейчас же Вы штурмовали далекие и, казалось бы, неприступные заокеанские льды «холодной войны». Льды начали таять.

Всеми силами своего ума и горячего сердца Вы приближаете тот день, о котором мечтал Виктор Гюго: «Настанет день, когда пушки будут выставлять в музеях, как сейчас выставляют там орудия пытки, и люди будут изумляться, что такое варварство было возможно».

Мы с законной гордостью называем Вас полководцем мира.

Ваша поездка по Америке, Ваши речи и беседы — это гимн могуществу нашей Родины, это величественный гимн могуществу человеческой воли и его светлого ума.

Спасибо Вам, дорогой Никита Сергеевич, за все то доброе, что Вы делаете для народа!

Слава Вам — великому другу народа!

Искренне и глубоко уважающий и любящий Вас

М. С. Занкевич.

28 сентября 1959 г.
г. Туров, Гомельская область.

БОЛЬШИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ

Дорогой Никита Сергеевич! Разрешите мне, пенсионерке, принести Вам благодарность за борьбу за мир на благо всего человечества.

Я с гордостью следила по газетам, радио и телевизору за Вашей исторической миссией в США. Ваши выступления — яркие, простые и остроумные, как говорится с «русской смекалкой», понятны всем от мала до велика.

Я всю свою жизнь прожила в Москве. Перед моими глазами прошли большие исторические события. Я видела конку — теперь вижу завоевание космоса; я видела Хитров рынок — теперь вижу дворцы для народа, гидроэлектростанции и заводы-гиганты; я видела нищету, безграмотность — теперь вижу Туполева и подобных ему. В какой другой стране можно видеть такой скачок, какой совершили мы за 40 лет существования Советской власти! И все это для народа.

Война — какое страшное слово. Если бы не было войн, как много бы имели мы для нашего народа и народов мира. Ваша миссия ведет нас к этому, и мы присоединяемся к Вам.

Е. Милешина.

28 сентября 1959 г.
г. Москва.

СЛОВО «МИР» СТАЛО МАТЕРИАЛЬНЫМ

Искренне поздравляю Вас, дорогой Никита Сергеевич, и вместе со всем советским народом искренне радуюсь Вашему возвращению из поездки по Соединенным Штатам Америки на родную землю, в родную Москву — сердце нашей Родины!

Едва ли с момента основания русского княжества до Великой Октябрьской социалистической революции было произнесено слово «мир» столько раз, сколько оно было произнесено всеми народами нашей планеты за две недели — с 15 по 28 сентября 1959 года — за время Вашего пребывания в США.

Это короткое слово «мир», состоящее всего только из трех букв, произносится теперь устами не только советских людей и наших друзей в социалистических странах. Это слово, как пальмовую ветвь, Вы пронесли над всей вселенной через материки и океаны в западное полушарие, где это слово теперь также произносят простые

люди, жаждущие мира и дружбы со всеми народами, населяющими нашу планету. Слово «мир» стало материальным...

Я — простая женщина пятидесяти пяти лет. У меня никогда не было детей, но если бы меня спросили, хочу ли я мира, я ответила бы так же, как все простые люди нашей планеты: да, я за мир, за счастье, за дружбу со всеми народами!

Но укрепление мира между народами зависит не только от приветственных слов и желания человека. Этого нужно добиваться трудовыми делами. Мне жаль, Никита Сергеевич, что в конце текущего года я ухожу на пенсию и не могу обещать успехов в своем труде. К тому же нужно сказать, что мой труд не является созданием материальных благ, обогащающих жизнь советских людей. Последние 7 лет я работаю кастеляншей в Боровичской гостинице. Но все же по мере сил и способностей буду стараться принести на алтарь Отечества во имя мира и счастья на земле свою скромную лепту в строительство коммунизма.

Дорогой Никита Сергеевич! В день Вашего возвращения в Москву из поездки по городам США у нас в Боровичах стоял пасмурный осенний день. Все небо сплошь было затянуто серыми, тяжелыми, осенними облаками, и ничто не говорило о том, чтобы через такую толщу облаков могло проглянуть солнце. Но вот в 16-м часу по московскому времени, когда диктор стал говорить по радио, что в Москве солнце и что самолет, на котором Вы прилетели, благополучно приземлился на Внуковском аэродроме, словно сама природа нашей Родины приветствовала Вас. Даже у нас, в Боровичах, на какие-то 25—30 минут, разорвав толщу серых облаков, в этот момент выглянуло солнышко. Это правда...

Дорогой Никита Сергеевич! Скажу откровенно: пожалуй, не одна я боялась, как бы Вас в чужой стране не ранила шальная пуля недруга, от которой в свое время не могли уберечь любимого вождя и учителя Владимира Ильича Ленина. Вы, Никита Сергеевич, настоящий ленинец, твердо и уверенно идущий по стопам самого человечного человека, имя которого с любовью и уважением произносят все простые люди земного шара. Это имя — Ленин. Вас, Никита Сергеевич, любят, уважают и ценят

все советские люди. Это Вы завоевали тесной связью с широкими народными массами.

Большое спасибо Вам, Никита Сергеевич, за всю проделанную Вами трудную, напряженную работу по укреплению мира во всем мире! Спасибо Вам за заботу о благе и процветании народа!

Как и весь советский народ, желаю Вам, Никита Сергеевич, крепкого здоровья, бодрого и хорошего настроения, которое способствует укреплению здоровья, многих, многих лет жизни для плодотворного труда во имя мира, счастья и дружбы со всеми народами! Желаю личного счастья Вам и Вашей семье!

Искренне и сердечно приветствую Ваших соратников — Президиум ЦК КПСС, Совет Министров СССР и Президиум Верховного Совета СССР.

Желаю вам, товарищи, здоровья и успехов в вашем плодотворном труде на благо нашего народа и народов, населяющих нашу планету!

С искренним уважением

В. Смурова.

Привет от трудящихся города Боровичи.

29 сентября 1959 г.
г. Боровичи,
Новгородская область.

НАРОД ВЕРИТ ПАРТИИ, ПАРТИЯ ВЕРИТ В СИЛЫ НАРОДНЫЕ

Дорогой Никита Сергеевич! Я с большим вниманием следил, как и весь наш народ, за каждым Вашим шагом на американской земле. Я не ошибусь, если скажу, что мысленно, незримо все мы, советские люди, сопровождали Вас.

Спасибо Вам за Вашу искреннюю глубокую веру в силы и способности нашего народа.

Мы не останемся в долгу и будем еще больше и больше отвечать взаимностью нашей ленинской партии и Вам лично.

Я, испытавший гнет, бесправие, унижение и тяжелый труд в раннем детском возрасте, искренне уверовал в партию Ленина, потому что эта партия сделала меня человеком и указала путь к светлой жизни.

Мне было 24 года, когда умер наш дорогой, близкий сердцу трудового народа Ильич. В день его похорон я стоял в строю воинской части и плакал, как маленький ребенок.

И горько было переносить, когда я видел, что кое-где были отступления от ленинского учения. И по-детски радовался, когда на XX съезде ленинские идеи витали в зале съезда.

Мне 59 лет. Проработал я на автотранспорте 40 лет, из них почти 30 лет я возил самый ценный груз — людей. Я стремился работать, как хороший часовой механизм, и сберег государству не одну сотню тысяч рублей. Жалею только лишь об одном, что я рановато вышел из строя,— в 57 лет я стал инвалидом труда и не могу продолжать работать по своей профессии.

Заверяю Вас, а в Вашем лице нашу партию, что в меру своих способностей передавал и буду передавать все то хорошее, что накоплено мной за долгие годы моего труда, нашей молодежи. Вы своей неутомимой и кипучей энергией показываете пример.

Я в своей жизненной практике понял, как много может сделать человек, когда к нему относятся как к человеку, верят ему и не принижают его человеческого достоинства.

Кое-кто за рубежом не может понять, а кое-кто и не хочет понимать, что сила наша в том, что наш народ глубоко верит своей партии и партия верит в силы народные.

К. Я. Иванов.

29 сентября 1959 г.
г. Ростов-на-Дону.

МЫ ХОТИМ, ЧТОБЫ АТОМ СЛУЖИЛ МИРНЫМ ЦЕЛЯМ

Дорогой Никита Сергеевич! Разрешите мне, простой домохозяйке, от имени моей семьи и от имени всех женщин города Подольска поздравить Вас с благополучным прибытием из Соединенных Штатов Америки в столицу Советского Союза город Москву.

Ваше пребывание в Соединенных Штатах горячо отозвалось в наших сердцах. Мы с гордым волнением наблюдали за каждым Вашим шагом по городам Аме-

рики и с нетерпением ждали вестей от Вас. Мы с большим волнением и с гордостью слушали Ваши выступления перед жителями городов Америки. Ваши ответы на вопросы журналистов так нам переполняли сердца радостью за Вас, что мы не могли удержаться от аплодисментов. Мы с гордостью аплодировали Вам, сидя у репродукторов и телевизоров. Ведь мы видели, как встречали Вас жители городов Америки, с каким вниманием они слушали Вас и как аплодировали Вам, когда речь заходила о мире во всем мире. Ведь все люди хотят только мира. Мы, советские люди, первые встаем на защиту мира. Хотя сейчас на нашей земле стоит осень, но наши сердца наполнены теплой радостью за хорошие вести из-за границы.

Мы радуемся и гордимся, что именно наши, советские, труженики запустили первыми контейнер на Луну с вымпелом Советского Союза, мы первые построили атомный ледокол и также надеемся, что наша ракета первая отправится на Луну с человеком. И как нам не желать мира, когда мы для того и живем, чтобы творить. Мы хотим, чтобы атом служил не для войны, а для блага человечества на всей земле. Мы хотим, чтобы наши дети не знали бы ужасов войны. Где, как не в нашей стране, дети живут счастливо? Где так, как у нас, для женщин открыты все двери в жизни, дано равноправие, есть права на отдых и льготы? А поэтому мы, женщины, говорим — нет и нет, не бывать войне! И как бы ни хотели агрессоры разжечь пламя «холодной войны», мы первые встанем на защиту своих детей.

Разрешите мне, простой женщине, имеющей двоих детей, поблагодарить нашу Коммунистическую партию и Вас за все внимание к нам, за все, что сделано для народа.

Дорогой Никита Сергеевич! Я и моя семья очень просим Вас и Вашу супругу побывать в нашем городе. Наш город — хороший труженик строительства и благополучия. Я знаю, наш город Подольск очень Вам понравится, Вы увидите, какое развернуто у нас строительство.

До свидания, разрешите пожать Вам руку.

А. Штукарева.

29 сентября 1959 г.
г. Подольск,
Московская область.

ГЛУБОКО ЛЮБЛЮ КОММУНИСТИЧЕСКУЮ ПАРТИЮ

Родной наш Никита Сергеевич! Вместе со всем нашим великим народом я, простая женщина, переживала большое историческое событие — Ваше пребывание в Америке.

Весь наш брянский народ, а вместе со всеми и я искренне радовались за Вас. Благодарим за Вашу огромную борьбу за мир, борьбу с капитализмом и прихвостнями капитализма.

Большое Вам русское спасибо, что перед «знаменитыми и великими» американцами Вы достойно показали величие нашего советского народа, наш быт и наш русский нрав. Пусть знают наших!

Я — беспартийная гражданка, но всю свою сознательную жизнь я чувствую и считаю себя коммунисткой. Я глубоко люблю нашу Коммунистическую партию и преклоняюсь перед ней, люблю наш великий народ. Я высоко горжусь, что живу в Советском Союзе.

Сегодня радио разнесло радостную весть: Вы благополучно вернулись на Родину! А у нас гора с плеч. Слава богу, Вы дома.

Все же мы волновались, ведь Америка приютила наших многих врагов, которые до сих пор еще точат на нас зубы.

С глубоким уважением к Вам
и к Вашей жене-товарищу

З. Гринкевич.

г. Брянск.

НЕ ПОССОРИТЬ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ С ПАРТИЕЙ И ПРАВИТЕЛЬСТВОМ!

Дорогой Никита Сергеевич! Ежедневно мы следим за всеми передачами и как бы видим Вас то выступающим в ООН, то в беседе с корреспондентами, то в беседе с кинорежиссерами, то с этим греком.

Хочется сказать Вам большое, большое спасибо за все. Спасибо Вам за веру в нас — советских людей, спасибо за такие дорогие слова: «...Вам не поссорить советских людей с партией и правительством».

Спасибо Вам за то достоинство и гордость, с которыми Вы держались. Спасибо Вам за Ваш тяжелый и огромный труд.

Я — обыкновенная женщина Советского Союза. Пережив ужасы войны, блокады Ленинграда, я счастлива, что дожила до таких изумительных дней, когда спущен на воду атомный ледокол, когда прилунилась советская ракета. Но больше всего я счастлива, что дожила до таких дней, когда наш советский человек сумел себя показать миру и поднять на такую высоту, которая никому и не снилась.

Глубоко уважающая Вас

А. Таворская.

г. Ленинград.

ВЫ ВЫСОКО ДЕРЖАЛИ МАРКУ ТРУДОВОГО СЕРПА И МОЛОТА

Здравствуйте, Никита Сергеевич! С приветом к Вам гражданин Советской России, да, именно сразу же хочется подчеркнуть — новой, Советской России. Вы извините меня, Никита Сергеевич, за мое письмо, но я не мог иначе, не могу таить в себе те чувства, которые переполняют меня в настоящий момент и которые, с уверенностью могу сказать, переполняют сердца миллионов таких же, как я. Откровенно хочется поделиться с Вами. Этим я отрываю у Вас и без того драгоценное время, но, поверьте мне, что иначе не могу.

Мне от роду 22 года, но, несмотря на молодость, мне пришлось многое увидеть и узнать, потому что в течение трех лет я работал на окраинах Родины, в частности в Туркмении и Узбекистане. Это были трудные годы поисков разрешения жизненной мудрости. Откровенно говорю Вам, что до этого я был настроен против наших порядков, потому что не принимал во внимание мудрую народную пословицу, что «без труда не вынешь рыбку из пруда».

Я был свидетелем и участником новых гигантских сооружений промышленности, на моих глазах росли новые рабочие городки, в аулах и кишлаках зажигались лампочки Ильича. И все это там, где совсем недавно текли горячие пески барханов да природную тишь нарушал вой шакалов.

Тяжело было слышать о том, что такие, как Маленков, Молотов и Берия, оказались не теми, за кого их считал народ. И в порыве недоверия, тяжелой безграничной думы о Родине я сам собственноручно написал несколько листовок и ночью расклеил их по поселку Кувасай Ферганской области. Тогда я думал, что раз в Кремле такое творится, то это признак неблагополучия, беды, нависшей над Россией. Это мое выступление прошло бесследно для меня и для населения, потому что утром этих листовок уже не было.

Я имею освобождение от воинской обязанности по состоянию здоровья. В Туркмении, когда врачи мне запретили работу электромонтажника из-за болезни, вот тут-то, далеко от дома, недалеко от афганской границы, я почувствовал наше кровное, сильное новой жизни. Мне предложили работать в редакции местной газеты, предложили товарищи старше и опытней меня, где я и продолжал свою трудовую деятельность. Этим я хочу подчеркнуть, что я не оказался выброшенным за борт, а люди, наши советские люди, помогли мне встать на ноги и еще помогли правильно продолжать свой путь.

В настоящий момент я вернулся на родину, в город Тамбов. Недавно сдал в наше издательство книгу, мою первую литературную самостоятельную работу — роман «Трудные зори», посвященную жизни колхозников, такой, какой она была в 1952—1953 годах. Криком своего сердца, своей души я постарался передать в героях этой рукописи наше, советское, родное, показать ростки новой эпохи, небывалого расцвета моей Родины. Есть хорошая поговорка «не поплачешь — не оценишь», и она довольно метко выражает мудрость жизни простого человека.

Вернувшись на Тамбовщину, я не узнал ее, не узнал ее людей, городов. Сейчас она стала просторнее, красивее и, главное, богаче как материальными, так и моральными благами. Возвращаясь, я видел электровозы, я видел новые стальные магистрали электрифицированных железных дорог, я чувствовал и чувствую трудовой пульс советского народа.

С волнением следил я за Вашей поездкой в США, и больно было слышать и узнавать про те выпады, которым Вы подвергались там со стороны сторонников «холодной войны», но приятней и отрадней доносился голос простых американцев, приветствующих в Вашем лице мою необъ-

ятную Отчизну. И сейчас, когда Вы вернулись к нам, дорогой Никита Сергеевич, я от души, по-простому хочу Вам сказать: спасибо Вам, спасибо партии и правительству за то, что, будучи там, Вы высоко держали марку трудового серпа и молота. Сейчас у меня сформировалось мировоззрение, и я прямо могу заявить, что лучше и благородней политики моей Родины нигде нет. А отсюда следует вывод, что таких, как я, проживает на земном шаре миллиарды и мы плечом к плечу стоим с партией, с Вами, Никита Сергеевич, и пусть знают об этом «призраки войны» в лице сторонников военных баз. Мы не боимся войны. И если только они ее затеют, что же, им придется грохотом своих орудий заглушать стук наших сердец, их ничем не заглушить.

Извините меня, Никита Сергеевич, за почерк, за письмо, но иначе я не мог. Не могу удержать в себе голос сердца.

В. Гаврилов.

30 сентября 1959 г.
г. Тамбов.

МЫ ВЫСОКО ЦЕНИМ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА

Дорогой Никита Сергеевич! Разрешите от всего сердца поблагодарить Вас и поздравить Вас с новыми великими победами во имя мира!

Я, простая русская женщина, выражаю Вам, дорогой Никита Сергеевич, большое спасибо за Ваши труды, заботу, за Вашу благородную борьбу за дело мира всего человечества!

Миллионы людей всего земного шара услышали Ваш голос справедливости на Генеральной Ассамблее в Соединенных Штатах Америки.

Ваша поездка в Америку, Ваша речь, умная, грандиозная — она сильнее разрыва любой водородной бомбы для тех, кто раздувает огонь войны...

У меня есть маленький сын. Мне, как и всем матерям всего земного шара, хочется, чтобы наши дети не видели и не слышали ужасов пожара и кровопролития войны.

Совершенно правильно Вам пришлось ответить американскому журналисту в Вашингтоне в Национальном клубе печати о том, что мы высоко ценим жизнь человека,

Да как не ценить жизнь, ведь она дана, чтобы жить, творить чудеса, осуществлять мечты, множить богатства нашей страны-Родины!

Дорогой Никита Сергеевич, желаю Вам хорошего, доброго здоровья на долгие, долгие годы, чтобы вместе с народом идти дорогой мира, коммунизма во всем мире.

С большим уважением к Вам, дорогой Никита Сергеевич!

Комсомолка *Г. Гаврилова.*

г. Ленинград.

НА СВОЮ ЮНОСТЬ МЫ НЕ ОБИЖАЕМСЯ

Дорогой Никита Сергеевич! Разрешите поздравить Вас и сопровождающих Вас лиц, которые были с Вами в США, и Вашу семью с благополучным приездом домой. Мы люди простые, даже, можно сказать, незаметные в мировом масштабе. Но мы Ваши выступления в США приветствуем от простой русской души. Войны мы не хотим, какая бы она ни была — холодная или горячая. Лучше спать дома, чем в степи и под угрозой.

Мы очень довольны нашей жизнью и правительством, при этом мы имеем в виду руководство КПСС.

Дорогой Никита Сергеевич! Везде Вы были, но у нас нет. Поэтому разрешите пригласить в город Минусинск, который имеет историческое значение, город, где наш Владимир Ильич Ленин имел неприятности от царского правительства за то, что он боролся за нашу счастливую юность. Мы на свою юность не обижаемся и от великой русской сибирской души благодарим и кланяемся Владимиру Ильичу Ленину.

Просим, и очень просим, поохотиться на берегу великой сибирской реки Енисея и побывать в шалаше, где пребывал великий Ленин.

Письмо написали жители города Минусинска,
работники Минусинской геологической экспедиции

Завхоз *М. Повольнов*
Забойщик *С. Дейхин*
Работница *Р. Маринова.*

ДОСТОЙНАЯ ОТПОВЕДЬ

Дорогой Никита Сергеевич! Я внимательно следил за всеми Вашими выступлениями в США. Вы не имеете звания ни академика, ни профессора. Но своими выступлениями, умными и дельными, как говорится по-рабоче-крестьянскому, Вы, дорогой Никита Сергеевич, правильно давали достойную отповедь тем лицам, которые стремились поставить нашего советского посланца при беседах в невыгодное положение.

И по утрам, и по вечерам, и на работе, и среди друзей я с наслаждением вспоминаю Ваши высказывания. Вот они горделивые слова, перед которыми преклоняю голову я и весь наш советский народ:

«Я приехал в США не с длинной рукой... Я не буду протягивать шапку... Мы просить у вас ничего не собираемся, у нас все есть!»

«Крысу дохлую нам не подбрасывайте, мы вам можем подбросить не одну дохлую кошку!»

Дорогой наш верный товарищ и друг, благодарим Вас за это. Мне скажут, что ты льстишь. Но в этих случаях и дураку надо разъяснить. Я не льщу, мне 62 года, производственный стаж — 50 лет. И хотя я болею дьявольской болезнью, но еще работаю. Я тоже скажу — мне ничего не надо, лишь бы жили наши дорогие и неутомимые борцы за мир, борцы за счастье своего народа.

Желаю Вам от души, Никита Сергеевич, долгих и долгих лет жизни и крепкого здоровья.

Да здравствует наша славная КПСС, Центральный Комитет во главе с Вами, наш верный товарищ Никита Сергеевич!

И. Скостарев.

20 октября 1959 г.
г. Киев.

ИСКУПЛЮ ВИНУ ЧЕСТНЫМ ТРУДОМ

Н. С. ХРУЩЕВУ

Я прекрасно понимаю, что Вам не до моего письма, и так не хватает времени на более важные дела, но мне, как бывшему уголовному преступнику, хотя и с опозданием, очень хочется передать главе Советского

правнтельства то, что и бывший уголовный преступиик так же, как и весь советский иарод, ие может оставаться равнодушиым к свершившимся в минувшне дни нсторнческнм событиям.

Получив газеты (я выписываю, т. е. выписал до коица 1959 г. «Советскую Россию» н «Комсомольскую правду»), я узиал о таких трех великнх событиях: Вашей поездке в США с визитом, чтобы мнрио урегулировать иазревшие вопросы н добиться разрядки междунcapoдиoй напряженностн путем переговоров; запуске советскнми учеиыми, нижинерами, техиикамн н рабочими второй космической ракеты в сторону Луиы, которая 14 сеитября 1959 года достигла целн и доставила с собой вымпел, имеиио иаш, советскнй, вымпел; выходе в рейс первого в мире атомного ледокола «Ленин».

Узиав об этом, я ие смог держать свои чувства в душе, не могу не выложнть на бумаге свон чувства радостн за народ моей Роднны, за советскнх ученых, нижинеров, техников, рабочнх, труд которых стал снмволом нашей эпохи, не выразнть благодарности Коммуиистнческой партни, под руководством которой советские люди совершают иеслыханные в сказках чудеса.

Пусть я отбываю наказанне за свою дурь, но я буду стараться как можно больше быть участинком в осуществлении задач, поставлеиных XXI съездом Коммуиистнческой партии Советского Союза, в борьбе за построеиие светлого будущего — коммуннстнческого общества в иашей стране. Пусть я н бывший преступник, ио я также имею право на труд, н радн будущего поколеиия мне тоже хочется хотя немногое, ио что-то сделать.

Мие 30 лет от роду, нз ннх очень жаль прожнтых 15 лет бесцельио, прожитых в заблужденнн, в паутиие бродяжиичества и воровства. Я рад до глубнны своей души за свой народ, перед которым я чувствую свою вину за прошлое. Выйдя из этого омута, я нскуплю свою вииу вольиым, честиым трудом, а оказанное мне доверне оправдаю с честью. Думаю, что никому не прндется впредь осуждать мон поступкн. Это я говорю твердо, потому что верю в свои снлы так же, как н иаш народ, который с древних времен показывает чудеса стойкости и мужества, а в настоящее время чудеса в области науки н техники.

Логика простая: наука шагиула далеко вперед, советские люди осуществляют грандиозные стройки в стране, так неужели я все такой же, как 7—10 лет назад? Мие кажется, человек тоже изменяется. Пусть я и такой человек, но я также против развязываиия иовой мировой войны. И я надеюсь и верю, что Вы сделаете все, чтобы предотвратить развязывание войны, чтобы покончить навсегда с «холодиой войиой» путем мириых переговоров.

Желаю Вам от всей души самых иаилучших успехов.

С чистосердечным уважеиием

С. Старосельцев.

БОЛЬШЕВИКИ УКАЗАЛИ МНЕ ПРАВИЛЬНЫЙ ПУТЬ

Здравствуйте, миогоуважаемый Никита Сергеевич Хрущев! К Вам обращается и отиимает драгоценное время пенсионер из города Казаии Сабир Гимадеевич Фахрутдинов, 1892 года рождения.

Я — бывший крестьяиин-бедняк, видевший всю тяжесть прошлой жизни и на своих плечах вынесший все ужасы прошлой войны — первой империалистической войны. Я был малограмотным, отсталым. Но большевики указали мне правильиый путь выхода из нищеты и угнетеиия. С первых дней революции я стал в ряды Красной Гвардии и с оружием в руках защищал молодую республику.

В 1918 году мне посчастливилось видеть и слышать Леиина. Эта дата осталась в моей памяти иа всю жизнь и помогла стать настоящим человеком, искренне преданным партии и советскому строю.

Я с каждым годом видел, как хорошеет иаша жизнь и как мы сами, простые люди, преобразуемся. Из татариia-гололобого, как иазывали нас раиьше, я стал полноправиым граждаииIом Советского Союза. Несмотря на свой преклоиный возраст, я был участником Отечественной войны.

И вот настало время, когда я вышел на пенсию. Государство полностью обеспечило мою старость. Я всегда сравииваю свою жизнь с прошлым и вижу, что действительно несравнимо, как в сказке, преобразовались мы и наша действительность, и все это благодаря деятельио-

сти КПСС. Большие изменения произошли за последние годы.

На днях я приехал из деревни. Там своими глазами видел, какие произошли изменения. А ведь меня, выходца из деревни, этот вопрос очень занимает. Говоря откровенно, я не думал, что за такой короткий срок можно так преобразовать деревню. За все это я от души благодарю КПСС и Советское правительство во главе с Вами.

С. Г. Фахрутдинов.

г. Казань.

НА ГЛАЗАХ МЕНЯЕТСЯ ЖИЗНЬ

Здравствуйте, дорогой, многоуважаемый Никита Сергеевич! Вместе со всей Москвой и я у репродуктора встречала сегодня Вас, Ваше возвращение на Родину. Я, простая учительница из Черниговской области, не могу сегодня не выразить своей признательности, искреннего, глубокого уважения к Вам.

Никогда в жизни я не видела такого трудового подъема, таких радостных лиц, как в последние годы, не знала такого окрыляющего чувства гордости за нашу Родину, за наши успехи.

Читал ли кто когда-нибудь газеты с таким вниманием и наслаждением, как читали их все простые люди начиная с 15 сентября!?

Почему же занятые мирным трудом люди, которым иногда поесть и отдохнуть некогда, находили время, чтобы в вагоне, на улице, у киоска прочитать, обсудить Вашу речь, Ваше выступление в США? Почему самая интересная книга становится ничем, если в эти исторические дни получаешь газету? Да потому, что в этих речах жизнь, юмор, острота, сила ума, сила предвидения, сила убеждения и разъяснения.

Спасибо Вам от всего сердца за то, что Вы там, за океаном, не уронили достоинства советского человека, что Ваш голос не дрогнул тогда, когда Вы слышали провокационные выкрики, за то, что Вы так гордо и независимо, принципиально и смело боролись за правду и мир.

И пусть знают «сэры» и «мэры», что советский народ и правительство едины. Пусть знают, что люди, которые

никогда не встречались с Вами, но которые слышали речи Хрущева, видят (а они не слепые), как на глазах меняется жизнь, какова забота о благе простого человека, как живет сейчас доярка, свинарка, как Хрущев борется за мир, не щадя своего здоровья, как он сблизился с народом, вполне солидарны с Коммунистической партией с нашим Правительством и говорят сегодня:

— Живите, дорогой наш Никита Сергеевич, долгие годы, продолжайте политику нашего родного правительства и нашей Коммунистической партии, будьте всегда таким, какой Вы есть, боритесь за мир и счастье народов. С Вами простые люди, а, с кем народ, тот бессмертен и непобедим!

Простите за беспокойство. Я, может быть, никогда не написала бы этих строк, если бы сегодня, когда я слушала Вашу речь в Москве, чувства не переполнили все мое (если так можно выразиться) естество, и я должна была отложить ученические тетради, которые проверяла, и излить свои чувства на бумаге, в письме.

С глубоким уважением к Вам

Т. Пономаренко.

г. Городня,
Черниговская область.

ПИШУ ТО, ЧТО ПРОДИКТОВАНО СЕРДЦЕМ

Дорогой Никита Сергеевич, здравствуйте! Тысячу раз извините меня за то, что оторву у Вас несколько минут времени. Но я просто не могу не писать Вам, не сказать тех слов, которые уже не держатся в душе, вернее не помещаются в ней.

Для Вас, конечно, не будет удивительным то, что Ваши выступления в Америке произвели на всех советских людей такое большое впечатление... Я никогда в жизни не читала ничего более интересного, замечательного и остроумного.

Но я вот о чем хочу просить Вас, дорогой Никита Сергеевич. Не переутомляйте себя так сильно, пожалуйста. Ведь Вы же, наверное, совсем не отдыхаете. А в Америке Вас совсем замучили, бессовестные они, не понимают, как мы все здесь за Вас переживаем. Как беспокоимся о Ва-

шем здоровье. Но зато Вы кого следует посадили там в галошу, показали, какие они профаны.

Вы, очевидно, читаете это письмо и злитесь. Вот, думаете, какая-то глупая девчонка написала и только время у меня отнимает. Ну, тогда лучше бросьте читать, только, пожалуйста, не сердитесь на меня. Я не могла не писать Вам, не излить свою душу, хотя я не написала и миллионной доли того, что чувствую. Уж слишком все сухо получается на бумаге. А душа так и разрывается от излишка самых теплых, самых ласковых и необыкновенных слов.

Почему я так благодарна Вам? А потому, что Вы человечный человек. Я, когда читала, как Вы помогли вору-рецидивисту, то плакала, плакала от радости, что во главе нашего Правительства стоит такой гуманный человек, как Вы.

Вот, к примеру, моя жизнь. Когда мне было 15 лет, нас оставил отец. Он был нехороший человек. Остались мы: мама, я и двое братьев-близнецов. Если бы это было раньше, то не знаю, что бы стало с нашей семьей, а сейчас все мы живем очень хорошо. Все работаем и учимся. Я кончаю Минский педагогический институт, вечернее отделение. Правда, сейчас временно не работаю, потому что в настоящее время у меня маленький ребенок.

Благодаря чему мы живем так хорошо? Благодаря неустанной заботе партии и правительства о нас, простых советских людях. А американцы еще смеют сравнивать свою капиталистическую систему с нашей, социалистической. Я, простая советская студентка, молодая мать, от всей души говорю им: сравнивать наши системы, нашу жизнь просто нелепо, бессмысленно.

Мы живем замечательно. Нам нужен мир, и Вы, дорогой Никита Сергеевич, не считаясь со своим временем и здоровьем, укрепляете его.

Спасибо же Вам, дорогой Никита Сергеевич. Извините за мое письмо, может быть, здесь что написано и не так, не обессудьте меня. Я писала то, что чувствую, все письмо продиктовано сердцем.

До свидания, с огромным уважением к Вам

Т. Никонова.

Целую Вас от всего сердца, как родную мать, потому что отец мой этого не стоит.

г. Минск.

СОВЕТСКИЙ НАРОД ТВОРИТ ЧУДЕСА

Уважаемый миром трудового человечества Никита Сергеевич Хрущев! Сердечно приветствую Вас как неутомимого борца за мир во всем мире. С глубоким удовлетворением отмечаю, как и все люди, что Ваши действия направлены на осуществление мира и дружбы на земле, на осуществление идей великого Ленина.

Коммунистическая партия и Советское правительство заслужили авторитет во всем мире своей мирной политикой со всеми странами, независимо от их политического строя.

С глубоким одобрением отмечаем настойчивую мирную политику нашей партии и правительства — осуществление дружбы между народами, предотвращение войн, осуществление экономической и технической помощи слаборазвитым, угнетенным странам, указывая им пути жизни, пути к счастью.

Обмен визитами с другими странами, Ваш исторический визит в Соединенные Штаты Америки и все мероприятия по взаимопониманию между народами дают твердую уверенность, что силы мира и справедливости победят силы войны.

Приветствую Президента Америки г-на Эйзенхауэра, разумно одобрившего разрешение спорных вопросов между государствами путем переговоров.

Мирным трудом советский народ под знаменем Ленина воистину творит чудеса. Неимоверно высокие достижения экономики, культуры, науки, техники нашей Родины. Мы, старики, видевшие дореволюционное прошлое царско-помещичье-кулацкой России, восхищаемся сказочным преобразованием страны социализма, экономическим и культурным ростом человека многонационального Советского Союза. В том числе неузнаваемо вырос народ Карачая.

Искренне желаю Вам, дорогой товарищ Хрущев, много лет жизни, здоровья, работать во славу социалистической Отчизны, во славу мира во всем мире.

М. Джаубаев.

Гражданин аула Бирлик, Карачаевского района, Карачаево-Черкесской автономной области, Ставропольского края, карачаевец. Родился в 1889 году в ауле Нижне-

Теберда, в сиротской семье, вырос в нужде. Только при Советской власти, уже взрослым, смог учиться, жить по-человечески и работать до глубокой старости. Ныне обеспечен пенсией по старости. За все это превелико благодарен партии и правительству, любимой моей стране, великому русскому народу.

М. Джаубаев.

28 октября 1959 г.

МЫ СПОКОЙНЫ ЗА ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ

Уважаемый и дорогой Никита Сергеевич! Весь советский народ, от малого и до старого, следил за Вашей поездкой по США. Мне, простому человеку из Ленинграда, инвалиду 2-й группы, в это время пришлось быть в отпуске на берегу озера Селигер в Новгородской области.

Читая «Правду», не оставил я непрочитанной ни одной строчки. Перечитывая по нескольку раз Ваши выступления, я восхищался тем, с какой великой энергией, с какой поразительной убедительностью Вы выступали, а также отвечали на все вопросы, которые задавались Вам и друзьями, и прислужниками, и цепными псами эксплуататоров.

Мне от роду 58 лет — это возраст, когда можно более зрело оценивать явления и оценить ту роль, которую в жизни нашего государства играете Вы, дорогой Никита Сергеевич.

Я и хочу поделиться с Вами, дорогой Никита Сергеевич, некоторыми своими мыслями.

Посылая это письмо, я не преследую никаких целей. Сам я инвалид труда, получаю пенсию 540 рублей, мне бы денег хватило на жизнь, но все дело в том, что я не могу сидеть сложа руки. Хоть я и с протезом, но работаю помощником директора средней школы по хозяйству и получаю 550 рублей. Мне денег достаточно — деньгами я обеспечен.

Работаю так, что 2 года подряд за подготовку школы к новому учебному году школа держит переходящее Красное знамя. Пишу исключительно из чистых побуж-

дений и переживаний простых советских людей, которых большие миллионы.

Конечно, мне все переживания не описать, но я пишу с надеждой на то, что если Вам и не хватит времени прочитать мое письмо, так, может быть, Ваши работники, если письмо будет заслуживать внимания, доложат самое основное из него.

Сам я беспартийный, из крестьян Новгородской области, с берега озера Селигер, из села Полново.

Я и мои сестры, да и от многих людей я слышу, что после Ленина у нас в правительстве не было такого человека, чтобы народ так любил его, так уважал, так ценил и так бы был спокоен в своей жизни за завтрашний день, как сейчас. За то Вас любит народ, и я, и мои сестры, что Вы дышите с народом одним русским советским духом. Вы от мозга и до костей советский. Вы доходчивый народу, Вы понятливый народу, Вы понимаете народ, а народ понимает Вас.

Теперь весь мир с каждым годом все больше узнает, что значит советский народ и его правительство.

Теперь все в мире понимают и ценят величие, ум, трудовую доблесть, героизм и стремление к миру всего советского народа, Коммунистической партии и Советского правительства во главе с Никитой Сергеевичем Хрущевым.

Словами всего и не выразишь, а сознанием и сердцем можно оценить Ваши подвиги в борьбе за мир и Ваше поведение — главы Советского правительства — во время пребывания в США.

Миллионы людей на земле лучше увидели и поняли, что такое Советский Союз, как он могуч, как миролюбив наш народ и как он талантлив. Какие великие проблемы выдвинуло наше правительство, как предложение о всеобщем и полном разоружении! Это предложение выдвинуло именно наше правительство, и ничье больше.

Вы, Никита Сергеевич, сумели показать Советский Союз таким, каким он есть.

Думаю, что пройдут года и история будет изучать и все выше оценивать Ваши великие поступки в борьбе за мир.

Когда Вы начали применять русскую пословицу «хлеб-соль ешь, а правду режь», то у горячих голов

была выбита почва из-под ног, у тех, кто думал, что глава Советского правительства умолчит о недостойных поступках и проделках некоторых политиканов и тех, кто хотел бы обидеть советский народ.

Спокойно и уверенно живет весь советский народ, как в городе, так и в деревне, видя, что партия и правительство и наш Никита Сергеевич живут и дышат одним духом с народом.

Никита Сергеевич вскрыл пресмыкательское поведение перед капиталистами некоторых деятелей, которые плели небылицы о нас в угоду своим хозяевам, да сознаться-то им нельзя.

Читал я речь Никсона в Москве на выставке. Но она никакого впечатления на наш народ не произвела. Плевать мы хотим на его 9 костюмов. Нашему народу не дороги 9 костюмов, а дорога честь нашего великого государства и честь народа, который богатеть хочет сообща, всей страной.

Что же касается Вашей поездки, то она была великолепнейшим показом величия всего нашего советского народа. Наш народ еще теснее сплотился вокруг партии, ее Центрального Комитета и своего правительства.

Очень правильно было сделано, что Вы, Никита Сергеевич, взяли свою семью. Вы — глава правительства великой страны, надо и нашему народу и за границей показать свою супругу.

Мы в двух номерах «Огонька» видели и часто смотрим на фотографии, изображающие Вас, Эйзенхауэра, Нину Петровну и жену Эйзенхауэра.

Нина Петровна — образец русской женщины: сосредоточенная, умная, так и видно, что она достойный друг и товарищ нашего Председателя Совета Министров.

Оценивая все происходящие события, вспоминаешь и о том, как правильно поступила партия, что вовремя выперла из правительства смутьянов и интриганов Кагановича, Молотова, Маленкова и Булганина. Как теперь без них спокойно. И за короткий срок под руководством партии, под руководством Центрального Комитета во главе с Вами, Никита Сергеевич, каких великих и всемирно известных успехов добилась наша великая страна и как она стала авторитетна на земной планете.

... Кое-кому хочется принизить ее величие, но ведь такие поступки для нас так же незначительны, как укус

комара. Нет еще народного Китая в Организации Объединенных Наций, но ведь Китай-то все сильнее и сильнее становится.

Наш народ одобряет и то, что Вы так бдительно смотрите за Западной Германией. Это Вы делаете очень правильно. Там еще есть много цепных псов, за ними надо смотреть строже.

Дорогой Никита Сергеевич! Скоро Пленум ЦК КПСС. Будет разбираться вопрос о сельском хозяйстве. Вы столько сил и энергии уделяете сельскому хозяйству. У нас много сделано для подъема сельского хозяйства. Выезжая в отпуск, приходится каждый год наблюдать, как живет колхозная деревня, и видеть, что с каждым годом народу становится жить все лучше и лучше и лучше.

О чем бы я хотел Вас попросить сказать на Пленуме. Во многих колхозах мало посевов клевера, еще низки надои молока. Низок и урожай льна. По клеверу урожай всех культур куда бы был выше.

Многие специалисты сельского хозяйства: агрономы, зоотехники, ветврачи и фельдшеры — полностью еще не поняли, что их место там, где идет сев, растут культуры, где у растений и скота могут быть болезни, что их место на полях, в бригадах, на фермах.

Есть колхозы, где незаметна роль специалистов сельского хозяйства. Она не является ведущей.

Никита Сергеевич! А что если бы поставить вопрос о том, чтобы колхозы и совхозы старались разводить скот как можно более крупной породы, чтобы нетель и бычок в 2 года были бы в убойном весе пудов по 12, а корова — пудов около 25—30, ведь какой бы в государстве был привес мяса.

Будучи в деревне, я осматривал молодняк на отгуле и видел, что к зиме ему будет около 2 лет, а в убойном весе он больше 6—7 пудов не будет.

Уважаемый Никита Сергеевич! Наступает всенародный праздник 42-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, я и мои сестры и все наши знакомые поздравляем Вас с праздником.

Желаем Вам и всей Вашей семье доброго здоровья, успехов в Вашей большой и трудной работе и долгих, долгих лет жизни.

С Вами весь народ как за каменной стеной, мы спокойны, наше дело — как можно лучше работать, партия и Вы с народом, ну и народ с Вами. Будьте здоровы. До свидания.

Ф. Семенов.

30 октября 1959 г.
г. Ленинград.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ К НАМ В ГОСТИ

Дорогой Никита Сергеевич! С самого начала Вашей поездки в США я неустанно слушаю передачи по радио, телевизора пока еще не имею, но иногда смотрю у родственников, за печатью слежу повседневно, начиная с Ваших речей по прибытии в США. Это поистине выдающиеся дни. Весь советский народ горячо приветствует Ваши великие начинания. Главное в том, чтобы решить величайшее дело разоружения государств. Это предложение внесли мы — Советский Союз, представляемый в Вашем лице. Вы наш представитель, достойный во всех отношениях, представляющий нашу великую многонациональную страну.

Мы приветствуем Президента США господина Эйзенхауэра, предоставившего возможность Вам, дорогой Никита Сергеевич, быть в Америке с великой и почетной миссией мира, чтобы установить с США взаимное понимание и сосуществование, несмотря на различие наших систем, невзирая на разные убеждения и взгляды. Мы, все советские люди, надеемся, что если растопится лед «холодной войны» между СССР и США, то люди всего мира вздохнут свободно и будут спокойно спать, а матери и отцы будут спокойны за будущее своих детей, а также и за свое будущее.

Начатое Вами дело народы земного шара будут помнить долго, долго. Мы не знаем пока, есть ли жизнь на других планетах подобно нашей. Но мы знаем, что есть великие дары нашей земной природы, населившей нашу планету такими мыслящими существами, как человек, что есть богатства земли — недра, моря, леса со всей населяющей живностью. Все это предоставлено природой для человека, а человек своим великим разумом должен все это использовать на благо своей жизни, особенно в наш век атомной энергии, если ее направить только на

службу для человека, а не на самоуничтожение. Вот это будет действительно рай на земле, а не там, где-то на небе, чего мы не знаем и ощутить не можем.

Мы приветствуем господина Эйзенхауэра и приглашаем к себе в гости. Мы, советские люди, отнесемся со всем уважением к великому гостю и его семье и всем посланцам великого американского народа, со всей сердечностью, на какую только может быть способен русский человек и весь наш народ великого многонационального Советского Союза. На пути Президента встанут только уважение и искренность, свобода общения и полная безопасность всюду, за что уж мы, простые люди, сами отвечаем. Преград нигде не встретится, потому что у нас подлинным хозяином является народ. Каверзных вопросов тоже не будет, каковые задавались Никите Сергеевичу в Америке. Но наш Никита Сергеевич сумел своей мудростью положить, я бы сказал, на обе лопатки всех каверзников и любителей провокаций.

Наш многонациональный советский народ является дружной семьей. Мы все твердо стоим на основе коммунистического строительства в нашей стране и в содружестве народов стран, идущих по пути строительства социализма, построим коммунизм — светлое будущее человечества. А Америку не будем неволить: если им нравится капитализм, пусть живут в нем. Посмотрим, кто будет впереди. Будем соревноваться по-честному, без драки, хорошего от нее мало и для американцев и для советских людей. Но история за нас, если кто в ней разбирается. Но, конечно, не так, как разбираются в ней господин Скурас и мэр города Лос-Анжелоса, а также Рейтер и многие подобные им. Вот, наверное, грузчик из Сан-Франциско, который подарил Никите Сергеевичу свою кепку, думаю, в этих вопросах разбирается лучше, чем они, хотя он и грузчик. Ничего не скажешь — рабочий класс.

Мы, все советские люди, признательны американскому народу за дружескую и теплую встречу, оказываемую Никите Сергеевичу, нашему полномочному представителю великого советского народа.

Я сам лично и моя семья в количестве 15 человек, семья рабочих, и наши родственники, которых насчитывается до двухсот человек, все с восторгом слушаем и читаем Ваши речи и ответы на вопросы. И тысячи лю-

дей — наших друзей и товарищей и весь советский народ с восторгом воспринимают все сказанное Вами. Все наши люди с энтузиазмом готовы во всем поддержать наше правительство и его главу Никиту Сергеевича Хрущева.

Там, в Америке, Вы ведете себя с достоинством посланца великого, могучего советского народа, для которого нет преград для движения вперед. Мы все преодолеем. Наше могучее Советское государство является твердыней всех народов, вступивших на социалистический путь. Мы все горячо желаем Вам великих успехов в деле укрепления мира между народами.

Дорогой Никита Сергеевич, я прошу передать Президенту США господину Д. Эйзенхауэру наше глубокое к нему уважение.

Я приглашаю, дорогой Никита Сергеевич, к себе в гости Вас и господина Эйзенхауэра. Посетите наш город Кимры, расположенный на берегу великой русской реки Волги. Наверное, Президент господин Эйзенхауэр посетит город Дубну, научно-исследовательский институт атомной энергии, от него до нас всего 18 километров по Волге или по шоссе тоже 18 километров. У нас живописная местность.

Милости просим к нам в гости, я думаю, что будет интересно. У нас старый обувной центр, возможно и в Америке знают о нем. Народ у нас живет хорошо, и господин Эйзенхауэр может не беспокоиться — мы люди простые, рабочие, будем очень рады. Я пишу, а жена сидит и улыбается. Ты, говорит, случайно, старик, у меня не рехнулся? Где, говорит, им взять время, таким великим людям, ехать к тебе в гости? А я говорю: почему бы и нет, я, возможно, до Октябрьской получу новую квартиру, горсовет обещал. Вот мы и сделаем новоселье, и Никита Сергеевич и господин Эйзенхауэр приедут, а если и не успею переселиться к их приезду, то это не столь важно, мы и в старой квартире примем неплохо. Говорят, в тесноте, да не в обиде. Лишь бы был мир и согласие, а новая квартира будет, к тому идем, с каждым днем мы больше и лучше ведем строительство, удобнее и красивее.

Прошу, если господин Эйзенхауэр будет в городах Москве, Барнауле, Куйбышеве, Ленинграде, пусть побывает у моих дочерей, зятьев, братьев. Будет согласие — сообщу адреса. Все будут рады великим гостям.

Г-н Эйзенхауэр убедится, что мы, советские люди, гостеприимны и желаем мира и дружбы, и убедится, как наш народ любит и уважает наше правительство и нашего главу правительства Н. С. Хрущева.

Прошу оказать мне честь своим посещением моей семьи, нашего города Кимры. Весь город будет несказанно рад великой чести.

С глубоким уважением ветеран гражданской и Отечественной войн, ветеран труда, ныне пенсионер

А. Лобанов.

г. Кимры, Калининская область.

Никита Сергеевич! Скоро кончится Ваша поездка в Америку и Вы, как глава Советской делегации, должны вылететь в Китай на празднование 10-летия установления великой Китайской Народной Республики. Прошу передать мои поздравления и всего советского народа великому китайскому народу.

Прошу передать китайскому народу, что мы вместе едины и несокрушимы под знаменем великого Ленина и великой Коммунистической партии — руководящей силы народа.

Простите, что написал плохо, возможно допустил ошибки. Прошу учесть, я, как говорится, учился за меру картошки и только в революцию пришлось строить Советскую власть. Прошу не обессудить.

А. Лобанов.

НАМ ДЫШИТСЯ ВОЛЬНО, СВОБОДНО!

Дорогой Никита Сергеевич! Восхищаясь Вашими остротами в ответах на вопросы, просто невозможно не выразить Вам глубокого уважения. Мы — русские люди, и нам приятно, что Вы выражаете все наши мысли и чувства.

Я — мать троих сыновей, но мне хочется быть чем-то полезной своей любимой Родине, партии, народу, и я сочиняю стихотворения. В этом своем стихотворении мне хотелось отразить свою любовь к нашей Родине, Вашу заботу о мире и дружбе.

Отчизна моя дорогая,
Тебя я всем сердцем люблю.
Ты, стройкой своей расцветая,
Украсила землю свою.
Просторы полей золотые
Ласкает степной ветерок
Целинные земли большие
А сколько широких дорог!
Мы в космос послали ракеты,
Дерзанья народов растут,
И атомной станции светом
Огни коммунизма зажгут!
Нам дышится вольно, свободно
И шири твоей не объять
Мы мир отстоим всенародно.
Войне никогда не бывать!

Желаю Вам здоровья и успехов в Ваших делах.

Примите от нашей семьи большое спасибо, от наших матерей — за получаемые ими пенсии, от нас — за Ваш труд на благо народа. Привет Вашей супруге.

С приветом *Г. Разоренова.*

г. Москва.

ХОЧЕТСЯ РАБОТАТЬ ЕЩЕ ЛУЧШЕ

Дорогой Никита Сергеевич! В те дни, когда все человечество с огромным вниманием следило за Вашей поездкой по Соединенным Штатам, я получил партийный билет.

Трудно передать чувства человека, ставшего равноправным членом великой партии Ленина. Я сжимал в руках эту маленькую книжечку в красном переплете с особым волнением: ведь это под руководством моей партии создано все самое замечательное, что есть сейчас на нашей советской земле. Мы покоряем космос, посылаем в вековые льды Арктики первый в мире атомный ледокол. Голос моей страны, моей партии раздается сейчас на весь мир с высокой трибуны Объединенных Наций. Это ее, нашу партию, видят и слышат миллионы людей огромной западной страны!

Я слишком рано потерял родителей, хотя они могли бы жить еще и теперь. Разве мог бы в тех же Штатах голодный, полубеспризорный мальчишка закончить

школу, получить среднее техническое, а затем и высшее образование, стать человеком, приносящим пользу обществу? Кем бы я стал без моего государства, без моей партии? Бездомным бродягой, мелким хулиганом, бандитом.

Я вновь передумал все это, получая партийный билет. И сейчас мне хочется работать еще лучше, еще больше любить людей, еще больше сил и знаний отдавать моей Родине, партии, народу.

Зарубежная пресса назвала Вас «коммунистом № 1». И хотя я питаю к этой прессе далеко не дружественные чувства, но на этот раз присоединяюсь к ее мнению. Ваша поразительная энергия и работоспособность, простота и принципиальность, партийная мудрость и дальновидность действительно делают Вас, дорогой Никита Сергеевич, человеком, с которого можно «делать жизнь», как сказал Маяковский.

И мне, очень молодому члену партии, хочется сказать Вам сердечное спасибо за то, что Вы своей жизнью и работой показываете мне, каким должен быть коммунист.

Большое спасибо.

Инженер-капитан *Б. Чубарь.*

17 октября 1959 г.
г. Москва.

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

Мы радовались Вашим ответам во время бесед, которые Вы, Никита Сергеевич, проводили в США с простыми людьми, деловыми кругами, бизнесменами. Особое удовлетворение мы, советские люди, получили, когда Вы по-настоящему, со всей присущей Вам принципиальностью отчитали некоторых американских твердолобых профсоюзных деятелей. Своим пребыванием в Америке Вы еще выше подняли авторитет нашего государства среди людей всего земного шара и среди населения нашей страны. Большое спасибо Вам, наш дорогой друг и товарищ.

И. Куликов,
И. Красаков.

28 сентября 1959 г.
г. Москва, завод «Динамо».

*

С большим вниманием мы следим за Вашим пребыванием в США. Благодарим за то, что Вы смело, гордо отстаиваете дело мира. В этом году мы заканчиваем 10 классов, выходим на широкий жизненный путь. Клянемся, что везде, куда бы нас ни послала страна, мы будем стойко бороться за построение коммунизма, твердо отстаивать мир во всем мире.

От имени учеников 10 «А» класса школы № 4 г. Сумы

Т. Левчик, В. Абросимов.

28 сентября 1959 г.

*

Если из сотни американцев хотя бы 20—30 правильно поняли Ваш визит и наши стремления, то это уже очень хорошо. Нужен мир! В Отечественную войну я была медсестрой на фронте и слишком много видела смертей, крови, ампутированных рук и ног, чтобы еще раз пережить подобные ужасы.

Спасибо Вам, дорогой товарищ Хрущев, за те великие усилия, которые Вы употребляете для сохранения мира на земле.

В. Васильева.

28 сентября 1959 г.
г. Черняховск,
Калининградская область.

*

Дорогой товарищ Хрущев! Ваша поездка в США, проведенные там переговоры с Эйзенхауэром стояли в центре внимания не только всей мировой печати, но и внимательно, всесторонне были освещены в газетах Азербайджана. Моя семья состоит из 9 человек. Каждое сообщение о Вашем пребывании в США я читал и разъяснял членам своей семьи. Ваш каждый шаг во имя мира пробудил у членов нашей семьи, как и у всех

простых тружеников земли, новые, светлые, благородные чувства, и члены моей семьи просили меня написать Вам это письмо и передать Вам наш привет.

А. Исмаилов.

г. Евлах,
Азербайджанская ССР.

*

Пусть дело мира разливается по земле, как весенний могучий поток, которому суждено смыть и похоронить навеки «холодную войну»! И мы — я не ошибусь, если скажу от имени всех учителей нашей Родины,— приложим к Вашим усилиям свои! Пусть дрожат те жалкие выродки, которым все еще по душе холодные ветры, перед могучей поступью весны!

С уважением от всего сердца

учитель *К. Дегтярев.*

30 сентября 1959 г.
Хутор Филинский, Подтелковский район, Сталинградская область.

*

Всем был слышен Ваш голос — голос представителя свободного и счастливого народа. Вы выражали мысли и чувства простого человека — человека-труженика, руками которого создано все то, что окружает нас, руками русских и казахов, украинцев и туркменов, белорусов и грузин, всех народов, населяющих необъятную нашу Родину.

В прошлом воин Советской Армии, ныне пенсионер, инвалид 2-й группы, я присоединяю свой голос к тем простым людям земного шара, которые требуют мира.

В. Скляренко.

г. Карасук,
Новосибирская область.

*

Мы горячо поддерживаем нашу родную Коммунистическую партию и заверяем, что и мы, шахтеры Львовско-Волынского угольного бассейна, стремимся к укреплению мира на земле.

От всей души выражаю Вам, дорогой Никита Сергеевич, от имени своей семьи и шахтеров нашей шахты искреннюю благодарность за Ваши труды, вложенные в укрепление дела мира между народами.

От семьи шахтера *А. Вознюк.*

29 сентября 1959 г.
Шахта № 6, Ново-Волынский район.

*

С приятным возвращением из большой страны. «Россия лучше всех», Никита Сергеевич! Я, бывшая работница парфюмерной фабрики «Свобода», хочу сказать, что теперь мы не лапотники, не снимаем у заставы лыковые лапти, чтобы надеть сапоги или полусапожки, которых хватало до гробовой доски. И тот, кто имел их, передавал по наследству. О теперешних временах Вы сами знаете и стараетесь, чтобы было хорошо стране нашей и мир всему человечеству земного шара.

О. Алексеева.

29 сентября 1959 г.
г. Москва.

*

Дорогой Никита Сергеевич! Разрешите от имени строителей «Карачайчеркесстрой» СМУ-3 передать Вам наш горячий привет и чистосердечное спасибо за Ваши усилия в борьбе за мир. Мы гордимся своей Родиной и ее достижениями в развитии науки и техники.

Мы создаем новые города, поселки, мы строим коммунизм. Мы, строители, ежемесячно выполняем производственный план на 110—115 процентов. Мы уверены, что семилетний план выполним за 5—6 лет. Пусть наша земля покрывается новостройками городов и поселков.

Умар-Алий Байрамуков.

18 октября 1959 г.
г. Кисловодск.

*

Я, простой рабочий, в государстве, как говорится, маленький винтик. Я читал все Ваши выступления, Никита Сергеевич. Я чувствую, что подчас американские дельцы в нашу социалистическую экономику и вообще в нашу жизнь сильно вмешиваются.

Я и все работающие товарищи хотим заверить: если нужно, то мы семилетний план выполним досрочно, и это надо сделать. От всей души посылаю Вам самые наилучшие пожелания.

Очень прошу простить, что, может быть, я написал нескладно, но я Вам пишу от всего своего сердца.

С. Кураков.

г. Москва.

*

Я мысленно путешествовал вместе с Вами. Вместе с нашим народом глубоко волновался за Вас и глубоко радовался тому, что Ваши замечательные и глубокомысленные выступления произвели на весь мир большое впечатление.

Я горжусь тем, что являюсь гражданином той страны, которая возглавляет борьбу за мир и дружбу между народами, которая прокладывает путь для новых побед человеческого гения над силами природы.

И. Гогилов.

6 октября 1959 г.
г. Тбилиси.

*

Вы многое сделали, чтобы развенчать ту ложь и клевету, которыми американские мракобесы окутали само представление о советском человеке, об истинном коммунисте, извратили его кредо до неузнаваемости. За это и за Вашу неустанную борьбу за мир все благодарят Вас.

С глубоким уважением

агрономом *С. Сергиенко.*

10 октября 1959 г.
г. Ростов-на-Дону.

*

Уважаемый Никита Сергеевич! От всей души и чистого сердца желаю, чтобы зерна, брошенные Вами на американской земле, дали обильные всходы и чтобы был густой и богатый урожай — мир во всем мире.

Сейчас осень, и если в Америке тоже хорошая осень, то весной будут хорошие всходы... Только надо богатые удобрения.

Е. Глущевская.

28 сентября 1959 г.
г. Запорожье.

*

Присоединяю свой голос к многомиллионному голосу народов нашей планеты. Я далека от культа личности, но я не могу не выразить Вам, Никита Сергеевич, своей благодарности.

Ваша поездка в США с визитом дружбы, выступления перед различными кругами Америки, Ваши ответы на вопросы миллиардеров, сенаторов и простых людей, Ваша гордость, с которой Вы говорили о своем великом советском народе, о своей великой стране Советов, о мире для всего человечества, восхищают и поражают всех людей доброй воли. Такое решение вопросов доступно только человеку с большим сердцем коммуниста-ленинца.

В. Летынская.

Львовская область.

*

Я следил, когда Вы, Никита Сергеевич Хрущев, были в Америке и очень хорошо выступали. Я очень рад и доволен, что Вы всех в Америке призывали к миру. Вы очень хорошо выступили в ООН. Вы дали им знать, как живут в СССР. Очень рад, что Вы не боялись говорить правду в Америке, говорили точно и хорошо, как наш глава правительства.

Я вижу Вы, Никита Сергеевич Хрущев, весь мир всколыхнули. Я считаю, что Вы преданы советскому народу.

Участник гражданской войны

А. Калачев.

Поселок Шатурторф,
Московская область.

*

Большое спасибо Вам, Никита Сергеевич, за бодрую, волевую и разумную стойкость, проявленную Вами во время пребывания в США. Вы превосходно защищали наше Советское социалистическое государство и нашу партию.

Ваши разумные слова, образные сравнения доходчивы до сердца каждого человека. Мы гордимся Вами. Будьте здоровы.

И. Дмитриев,
С. Дмитриева.

29 сентября 1959 г.
г. Горький.

*

Поздравляю Вас с возвращением, наш дорогой Никита Сергеевич Хрущев! Я очень и очень обрадовался, и не только я, а все наши советские люди. Шел с работы и слышу Ваш голос. Побежал домой и включил телевизор и все Ваши словечки прослушал, которые Вы говорили. Нам эти слова очень и очень дороги.

Я сам работаю каменщиком. То, что я построил, пусть стоит долго, долго. И то, что мы воспитали, пусть живет вечно в мирных условиях. И Вам желаем еще прожить долго, долго.

Жму Вашу руку, целую горячо

П. Венедиктов.

28 сентября 1959 г.
пос. Панки, Московская область.

*

Ваши слова — слова всего советского народа, нашей славной Коммунистической партии. Пусть знают господа капиталисты, что народ и партия у нас неотделимы и что говорили Вы, то так думают наша партия, наш народ, все трудовое человечество.

Е. Семенова.

29 сентября 1959 г.
Вязниковский район,
Владимирская область.

*

Дорогой Никита Сергеевич! За Ваши высказанные слова в США, Вашу гордость за Советскую Россию, за заботу о нас, простых советских людях, за то, что Вы высоко цените народ страны Советов и никогда не дадите никому унизить и опозорить наш народ — ценю Вас и тысячу раз целую. Спасибо Вам!

Всегда будем надеяться на Вас. Будьте уверены и в нас, простых рабочих. Спасибо Вам от меня за то, что умеете ценить наш труд, нашу гордость и никогда не сомневаетесь в нас. Прошу Вас верить нам. Живите на свете долго, долго, Вы этого заслужили.

С извинением

И. Егоров.

21 сентября 1959 г.
г. Ногинск, Московская область.

* *
*

В книгу включена лишь небольшая часть писем. Их тысячи. Если бы они все были опубликованы, получилось бы несколько томов.

Почти все письма напечатаны здесь полностью, некоторые — с небольшими сокращениями. Стиль и манера письма каждого автора сохранены. Размеры книги не беспредельны, а нам хотелось привлечь в соавторы как можно больше советских людей из разных уголков нашей необъятной страны.

Каждый, кто прочитал эти письма, согласится, что их нельзя читать без волнения. Сколько благородных человеческих чувств выражено в них! С каким пониманием рассуждают советские люди о самых сложных внутренних и внешнеполитических вопросах! В простых словах заключены глубокие мысли, образы, меткие выражения, которые схватывают самую сердцевину, суть вопроса. Разве, прочитав эти письма, не скажешь: вот она — народная публицистика! Кем бы они ни были написаны, все они имеют общую характерную черту — выражают чувство пламенного советского патриотизма, любовь к своей советской Отчизне, непоколебимую сплоченность советских людей вокруг Коммунистической партии. Советские люди горды за свою советскую Родину, горячо одобряют внутреннюю и внешнюю политику партии и Советского правительства, сердечно благодарят их за повседневную заботу о благе народа, за настойчивую и последовательную борьбу за мир во всем мире.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ПИСЬМА НАШИХ БРАТЬЕВ

Вместе с Н. С. Хрущевым во время визита в США были не только советские люди. Его мысленно сопровождали миллионы наших друзей в Китае и Албании, Польше и Чехословакии, Румынии и Болгарии, Венгрии и Германской Демократической Республике, во всех социалистических странах.

Перед нами письма из братских стран. Они написаны от чистого сердца, языком искренних друзей, мысли выражены просто и задушевно, так, словно брат пишет любимому брату. В них большая гордость за достижения всех стран социализма, гордость за социалистический строй. Наши друзья благодарят Советское правительство, ЦК КПСС, Н. С. Хрущева за их неустанные и настойчивые усилия в борьбе за укрепление мира во всем мире. Испытываешь чувство радости, читая теплые, бесхитростные строки. Как окрыляют народы великие идеи социализма, идеи борьбы за счастье человека, за мир во всем мире!

Весть о визите главы Советского правительства в США с миссией мира и дружбы была встречена в братских странах с полным одобрением.

Сердечно напутствовали Н. С. Хрущева простые люди всех стран социалистического лагеря. Они видели в нем не только представителя Советского Союза, но и посланца всего социалистического лагеря.

К сожалению, нет возможности опубликовать все письма наших дорогих друзей. Здесь печатается лишь их небольшая часть.

ПРОЧНАЯ УВЕРЕННОСТЬ В ПОБЕДЕ КОММУНИЗМА

Дорогой товарищ Хрущев! В эти дни я и мои товарищи по университету внимательно следили по газетам и радио за Вашей поездкой по США.

Полные восторга, волнения и гордости жадно читали каждое Ваше выступление. Мы все искренне восторгались Вашим искусством в полемике, острыми выражениями, Вашими словами, озаряющими истину коммунизма. Из сообщений о Вашей поездке и Ваших выступлений мы видели, что сияние коммунизма уже осветило сердца многих людей в Америке и как бы ни препятствовала кучка реакционеров Вашему сближению с американским народом, свет правды коммунизма нельзя закрыть полицейскими дубинками.

Каждый раз, читая сообщения о Вашей поездке и Ваши выступления, мы как бы получали живой и глубокий урок коммунистического воспитания. Ваша несравненная гордость перспективами коммунизма и прочная уверенность в победе коммунизма над капитализмом глубоко взволновала нас, воодушевила нас на упорную учебу и работу во имя скорейшего наступления коммунизма.

Дорогой товариш Хрущев! Когда мы узнали, что Вы приедете в Пекин на празднование десятилетия нашей республики, мы невольно запрыгали от радости. Мы чрезвычайно счастливы, что 1 октября увидим Вас на трибуне Тяньаньмынь. В эти дни во всех уголках нашей страны царит праздничное настроение, а в Пекине атмосфера еще более радостная, ибо столица восторженно встречает дорогого гостя, издалека приезжающего сюда, чтобы поздравить нас.

Чем ближе праздник, тем радостнее бьются наши сердца. И как нам не радоваться тем невиданным блестящим успехам, достигнутым нашей Родиной за прошедшие десять лет! Как не провозгласить сердечную благодарность нашей дорогой партии и председателю Мао Цзэ-дуну, ведущим нас к великим победам!

В канун этого великого праздника мы выражаем нашу глубокую благодарность великому Советскому Союзу и братским странам за их бескорыстную помощь нашей стране в течение этих десяти лет. Мы понимаем, что победа нашей революции и каждое наше достижение в социалистическом строительстве неразрывно

связаны с помощью Советского Союза и других братских стран.

Наш Пекинский университет за десять лет после освобождения страны получил гораздо большее развитие, чем за несколько десятилетий в старом Китае. В каждом шаге на пути нашего продвижения вперед чувствуется усердный труд советских специалистов. На нашем факультете — факультете китайской филологии, благодаря помощи советского специалиста, началось чтение курса «Введение в теорию литературы» и подготовлена группа молодых преподавателей теории литературы. В нашем университете учится также немало советских студентов. Их прекрасный образ жизни и настойчивость в учебе производят на нас глубокое впечатление. Они являются образцом для нас, студентов нового Китая.

Дорогой товарищ Хрущев! Весь китайский народ горячо приветствует Вас — представителя великого советского народа. Китай, который всегда славился своим гостеприимством, особенно тепло и торжественно встретит представителя своего старшего брата в семье наших социалистических стран. Прибыв в Пекин, Вы, возможно, побываете в некоторых районах нашей страны, познакомитесь с нашими достижениями за десять лет. Мы хорошо знаем, насколько Вы заняты, мы дорожим Вашим временем, тем не менее мы просим Вас посетить наш университет и выступить перед нами. Мы будем очень рады услышать Ваше выступление. Четыре года назад у нас побывал дорогой товарищ Ворошилов, и этот день явился славной страницей в жизни нашего университета. До сих пор свежи в нашей памяти его задушевные, вдохновенные слова.

Мы уже обратились в партийный комитет университета с письмом, в котором от имени преподавателей и студентов нашего университета приглашаем Вас к себе. Мы решили специально обратиться к Вам с этим письмом и выразить Вам наше уважение и глубину чувств. (Как бы мы были счастливы, если Вы прочтете наше письмо).

Желаем Вам здоровья.

Ян Юань-ху,
студент пятого курса.
Факультет китайской филологии
Пекинского университета.

27 сентября 1959 г.

О ВОЙНЕ ПУСТЬ РАССКАЗЫВАЮТ ТОЛЬКО В МУЗЕЯХ

Товарищ Хрущев! Пишу Вам по-болгарски, а не по-русски, но наши языки родственные, братские, славянские.

Пишет Вам 93-летний старик — дедушка Денчо Станев из эпической, исторической Шипки как от своего имени, так и от имени более старых людей.

Я дожил до глубокой старости, но что такое 93 года по сравнению с бесконечностью времени и веков? В моем старческом сознании эти годы мелькают как мгновение ока. Я, скромный старик из села Шипки, остался такой редкостью, как вырубленные острием топора ливанские кедры, потому что смерть уже покосила моих друзей. Почему законы природы неминуемо и вечно поступают так? Для того чтобы в природе все обновить и возродить, приходит новое как во флоре, так и в фауне, включая и человеческое поколение.

В ту темную и мрачную для болгарского народа эпоху до 1877 года мне было 13 лет, но я, как на картине, вижу те события, когда ваши отцы в 1877 году пришли в нашу порабощенную страну, терзаемую целых пять веков дикими царьградскими сатрапами. В течение нескольких месяцев ваши отцы разгромили гнилую уже Турецкую империю и ценой своей крови и жизни подарили свободу всему болгарскому народу, в том числе и людям нашего района, жившим по ту сторону горы «Средна гора».

Как Вам известно, главнокомандующим турецкой армией был преданный лакей султана Сулейман-паша, который, предав пожару г. Стара Загора, быстро повернул свои многочисленные силы на север, к объекту Старой планины — Шипке. К 7 августа (по старому стилю) русские и наше ополчение отступили из Стара Загоры. Они быстро отошли и закрепились на северном проходе к вершине Св. Николая (теперь вершина Столетова), где ныне возвышается памятник нашей свободы и где находится кладбище погибших русских борцов. Горные ветры вечно будут петь им надгробные песни о том эпическом времени, когда они, русские борцы, и наши ополченцы отдали свою кровь и свою жизнь за свободу Болгарии.

В то бурное военное время Шипка была сожжена, а оставшиеся старики, женщины и дети — около двухсот человек — были убиты турками.

Да, товарищ Хрущев, только я, старик, остался в живых, живу и до сих пор, чтобы увидеть новое время и быть свидетелем нового, молодого, прогрессивного течения. Я очень рад, но почему? Потому что, как все в природе переживает эволюцию, трансформируется и не бывает в покое, движется и всегда идет вперед, так происходит и с народами на нашей планете. Хвала, слава и уважение вашим ученым, которые стремятся проникнуть в тайны космоса! Но если бы не было таких ученых, а также разумных людей, государственных деятелей, как Вы, мыслителей и других, что стало бы с народами на нашей запутанной земле?

Вероятно, она превратилась бы в стоячее болото, утонула бы в тине, миазмах или заснула бы долгим летаргическим сном. Простите меня, я не люблю лести, я искренне говорю Вам, приводя исторические факты. Сколько ученых, мыслителей, разумных и гуманных людей, мучеников, творцов, борцов за правду, за коллективное благо, за народ, за науку было нравственно и физически уничтожено: ядом, гильотиной, ножом, расстрелом, виселицей, темной и сырой темницей, огнем в прошлых веках?

Вторично прошу Вас, извините меня за то, что я немного отклонился, но что делать? По природе я немного сентиментальный старик, в молодые годы учился и любил читать ваших мыслителей: Толстого, Чернышевского, Некрасова, Ломоносова, Чехова и других.

Теперь откроем занавес перед новым, прогрессивным временем.

Вы, разумный государственный деятель, по приглашению Президента Соединенных Штатов Америки г-на Эйзенхауэра посетили США и обменялись с ним мыслями о настоящем запутанном состоянии вещей на земле, перед возможной войной. При наличии современной совершенной техники, а также страшной разрушительной силы атома что стало бы с народами на всех континентах земли, а также со всей культурой, созданной веками гениальным умом человека, не превратилась ли бы земля в кладбище?

Вы, товарищ, убедительными фактами доказали людям, что будущая война была бы такой ужасной, какой не помнит всемирная история. Поэтому у государственных деятелей должен заговорить разум, и к нему нужно

прислушиваться, мировые проблемы разрешать только путем переговоров, а ие с позиции силы, иемедленно приият быстрые и эффективиые меры для сокращения вооружеиий. И г-и Эйзенхауэр осознал это, и Вы согласились подписать разумиый докумеит о том, что в будущем междуиародиые вопросы иеобходимо разрешать путем переговоров, а не путем кровопролития и ценой массовых человеческих жертв. Кроме того, Вы договорились вести работу за быстрое и эффектнвиое разоружеиие всех государств.

Вы доказали это г-иу Эйзенхауэру и согласнлись подписать такой документ иа благо человечества. Поэтому Ваша благородиая ииициатнва прннесла народам добрую надежду.

Товарищ Хрущев, Вы ие только коммуиист, ио на деле и защитиик всех слабых, ограблеиных н угиетенных народов.

И я, старик, и мои престарелые друзья тепло прнветствуем Вас и желаем Вам миоголетиего полезиого труда иа благо мира иа всей иашей планете. Как Вы сказали, пусть барометр показывает иа ясио, а не на чериую бурю войиы. А мы, старнки, добавим: пусть иа земле иаступит мир н о войие пусть рассказывают только в музеях.

Мыслеиио по-братски жму Вашу руку и прошу Вас посетить историческую Шипку, чтобы я мог пожать иаяву Вашу руку. Прошу Вас посетить также те места, где покоится прах ваших отцов — иаших освободнтелей русских и ополченцев. На вершиие Столетова иа их могнлах растут цветы н благоухают розы, виизу в память нх построеи паитеои.

Хотелось бы, чтобы в мае будущего года, когда прнрода виовь возродится, Вы посетнлн эпическую Шнпку и после этого я смогу спокойно умереть, навечио засиуть.

Братский прнвет от дедушки

Денчо Станева.

30 октября 1959 г.
село Шипка.

КОГДА ВСТРЕЧАЕШЬСЯ ЛИЦОМ К ЛИЦУ...

Глубокоуважаемый Н. С. Хрущев! Вот какие мысли пришли мне в голову при чтении газет.

Прошу Вас, поймите меня правильно: для меня не так просто обратиться к Вам с этим письмом. Вы — советский Председатель Совета Министров, а я — один из миллионов трудящихся Германской Демократической Республики. Но Вы произнесли, как я прочел в «Нейес Дейчланд», речь в Экономическом клубе в Нью-Йорке, и я хотел бы сказать: вот это была речь!

Я наделен некоторой фантазией и могу живо представить себе этот зал, в котором сидят все эти богатые американцы, разодетые в лучшие костюмы и в то же время со скептическим выражением лица, как бы говоря: «Чего еще там скажет этот русский?» Но, наверное, они сразу насторожились, когда Вы сказали, что не явились в качестве просителя и что все возможности заключены в нас самих, в народе. Очевидно, в это мгновение они уже не кичились своими миллионами. Людей этого сорта я знаю, в сущности, только из книг Джека Лондона и Бернгарда Келлермана. Тем не менее это не мешает мне, наблюдая повседневную жизнь, подумать: кому доводится услышать из уст смелого человека правду, тот неизбежно оглядывается на пройденный путь и задумывается о своих поступках. Самая характерная черта Вашей речи вот в чем: в ней заключено так много смелости и она насыщена чудесными сравнениями.

Я хотел бы упомянуть Ваши слова о тех, кто «засидится в девках», слова, которые, кстати сказать, помогли мне яснее понять сложнейшие вещи, происходящие на свете.

Но и это не все: каким ничтожным выглядит какой-нибудь Гитлер, который под грохот своих пушек бросал вызов всему миру.

Вы идете как бы в самую пасть льва, и сколько предрассудков, я думаю, исчезнет, когда встречаешься вот так, лицом к лицу. Я не вознесен на большой пост, но вместе со многими людьми в нашей стране я внимательно слежу за Вашей поездкой по Америке, и вот что я теперь

думаю: то совершенно новое дуновение, которое исходит из вашего Советского Союза, перелетело через водные просторы за океан.

С дружеским приветом

Хорст Кирмзе,
токарь с завода по монтажу и перевозке оборудования.

21 сентября 1959 г.
г. Цвеенфурт.

ПРЕВОСХОДНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Высокоуважаемый товарищ Н. С. Хрущев! Все члены организации Союза чехословацко-советской дружбы завода ЧКД — Электро Модржаны с огромным восхищением приветствовали предложение СССР, которое Вы выдвинули на сессии Организации Объединенных Наций, о постепенном разоружении и роспуске армий. Это — превосходное предложение, которое может обеспечить всему миру прочный мир. Это предложение о всеобщем и полном разоружении поставило всех глашатаев «холодной войны» в тяжелое положение. Если они хотят мира, как постоянно говорят об этом, они должны согласиться с этим предложением. Если же они будут игнорировать этот призыв к разоружению, станет ясно, что они стремятся к войне. Однако миллионы людей во всем мире поддерживают Ваше предложение. И мы уверены, что в ближайшее время разоружение будет осуществлено и должно быть осуществлено.

Было бы преступлением отвергнуть поданную Вами руку, уважаемый товарищ, так как Вы от имени Советского правительства и всего советского народа и от лица всех миролюбивых людей во всем мире внесли это предложение, которое поможет в ближайшее время избавить все человечество от угрозы военной опасности.

Мы все будем следить за каждым шагом осуществления советского предложения об общем разоружении, чтобы в ближайшее время была ликвидирована военная опасность.

Благодарим Вас, уважаемый товарищ, от всего сердца и желаем Вам от всей души крепкого здоровья и многих лет!

Это предложение СССР, внесенное Вами, навсегда останется вписанным золотыми буквами в историю человечества. Это предложение СССР является маяком, который поведет корабль человечества по бурному морю к пристани прочного мира для всего человечества.

С дружеским приветом. Пусть крепнет и растет неразрывная дружба чехословацкого и советского народов в совместной борьбе за прогресс и прочный мир во всем мире!

Ярослав Шольц.
Союз чехословацко-советской дружбы
завода ЧКД

1 октября 1959 г.
г. Прага.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ — БОЛЬШОЙ НАШ ДРУГ

Никите Сергеевичу Хрущеву, Премьеру страны Советов. Известная пословица гласит: «Терпеливость побеждает большое зло и ведет людей к согласию, а там, где господствует согласие, там и счастье».

Какую огромную радость доставляет мне сообщение о поездке главы правительства СССР Никиты Хрущева к главе правительства США. Оба государственных деятеля встретятся для обсуждения международных вопросов, столь важных для всеобщего блага, для мира, для трудящихся всей земли. Мир несет с собой счастье в дом, к соседям по деревне, государству. Добрые мысли человека ведут к согласию и дружбе. Живя в дружбе, мы помогаем друг другу, а также соседям в строительстве нашего хозяйства.

У Советского Союза с давних пор есть много врагов в капиталистических странах, которые ведут враждебную пропаганду против СССР. Несознательные люди всегда склонны скорее ко злу, чем к добру, поэтому они прислушиваются к словам врагов, которые так сладко и

красноречиво обещают людям много хорошего, а после смерти — даже царствие небесное. Так делает уже в течение долгого времени и папский престол в Риме, который, как писал Юлиуш Словацкий, говорит по-латыни как будто о правде, а как выглядит эта правда, не знает.

Советский Союз и его народ повсюду проявляют терпение. Мы имели возможность видеть это в период войны. Мы видели, как советский народ своей терпеливостью и примерной работой преодолел множество серьезных трудностей войны и победил смертельных врагов Союза ССР, которые произносили так много враждебных и ядовитых слов.

Примерные слова и добрые дела Советского Союза сейчас торжествуют в мире, а злобные люди, которые по несознанию враждебно относились к Советскому Союзу и к коммунизму, сейчас прозрели и думают о том, что враждебные слова, направленные против СССР, служили для защиты богачей, капиталистов. Они запугивали бедных и темных людей разными грехами и использовали их для своих целей.

Известная польская пословица гласит, что друг познается в беде. Советский Союз — большой друг наш, поляков, а также других народов мира. Как в Польше, так и в других странах, с которыми дружит СССР, он распространяет науку и культуру и добрыми делами помогает людям труда.

Мы, поляки, знали многих якобы добрых людей, которые говорили нам жалостливые слова и на словах жалели нас, уклоняясь от активной и быстрой помощи. Однако они не хотели, чтобы несчастный в своей беде протягивал к ним руку за помощью. Одни только слова, без действенной помощи — пустой звук. Каждый честный человек понимает, что нас оправдывают только наши добрые дела. И дома, и на работе, и перед судом — где бы мы ни находились, за нами следуют наши как добрые, так и плохие поступки.

Мне 59 лет, и я очень люблю отзывчивых людей. Я вспоминаю книгу Михаила Калинина о коммунистическом воспитании. В этой книге я прочел много хороших и достойных подражания вещей. Калинин своими поступками воспитывал людей — и молодежь, и старших. Хотя он не был верующим человеком, однако как партиец

он никогда не противопоставлял себя беспартийным и ко всем относился одинаково. Вот так должны люди любить друг друга, без различия вероисповедания и расы.

Теперь избран Никита Хрущев, которому советский народ доверяет, как Первому секретарю ЦК Коммунистической партии Советского Союза и Премьеру страны Советов.

Хороший хозяин думает не только о самом себе, о своих успехах; он думает обо всем, о всех хороших людях, а эти люди делают много хорошего по совету своего воспитателя и учителя, которому они верят, верят его словам и делам на благо всего народа.

В Советском Союзе смогли использовать атом на благо человечества. СССР может создавать космические ракеты и достичь Луны. Никита Хрущев умеет объединить людей в своей стране и во всем мире на благо мира.

Я уже много лет сохраняю надежду и уверенность, что Никита Хрущев вместе со своим народом победит неправду, как человек справедливый на словах и в делах, на благо трудящихся. Я и моя семья всегда думаем о Вас и желаем Вам доброго здоровья и долгих лет жизни, а также успехов в борьбе за окончательную победу и триумф над теми, кто творит несправедливость.

М. Косиор.

28 сентября 1959 г.
г. Крыница-Здруй, Польша.

КНУТ ХЛЕСТНУЛ В ОБРАТНУЮ СТОРОНУ

Дорогой товарищ Хрущев! Разрешите мне поздравить Вас по случаю успешного визита мира в США.

Не сердитесь, что простая женщина беспокоит Вас своим письмом на венгерском языке. Я с таким вниманием следила за Вашей поездкой в Америку, с каким только могла.

Признаюсь, представляя себя на Вашем месте, вначале я несколько волновалась — как Вас там примут. Вы, руководитель могучей социалистической страны, и с Вами несколько других лиц отправляетесь в великую капиталистическую страну, где другие люди, другие

идеи. Я ни на минуту не сомневалась в Ваших способностях, но то, что Вы сделали, поразило не только меня, но и весь венгерский народ.

Как и всюду, здесь, в Будапеште, также еще встречаются люди с мелкобуржуазными пережитками, которые тешили себя всякими домыслами. Но когда они читали газеты и слушали радио, у них открывались рты от удивления. Я тоже с нетерпением ждала утром свежих газет, чтобы узнать, что в них написано. Я радовалась Вашему успеху больше, чем чему бы то ни было прежде.

Венгерское радио каждый вечер после 10 часов рассказывало о Вашей поездке, передавало Ваши выступления и информировало о каждом Вашем шаге. Однажды вечером, как раз тогда, когда Вы встречались с профсоюзными лидерами, я слушала радио на кухне. У нас такой приемник, что он говорит только тогда, когда его держишь, а в остальное время только хрипит и можно хорошо слышать лишь будапештскую радиостанцию имени Кошута. Окно было открыто, но я не хотела пропустить ни одного слова. Если бы я выпустила из рук регулятор приемника, я бы ничего не услышала и промучилась бы 40 минут, до тех пор, пока радио не повторило бы сообщение. Я простудилась и с тех пор все еще болею воспалением легких. У меня уже нет температуры. Но и теперь я говорю, что не жалею об этом, ибо там происходило то, чего я боялась: они пытались как-нибудь прижать Вас в угол. Но благодаря Вашей находчивости и юмору, Вашей настоящей, коммунистической принципиальности кнут хлестнул в обратную сторону. После Вы пригласили этого профсоюзного лидера поехать в Советский Союз и посмотреть, как живут там люди. Я на Вашем месте даже не пустила бы на территорию Советского Союза такого реакционного профсоюзного лидера-шарлатана.

Здесь, в Будапеште, восхищены Вашими способностями. В таком возрасте Вы с такой энергией работаете, ездите, ведете переговоры, и Вас еще донимают при этом.

В ходе Вашей поездки поднимали и «венгерский вопрос». Надо сказать им: пусть они приезжают в Венгрию и посмотрят, что мы построили и как живем благодаря Вашей помощи. Наверное, об этом мало кто знает, кроме тех, кто здесь живет.

2 ноября мне исполнится 28 лет. Поскольку у меня не было родителей, я жила в деревне, батрачила у кулака, с шести лет пасла коров, стерегла гусят. После 1945 года я работала в учреждении. Мой муж сейчас работает прокатчиком, является мастером своей профессии. У меня два озорных сына — восьми и пяти лет. Мы живем в новой, замечательной, прекрасно обставленной квартире. Правда, кое-чего еще не хватает, но постепенно все приобретем. Так мы живем с тех пор, как стали свободными.

Горячо благодарю Вас за все, что Вы сделали для нас, желаю Вам жить долгие-долгие годы в здоровье и силе и вести рабочий класс к коммунизму.

Искренне Ваша

Яношне Шемадович.

3 октября 1959 г.
г. Будапешт.

СЛОВО БЛАГОДАРНОСТИ

Товарищ Н. С. Хрущев! Я с большим удовольствием и радостью узнал о поездке, которую Вы совершили в Соединенные Штаты. Будучи простым человеком, из рабочих, я внимательно следил по радио и в печати за Вашими усилиями в Организации Объединенных Наций, направленными на достижение всеобщего и полного разоружения. Радуют нас и переговоры, которые Вы вели с Президентом Соединенных Штатов Америки в Кэмп-Дэвиде о мирном сосуществовании и на которых имел место откровенный обмен мнениями по ряду других вопросов.

Я не могу выразить словами своей благодарности и радости по поводу того, что мы принадлежим к великому социалистическому лагерю, который располагает самой передовой наукой во всем мире — марксистско-ленинской наукой.

Благодарим Вас, товарищ глава государства великого советского народа, за то, что Вы ему честно служите.

Выражая наше стремление к миру во всем мире, за который Вы уверенно и последовательно боретесь, тем

самым обеспечивая нам лучшую жизнь, без страха за будущее, с особым уважением приветствуем Вас и весь советский народ.

Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза — руководитель и организатор социализма!

Да здравствует Румынская рабочая партия!

Семья *Бучаг.*

6 октября 1959 г.
г. Яссы, Румыния.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВЕЛИКОЕ СПЛОЧЕНИЕ НАРОДОВ МИРА!

Глубокий земной поклон Вам за те благодеяния и радость, которые Вы несете народам неустанной борьбой за мир во всем мире.

Десять тысяч лет товарищу Хрущеву!

Да здравствует великое сплочение народов мира!

С уважением
75-летний *Лу Вэнь-чжун.*

1 октября 1959 г.
г. Шанхай.

ТАК ДУМАЮ Я И МОИ ТОВАРИЩИ

Дорогой Н. С. Хрущев! Разрешите мне, простому немецкому рабочему, отнять у Вас несколько минут драгоценного времени.

Я не могу не поблагодарить Вас и Вашу супругу от всего сердца за визит в США и достигнутые там в пользу дела мира успехи. В результате Вашего личного участия удалось ослабить ведущуюся с 1945 года дипломатическую войну и добиться того, что ООН займется обсуждением планов о разоружении, предложенных Вами и вашим народом. Даже западногерманское радио, которое ранее говорило только о «Советской зоне», сейчас говорит о ГДР и вынуждено ослабить агрессивную травлю нашего государства. Так как я провел десять лет в Западной Германии, я могу оценить, что это означает и какой горькой пилюлей это является для Аденауэра.

В связи с десятой годовщиной победы китайского народа над империалистическими угнетателями Вы сейчас находитесь в Пекине. Через несколько дней мы также будем отмечать десятую годовщину ГДР и прилагаем большие усилия, чтобы встретить ее достойно. Тем самым мы хотим внести свой вклад в дело мира и развития лагеря мира.

Так же, как и я, думают мои товарищи по работе.

В заключение еще раз прошу принять мою благодарность за Ваш неутомимый труд. Вам и Вашей семье я желаю здоровья и благополучия, великому советскому народу — успешной борьбы за победу коммунизма.

Сердечный привет

Г. Бритт.

2 октября 1959 г.
г. Лаузен под Лейпцигом.

РАЗДЕЛЯЕМ ВАШИ ЧУВСТВА

Дорогой товарищ Хрущев! Рано пришла я в школу, чтобы в тишине поработать, но не смогла. Утром, когда приготовила к полудню обед, я услышала по радио отчет о Вашей поездке в Америку. Это не обычное дело, это надо понять, с каким глубоким волнением мы следили за Вашей поездкой, читали Ваши беседы и изумлялись Вашей стойкости в борьбе за дело мира.

Дорогой товарищ Хрущев! Я являюсь простой сельской учительницей, которая более 30 лет своей жизни посвятила детям. Но я не единственная женщина среди матерей, которые воспитывают детей в духе мира. А детей надо воспитывать именно в духе любви и взаимопонимания. От имени этих матерей, за них, за их детей, желаю Вам хорошего здоровья и успеха в Вашей дальнейшей работе.

В 1944 году я имела возможность познакомиться с вашим народом. Для того, чтобы быть всегда счастливой, достаточно такого же уважения и поддержки, которые были оказаны мне как учительнице во время войны.

Вам и вашему народу мы обязаны тем, что дети родителей, моих ровесников, ходивших в школу в рваной

одежде и плохо питавшихся, сегодня живут в хорошо отапливаемых домах, хорошо одеваются, хорошо питаются. Жизнь наших детей убеждает меня в том, что наш строй лучше, человечнее, мне нравится этот строй, и я думаю о Вас с такой любовью потому, что Вы ведете борьбу за наше общее дело.

Сегодня день нашей армии. Вы человек, который хорошо чувствует семью и понимает ее интересы. Для меня тоже семья — это все, и я написала своему старшему сыну, который служит в Дёндьёше, чтобы он и дальше держал себя так же честно, как и в 1956 году, когда кое-кто из наших людей, введенных в заблуждение, потерял голову. Я испытываю некоторую гордость за то, что в тот трудный момент, когда вокруг раздавались ехидные насмешки, он оказался стойким.

Уже приходят дети, я заканчиваю свое письмо.

Дорогой товарищ Хрущев, не осуждайте меня за это письмо, потому что я не могла умолчать о своей любви и солидарности, не отступайте, если Вас задевают. Эти подлые поджигатели войны не понимают, какой жестокой мести они заслуживают.

Мы, венгерские матери, учителя, разделяем Ваши чувства и с глубоким уважением, любовью желаем Вам сил, здоровья в деле обеспечения мира и осуществления нашей общей цели.

С искренним уважением!

Учительница *Дьёрдьне Сабо.*

29 сентября 1959 г.
Село Юллё, Венгрия.

ПРИСОЕДИНЯЮСЬ К СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ ЛАГЕРЮ МИРА

Уважаемый господин Никита Хрущев! С особым интересом я читала Ваши речи во время Вашего пребывания в Америке, а затем речь в Москве после Вашего возвращения, и в моей душе загорелось желание написать Вам и приветствовать Вас. Эйзенхауэр признал, что Вы исключительно динамичная личность!

Я долго боролась с желанием написать Вам, сомневалась, но в конце концов решила написать, ибо этот по-

рыв моей души, наилучших чувств к Вам лично за Ваши предложения по обеспечению прочного мира для всего человечества я хочу выразить Вам, ни с кем не поделившись, кроме бога и своей неподкупной совести. Мне придало смелость то, что Вы принимаете и получаете все письма, откуда бы они ни шли!

Пишет Вам скромная монахиня Павла, игуменья — хранитель (я одинока) небольшого исторического монастыря, расположенного на красивой горе Витоша, где некогда давали приют нашим повстанцам против турецких поработителей.

Уважаемый господин Хрущев! Сам бог вложил в Вас такую мудрость, чтобы Вы могли отвечать на многочисленные и запутанные вопросы американцев.

Я бывшая наборщица. В свое время я не примкнула к организациям рабочих из-за моей глубокой религиозности, к чему мои коллеги относились отрицательно. Я работала в типографии братьев Миладиновых в Софии, где помимо другой работы мы часто печатали тайные коммунистические листовки. При внезапных приходах полиции никто, в том числе и я, ничего не выдавали. Там печатали свои произведения академик Людмил Стоянов, писатель Орлин Василев, покойный Николай Хрелков, Мария Грубешлиева, Елин-Пелин и все левые писатели того времени. Мне выпало великое счастье разговаривать с великим сыном Болгарии — покойным Г. Димитровым, когда он со своей семьей посетил Драгалевский монастырь, где я тогда была сестрой и псаломщиком в церкви — с 1945 до 1947 года.

Я спрашиваю себя: какой созидательный или разумный человек на земном шаре не оценит Ваших усилий и Ваших забот, чтобы обеспечить прочный мир на земле и навсегда предотвратить войну? Ведь и наша святая православная церковь непрестанно молится за это!

Родную нам, православным болгарам, церковь возглавляет Его святейшество Кирилл — митрополит Софийский и патриарх Болгарский, который ведет неутомимую работу за мир среди своего духовенства, среди своих христиан, за уничтожение страшного призрака войны и за мир во всем мире.

Следуя примеру моего самого большого, после бога, начальника, вдохновленная Вашим стремлением и добрыми чувствами ко всем людям — обеспечить прочный

мир и спокойную жизнь, я от всего сердца присоединяюсь к социалистическому лагерю мира и всегда буду вести работу за мир.

Вы своими словами вдохнули такую веру в светлое будущее человечества и иаших дорогих детей, что я, пожилой человек (мие 54 года), была бы очеиь счастлива, если бы дожила и увидела коммунистический строй и иа нашей родиие, когда каждый будет трудиться по своим силам и получать по своим потребиостям. А может ли быть что-либо лучше, чем отсутствие страха за свою старость!..

Уважаемый господии Хрущев! Мие будет очень радостио, если мое письмо дойдет до Вас и Вы найдете время прочесть его.

Вы руководитель великого Советского Союза, пролетариата, рабочих-печатииков, к сословию которых приiадлежала и я, и Вы ие кичитесь гордостью бывших хозяев и высокопоставленных в то время лиц, которые часто ие отвечали на иаши приветствия при случайных встречах в официальиых местах, если мы не были одеты в такие же дорогие одежды, как и оии. Вы по-братски подаете руку всем людям и улыбаетесь каждому, независимо от одежды, звaиия, расы или националиальности. Вы поступаете по закоиу Христа, согласио которому «нет ни эллииов, ни иудеев, все равны перед Господом».

Я радуюсь тому, что у иас существует свобода религии, и прежде всего свобода нашего православиого вероисповедания, являющегося чистым, родным, без чуждого влияния, ие причастиого ни к каким шпиоиским делам. И пусть эта свобода существует и впредь, ие ограиичиваемая ни законной властью, ни личиым своеволием.

Прошу, господин Хрущев, примите лично Вы и Ваша милая семья мои искреинейшие приветствия и благопожелания крепкого здоровья и долголетия для того, чтобы Вы привели иачатое Вами великое дело — мир во всем мире — к полиому успеху!

Искреиие уважающая Вас
и весь благочестивый русский иарод
моиахиня *Павла,* игумеиья моиастыря
Св. Николая, вблизи с. Кладница,
Димитровского округа, Болгария.

12 октября 1959 г.

СТРЕМЛЕНИЕ К МИРУ ПОБЕДИТ

Мы, работнники, преподавателн н учащнеся Медицинского политехннкума, собравшнсь по случаю поездки в Вашингтон выдающегося руководнтеля славного советского народа, нашего самого большого и дорогого друга Н. С. Хрущева, а также по случаю запуска на Луну советской космнческой ракеты, с большой радостью приветствуем этн важнейшие нсторнческие событня для всего передового мнролюбнвого человечества потому, что онн знаменуют собой новую эпоху.

Поездка Н. С. Хрущева в США является результатом дальновндной, последовательной и миролюбивой полнтнкн Советского правительства н других стран социалнстнческого лагеря и усилнй сотен миллнонов людей всего мнра, которые постоянно требуют проведення мирных переговоров, а не войны.

Встреча двух видных руководителей самых крупных государств нашего времени связывается не только с улучшением отношений между двумя государствами, но тесно связывается с улучшеннем современного международного положення.

Мы приветствуем это событне как конкретный н очень важный шаг в деле ослаблення международной напряженности, создания атмосферы доверня между народами и странамн, прекращения «холодной войны».

По этому случаю в вашем лнце мы желаем нашему самому дорогому другу Н. С. Хрущеву успеха в его высокой миссии на благо мира и дружбы между народами, н мы уверены, что стремление к миру победит так же, как была одержана победа в запуске второй космической ракеты на Луну.

Слава КПСС — организатору величественных успехов советского народа!

Пусть живет, как наши высокне горы, наш дорогой друг Н. С. Хрущев на благо мнра н человечества!

Слава передовой советской науке!

От работнннков, преподавателей
и учащнхся Медицинского полнтехннкума.

19 сентября 1959 г.
г. Тнрана,
Албания.

МЫ ГОРДИМСЯ ТЕМ, ЧТО ЖИВЕМ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Председатель Совета Министров СССР! Я следила с большим интересом за Вашим визитом мира в США. Разрешите мне выразить Вам свое восхищение и горячую благодарность за предложения о полном разоружении, выдвинутые Вами в ООН, которые там и во всем мире произвели впечатление ракеты. Этими предложениями Вы вписали свое имя золотыми буквами в историю, оно будет произноситься будущими поколениями с уважением и любовью.

Я преподавала историю и знаю, сколько кровавых войн вело человечество, как народы уничтожали и порабощали друг друга. Это сказочно прекрасно представить себе, что настанет великолепное время мира.

За свою почти 80-летнюю жизнь я пережила разные судьбы своего народа, и я счастлива, что дожила до того времени, когда народ освободился от зависимости от своих западных «покровителей», которые нас так позорно предали.

Я счастлива, что дожила до жизни в социалистическом государстве. Мы гордимся тем, что принадлежим к лагерю мира, руководимому Советским Союзом, народ которого первым открыл дорогу во Вселенную и сумел добиться первенства в науке, политике и самоотверженном труде на благо человечества.

Разрешите мне, Председатель Совета Министров, поблагодарить Вас за Ваш неустанный труд во имя мира и пожелать Вам и вашему народу больших успехов на пути к обеспечению счастливого и славного будущего для всего человечества.

Анна Еленова,
учительница.

22 ноября 1959 г.
г. Брно, Чехословакия.

БЛАГОДАРЮ ЗА УСИЛИЯ В БОРЬБЕ ЗА МИР

Председателю Совета Министров СССР товарищу Н. С. Хрущеву. Прошу Вас уделить пять минут, чтобы прочитать мое письмо, написанное Нямцу Георге —

гражданином Румынской Народной Республики, области Крайова, старшим техником-строителем города Турну-Северин.

Недавно я читал о Вашей поездке в США. За свою 45-летнюю жизнь я не встречал такого прекрасного сообщения с исторической точки зрения, а также и по достигнутым результатам, ведущим от войны к миру.

Вы вели титаническую борьбу с представителями империализма, выиграв первую партию, обеспечив ослабление напряженности и тем самым спокойную жизнь и работу под руководством Румынской компартии по строительству социализма в нашей стране.

Товарищ Хрущев! Я, житель Румынской Народной Республики, посылаю Вам от всей души личные поздравления за Ваши усилия в борьбе за мир.

Вы были настоящим представителем трудящихся, призывая к сохранению всеобщего мира, борясь за лучшую жизнь всех честных трудящихся, за победу социализма.

Утром 5 октября 1959 года я читал о запуске ракеты в космос. Я и мои товарищи были восхищены результатами, достигнутыми советским народом в области науки и техники за последние 15 лет, когда советские люди не только восстановили страну после фашистского нашествия, но и открыли новую блестящую страницу в истории развития науки и техники.

Вы теперь хозяева космического пространства. И это является результатом труда славных советских ученых. Вы находитесь на последнем этапе пути, когда человек сможет путешествовать в космосе на «Красной ракете».

Я как техник горячо поздравляю Вас с мировыми достижениями советской науки и техники, занимающей первое место в мире.

Товарищ Председатель Совета Министров! Прошу Вас принять поздравления и благодарность за результаты по борьбе в защиту мира и достижения в области науки и техники. Да здравствует советский народ! Да здравствует мир во всем мире!

Н. Георге.

г. Турну-Севернн, Румынння.

НИКОМУ НЕ УДАСТСЯ ВБИТЬ КЛИН МЕЖДУ ПОЛЬШЕЙ И СССР

Дорогой друг и защитник трудового народа Никита Сергеевич Хрущев! Очень прошу извинить меня за то, что я позволил себе направить эти несколько слов, написанных от всего сердца. Я рад, что Вы счастливо возвратились из Америки. В течение всего Вашего путешествия я находился в состоянии большого беспокойства. Я опасался, что злонамеренные люди подложат какую-нибудь адскую машину и спровоцируют инцидент. Когда я узнал, что Вы со всей семьей благополучно возвратились в Москву, я успокоился и теперь сплю спокойно.

Однако у меня нет уверенности в отношении того, что обещали американцы. Возможно, это только для отвода глаз. Я предполагаю, что американские капиталисты могут вынудить Президента Эйзенхауэра к неспровоцированному нападению. Ведь захватчик Гитлер тоже подписал договор о мире, и все немцы тогда говорили: «Рус, камрад», а потом неожиданно по всему фронту напали на СССР. Но, к счастью, Советская Армия разбила врага, и, вместо того чтобы Гитлеру быть в Москве, советская и польская армии были в Берлине. Так и теперь, чтобы не быть застигнутым врасплох, нужно следить за американскими воздушными базами. Мы знаем, что американцы построили воздушные и ракетные базы около вашего государства, поэтому нужно быть бдительным и готовым к ответу.

Еще раз прошу простить за то, что я позволил себе рассказать о своих мыслях и впечатлениях. Думаю, что это не будет для Вас обидой.

Поздравляю ваших ученых, которые послали первые ракеты на Луну и вывесили там знамя пролетариата СССР, оказав тем самым великую услугу вашему государству.

Желаю Никите Сергеевичу Хрущеву еще сто лет жизни на благо пролетариата. Будьте здоровы и счастливы!

С уважением

бывший работник верфи
имени Парижской коммуны
в Гдыне, ныне пенсионер
Павел Эмильянович.

P. S. Я хотел бы знать, зачем все западные страны во главе с американцами разместили свои самолеты и ракеты на чужих территориях. Если бы они были честными и справедливыми, то они этого не сделали бы. Поэтому трудно ожидать от них чего-либо хорошего. Запад «жалеет» Польшу и проливает слезы о ее судьбе, но это — крокодиловы слезы. Они стараются вбить клин между Польшей и Советской Россией, но это им не удастся. «Свободная Европа» будет лаять до тех пор, пока у нее язык не распухнет.

Прошу извинить за то, что я, может быть, плохо написал. Но я высказал то, что давно думал.

Да здравствует дружба пролетариев всех стран!

П. Эмильянович.

3 октября 1959 г.
Вейхерово,
Гданьское воеводство.

БЛАГОДАРИМ ЗА ПРАВИЛЬНУЮ ОЦЕНКУ «ВЕНГЕРСКОГО ВОПРОСА»

Дорогой Никита Сергеевич! Мы, зоотехники Министерства земледелия Венгерской Народной Республики, с большим интересом следили за сообщениями о Вашем пребывании в Соединенных Штатах Америки. Мы с особенной радостью слушали Вашу речь на заседании Организации Объединенных Наций, радовались важным предложениям 200-миллионного социалистического Советского Союза, направленным на обеспечение мира. Мы гордимся, что Вы с такой непоколебимостью отстаивали идеи социализма, защищали социалистические страны под ожесточенным огнем вопросов, задававшихся Вам некоторыми представителями капиталистического общества иногда добронамеренно, а иногда и с провокационными целями.

Мы очень благодарны Вам за правильную оценку так называемого венгерского вопроса. Пусть как можно более широкие круги знают, что помощь Советского Союза осуществлялась в духе пролетарского интернационализма, в защиту интересов подавляющего большинства венгерского народа.

Предложения, способствующие прекращению «холодной войны», налаживанию мирного сосуществования

двух систем, развертыванию соревнования в области хозяйственного, созидательного труда, наглядно выражают желание подавляющего большинства человечества, намерения и стремления трудящихся.

Стремления наших людей направлены к тому, чтобы развивать производительные силы, совершенствовать общественный строй, идти по пути прогресса. Это принесет больше радости, счастья трудящимся.

Если миролюбивые люди во всех частях земного шара узнают мирные предложения Советского Союза, то им станет яснее, кто выступает за мир, а также кто и где выступает против него. Это явится благотворной помощью честным людям в их борьбе за мир. Следуя примеру XXI съезда КПСС, у нас на родине наряду с промышленным производством усиленно начали развивать сельскохозяйственное производство. Мы добились значительных успехов в области создания крупных социалистических сельскохозяйственных предприятий. Венгерская социалистическая рабочая партия и Революционное Рабоче-Крестьянское правительство приняли целый ряд важных хозяйственно-политических мер, вследствие чего, например, значительно возрос интерес к животноводству, укрепилась кормовая база и повысилось производство продуктов животноводства. Мы добились успехов в области возделывания кукурузы квадратно-гнездовым способом, особенно в производстве кукурузы на силос, в чем, как и во многих других вопросах, Вы, Никита Сергеевич, лично оказали нам большую помощь.

Не успокаиваясь на достигнутом, мы хотим в последующие годы внести новый трудовой вклад в мирное экономическое соревнование.

Спасибо Вам, дорогой Никита Сергеевич, за Вашу неутомимую работу, которую Вы проводите в интересах обеспечения мира, в целях создания прекрасной и лучшей жизни для всех народов. Желаем Вам дальнейших успехов в работе, доброго здоровья и долгой жизни!

С глубоким к Вам уважением

работники Главного управления животноводства и ветеринарии Министерства земледелия.

(Подписи.)

28 сентября 1959 г.
г. Будапешт.

Это письмо получено из братской Венгрии

ВАША ПОЗИЦИЯ БЫЛА ВЕЛИКОЛЕПНОЙ

Уважаемый и дорогой Премьер-Министр! Возможно, мое письмо покажется Вам наивным, однако оно возникло как проявление радости и гордости по поводу Ваших выступлений во время пребывания в США. Пишу это письмо для того, чтобы поблагодарить Вас. Я еще молода, мне всего 19 лет, и, может быть, поэтому я слушала, как самую прекрасную новость, выдвинутый Вами и опубликованный в нашей печати проект всеобщего разоружения. Как простая гражданка, я с огромным энтузиазмом и оптимизмом отношусь к этому проекту. Он великолепен! В случае его осуществления при современном уровне развития техники мы сможем каждый вечер спокойно ложиться спать и просыпаться каждое утро с новым стремлением познать все то, что нас окружает, все то, что рядом с нами, и то, от чего мы отделены расстояниями, измеряемыми световыми годами.

Ваша позиция в США была великолепной и очень мне понравилась. Возможно, для Вас это не имеет большого значения, однако я все же пишу Вам. Может быть, Вы прочтете это письмо и узнаете, что где-то далеко, за пределами Вашей Родины, бьются сердца, целиком поддерживающие Вашу линию. Может быть, не следовало так просто писать Вам, однако я еще очень молода. (Я — студентка III курса Медицинского института).

Поэтому прошу простить меня за это письмо, которое я написала, может быть, нескладно, но зато очень искренне и от всего сердца.

С сердечным приветом
Иоланта Ясица.

29 сентября 1959 г.
г. Краков, Польша.

КАК ПРЕДВИДЕЛ XXI СЪЕЗД ПАРТИИ

Мы, члены сельхозкооператива Зерваске Поградецкого района, безмерно обрадованы поездке товарища Хрущева в США, которая показывает еще раз, что меж-

дународные события развиваются и будут развиваться так, как предвидел XXI съезд КПСС.

Желаем товарищу Хрущеву, нашему самому дорогому другу, полного успеха в выполнении его высокой миссии по сохранению мира во всем мире.

Члены сельхозкооператива деревни Зерваске

Народная Республнка Албання.

ДОБРЫЕ, ПОЛЕЗНЫЕ ДЕЛА

Уважаемый товарищ Н. С. Хрущев! Присоединяюсь к миллионам трудящихся, чтобы самым сердечным образом поблагодарить Вас за добрые и полезные дела в борьбе за прочный мир во время поездки в США и по возвращении домой. Я сейчас провожу свой отпуск на лечении в Западной Чехии, и у меня было много времени, чтобы прочитать все Ваши выступления в США. Для меня настоящим удовольствием было читать, как первый коммунист мира давал урок некоторым западным политикам.

Желаю крепкого здоровья и сил в борьбе за мир.

Честь праце! (Честь труду!)

И. Птачек.

1 октября 1959 г.
Франтншковы Лазне, Чехословакия.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

СЛОВО ПРОСТЫХ АМЕРИКАНЦЕВ

Читатели книги «Лицом к лицу с Америкой» познакомились с рассказом о визите Н. С. Хрущева в США, с думами и чувствами советских людей, наших друзей из социалистических стран.

Могут спросить: а что же думают об этом визите простые американцы?

Незабываемое впечатление, которое произвел на рядовых американцев визит Н. С. Хрущева, проявлялось в различных формах: в дискуссиях у экранов телевизоров, в приветственных возгласах тысячных толп, собиравшихся по пути следования высокого советского гостя, в речах ораторов и статьях журналистов и, наконец, в большом потоке писем.

Письма и телеграммы, поступившие на имя Н. С. Хрущева через Советское посольство и непосредственно в Москву, исчисляются тысячами. Люди самых различных воззрений, возрастов и профессий, люди прогрессивно и консервативно настроенные, люди религиозные и неверующие, проживающие в крупных центрах США, в небольших городках и на фермах, взялись за перо, чтобы на бумаге изложить свои мысли.

Мы, разумеется, не в состоянии поместить все письма американцев. В книгу включена лишь небольшая часть их. Но и из них читатель увидит, что, несмотря на

различия во взглядах авторов, все публикуемые письма имеют нечто общее: они рассказывают о растущем желании простых людей жить в мире и дружбе с народом великой страны Советов, положить конец войне «холодной» и преградить путь войне «горячей».

Письма американцев говорят и о том, что слова Н. С. Хрущева о миролюбивой политике Советского правительства, о стремлении советских людей добиться полного и всеобщего разоружения, жить в мире и дружбе с другими странами, принадлежащими к иной общественной системе, нашли живой отклик в сердцах миллионов граждан Соединенных Штатов. Авторы писем выражают искреннюю благодарность Никите Сергеевичу за его ясные, доходчивые выступления, которые помогли миллионам людей лучше понять цели и достижения советского народа, его глубокую преданность своему социалистическому строю.

Некоторые письма даются без подписей — оправданная предосторожность. Нет необходимости подвергать их авторов возможным преследованиям за миролюбивые и дружественные высказывания.

В газете «Правда» 16 октября было опубликовано несколько писем из Соединенных Штатов. И что же? Две крупные нью-йоркские газеты решили проверить достоверность писем. Авторов «с пристрастием» допрашивали, писали ли они письма и о чем писали. А затем в газетах были напечатаны такие сообщения, которые нельзя понять иначе, как намерение запугать авторов писем, заставить их отказаться от того, что было опубликовано в советской печати. Газета «Нью-Йорк таймс» так озаглавила свое сообщение: «Пять авторов писем опознаны». В чем дело? Что они сделали, почему их нужно опознавать? Словно речь идет о преступниках, а не о людях, написавших добрые, душевные письма о своем стремлении к миру и развитию мирного сотрудничества с Советским Союзом.

Письма, включенные в эту главу, публикуются полностью. Нам кажется, что они во многом дополняют представление о США и об американцах, которое сложилось у нас, советских людей, побывавших в США.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

Уважаемый г-н Хрущев! Вам и Вашей семье мы говорим: добро пожаловать в нашу страну. Я очень хотела бы быть в Вашингтоне в момент Вашего прибытия. Мне часто хотелось жить в каком-нибудь прошедшем веке либо через 150 лет, но сегодня утром я была очень благодарна за то, что живу сегодня — 15 сентября 1959 года. Это век чудес.

Я вновь хочу приветствовать Вас и Ваших близких. Пусть Ваш визит будет наполнен счастьем, радостью и большой искренней дружбой.

Благодарю Вас.

Искренне Ваша

Л. М. Дуглас.

г. Сан-Антонио, штат Техас,
15 сентября.

ПУСТЬ ПРИМЕТ НАРОД АМЕРИКИ РУКУ ДРУЖБЫ

Достопочтенному Никите С. Хрущеву. Национальный совет американо-советской дружбы от имени своих членов и от имени бесчисленных миллионов американцев шлет Вам, глашатаю и послу мира, приветствия, идущие от сердца каждого из нас. Пусть примет народ Америки руку дружбы, которую Вы, как представитель своего народа, протягиваете нам, и пусть дружба, которая должна сложиться между нашими двумя великими странами, принесет всему миру прочный мир, которого жаждет все человечество.

С уважением

Рокуэлл Кент.

г. Нью-Йорк,
17 сентября.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО г-ну К.*

Уважаемый г-н К.! Сейчас много говорят о Вашем предстоящем визите в свободный мир. Поздравляю Вас с завоеванием уважения американских политических

* Мы уже указывали, что по-английски фамилия Н. С. Хрущева пишется через букву «К». Для сокращения в США принято иногда указывать лишь первую букву фамилии. *(Прим. авторов.)*

деятелей. До сих пор с такими распростертыми объятиями принимали только белых избирателей в год выборов. Вы ведь знаете, что до того, как вы создали бомбу, они смотрели на вас свысока. Любой средний американский гражданин, считавший русских людьми, получал клеймо коммуниста и тем самым рисковал попасть в тюрьму. Г-н К., оказывается, водородные бомбы действительно создают мосты между людьми. Быть может, если бы Вы смогли одолжить бедным угнетенным американским неграм несколько бомб, то и их тоже кормили и поили бы в Вашингтоне, и их тоже приглашали бы в роскошные особняки губернаторов-расистов, вроде Лютера Ходжеса из штата Северная Каролина.

Если Вы приедете в Северную Каролину, пожалуйста, привезите с собой несколько русских негров, чтобы мы, негры, граждане Северной Каролины, могли с гордостью сказать, что негр однажды нанес визит в губернаторский особняк в г. Ралей. Если Вы не увидите там никаких местных негров, не верьте тому, что скажет Вам Его превосходительство г-н губернатор относительно этой добровольной сегрегации. Я там не буду только потому, что мне не посчастливилось иметь достаточно «блата», чтобы получить политическую должность дворника.

Я очень хотел бы пригласить Вас в гости к настоящим неграм, не являющимся сторонниками так называемой добровольной сегрегации, однако законы в нашем любимом штате запрещают общение между представителями различных рас. Вы должны помнить, что это свободный мир и что по эту сторону «железного занавеса» люди не вольны подвергать друг друга унижениям христианской любви и братства.

Г-н К., я делаю Вам дружественное предупреждение. Не общайтесь с такими подрывными организациями, как Совет белых граждан, Патриоты или Ку-клукс-клан. У них недобрые намерения в отношении Вас, они просто попытаются напугать Вас своими белыми капюшонами и христианскими крестами, как они пытались это сделать с неграми.

Очень надеюсь, что Вы получите возможность побеседовать с настоящими неграми. Я слышал, что нескольких продажных лжецов послали в Европу, чтобы там рассказывать, как здесь все хорошо и как мы, негры,

любим, когда нас подвергают дискриминации и линчуют. Дошло до меня также, что негры, оказывается, живут лучше в южных штатах, чем в любом другом месте земного шара. Вы, вероятно, знаете, что бедный негр не смеет называть белого южного джентльмена лжецом, но, честное слово, г-н К., это, быть может, один из самых продолжительных кошмаров в истории.

Если сможете, пожалуйста, посетите наш городок Монроу. Здесь так много любви и гостеприимства. Вы знаете, это тот город, который известен как место, где детский поцелуй потряс весь мир *. Если бы Вы приехали сюда, я бы сводил Вас в наш местный бассейн для плавания и подождал бы, пока Вы не окунетесь. Неграм запрещено подходить близко к воде. Городские власти предоставляют нам особую привилегию купаться в своих ваннах. Я бы также хотел, чтобы Вы посетили наши школы с раздельным обучением. В свободном мире школа вольна учить ненависти к коммунизму и расовым меньшинствам.

Я бы хотел сводить Вас в ресторан, где Вы ели бы пищу, приготовленную негром, но меня не пустили бы в зал. Администрация категорически не пускает негров и собак как белых, так и цветных.

Г-н К., помните, что Вы — первый коммунист, которому оказана такая честь, поэтому не допускайте, чтобы коммунизм был запачкан общением с неграми, так как совершенно очевидно, что негр является ныне единственным, чье достоинство не уважается.

Да, г-н К., официальный Вашингтон, несомненно, будет приветствовать Вас с распростертыми объятиями, но помните, что эта большая перемена вызвана бомбой. Если бы Вы не сделали ее, Вы, вероятнее всего, сейчас уже были бы превращены в социализированный атом. Надеюсь, что Вам понравится Ваша поездка и что Вы не попадете в тюрьму города Попюларвилль в штате Миссисипи, потому что заключенные там зачастую убегают, а затем почему-то оказываются на дне какой-нибудь реки, воды которой окрашиваются их кровью. Не забудьте также закрыть за собой «железный занавес»,

---

* Имеется в виду недавний случай, когда два негритянских мальчика были отправлены в исправительный дом за то, что поцеловали белую девочку. *(Прим. авторов.)*

чтобы русские рабочие не могли убежать навстречу массовой американской безработице.

Запуганный еще *не американский* негр.

P. S. Ничего не покупайте в Америке в кредит, если только Вы не уверены в своей работе.

ВАШИ СЛОВА ДОХОДЯТ ДО АМЕРИКАНСКОГО НАРОДА

Уважаемый господин Хрущев! Продолжайте *хорошую работу*. Ваши слова доходят до американского народа, несмотря на тенденциозность тех, кто комментирует «новости». Настоящие американцы презирают этих так называемых беженцев, которые наводняют нашу страну.

Р. Б.

г. Ротчестер, штат Нью-Йорк,
19 сентября.

ОСТАНОВИТЬ БЕЗУМНУЮ «ХОЛОДНУЮ ВОЙНУ»

Дорогой друг! Я только что имела возможность прослушать Ваше выступление по радио и Ваше интервью в Клубе печати в Вашингтоне. Я — домашняя хозяйка из Сиэтла (штат Вашингтон). Мне хочется поздравить Вас с тем, как Вы искренне и умело ответили на каждый вопрос. Я испытываю потребность писать Вам и выразить глубокую благодарность за попытку остановить эту безумную и глупую «холодную войну», которая оказывает такое разлагающее действие на умы и души народов. Я благодарна Вам. Может быть, теперь наступит новая эра правильных человеческих отношений.

Нас, американцев, много лет терзали пропагандой страха и ненависти. Наша экономика основана на войне. Этот отрицательный момент нельзя устранить в результате одного непродолжительного визита. Американцы все еще боятся последствий мира. Многие мудрые и мыслящие американцы понимают это и молят о терпимости и снисходительности.

Мы рады, что этот первый шаг теперь сделан и что наши дети узнают единый мир и одна страна больше не пойдет войной на другую.

Привет Вашей чудесной жене и Вашей семье, а также Вам самому.

С миром и доброй волей

Эдлайн Нельсон.

г. Сиэтл, штат Вашингтон,
16 сентября.

ПУСТЬ ЖЕ ДРУГИЕ АМЕРИКАНЦЫ ПОВЕРЯТ В ВАС ТАК, КАК ПОВЕРИЛ Я

Уважаемый г-н Премьер-Министр! Возвращаясь вчера домой, я решил написать Вам письмо с извинением за то, что не аплодировал, когда Вы проезжали мимо Белого дома в исторический день Вашего прибытия в Соединенные Штаты.

Стремящаяся к наживе печать нашей страны убедила меня, как и слишком многих других американцев, критически отнестись к Вашему визиту. Национализм — очень глубокое чувство, а на нас, американцев, в течение многих лет оказывала влияние пропаганда, направленная против народа и правительства Советского Союза.

И вот два года тому назад наше национальное самодовольство оказалось подорванным. Говорили, будто Советы не могут сравниться с нашей великой капиталистической системой в какой-либо области. Но вы опровергли это, и теперь все объективные люди, публично или в частном порядке, восхищаются размерами, дальностью действия и точностью ваших спутников и лунников.

Наблюдая, как Вы подъезжали к Блэйр-хаузу, как Вы пересекали Пенсильвания-авеню, направляясь на свою первую беседу с Президентом Эйзенхауэром, как Вы отправлялись в Белтсвилл и уезжали из Капитолия, следя по телевидению за каждым Вашим словом и действием, я пришел к убеждению, что Вы искренне посвятили себя делу обеспечения мира для всех народов на земле.

Когда Премьер-Министр великой соседней страны посещает наши берега, он, безусловно, имеет право, хотя бы из обычного чувства уважения, на искреннюю любезность. Это подразумевает нечто большее, чем делать

любительские фотоснимки или смотреть на него, разинув рот, но не аплодировать. Он имеет право, г-н Премьер-Министр, на самый теплый прием со стороны всех американцев. А когда он к тому же стремится рассеять страх перед уничтожением, который овладел испуганными людьми, тогда, я убежден, он заслуживает гораздо большего — наших приветственных возгласов и глубокой дружбы.

Быть может, я знаю больше, чем многие, о том ущербе, который термоядерное оружие может причинить цивилизации. Теперь Вы подтвердили мои прежние сомнения. Безусловно, ни один здравомыслящий человек, ни один великий политический руководитель не пойдет на то, чтобы погубить человечество.

Надеюсь, что Америка сможет сотрудничать с вами в деле обеспечения мира и прекращения гонки вооружений. Когда я услышал Ваше предложение об осуществлении разоружения в течение четырех лет, на моих глазах выступили слезы. Я верю в то, что Советский Союз хочет добиться этого, верю в то, что Вы искренни в своих действиях. Однако некоторые американцы по-прежнему настроены скептически — вот какими подозрительными они стали. Да и не только подозрительными, но и виноватыми. Американцы живут под тенью ужасных зверств, совершенных ими в отношении населения Хиросимы и Нагасаки. Мы не приверженцы милитаризма, но мы продолжаем оставаться пессимистами.

Пусть же другие американцы поверят в Вас так, как поверил я. Я вовсе не обеспокоен тем, что Вы откровенно выступаете в защиту социализма, потому что я считаю так: пусть победит та система, которая сделает больше для мира, безопасности и человеческого прогресса. Источник этого великого добра не имеет значения; пусть каждый из нас стремится к этой цели своим путем. Я хочу, чтобы мой сын избежал той судьбы, которая постигла одного из Ваших сыновей. Я хочу, чтобы он жил в мире и благополучии, чтобы его интеллектуальные способности развивались и были посвящены служению будущим поколениям независимо от расы или класса.

Я знаю, что Ваше время в Соединенных Штатах слишком ограничено, чтобы Вы могли встретиться с еще одним из миллионов американских служащих. Если бы не это обстоятельство, я хотел бы лично сказать Вам,

Премьер Хрущев, как я рад, что Вы приехали в Америку. Я также приветствую Вашу замечательную семью и сопровождающих Вас лиц. Надеюсь, что Вы и другие советские руководители и рядовые люди будете приезжать к нам снова и снова. Тем временем я надеюсь продолжать все более эффективно работать на благо мира в качестве члена профсоюза журналистов, поборника равных прав для всех расовых меньшинств, который стремится к миру и прогрессу.

С братским приветом

(подпись).

г. Вашингтон.

ВНАЧАЛЕ Я БЫЛ НАСТРОЕН РЕЗКО ПРОТИВ ВАШЕГО ВИЗИТА

Уважаемый сэр! Вначале я по ряду причин был настроен резко против Вашего приезда. Однако после того, как Вы прибыли сюда и произнесли столько речей о стремлении Советского Союза к всеобщему миру, я убедился в том, что это факт. Я молю, чтобы Вы вернулись в Россию и рассказали советским руководящим деятелям о том, что вся Америка также хочет всеобщего мира.

Я средний американец, бухгалтер, получающий 85 долларов в неделю. Я ежемесячно вношу 69 долларов 75 центов для оплаты моего дома. Я очень хочу когда-нибудь посетить Россию. Однако я убежден, что при том заработке, который я имею, это еще надолго останется неосуществимым. Тем не менее надеюсь когда-нибудь посетить вашу страну и познакомиться с ее народом.

Разрешите в заключение сказать, что я верю в то, что Вы искренне стремитесь к миру. Вы можете добиться этой цели, добиваясь с божьей помощью лучшего взаимопонимания между Советским Союзом и Соединенными Штатами.

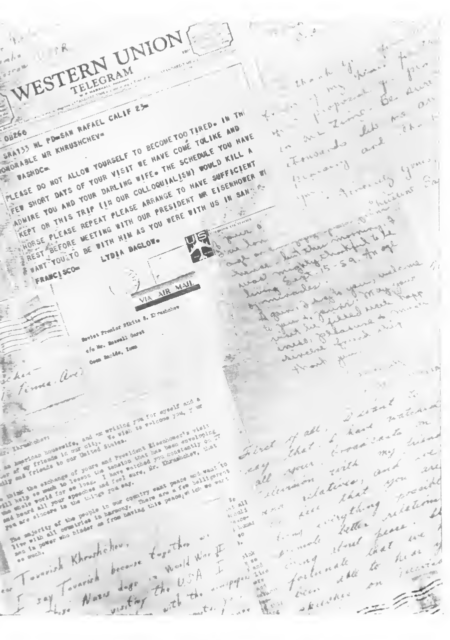
Если найдется время, может быть, Вы сможете ответить на это письмо.

Искренне Ваш

Дональд Ф.

P. S. Мне 28 лет.

г. Нью-Йорк,
25 сентября.

WESTERN UNION
TELEGRAM

OB266
SRA133 NL PD=SAN RAFAEL CALIF 23=
HONORABLE MR KHRUSHCHEV=
WASHDC=

PLEASE DO NOT ALLOW YOURSELF TO BECOME TOO TIRED. IN TH[E]
FEW SHORT DAYS OF YOUR VISIT WE HAVE COME TO LIKE AND
ADMIRE YOU AND YOUR DARLING WIFE. THE SCHEDULE YOU HAVE
KEPT ON THIS TRIP (IN OUR COLLOQUIALISM) WOULD KILL A
HORSE PLEASE REPEAT PLEASE ARRANGE TO HAVE SUFFICIENT
REST BEFORE MEETING WITH OUR PRESIDENT MR EISENHOWER WI[E]
WANT YOU TO BE WITH HIM AS YOU WERE WITH US IN SAN
FRANCISCO=
LYDIA DAGLOW.

VIA AIR MAIL

Soviet Premier Nikita S. Khrushchev
c/o Mr. Roswell Garst
Coon Rapids, Iowa

...r. Khrushchev:

...an American housewife, and am writing you for myself and a
...ber of my friends in our city. We wish to welcome you, ...
...dly and friends to our United States.

...think the exchange of yours and President Eisenhower's visit
...will help so much to lessen the tension that has been enveloping
...the whole world for so long. I have watched you constantly on ...
...and heard all your speeches and feel sure, Mr. Khrushchev, that
you are sincere in the things you say.

The majority of the people in our country want peace and want to
live with all countries in harmony. There are a few belligerent
...men in power who hinder us from having this peace, which we want
so much.

Вот некоторые из писем простых американцев.

МЫ ВАМ АПЛОДИРОВАЛИ

Г-ну Хрущеву. Позвольте выразить сердечные чувства уважения к Вам за идеи, высказанные Вами сегодня днем в Организации Объединенных Наций. Мы Вам аплодировали. Американский народ прежде всего желает мира. Мы хотим жить, не испытывая страха. Мы хотим, чтобы наши дети были здоровыми и счастливыми. Надеемся, что Вам понравится пребывание в США. Благодарим за то, что Вы приехали.

Г-жа *Х. Симпсон.*

г. Кью-Гарденс, штат Нью-Йорк,
18 сентября.

ВЕЛИКОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ О МИРЕ

Уважаемый г-н Хрущев! Сегодня я слышала по телевидению Вашу речь на Ассамблее Организации Объединенных Наций. Никогда в жизни я не была так потрясена и взволнована. Своим предложением о всеобщем разоружении Вы осуществляете мечту всех людей во всем мире. Я хочу поблагодарить Вас за проницательность, смелость и величие, которые Вы проявили, выдвинув предложение, открывающее путь к осуществлению мечты о прекращении гонки вооружений и устранении войны.

Пусть Вас не обескураживают хорошо знакомые нотки недоверия со стороны многих людей нашей страны. Пусть Вас это не разочаровывает. Продолжайте говорить снова и снова о своем стремлении к сотрудничеству в вопросе о всеобщем разоружении и о Вашем согласии на инспекцию. Когда Вы в своей речи употребили выражение «международный контроль за разоружением», это означало, по моему мнению, инспекцию. Однако один из наших авторитетных комментаторов заявил сразу же после Вашей речи, что Вы все еще не согласны с проведением инспекции. Пожалуйста, выразите Ваше согласие более ясно, чтобы сомневающиеся это поняли.

Благодарю Вас от всего сердца за это великое предложение о мире. Вы можете быть уверены, что тысячи людей, подобных мне, также приветствуют и благодарят Вас.

Искренне Ваша

Кристина Сенфорд.

г. Пойнт-Ричмонд, штат Калифорния,
18 сентября.

СВЕЖИЙ И ОЗДОРОВЛЯЮЩИЙ ВЕТЕРОК

Уважаемый г-н Хрущев! Разрешите мне, рабочему, который в прошлом многое сделал и принес большие жертвы ради того, чтобы организовать неорганизованных в профсоюз, обратиться к Вам со своими приветствиями по случаю Вашего исторического визита в город, где зародилась Организация Объединенных Наций, великая организация, учрежденная для того, чтобы сохранить мир во всем мире и создать обстановку доброй воли и взаимопонимания между всеми народами и странами.

Целям Организации Объединенных Наций полностью соответствует Ваша вчерашняя речь в Нью-Йорке. Она содержит предложения огромной важности, направленные на избавление человечества от бедствий войны. Эти предложения появились, как свежий и оздоровляющий ветерок в солнечном свете нового дня. Они самым сердечным образом повсеместно приветствуются разумными людьми доброй воли. Ваша речь войдет в историю как важная веха на пути движения человечества вперед.

Однако сразу же, буквально через несколько секунд после окончания речи, когда еще не была готова типографская краска для печатания Вашего великого послания, наемные «трещотки» тех, кто наживается на вооружении, подняли трескотню и развернули кампанию клеветы, искажений, предрассудков и недоверия. Все произошло точно так, как Вы предостерегали в своей речи.

Суть этих искажений сводится к старой уловке о том, будто Ваши предложения не содержат «гарантий соответствующего контроля», хотя Вы ясно заявили, что хотите «контроля с разоружением, а не контроля без разоружения».

Надеюсь, что Ваше пребывание в Сан-Франциско будет приятным и что когда-нибудь я смогу посетить Москву и другие районы СССР.

С уважением

А. М.

г. Оклэнд, штат Калифорния,
19 сентября.

ДОБИВАТЬСЯ МИРНОГО РАЗРЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ

Уважаемый господин Хрущев! Я американская домашняя хозяйка. Я пишу Вам от своего имени и от имени своих друзей в нашем городе. Мы хотим приветствовать Вас, Вашу семью и друзей у нас, в Соединенных Штатах.

Мы считаем, что обмен визитами между Вами и Президентом Эйзенхауэром будет серьезно содействовать уменьшению напряженности, которая уже долгое время окутывает весь земной шар. Я постоянно слежу по телевизору за Вашей поездкой и слушаю все Ваши речи. Я уверена, г-н Хрущев, что Вы искренни в своих высказываниях.

Большинство нашего народа хочет мира, хочет жить в дружбе со всеми странами. Однако немногие воинственные люди, пользующиеся властью, препятствуют достижению этого мира, к которому мы так стремимся.

Все мы, американские домашние хозяйки, рожденные и воспитанные в Соединенных Штатах. Мы верим в Америку, верим в ее принципы, однако считаем, что все страны имеют полное право на свои собственные формы правления, которые должны всеми уважаться. Все страны должны жить в мире и дружбе, торговать между собой. Как жалко, что люди не могут быть добрыми и дружелюбными по отношению друг к другу. Жизнь так коротка, а все мы могли бы быть так счастливы и довольны тем, что бог дал нам.

Я слышала по телевидению Вашу речь в Организации Объединенных Наций и считаю, что это предложение о разоружении — именно то, что нам нужно. Мы все были бы так счастливы, если бы все страны прекратили производство атомных бомб и всяких ракет и уничтожили то, что они уже накопили. Вы правильно сказали, г-н Хрущев: если ни у одной страны не будет оружия, то не будет и войны. Тяжело подумать, что многие ученые и люди, производящие эти бомбы и ракеты, кажется, радуются, усовершенствуя и испытывая эти ужасные виды разрушительного оружия. Они напоминают детей, которые играют в игрушки и не думают, не заботятся о том, какая это угроза для всеобщей безопасности. Испытания отравляют воздух и могут привести ко всеобщему уничтожению.

Мы просим Вас, г-н Хрущев, продолжать свои усилия и добиваться мирного разрешения всех этих проблем. Я уверена, что предложенная Вами программа получит поддержку большинства нашего народа. Постарайтесь показать им правильный путь.

Нам хотелось бы встретиться с Вами, с Вашей женой и членами Вашей семьи. Вы и Ваша жена такие обаятельные, народ любит вашу простоту в обращении.

Мы просим извинить людей, проявивших невежливость или отсутствие такта. Их цель — добиться влияния и создать себе имя. Надеюсь, Вы понимаете, что они являются лишь небольшой частицей нашего американского народа.

Желаю Вам приятного пребывания в нашей стране. Мы рады Вашему приезду и желаем Вам и Вашей семье всего самого лучшего, здоровья и счастья.

Искренне Ваши

Группа американских домашних хозяек.

г. Филадельфия, штат Пенсильвания,
19 сентября.

ВОСХОД МИРНОЙ ЗАРИ

Никите Хрущеву. Я мелкий предприниматель, один из миллионов простых американцев, стремящихся к миру не только ради себя, но и ради всего человечества. Призываю Вас продолжать Ваши усилия, направленные на укрепление мира. Пусть Вас не смущают заявления профессиональных сеятелей ненависти в прессе и по радио или некоторых стремящихся к саморекламе мелких людишек, занимающих высокие посты. Бремя вооружений и военных приготовлений должно быть снято с плеч миллионов людей, нуждающихся в одежде, жилище, медицинском обслуживании, образовании и во всем том, что доступно только в условиях мира. Они прежде всего нуждаются в свободе от повседневного страха быть уничтоженными, страха, который может быть устранен только путем установления мира.

Все люди доброй воли надеются, что восход мирной зари будет ускорен благодаря переговорам между Вами и Президентом Эйзенхауэром.

К. Л. Э.

г. Индианаполис, штат Индиана,
20 сентября.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Уважаемый г-н Председатель! Ваше замечательное предложение о полном разоружении — это действительно шаг, достойный эпохи покорения космического пространства и соответствующий реальным фактам международной жизни.

Пусть американский и русский народы войдут в историю как народы, проложившие путь к осуществлению Вашей идеи, к избавлению нашей планеты на вечные времена от милитаризма и войны.

С уважением

Мэттью П. Хайленд,
отец детей и ветеран второй
мировой войны.

г. Вашингтон,
20 сентября.

ОАЗИС МИРА СТАНЕТ РЕАЛЬНОСТЬЮ

Уважаемый г-н Премьер! От имени многих людей, у которых нет возможности подать свой голос так громко, как некоторые из тех, с кем Вы имеете непосредственный контакт, мы хотим сказать Вам: добро пожаловать в нашу страну. Мы хотим выразить признательность за ту вежливость, с которой Вы принимали наших соотечественников, и выразить надежду, что дружба между Советским Союзом и Соединенными Штатами будет и дальше развиваться, что народы обеих наших стран, которые стремятся сблизиться друг с другом, в скором времени смогут обменяться рукопожатиями в знак мира и дружбы в счастливый век полного разоружения, которое Вы предложили.

Перед лицом многих проблем мы сознаем, что это может оказаться трудным, но мы верим, что усилия тех, кто принимает близко к сердцу интересы всех народов, увенчаются успехом, что оазис мира, о котором Вы говорили в Вашей замечательной речи в ООН, станет реальностью.

С наилучшими пожеланиями
Вам и вашему народу
Искренне Ваши

Мириам Холмс,
Дженис Холланд.

г. Вашингтон,
21 сентября.

БЛАГОДАРНОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ПРИВЕТСТВУЕТ ВАШЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

Уважаемый Премьер Хрущев! Благодарное человечество приветствует Ваше заявление, призывающее к полному разоружению.

Господь благословит тех, кто наилучшим образом служит человечеству, добивается его благополучия.

Пусть Вы и Президент Эйзенхауэр посвятят себя продвижению вперед по пути к прочному миру.

Надеюсь, что когда-нибудь смогу посетить Россию, чтобы увидеть строительство славного нового мира и написать о нем.

С наилучшими пожеланиями
Искренне Ваш

Л. Л., американский гражданин.

г. Хиндерсонвилль,
штат Северная Каролина.

МЫ ХОТИМ РАЗОРУЖЕНИЯ И МИРА

Уважаемый Премьер Хрущев! Я и моя семья благодарим Вас за Ваши усилия, чтобы удержать весь мир и проживающих в нем людей от сползания к атомной войне.

Мы сожалеем, что власти Нью-Йорка не создали условий, для того чтобы мы, народ (или простой люд,

как говорит Росуэлл Гарст), могли приветствовать Вас лично.

К счастью, печать и телевидение уделяют очень много внимания Вашему визиту. На протяжении всей недели мы не упустили ни одного Вашего слова, слушая, смотря телевизионные передачи и читая!

Вы и г-жа Хрущева завоевали наши сердца. Наши надежды и стремления принадлежат Вам. Мы очень рады, что Вы приехали к нам с визитом.

Мы хотим, чтобы Вы знали, что мы стоим за разоружение. Мы хотим того, чего хотите Вы,— разоружения, мира и братской любви между людьми.

С наилучшими пожеланиями Вам, г-же Хрущевой, Вашей семье и тем, кто Вас сопровождает,

Искренне Ваши

(следуют четыре подписи).

P. S. В юности я часто мечтал поехать в Париж, теперь другой город в центре моих мечтаний — Москва.

г. Нью-Йорк,
23 сентября.

ВЕСЬ НАРОД АМЕРИКИ ЖЕЛАЕТ МИРА

Уважаемый Премьер Хрущев! Как человеку, гражданину США и в течение длительного времени жителю Лос-Анжелоса мне больно писать Вам это письмо. Но мое сознание подсказывает мне, что надо извиниться перед Вами за тот недостойный, невежливый прием, который был Вам оказан здесь нашим мэром.

Ни на одно мгновение, пожалуйста, не верьте, что он выражает чувства большинства или даже значительного меньшинства здешних людей. По моему глубокому убеждению и тщательно обдуманному мнению, любой житель Лос-Анжелоса, взятый наугад, проявил бы по отношению к Вам больше теплоты и внимания, чем это сделали наши официальные представители. Вы не можете представить себе, насколько глубоко оскорблены и возмущены были моя жена и я сам, когда мы наблюдали по телевидению за проявленным по отношению к

Вам невежеством. Было почти невыносимо тяжело не быть в состоянии закричать Вам: «Нет! Нет! Мы с этим не согласны, господин Председатель!» — и пригласить Вас в нашу маленькую квартиру, для того чтобы разделить с Вами нашу трапезу и лично извиниться.

Мы простые люди, мы оба работаем, для того чтобы заработать себе на жизнь, и не знакомы ни с одним из наших официальных представителей. Однако у нас много друзей, которые являются такими же тружениками, как и мы сами, и мы хотим, чтобы Вы знали, что все мы желаем мира и дружбы между нашими двумя народами, между всеми народами земного шара.

Я считаю необходимым сказать пару слов о нас самих, чтобы Вы знали, на что, по крайней мере, похожи двое обычных жителей Лос-Анжелоса. Моей жене 23 года, она работает преподавательницей в школе медицинских сестер, и в ее жилах течет шведская, немецкая и французская кровь. Мне 32 года, я — инженер-электроник (образование получил самостоятельно), по происхождению армянин. Вы, возможно, скажете, что у нас международная семья. Нам нравится жить в Лос-Анжелосе, потому что здесь мягкий климат и широкие песчаные пляжи.

Мы часто жалуемся на местные густые туманы с дымом («смог»), но не собираемся перебираться куда-либо, потому что в другом месте трудно найти подходящую работу. Кроме того, в этом случае нам пришлось бы оставить многих наших здешних друзей. Нам приятно гордиться нашими техническими достижениями, но нас беспокоит автоматизация, безработица и дискриминация в отношении национальных меньшинств.

У нас много друзей, которые различаются по расовому происхождению, по культуре, а также по религиозным воззрениям. Но они все нам нравятся. Самое большое впечатление в моей жизни оставила служба в армии Соединенных Штатов, когда я сотрудничал и сражался бок о бок с вашими людьми в Европе и сокрушал фашистский режим Гитлера. Мое сердце говорило мне, а глаза подтверждали, что такой режим, который ненавидит и убивает простых людей, должен быть уничтожен. Я никогда не забуду того момента ожидания на берегу Эльбы, когда я видел, как приближается Советская Армия, и знал, что с войной покончено. Со слезами на

глазах мы обнимались друг с другом и пили за здоровье друг друга водку, коньяк и другие напитки, которые были под рукой. Я не вижу причин, почему эта горячая дружба, рожденная в сотрудничестве и совместной борьбе за общее дело, не может развиваться сегодня! Мы, весь народ Америки, желаем мира и лучшей жизни, и мы хотим, чтобы Вы знали это, чтобы Вы знали наши истинные чувства!

Заканчивая письмо, позвольте мне искренне попросить Вас принять наши самые глубокие извинения и с уважением пригласить Вас или кого-либо из Ваших людей вновь приехать в Лос-Анжелос и дать нам возможность проявить наши действительные чувства за рюмкой водки или бургундского вина, в зависимости от того, что Вы предпочтете, а также показать Вам, сколь гостеприимными мы, «анжелосцы», действительно являемся.

Весьма преданный Вам

Г. Б.

г. Лос-Анжелос, штат Калифорния,
20 сентября.

ПРОСТОЙ ЧЕЛОВЕК — ЧЕЛОВЕК ДОБРОЙ ВОЛИ

Уважаемый Премьер Хрущев! Мы чувствуем себя униженными и стыдимся грубости мэра Лос-Анжелоса по отношению к Вам, нашему гостю. Мы приносим извинения и просим проявить терпимость к этому лицу и ко всем ему подобным, потому что они ни на что лучшее не способны.

Мы, небольшая группа друзей (квакеров), насчитывающая около 25 человек, сегодня утром собрались вместе, чтобы молчаливо с теплотой в сердце помолиться за Вас, ваш народ и идею прочного мира. Второй час нашего собрания был посвящен обсуждению того, как нам стыдно за оскорбление, нанесенное Вам в Лос-Анжелосе. Мы уверены, что американский народ, несомненно, будет возмущен некорректным поведением мэра Лос-Анжелоса. Мы должны с верой и доверием отнестись к Вашим предложениям, направленным на достижение мира. Надеемся, что Вы окажетесь выше этого проявле-

ния невоспитанности. Мы должны работать и молиться, чтобы на наших собственных руководителей снизошло просветление.

Мы также обсуждали вопрос о том, почему умные на вид люди настроены против Советского Союза, и пришли к выводу, что большинство из них не имеет собственного мнения, а находится под влиянием враждебной печати. Однако в США много самостоятельно мыслящих людей, которые питают глубокое уважение к русскому народу, с истинным благоговением относясь к его достижениям, начиная с 1917 года. Именно невиданный доселе прогресс на протяжении жизни двух поколений нагоняет страх на тех, кто руководит нашей печатью (заправилы большого бизнеса, военные и т. п.), и является причиной этой враждебности.

Но будьте уверены, что многие радуются вместе с Вами и желают Вам всяческих благ; и таких было бы на много миллионов больше, если бы печать говорила правду, так как я считаю, что простой человек в моей стране является человеком доброй воли.

Позвольте мне еще раз сказать, что нам очень стыдно и что мы приносим извинения. Мы просим Вас проявлять терпимость и терпение по отношению к нам, пока мы не станем более зрелыми.

С наилучшими пожеланиями Вам лично
и вашему народу, со смирением
Ч. К.

P. S. А сейчас я напишу мэру Лос-Анжелоса все, что о нем думаю.

г. Кармел, штат Калифорния,
20 сентября.

МЫ УВАЖАЕМ ВАС, ХОТЯ НЕ ВСЕГДА С ВАМИ СОГЛАШАЕМСЯ

Уважаемый господин Хрущев! Мы были так счастливы, узнав, что Вы приезжаете в нашу великую страну, и в частности в Лос-Анжелос.

Мы — типичная американская супружеская пара с тремя маленькими детьми. Мой муж учится в Кали-

форнийском университете в Лос-Анжелосе. Нашему старшему ребенку пять с половиной лет, он учится в первом классе. Когда мы услышали, что Вы и Ваша семья приезжаете в наш город, мы были очень счастливы. Мы так много слышали о Вас, и нам очень хотелось Вас увидеть. В отличие от Вас мы не сторонники социализма. Но мы восхищаемся лично Вами, Вашей силой и человечностью.

Мы живем очень недалеко от аэропорта в Лос-Анжелосе и отправились туда, чтобы наблюдать за Вашим прибытием. Мы надеялись, что Вы и Ваша семья проедете на машинах недалеко от того места, где мы ждали, чтобы хотя бы мимолетно увидеть Вас. Вместе с нами было много народу, который тоже хотел на Вас посмотреть. Это была большая и дружественно настроенная толпа американцев, ждавших, чтобы увидеть могущественного советского лидера. Тайная полиция не только не дала Вам возможности посетить Диснейлэнд, но и не дала нам и Вам возможности увидеть друг друга. Ни в печати, ни по телевидению не появилось никакого сообщения о том, что большая толпа дружественно настроенных граждан ждала, чтобы приветствовать Вас при прибытии в Лос-Анжелос. Мне захотелось сказать Вам, что мы были там, что мы уважаем Вас, хотя не всегда с Вами соглашаемся.

Надеюсь, что в следующий раз, когда Вы сюда приедете, мы не будем так разочарованы и сможем с Вами встретиться.

Да благословит бог наши общие усилия, направленные к тому, чтобы обеспечить мир во всем мире.

Наилучшие пожелания от (две подписи).

г. Лос-Анжелос, штат Калифорния,
20 сентября.

С УВЕРЕННОСТЬЮ СМОТРЕТЬ В БУДУЩЕЕ

Уважаемый Председатель Хрущев! Мой муж и я, жители Лос-Анжелоса с 19-летним стажем, были шокированы и возмущены тем невежественным приемом, который был оказан Вам официальными лицами нашего города, особенно мэром Поулсоном.

Мы ничем не знамениты и представляем собой ту категорию жителей, с которой Вы никогда не встречались.

Это письмо написано для того, чтобы Вы знали, что здесь имеется много людей, которые очень дружественно настроены по отношению к Вам и хотели бы пожать Вам руку или по крайней мере поприветствовать Вас издали. Однако мы, жители города, не знали программы Вашего пребывания в Лос-Анжелосе.

Знаете ли Вы, что вчера толпы людей стихийно собирались в долине Сан-Фернандо? Никто не знал, где будет проходить Ваш маршрут, но они ждали и ждали Вас на различных улицах, разочарованные тем, что Вы не появлялись.

По телевидению было объявлено, что Вы намереваетесь посмотреть жилищное строительство в Сан-Фернандо, но никто не знал ни точного места осмотра, ни Вашего маршрута туда. И все же большие толпы людей собирались, преграждали движение и ждали Вас на улицах терпеливо и с надеждой.

Если бы более представительная группа жителей имела удовольствие приветствовать Вас, прием здесь был бы очень теплым и приятным. К сожалению, была проявлена несправедливость, и те многие люди, которые так стремились к тому, чтобы им была предоставлена привилегия приветствовать Вас, были лишены такой возможности. Вместо этого организация приема попала в руки тех, кто постарался использовать его в своих политических и пропагандистских целях. (Я считаю, однако, что своими прямыми ответами Вы обернули их оружие против них самих.)

Я отношусь к той многочисленной категории граждан, которые не голосовали за господина Поулсона, а его поведение в отношении Вас лишь стимулирует мое желание вести против него активную кампанию во время следующих выборов.

Ваш ум, смелость, чувство юмора и манера держаться вызвали всеобщий восторг и завоевали чувство уважения и дружбы по отношению к Вам и вашим согражданам. Ваш визит в Соединенные Штаты, хотя Вы, возможно, и не чувствуете этого, помог все большему и большему числу людей понять, что ваша страна действительно хочет мира и предпринимает активные шаги в этом направлении. Молчаливые телезрители по всему городу и толпы людей, которые собирались на улицах,— это те люди, которых Вы не смогли увидеть, но к сердцу кото-

рых нашли дорогу. Это наш народ, на мысли и чувства которого Вы произвели столь большое впечатление. Эти люди хотят знать, ждет ли их будущее, в котором не будет места для страха перед войной.

В составе группы представителей Международного религиозного товарищества я ездила в Западную Европу и жила там в домах многих людей различных стран.

Господин Председатель, я очень оптимистично отношусь к Вашему визиту. Это поворотный пункт в истории человечества. Выбор ясен. Ваш смелый жест, выразившийся в том, что Вы приехали в Соединенные Штаты, дает мне основание с уверенностью смотреть в будущее.

С искренним уважением

П. Б.

г. Лос-Анжелос, штат Калифорния,
21 сентября.

ДОЛГОЖДАННАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ОСЛАБИТЬ НАПРЯЖЕННОСТЬ

Уважаемый господин Хрущев! Разрешите представиться. Мне 28 лет, я работаю математиком в авиационной компании в штате Калифорния. Кстати, я не коммунист, а патриотически настроенный американец, твердый сторонник капитализма, как мы его себе представляем.

Разрешите тепло приветствовать Вас в Соединенных Штатах, и в частности в Лос-Анжелосе. Жалко, что населению заранее не сообщили о Вашем маршруте, а то, может быть, нам удалось бы встретиться с Вами. Если бы мы встретились, многие из нас пригласили бы Вас и сопровождающих Вас лиц в наши скромные дома. Приглашение, которое Вы получили,— это приглашение не только Президента Эйзенхауэра.

Я с большим интересом слежу по телевидению за Вашей поездкой и выступлениями. Особенно интересны были Ваши высказывания насчет «закапывания в землю» на завтраке в Национальном клубе печати и на обеде в Лос-Анжелосе. Рядовым американцам было приятно слышать Ваши разъяснения по этому вопросу. Они говорят о том, что мы должны более критически подходить к тому, что нам сообщается. Сейчас стало очевид-

ным, что высказывания, которые ранее приписывались Вам, были лишь полуправдой, которая полностью искажала истинное значение Ваших слов. Если временами Вы сталкиваетесь здесь с прохладным приемом, то это объясняется тем, что в течение последнего десятилетия органы информации США допускали много таких искажений и преувеличений о Советском Союзе и в особенности о Вас лично. Просьба иметь также в виду, что Вас принимают наши политиканы и другие группы, у которых есть свои особые интересы.

Я хочу сказать несколько слов относительно наших политиканов. Типичным примером является мэр Лос-Анжелоса Поулсон. Такие люди главным образом заинтересованы в том, чтобы быть переизбранными, и они делают все для достижения этой цели. Поскольку Вы лично и коммунизм вообще были предметом многих искажений и извращений, эти политиканы в погоне за сенсациями пытались надоедать Вам и ставить Вас в неловкое положение, чтобы в глазах непросвещенной публики укрепить свои собственные позиции. Я не буду дальше распространяться по поводу этих людей, приведу только одну польскую поговорку: «Плоха та птица, которая гадит в своем гнезде».

Хочу сказать, что другие американцы рассматривают Ваш приезд как долгожданную возможность ослабить напряженность, улучшить взаимопонимание и, быть может, предотвратить войну и добиться прочного мира и процветания во всем мире.

Из других Ваших высказываний интерес вызвало описание Вами Вашего трудного жизненного пути — от пастуха в детстве, а потом рабочего до главы Советского правительства. Хочу пожелать Вам еще бо́льших успехов в будущем, чтобы Вы достигли положения государственного деятеля, которому удастся обеспечить длительный мир во всем мире.

Желаю, чтобы Ваша поездка была успешной, приятной и полезной. Желаю счастливого пути домой и приглашаю Вас и Вашу семью посетить нас в любое удобное для Вас время.

Уважающий Вас

Б. Ф.

г. Санта-Моника, штат Калифорния,
22 сентября.

МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ ВОЗМОЖНО И ЖЕЛАТЕЛЬНО

Уважаемый сэр! Во время Вашей поездки по Соединенным Штатам Вы встречаетесь и беседуете только с теми, с кем правящие круги хотят, чтобы Вы встречались. До сих пор Ваш контакт с трудящимися был очень незначителен. Я пишу это для того, чтобы сказать Вам, что мы хотим *мира*. Мы считаем, что мирное сосуществование с Советским Союзом возможно и желательно. Американцы так распропагандированы, что теперь они не могут отличить белое от черного.

Я была рада узнать, что Вам оказали хороший прием в Сан-Франциско, и надеюсь, что Вы, такой большой человек, не обратите внимания на невоспитанный прием, оказанный Вам в некоторых других местах. Это все следствие пропаганды, которой постоянно пичкают народ. Эти люди не типичны для нашей страны.

Надеясь, что Вы и г-жа Хрущева благополучно вернетесь домой, остаюсь

Ваша во имя мира
(подпись).

г. Уотервиль, штат Вашингтон,
21 сентября.

МЫ ВЕРИМ В ВАШУ ДОБРУЮ ВОЛЮ

Уважаемый Председатель Хрущев! В газетах и по радио сообщалось, что Вы заинтересованы в установлении контакта с рядовыми американцами. Многие из нас не в состоянии приветствовать Вас лично, поэтому приходится писать.

Примите глубокую благодарность за то, что Вы нанесли любезный визит в нашу страну. Мы благодарим Вас за то, что Вы посвятили этому путешествию так много времени, мыслей и энергии. Мы хотим, чтобы Вы знали, как глубоко мы признательны за то, что Вы, Ваша семья, ваше правительство сделали этот воодушевляющий жест доброй воли.

Мы шокированы и возмущены невоспитанностью, с которой Вы иногда сталкиваетесь здесь; мы надеемся, что те, кто ведет себя плохо, не будут символизировать

народ Америки. Было бы ужасно, если бы Вы повернулись спиной к нам из-за их поведения, хотя такое Ваше решение и было бы понятно нам.

Я пишу это письмо, чтобы обратиться к Вам с серьезным призывом: когда Вы вернетесь домой, пусть ваше правительство продолжает поддерживать контакт с нами через посредство заявлений, адресованных нашему правительству, или заявлений для печати о ваших будущих планах, направленных к достижению разоружения. В прошлом Ваши послания нашему правительству, да и правительствам наших союзников полностью воспроизводились в газете «Нью-Йорк таймс», а также в других органах печати.

Изложение и истолкование будущих событий журналистами и аналитиками не должны заслонять сведения, полученные из первоисточника. Информация из вторых рук, как бы хороши ни были намерения ее авторов, всегда может подвергнуться искажению. Все мы знаем, как может разрастись слух, пройдя через несколько ушей, умов и ртов.

Мы хотим понять Вас полностью, так же как хотим, чтобы Вы полностью поняли нас. Впереди у нас достаточно трудностей и без того, чтобы эти трудности умножались неправильным толкованием.

Мы все еще боимся. Однако мы готовы искренне и с жадностью слушать Вас. Вы обеспечили себе внимательную аудиторию среди нас, то есть у «оппозиции». И это замечательное достижение.

Прошу поддерживать с нами контакт и принять нашу глубокую благодарность за Ваши жесты доброй воли.

Мы молчим, но, когда в будущем будут возникать трудности, помните, пожалуйста, что мы существуем и что мы молчим только потому, что внимательно слушаем.

Просим поверить в нашу добрую волю и искренность, так же как мы верим в Вашу добрую волю, в Вашу искренность.

Примите нашу благодарность за любезное принятие приглашения нашего правительства и наши наилучшие пожелания Вам и вашему народу.

Искренне Ваша

В. Ш.

P. S. Пусть Вас воодушевит тот факт, что по крайней мере одного человека Вы обнадежили настолько, что она впервые в своей жизни обратилась с письмом к официальному лицу.

Желаю Вам получить столько писем, чтобы Вы не были в состоянии прочитать мое письмо.

г. Киллин, штат Техас,
22 сентября.

БУДУЧИ МАТЕРЬЮ, Я БОЛЬШЕ ВСЕГО МЕЧТАЮ О ПОЛНОМ РАЗОРУЖЕНИИ

Уважаемый г-н Хрущев! Вы не раз проявляли интерес к «маленьким людям» Америки, и поэтому я беру на себя смелость написать Вам письмо, так как не могу увидеть Вас лично.

Прежде всего я хочу сказать, что вместе со своими друзьями и родственниками я следила за всеми Вашими выступлениями по телевидению. Все мы считаем, что Вы делаете все возможное, чтобы содействовать установлению лучших отношений и укреплению мира. Хорошо, что мы можем слушать Ваши выступления по телевидению, а не читать их в газетах; ведь газеты часто так искажают Ваши высказывания, что они приобретают иной смысл, чем то, что Вы имели в виду. Когда Вы встречаете невоспитанных людей, пожалуйста, помните, что их действия не типичны для большинства американцев.

Сама я очень типичная американка из низкооплачиваемых слоев населения. Я — домашняя хозяйка, мать четырех маленьких детей, мне 30 лет. Мой муж работает механиком и, кроме того, он в выходные дни подрабатывает, занимаясь столярным делом. Мои предки переселились в Америку из Германии около двухсот лет тому назад. Таким образом, я, как и мой муж, происхожу из семьи ранних американских пионеров, только его предки прибыли из Ирландии.

Наши доходы и расходы типичны для бюджета большинства рабочих семей: мы зарабатываем около 100 долларов или меньше в неделю. Дома на нашей улице — новые дома, стоящие примерно 15 тысяч долларов каж-

дый. Мой муж работает в авиационной компании, и поэтому мы имеем право бесплатно путешествовать на самолетах этой компании. Я ежегодно провожу свой отпуск в Диснейлэнде в Калифорнии. Как жалко, что Вам не удалось побывать там!

Будучи матерью, я больше всего мечтаю о полном разоружении. Я уверена, что наш Президент сделает все, чтобы обеспечить мир. Именно поэтому я голосовала за Президента Эйзенхауэра каждый раз, когда его кандидатура выставлялась на выборах. Мне кажется, что он наш лучший Президент со времен Авраама Линкольна.

Я посылаю это письмо в Блэйр-хауз в надежде, что оно будет передано Вам прежде, чем Вы уедете обратно в Россию. В заключение я хотела бы пожелать Вам хорошо провести остающуюся часть своего путешествия. Прошу извинить меня за то, что я написала Вам на такой бумаге. У меня кончилась вся обычная бумага для писем, и я не смогу поехать в магазин до субботы.

Искренне желаю всего наилучшего Вам и Вашей семье.

Одна из «маленьких людей» —
г-жа *Джеймс Д.*

г. Уэст Сенека, штат Нью-Йорк,
23 сентября.

ЛЮБОВЬ И ВОСХИЩЕНИЕ

Уважаемому господину Хрущеву. Пожалуйста, не утомляйте себя чрезмерно. За несколько дней, пока Вы находитесь здесь, Вы и Ваша очаровательная жена внушили нам любовь и восхищение. Программа Вашей поездки столь напряженная, что, грубо выражаясь, от нее даже лошадь околеет. Отведите, пожалуйста, достаточно времени для отдыха перед встречей с нашим Президентом, г-ном Эйзенхауэром. Мы хотим, чтобы при встрече с ним Вы чувствовали себя так же, как Вы чувствовали себя с нами в Сан-Франциско.

Лидия Даглоу.

г. Сан-Рафаэль, штат Калифорния,
23 сентября.

МЫ РАДОВАЛИСЬ ВАШИМ ВЕЛИКИМ ДОСТИЖЕНИЯМ

Уважаемый товарищ! Мы очень огорчены — я и тысячи американцев, которые с первого момента, когда большевистская партия пришла к власти в 1917 году, радовались успехам и сказочным достижениям Советского Союза. Я повторяю, мы огорчены, огорчены тем, что нам не дали возможности встретиться с Вами и сопровождающими Вас лицами во время Вашего первого визита в Америку.

В 1917 году, когда пришли сообщения, что в России победили большевики, тысячи американцев устроили шествие по Пятой авеню в Нью-Йорке до Карнеги-холла, где в переполненном зале состоялся митинг. И это в то время, когда другие говорили, что новое правительство «не продержится и шести месяцев»!

С тех пор мы с напряженным интересом следили за изумительным прогрессом Советского Союза. Мы радовались вашим великим достижениям: ликвидации неграмотности, ликвидации проституции — ни одна женщина в вашей великой стране не вынуждена торговать своим телом, чтобы существовать,— вашим методам борьбы с детской преступностью, заботе о маленьких детях и охране материнства, радовались огромным масштабам индустриализации вашей страны, возможностям, предоставленным *всем* молодым людям — а не только некоторым — беспрепятственно развиваться, радовались вашей способности обеспечить оборону страны.

Я, конечно, понимаю, что во время этой великой миссии, цель которой — содействовать миру и взаимопониманию, разоружению и ликвидации ядерного оружия, желательно и необходимо, чтобы Вы встретились с «сильными мира сего», именно их надо убедить в том, что более разумно использовать ресурсы их страны на благо народа, чем для производства оружия и сползания к войне.

Я внимательно следил по телевизору за Вашей поездкой с момента Вашего приземления до момента вылета в Питтсбург.

Я поздравляю Вас с тем, что Вы так искусно выходили из тяжелых и неприятных положений. Желаю Вам

полного успеха в переговорах с г-ном Эйзенхауэром, а также счастливого возвращения к своему народу.

Искренне Ваш
(подпись).

Надеюсь, что настанет день, когда руководители Соединенных Штатов будут так же разумно работать на благо народа США, как Вы работаете на благо народов СССР.

г. Бэрбанк, штат Калифорния,
24 сентября.

ВЫ МНЕ НРАВИТЕСЬ

Уважаемый Хрущев! Мне 11 лет. Я учусь в 7-м классе. Моя учительница говорит, что все мы должны уважать Вас. Моя мама не хочет, чтобы у меня были такие чувства к Вам. И все-таки Вы мне нравитесь. Я не понимаю, почему наши две страны не могут добиться мира. Надеюсь, что никто не начнет войны, и прошу ответить на мой вопрос.

В школе мы учимся 6 с половиной часов в день, 9 месяцев в году. Сколько часов в день проводят русские дети в школе и сколько месяцев в году?

Надеюсь, что Вы хорошо проведете время здесь, т. е. в Питтсбурге, где я был пока что только три раза.

Некоторые люди здесь говорят, что Вы чем-то отличаетесь от американцев. Они не понимают, что Вы не привыкли к нашим обычаям. Но я хорошо понимаю, как Вы себя чувствуете, находясь в другой стране.

Искренне Ваш
Д. Л.

г. Дерри, штат Пенсильвания,
24 сентября.

ОСВОБОДИТЕ МИР ОТ УГРОЗЫ ВОЙНЫ

Мои дети спят, и, пока они спят, мои мысли обращаются к Вам и Президенту, потому что в этот самый момент вы обсуждаете их будущее. Моя просьба обра-

щена к вам обоим: пожалуйста, освободите будущий мир от постоянной угрозы войны, чтобы все дети, независимо от расы, цвета кожи или вероисповедания, могли жить в согласии.

Г-жа *Ф. Дуглас.*

г. Нью-Йорк,
25 сентября.

СООБЩЕНИЕ ИЗ ГОРОДА БЕЛЗОНИ

Уважаемый сэр! Посылаю вырезку из недавнего номера газеты «Мемфис коммершиал апил».

Мне пришло в голову, что Вы, может быть, захотите захватить с собой эту вырезку, чтобы люди в России знали, что в Соединенных Штатах у Вас теперь есть тезка.

Уважающий Вас

М. А. Хьюи.

г. Ньюберн, штат Теннесси,
25 сентября.

«В городе Белзони родился Никита Хрущев

БЕЛЗОНИ, ШТАТ МИССИСИПИ, 16 сентября. Агентство Юнайтед Пресс Интернейшнл сообщает, что негритянская пара в городе Белзони назвала своего восьмого ребенка Никитой Хрущевым.

Никки, как мальчика будут называть для краткости, родился у Юджина и Клиоты Флеминг во вторник и на один час раньше, чем советский Премьер-Министр прибыл в нашу страну. Родители не знали, как назвать своего нового ребенка, пока врач не упомянул о том, что сейчас все говорят только о Хрущеве».

ПРИНОШУ РОССИИ СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ

Уважаемый сэр! Сейчас, когда ваш самолет летит над погруженным в ночную тьму океаном, я шлю Вам мои добрые пожелания и выражения благодарности за хорошо выполненную работу.

Ваша поездка в нашу страну была одним из величайших событий, какие когда-либо имели место. Я видел Вас по телевизору, и мое восхищение и уважение к Вам росли с каждым Вашим выступлением.

Хочу извиниться перед Вами за недружелюбные действия некоторых американцев: это неплохие люди, но, как и некоторые граждане вашей страны, они иногда не пользуются своими мозгами. Они, видно, забыли, что многие русские юноши отдали свою жизнь, борясь против нашего общего врага в годы второй мировой войны, пока мы готовились помочь завоевать победу, которую ваша страна так мужественно отстояла. Я об этом не забыл. Оба мои сына вернулись домой, и я знаю, что они в долгу перед вашей молодежью, перед ее мужественными усилиями и жертвами. За все это я приношу России слова благодарности.

Я уверен, что Ваша поездка принесет много добра, что сегодня вечером все человечество находится гораздо ближе к всеобщему миру, чем три недели назад.

Пусть бог, наш великий друг, пребудет с Вами и нашим Президентом на всех ваших будущих встречах. Молюсь, чтобы он указал путь, идя по которому вы оба вошли бы в историю как два человека, которые обеспечили вечный мир на Земле.

Да благословит бог Вас, Вашу семью и весь ваш народ.

Искренне Ваш

Джон С. Леммер.

г. Феникс, штат Аризона,
27 сентября.

ВЫ ХОРОШО ПОРАБОТАЛИ

Ваше Превосходительство! Моя жена и я как простые американские граждане благодарим Вас за Ваши усилия в ходе визита, который, должно быть, был чрезвычайно утомительным. Ваша человечность и искренность были очевидными. Нам нравилось то, что мы читали с Вас. Вы хорошо поработали.

Ваш народ и наш находятся на разных полюсах в своем политическом и экономическом мышлении, и все же ясно, что широкий вооруженный конфликт принес бы

всем нам невообразимую катастрофу. Вы своими личными усилиями помогли делу мира. Все мы хотим жить в мире. Быть может, нам это удастся, если мы будем лучше знать друг друга.

Мы направляем копию настоящего письма нашему хорошему другу сенатору Х. Александеру Смиту. Мы, Уэллеры, крайне консервативны, но мы хотим приветствовать Вашу идею и то, как Вы добиваетесь ее осуществления. Сожалеем, что некоторые наши граждане недостойно вели себя.

С уважением
Джэк Уэллер.

**г. Принстон, штат Нью-Джерси,
29 сентября.**

Я СЛЕДИЛ ЗА КАЖДЫМ ВАШИМ ШАГОМ

Уважаемый товарищ Хрущев! Я говорю товарищ, потому что мы вместе дали отпор фашистским псам во второй мировой войне. Когда Вы были в США, я следил за каждым Вашим шагом по газетам, телевидению, радио и передачам из Москвы. Ваши слова так приковали мое внимание, что, когда я вел машину в приморском городке Ньюпорте, штат Род Айленд, я перестал следить за спидометром и был оштрафован судом за нарушение правил уличного движения на 30 долларов, которые я должен выплатить из 35 долларов, получаемых мною от администрации штата в качестве пособия по безработице.

Мое имя появилось в связи с Вашим на первой полосе газеты, а также было упомянуто в местных передачах по радио и телевидению.

Примите мои извинения, если я нанес какой-либо ущерб Вашему имени.

В то же время прошу учесть, что, как истый македонец, я могу водить автомобиль безопасно, хотя и не считаясь с правилами.

Когда я приеду в вашу великую страну со своим автомобилем в качестве туриста, пусть ваш суд, прежде чем оштрафовать меня на 300 рублей, проверит мои способности как водителя.

Желаю Вам, товарищ Хрущев, долгих лет жизни, а также доброго здоровья Вашей очаровательной жене и всей Вашей семье.

Гуд бай, гуд лак, фрэндз! (До свидания, всего хорошего, друзья!)

Т. Шола.

г. Провиденс, штат Род Айленд.

НЕДОВЕРИЕ ОТОШЛО НА ЗАДНИЙ ПЛАН

Уважаемый господин Хрущев! Годами, господин Хрущев, печать и некоторые политические деятели Соединенных Штатов изображали коммунистов и Вас, в частности, как, мягко говоря, очень несимпатичных людей. Эту тему обыгрывали бесчисленное количество раз, пока большинство людей не стало относиться с крайним недоверием к России и к русским, пока не стали содрогаться при слове «коммунист».

За каких-нибудь 12 дней Вам, как волшебнику, удалось развеять у многих американцев чувство недоверия и вражды, тщательно насаждавшееся на протяжении 10 лет.

У нас сейчас такое ощущение, будто наши умы глубоко перепаханы плугом. Недоверие отошло на задний план, его место заняло чувство надежды на мир во всем мире.

После того как мы слушали и видели Вас за последние несколько дней, мы не можем сомневаться в Вашей искренности. Я считаю, что Ваш визит в США будет отмечен в истории как поворотный пункт в международных отношениях нашего времени. Я молю, чтобы это было так.

Искренне Ваш

Е. Ф. Парсонс.

г. Саутфилд, штат Мичиган,
28 сентября.

* *
*

Читая письма простых американцев, начинаешь лучше понимать их умонастроения. Люди различных политических взглядов, разных возрастов в своих письмах, обращенных к главе Советского правительства, выражают свое стремление покончить со страхом перед войной. Они хотят создать в мире атмосферу доброй воли и взаимопонимания, строить отношения между государствами на основе мирного сосуществования. Некоторые из авторов писем говорят о своем желании лучше узнать Советский Союз, побывать в Москве.

Даже небольшое количество писем, которые помещены в книге, показывает, что простые люди США, как и простые люди других стран, живут теми же заботами — о мире, о прекращении гонки вооружений. Они приветствуют встречи глав правительств и переговоры, стремятся к разрядке международной напряженности, хотят жить в мире и дружбе.

ПИСЬМО ТОВАРИЩА Н. С. ХРУЩЕВА

В Совет Министров СССР и в Центральный Комитет нашей партии поступили и все еще продолжают поступать тысячи писем и телеграмм от советских товарищей и зарубежных граждан в связи с моей недавней поездкой в Соединенные Штаты Америки. Это теплые, дружественные послания, в которых выражается удовлетворение начавшимся улучшением американо-советских отношений, открывшейся перспективой ослабления напряженности в отношениях между государствами, потеплением международного климата. В письмах высказывается глубокое удовлетворение предложением Советского Союза о всеобщем и полном разоружении, осуществление которого открыло бы новую эпоху в развитии человечества, проложило бы путь к прочному и нерушимому миру во всем мире.

Хочется горячо поблагодарить всех советских товарищей, всех зарубежных друзей и граждан различных государств, приславших в мой адрес свои добрые пожелания, письма и телеграммы.

Много дружественных писем прислали американские граждане — рабочие, фермеры, представители интеллигенции, деловые люди. В этих письмах приветствуется обмен визитами между Председателем Совета Министров СССР и Президентом США, выражается пожелание, чтобы отношения между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки все время улучшались, превращаясь в дружественные, чтобы Советское правительство

продолжало свои усилия для прекращения «холодной войны» и гонки вооружений. Хочу ответить моим американским корреспондентам, что Советское правительство всегда проводило и будет проводить ленинскую миролюбивую внешнюю политику. Оно руководствуется принципом невмешательства одних государств во внутренние дела других, добивается сотрудничества и дружбы со всеми странами на основах взаимности, в том числе и с Соединенными Штатами Америки, делало и делает все необходимое для упрочения мира во всем мире.

Много писем поступило от граждан социалистических стран. Это волнующие, исключительно теплые послания, в которых выражается гордость за достижения Советского Союза и всех социалистических стран, гордость за социалистический строй, который окрыляет народы наших стран, позволяет добиваться исключительных успехов.

Меня искренне радует, что в большом потоке доброжелательных писем, полученных мною в связи с поездкой в Соединенные Штаты Америки, имеются письма из всех стран мира. Читая эти письма, еще больше убеждаешься в том, что во всем мире внимательно следили за моей поездкой в Соединенные Штаты Америки, видели в ней важный шаг к укреплению мира во всем мире.

И, конечно, самое большее число писем я получил от моих дорогих соотечественников — граждан и гражданок Советского Союза. Нельзя без глубокого волнения и радости читать эти сердечные письма советских людей, которые с такой гордостью пишут о нашей социалистической Родине, о нашей Коммунистической партии, о родном для всех нас социалистическом строе, о коммунизме, к которому уверенно и непоколебимо идет советский народ. Как подлинные хозяева своей жизни, своего социалистического государства, советские люди одобряют и приветствуют миролюбивую внешнюю политику Советского правительства, выражают радость по поводу наших внешнеполитических успехов.

Письма, которые я получил, проникнуты огромной заботой об укреплении мира во всем мире, выражают надежду на дальнейшую разрядку международной напряженности. Мне доставляет счастье сказать, что намерения Советского правительства полностью совпадают с этими благородными пожеланиями людей всех стран.

Теперь создалась такая атмосфера, когда можно и нужно помешать сторонникам «холодной войны» вновь повернуть дело к обострению международной обстановки. Что касается Советского правительства и советского народа, то они сделают все необходимое, чтобы отношения между государствами улучшались, чтобы человечество навсегда было избавлено от угрозы новой войны, чтобы принципы мирного сосуществования восторжествовали.

От всего сердца еще раз благодарю советских товарищей и наших зарубежных друзей, граждан всех стран, приславших добрые пожелания, за выражение теплых чувств и одобрение активной миролюбивой политики Советского правительства, а также за добрые слова, высказанные по моему адресу, которые я целиком отношу в адрес нашего великого советского народа.

Н. ХРУЩЕВ.

20 ноября 1959 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Технический редактор *А. Данилина*

Подписано в печать с матриц 22 декабря 1959 г.
Формат 84 × 108$^{1}/_{32}$. Физ. печ. л. 21$^{1}/_{4}$ + иллюстрации 1$^{11}/_{16}$ л.
Услови. печ. л. 37,515. Учетно-изд. л. 38,62. А 11106.
Тираж **750** тыс. (250 001 — 400 000) экз. Заказ № 1210.
Цена 11 руб.

Госполитиздат. Москва, Д-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красиый пролетарий» Госполитиздата
Министерства культуры СССР.
Москва, Красиопролетарская, 16.

Миру—мир!

ВСЕОБЩЕЕ И ПОЛНОЕ РАЗОРУЖЕНИЕ ВСЕХ ГОСУДАРСТВ!

ПРАВДА

Выступление Н. С. Хрущева

ТРУД

Для тебя для твоего блага

БОГАТЫРСКАЯ ВЕСНА

«ХОЛОДНУЮ ВОЙНУ» ОБЪЯВИТЬ ВНЕ ЗАКОНА!

Выступление Н. С. Хрущева

The Evening Star Night Final Sports

esident Greets Khrushchev; 200,000 Line Parade Route

Huge Crowd Sees First Soviet Chief Ever to Visit U.S.

Congress Passes Foreign Aid Bill, Adjourns at Dawn

Н. С. ХРУЩЕВ: ЛЕД ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ УЖЕ НЕ ТОЛЬКО ДАЛ ТРЕЩИНУ, НО И НАЧАЛ КРОШИТЬСЯ

ИЗВЕСТИЯ

Речь Н. С. Хрущева

НАДЕЖДА МИЛЛИОНОВ

ПОЕЗДКА ПО США НАЧАЛАСЬ

CHICAGO SUN-TIMES

rushchev Bombshell: bolish Armies, Navies, War Staffs In Four Years

High Level Greetings

СССР И США МОГУТ И ДОЛЖНЫ ЖИТЬ В МИРЕ И ДРУЖБЕ

Встречи на американской земле

Пребывание Н. С. Хрущева в США

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА

Ответы Н. С. Хрущева

Н. С. ХРУЩЕВА

РАДЯНСЬКА УКРАЇНА

ЛЮДСТВО З НАДІЄЮ ЧЕКАЄ ПОВНОГО РОЗЗБРОЄННЯ

Америка приветствует высокого гостя

Казахстанская правда

n Diego Union HOME EDITION

Khrushchev Proposes Full Disarmament Plan

What Nikita Told

2 PAGES OF K PHOTOS

Sun-Telegraph

A Beaming K Sees the City

ILWU Cheers Nik During Surprise

The News

ЗДРАВСТВУЙТЕ ГОСПОДИН ХРУЩЕВ

QUIET 200,000 SEE K. COME TO TOWN

Giants to Third

San Francisco Chronicle FINAL

HERE -- CHEERED

10,000 Crowd Nob Hill To Welcome Khrushchev

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

СЧАСТЛИВОГО ПУТИ И УСПЕХА!

ПУСТЬ РАСТАЕТ ЛЕД «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»!

Предложение Советского Союза: ВСЕОБЩЕЕ И ПОЛНОЕ РАЗОРУЖЕНИЕ

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ДРУЖБА МЕЖДУ ВСЕМИ НАРОДАМИ МИРА!

The New York Times.

KHRUSHCHEV ON HIS WAY TO U.S. TO BEGIN TWO-WEEK TOUR TODAY; BRINGING MEMENTO OF MOON SHOT

СЕРДЕЧНАЯ ВСТРЕЧА

Речь Н. С. Хрущева

IOWA STATE DAILY

Обращение к господину Хрущеву

(To Mr. Khrushchev)

An Editorial

S.F. Puts Crush on K

Khrushchev Jovial Tourist

Even on Bay, a Crowd

Pittsburgh Post-Gazette

KHRUSCHEV PLEASES CROWDS HERE, AGAIN CALLS FOR PEACE

Throngs Jam Triangle for View Of Soviet Premier

Большое спасибо Вам, Никита Сергеевич!

МОСКВИЧИ ГОРЯЧО БЛАГОДАРЯТ ТОВАРИЩА Н. С. ХРУЩЕВА ЗА НЕУТОМИМУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА БЛАГО МИРА

ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА